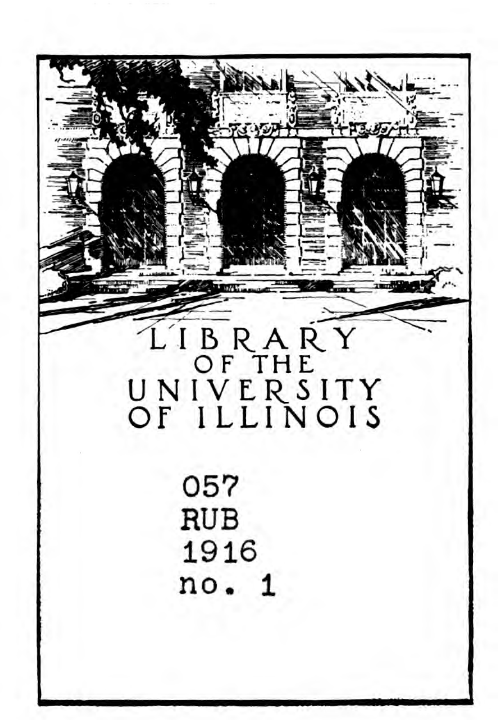

Русскія Записки

1916 г.

№ 1. ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 1 ЯНВАРЬ

Русскія Записки

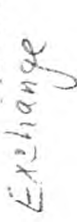
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗА ЗВѢРЯМИ.

I.

Поселокъ Дальній пріютился въ складкѣ сереброносныхъ горъ на берегу океанской губы.

Цѣлую недѣлю бушевалъ стокъ, намелъ снѣжные холмы, завалилъ бараки. Въ полуденномъ разсвѣтѣ четко темнѣютъ въ снѣгу верхушки крышъ, дымятся синимъ дымомъ трубы. Бѣло, пустынно, глухо. Острокаменныя горы доверху закруглились снѣгами, замерзла океанская губа. Ни одного чернаго пятна кругомъ, насколько видитъ глазъ: снѣгъ и снѣгъ; голубой, крѣпкій, какъ ледъ, или сыпучій, точно песокъ.

Управляющій рудниками, инженеръ Николай Аркадьевичъ Рогачовъ вышелъ на крыльцо дворянскаго барака. Морозный воздухъ перехватилъ теплое горло, ожегъ скулы и оледенилъ въ носу. Рогачовъ отфыркнулся и крикнулъ въ неопредѣленномъ направленіи, самъ не зная, гдѣ тотъ, кого онъ зоветъ:

— Скоро, Тихонъ?!

Молчаніе. Изъ бараковъ глухо доносятся неясные звуки: разговоръ; скрипъ мерзлаго дерева, подобный гусиному крику; чье-то сопѣнье вблизи. Рогачовъ оглядѣлся. Бѣлая пустыня замерзшей губы и увитыя снѣгомъ горы кругомъ... У-ухъ, какъ много снѣгу!

„Какъ куколки у-ви-ты-ыя"—вспомнились инженеру слова свадебной пѣсни. И съ раздраженіемъ онъ снова крикнулъ:

— Да гдѣ ты, Тихонъ?! Куда провалился!

Вмѣсто отвѣта за баракомъ послышался высокій теноръ самоѣда, Тихона Лагея. Текучимъ говоркомъ онъ сзывалъ собакъ:

— Ля-ля-ля-ля-ля!

Инженеръ сбѣжалъ по звонкимъ ступенямъ. Снѣгъ сердито скрипѣлъ подъ ногами, даже щекоталъ скрипомъ ноги: р-р-р! р-р-р! Морозъ снова прошелся по лицу ежовой рукавицей. Въ тоскѣ и раздраженіи отъ скрипа снѣга, морознаго воздуха, увитыхъ снѣгомъ горъ и призрачнаго разсвѣта Рогачовъ побѣжалъ за баракъ. Тамъ около саней съ кучей впряженныхъ собакъ стоялъ Тихонъ, держалъ на поводу передового кобеля и скликалъ остальныхъ. Еще три лямки свободны.

— Разбѣжались! Раньше надо ѣхать! Чего до полдня спишь?—сердито и отрывисто говорилъ Тихонъ, разбирая спутавшихся упряжками собакъ.

У Рогачова было желаніе прикрикнуть на самоѣда за грубость ,сказать, что онъ, инженеръ Рогачовъ, можетъ быть, и совсѣмъ даже не спалъ въ эту ночь отъ безсильной ревности, злобы и тоски. Но вмѣсто этого строго спросилъ:

— Что Мольку не впрягъ?

-- Молька больной лежитъ. Цынга.

Собаки повизгивали, копошились, свивали постромки, сцѣпились въ дракѣ. Тихонъ свалился въ собачью кучу, рычалъ, кряхтѣлъ, билъ драчуновъ кулакомъ по мордамъ, расталкивалъ колѣнями. Унявъ собакъ, онъ поднялъ голову и, кутая лицо паромъ дыханья, опять настойчиво закричалъ:

— Ля-ля-ля-ля! Аа—ихъ!

Прибѣгали поодиночкѣ собаки. Тихонъ хваталъ ихъ за шерсть и сердито совалъ головами въ хомуты. На послѣдняго кобеля замахнулся ногой и выругалъ по-самоѣдски за то, что дольше всѣхъ не приходилъ. Кобель виновато отстранился, прищурилъ глазъ и слегка прикрылся ухомъ. А когда опасность миновала,—облизнулся, затанцовалъ передними ногами и гавкнулъ полувоемъ, полулаемъ, выпуская изо рта клубки морознаго пара.

— Значитъ, ѣдемъ?—спросилъ Рогачовъ.

— Знама—ѣдемъ! Айда тащи.

Въ длинномъ коридорѣ барака Николай Аркадьевичъ встрѣтилъ доктора. Былъ онъ подобранъ, легокъ, летучъ въ походкѣ и отозвался Рогачову бѣлозубой, привѣтливой улыбкой.

— Ну, что, Коля, готово?

— Готово, Дима, ѣдемъ!

„Прощались“ — подумалъ Рогачовъ, холодѣя внутри:— „ужь я знаю эту крылатую походку влюбленныхъ“..

Острое чувство ревниваго оскорбленія обезсилило его и закружило голову, какъ приступъ тошноты. Но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, сдержанно и властно на ходу отдавалъ штейгеру послѣднія распоряженія: часть рабочихъ

поставить на малую шахту, откопать заносы и въ двѣ смѣны работать въ обѣихъ шахтахъ.

Десятникъ выносилъ провизію, спальные мѣшки, шкуры для чума. Торопился въ кухнѣ поваръ и, открывая въ коридоръ дверь, повелительно кричалъ десятнику:

— Эй, ты, распорядитель, пирожки не забудь! Похваталъ все, а безъ толку.

Въ отворенную дверь изъ кухни слышалось шипѣнье масла, звонъ сковородъ. Въ баракѣ становилось суетно и людно.

Рогачовъ зашелъ въ комнату жены, болѣзненно ощущая, что въ послѣднее время она съ каждымъ днемъ, даже какъ будто съ каждымъ часомъ становится красивѣе.

— До свиданья, Варя. Собрались...

— Такъ ты не долго,—плачущимъ голосомъ говоритъ она, оправляя поясъ на высокой таліи.

— Дней пять, не больше недѣли,—сказалъ мужъ, обнимая ея гибкое, точно совсѣмъ безкостое, тѣло.—Скоро пріѣдемъ! — бормоталъ онъ, чувствуя непреодолимое желаніе причинить женѣ боль.

— Такъ вы скорѣе. А то мнѣ скучно! Все одна, и сижу въ комнатѣ. Да не жми такъ, Коля... Ахъ, что ты!—вырвалась она съ недоумѣніемъ и страхомъ.—Даже дыханье перехватило. Развѣ можно такъ свою женку сжимать. Ну, прощай, будь здоровъ. Скорѣе пріѣзжайте. Дай, я благословлю тебя...

Провожали охотниковъ большой гурьбой. Всѣ закутаны и мохнаты. На прощанье оба, мужъ и докторъ, поцѣловали у Вари руку, которую она съ трудомъ высвободила изъ рукава малицы [1]). Докторъ на мгновенье задержался губами и Рогачовъ нетерпѣливо закричалъ:

— Ну, поѣхали. Нечего тутъ... прохлаждаться! И такъ запоздали!

— Коля! Дмитрій Степанычъ!—кричала Варя испуганнымъ голосомъ и бѣжала за санями.—Берегитесь, ради Бога! Слышишь, Коля? Дмитрій Степанычъ!.

Махнулъ съ крыльца бѣлымъ колпакомъ поваръ и, пронизанный насквозь морознымъ вѣтромъ, скорчился и юркнулъ въ дверь. Въ будкѣ завыла больная Молька. Затрубилъ полуденный рожокъ.

II.

Проѣхали мимо шахтъ. Все по склону горы завалилъ и сравнялъ снѣгъ. Счистить его—нужны сотни тысячъ людей.

---

[1]) Одежда изъ оленьихъ шкуръ,—шуба и шапка вмѣстѣ.

А рабочіе надъ шахтой — маленькіе черные жучки, роютъ маленькую нору въ бѣлой землѣ.

Межъ горами широкая ледниковая долина вглубь Новой Земли. Вдали сіяютъ отблесками зари снѣжныя вершины. Бокъ зеленый, розовый, желтый; прилегаютъ другъ къ другу разноцвѣтными боками, тѣмъ и раздѣляются. Меркнетъ заря.

Рогачовъ съ Тихономъ сидятъ въ саняхъ. Дмитрій Степанычъ бѣжитъ на лыжахъ. Онъ ловкій, молодой, сильный. Рогачовъ всегда имъ любовался: статуя Марка Аврелія. Даже малица не можетъ вполнѣ его обезобразить. На скатахъ онъ ловко скользитъ напряженный и стройный, точно летитъ.

Собаки тянутъ дружно. Въ гору почти ложатся отъ усилій, поскрипываютъ когтями по мерзлому насту. Десять пушистыхъ задовъ сбиваются хвостами въ плотную пачку. Тихонъ подгоняетъ утробнымъ, не злымъ и не добрымъ, не человѣчьимъ, а звѣринымъ голосомъ:

— Усь пыры! Ай пыррры!..

Въ гору собаки тявкаютъ въ одинъ голосъ тонкими дискантами (горло лямкой перетянуло), хватаютъ на ходу разгоряченными пастями снѣгъ. Подъ гору несутся съ разноголосымъ лаемъ. Крутится морозная пыль, засыпаетъ глаза. Вѣтеръ нестерпимо рѣжетъ лицо. И на остановкахъ оно горитъ, точно въ теплой избѣ.

Передовой Хаута—бѣлый съ черными пятнами, разноглазый кобель—работаетъ усердно. Сердито глядитъ по ряду правымъ бѣлымъ глазомъ, изрѣдка порыкиваетъ, недовольно скаля зубы. На перевалѣ остановился и припалъ задомъ на снѣгъ, вогнувъ спину. То же сдѣлали остальныя собаки. А когда тронулись, на синемъ снѣгу остались желтыя тиснёныя письмена.

Тасо затошнило—успѣлъ гдѣ-то сегодня нажраться. Тихонъ отстегнулъ его и пустилъ свободно. Тасо съѣлъ отрыгнутое и побѣжалъ догонять доктора, который мелькалъ темнымъ пятномъ въ потухающемъ свѣтѣ зари.

Какъ больной постоянно возвращается мыслью къ больному мѣсту, такъ и Рогачовъ, развлекаясь событіями пути, страдая, думалъ объ одномъ и томъ же.

Ну да, она должна любить Дмитрія Степаныча, она не можетъ не любить его. Тоска многомѣсячной ночи, бездѣлье, безлюдье. Вѣдь она совсѣмъ еще дѣвочка, три года, какъ вышла изъ института. Если онъ, Рогачовъ, любитъ доктора, любуется имъ, такъ какъ же она-то?

— Охъ, и зачѣмъ я взялъ ее на Новую Землю!—стономъ вырвалось у Рогачова. И то, что служило къ оправданію

жены, наиболѣе причиняло боль мужу, ибо убѣждало, что все самое худшее въ его жизни уже совершилось. Отъ приступа злобнаго безсилія и жалости къ себѣ онъ свалился ничкомъ въ сани, готовый рыдать и кричать, ибо душа болѣла нестерпимо. Только Тихона стѣснялся. Молчаливыя же слезы потекли изъ глазъ и смоченная борода примерзла къ рукаву малицы. Отдирая бороду отъ малицы, онъ развлекся и острый приступъ душевной боли прошелъ.

— А что, Тихонъ, можно отсюда теперь на материкъ пробраться?

Собаки бѣгутъ дружно, Тихонъ сталъ ласковый.

— Можна! Медвѣдь ходитъ, олень ходитъ,—можна!

— Ну, а человѣкъ можетъ?

— Человѣкъ не можна. Пропадетъ человѣкъ!..

Къ санямъ подкатился докторъ. Лица его почти не видно въ мѣховой оторочкѣ малицы. Издали кричитъ:

— Ты что, Коля, сидишь? Становись на лыжи. Ну, пойдемъ!

И въ голосѣ Дмитрія Степановича Рогачову слышится ласковое сожалѣніе: „Что же подѣлаешь, дорогой, когда это неизбѣжно? А я тебя, ей-Богу, люблю, самъ знаешь“...

Рогачовъ молча отвязалъ короткія самоѣдскія лыжи, подшитыя тюленьей кожей, вскинулъ на плечо ружье, положилъ въ карманъ пачку патроновъ и всталъ на лыжи. Чувства скользкой летучести, окрыленности охватили его при быстромъ бѣгѣ. За ними, тявкая, веселѣе неслись легкія собаки. За горой на собачій лай отвѣчали глухимъ лаемъ песцы.

III.

Отъѣхали верстъ тридцать вглубь Новой Земли. Выше горы, глуше долины.

Въ небѣ играли тусклые сполохи сіянія. Близко къ полночи по долинамъ облаками пошелъ иней, зашипѣлъ позёмокъ. Взошла луна и краснымъ текучимъ пятномъ просвѣчивала въ морозной мглѣ.

— Ночевать надо! — коротко сказалъ Тихонъ рѣзкимъ, застывшимъ голосомъ.—Собатьки устали, не тянутъ.

Подъ горой нашли тихое мѣсто. Только сверху сыпался пескомъ мелкій иней, да поземокъ сметалъ по сторонамъ снѣжные холмы. Скоро огородитъ высокими валами, будетъ совсѣмъ уютно.

Тихонъ развелъ огонь, поставилъ чайникъ со снѣгомъ. Раздуваемый сверху и со всѣхъ сторонъ, огонь крутился подъ чайникомъ и бросалъ на снѣжныя скалы багровыя свѣтотѣни. Уткнувшись хвостами въ снѣгъ, носами къ огню,

сидѣли у костра собаки; глаза ихъ пылали. Живые звуки огня, шипѣнье воды въ чайникѣ будили радостныя и молитвенныя чувства. Запахи огня, дыма, тающаго снѣга, развернутой провизіи волновали, и онѣ съ наслажденіемъ поводили оттаявшими носами.

Толстошеій, неповоротливый и мрачный Хаута легъ вдалекѣ, къ костру бокомъ, изрѣдка взглядывалъ на огонь черным глазомъ. Старый Нянбо положилъ близко къ огню, чтобы оттаяли, обледенѣлыя лапы, а голову отъ жары вздернулъ назадъ. Единственнымъ глазомъ онъ слѣдилъ внимательно за каждымъ движеніемъ людей, изрѣдка прислушивался вдаль, слегка приподнимая ухо. Насторожился, повелъ носомъ и гавкнулъ на горы, не открывая рта.

— Звѣрь ходитъ,—пояснилъ Тихонъ, морщась отъ дыма. И закрякалъ, точно селезень.

Слабосильный молодой Штурманъ жался къ людямъ, подкатывался къ Рогачову, повизгивая, чистилъ зубами лапы, вздыхалъ и чавкалъ пустымъ ртомъ. Ослабѣлъ, слегка стоналъ рыжій Чиновникъ,—помѣсь пойнтера съ водолазомъ. Попалъ онъ сюда случайно: захватили на улицѣ Архангельска собачники и въ партіи собакъ сбыли на Новую Землю. Въ его отвислыхъ губахъ, большихъ глазахъ, облѣзлой спинѣ было унылое отчаяніе. За это и прозвали его Чиновникомъ. Онъ умиралъ въ суровой обстановкѣ, и было удивительно, какъ выжилъ онъ ползимы.

Пили коньякъ, ѣли мерзлые пирожки, пили чай. Стыли быстро кружки съ чаемъ. Было весело у огня и хотѣлось поговорить о чемъ-нибудь вслухъ, чтобы уйти отъ общаго всѣмъ, собакамъ и людямъ, молчаливаго разговора о морозномъ поземкѣ, мутной мглѣ надъ ледяною страной, освѣщаемой вотъ уже два мѣсяца только луной, сѣвернымъ сіяніемъ, да полуденными зорями.

— Какъ ты себѣ жену добывалъ?—спрашиваетъ Тихона докторъ.

Тихонъ отвѣчаетъ съ неудовольствіемъ:

— Никакъ добывалъ. Вдова, я и женился.

— Хороша вдова! А кто ее вдовой сдѣлалъ?!. Мужа прошлой зимой кто застрѣлилъ на охотѣ?

Тихонъ совсѣмъ разсердился.

— Никто не стрѣлялъ! Мы у огня сидѣли... какъ теперь сидимъ. Я, братъ Филька, да Кузьма. Патронъ попалъ въ огонь, да какъ бахнетъ: пыххъ! Весь огонь разбросало. А ему въ спину. Тутъ прямо на мѣстѣ и померъ.

— Отчего ему въ спину попало, а не въ животъ и не въ грудь?—ехидно-весело спрашиваетъ докторъ.

Тихонъ крякаетъ. Рогачовъ заинтересовался:

— А я не слыхалъ. Да ну, Тихонъ, разскажи, какъ дѣло было! Небось, мы, братъ, не доносчики какіе...

— Зря болтаешь!—заваливая снѣгомъ догорающій костеръ, говоритъ самоѣдъ. Густой и ѣдкій парной дымъ на минуту кутаетъ всѣхъ. Фыркая и чихая, встаютъ собаки. И голосъ Тихона слышится глухо: „Онъ къ огню спиной лежалъ, погрѣться малость хотѣлъ. А патронъ—бахъ!“

— Безсудная земля!—вставая и потягиваясь, говоритъ докторъ.—Ну, что же, надо вздремнуть!

Рогачову почему-то стало спокойно, даже радостно. Ужь давно этого съ нимъ не случалось. Онъ почувствовалъ себя крылатымъ и сильнымъ.

— Давай, Дима, на ночь погрѣемся. Ну-ка, кто изъ насъ сильнѣе? Держись!

Минутъ пять, раскорячившись и ухвативъ другъ друга за кушаки, они топчутся по снѣгу, сгоняя съ належенныхъ мѣстъ собакъ. Снѣгъ пересыпается и хруститъ подъ ногами, какъ крахмалъ. Тѣсно свиваются около нихъ, тоже борются по сугробамъ неясныя тѣни. Наконецъ, запутавшись ногами въ снѣгу, докторъ валится на спину. Оба чувствуютъ, какъ разгорѣлось отъ движеній тѣло, и одежда ощущается на кожѣ легкимъ холодкомъ.

— Я думаю, Дима, этой ночи мы съ тобой всю жизнь не забудемъ. Ты—докторъ, я—инженеръ: выросли мы въ городахъ, въ роскошныхъ домахъ, а теперь ложимся спать подъ снѣжной горой, въ одну кучу съ собаками. И боролись... Запомни, Дима, что я тебя поборолъ!

— Да еслибы ты меня въ сугробъ не затолкалъ!

— Такъ не объ этомъ! А вотъ о томъ, что... Ты представь себѣ: полюсъ; ледяная заплѣшина земли; полугодовая ночь, мертвая пустыня. А въ пустынѣ этой мы съ тобой—культура. Въ насъ тысячелѣтія человѣческаго развитія: воля, идеи. Какая радость и гордость, Дима! Ты не чувствуешь въ эти минуты въ себѣ гордости? Чувства свободы и гордости?!.

— Я тебя понимаю... Главное, я очень радъ, что ты развеселился. А то мнѣ было тяжело. Я чувствовалъ, что ты не въ духѣ...

— Ахъ, не напоминай! То прошло... Это была слабость. А теперь я сильный. Я владыка надъ собой и надъ этой пустыней. Мы раскопаемъ здѣсь мерзлыя горы, достанемъ богатства и сюда хлынутъ капиталы, люди. Можетъ быть, черезъ десять лѣтъ здѣсь проведемъ желѣзнодорожное полотно. Тогда на этомъ вотъ мѣстѣ... Тихонъ, запомни это мѣсто!.. Подъ этой горой мы выстроимъ желѣзнодорожную станцію, назовемъ ее „Собачья постель“. Подойдетъ поѣздъ,

кондукторъ закричитъ: „Станція „Собачья постель", поѣздъ стоитъ пять минутъ!" А мы будемъ сидѣть въ роскошныхъ вагонахъ, любоваться полярнымъ небомъ, звѣздами, сѣвернымъ сіяніемъ... Ты, Господи, могучъ, великъ и прекрасенъ да и мы не плохи: земной шаръ мы въ кулакѣ сожмемъ... Не правда ли, Дима, хорошо?

Радостно-возбужденное состояніе Рогачова продолжалось и потомъ, когда ложились спать. Тихонъ поставилъ въ изголовье сани, сложилъ провизію, чтобы не растаскали псы, вынулъ спальные мѣшки, бросилъ на снѣгъ нѣсколько оленьихъ шкуръ. И всѣ вмѣстѣ, люди и собаки, улеглись тѣсной кучей, но долго не могли заснуть. Собаки спорили изъ-за мѣстъ и грызлись, лежа на людяхъ. Перекликались инженеръ съ докторомъ:

— Ты спишь, Дима?

— Нѣтъ, не сплю! А ты?

— И я не сплю.

Уснули, когда поземокъ закидалъ снѣгомъ и собакъ, и людей, намелъ надъ ними бѣлый холмъ. Собаки и люди видѣли одинаковые сны морозной, молчаливой и загадочной пустынности. Мутная луна обходила по низкому кругу замерзшую страну. И въ снѣжныхъ горахъ Новой Земли все было бѣло и глухо.

IV.

Спали недолго, часа четыре. Проснулись отъ холода и съ трудомъ поднялись изъ-подъ снѣга. Откапывали собакъ. Онѣ разоспались, ихъ надо было искать подъ снѣгомъ и расталкивать. Нѣкоторыя примерзли шерстью и сами не могли подняться,—приходилось помогать. Вставали съ комьями льда на шерсти, были со сна злы, визжали и безъ причины дрались.

Крѣпчалъ морозъ. Прояснялся день. Низкія облака неслись кровавыми клочками надъ пустынно-бѣлой землей. Край неба облака сплелись цѣпью, раздѣлены нѣжно-красной каймой. Такимъ нѣжнымъ цвѣтомъ обведены бываютъ пальцы сложенной ладони, если ее поставить противъ солнца. Духъ жизни дохнулъ надъ ледовитой пустыней. Близко былъ солнечный міръ. Ужъ два мѣсяца онъ томитъ здѣсь только цвѣтными зорями.

Собаки взяли оленій духъ, заводили поверху носами. Тихонъ насторожился, сдержалъ собакъ, а Рогачовъ съ докторомъ пошли на развѣдки.

— Такъ на вѣтеръ и идите!—училъ взволнованный близостью звѣрей Тихонъ. Рычалъ шопотомъ на собакъ, чтобы не скулили и не тявкали. „Это—олень ходитъ, ужь по со-

бакамъ видно, что олень,—обрадовались! Такъ все на вѣтеръ, а то вразъ услышитъ. Олень на носъ больно крѣпкой".

Докторъ, крадучись, скользилъ впереди на лыжахъ. За нимъ сторонкой бѣжалъ Рогачовъ. И оба съ напряженіемъ всматривались въ зелено-розовый разсвѣтъ. На свѣтлое небо увидѣли голову настороженнаго самца. Она поднялась изъ-за холма; ясно вычерченъ на небѣ тонкій іероглифъ вѣтвистыхъ роговъ. Охотники присѣли и долго совѣщались, какъ лучше подкрадываться. Сбросили лыжи. Рѣшили подходить къ оленямъ по долинѣ.

Шли, потомъ легли въ снѣгъ, поползли на четвереренькахъ. Рогачовъ, ползъ, какъ обезьяна, упираясь кистью лѣвой руки въ снѣгъ, а правой прижалъ къ груди ружье. Онъ съ наслажденіемъ сосалъ горячимъ ртомъ сосульки быстро замерзающей бороды, былъ въ напряженіи зрѣнія, слуха и всѣхъ чувствъ. И мысли его шли сразу въ двухъ ясныхъ направленіяхъ, и оба радостныя: одно,—гдѣ пасутся олени и какъ лучше и ближе къ нимъ подкрасться; другое,—въ сторону доктора, и о немъ онъ соображалъ умомъ яснымъ и разсчетливымъ.

„Если я отсюда выстрѣлю въ него — это будетъ безъ промаха и наповалъ. Сошлюсь на случай. На охотѣ все возможно... Черезъ семь мѣсяцевъ придетъ пароходъ. Будутъ судить... Оправда-а-ютъ! Всѣ знаютъ, что мы дружны, что я его любилъ и люблю"...

На мгновеніе Рогачовъ представилъ себѣ, какъ онъ прощается съ мертвымъ докторомъ: „Дима, прости! Это я нечаянно, дорогой. Прости!" Въ душѣ поднялась жалость къ себѣ и къ доктору. Онъ опомнился.

„Чортъ знаетъ, какія мысли приходятъ въ голову. Еслибы открыты были у насъ души и Дима могъ читать мои мысли?!. А кто его знаетъ, можетъ быть, у него есть тоже планы меня застрѣлить? Тогда ужь я буду лежать въ гробу, а они съ Варей будутъ надо мной плакать"...

Въ этой мысли было нестерпимо оскорбительное для Рогачова. Онъ, согнувшись, перебѣжалъ долинку и легъ въ снѣгъ. Олени видны ясно, ихъ пятеро: толстозадый быкъ и четыре коровы. Раскорячившись и высоко поднявъ рогастую голову, быкъ тревожно оглядывался и нюхалъ воздухъ. Изъ ноздрей бѣлыми струями вился морозный паръ. Онъ ходилъ вокругъ коровъ, сбивая ихъ въ кучу, а въ общемъ всѣ спускались по откосу на охотниковъ. Слышно, какъ потрескиваютъ въ снѣгу оленьи копытца. Въ движеніяхъ оленей птичья легкость: можетъ быть, если спугнуть—они вспорхнутъ и полетятъ надъ снѣжной пустыней?

Охотники лежали и выжидали. Стрѣлять—далеко, ползти

опасно:—увидятъ или услышатъ. Олени тоже легли, потомъ тревожно встали, должно быть, услышали далекій собачій лай, и пошли на охотниковъ. Дмитрій Степанычъ взглянулъ въ сторону Рогачова и взялъ на прицѣлъ ружье. Приготовился и Рогачовъ.

Инженеръ былъ въ возбужденіи чувствъ и мыслей о женѣ, оленяхъ, Димѣ. Но всѣ эти мысли и чувства были какъ бы частью одной большой мысли, одного чувства. Внутреннимъ зрѣніемъ инженеръ видѣлъ вокругъ себя на сотни верстъ мерзлую пустыню, одѣтую сумерками морознаго разсвѣта; снѣжныя горы; въ горахъ—дикіе олени, и онъ, инженеръ Рогачовъ, съ ружьемъ крадется къ этимъ оленямъ, тоже дикій и свободный звѣриной свободой. Онъ убьетъ или его убьютъ,—все возможно! Кто сильнѣе, тотъ и убьетъ...

Въ эти минуты Дима показался ему, *почувствовался* такимъ же вольнымъ, какъ и онъ самъ, какъ олени, звѣремъ, котораго можно убить, если нужно. А нужно.—несомнѣнно! Если его убить—все будетъ легко и хорошо въ жизни Рогачова.

Инженеръ уже не разсуждалъ словами. Въ душѣ тѣснились острыя, волнующія чувства пустынности кругомъ, сознаніе духовной свободы и тѣлесной силы. Онъ осторожно повернулся на бокъ, готовясь стрѣлять. Шеркотокъ снѣга непріятно рѣзнулъ слухъ.

— Какой звонкій снѣгъ!—прошепталъ онъ съ болѣзненной досадой, снова замирая въ недвижимости.

Олени шли по взгорью наискось, мимо охотниковъ, но все же къ нимъ приближались. Слѣдя за звѣрями ружьемъ и выжидая удобнаго поворота самца, Рогачовъ увидѣлъ близко отъ конца дула на снѣгу темную фигуру доктора. И съ замираніемъ сердца понялъ, что черезъ нѣсколько мгновеній произойдетъ непоправимое и ужасное.

Въ душѣ быстро пронеслось: но вѣдь онъ любитъ Диму! И такъ же быстро почувствовалось, что онъ любитъ и оленей, любуется горделивой походкой самца, женственными движеніями комолыхъ самокъ, но собирается убить. Кого,—неизвѣстно. Любого изъ любимыхъ!

Волненье выбора росло въ душѣ Рогачова: Диму или оленя? Глаза застилало слезой, выжатой волненьемъ и морозомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это безуміе! Этого нельзя дѣлать,—говорилъ онъ самъ себѣ.

— „Отчего нельзя?“—не словами, а смѣной острыхъ толчковъ чувства быстро спорило въ душѣ Рогачова:—„Нельзя, потому что это дурно... Это считается дурнымъ“.—„Ну, и пусть считается! А снѣжныя поля на сотни верстъ! А вокругъ

нихъ подъ покровомъ ночи черный океанъ качаетъ на волнахъ ледяныя горы, отдѣлилъ отъ всѣхъ, кто осуждаетъ. Фухъ, душно! Стрѣлять пора"...

И еще не зная, кого стрѣлять, Рогачовъ вытянулся съ ружьемъ по снѣгу, плотно прижался плечомъ и щекой къ холодной ложѣ и сталъ цѣлиться доктору въ голову. Была она темная и большая на бѣломъ снѣгу, слегка приподнялась надъ спиной, а мѣховой колпакъ малицы напоминалъ скуфью монаха.

— „Только бы не мимо"!—думалъ Рогачовъ, задерживая дыханіе и отыскивая костенѣющимъ на морозѣ пальцемъ собачку.—„Только бы не промахнуться".

Въ это мгновеніе докторъ самъ выстрѣлилъ, быстро собрался на снѣгу комочкомъ, вскочилъ и щелкнулъ затворомъ, вдвигая новый патронъ.

Клубокъ дыма на секунду загородилъ оленей. На Рогачова пахнуло удушливымъ запахомъ пороха и паленымъ волосомъ пыжа. Когда дымъ разсѣялся, увидѣли, что быкъ сѣлъ на заднія ноги и мотаетъ высоко поднятой вѣтвистой головой. Самки разскочились и съ недоумѣніемъ озираются. Рогачовъ тоже вскочилъ, выстрѣлилъ наугадъ, взялъ много выше оленей.

Въ свѣтломъ сумракѣ долины видно, какъ осѣла отъ выстрѣла большая снѣжная глыба. Со свистомъ, похожимъ на свистъ бури, снѣжная лавина хлынула въ долину, разсыпая потоки снѣжныхъ комьевъ, и обнажила черное пятно скалы, на которой висѣла.

Олени все еще оглядывались, не зная, куда безопаснѣе бѣжать. Шумы обвала и выстрѣловъ сбивали съ толку. Весь дрожа отъ волненія, Рогачовъ пробѣжалъ нѣсколько саженъ, остановился и прицѣлился въ самку, обернувшуюся къ нему свѣтлой подпалиной праваго бока. Выстрѣлъ раздался почти въ одинъ моментъ съ выстрѣломъ доктора. Самка упала подъ гору и перевернулась черезъ спину. Остальныя понеслись надъ бѣлымъ полемъ легкими, широкими скачками. Новые выстрѣлы. На бѣгу упала еще одна корова. Остальныя исчезли, какъ тѣни, въ бѣлой пустынѣ.

Вкладывая на бѣгу новые патроны, охотники бросились къ упавшимъ оленямъ. Самецъ грозно билъ по снѣгу передними ногами, пытаясь поднять отяжелѣвшій задъ. Переваливалъ его со стороны на сторону и волочилъ по снѣгу, оставляя кровавый слѣдъ.

— Постой, Дима, постой, я его...—стуча зубами, говорилъ Рогачовъ, цѣлясь оленю въ голову.

Выстрѣлъ громоподобно упалъ межъ горами и вернулся обратно цѣпью затихающихъ толчковъ. Олень рухнулъ на

снѣгъ всѣмъ тѣломъ, кряхтя, разѣвая парнóй ротъ и кусая снѣгъ. Вѣроятно, умирая, онъ мысленно ревѣлъ на весь Ледовитый океанъ.

Полъ-оленя скормили собакамъ. Рѣзали тонкими ломтиками и сами ѣли вздрагивающее живчиками мясо. Оно быстро стыло и хрустѣло на зубахъ ледкомъ замерзшей крови. Порыкивая другъ на друга, собаки жадно рвали мясо, облизывали заиндивѣвшія, выпачканныя кровью щеки и усы. Одного оленя взяли съ собой. Остальное зарыли подъ горой на обратный путь.

V.

На третій день охотники добрались въ поселокъ Моржовый. Пять домовъ разбросаны по отлогому берегу въ глубокихъ снѣгахъ; маленькая церковка. Послѣ морознаго молчанія горъ, ледниковъ и долинъ былъ привѣтливъ видъ населеннаго людьми мѣста. Пріятны удивленные голоса людей и собакъ, а дома многозвучно гудѣли живыми отзвуками. Ударилъ колоколъ, и музыка звона взволновала нѣжной радостью. Вспомнили, какъ о чемъ-то очень неожиданномъ, что сегодня воскресенье.

— Пойдемъ, Дима, въ церковь!—предложилъ Рогачовъ.— Какъ хорошо! Какъ давно я не былъ въ церкви. Лѣтъ пятнадцать! И вдругъ на Новой Землѣ...

Оба усталые, но возбужденные пошли въ церковку, оставивъ Тихона выпрягать и разнимать подравшихся на знакомствѣ собакъ. Полоса зари отдѣляла темное небо отъ бѣлой земли. Какъ пушечные выстрѣлы, неслись издали гулы океанскаго льда.

Въ холодной церкви, освѣщенной рѣдкими свѣчечками, было человѣкъ пять самоѣдовъ. Озябшимъ голосомъ читалъ молитвы и самъ пѣлъ старый іеромонахъ, присланный съ материка монастыремъ на послушаніе. Былъ онъ опухшій, полуслѣпой и жалкій. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ службы голосъ его становился твердымъ и властнымъ. А слова „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите" онъ произнесъ грозно, и глаза его заблестѣли отъ натуги. Самоѣды дружно повалились въ земномъ поклонѣ. Съ чувствомъ давно неиспытанной жути сдѣлалъ земной поклонъ и Рогачовъ. Въ словахъ молитвы, въ обстановкѣ церкви, въ голосѣ священника ему почувствовался властный приказъ милліоновъ людей, кои живутъ за ледянымъ океаномъ тѣсно другъ къ другу и въ тѣснотѣ своей строго различаютъ добро и зло.

Весь этотъ день былъ праздничнымъ для охотниковъ Они чувствовали здѣсь незримую, но живую, связь съ человѣческимъ міромъ. Остановились въ избѣ Павла Лагея.

Пришли къ нимъ гости, человѣкъ пятнадцать, взрослые и дѣти. Пришелъ іеромонахъ въ радостной надеждѣ много сказать образованнымъ людямъ и многое услышать, но конфузился и хихикалъ. А пьяный плакалъ и, вытянувъ трубкой слюнявыя губы, пѣлъ воющимъ басомъ: „Душе моя, душе моя, возстани, что спиши“. Рогачовъ и докторъ угощали всѣхъ ромомъ, сколько было, но только раздразнили. Самоѣды достали свѣтильнаго спирту, смѣшали съ вареньемъ, сгущеннымъ молокомъ, чтобы не было противно, и пили до опьяненія. Плясали самоѣдскія женки, кружили іеромонаха, а съ ними приладился въ весельи и Дмитрій Степанычъ. Моржовскіе самоѣды мѣнялись съ Тихономъ собаками, вводили ихъ въ комнату, щупали ноги, бока отворачивали губы. Отъ жары собаки вываливали языки, щурились на свѣтъ и съ отвращеніемъ прятали морды, избѣгая спиртного дыханія людей.

Гости расползались, обнявшись по двое, и въ одиночку—на четвереньках. Мужья перемѣшались женами. Вокругъ избы ревѣли они какія-то пустынныя пѣсни, тыкались снаружи въ стекла. За черными окнами тревожно мелькали безсмысленныя, расплюснутыя о стекло лица.

Охотники и хозяева легли вповалку на полу. Шатаясь и бурча подъ носъ, хозяинъ завелъ грамофонъ. Игралъ марши, потомъ положилъ неистертую, вѣроятно, неинтересную пластинку: „Ave Maria“. И заснулъ около инструмента. Спалъ и докторъ. Рогачовъ слушалъ.

Никогда никакая музыка не производила на Рогачова такого чарующаго впечатлѣнія, какъ въ тотъ часъ, въ поселкѣ Моржовомъ, на Новой Землѣ священная пѣсня, наигранная грамофономъ. Онъ приподнялся на локтѣ и со слезами восторга слушалъ нѣжный, мучительно-радостный напѣвъ.

Какая противоположность грубому и грязному окружающему! Тысячелѣтія человѣческихъ страданій, борьбы, съ рѣдкими проблесками любви, радости, восторга передъ прекраснымъ. И прекрасное запечатлѣлось въ этомъ чарующемъ пѣснопѣніи. Божественная чистая радость, сладостный восторгъ и неизъяснимая любовь... Они съ Димой понимаютъ въ этомъ другъ друга, они—наслѣдники этого богатства. Оно заложено у нихъ въ душѣ, въ каждой жилкѣ тѣла, въ каждомъ волоскѣ, унаслѣдованномъ отъ предковъ. Вспомнилъ, какъ хотѣлъ стрѣлять въ доктора, и ужаснулся.

— Боже, что я хотѣлъ сдѣлать? И изъ-за кого?! Вѣдь я же самъ ее презираю! Она лживая, чувственная, любитъ только минуты остраго наслажденія съ мужчиной. А *этого*

вотъ она не понимаетъ и не пойметъ никогда. Это — *наше* съ Димой. Да, да, милый, дорогой, прости!".

Онъ любовно оглядѣлъ доктора, какъ тотъ спитъ. Плечо обнажилось, а холодно, дуетъ изъ двери. На стѣнахъ и по угламъ въ пазахъ наросли морозные зайчики. Рогачовъ одѣлъ Димѣ теплѣе плечо, чтобы не простудился. Всталъ, переложилъ иголку грамофона снова къ началу и вышелъ на крыльцо, радостно слушая за дверью придушенный, но все же прекрасный напѣвъ:

„Ты преблага-ая, Ты пресвятая!"...

Ясная звѣздная ночь. Во все небо полыхали цвѣтныя полотна сѣверныхъ сіяній. Ревѣлъ вдалекѣ океанъ, выдвигая прибоемъ на берега льдины. Пораженный по новому красотой и величіемъ неба и земли, Рогачовъ такъ близко, такъ явственно почувствовалъ, что онъ, какъ въ дѣтствѣ, вѣритъ въ Бога, ощущаетъ его въ ледяномъ дуновеніи вѣтра, въ безшумныхъ сполохахъ сіянія и въ своей, внезапно пробужденной прекраснымъ напѣвомъ, любви к людямъ.

„Господи, вѣрую, вѣрую! Дима, прости меня, Дима!".

Подходилъ ласковый Штурманъ и лизалъ руку, а морозъ леденилъ облизанное мѣсто. Рогачовъ полной грудью вдыхалъ тридцатиградусный воздухъ и чувствовалъ, какъ холодная свѣжесть проникаетъ все тѣло.

„Милая Варя, я и на тебя не сержусь. Ты — маленькая женщина, и тебѣ недоступны такія радости. Какъ ничтожно, что я на тебя сердился, на Диму сердился; даже хотѣлъ убить! Боже, какъ это ничтожно и съ какой безмѣрной высоты смотрю я отсюда на свои вчерашнія мысли, чувства, поступки!

Въ избѣ Павелъ лежалъ на столѣ и спалъ. Остановился грамофонъ. И обстановка грязной самоѣдской избы, свѣтъ гаснущей лампы, чадный воздухъ съ запахомъ спиртного перегара и ворвани—были унизительны и внушали отвращеніе.

„Ничего, ничего, все это вздоръ. Скорѣе бы прошла ночь. Снова вернуться къ Варѣ, къ работѣ. Теперь все по новому. Да, да!".

VI

Предполагали на другой день выѣхать изъ Моржоваго, но съ похмелья былъ боленъ и золъ Тихонъ, издыхалъ Чиновникъ; нужно починить упряжь, дать отдохнуть собакамъ. Причины для отсрочки нашлись, ибо не хотѣлось такъ скоро покидать обжитое людьми мѣсто. Жили въ поселкѣ вторыя сутки. Рогачовъ въ размягченномъ состояніи

бездѣлья, кротости и любви къ людямъ; докторъ—дѣловито-веселый, вникалъ въ подробности жизни и возбуждалъ расположеніе стариковъ, бабъ и дѣтей. Нашлись больные, приходили къ доктору лечиться. А у кого не было болѣзней, лечились въ запасъ, потому что знали, что болѣзни придутъ, и жалко было не воспользоваться услугами веселаго и привѣтливаго человѣка.

На второе утро выѣхали. Суровое молчаніе ледяной пустыни снова охватило всѣхъ, людей и собакъ, и разъединило. Издохъ Чиновникъ; бредетъ больной за санями Штурманъ. Остальныя восемь собакъ работаютъ сосредоточенно и рѣдко лаютъ. Озабоченъ Тихонъ, кричитъ на собакъ пустыннымъ голосомъ. Кричитъ не потому, что плохо везутъ. Въ крикѣ Тихона былъ безсловный разговоръ о томъ, что морозенъ воздухъ, а кругомъ мерзлая пустыня; что бѣлый снѣгъ и темная ночь одѣли землю; что человѣкъ и звѣрь въ безграничной пустынѣ ходятъ другъ за другомъ по четкимъ слѣдамъ, ищутъ другъ друга и боятся, боятся и ищутъ. Нерпа плаваетъ въ водѣ; за ней гонятся тюлень и моржъ; за тюленемъ и моржомъ крадется медвѣдь; за медвѣдемъ—песецъ; за псецомъ—пеструшка; за пеструшкой — сова. Одинъ другого ѣстъ, одинъ отъ другого кормится. Легкой поступью бродятъ чуткія стада оленей; за ними, нюхая слѣды, крадутся медвѣди и лисицы; а медвѣжьи слѣды топчетъ человѣкъ. Ходятъ другъ за другомъ четкими слѣдами, ищутъ другъ друга и боятся; тянутся длинной цѣпью, звенья которой — смерть и жизнь, смерть и жизнь...

— Ай пырррь! Усь пырррь!

И еще о многомъ говорилъ пустыннымъ крикомъ Тихонъ, говорилъ самому себѣ, собакамъ и всѣмъ, кто слышалъ. Что тюлени и моржи черны въ черной ночной океанской водѣ, а медвѣди, олени, песцы и совы бѣлы въ снѣжной пустынѣ; но изъ воды на землю, съ земли снова въ воду тянется непрерывная цѣпь изъ колецъ: смерть и жизнь, смерть и жизнь... Только не было человѣческихъ словъ, чтобы все это разсказать.

Охотники плутали въ кружевѣ замерзшихъ заливовъ. Огибали горы, пересѣкали губы, острова. Съ открытаго океана къ оленьимъ пастбищамъ здѣсь пролегаютъ медвѣжьи тропы, — можно встрѣтить медвѣдя, подстрѣлить у берега отдыхающаго моржа. Инженеръ и докторъ расходились вокругъ островахъ, сходились у намѣченныхъ холмовъ. Сошлись разъ, сошлись два, на третій разъ докторъ пропалъ. Рогачовъ съ Тихономъ варили кашицу, ѣли и пили, накормили собакъ, — доктора не было. Стрѣляли и

долго слушали, какъ слетались къ нимъ со всѣхъ сторонъ, точно испуганные голуби въ голубятню, затихающіе отзвуки мерзлыхъ горъ. Ждали отвѣтнаго выстрѣла. Ужь близко къ полночи, когда взошла луна, Тихонъ пошелъ на розыски, но скоро вернулся: съ океана надвинулся туманъ; безполезно ходить, — ничего не видно, и самому можно заплутаться. Такъ сидѣли они въ призрачномъ кругѣ свѣтлаго тумана, ждали. Поставили чумъ,—придется здѣсь задержаться.

— Ну, гдѣ же онъ можетъ быть, Тихонъ?—съ тревогой и тайной надеждой спрашивалъ самоѣда инженеръ въ третій и пятый разъ. — Можетъ, въ ледниковую трещину упалъ?

— Можетъ, и упалъ,—спокойно и сурово отвѣчалъ Тихонъ.

— Можетъ, въ воду провалился?

— И то можетъ...

— Можетъ, его медвѣдь заломалъ?

— Нѣтъ, медвѣдь нынѣ сытой, не тронетъ.

— Ну, какъ по твоему, гдѣ же онъ?

— Не хорошо говорить,—сердито крякалъ Тихонъ.— Богъ знаетъ...

— Стрѣляй, Тихонъ!

— Ну, ну, буду трѣлить, — примиренно соглашался Тихонъ.—Спи, поди.

Въ кучѣ собакъ Рогачовъ лежалъ въ чумѣ возбужденный и горячій. Сегодня въ его душѣ неотступно возникаетъ картина: солнечный вечеръ на берегу Волги, фіолетовыя дали. Сосновая порубка; срѣзы пней въ зелени, какъ желтыя солнца; сырые ароматы лѣса и травъ, звонъ вечернихъ сосенъ. По лѣсу звенятъ голоса и смѣхъ знакомыхъ, а они съ Варей вдвоемъ стоятъ у пахучаго можжевеловаго куста. Отъ жары и усталости (на гору поднимались) у Вари потекла изъ носа кровь. Она закинула назадъ голову (скорѣе перестанетъ), а Рогачовъ поддерживаетъ Варю, и на его ладони лежитъ Варина голова. Завитокъ шелковистыхъ волосъ жжетъ ему руку. У него самого кружится голова,— такъ близка матовая щека Вари, большой синій глазъ, полураскрытый ротъ... Былъ онъ съ женщинами робокъ и стыдливъ, но въ тотъ мигъ исчезла преграда между нимъ и Варей, и въ блаженномъ безпамятствѣ онъ приникъ къ ея рту. „Милый, я васъ закровяню",—говоритъ она въ счастливомъ испугѣ:—„Смотрите, вотъ на лацканѣ у васъ кровь... *Моя* кровь. Дайте, я вытру. Ахъ, какой стыдъ!" И кончикомъ носового платка хочетъ вытереть красное пятнышко

на шелковомъ пиджакѣ... Звоны сосенъ и голосовъ, Варино лицо съ синими сіяющими глазами...

— Охъ!—со стономъ вскочилъ Рогачовъ. Завозились потревоженныя собаки. Отъ разопрѣвшихъ собачьихъ тѣлъ густо пахло пряной псиной и желѣзомъ тающаго снѣга.— Но, можетъ быть, онъ не вернется?! Боже, можетъ быть, онъ тамъ умретъ?!—въ радостномъ отчаяніи уже ясными словами мысленно молился Рогачовъ.—Господи, сдѣлай такъ, чтобы онъ не вернулся и погибъ... Варя, я люблю тебя, я никому тебя не отдамъ!

Въ счастливомъ возбужденіи онъ пѣлъ пѣсни, обнималъ собакъ, шутилъ съ Тихономъ, но потомъ снова озабоченно приказывалъ:

— Стрѣляй, Тихонъ, стрѣляй еще разъ. Послушаемъ, не отзовется ли гдѣ.

Ужь и луна закатилась. Тяжелый мракъ придавилъ океанъ и землю. Рогачовъ и Тихонъ сидѣли молча, каждый въ своихъ думахъ, чутко прислушивались. Изрѣдка чудились имъ звуки выстрѣловъ, но ужь не довѣряли утомленному тишиной слуху. Сидѣли и ждали полуденнаго разсвѣта, когда можно будетъ искать по слѣдамъ. Вдругъ съ лаемъ бросились къ горамъ чуткія собаки. Рогачовъ побѣжалъ за ними. Слышно, что собаки столпились въ одномъ мѣстѣ и привѣтливо повизгиваютъ. Кто-то стоялъ, раскорячившись, и опирался подмышками на лыжи, воткнутыя въ снѣгъ. Былъ это докторъ, но на крики Рогачова и Тихона не отвѣчалъ, стоялъ молчаливо и неподвижно.

— Дима, ты живой?—подбѣгая, спросилъ Рогачовъ, заглядывая доктору въ лицо.

— Должно быть, живой,—прохрипѣлъ онъ, силясь раскрыть окаменѣвшій ротъ. Вели его съ Тихономъ подъ руки до чума, дали коньяку. Докторъ упалъ въ чумѣ на шкуры, повялъ всѣми членами, приникъ къ землѣ, точно выброшенный на берегъ слизнякъ. Подходили и нюхали его собаки. Спалъ онъ до слѣдующей ночи. Жгли костеръ, укрывали соннаго, опасались, что замерзнетъ. Рогачовъ снова затосковалъ.

VII.

Простояли двое сутокъ, пока докторъ оправился. Какъ заплутался, разсказать онъ хорошенько не могъ. Ходилъ, искалъ, пошелъ какой-то долиной, кружилъ по горамъ, разстрѣлялъ всѣ патроны; провелъ на ногахъ болѣе восемнадцати часовъ и нечего было ѣсть. Не ложился, зналъ, что если ляжетъ въ пустынѣ—смерть. Тамъ, гдѣ нашли

его Рогачовъ съ Тихономъ, онъ остановился въ полномъ безсиліи и, чтобы не упасть, оперся на лыжи.

Выѣхали дальше въ ясную полночь. Ярко свѣтила низкая луна, подобная солнцу. Надъ океаномъ дали прозрачны и безграничны; со стороны земли поднимались бѣлыя горы, четко рисовались на синемъ небѣ. У-ухъ, какіе прекрасные мертвецы! Былъ недвижимъ воздухъ.

Медвѣдя замѣтили край острова. Вѣроятно, онъ нырялъ въ трещину за тюленемъ, не поймалъ, вынырнулъ и отряхнулся. Въ лунномъ свѣтѣ морозная пыль вспыхнула надъ нимъ радужнымъ пятномъ.

Завизжали и рванулись по звѣрю собаки вмѣстѣ съ санями и Тихономъ. Безъ словъ понимая другъ друга, бросились на лыжахъ въ разныя стороны Дмитрій Степановичъ и Рогачовъ: докторъ—по заливу, чтобы спугнуть медвѣдя къ землѣ и отрѣзать ему ходъ въ океанъ; инженеръ—вдоль острова напрямки, по долинѣ. Барахтался въ снѣгу и рычалъ Тихонъ, сдерживая свору: разбѣгутся и не собрать потомъ упряжку.

Рогачевъ бѣжалъ на лыжахъ, легкій и окрыленный. Кровь хлынула ему въ голову, туманила глаза. Въ напряженномъ тѣлѣ чувствовался безграничный запасъ силъ. „Ну, еще наддай быстрѣе!“ говорилъ онъ самъ себѣ, и будто легче становилось тѣло. Ужь не чувствовалась въ рукахъ тяжесть ружья, а ноги пружились въ быстромъ бѣгѣ безъ устали, странныя,—свои и чужія. Свои, потому что онъ могъ ими управлять; чужія, потому что не было въ нихъ усталости. Разъ-два, разъ-два! Съ легкимъ свистомъ рѣжутъ лыжи снѣжный настъ. Долина пошла скатомъ. Быстрѣе скользятъ лыжи, свиститъ въ ушахъ вѣтеръ, завивается вихремъ въ лицо снѣжная пыль, рѣжетъ горящія щеки. По крутому скату инженеръ птицей вылетѣлъ изъ-за гребня на площадку. Открылась широкая, сверкающая подъ луной равнина занесенной снѣгомъ мерзлой губы и откатаго берега. Тамъ онъ увидѣлъ доктора...

Онъ увидѣлъ прежде всего именно Диму, а не медвѣдя. Дима бѣжалъ на лыжахъ—маленькій темный крючечекъ на бѣломъ снѣгу, скользила темная тѣнь на бѣлой стѣнѣ пустыни. Какъ медленно онъ ползетъ! Версты двѣ до него будетъ.

Потомъ Рогачовъ увидѣлъ и медвѣдя. Медвѣдь былъ ближе Димы, нѣсколько впереди, шелъ по равнинѣ размѣреннымъ скокомъ. Впрочемъ, и трудно было замѣтить его: бѣлый, облитой серебристымъ свѣтомъ, былъ онъ почти невидимъ на сверкающемъ снѣгу. Съ возвышенья видна была только его тѣнь; онъ бѣжалъ, а тѣнь металась подъ

нимъ чернымъ пятномъ. Бѣжалъ онъ увѣренно и прямо къ горамъ, въ глубокое ущелье. Надо взять лѣвѣе, на перерѣзъ медвѣдю.

„Ну, наддай еще!“ точно кому-то другому, говорилъ мысленно самъ себѣ инженеръ. „На триста метровъ буду стрѣлять“, думалъ онъ возбужденный, нащупывая пластинку прицѣла и передвигая ее по памяти на триста метровъ. „Какъ ярко сегодня свѣтитъ луна! А, можетъ быть, это солнце, а не луна? Полярное зимнее солнце! Нѣтъ, это должна быть луна, а не солнце. Но я уже забылъ, какое солнце, я его давно не видѣлъ и, можетъ быть, оно совсѣмъ исчезло въ мірѣ, потухл о, и надъ мерзлой Землей отнынѣ и до вѣка будетъ свѣтить Луна. Ну, что же, пожалуй, жить можно и съ такимъ свѣтомъ. Небо синее, горы сіяютъ снѣгами, видно за десятки верстъ... Вонъ изъ-за горы выглядываетъ далекая бѣлая верхушка. Это наша гора, подъ ней—поселокъ... Варя ждетъ насъ... И меня, и Диму... Ну наддай еще, наддай!..“

Медвѣдю надо проскользнуть въ горы по отлогому пролету въ скалистыхъ берегахъ,—единственный проходъ, гдѣ онъ можетъ выбраться свободно. На нѣсколько секундъ онъ пріостановилъ размѣренный скокъ, оглядѣлся, быстро прикинулъ звѣринымъ умомъ разстояніе, прислушался къ визгу и лаю собакъ назади, и снова закачалась его толстозадая, темная тѣнь. Онъ слегка повернулъ въ сторону Рогачова. Сталъ виденъ его затѣненный бокъ; серебрилась въ лунномъ свѣтѣ бѣлая заиндивѣвшая спина. Путь Рогачова скатомъ къ медвѣдю и короче.

Обѣгая звѣря справа, докторъ всталъ за нимъ почти на одной линіи. „Если стрѣлять въ медвѣдя, можно попасть въ Диму“, думаетъ инженеръ, мѣряя глазами разстояніе. „Нѣтъ, далеко, буду стрѣлять не дальше трехсотъ метровъ... Ну-ка, еще наддай“.

Медвѣдь повернулъ на Рогачова слегка, а докторъ круто взялъ на перерѣзъ, къ тому же пролету, куда бѣжалъ медвѣдь. И всѣ трое—два человѣка и звѣрь—въ молчаливомъ напряженномъ бѣгѣ устремились къ одному мѣсту,—кто кого опередитъ?

„Ну, наддай еще!“ Становилось жарко отъ быстраго бѣга. Горѣло лицо, вспотѣла подъ малицей шея. Точно корявымъ хворостомъ заплело сосульками ротъ, и въ носу обледенѣло,—трудно дышать. Но некогда останавливаться. „Теперь или никогда, теперь или никогда“, сверлили въ мозгу Рогачова три слова: „Теперь или никогда... Луна или солнце? Свѣтитъ ли гдѣ-нибудь теперь солнце? Въ тотъ вечеръ на Волгѣ

оно было желтое, теплое, большое; пахло можжевеловой хвоей... „Милый мой, я васъ закровянила. Вотъ у васъ моя кровь“. И синій глазъ, и полуоткрытый ротъ... Охъ, Боже!“

Хряснула древесина лѣвой лыжи, и Рогачовъ рухнулъ въ снѣгъ. Пушистымъ холоднымъ дождемъ окатилось лицо, попало за шею. Онъ барахтался, сбрасывая съ ноги изломанную лыжу. Дрожало отъ нетерпѣнья все тѣло. „Боже мой, все пропало! Гдѣ медвѣдь? Гдѣ Дима? Теперь или никогда“... Трудно было растегнуть мерзлую пряжку. Бросилъ въ горящій и сухой ротъ кусокъ снѣга. Былъ онъ на вкусъ желѣзистъ и горекъ; ударило въ носъ запахомъ фосфорныхъ спичекъ. Выплюнулъ обледенѣвшіе остатки, сбросилъ съ ноги лыжу и оглядѣлся.

Медвѣдь былъ далеко. Тающимъ серебристымъ пятномъ онъ поднимался на берегъ. За то Дима бѣжалъ близко: онъ былъ уже между Рогачовымъ и медвѣдемъ. Все существо Рогачова загорѣлось однимъ яркимъ нестерпимо жгучимъ чувствомъ, которое раньше трусливо пряталось въ глубинѣ души. Сердце толкнулось и упало въ груди, точно камень въ мѣшокъ, и замерло въ болѣзненномъ ужасѣ.

„Триста метровъ,—не больше...“ Инженеръ сѣлъ удобнѣе въ снѣжномъ пескѣ, мелькомъ взглянулъ на прицѣлъ. Лунный свѣтъ огненными чертами обвелъ на пластинкѣ тисненую цифру „300“. Вскинувъ ружье къ плечу, онъ четко прицѣлился и выстрѣлилъ...

Кажется, выстрѣлилъ?! Странно, что онъ не слышалъ звука своего выстрѣла, помнитъ только отзвуки горъ. Докторъ остановился въ бѣгѣ и свернулся на снѣгу комочкомъ.

Успокоенный, даже какъ бы сразу озябшій, Рогачовъ вскочилъ, споткнулся о правую лыжу. Некогда было ее отстегнуть, покатился на одной, подталкиваясь свободной ногой.

„Можетъ быть, онъ что-нибудь на ногахъ поправляетъ? сейчасъ вскочитъ и побѣжитъ дальше,“—затеплилась въ душѣ Рогачова смутная надежда. Такъ бываетъ въ нестерпимыхъ кошмарныхъ снахъ, когда хочется вернуться къ дѣйствительности. „Нѣтъ, этого не можетъ быть, это—сонъ!“ Дѣлаешь усилія, просыпаешься, и отлетаютъ кошмарныя видѣнія. Но теперь ничто не мѣнялось и съ каждымъ мгновеніемъ болѣе пугало. Докторъ лежитъ на локтѣ, вытянувшись по снѣгу, что-то шаритъ рукой въ одеждѣ. Съ громкимъ лаемъ несутся вдали собаки. Сверкаетъ осіянная луной равнина и бѣлыя горы все тѣ же. Проклятая бѣлая пустыня! Въ ужасѣ, охватившемъ внезапно, и въ отчаяніи Рогачовъ закричалъ, подбѣгая къ доктору:

— Дима!..

— Тутъ у меня... въ карманѣ бинтъ лежитъ,—говорилъ, покряхтывая, докторъ.—Достань, пожалуйста, мнѣ трудно.

— Дима! Пойми, Дима!..

— Ничего, Коля, ничего, голубчикъ, понимаю. Это ты по ошибкѣ. Достань-ка, помоги.

Молча, Рогачовъ досталъ бинтъ. Подъѣхалъ Тихонъ на лающихъ по медвѣжьему слѣду собакахъ.

— Что тутъ?—спросилъ съ испугомъ самоѣдъ, но, оглядѣвшись, сразу что-то понялъ, замолчалъ, сталъ исполнять краткія и рѣзкія приказанія инженера.

— Давай постели! Вынь мою сумку! Разведи огонь! Да уйми собакъ, ну ихъ къ чорту!

Собаки выли и лаяли, вытягивая морды вслѣдъ звѣрю. Сидѣли въ хомутахъ, сбившись нетерпѣливой кучей, смотрѣли всѣ въ одну сторону, точно все еще видѣли гдѣ-то вдали, на бѣломъ снѣгу развалистый, густошерстый медвѣжій задъ. Тихонъ выбросилъ на снѣгъ шкуры, развелъ огонь. Успокоились собаки.

— Понимаешь, Тихонъ, какое счастье!—возбужденно говорилъ докторъ, обматывая бинтомъ колѣно.—Ошибся, не ту пачку патроновъ вложилъ: вмѣсто разрывныхъ простыя пули подвернулись. И какъ это ружье у меня упало,—понять не могу! Споткнулся я, ружье перекинулось впередъ, ударилось, да какъ бахнетъ! Обожгло мнѣ колѣно, упалъ я, ничего сначала понять не могу... А, Коля, какое счастье, что я ошибся въ патронахъ! Положи я разрывныя,—быть бы мнѣ безъ ноги... И какъ это медвѣдь отъ насъ ушелъ? Что же ты, Коля, не стрѣлялъ? Мнѣ показалось,—одну минуту къ тебѣ совсѣмъ было близко. А крупный былъ дядя! Старикъ! Ну ничего, застрѣлимъ другого. Да не тужи, Коля застрѣлимъ вѣдь!.. Дай руку, Коля!

Докторъ протянулъ инженеру руку. Со стономъ протянулъ ему отвѣтно свою Рогачовъ.

Почти сутки тянулись на усталыхъ собакахъ до поселка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рогачовъ съ Тихономъ сами впрягались на помощь собакамъ, вытаскивали сани. На взгорокъ къ поселку было невозможно ѣхать, побѣжалъ за рабочими и потревожилъ всѣхъ въ Дальнемъ Тихонъ. Доктора несли на рукахъ. Минутами онъ бредилъ и тогда говорилъ безсвязныя слова о пустынѣ, медвѣдяхъ и оленяхъ. Въ теплѣ очнулся, показывалъ, какъ надо перевязать и что дѣлать съ обмороженными пальцами. И на разспросы,— какъ случилось, — по прежнему объяснялъ своей небрежностью.

С. Кондурушкинъ.

АЗІЯ.

I.

Въ саду консульской дачи зацвѣли первыя розы. Раньше всѣхъ другихъ садовъ. Не мудрено. Кто же, кромѣ консульши, можетъ выбросить на одинъ садъ больше четырехъ тысячъ въ годъ?..

Не всякой старой дѣвѣ такъ повезетъ. Въ тридцатилѣтнемъ слишкомъ возрастѣ, въ закоренѣломъ ужь состояніи институтской классной дамы получить солидное наслѣдство отъ во-время умершей тетушки, тутъ же, долго не медля, выйти замужъ за красавца и молодца Анатолія Лихачева, подающаго надежды дипломата, и, попавъ съ нимъ въ Персію, имѣть такую широкую возможность культивировать пришедшую вмѣстѣ съ богатствомъ и положеніемъ манію поздняго величія... Это-ли не счастье?..

Цвѣтутъ розы. Съ утра блѣдные, пыльные отъ росы, кусты убираются скромными стрѣльчатыми бутонами. Къ полудню солнце разогрѣваетъ ихъ; тихо разворачиваются нѣжные шелковистые цвѣты, тонкій запахъ наливаетъ садъ. На закатѣ темно-краснымъ огнемъ пылаютъ отяжелѣвшіе кусты; не видно зелени; безстыдно развалились воспаленные пунцовые лепестки, открывая золото тычинокъ. Сладкій, густой, какъ дымъ, ароматъ стелется подъ деревьями.

Съ утра консульша дѣловито обходитъ садъ. Въ капотѣ, съ яркимъ фуляромъ на сине-черныхъ волосахъ. Она крупна, ширококоста, некрасива. Но многіе находятъ ее интересной—она умѣетъ „казаться". У нея тонкія губы и острые глаза на пергаментно-желтомъ лицѣ, властный голосъ. Она не скрываетъ ни своей плоской груди, ни большихъ ногъ— носитъ короткія юбки и смѣло обтянутые узкіе лифа.

Ее зовутъ Римма—одно изъ тѣхъ трехъ именъ, съ которыми не такъ давно случился довольно странный анекдотъ. Вышло по какимъ-то изслѣдованіямъ, что это имена

мужскія и женскими до сей поры считались по недоразумѣнію... Но Римма Павловна не пожелала мѣнять своего имени—была горда собой и всѣмъ, что ея...

Съ Риммой Павловной въ саду Алексеръ — садовникъ, добрый духъ всѣхъ красотъ и всѣхъ благоуханій. Онъ не спускаетъ съ ханумъ [1]) грустныхъ вишневыхъ глазъ, почтительно слушаетъ указанія, прикладывая къ груди сухіе пальцы, съ оранжевыми, свѣже покрашенными ногтями. Завтра онъ сдѣлаетъ по-своему, какъ разъ наоборотъ.

У консульши въ рукахъ ножницы. Сегодня five o'clock, нужно много розъ на большой столъ. Мягко падаютъ въ плетеную корзиночку крупные пухлые цвѣты.

— Maman...

— Бэби, ты?

Изъ-подъ рѣзного свода дубовой аллеи появляется мальчикъ, старшій четырнадцатилѣтній сынъ консульши Борисъ Онъ въ рейтузахъ, въ англійскомъ пиджачкѣ, въ перчаткахъ. Склонивъ густо напомаженую черноволосую голову (безъ шляпы, по послѣдней модѣ), онъ быстро цѣлуетъ руку матери.

— Ты ѣдешь верхомъ, Бэби?

— Да, maman.

— Только, пожалуйста, не одинъ, съ Василіемъ.

— Конечно, maman.

Консульша медлитъ. Отчего у Бэби такіе круги подъ глазами?.. Борисъ ждетъ, чтобы его отпустили; съ хорошо спрятаннымъ нетерпѣніемъ похлопываетъ стэкомъ по лакированному сапогу.

Въ зелени аллеи смѣхъ и бѣгъ дѣтскихъ ножекъ. Это miss съ младшей дѣвочкой Линой идутъ здороваться съ Риммой Павловной. Лина въ отца—голубоглазая, пухленькая, смѣлая. Безцеремонно виснетъ на шеѣ матери, чмокаетъ ее въ щеку теплыми губами. Римма Павловна строго отводитъ дѣтскія ручки—она немного стѣсняется гувернантки. Miss, какъ miss, въ бѣломъ пикэ, съ красными жилками на скулахъ, — но консульша плохо говоритъ по-англійски и никакъ не можетъ постичь секрета настоящаго прононса.

Кивкомъ головы она отпускаетъ сына. Еще столько дѣла съ этимъ five o'clock.

Бэби говоритъ по-англійски, какъ по-русски.

Всѣ товарищи его—англичане. Три зимы онъ провелъ въ Константинополѣ, въ англійскомъ пансіонѣ. Уходя, онъ слышитъ, какъ maman, старательно выговаривая свое „please", проситъ гувернантку помочь ей рѣзать цвѣты для букетовъ.

---

[1]) Барыня.

Прохладно подъ деревьями; зеленымъ и золотымъ укрыта дубовая аллея. Теплой сыростью тянетъ отъ арыковъ [1]), обѣгающихъ садъ; звенитъ въ нихъ вѣчно веселая, пѣвучая струйка... Оборвалась аллея. На свѣту и солнцѣ бѣлый домъ. До половины опущены полосатыя маркизы.

Въ кабинетѣ у консула есть кто-то. Въ распахнутое широкое окно Борисъ видитъ чью-то напряженную спину въ темномъ сукнѣ и надъ бритымъ затылкомъ черную шапочку-феску, а ближе къ свѣту скучающее лицо отца, красивое лицо съ лѣпными, крупными губами и выпуклыми глазами. Борисъ влюбленъ въ отца. Ему все мило въ немъ— и холеная, подстриженная борода, и бархатные волосы ежикомъ, и его лѣнь, и его презрѣніе къ „персюкамъ"...

Консулъ встаетъ,—видно, торопится куда-то. Выпуклые глаза прикованы къ стрѣлкамъ бронзовыхъ часовъ. Нехотя протягиваетъ два пальца низко склонившемуся персидскому чиновнику—аудіенція кончена.

Борисъ тоже смотритъ на часы. Какъ бы не опоздать на интересное зрѣлище. Будутъ вѣшать персюка—это все-таки не каждый день случается. У подъѣзда казакъ Василій ужь дожидается, держа въ поводу Борину лошадь, вороную, стройную „Елочку". Бэби съ шести лѣтъ ѣздитъ верхомъ; онъ только родился въ Россіи, вся его дѣтская жизнь прошла здѣсь, въ пустынѣ.

— Опоздпились чего-то,—ворчитъ Василій,—съ мамашами, да съ миссами.

— Помолчи, помолчи,—разсѣянно говоритъ Борисъ.

„Елочкѣ" неймется, хочется бѣжать. Настороженны острыя уши, бьются жилки подъ шелковистой кожей.

— Ну, айда-те,—разрѣшаетъ Василій.

Казацкій шикъ—рыжій, крутой завитокъ—лѣзетъ изъ-подъ папахи на зоркій глазъ; колеблется стянутая ремешкомъ узкая талія.

Отъ дачи до города всего версты двѣ-три. Лохматый горбоносый конь Василья не отстаетъ отъ „Елочки". Крупной рысью голова въ голову бѣгутъ лошади, жадно пьютъ воздухъ мокрыми розовыми ноздрями, крѣпкими ногами поднимаютъ дорожную пыль—пепельно-желтый прахъ пустыни.

Остался позади оазисъ консульскаго сада. Въ дымномъ, лиловѣющемъ небѣ черны его кипарисы и сѣры платаны. Земля выпила всю воду изъ веселыхъ арыковъ, забила ихъ пылью, завалила камнями... Привычно смотрятъ по сторонамъ Борисъ съ Василіемъ,—все та же пустыня вокругъ

---

[1]) Оросительныя канавы.

нихъ, что вчера, что годъ назадъ, сѣрая и корявая, какъ спина гигантскаго слона, изрѣзанная болячками-трещинами; также приноситъ вѣтеръ липкій запахъ падали, сытыя, наглыя вороны шумятъ жесткими, точно накрахмаленными, крыльями и валяются вымытыя пескомъ кости павшихъ при дорогѣ верблюдовъ.

Стайка мальчишекъ въ рваныхъ балахонахъ, въ круглыхъ шапочкахъ на изъѣденныхъ лишаемъ головахъ, выскакиваетъ на нихъ откуда-то, будто изъ-подъ земли. Одинъ—кривоносый, весь сѣрый отъ грязи, равняется съ лошадью Василія, скулитъ что-то, сложивъ ладонь совочкомъ. И, привычно нагнувшись, переломивъ туго стянутую ремешкомъ талью, Василій, не глядя, крѣпко и остро щелкаетъ нагайкой... Не оборачивается на то, что осталось у края дороги, что кричитъ тонкимъ, сухимъ крикомъ—только облегчаетъ душу витіеватымъ ругательствомъ на двухъ языкахъ, по-русски и по-персидски... Смѣется Бэби; тревожно коситъ каримъ глазомъ чуткая „Елочка". У городскихъ воротъ, пробитыхъ въ толстой, старой стѣнѣ, задерживаются надолго. Здѣсь вѣчная суета. Тянутся верблюды, ныряя пухлыми горбами, уныло позванивая тяжелыми колокольцами. Мямлятъ, какъ всегда, погонщики. Василій вступаетъ съ ними въ сложныя пререканія.

И вдругъ мелькаетъ въ темной нишѣ воротъ, между скучными верблюжьими горбами, что-то золотистое, живое. Женскій высокій голосъ покрываетъ сонное ворчанье погонщиковъ, и на своей рыжей лошади прямо на Борю и Василья выскакиваетъ Мирра Львовна, жена старшаго секретаря консульства, Мирра маленькая.

— Бэби, вы? Здравствуй, здравствуй, Василій. Чортъ знаетъ что, едва пробралась. Спасибо, что маленькая. Мы маленькія съ „Жилкой".

И ласково похлопываетъ „Жилку" по темной отъ пота шеѣ.

— Maman какъ? Впрочемъ, знаю, ея журфиксъ сегодня. Papa?.. Охъ, я же опоздала, голубчики. До свиданья, Бэбочка, лечу.

И, подобравъ поводья, летитъ. Развѣвается сѣрая пыльная амазонка и дымчатый вуаль, обмотанный вокругъ высокой прически. Василій и Боря переглядываются. Замаслились глаза у Василія. А Боря теперь знаетъ, почему отецъ такъ живо выставилъ персидскаго чиновника.

Медленно въѣзжая въ темную трубу воротъ, Боря говоритъ, недоумѣвая:

— Она же старая. Василій Я не понимаю, кому охота..

Василій ржетъ:

— Старая!.. Скажете, Борисъ Анатольичъ... Почище молодой улестить можетъ. Самосильно... Намъ съ вами старая, а по-господски молодая. Маменька-то ваша постарше.

Борисъ кусаетъ губы. Ему все не нравится въ словахъ Василія. Это „намъ съ вами“,—что за фамиліарность? И намекъ на мать.. Но безъ Василья онъ не можетъ. Этотъ свѣтлоглазый лукавый парень, сумѣвшій чѣмъ-то заслужить довѣріе суровой консульши, его единственное спасеніе отъ домашней скуки, отъ уроковъ музыки, отъ миссъ, отъ сестренки Лины, его наперсникъ и учитель во всѣхъ тѣхъ темныхъ забавахъ, которыя можно найти въ узкихъ уличкахъ, въ смрадныхъ домахъ-пещерахъ азіатскаго города. И Боря молчитъ.

Василій достаетъ изъ бисернаго чехольчика серебряные часы. Уже поздно.

— Одиннадцатаго четверть. Вздернули уже, небось, того молодчика. Нечего и спѣшить.

Но на площади еще толпа. Пыль отъ топчущихся въ нетерпѣніи ногъ; вонь отъ грязныхъ одеждъ, отъ пота, отъ чесноку и черемши, которыхъ съ утра наѣлись правовѣрные; пестрота отъ разноцвѣтныхъ халатовъ, отъ яйцевидныхъ синихъ шапокъ, рыжихъ лохматыхъ папахъ, изумрудныхъ чалмъ сеидовъ, отъ огненныхъ и угольно черныхъ крашенныхъ бородъ. И въ этой оперной яркости цвѣтовъ одни лица какія-то тусклыя, свинцовыя, точно выпитыя болѣзнью или горемъ... А за толпой, на солнечно-лазурной занавѣси неба, два сѣрыхъ столба—висѣлица.

У Бори заблестѣли глаза.

— Ого, еще не начинали!

Василій отъѣхалъ немного, вытянулся на стременахъ. Всмотрѣлся зорко, поверхъ головъ, точно студень въ плоскомъ блюдѣ колыхавшихся на круглой площади. Повернулъ къ Борѣ потное, жестко-веселое лицо.

— Чего не начинали... Давно прикончили... Консула аглицкаго лакей Алла-Кули чего-то штаны подвязываетъ... Поролся, видать...

Захохоталъ азартно и, нагнувъ голову, блестя туго въѣвшейся въ ухо серебряной серьгой, погналъ лошадь сквозь толпу. Боря за нимъ. Тоже, какъ Василій, поднимается на стременахъ, вытягиваетъ тонкую бѣлую шею — что тамъ, на мѣстѣ казни?... Видитъ кучку персидскихъ полицейскихъ и голую желтую спину Алла-Кули, который только что „поролся“. Лѣниво равнодушны и медлительны полицейскіе, медлителенъ и самъ поротый — кому охота волноваться изъ-за такого пустяка?.. Не угодилъ

чѣмъ-нибудь хозяйкѣ-консульшѣ Алла-Кули, она и послала его выпороть въ полицію. Всѣ здѣсь такъ дѣлаютъ.

Бэби скучно и жарко. Совсѣмъ неудачная прогулка. Мелькаютъ передъ нимъ испуганныя лица людей, шарахающихся въ сторону отъ быстрыхъ копытъ „Елочки", головы, склоненныя въ подобострастныхъ поклонахъ, жилистыя, темныя руки, прижатыя къ чьей-то груди. Небрежно кивая въ отвѣтъ на привѣтствія, онъ не замѣчаетъ прячущихся подъ усами мрачныхъ усмѣшекъ, слѣпящаго блеска ненависти въ скромно опущенныхъ глазахъ, не слышитъ безсильно-злобныхъ шопотовъ въ толпѣ.

— Домой, что-ли, Василій?

— А по мнѣ, хоть и домой. Моритъ шибко.

Моритъ. Мутнѣетъ солнце, люди прячутся въ короткой черной тѣни заборовъ. Кривые переулки неумѣло вымощены острыми камнями; яркимъ голубымъ флагомъ вьется между грязными стѣнами узкая полоса неба; изъ темныхъ дверныхъ впадинъ тянетъ затхлымъ и прѣлымъ; рѣдкія окошечки заложены въ клѣтку кирпичами...

Наконецъ, раздвигаются глухія стѣны; шире стали улицы. Поверхъ невысокой ограды, опоясывающей полу-европейскій домъ германскаго консула, Бэби видитъ игрушечно-маленькій, нѣжно - зеленый садъ, и въ полу - открытой бесѣдкѣ, увитой лиловыми кудрями цвѣтущей глициніи, даму и двухъ дѣвочекъ, лѣтъ по тринадцати-четырнадцати, за вышиваніемъ, за неторопливымъ разговоромъ. Дама—консульша—и старшая изъ дѣвочекъ скучно-бѣлокуры, скучно-блѣднолицы и тихи, видно, что мать и дочь. Въ другой дѣвочкѣ, толстенькой и черноглазой, Боря узнаетъ Надю, милую персіаночку Надю (Богъ знаетъ, какъ тамъ ее зовутъ по персидски— родители такъ ее называютъ), единственное дитя крупнаго мѣстнаго чиновника, прожившаго много лѣтъ въ Россіи и теперь, къ великому негодованію своихъ соплеменниковъ, устроившагося на европейскій ладъ.

— Василій, Васи... да ну, придержи-же, тебѣ говорятъ.

Боря, не дыша, смотритъ въ консульскій садъ. Есть такой виноградъ, золотистый и сладкій, съ тонкой, согрѣтой солнцемъ кожицей. Чѣмъ-то напоминаетъ его эта дѣвочка, налитая здоровьемъ, какъ опьяняющимъ сладкимъ сокомъ.

Борю не видятъ изъ бесѣдки; да съ Наденькой онъ очень мало знакомъ. Но можно окликнуть Эмму Ивановну; позовутъ выпить кофе, непремѣнно.

Василью надоѣло. Онъ торопитъ:

— Ѣзжай, чего тамъ.

И Боря, вздохнувъ, трогаетъ уздечку. Maman разъ навсегда и достаточно строго запретила ему водить знакомство

съ „персюками“, хотя бы и съ такими, полуинтеллигентными. „Они не нашего общества, Бэби“. Не нашего общества... Однакоже Эмма Ивановна.. Бэби вспоминаетъ скромную квартиру германскаго консула, эти вѣчные ситцевые передники на madame и на дочери, ихъ копанье въ землѣ,—онѣ, сами обрабатываютъ свой садикъ. Нѣмки... Разумѣется maman права.

У воротъ густо толпятся посѣтители. Сколько ихъ тутъ—и все рвань... Принимаетъ секретарь, но Боря знаетъ, что и къ консулу имъ всегда открытъ входъ. Что за сладость возиться съ этими гололобыми! Папа̀ давно послалъ бы ихъ всѣхъ къ чорту... И папа̀ правъ, конечно.

II.

Только что ушла madame Биби, прачка-персіанка. Мирра маленькая сидитъ и плачетъ надъ своими батистами. Все изорвано, все никуда не годится. Проклятая страна! Эта Биби единственная, хоть кое-какъ умѣющая стирать. За то она деретъ носъ, подъ привычно льстивыми восточными ухватками скрываетъ равнодушное презрѣнье къ своимъ заказчицамъ, а иногда, какъ равная равныхъ, зоветъ ихъ къ себѣ въ гости, гдѣ угощаетъ неудобоваримыми „ширинами“ [1]) и неприличными танцами, исполняемыми парой полуголыхъ, тупо-чувственныхъ персидскихъ дѣвъ... И заказчицы, чтобы не обидѣть Биби, ходятъ на ея „вечера“.

Проклятая страна! *Вотъ* гдѣ сидятъ у Мирры Львовны эти „экзотики“... Таскалась она съ мужемъ и по Японіи, вывезла оттуда свою оригинальную прическу, сооружаемую въ двѣ недѣли разъ и не нуждающуюся въ ремонтѣ. Была въ Китаѣ—тамъ научилась, не стѣсняясь, красить лицо, и въ Турціи, и въ Индіи... Нѣтъ больше силъ.

Маленькая, жалкая, старая, старая, сидитъ Мирра передъ стопками скверно вымытаго, скверно пахнущаго бѣлья (эта Биби кладетъ въ воду всякую гадость) и въ злобномъ безсиліи ломаетъ сухіе пальцы, освобожденные отъ покрывающаго ихъ обычно густого панцыря колецъ. Кольца рядомъ на туалетѣ, въ круглой персидской чашечкѣ, пестрыя, нелѣпыя, въ нелѣпости красивыя, какъ зачарованныя страны-сказки, ихъ родина.

Мирра беретъ ихъ, медленно, какъ бусы на нитку, нанизываетъ на тонкіе пальцы. Вдругъ вспоминаетъ почему-то, какъ два года назадъ (да, вѣдь уже два года), въ первый день ихъ знакомства, консулъ Анатолій Петровичъ

---

1) сладости.

сказалъ ей, улыбаясь выпуклыми, какъ у куклы, голубыми глазами:

— „Однакоже и колецъ у васъ!.. Это не самозащита? Въ случаѣ чего лучше всякаго кастета можно размозжить голову".

Анатолій Петровичъ... Да, и онъ, какъ всѣ, не оправдалъ ея надеждъ. На ея просьбы, на ея крики: „уѣдемъ, уѣдемъ, я не могу больше здѣсь жить, мнѣ тошно!.." — отвѣчалъ великолѣпно равнодушной усмѣшкой и ласками, лѣнивыми и милыми, какъ онъ самъ... Онъ доволенъ, ему и здѣсь ладно... Домъ, жена, дѣти, деньги, любовницъ—сколько захочется; ему не надоѣли еще, какъ ей, мечтанія, скитанія, видимая пестрота, внутреннее однообразіе и убожество „экзотическихъ" странъ. Онъ не понимаетъ ее, и все-таки онъ единственный возможный человѣкъ въ этомъ ужасномъ городѣ, и домъ его единственный здѣсь возможный домъ...

Который часъ? Кто-то подъѣхалъ.

Ахъ, мужъ, конечно. Отбылъ „тяжкую" утреннюю повинность въ консульствѣ и теперь будетъ отдыхать цѣлый день.

— Да, войди, пожалуйста.

— Здравствуй.

Желтыхъ крашеныхъ волосъ Мирры коснулись сухія губы.

— Римма Павловна просила тебя, Мирра, заѣхать къ нимъ.

— Да? Хорошо. Въ чемъ дѣло?

Мирра—Римма... Надъ этимъ созвучіемъ всласть поиздѣвались въ городѣ въ свое время. Злые языки сочинили, что бѣдняга консулъ, чтобъ не запутаться окончательно, сталъ звать свою громоздкую супругу „Римма большая", а субтильную любовницу „Мирра маленькая"... Это все ужь забылось за два года, но клички остались.

— Такъ въ чемъ дѣло, Жоржъ?

— Пріѣхалъ новый секретарь, сидитъ съ визитомъ. Боятся, что визитъ, пожалуй, затянется. Тебя зовутъ на подмогу, занимать.

— Пріѣхалъ! А ты и не скажешь...

Вдругъ расцвѣтаетъ Мирра маленькая. Улыбка, совсѣмъ молодая, на измятомъ лицѣ, ямочки дѣтскія на щекахъ; смѣхъ, точно колокольчикъ, нѣжный, нѣжный.

— Я и сказалъ,—тихо говоритъ мужъ.

Въ его глазахъ—ничего, развѣ чуть-чуть любопытства. Онъ ужь надѣлъ на лысую голову свою любимую персидскую шапочку; выступаютъ изъ мягкихъ складокъ фланелеваго костюма костлявыя плечи, колѣни, а лицо свинцо-

во-сѣрое, точно выпитое болѣзнью или горемъ, какъ у тѣхъ персовъ, въ смрадныхъ переулкахъ...

Миррѣ уже весело. Она напѣваетъ, ища на туалетѣ карандашъ для бровей... И, мелькомъ взглянувъ на мужа, угловато сложившагося пополамъ въ низенькомъ креслѣ, думаетъ беззлобно и презрительно:

„Теріачникъ [1]) несчастный, а говоря по-европейски— *опіофагъ*“!

Опіофагъ, картежникъ... Куда такому въ Европу? Вотъ вечеромъ пойдетъ къ кому-нибудь изъ богатыхъ персюковъ, съ которыми потихоньку отъ консула водитъ компанію, проиграется въ пухъ... Потомъ теріакъ—и до завтра. Съ такимъ она прожила всю жизнь. Увлеклась когда-то.. Какая бы ни была Мирра маленькая, а безъ увлеченія ничего не дѣлала. А его, можетъ, и любила. Но какъ замоталась по разнымъ странамъ-сказкамъ, захотѣла уйти. Только съ кѣмъ уйти, куда уйти? Она балованная. Кольца, тонкое бѣлье, шелка, ковры, лошади—до всего жадная. Этотъ домъ невыносимъ ей, потому что въ немъ осталась отъ прежнихъ жильцовъ безвкусная зеленая гостиная, и всѣ комнаты на разной высотѣ, персидской постройки— прыгай по ступенькамъ, пока голову не разобьешь...

— Жоржъ, я одѣваюсь, ты мнѣ мѣшаешь.

Онъ вяло встаетъ. Кажется, успѣлъ вздремнуть въ креслѣ.

Миррѣ на минуту становится жаль мужа. Это бываетъ съ ней, когда она намѣчаетъ себѣ новаго любовника. Только на минуту... Онъ самъ виноватъ—развѣ не онъ первый промѣнялъ ее на теріакъ?..

Мирра маленькая одѣвается сама. Въ этомъ городѣ ни за какія деньги не найти порядочной горничной. Еще въ корсетѣ и бѣломъ шелковомъ трико звонитъ Гуссейна.

— Заложить „Игрушку“.

— Башюста [2]).

Голосъ почтительный, а въ лицо слуги кто-же смотритъ?.. Гуссейнъ, стройный юноша, рябой (половина ихъ тутъ рябые), давится отъ смѣху за спиной ханумъ [3]). И птицей мчится исполнять данное приказаніе, только бы не расхохотаться громко—что за радость быть поротымъ! Онъ недавно поступилъ къ секретарю и ему вновѣ видѣть голую барыню.

„Игрушка“ запряжена въ легкую соломенную колясочку. „Игрушка“—осликъ, черненькій, бархатный, въ нарядныхъ красныхъ кисточкахъ. Мирра сама имъ правитъ. Зажавъ

---

[1]) Теріакъ—опій.
[2]) Слушаю.
[3]) Барыня.

носъ надушеннымъ платкомъ (не то, что не можетъ,—не хочетъ свыкнуться съ вонью туземныхъ жилищъ), гонитъ ослика по сложной сѣти уличекъ. Минуетъ темную трубу городскихъ воротъ, кидаетъ двѣ-три мелкія монеты въ грязную скулящую кучу нищихъ, обсѣвшихъ узкую полосу тѣни вдоль городской стѣны.

Бросается въ глаза лицо какого-то прокаженнаго, страшная львиная морда, блаженно улыбающаяся чему-то. Боже мой, и *этотъ* можетъ быть счастливъ... Въ жаркой истомѣ лѣтняго дня холодно становится Миррѣ Львовнѣ. Какая малость нужна человѣку, чтобъ уже не страдать! Но некогда, некогда думать. Вотъ и оазисъ консульскаго сада. Медовый торжественный запахъ цвѣтущихъ акацій, тонкій ароматъ согрѣтыхъ солнцемъ розъ.

Большое зеркало въ передней отражаетъ Мирру такой, какой она привыкла, какой должна себя видѣть, оригинальной прежде всего, въ золоченой башнѣ волосъ, съ яркими губами, съ синей тѣнью на вялыхъ вѣкахъ—хрупкая, раскрашенная куколка.

Лакей легко открываетъ дверь и Мирра, войдя въ маленькую столовую, жадными глазами ищетъ новое лицо.

Ихъ трое за столомъ—консулъ, консульша и гость. Гость теряетъ рядомъ съ крупнымъ Анатоліемъ Петровичемъ. Вообще—ничего особеннаго. Только молодъ. И оттого, что этотъ „новый“ молодъ, вотъ опять Мирра начинаетъ чувствовать себя молодой. Глубоко пряча нелѣпо навязавшуюся мысль о томъ прокаженномъ, счастливо улыбавшемся чему-то своей львиной мордой, Мирра смѣется звонко, мило говоритъ глупости, показываетъ дѣтскія ямочки на увядающихъ щекахъ.

Всѣ довольны. Весело въ маленькой столовой, очаровательной комнатѣ, обставленной бѣлой плетеной мебелью, убранной букетами розъ.

Довольна консульша, что у нея въ домѣ не скучно. Въ такихъ случаяхъ Мирра окончательно незамѣнима. А при томъ... „новенькій“, конечно, черезъ недѣлю станетъ ея любовникомъ; тогда Анатолій Петровичъ, не признающій „совмѣстительства“ (консульша познала это, увы, долгимъ, горькимъ опытомъ) временно освободится для семьи.

Доволенъ консулъ. Съ недавнихъ поръ его стала тяготить не въ мѣру затянувшаяся связь. Онъ любитъ разнообразіе, не любитъ женщинъ съ трагедіями. А теперь, пожалуй, все уляжется само собой.

Доволенъ и гость, молодой дипломатъ Вирскій. Онъ какъ съ неба свалился въ этотъ городъ, ничего не понимаетъ въ сложныхъ здѣшнихъ отношеніяхъ. Ему нравится серьезная

консульша и добродушный консулъ; а легкій, искрящійся смѣхъ маленькой Мирры Львовны, какъ вино, бросается въ его затуманенную длиннымъ путешествіемъ и разнообразными впечатлѣніями голову.

Гости уходятъ вмѣстѣ. Ну, еще бы!.. Хозяева, стоя у окна, наблюдаютъ, какъ Вирскій отпустилъ свой фаэтонъ и, стѣсняясь, усаживается на краешекъ соломенной колясочки, рядомъ съ Миррой.

— Погибъ парень,—добродушно говоритъ консулъ, отходя къ чайному столу.

Римма Павловна садится противъ него; между супругами возобновляется не совсѣмъ пріятный разговоръ, прерванный часа два назадъ появленіемъ Вирскаго.

— Но какія у тебя основанія, Анатоль? Зачѣмъ мѣнять то, что складывалось годами? Персы никогда не бывали на нашихъ пріемахъ и не должны бывать.

Въ голосѣ Анатолія Петровича нетерпѣнье и скука.

— Я ужь объяснялъ тебѣ, chérie. Нѣмцы подлизываются къ персюкамъ. Старый чортъ Карлушка—консулъ дѣлаетъ имъ всяческіе авансы.

— Тѣмъ хуже для него,—вѣско говоритъ Римма Павловна.—Пусти ихъ на порогъ, они такъ зазнаются, что потомъ и сладу не будетъ. Психологія свиней, которыя...

— Съ тобой не сговоришь, Риммочка.

У англійскаго драгомана Анатолія Петровича ждетъ рѣшительная партія тенниса. Не смотря на свой возрастъ и массивность, онъ лучше всѣхъ играетъ здѣсь въ городѣ. Онъ готовъ уступить женѣ, только бы кончился скорѣй этотъ нудный споръ. Въ концѣ концовъ, она же умная женщина. И, вѣдь, кромѣ нѣмца Карлушки, никто изъ дипломатовъ не нянчится съ персюками. Итакъ...

Консулъ бережно, чтобы не разстроить букетъ, тянетъ изъ вазы полураспустившійся пунцовый бутонъ, втыкаетъ его въ петлицу пиджака и уходитъ, насвистывая, не забывъ почтительно приложиться къ рукѣ Риммы Павловны.

III.

И все же въ концѣ концовъ Римма Павловна уступила. Уже близилась осень. Изъ Тегерана пожаловалъ какой-то принцъ. У него не было офиціальной миссіи, онъ разыгрывалъ изъ себя туриста, остановившагося въ германскомъ консульствѣ только потому, что, получивъ образованіе за границей, владѣлъ нѣмецкимъ лучше всѣхъ другихъ языковъ; но былъ онъ шахской крови, мѣтилъ, видимо, на высокій служебный постъ, и не пригласить его было не-

возможно. А съ нимъ попали на торжественный пріемъ къ Анатолію Петровичу и другіе „персюки“, тѣ самые, которыхъ до сей поры держали весьма вдали, въ черномъ тѣлѣ.

Впрочемъ, они вели себя весь вечеръ очень скромно, сидѣли по стѣнкамъ, упершись пухлыми пальцами въ разставленныя колѣни, и только пялили круглые, какъ сливы, и, какъ сливы, подернутые матомъ глаза на декольтированныхъ дамъ, готовые въ любой моментъ осыпать этихъ гурій пестрымъ бисеромъ своихъ восточныхъ „ультифатъ“ [1]).

А принцъ держалъ себя иначе. Какъ настоящій европеецъ, изящно и просто, но какъ принцъ, съ чуть замѣтной ноткой превосходства. У хозяйки попросилъ разрѣшенія объясняться по-нѣмецки, потому что такъ ему свободнѣе:

— Я вѣдь очень долго жилъ въ милой Германіи, это моя вторая родина.

И очаровательно улыбался неизмѣнно сопровождавшему его нѣмецкому консулу, Карлу Леонардовичу, почтительно подтверждавшему:

— Ваше высочество въ совершенствѣ владѣетъ нашимъ замѣчательнымъ языкомъ.

Мирра маленькая, увидавъ принца, обомлѣла. Онъ былъ очень красивъ.

Шепнула стоявшему съ ней рядомъ Вирскому:

— Посмотри, какое лицо, какое лицо!..

Вирскій пожалъ плечами. Теперь онъ ужь не былъ новичкомъ въ городѣ и зналъ все, про всѣхъ и про Мирру. Онъ видѣлъ, какъ расширились у нея зрачки и раздулись ноздри. А такъ какъ онъ былъ влюбленъ и ревновалъ, то подумалъ злобно:

— „Эротоманка несчастная“.

Мирра шептала мечтательно:

— Такого не забудешь и не бросишь. Жестокое лицо... Да ну, пусти-же, Вирскій.

Рванулась и поцарапала ему ладонь своими кольцами.

На другомъ концѣ гостиной, загораживая широкую дверь развѣсистыми плечами въ эполетахъ, стоялъ полковникъ Петровъ, начальникъ русскаго казачьяго отряда. Мадамъ Петрова, хорошенькая, пухлая хохотушка, enfant terrible европейской колоніи, высовывала изъ-подъ его локтя розовую лукавую мордочку въ пепельныхъ завиткахъ.

Къ нимъ черезъ всю комнату, мимо бесѣдовавшаго съ германской консульшей принца, шла Мирра маленькая,— не торопясь, показывая обсѣвшимъ стѣны персюкамъ кро-

[1]) Любезности.

шечныя ножки въ золотыхъ туфляхъ, голую костлявую грудь, и лицо, разрисованное и разнузданное.

Персюки зашевелились, одинъ даже приподнялся, полуоткрывъ ротъ съ огромными темными губами. Принцъ скользнулъ глазами, не замѣчая, и, плѣнительно улыбнувшись, сказалъ что-то краснѣвшей подъ его взглядомъ сѣрой и скучной нѣмецкой консульшѣ.

Полковникъ говорилъ, цѣлуя руку подошедшей Миррѣ Львовнѣ:

— Однакоже высочество всерьезъ ухаживаетъ за Карлушкиной супругой.

Пухленькая жена его возразила не безъ важности:

— Милый мой, но это же политика. Развѣ такому до женщинъ? Онъ что-то тутъ посерьезнѣе затѣваетъ.

Всмотрѣлась въ Мирру:

— А вы чего носъ повѣсили, Мирра Львовна? Хотите, я ему для смѣха каверзу устрою?

Полковникъ испугался;

— Ради Бога, Лелечка, какія каверзы?.. Принцъ, шахская кровь...

„Каверзы" были спеціальностью толстенькой веселой полковницы. Какъ-то она научила племянницу англійскаго консула „самымъ употребительнымъ въ обществѣ русскимъ словамъ". Ничего не подозрѣвавшая miss на первомъ же пріемѣ гордо выпалила прямо въ лицо Анатолію Петровичу: „Здравствуйте, чтобъ вы сдохли"... Какъ не безпокоиться было теперь полковнику? Волосатой рукой онъ въ волненіи крутилъ завитый пробочникомъ усъ, таращилъ глаза, старался быть строгимъ.

— Надѣюсь, ты пошутила, Лелечка,—шепталъ онъ зловѣще, надвигаясь на жену широкой, на ватѣ, грудью:—пойми, дружокъ, моя карьера...

— Карьера...—пухленькая женщина явно презирала мужа:—важное кушанье!..

И махнула рукой. Вдругъ завяло розовое лицо въ кудряшкахъ.

— Да ужь ладно.

Мирра Львовна безпомощно оглядывалась по сторонамъ. Гдѣ же Вирскій? Забыла, что сама сейчасъ ушла отъ него. Да, Вирскій... Сегодня она скажетъ ему: «Стася, уѣдемъ, я больше не могу". И онъ, онъ *первый изъ всѣхъ*, отвѣтитъ ей: „Уѣдемъ, если ты такъ хочешь". Онъ, мальчикъ, котораго она меньше всѣхъ любила.

Почему грустно Миррѣ Львовнѣ? Неужели потому, что не замѣтилъ ее принцъ? Или теперь, когда можно уѣхать,

вдругъ жаль стало покидать „экзотическія страны", вдругъ полюбилось надоѣвшее?

Полковникъ съ женой ушли въ столовую. Милый, глупый полковникъ. Гроза персюковъ и казаковъ, а самъ залѣзъ подъ башмакъ своей пухленькой Лелечки... У буфета Анатолій Петровичъ; пьетъ шампанское съ дамами; оживленъ, краснощекъ, настоящій boyard russe. И онъ почему-то сейчасъ милый и глупый—и жаль его... Консульши сегодня почти не видно. Съ испуганнымъ лицомъ она секретно сообщила Миррѣ Львовнѣ, что ея младшая, Линочка, нездорова—еще вчера вечеромъ занозила пальчикъ, звали доктора, вынули занозу, но почему-то кожа воспалена.... Глупая консульша, бѣдная жалкая насѣдка.

Мирра вздыхаетъ... Окна открыты, а за окнами ночь, незамѣтно, плавно спустившаяся. На ея траурномъ сукнѣ такъ четокъ, такъ мертвенно и величаво красивъ экзотическій профиль подъ черной персидской феской. Рядомъ—Карлъ Леонардовичъ съ женой... Вотъ онъ уменъ, этотъ Карлъ Леонардовичъ, что ходитъ по пятамъ за принцемъ, умна его ничтожная, сѣрая жена. Уменъ и принцъ, которому политика нужнѣе женщинъ.

А, Вирскій, наконецъ-то! Мирра улыбается ему. Этому женщины нужнѣе политики.

— Стася, гдѣ ты пропадалъ?

— Но ты же сама... Этотъ персидскій принцъ...

— Ахъ, ерунда, вблизи онъ совсѣмъ не такъ красивъ. Хочешь въ садъ? Скука.

И сильными горячими пальцами жметъ его податливую руку.

Въ садъ надо идти черезъ билліардную. Тамъ собрались англичане.

Племянница консула, та самая, которой когда-то устроила „каверзу" неугомонная жена полковника, сидитъ на краю билліарда, подобравъ одну ногу и свѣсивъ другую (лучшебъ обѣ подобрала—что за ноги!) обдумываетъ сложный ударъ.

Здѣсь же Бэби, предпочитающій англичанъ всѣмъ другимъ націямъ, и его миссъ. Она какъ будто пришла за своимъ воспитанникомъ, но увлеклась оживленной бесѣдой съ другой гувернанткой.

Рядомъ дверь во внутреннія комнаты. Спускаясь въ садъ, Мирра и Вирскій видятъ, какъ появляется на порогѣ консульша. Свѣтлое платье декольте, розы въ прическѣ,— и къ торжественному наряду такъ не идетъ откровенно злое лицо.

Неизмѣнное „please" (на этотъ разъ Римма Павловна не

заботится о прононсѣ)—и покраснѣвшая пятнами миссъ удаляется вслѣдъ за своей разгнѣванной хозяйкой. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ, Бэби незамѣтно скрывается въ садъ.

Смѣется Мирра; для Вирскаго—музыка ея милый, ласковый смѣхъ. Зоркій Бэби, успѣвшій обогнать ихъ, видитъ, какъ молодой дипломатъ нѣжно склоняетъ къ ней блестящую при мутномъ лунномъ свѣтѣ, гладко причесанную голову и припадаетъ къ ея губамъ, торопливо раскрывшимся.

Бэби пожимаетъ плечами съ видомъ превосходства.

— Вотъ и еще одинъ. Такой молодой... Да что въ нѣй, въ этой Миррѣ?

Бэби любопытно.

Изъ дальнѣйшаго ихъ разговора, происходящаго на скамейкѣ въ цвѣтникѣ, Бэби узнаетъ, что ради нея Вирскій согласенъ бросить мѣсто и уѣхать изъ Персіи, что „ея ласки для него дороже жизни"—такъ вѣдь и сказалъ, что дороже жизни.

Бэби въ это время сидитъ на травѣ, скрытый зарослью ползучихъ розъ, задыхается отъ сладкаго, густого, какъ ладанъ, аромата, и по дѣтской привычкѣ сосетъ палецъ, который успѣлъ уколоть шипомъ, когда экстренно лѣзъ подъ кустъ... Бэби не замѣчаетъ и не чувствуетъ красоты ночи. Для него луна еще только освѣщеніе, когда удобное, а когда и не очень, смотря по обстоятельствамъ. Непомѣрные, пьянящіе ароматы цвѣтовъ ему непріятны. Воютъ шакалки въ степи—скверная музыка.

Вирскій—сѣверянинъ. Для него нова и прекрасная матовая, томная ночь, влажная луна, розы—серебряныя нѣжныя розочки, безъ счету украсившія кусты,—мертвыя магноліи съ жесткими и звонкими листьями. Для него страшенъ и новъ тяжкій сонъ пустыни. Въ лаѣ шакаловъ онъ слышитъ жуткую тайну, въ грубомъ треньканьѣ колокольцевъ (верблюды круглыя сутки тянутся по дорогѣ мимо консульскаго сада) какой-то мистическій зовъ.

Счастливый Вирскій. Миррѣ грустно и, пожалуй, скучно немного. Онъ поѣдетъ съ ней, куда она хочетъ, добрый мальчикъ... Она беретъ его подъ руку и медленно ходитъ по широкой аллеѣ, мимо освѣщенныхъ оконъ. Въ кабинетѣ играютъ въ карты. Мужъ, конечно, здѣсь. Мирра не видитъ его лица, только острыя, зябко поднятыя плечи и желтыя руки съ крѣпкими, какъ кость, ногтями. По этимъ узловатымъ, чуть дрожащимъ рукамъ,—сколько лѣтъ ужь онѣ такъ дрожатъ!—нервно раскидывающимъ атласныя карты, Мирра видитъ, что онъ проигрываетъ. Какъ она знаетъ его—

по движенію пальца можетъ угадать, что сейчасъ въ этой больной душѣ... И отъ него она уѣдетъ.

Вирскій шепчетъ ей нѣжно:

— Смотри, смотри, падающія звѣзды... Я не могу къ нимъ привыкнуть. Волшебная красота южной ночи и ты...

Какъ онъ молодъ. Тѣмъ она и взяла его, и держитъ, что она уже старуха.

Бэби надоѣло слушать ихъ изліянія. Скоро начнется разъѣздъ гостей. На дворѣ ужь готовы экипажи. Толпятся слуги, казаки, сипаи—европейцы въ Персіи, точно цари, не ѣздятъ безъ свиты.

Выходятъ на подъѣздъ „персюки"; всѣ, какъ одинъ, въ своихъ черныхъ низенькихъ фескахъ, сытые, сонные—шутка-ли просидѣть цѣлый вечеръ въ такомъ изысканномъ обществѣ! Только принца нѣтъ съ ними, онъ, вѣрно, поѣдетъ съ „Карлушкой", нѣмецкимъ консуломъ.

Бэби заинтересованъ—отчего эта низшая раса сегодня удостоилась пріема? Нѣтъ только одного виднаго чиновника, отца толстенькой хорошенькой Нади, и то потому, что онъ уѣхалъ по дѣламъ. „Видно, европейскія миссіи хотятъ измѣнить свою политику",—съ важностью, готовой газетной фразой, думаетъ Боря. И радостно отмѣчаетъ про себя, что эдакъ, пожалуй, и maman скоро разрѣшитъ ему знакомство съ очаровательной персіаночкой.

IV.

— Значитъ, ѣдете, Вирскій, рѣшительно и окончательно?

— Надо ѣхать, Анатолій Петровичъ, отецъ боленъ.

— *Только* въ отпускъ?

— Да, вѣроятно.

— А можетъ быть?

Вирскій поднимаетъ опущенные глаза. „И чего ты меня пытаешь?"—написано на его угрюмомъ лицѣ.

Они одни въ кабинетѣ Анатолія Петровича. На низкомъ столикѣ около тахты вино со льдомъ, жареныя въ соли фисташки. Это не официальная бесѣда, это разговоръ „по душамъ", зачѣмъ-то придуманный консуломъ.

Чудесный кабинетъ у него. Столько голубого въ рисункѣ шелковыхъ тавризскихъ ковровъ—вотъ она, лазурь, та сіяющая лазурь, которой нѣтъ на сѣверѣ. Здѣсь она во всемъ—въ небѣ, въ коврахъ, въ таинственныхъ узорахъ и надписяхъ по стѣнамъ мечетей.

Консулъ нервничаетъ.

— Слушайте, Вирскій. Я не хотѣлъ бы быть нескром-

нымъ. Ваша карьера виситъ на волоскѣ. Получить назначеніе, и вдругъ черезъ два мѣсяца...

— У меня небольшой капиталъ, проживу какъ-нибудь,— негромко говоритъ Вирскій и пьетъ вино.

Какой у него круглый и дѣтскій еще совсѣмъ и какой упрямый подбородокъ! Смѣшно топорщатся жесткіе, подстриженные щеточкой усы. Дитё... Анатолій Петровичъ медленно разглаживаетъ свою холеную бороду.

— Сколько вамъ лѣтъ, голубчикъ? Вотъ опять я проявляю нескромность.

Консулъ смѣется своимъ открытымъ покоряющимъ смѣхомъ.

Стараясь быть сухимъ, Вирскій говоритъ:

— Двадцать пять. Не такъ мало.

Но консулъ непоколебимо добродушенъ. Ужъ темнѣетъ въ комнатѣ. Вставая, чтобъ зажечь электричество, Анатолій Петровичъ съ отеческой лаской касается мягкими пальцами холодной руки Вирскаго.

— И не такъ много въ концѣ концовъ. Да стоитъ ли *она* того, голубчикъ?

— Она?

Анатолій Петровичъ поворачиваетъ выключатель и подтверждаетъ спокойно:

— Да, она, Мирра Львовна. Я вѣдь ее тоже немножко знаю.

Закидываетъ руки за спину, осторожно похрустывая пальцами,—большой, важный, не человѣкъ, а откормленный баловень-котъ, вспоминающій что-то сладенькое изъ недавняго хищнаго прошлаго. Такъ кажется Вирскому. Но Вирскій ошибается. Консулу давно надоѣла Мирра, „сладенькое" онъ найдетъ и безъ нея. Консулъ жалѣетъ младшаго коллегу, ну, просто жалѣетъ. Съ нимъ это бываетъ иногда. Онъ въ самомъ дѣлѣ добродушенъ отъ природы. Оглядывая съ высоты своего роста сидящаго на тахтѣ Вирскаго, онъсъ состраданіемъ отмѣчаетъ,что такого щуплаго, лизанаго Мирра живо броситъ... „И что они за моду завели такъ помадиться?.."

Анатолій Петровичъ уютно устраивается въ дальнемъ углу тахты; подтыкаетъ со всѣхъ сторонъ пестрыми мутаками свое крупное тѣло и говоритъ неторопливо:

— Въ сущности,—она крашеная кукла. Паяцъ, котораго дергаютъ за ниточку. Кому не лѣнь, разъ-два дернетъ —и гримаса готова. Экзотическія страны такъ ее испортили, она сама знаетъ. Жизни въ ней нѣтъ, одно искусство.

Консулъ увлеченъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Въ вы-

пуклыхъ глазахъ жидкій голубой блескъ. Любитъ красиво поговорить. И забылъ о Вирскомъ...

— Вы что, голубчикъ? А? Прощаться?

На столикѣ недопитый стаканчикъ вина. И какъ будто не такъ ужь поздно. Ахъ, бѣдняга! У Вирскаго совсѣмъ сѣрыя щеки и, кажется, его упрямый подбородокъ вздрагиваетъ по-дѣтски, какъ передъ слезами.

Анатолій Петровичъ дѣлаетъ офиціальное лицо.

— Да, такъ? Торопитесь? Что-жь дѣлать. Послѣзавтра? Ну, конечно, конечно... Счастливаго пути.

Анатолію Петровичу извѣстно про себя не первый день, что, хоть консулъ, дипломатъ онъ скверный. И онъ, прощаясь съ Вирскимъ, рѣшаетъ безпечно:

— Ну, что-жь, если этотъ юноша такъ глупъ, что не слушаетъ резоновъ... Проводимъ влюбленную чету.

Но проводить „чету“ консулу не удалось. Они уѣхали рано утромъ, съ разсвѣтомъ. Одинъ мужъ Мирры Львовны объ этомъ зналъ. Фаэтонъ съ Вирскимъ и съ чемоданами подъѣхалъ къ ихъ дому, когда только-только успѣло взойти солнце и пѣли муллы на городскихъ минаретахъ. Впрочемъ, хотя вещей они брали немного (вѣдь, онъ ѣхалъ въ отпускъ къ больному отцу, а она такъ, „отдохнуть отъ Азіи“), но Мирра еще долго возилась съ укладкой. Бѣгала по комнатамъ и кричала на Гуссейна. Мужчины сидѣли въ гостиной, Жоржъ - мужъ вѣжливо занималъ Вирскаго и оба терпѣливо ждали. А Мирра и сама точно ждала чего-то, тревожными глазами ища забытаго. Ходила въ конюшню, прощалась съ „Жилкой“, съ „Игрушечкой“. Но ничего не нашла и ничего не дождалась. Сѣла въ экипажъ и велѣла Гуссейну позвать господъ.

— Ну, прощай, Жоржъ, береги себя.

Пустыя слова. Онъ улыбается. Онъ такъ рѣдко улыбается, улыбка у него странная и непріятная—въ темномъ квадратѣ полуоткрытыхъ губъ желтые, рѣдкіе зубы; какъ всегда, вяло, уныло сѣрое лицо, облитое чистымъ утреннимъ свѣтомъ,—какъ всегда, не больше.

Трогаютъ лошади; послѣдній разъ на поворотѣ Вирскій церемонно приподнимаетъ свой дорожный пробковый шлемъ Мирра кутаетъ вуалемъ лицо, чтобъ не очень обвѣтрило; украдкой, изъ-подъ вуаля, смотритъ, что мужъ? И видитъ опустѣвшій подъѣздъ, Гуссейна, запирающаго рѣшетчатыя ворота, а во второмъ этажѣ, въ окнахъ кабинета, быстро падающія одно за другимъ, какъ сонныя вѣки, зеленыя жалузи—это Жоржъ торопится лечь на отдыхъ.

— Ахъ, такъ... Впередъ, впередъ, Ибрагимъ,—торопитъ она кучера.

И хоть на улицахъ уже людно—не европейцы, правда, но „персюки“ давно повылѣзли изъ своихъ смрадныхъ норъ,—она откидываетъ вуаль и, плача отъ смѣха, цѣлуетъ въ щеку перепуганнаго чиннаго Вирскаго... Пусть, пусть, вѣдь они не вернутся въ этотъ городъ!

Разбрасывая ногами остывшую за ночь пыль, несутся лошади на встрѣчу солнцу, поднимающемуся надъ голыми стѣнами города. Мимо сѣрыхъ столбовъ висѣлицы на пустой въ этотъ часъ площади; мимо таинственной мечети, въ которую нѣтъ доступа невѣрнымъ, гордой мечети, разубранной лазурью и золотомъ; мимо нищихъ и прокаженныхъ, сонныхъ верблюдовъ и надрывающихся въ крикѣ ишаковъ—черезъ мертвую, мутную пустыню, къ солнцу, къ жизни.

— О, сегодня и я сентиментальна, Стася.

Сегодня у персовъ праздникъ, пятница. Тѣ, что побогаче, выѣхали съ семьями на неубранныя еще теріачныя [1]) поля. Разостлали ковры поверхъ колючихъ маковыхъ головокъ и кейфуютъ. На бурой землѣ, подъ лазурью неба черныя пятна тяжелыхъ женскихъ покрывалъ; вялыя нерабочія руки разставляютъ пеструю чайную посуду; тянутся изъ трубъ красномѣдныхъ самоваровъ синія струйки угара-ребятишки, голоногія, но въ шелковыхъ рубашонкахъ, попрыгиваютъ по дорогѣ; попрыгиваютъ въ деревянныхъ клѣткахъ перепела, тоже привезенные съ собой на прогулку

— Сегодня праздникъ, праздникъ, — упоенно шепчетъ, Вирскій и, отогнувъ перчатку, цѣлуетъ маленькую, любимую руку, сегодня, какъ и всегда, пахнущую особенными духами.

Но скоро кончается праздникъ. Сѣрая, какъ грифель, пустыня мертвѣй, глуше; растрескалась отъ жара земля, гладкіе камни, точно плиты могилъ; ржавая трава по краямъ овраговъ. Рѣдки, рѣдки селенія; изъ грязи и навоза слѣплены домишки; такъ скорбны женскіе испуганные глаза, высматривающіе изъ-подъ лохмотьевъ чадыра. И ужь не привѣтливо и не мило больше солнце. Оно грозное и красное въ дымномъ небѣ. Еле плетутся лошади. Кучеръ просится отдохнуть въ ближайшемъ ханэ [2]).

— У меня будетъ разжиженье мозга,—стонетъ Мирра.— Ну, да, да, понятно, отдохнемъ, — сердито кричитъ она кучеру.

Вирскій молчитъ и пересохшимъ, суконнымъ языкомъ лижетъ обвѣтренныя губы.

Ужь близки горы, голыя и горбатыя. Неуклюже разлеглись, громоздятся костлявые хребты. Ихъ перевалить пред-

---

[1]) Маковыя.

[2]) Постоялый дворъ.

стоитъ еще путникамъ. Подъ горами ханэ и отдыхъ. Кучеръ уже перемѣнилъ лошадей—теперь ихъ четверка—и торопитъ; до темноты надо успѣть по ту сторону горъ.

Но Мирра упрямится. Ей уютно подъ рванымъ навѣсомъ жалкаго ханэ. Она разлеглась на цыновкѣ, положила голову на колѣни Стасю—сегодня эта тяжелая „вѣчная“ прическа дѣйствуетъ угнетающе—и дремлетъ. Правда, воздухъ здѣсь не первой чистоты; воняетъ хашемъ [1]) и еще какой-то дрянью; и блохи персидскія кусаются, какъ дьяволы. А все же ей хорошо и не хочется двигаться.

Льстивый пожилой персъ-хозяинъ скользитъ безшумно, готовитъ чай; шашлыку ужь поѣли. Но опять является кучеръ, дѣловито шепчетъ что-то Вирскому.

— Ѣдемъ, Миррочка, ничего не подѣлаешь.

Ѣдутъ. Въ памяти остается сладко улыбающееся лицо, униженные поклоны много довольнаго щедростью гостей хозяина. И опять легкая дремота. Шагъ за шагомъ, осторожныя, привычныя, твердо ступаютъ лошади. Дышитъ изъ ущелій вѣковѣчной, не знающей солнца, сыростью; ушло ввысь горячее лазурное небо, все сѣро кругомъ, сини только тѣни.

Мирра не раскрываетъ глазъ. Сколько разъ за долгую скитальческую жизнь ей приходилось вотъ такъ ѣздить—надоѣло. Она рада, что жара спала, что еще сутки,—кончится Азія... Желѣзная дорога, людные города. Потомъ щедрая зелень сѣверныхъ травъ, купола церквей, березки подмосковныя...

Но Вирскій жадно смотритъ по сторонамъ. Скоро закатъ, клубятся вокругъ мутныя, сизыя скалы; на оранжевомъ небѣ грозно выростаютъ жесткіе края дальнихъ горъ.

Кучеръ поворачиваетъ къ Вирскому бурое отъ загара, тревожное лицо.

— Ага [2]), ты слышишь?

Въ гулкой тишинѣ какой-то новый звукъ. Ѣдутъ...

— Такъ что же?

— Верхо̀мъ,—мрачно говоритъ кучеръ.

— Ну, что-жь, что верхомъ?

Играетъ, дразнитъ легкій топотъ копытъ, веселая горная музыка. Пріятно встрѣтить людей, хоть и чужихъ, въ этомъ скучномъ мѣстѣ...

— Разбойники, ага, ой, ага!..

Перегнувшись пополамъ, кучеръ нахлестываетъ храпя-

---

[1]) Хашъ—вареная баранья голова.

[2]) Ага—баринъ.

щихъ лошадей; изъ бураго сѣрымъ сдѣлалось лицо; свалилась папаха и на голомъ желтомъ темени капли пота...

Мирра просыпается... Или, можетъ быть, крѣпче засыпаетъ? Такъ нелѣпо. Въ двухъ десяткахъ шаговъ — ихъ трое, всѣ верхомъ, всѣ въ одинаковыхъ оранжевыхъ черкескахъ; а на лицахъ, смѣющихся и жесткихъ, оранжевый свѣтъ заката.

— Давай деньги.

Такъ. Коротко и ясно. Будто не сонъ.

Одинъ отдѣлился; подъѣзжаетъ вплотную къ фаэтону; танцуетъ подъ нимъ поджарый, горбоносый конь. Двое другихъ взвели винтовки и ждутъ. Кучеръ, не помня себя, забился въ передокъ экипажа; блеститъ оттуда выкаченными бѣлками.

— Деньги давай, русская сволочь!

Ого... Почти весело Миррѣ. Не убьютъ, не убьютъ... Есть деньги, камни. Не глядя, она рветъ съ пальцевъ ненужныя кольца, освобождаетъ руки отъ драгоцѣнностей, — можетъ быть, онѣ всегда ей мѣшали?... Остро видитъ все, какъ въ яркомъ снѣ—близко отъ себя сухое, наглое лицо, треплющіяся по вѣтру крылья бѣлаго, тонкаго башлыка, черствыя ладони загорѣлыхъ рукъ, съ ладони на ладонь пересыпаются нѣжно позванивая, драгоцѣнныя, узорчатыя кольца еще пахнущія ея духами. Неподвижныя въ крѣпкихъ рукахъ синѣютъ граненыя дула ружей, два рядомъ, въ темномъ золотѣ заката, и надъ ними неподвижны два круглыхъ зоркихъ глаза.

Не убьютъ. Уже раскрылъ чемоданъ тотъ, съ ловкими руками. И ворчитъ что-то про себя почти добродушно — по-русски только „сволочь", остальное на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ.

Мирра осмѣливается повернуть голову—что они сдѣлали съ Вирскимъ?.. Въ отвѣтъ ея движенію грозно кричитъ одинъ изъ тѣхъ, съ ружьями, шевелитъ сердитой бровью. Тотъ, что возится надъ чемоданомъ, смѣется, оскаливъ желтые крѣпкіе зубы, пренебрежительно машетъ свободной рукой.

На дорогѣ, между фаэтономъ и голой стѣной—вотъ онъ, Вирскій. Онъ на колѣняхъ, въ пыли; сорваны часы, растерзанъ на груди пиджакъ—значитъ, доставали бумажникъ; пробковый шлемъ упалъ съ головы, жирными, липкими косицами топорщатся волосы; на щекахъ мокрыя дорожки отъ слезъ и слеза виситъ на кончикѣ носа—вѣдь рукъ поднять нельзя...

Только что почти весело было Миррѣ маленькой. Не бьютъ, не убьютъ! Кольца, деньги, какая малость. Деньги

еще есть,—да они молоды со Стасемъ—и она, какъ будто, молода... Такъ ярко видѣла она сейчасъ въ полудремотѣ подмосковныя березки, золоченые купола...

Небо изъ оранжеваго стало багровымъ. Тотъ, что возился съ чемоданомъ, кончилъ работу, отъѣхалъ отъ экипажа. Не опуская винтовокъ, не сводя съ оставшихся грозящихъ, острыхъ глазъ, двигаются трое тѣсной тропинкой, скользя вдоль холодѣющихъ камней—злые духи горъ съ хищными, огненными лицами... На поворотѣ шевельнулись, винтовки за плечи, прижались къ сѣдламъ и исчезли.

Все. На дорогѣ растерзанный экипажъ. Понуро стоятъ напуганныя лошади. Кучеръ ноетъ, точно отъ зубной боли. Вирскій въ пыли, у колеса коляски,—еще не догадался, что можно встать и вытереть слезы. А въ коляскѣ Мирра надрывается отъ тянущаго за душу смѣха. Она-то думала... Молодые, смѣлые... Вотъ онъ, смѣлый, барахтается въ пыли—и слеза на кончикѣ носа.

Вирскій встаетъ наконецъ. Стемнѣло разомъ, ужъ не видно его лица. Въ застывшемъ синемъ небѣ разсыпаются звѣзды сухимъ серебристымъ пескомъ.

— Да перестанешь ли ты скулить?—злобно кричитъ Мирра кучеру.

Въ темнотѣ Вирскій ищетъ ея руку: припадаетъ мокрыми, трясущими губами къ холоднымъ пальцамъ безъ колецъ. Робко спрашиваетъ:

— Куда же теперь, Миррочка? Обратно?

— Да, обратно, обратно... Обратно, обратно...

Мирра смѣется, напѣваетъ. Что съ ней?

— Тебѣ дурно, дорогая, у тебя истерика?

Она молчитъ; сжавъ зубы, смотритъ туда, въ небо, въ темную пустыню, усыпанную серебрянымъ звѣзднымъ пескомъ. И, вздохнувъ въ послѣдній разъ, строго отдаетъ приказаніе:

— Ну, довольно, Ибраимъ. Ѣзжай назадъ.

Въ русскомъ консульствѣ, да и во всей европейской колоніи города, никогда, кажется, не было подобнаго переполоха. Вирскій и Мирра Львовна вернулись съ полъ-дороги, ограбленные до нитки. Должно быть, курдами—такъ, по крайней мѣрѣ, твердилъ доставившій злополучныхъ путниковъ кучеръ, самъ до полусмерти напуганный. „Курдами ли?“—спрашивалъ себя консулъ, кусая губы въ волненіи. А Римма Павловна внушительно говорила:

— Я предупреждала, что слѣдуетъ держать персюковъ на разстояніи. Вотъ и результаты.

Консулъ молчалъ и злился. „Ужь не совалась бы не въ свое дѣло“... Но возраженій не находилъ.

Всполошились всѣ дипломаты. Устроили совѣщаніе. Было рѣшено немедля требовать съ персидскаго правительства убытки. Никто не сомнѣвался, что заплатятъ. Только мужъ пострадавшей Мирры Львовны, почему-то (можетъ быть, по свойству своей природы) меньше всѣхъ волновавшійся событіемъ, замѣтилъ вяло:

— Но вѣдь „правительство“ ничуть не пострадаетъ. Развѣ оно будетъ платить? Обложатъ еще однимъ налогомъ эту несчастную голытьбу...

Нѣмецкій консулъ закивалъ-было сочувственно:

— Да, да...

Но Анатолій Петровичъ сдѣлалъ строгое лицо и заявилъ съ твердостью, что „намъ важно получить удовлетвореніе, а дальнѣйшее насъ не касается“. И съ нимъ, кажется, согласились.

Въ тотъ же день Мирра Львовна получила отъ мужа подарокъ—новое кольцо, рѣдкую по красотѣ бирюзу. А вечеромъ она встрѣтилась на теннисѣ съ Вирскимъ. Онъ былъ такъ забавенъ въ своей мягкой рубашкѣ съ открытымъ воротомъ, такъ виновато заглядывалъ ей въ глаза и жалъ руку, что она разсмѣялась, чмокнула его въ щеку, когда они случайно остались вдвоемъ, и, вздохнувъ, постаралась забыть „ту несчастную ночь въ горахъ“...

Въ тотъ же вечеръ Римма Павловна дѣлала выговоръ своему сыну Борѣ за то, что онъ слишкомъ часто видится съ этой „нелѣпой персіаночкой... Надей, такъ, кажется?“

— Да, Надей.

— Ну, вотъ. Я не люблю повторять дважды, Бэби. А я тебѣ уже разъ говорила. Не правда ли?

— Да, да, maman, но съ тѣхъ поръ...

— Съ тѣхъ поръ, мой другъ, ничего не произошло новаго. И всѣ мои распоряженія остаются въ силѣ. Ты понялъ, я надѣюсь?

Бэби понялъ.

В. Письменная.

Г. З. ЕЛИСЕЕВЪ.

(Изъ его редакціонной дѣятельности и литературныхъ отношеній).

Покойный С. Н. Кривенко, одинъ изъ близкихъ друзей Григорія Захаровича Елисеева, 25-лѣтіе со дня смерти котораго исполняется въ текущемъ январѣ, съ грустью констатируя фактъ малой популярности этого писателя, справедливо указывалъ, что „виноторговцы „бр. Елисѣевы", пишущіе свою фамилію черезъ ѣ, куда извѣстнѣе, чѣмъ онъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей цѣлой эпохи" („Рус. М." 1901 г. № 7). Почему это случилось—объяснить нетрудно. Прежде всего, здѣсь не могла не сыграть извѣстной роли удивительная авторская скромность Елисеева, подписывавшаго псевдонимомъ или не подписывавшаго вовсе большинство своихъ статей; главною же причиной, безпорно, явилось глухое лихолѣтье 80-хъ годовъ, совпавшее съ послѣднимъ десятилѣтіемъ жизни Елисеева. Такъ мертво и глухо было въ русской жизни этого времени, такой непроницаемый мракъ сгустился надъ нею, что потускнѣло и почти затмилось сіяніе даже первостепенныхъ литературныхъ свѣтилъ. Елисеевъ же былъ свѣтиломъ очень замѣтнымъ, но звѣздой первой величины названъ быть ни въ коемъ случаѣ не можетъ.

Тѣмъ не менѣе мѣсто, занимаемое имъ въ исторіи русской общественности, нельзя не признать выдающимся и глубоко справедливой представляется намъ характеристика, данная ему Шелгуновымъ: „Г. З. Елисеевъ принадлежалъ къ людямъ рѣдкаго ума, тонкаго, проницательнаго, понимающаго вещи и людей въ самой ихъ сущности, насквозь. Это—мужъ по преимуществу разума и совѣта, занимающій первое мѣсто. По умственному складу, умственнымъ отношеніямъ и по условіямъ среды, имѣвшимъ вліяніе на его развитіе, онъ—разночинецъ-народникъ. Своими „внутренними обозрѣніями" Григорій Захаровичъ вносилъ существенное содержаніе въ „Современникъ" и затѣмъ былъ

главнымъ руководителемъ и направителемъ „Отечеств. Записокъ“ Некрасова“.

Руководящая роль въ журналистикѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ (замѣтимъ, что литературная дѣятельность Елисеева началась въ 1858 году) досталась ему, главнымъ образомъ, потому, что онъ, какъ утверждаетъ С. Н. Кривенко, „будучи годами сверстникомъ людей 40-хъ годовъ, выступилъ на литературное поприще позже нихъ—въ зрѣломъ уже возрастѣ, зная жизнь не теоретически только, а и практически. Въ то время, какъ другіе толковали о народѣ изъ столичныхъ кабинетовъ, онъ вышелъ изъ деревни, изъ среды, наиболѣе близкой къ народу, а затѣмъ, по самому роду своей службы въ Сибири, также постоянно соприкасался и имѣлъ дѣло съ крестьянскимъ бытомъ. Кто помнитъ время передъ освобожденіемъ крестьянъ и вскорѣ послѣ освобожденія, всю многочисленность и сложность чисто практическихъ вопросовъ и отношеній, какіе тогда возникали, тотъ пойметъ, какъ много значила именно та практическая сторона, въ которой особенно силенъ былъ Григорій Захаровичъ, не поступаясь при этомъ теоретическими убѣжденіями и идеалами. Вопросы: что дѣлать для народнаго блага, какъ организовать земскую медицину, народныя школы, юридическую помощь населенію, какъ относиться къ волостному суду, общинному землевладѣнію и т. д. — на все это молодое поколѣніе, выступавшее на поприщѣ общественной дѣятельности, получало указанія отъ Григорія Захаровича. Его внутреннія обозрѣнія того времени читались положительно всею Россіей и авторъ ихъ снискалъ тогда же себѣ ими уваженіе, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ публицистовъ“.

Михайловскій, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ „о значительности роли“ Елисеева въ журналистикѣ, ссылаясь, какъ и Кривенко, преимущественно, на его „внутреннія обозрѣнія“. „Елисеевъ—говоритъ онъ—былъ силенъ знаніемъ практической жизни и умѣньемъ разбираться въ текущихъ житейскихъ явленіяхъ, освѣщая ихъ съ точки зрѣнія требованій новой, проснувшейся на Руси жизни. Эта именно черта привлекла къ его „внутреннимъ обозрѣніямъ“ общее вниманіе и сдѣлала ихъ однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ „Современника“. Онъ былъ можно сказать, создателемъ этого отдѣла не только въ своемъ журналѣ, а вообще въ журналистикѣ“.

Заслуги Елисеева 50 лѣтъ тому назадъ являлись въ такой мѣрѣ общепризнанными, что Некрасовъ, приступая въ 1868 году къ изданію новаго журнала, призваннаго замѣнить закрытый правительствомъ „Современникъ“,—„Отечественныхъ Записокъ“,—считалъ для себя положительно необходимымъ заручиться участіемъ Григорія Захаровича. Болѣе того, когда выяснилось, что бывшіе сотоварищи Елисеева по „Современнику“, а въ особен-

ности столь выдвинувшійся впослѣдствіи на бюрократическомъ поприщѣ Ю. Г. Жуковскій, не особенно сочувственно относятся къ его привлеченію въ число редакторовъ „Отеч. Зап.“ (см. отрывокъ изъ воспоминаній Елисеева, приведенный Н. К. Михайловскимъ въ „Послѣднихъ Сочиненіяхъ“, Т. II, стр. 359-362), то Некрасовъ рѣшилъ предпочесть одного Елисеева столь авторитетнымъ въ то время писателямъ, какъ Жуковскій и шедшій вмѣстѣ съ нимъ Антоновичъ. И этотъ выборъ въ значительной мѣрѣ опредѣлилъ собою характеръ журнала. Дѣло въ томъ, что „мужикъ, который занималъ такъ много мѣста въ „Отеч. Запискахъ“ и давалъ имъ цвѣтъ, обязанъ во всемъ Елисееву. Конечно, не Елисеевъ его выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать что Елисееву мужикъ обязанъ болѣе всего, что къ нему повернуло общественное мнѣніе“ (Шелгуновъ).

Роль мужика въ журнальной дѣятельности Елисеева находится въ связи съ широкою гуманностью этого писателя, являвшеюся едва-ли не основнымъ устоемъ его міросозерцанія. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерными представляются нижеслѣдующія его слова изъ одного изъ самыхъ раннихъ „внутреннихъ обозрѣній“ его (см. „Современникъ“, 1861 г., № 3): „Мы цѣнимъ ученость и глубоко уважаемъ людей, посвятившихъ себя наукѣ, но думаемъ, что истинная ученость, самая глубокая, можетъ привести человѣка только къ тому убѣжденію, что единственное прочное благо на землѣ—тѣмъ или другимъ образомъ служить человѣчеству, своимъ меньшимъ братіямъ; что, говоря словами Гейне: zu fragmentarisch ist Welt und Leben, чтобы мы могли постигнуть глубину и отдаться, забывая все, только исключительному созерцанію красоты своихъ теорій или обилія своихъ знаній; что ученые, написавшіе нѣсколько сочиненій о „собачьихъ кличкахъ“ и на основаніи этого думающіе, что они постигли удивительныя штуки, которыя даютъ имъ право свысока смотрѣть на толпу, просто глупы; а ученые, занимающіеся постройкой великолѣпныхъ системъ и забывающіе при этомъ о дѣятельности на пользу своихъ меньшихъ братій, представляютъ собою безжизненныхъ Вагнеровъ, безплодно тратящихъ время на штопаніе дырокъ всего мірозданія:

Ужь слишкомъ отрывочна жизнь и вселенная,—
Къ профессору нѣмцу пойду непремѣнно я.
Вѣрно, ее не оставитъ онъ такъ,
Системы придумаетъ, дастъ имъ названія...
Шлафрокъ надѣвши на старый колпакъ,
Онъ штопаетъ дырки всего мірозданія.

„Итакъ, читатель, побольше и побольше любви къ человѣчеству, особенно къ тому, которое мы привыкли считать за двуногихъ,

не имѣющихъ съ нами ничего общаго. Въ этомъ состоитъ вѣнецъ истиннаго знанія и истинной мудрости".

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что Елисеевъ никогда не сходилъ съ этой точки зрѣнія, опредѣлившей навсегда его отношеніе къ публицистикѣ, къ искусству и наукѣ. Поглощенный мыслью о служеніи „человѣчеству, своимъ меньшимъ братьямъ", онъ настойчиво стремился къ практическому обсужденію и разрѣшенію представлявшихся его уму заданій; онъ „былъ—какъ говоритъ Михайловскій,—аскетъ текущей жизни и непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Отсюда его преувеличенное презрѣніе къ популярности и анонимность. Отсюда же его, можетъ быть, тоже иногда преувеличенное стремленіе найти въ данной дѣйствительности хоть какую-нибудь точку опоры для практическаго воздѣйствія на жизнь... Обязательнымъ центромъ не только литературной дѣятельности, но и всей общественной и государственной жизни... былъ для него народъ, мужикъ. Какое бы явленіе русской жизни онъ ни обсуждалъ, онъ старался выяснить, какъ оно отзовется на мужикѣ. Этимъ вопросомъ измѣрялось для него значеніе всякой доктрины, либеральной или не либеральной, всякаго мѣропріятія и предпріятія. Я не знаю писателя, который имѣлъ бы большее право на титулъ настоящаго, кровнаго демократа, чѣмъ Елисеевъ".

Идейность Елясеева, какъ писателя и человѣка, придавала весьма опредѣленную физіономію и его редакторской дѣятельности. „Никто такъ зорко не слѣдилъ—говоритъ по этому поводу Кривенко—за единствомъ направленія журнала, и никто такъ строго не относился къ статьямъ и произведеніямъ авторовъ, смотрѣвшихъ куда-нибудь въ другую сторону, хотя бы это были знаменитости, вродѣ Достоевскаго или Тургенева. Ради одного имени онъ ни за что не напечаталъ бы ничего, даже самаго распрекраснаго въ художественномъ отношеніи произведенія, еслибъ основная его мысль противорѣчила тому направленію, какому онъ служитъ". Вотъ весьма интересная въ этомъ отношеніи записка его къ Некрасову, вызванная, очевидно, предположеніемъ послѣдняго дать въ „Отеч. Зап." мѣсто критическому отзыву его давняго пріятеля Анненкова о новой драмѣ А. Толстого, надо думать о „Ѳеодорѣ Іоанновичѣ", вышедшемъ въ 1868 году:

„Я не согласенъ съ воззрѣніями на драму, которыя проводитъ гр. Толстой,—но еще *вдвое*, *втрое* болѣе не согласенъ съ воззрѣніями г. Анненкова. Принявъ эти воззрѣнія, намъ слѣдовало бы сдѣлаться защитниками теоріи окаменѣлыхъ и безсмысленныхъ историческихъ драмъ, тогда какъ нашъ прямой долгъ бить эту теорію на каждомъ шагу, по той причинѣ, что она со времени Драматургіи Лессинга отвергается всѣми разумными теоретиками, не оправдывается практикою ни одного первокласснаго поэта ни древнихъ, ни новыхъ временъ и въ своемъ существѣ

не только противна здравому смыслу, но разрушаетъ самую идею драматическаго искусства. Держалась она прежде и держится донынѣ нѣкоторыми единственно на лжетолкованіи шекспировскихъ драмъ".

Тѣмъ не менѣе при всей идейной прямолинейности Елисеева ему приходилось иной разъ приспособляться къ обстоятельствамъ,—участь, неизбѣжная для русскаго журналиста того времени. Эти обстоятельства въ огромномъ большинствѣ случаевъ вызывались тѣмъ ненормальнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась русская журналистика въ отношеніи цензуры. Изъ нѣкоторыхъ выраженій его въ письмахъ къ Некрасову видно, что онъ отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, во что бы ни стало, считаютъ своимъ долгомъ „прати противу рожна". Вотъ не безынтересный въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ письма его Некрасову и отдѣльная записка къ нему:

1) „Зайцевъ прислалъ статью: „*Новое правительство*", т. е. Франціи. Безпокойная, раздраженная фраза, взглядъ радикальнѣйшій,—и со статьею ничего нельзя болѣе сдѣлать, какъ отправить ее обратно".

2) „Я давно уже нѣсколько разъ прочелъ этотъ разсказъ самъ наединѣ и читалъ другимъ. Всѣ въ восторгѣ отъ него,—и жаль бы было не сказать правдиваго слова о событіяхъ *онаго* времени. Если теперь обращено вниманіе на журналъ, то можно отложить до январской книжки, что будетъ еще лучше, но во всякомъ случаѣ за этотъ разсказъ *надобно стоять*.

„Что касается статьи Демерта, то отъ нея я ожидалъ большаго. Въ послѣдней части она приняла совсѣмъ анекдотическій характеръ и говоритъ совсѣмъ не о томъ, что отъ нея ожидается. Частности, кажущіяся Вамъ опасными, конечно, легко могутъ быть уничтожены.

„За лепты въ пользу убогаго семейства К. П. очень рада и весьма Васъ благодаритъ.

Вашъ Г. Елисеевъ".

Но, когда открывалась хоть малѣйшая возможность взять у цензуры свое, Елисеевъ не упускалъ случая этимъ воспользоваться. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы записка его къ Некрасову, относящаяся къ началу 1868 г.,—времени, когда въ „Отеч. Зап." печатались „Письма провинціала" Салтыкова.

„Посылаю Вамъ корректуру „Письма провинціала" и листы оригинала ея 7, 8, 9,—послѣдніе на тотъ конецъ, чтобы вы взглянули на вставку, которую я ввелъ вновь изъ 7-го листа, а также посмотрѣли бы: нельзя ли чего *по новымъ обстоятельствамъ* ввести въ корректуру изъ листовъ 8 и 9?—Впрочемъ, это я говорю не для чего другого, какъ для нѣкотораго округленія статьи, слишкомъ бѣдной фактами, а не для чего иного. Если нельзя,

то можетъ она остаться, какъ набрана. Я писалъ уже о искалѣченіи ея автору".

Поставленный въ силу своего положенія редактора въ необходимость считаться съ цензурой и имѣть дѣло съ ея представителями, Елисеевъ понималъ, что для преодолѣнія чинимыхъ ею трудностей его силъ недостаточно: тутъ необходимы были нерѣдко особенныя умѣніе и сноровка, которыми въ полной мѣрѣ обладалъ лишь Некрасовъ. Характеръ такого именно признанія носитъ слѣдующая его тирада изъ письма 9 іюля 1869 года (того же, изъ котораго я цитировалъ отрывокъ о статьѣ Зайцева):

„Дѣла по журналу идутъ у насъ вообще мирно и ладно, въ частности съ хозяиномъ—тоже. Только Ѳеоѳилка причиняетъ по временамъ нѣкоторыя досады и горести. Такъ, и въ послѣдней (іюльской) книжкѣ надобно было перепечатать 5 листовъ „Разсказовъ" Покровскаго. Вымаралъ мѣстахъ въ 10-ти и все по пустякамъ. А дѣлать было нечего, потому что за отъѣздомъ предсѣдателя онъ теперь главнокомандующій. Изъ сего вы можете видѣть, что еслибы не Ѳеоѳилка, то вы могли бы въ Европѣ захватить и полъ-осени. Но такъ какъ онъ существуетъ и козни дѣлать не перестаетъ, то Вамъ, я думаю, надобно будетъ пріѣзжать къ назначенному Вами сроку, т. е. къ 10 сентября или, что тоже, къ выпуску сентябрьской книжки.—Таково мое мнѣніе, которое впрочемъ предоставляю Вашему усмотрѣнію и Вашимъ личнымъ обстоятельствамъ. Еслибы послѣднія потребовали, чтобы Вы дольше пробыли за границею, то Богъ не безъ милости „Богъ не выдастъ, Ѳеоѳилка не съѣстъ".

Но у Елисеева были и другія качества, которыя позволили ему занять совершенно исключительное положеніе въ редакціонной семьѣ „Отеч. Записокъ". „Литературная среда,—говоритъ С. Н. Кривенко—переполненная крайне болѣзненными самолюбіями и претензіями, вообще очень трудна для правильныхъ отношеній, а положеніе въ ней редактора въ высшей степени щекотливо и отвѣтственно. Тутъ, кромѣ такта, нужны еще справедливость, безпристрастіе, большое терпѣніе, собственная безупречность, способность входить въ положеніе другого человѣка и умѣнье въ однихъ случаяхъ поддерживать свой авторитетъ, а въ другихъ, напротивъ, поступиться не только имъ, но и другими собственными интересами". Обладавшій въ полной мѣрѣ всѣми этими свойствами, Елисеевъ никогда не поддавался внушеніямъ „мелочнаго самолюбія и зависти" и „обыкновенно охотно уступалъ мѣсто въ журналѣ и самые вопросы, по какимъ надлежало высказаться, другимъ сотрудникамъ, откладывалъ печатаніемъ свои статьи, а статьи другихъ печаталъ". Уже добровольная уступка имъ своего отдѣла, „Внутренняго Обозрѣнія", Демерту, который и велъ его съ 1869 по 1874 годъ, говоритъ чрезвычайно много, тѣмъ болѣе, что Демертъ стоялъ ниже его и по таланту,

и по широтѣ взглядовъ. Духомъ уступчивости и снисходительности было проникнуто и исполненіе имъ редакторскихъ, въ узкомъ значеніи этого слова, обязанностей. „Какъ редакторъ,—характеризуетъ эту сторону его дѣятельности Кривенко—онъ былъ образцовый: такъ щадить, какъ щадилъ онъ, не только авторскую мысль, но и самыя даже выраженія, можетъ только человѣкъ, глубоко понимающій душу сотрудниковъ и въ высшей степени бережно относящійся къ ихъ работѣ. За все время своего сотрудничества въ „Отеч. Зап.“ я не помню, чтобъ онъ хоть что-нибудь у меня вымаралъ. Разъ онъ говоритъ: „А вотъ какое неудачное выраженіе есть въ вашей статьѣ“ (теперь ужь не припомню какое). Что же, говорю, вы его не выбросили или не поправили? „Зачѣмъ же я буду это дѣлать,—отвѣчаетъ онъ—когда, можетъ быть, вы именно то и хотѣли сказать и именно такъ хотѣли выразиться“. Въ случаѣ несогласія съ чѣмъ-нибудь, онъ предпочиталъ дѣлать оговорки и примѣчанія отъ редакціи“.

Подобнаго рода отношеніе Елисеева къ сотрудникамъ не мѣшало ему превосходно видѣть отрицательныя стороны ихъ писаній. Съ однимъ опредѣленно неблагопріятнымъ отзывомъ его о статьѣ Демерта мы уже познакомились во второй изъ вышеприведенныхъ записокъ его къ Некрасову; вотъ не менѣе неблагопріятный отзывъ о статьѣ Курочкина: „Статья Курочкина не того... Состоитъ изъ голой передачи фактовъ, не имѣющихъ, на мой взглядъ, ни должнаго направленія, ни узора. Но мнѣ кажется, что ее можно сдѣлать хорошею, придѣлавъ къ ней общую часть съ извѣстною мыслью; я не знаю, согласится ли онъ на это; я его еще не видалъ; если согласится, то статьи во всякомъ случаѣ ранѣе слѣдующаго мѣсяца не печатать“.

За то, какъ говоритъ Кривенко, „когда статьи сотрудниковъ были, дѣйствительно, удачны, то большаго удовольствія для него, кажется, не было“.

Заботливое вниманіе къ интересамъ сотрудниковъ привело даже однажды Елисеева къ нѣкоторой размолвкѣ съ Некрасовымъ, о которой мы узнаемъ изъ слѣдующей записки его, сохранившейся въ бумагахъ Некрасова:

„Николай Алексѣевичъ, я очень удивился, узнавъ, что вы ни слова не сказали Курочкину о передачѣ ему иностраннаго отдѣла и объ отчисленіи его отъ библіографіи. Только уже по уходѣ, по его виду догадался, какія онъ вытерпѣлъ волненія и муки, когда въ его присутствіи распоряжались отдѣломъ, имъ завѣдываемымъ. Я догналъ его и переговорилъ съ нимъ: онъ человѣкъ больной, мрачный, подозрительный и въ ужасномъ положеніи. Сколько я ни увѣрялъ его, что вы только по забывчивости не сказали ему о порученіи новаго отдѣла, онъ не вѣритъ, почитаетъ поступокъ съ нимъ намѣреннымъ отказомъ, который

4*

имѣлъ уже въ виду, дескать, не одинъ годъ назадъ, вообще считаетъ свои отношенія съ редакціей „О. З.“ конченными по причинѣ нанесеннаго ему тяжкаго оскорбленія“. Едва-ли, впрочемъ, можно сомнѣваться въ томъ, что источникомъ этой размолвки явилось недоразумѣніе. Вѣдь и самъ Елисѣевъ признавалъ, что инкриминируемый имъ Некрасову поступокъ былъ совершенъ „по забывчивости“. Въ какой мѣрѣ Некрасову удалось впослѣдствіи ликвидировать происшедшее и расположить къ себѣ Курочкина, объ этомъ можно судить по имѣющимся у меня письмамъ этого послѣдняго къ Некрасову, въ особенности по одному изъ нихъ, писанному въ началѣ 1872 года изъ Монтре, куда онъ долженъ былъ уѣхать, одолѣваемый тяжелой болѣзнью: въ этомъ письмѣ Курочкинъ въ трогательныхъ выраженіяхъ благодаритъ Некрасова за участливое и доброе къ себѣ отношеніе, проявляемое не только на словахъ.

Если Елисеевъ готовъ былъ принимать подъ свою защиту сотрудниковъ журнала въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ ему казалось, интересы ихъ страдали отъ чьего бы то ни было посягательства,—не меньшую заботливость обнаруживалъ онъ объ урегулированіи ихъ денежныхъ отношеній къ журналу, неизмѣнно ставя при этомъ своею цѣлью улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Изъ его записокъ къ Некрасову видно, что онъ сплошь да рядомъ предстательствовалъ передъ нимъ то за того же Курочкина, то за Скабическаго, то за какого-либо другого сотрудника, прося о выдачѣ имъ авансовъ и ссудъ. Тѣ же сотрудники, которыхъ онъ считалъ особенно полезными для „Отеч. Записокъ“, вызывали къ себѣ поистинѣ трогательныя попеченія съ его стороны. Въ подтвержденіе приведу нѣсколько строкъ изъ цитированнаго уже письма его къ Некрасову отъ 9 іюля 1869 г., строкъ относящихся къ Михайловскому:

„Что касается до Кр., то онъ ведетъ себя вполнѣ безукоризненно. Въ деньгахъ до сихъ поръ ни разу никому не отказывалъ,—даже Михайловскому, который состоитъ должнымъ болѣе 1000 р., онъ не отказывалъ.

„Но именно Михайловскій составляетъ пунктъ моихъ опасеній въ будущемъ. У Михайловскаго жена въ Францесбадѣ. Деньги ему требуются еще и, вѣроятно, немало. Михайловскій, какъ видно по послѣднимъ статьямъ его, оказывается даровитѣйшею личностью и можетъ быть даже *надеждою* литературы въ будущемъ. Для журнала онъ человѣкъ незамѣнимый и съ будущаго сентября онъ будетъ писать *журнальное* обозрѣніе. Отъ вашего имени я обѣщалъ ему съ будущаго года жалованіе; второе, въ силу вашего же обѣщанія скидку съ его долга того излишка, который окажется по разсчету не 60, а 75 р. за листъ. Вы съ новаго года прошедшаго обѣщали возвысить его плату въ сравненіи съ другими — и, когда они были повышены на 60, онъ остался при

прежнемъ разсчетѣ, т. е. повышенія для него не произошло, т. е обѣщаніе Ваше осталось не исполненнымъ. Деньги, которыя будутъ даны Михайловскому, онъ, конечно, заработаетъ! Онъ можетъ работать много.—Встрѣтится ли дѣйствительно препятствіе при отдачѣ вновь впередъ денегъ Михайловскому,—я не знаю. Но во всякомъ случаѣ было бы хорошо, еслибы Вы черкнули нѣсколько словъ объ этомъ для конторы и прислали мнѣ".

Некрасовъ, получивъ это письмо, поспѣшилъ обратиться къ Краевскому съ просьбой не отказывать Михайловскому и впредь въ денежныхъ выдачахъ (см. письма Некрасова къ Краевскому въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", 1903 г. № 2). Здѣсь, безъ сомнѣнія, рѣшающую роль сыграло собственное мнѣніе Некрасова о Михайловскомъ и о степени полезности его для „Отеч. Записокъ", въ связи съ отзывчивостью его на матеріальныя нужды сотрудниковъ (см., напр., мою статью „Практичность Некрасова въ освѣщеніи цифровыхъ и документальныхъ данныхъ"- „Вѣстникъ Европы", 1915 г., № 3), хотя нельзя отрицать и того, что для Некрасова не могло не имѣть извѣстнаго значенія и отношеніе къ этому вопросу Елисеева,—человѣка, пользовавшагося въ его глазахъ безусловнымъ довѣріемъ. На это указываетъ, между прочимъ, и то, что Некрасовъ написалъ Краевскому сейчасъ же вслѣдъ за полученіемъ письма Елисеева.

Для полноты освѣщенія редакторскаго облика Елисеева необходимо отмѣтить, что, на ряду съ вопросами болѣе или менѣе общаго характера, его горячо интересовала всякая мелочь журнальной жизни. И опозданіе типографіи съ корректурой, и неполученіе имъ во время иногороднихъ газетъ и иностранныхъ журналовъ, и не вполнѣ удачная, какъ ему казалось, форма редакціоннаго примѣчанія или заглавія статьи, и несвоевременная доставка послѣднихъ книжекъ „Отеч. Зап." въ провинцію, и очередная бесѣда съ сотрудникомъ — все это являлось нерѣдко предметомъ его заботъ и размышленій, которыми онъ дѣлился съ Некрасовымъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя записки его къ этому послѣднему.

Эти записки, какъ и вообще большинство писемъ Елисеева къ Некрасову, имѣя извѣстное значеніе для характеристики перваго, не безразличны и для характеристики второго. Само собой разумѣется, картина получилась бы несравненно ярче, еслибы, наравнѣ съ письмами Елисеева къ Некрасову, можно было использовать и письма Некрасова къ Елисееву. Къ сожалѣнію, мнѣ, не смотря на всѣ мои старанія, не удалось ихъ найти. Тѣмъ не менѣе, кромѣ использованнаго уже матеріала, я располагалъ еще нѣкоторыми документальными данными, чтобы судить объ отношеніяхъ Елисеева и Некрасова. Насколько цѣнилъ Некрасовъ Григорія Захаровича, какъ организатора и литературную силу, объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, извѣстная уже намъ

исторія привлеченія его въ руководители „Отеч. Записокъ", взамѣнъ Антоновича и Жуковскаго. О томъ же даютъ достаточно яркое представленіе матеріальныя условія его работы въ „Отеч. Запискахъ", предложенныя ему Некрасовымъ. Этотъ послѣдній на основаніи 3-го пункта контракта съ Краевскимъ имѣлъ право пригласить, по своему выбору, „двухъ помощниковъ на жалованьѣ, производимомъ изъ журнальной суммы". Сумма же эта была опредѣлена 5-мъ п. контракта, гдѣ между прочимъ сказано: „общая сумма на оригиналъ, со включеніемъ жалованья помощникамъ редактора, полагается до 2 т. на книжку". Едва-ли остатокъ отъ уплаты авторскаго гонорара и ежемѣсячнаго жалованья постояннымъ сотрудникамъ могъ превосходить 400—500 рублей, а потому Елисеевъ, какъ одинъ изъ двухъ помощниковъ редактора въ первые годы изданія „Отеч. Записокъ", по всей вѣротности, получалъ столько, сколько получали соредакторы Некрасова по „Современнику", т. е. 200—250 руб. въ мѣсяцъ. Надо думать, что точное опредѣленіе условій, на которыхъ Елисеевъ работалъ въ „Отеч Запискахъ" конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, послѣдовало не *передъ* тѣмъ, какъ журналъ перешелъ въ руки Некрасова, а *послѣ* того. Это подтверждаетъ и Михайловскій, говоря, что, въ противоположность Жуковскому, „Елисеевъ никакихъ условій Некрасову не ставилъ". Хотя Михайловскій въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній и говоритъ, что втеченіе первыхъ шести лѣтъ существованія журнала подъ новой редакціей заработокъ Елисеева ограничивался лишь редакторскимъ жалованьемъ и полистной платой, однако у меня есть письмо Елисеева къ Некрасову, позволяющее думать, что въ данномъ случаѣ Н. К. нѣсколько ошибался. Это письмо, свидѣтельствующее, съ одной стороны, о готовности Некрасова всемѣрно содѣйствовать матеріальному обезпеченію своихъ сотрудниковъ, съ другой, о щепетильности Елисеева, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ опасался, что съ повышеніемъ его заработка пострадаютъ интересы его сотоварищей по журналу, было вызвано возникшимъ въ 1872 году предположеніемъ ходатайствовать объ утвержденіи Елисеева отвѣтственнымъ редакторомъ „Отеч. Зап." Привожу его полностью:

„Николай Алексѣевичъ!

„Поразмысливъ наединѣ о редакторствѣ, я пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ, которыя и считаю нужнымъ сообщить Вамъ для правильной постановки дѣла.

„Отвѣтственное редакторство ни на одну іоту не увеличитъ моей работы. Краевскій не беретъ денегъ за редакторство. Вы говорите, что также не будете брать, если Васъ утвердятъ редакторомъ. За что же буду брать я?

„Это одно соображеніе. А вотъ другое: если я буду получать 2000 р. въ годъ, то этимъ уничтожится почти вся та сумма, которая дѣлится между нами — и Салтыковъ моимъ жалованьемъ

будетъ *конфискованъ* на 1000 и болѣе руб. въ годъ. Для него это будетъ и матеріально чувствительно, и нравственно обидно, а этого ни Вы, ни я никакъ не можемъ желать.

„Было бы справедливо, чтобы я ничего не бралъ за редакцію, какъ за дѣло, не прибавляющее никакой работы, и какъ за это не беретъ Краевскій и не стали бъ брать Вы. Но я нахожусь въ другомъ положеніи и не прочь получать *что-нибудь*.

„Размѣръ этого *что-нидудь* безобидно, мнѣ кажется, можетъ быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

„Изъ стороннихъ лицъ можно бы было найти номинальнаго редактора за сумму отъ 600 до 1200 р. въ годъ. Мнѣ кажется среднее этихъ двухъ суммъ будетъ достаточнымъ вознагражденіемъ за редакторство и для меня. Это среднее, т. е. 900 р. при 6000 подписчикахъ, будетъ составлять 15 коп. съ рыла. Очень довольно!

Вашъ Г. Елисеевъ".

1872 года, марта 3 дня.

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1872 г. какая-то сумма дѣлилась между соредакторами по „Отеч. Запискамъ", причемъ каждому изъ нихъ приходилось около 1000 руб. Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о дѣлежѣ доходовъ отъ журнала, вѣрнѣе, той части ихъ, которая приходилась на долю Некрасова, такъ какъ, согласно точному смыслу 11-го п. контракта, „оставшіяся за всѣми расходами суммы" дѣлились „поровну" между Некрасовымъ и Краевскимъ, который, конечно, своею частью прибыли ни въ чью пользу не поступался. Ошибочно было бы однако думать, что Некрасовъ весь приходившійся на его долю доходъ дѣлилъ между собою и своими соредакторами на равныхъ основаніяхъ. Это было бы по существу не справедливо, такъ какъ въ этомъ случаѣ создалось бы такое положеніе вещей, что соредакторы Некрасова, получая ежемѣсячное жалованье и зарабатывая, благодаря самому характеру своей литературной дѣятельности, значительныя суммы въ качествѣ авторскаго гонорара, имѣли бы съ журнала несравненно больше чѣмъ онъ. Во избѣжаніе этой несправедливости, а также, очевидно, учитывая значительность расходовъ на „представительство" журнала, Некрасовъ считалъ возможнымъ и нравственно позволительнымъ большую часть прибыли брать себѣ. Матеріальныя отношенія между нимъ, съ одной стороны, Елисеевымъ и Салтыковымъ, съ другой, были окончательно оформлены въ 1874 году, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго, приводимаго Н. К. Михайловскимъ документа:

„1) Съ 1-го января настоящаго 1874 г. и впредь до истеченія срока контракту, заключенному Н. А. Некрасовымъ съ г. Краевскимъ на арендованіе журнала „Отечественныя Записки", мы, Елисеевъ и Салтыковъ, получаемъ ежемѣсячно по 250 р. с. за тру-

ды по редактированію журнала, независимо отъ полистной платы (по особому условію) за наши произведенія, и сверхъ того, буде „Отечественныя Записки“ будутъ имѣть болѣе 5500 подписчиковъ, то получаемъ мы по 600 руб. единовременно въ концѣ каждаго года. 2) Изъ чистаго дохода, который имѣетъ получаться отъ „Отечественныхъ Записокъ“ на основаніи упомянутаго контракта, прежде всего, отчисляется шесть тысячъ рублей на долю Н. А. Некрасова, затѣмъ остальной чистый доходъ, за вычетомъ дѣлаемыхъ съ общаго нашего согласія расходовъ, дѣлится между нами троими по равной части. Разсчетъ этотъ дѣлается въ январѣ каждаго года за прошедшій годъ. 3) Условія выхода каждаго изъ насъ изъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, а равно и послѣдствія этого выхода опредѣляются особымъ формальнымъ договоромъ, заключеннымъ между нами нотаріальнымъ порядкомъ. Если Некрасовъ признаетъ нужнымъ нарушить контрактъ свой съ г. Краевскимъ ранѣе срока, то и настоящее условіе прекращается“.

Допуская, что авторскій гонораръ, получаемый каждымъ изъ двухъ соредакторовъ Некрасова по „Отечественнымъ Запискамъ“, былъ нѣсколько менѣе суммы редакторскаго жалованья, т. е. трехъ тысячъ рублей и не превышалъ, скажемъ, 2000 руб., мы получимъ возможность исчислить, конечно, не съ абсолютной степенью точности, размѣры ихъ общаго заработка въ годъ. Итакъ, редакторскаго жалованья они имѣли по 3000 руб., авторскаго гонорара по 2000 руб. и единовременныхъ полученій въ концѣ года по 600 руб., а всего, слѣдоватсльно, по 5600 руб., Некрасовъ же бралъ себѣ изъ доходовъ журнала 6000 руб., а остальную ихъ часть дѣлилъ между собою и соредакторами уже на равныхъ основаніяхъ. Слѣдовательно, онъ получалъ съ журнала лишь очень немногимъ (по нашему вычисленію, приблизительно 400-ми рублей) больше, чѣмъ Елисеевъ и Салтыковъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что послѣдніе два имѣли около 5000 руб. въ годъ, независимо отъ количества подписчиковъ, опредѣлявшаго доходность журнала; что же касается Некрасова, то онъ могъ разсчитывать на полученіе своихъ 6000 руб. лишь тогда, когда журналъ приносилъ не менѣе 12000 руб. чистой прибыли. А потому, имѣя при успѣшномъ веденіи дѣла столько же, сколько и его соредакторы, въ случаѣ паденія подписки онъ рисковалъ получить менѣе ихъ. Само собой разумѣется, что подобнаго рода рискъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что временнымъ собственникомъ журнала, арендованнаго имъ у Краевскаго, былъ онъ, владѣніе же капиталомъ, вложеннымъ въ какое-либо предпріятіе, наравнѣ съ положительной, имѣетъ и свою отрицательную сторону. Во всякомъ случаѣ порядокъ „распредѣленія благъ“, установленный Некрасовымъ въ „Отеч. Запискахъ“, нельзя не признать дѣлающимъ честь его безкорыстію, и Михайловскій былъ правъ, назвавъ

его „небывалымъ въ русской журналистикѣ", тѣмъ болѣе „небывалымъ", что Некрасовъ „всегда могъ бы сослаться на положеніе „Отечественныхъ Записокъ": ихъ бюджетъ безъ того былъ обремененъ арендною платой, которая не лежала на другихъ журналахъ и газетахъ".

Все вышеизложенное убѣждаетъ въ томъ, что Некрасовъ былъ въ глазахъ Елисеева человѣкомъ, заслуживающимъ уваженія, какъ по своей роли въ дѣлахъ литературно-общественныхъ, такъ и по своему образу дѣйствій въ вопросахъ матеріальнаго характера. Но каково было отношеніе Елисеева къ личности Некрасова? Часто вѣдь бываетъ, что мы, цѣня человѣка за его общественную дѣятельность и охотно поддерживая съ нимъ дѣловыя отношенія все же испытываемъ въ той или иной мѣрѣ антипатію къ его личности. Нельзя не сознаться, что въ распоряженіи изслѣдователя имѣются нѣкоторыя данныя, располагающія къ положительному отвѣту на этотъ вопросъ. Такъ, напримѣръ, С. Н. Кривенко утверждаетъ категорически, что, насколько „онъ (т. е. Елисеевъ) любилъ Салтыкова, настолько же лично ему былъ непріятенъ Некрасовъ. Къ Салтыкову, напримѣръ, и нѣкоторымъ сотрудникамъ (какъ къ А. Мих. Скабичевскому), вскорѣ послѣ нашего знакомства, онъ самъ меня звалъ и ѣхалъ съ удовольствіемъ, а къ Некрасову, когда тотъ позвалъ насъ обѣдать, ѣхалъ съ такого рода комментаріями: „Охъ, ужъ и не люблю я этихъ обѣдовъ. Есть вѣдь редакціонные обѣды, такъ вотъ нѣтъ—еще у него обѣдайте: а тамъ чортъ знаетъ, кого можно встрѣтить. Но надо ѣхать". Впослѣдствіи, когда мы ближе познакомились, онъ ужъ не стѣснялся, прямо бранилъ Некрасова и истолковывалъ нѣкоторыя его дѣйствія такъ, что мнѣ приходилось не разъ оспаривать его, выставляя совершенно другое объясненіе". Правда, сейчасъ же Кривенко добавляетъ, что это-де „не мѣшало ему однако очень цѣнить Некрасова, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ написанная имъ и оставшаяся въ его бумагахъ блестящая характеристика Некрасова" [1]), но тѣмъ не менѣе приведенный отрывокъ не теряетъ своего весьма неблагопріятнаго для личности Некрасова смысла.

Въ статьѣ Михайловскаго объ Елисеевѣ, въ свою очередь, содержится страничка, очень близкая по своему содержанію съ тѣмъ, что говоритъ объ отношеніи Елисеева къ Некрасову Кривенко. Къ своему окончательному, реаблитирующему Некрасова взгляду на него, утверждаетъ Михайловскій, Елисеевъ „пришелъ... далеко не сразу. Онъ, конечно, всегда признавалъ умъ и талантъ Некрасова и огромность его заслуги въ литературѣ. Но вмѣстѣ съ

---

[1]) Имѣется въ виду письмо Елисеева къ Х-ву, въ которомъ онъ характеризуетъ общественную роль Н-ва, какъ роль „героя - раба". Отрывки изъ этого письма впервые были напечатаны Михайловскимъ, а затѣмъ П. Якубовичемъ въ его статьѣ о Некрасовѣ.

тѣмъ мнѣ случалось слышать отъ него очень рѣзкіе отзывы о нравственной личности поэта (не мнѣ одному, конечно; на это имѣются ядовитые намеки, между прочимъ, и въ брошюрѣ гг. Антоновича и Жуковскаго). И того, почти художественнаго объединенія свѣта и тѣни, какое имѣется въ приведенномъ мною портретѣ „героя - раба", въ этихъ отзывахъ отнюдь не было. Для меня же это объединеніе (въ иныхъ пропорціяхъ, конечно) установилось довольно скоро послѣ знакомства и совмѣстной работы съ Некрасовымъ. Не потому, чтобы я былъ проницательнѣе Елисеева, а, какъ это ни странно на первый взглядъ, потому, что я меньше зналъ Некрасова. Заслуги Некрасова въ литературѣ мнѣ были также хорошо извѣстны, какъ и Елисѣеву, какъ и всякому, интересующемуся судьбами русской литературы, а тѣневыя стороны его нравственной личности я зналъ только по наслышкѣ. Я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ только *слабостей* Некрасова, тогда какъ Елисеевъ близко зналъ его *грѣхи*, и понятно, что ему трудно было свести концы съ концами въ этой сложной натурѣ. Его долго мучили это непримиренное противорѣчіе и мысль, что онъ, Елисеевъ, стоитъ рядомъ съ загадочнымъ человѣкомъ, на которомъ лежатъ столь тяжкія и до извѣстной степени фактически, во всякомъ случаѣ, справедливыя обвиненія..."

Предлагаемая Михайловскимъ гипотеза,—читатель согласится, что приведенное мнѣніе носитъ характеръ именно гипотезы,— исчерпывала бы вопросъ, еслибъ Елисеевскій взглядъ на Некрасова, какъ на „героя-раба", покрывалъ собою всю личную сторону его жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ относится, главнымъ образомъ, къ его общественному служенію, задѣвая личную жизнь хотя и довольно широко, но все же лишь постольку, поскольку ея компромиссы и даже паденія могли быть поставлены въ связь съ специфическимъ характеромъ дѣятельности „герояраба".

Я имѣю предложить другое объясненіе вопроса. Образъ и обстановка жизни Некрасова, въ которыхъ постоянно чувствовалась власть предрасположеній и привычекъ, свойственныхъ поколѣнію 40-хъ годовъ съ его барствомъ и сибаритствомъ, не могли не возмущать разночинца-демократа, каковымъ былъ и оставался Елисеевъ, этотъ „аскетъ практической жизни",—по выраженію того же Михайловскаго. Отсюда его не любовь и къ обязательнымъ обѣдамъ Некрасова, и къ другимъ барственнымъ сторонамъ его жизненнаго обихода; отсюда же и его временами очень рѣзкіе отзывы о Некрасовѣ. Все это и давало видимость непримиримаго противорѣчія, яко бы лежавшаго въ основѣ отношенія Елисеева къ Некрасову, которое натолкнуло даже Михайловскаго на мысль, что Елисеевъ „близко зналъ" какіе-то „грѣхи" Некрасова. Здѣсь, думается мнѣ, лежитъ очевидное недоразумѣніе. Въ моемъ распоряженіи находится собственноручная замѣтка Елисеева, разъясняющая вопросъ о „грѣхахъ". Эту замѣтку Елисеевъ имѣлъ

въ виду включить въ текстъ той части своихъ воспоминаній, которая подъ заглавіемъ „Некрасовъ и Салтыковъ“ была напечатана черезъ два года послѣ его смерти въ „Русскомъ Богатствѣ“ (№ 9, 1893 г.). Уже здѣсь мы встрѣчаемся со слѣдующими знаменательными словами, относящимися къ содержанію тѣхъ покаянныхъ бесѣдъ, которыя Некрасовъ велъ съ нѣкоторыми изъ посѣщавшихъ его лицъ во время своей послѣдней болѣзни. „Всякій мало знавшій Некрасова человѣкъ, слушая эти его самооправданія, могъ подумать, что онъ былъ и ни вѣсть какой грѣшникъ, что тяжкіе его грѣхи не могли быть отмолены никакими святыми...“ Далѣе по моему предположенію, должна была слѣдовать вышесказанная вставка, первое предложеніе которой является въ логическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ продолженіемъ послѣдней фразы приведеннаго отрывка. Привожу эту вставку полностью:

„...потому что изъ слушавшихъ его исповѣдь никто не вѣрилъ, чтобы исповѣдь его была вполнѣ искренняя, чтобы мученія его совѣсти могли происходить отъ тѣхъ малозначительныхъ и даже вовсе ничего незначущихъ проступковъ, въ которыхъ онъ каялся и обвинялъ себя, что на душѣ его лежатъ какія-нибудь тайныя злодѣянія, которыя онъ тщательно скрываетъ и они-то и могутъ причинять ему невыносимую боль. Но люди, которые стояли близко къ Некрасову и болѣе или менѣе были знакомы съ его жизнью, слушая его, знали очень хорошо, что исповѣдь его вполнѣ искренняя, что кромѣ того, что онъ разсказываетъ, ему и разсказывать нечего, что если, не смотря на это, при его нестерпимыхъ боляхъ физическихъ, причиняемыхъ ему его страшной мучительной болѣзнью, для него также и даже болѣе нестерпимы страданія нравственныя, то это происходитъ отъ того, что онъ преувеличиваетъ значеніе нѣкоторыхъ проступковъ, совершенныхъ имъ въ жизни, проступковъ до того малозначущихъ, что при томъ уровнѣ нравственности, который существуетъ въ обществѣ, еще остается вопросъ: дѣйствительно ли это проступки, но которые до того раздуты людскою злобою и клеветою, что больной находясь въ теченіе двухъ почти лѣтъ въ постоянной утомительной борьбѣ съ болѣзнью, истерзанный ею, потерялъ всякое равновѣсіе силъ, лишился того мужества и бодрости, которыя всегда его отличали, и впалъ въ малодушіе, въ боязнь, что эти проступки покроютъ позоромъ его могилу, что изъ-за нихъ забудется все то, что онъ сдѣлалъ хорошаго. Рядомъ съ возобновляющимися приступами болѣзни возобновлялась его нравственная прострація. Когда припадки болѣзни смягчались или прекращались и наступали свѣтлыя минуты, онъ старался поднять свое нравственное состояніе духа, насколько было возможно, старался оправдать или извинить тѣ проступки, въ которыхъ онъ обвинялъ и самъ себя, но которые до безобразія раздувались людской злобой и клеветой, и показать, что эти проступки не такъ-то велики, чтобы ихъ не

могла простить его родина. Между эти мистрахомъ и надеждой онъ жилъ все время своей болѣзни. Такою же раздвоенностью отмѣчены нѣкоторыя изъ его послѣднихъ пѣсенъ, написанныхъ во время болѣзни. Но такъ какъ стихотворенія имъ писались въ минуты свѣтлыя, въ минуты прекращенія или смягченія припадковъ болѣзни, то они большею частью заканчиваются надеждою на прощеніе".

Такое отношеніе Елисеева къ Некрасову совершенно исключаетъ возможность предполагать, что жизнь, а вслѣдствіе этого и личность поэта, ничего, кромѣ антипатіи, и съ его стороны вызывать не могли. Ниже я приведу доказательства того, что Елисеевъ относился именно къ личности Некрасова въ достаточной степени тепло, а пока еще разъ отмѣчу то обстоятельство, которое препятствовало установиться между ними близости. Это, повторяю, принадлежность къ различнымъ поколѣніямъ и къ различнымъ общественно-психологическимъ типамъ, обусловливавшая полное несходство въ обстановкѣ и образѣ жизни. Въ подтвержденіе позволю привести опять-таки не попавшій въ печать отрывокъ изъ воспоминаній Елисеева, трактующій о печальномъ, наслѣдіи, которое получилъ Некрасовъ отъ своихъ предковъ. Процитировавъ извѣстную строфу [1]) изъ поэмы „Мать", Елисѣевъ пишетъ: „Мы, конечно, вполнѣ вѣримъ и не можемъ не вѣрить— ибо это мы видѣли, и такъ сказать, осязали, что поэтъ наполнилъ жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты, что носила пѣснь, слагаемая имъ, живой любви глубокія черты, но чтобы онъ вполнѣ стряхнулъ съ себя когда-нибудь даже при концѣ жизни, да еще стряхнулъ легко, тлетворные слѣды рабства, въ этомъ мы не только позволяемъ себѣ усомниться, а даже положительно и рѣшительно отвергаемъ. Мы, напротивъ, утверждаемъ, что по множеству своихъ привычекъ, традицій, безсознательныхъ стремленій и поползновеній онъ остался невольнымъ рабомъ до конца жизни. Потому что отъ всѣхъ этихъ тлетворныхъ, какъ онъ выражается, слѣдовъ рабства и отстать онъ не могъ, еслибы и хотѣлъ, потому что слѣды вошли, всосались въ него съ самаго дѣтства, такъ сказать, съ молокомъ матернимъ, а во-

---

[1]) А именно:

„И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!"

вторыхъ, потому что какъ родственными, такъ и другими, не менѣе крѣпкими общественными связями былъ неразрывно связанъ съ обществомъ, которое родилось, воспиталось и продолжало жить въ условiяхъ того же рабства. Кромѣ того, разъ онъ хотѣлъ бороться съ этимъ обществомъ за успѣхъ новой идеи,онъ не долженъ былъ совершенно сбрасывать съ себя всѣхъ тлетворныхъ слѣдовъ рабства, еслибы и могъ это сдѣлать. Въ рабскомъ обществѣ есть свои прiемы для успѣха борьбы и свои подходцы, обстановочки, однимъ словомъ, цѣлая серiя такихъ военныхъ и дипломатическихъ хитростей и тонкостей, что безъ нихъ не только невозможно надѣяться на успѣхъ борьбы, а, напротивъ, можно ожидать, что въ недобрый часъ ни за что, ни про что пропадешь, какъ разъ попадешь въ мѣста или не совсѣмъ, а то и совсѣмъ отдаленныя".

Въ послѣднихъ словахъ содержится уже опредѣленный намекъ на елисеевскую теорiю о „героѣ-рабѣ", самое созданiе которой едва ли было бы психологически допустимо, еслибы Некрасовъ на самомъ дѣлѣ, былъ настолько-де „непрiятенъ Елисееву, насколько онъ любилъ" Салтыкова. Наличность извѣстной теплоты въ отношенiи Елисеева именно къ личности Некрасова явственно ощущается при чтенiи нѣкоторыхъ его писемъ къ нему. Первое изъ нихъ, относящееся къ начальному перiоду совмѣстной работы Некрасова и Елисеева въ „Отеч. Запискахъ", отъ 9 iюля 1869 года, я уже въ значительной его части процитировалъ и, чтобы не повторяться, приведу здѣсь лишь его начало и конецъ:

„Очень благодаренъ Вамъ за извѣстiе о Вашемъ пребыванiи и состоянiи Вашего духа. Хотя я и прежде не лишенъ былъ нѣкоторыхъ о Васъ свѣдѣнiй, но такъ какъ свѣдѣнiя эти были передаточныя, а не личнаго впечатлѣнiя, то были недостаточно ясны и тверды. Письмо Ваше было тѣмъ прiятнѣе для меня, что я его никакъ не ожидалъ. Ибо самъ писать письма крайне лѣнивъ и, когда былъ за границею, едва-ли написалъ три письма въ Россiю, потому думалъ, что и вамъ за границею не до писемъ, исключая, разумѣется, самыхъ необходимыхъ...

. . . .

Въ городѣ ничего новаго, кажется, нѣтъ. Въ литературѣ смирно. Мы втроемъ, т. е. Курочкинъ, Демертъ и я, проводили лѣто на одной дачѣ въ Парголовѣ, въ Шуваловскомъ саду. Мѣсто бы хорошее, но лѣто скверное. Много дождя и холодно. *Марковичъ* въ Орловской губ. въ деревнѣ и почти ничего не пишетъ. Салтыковъ въ деревнѣ подъ Москвой; вчера для августовской книжки прислалъ: „Письмо изъ провинцiи". Затѣмъ до свиданiя. Будьте здоровы, будьте и веселы. Жму Вамъ крѣпко руку и желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ Елисеевъ".

Личное расположеніе къ Некрасову, хотя и ощущается здѣсь но не проявляется столь замѣтно, какъ въ двухъ письмахъ 1875 и 1876 годовъ. Если первое изъ нихъ интересно, главнымъ образомъ, потому, что все почти состоитъ изъ передачи личныхъ впечатлѣній и заканчивается обращенной къ Некрасову просьбой позаботиться о близкомъ имъ обоимъ человѣкѣ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что у корреспондентовъ было достаточно темъ для обмѣна мнѣній по вопросамъ чисто личнаго характера, то второе письмо положительно уже говоритъ о горячей личной симпатіи Елисеева къ Некрасову. Привожу оба эти письма безъ всякихъ выпусковъ:

1) „Я живу пятый день уже въ Нанси—на пути изъ Баденa-Страсбурга въ Парижъ. Остановился здѣсь, чтобы отчасти закончить внутреннее обозрѣніе, а, главное, подмалевать его для типографіи. И подмалевалъ, кажется, хорошо. Думаю, что наборщики должны все разобрать. Впрочемъ, если бы чего и не разобрали, то 6 или 7 сентября я надѣюсь попасть въ Петербургъ и, слѣдовательно, успѣю самъ прочесть корректуру. Сегодня въ часъ дня я выѣду отсюда въ Парижъ. Не знаю: успѣю ли отсюда отправить рукопись—вчера вечеромъ не приготовилъ пакета, а теперь не знаю: принесутъ ли скоро, да и почта не близко. Придется, пожалуй, увезти ее въ Парижъ и послать ее оттуда завтра.

„На пути изъ Эмса я заѣзжалъ въ Баденъ-Баденъ и прожилъ тамъ пять дней. Мѣстность очень красива, но жить тамъ долго нельзя. Очень тамъ ужъ все нарядно, парадно и публично. Какъ мѣсто для временнаго гулянья, Баденъ хорошъ, но для постояннаго или долгаго житья онъ не уютенъ. По блеску, роскоши и разнымъ свѣтскимъ этикетамъ онъ, пожалуй, похожъ на столицу. а по безсодержательности и мелкотѣ жизни ничѣмъ не отличается отъ уѣзднаго города. Ежедневныя бесѣды, какъ и во всякомъ уѣздномъ городѣ, поддерживаются новостями или сплетнями проживающихъ въ Баденѣ другъ о другѣ. Кто доволенъ такою жизнью и вошелъ въ нее, тому хорошо. Но кто стоитъ въ сторонѣ отъ нея, тому непріятно стоять на выставкѣ и быть предметомъ новостей для другихъ. А потеряться для всѣхъ, быть въ неизвѣстности здѣсь нельзя. Знаютъ всѣ наперечетъ другъ друга, и знакомые, и незнакомые. Я понимаю, почему Баденъ такъ опротивѣлъ Салтыкову, что онъ слышать о немъ не можетъ и съ нѣкіимъ ужасомъ говоритъ о предстоящей ему подобной жизни въ Ниццѣ, куда его посылаютъ на зиму. И надобно полагать, что Ницца ничѣмъ не лучше Бадена, а, пожалуй, еще похуже.

„Жаль бѣднаго М. Е. Въ той атмосферѣ, въ которой онъ прожилъ четыре мѣсяца и въ которой ему придется прожить еще цѣлую зиму, а, быть можетъ, и болѣе, онъ похожъ на человѣка, посаженнаго въ уединенное заключеніе. Онъ угнетенъ морально и сильно скучаетъ. И о здоровьѣ его нельзя сказать, чтобы оно

было въ блестящемъ состояніи. Правда, сердце въ порядкѣ, но ревматическія боли—положимъ, незначительныя и легкія—держатся упорно. И нѣтъ пока гарантіи, что при какой-нибудь неосторожности онѣ не возвратятся. А какъ отъ всего уберечься?— Вотъ теперь передъ Ниццею ему разрѣшено ѣхать на полтора мѣсяца въ Парижъ, куда онъ черезъ нѣсколько дней ѣдетъ. Парижъ живетъ ночью; отправившись куда-нибудь вечеромъ, можно рисковать попасть на всякую погоду. Кромѣ того, ему непремѣнно хочется попасть въ театръ, а парижскіе театры таковы, что въ нихъ, говорятъ, очень легко простудиться.

„Вообще опасностей въ Парижѣ много,—и было бы очень прискорбно, еслибы его боли по неосторожности опять возобновились. Вотъ вы бы хорошо сдѣлали, Николай Алексѣевичъ, еслибы вмѣсто Италіи, куда Вы хотѣли ѣхать на сентябрь, пріѣхали въ Парижъ. При Васъ съ Салтыковымъ, вѣрно, не случилось бы никакихъ казусовъ въ Парижѣ. Онъ такъ былъ бы радъ Васъ видѣть, что не отсталъ бы отъ Васъ во все время вашего пребыванія въ Парижѣ. До свиданія. Будьте здоровы. Прошу передать мой поклонъ всей братіи „О. З.“

Вашъ Гр. Елисеев

18/30 августа 1875 г.“

2) „Сентябрь 27 дня 1876 года.

„Сейчасъ пришелъ изъ редакціи. Грязь, слякоть, сырость по улицѣ—невообразимыя; однимъ словомъ, петербургская осень во всей красѣ. Кажется, и тифы уже начинаются. Какіе эти дураки сербы, что не успѣли втеченіе лѣта взять Константинополь, какъ я имъ это желалъ и предсказывалъ! Теперь мы могли бы перенести нашу редакцію въ Константинополь и продолжать тамъ изданіе „О. З.“ Тогда вамъ не нужно было бы удаляться отъ насъ въ тридевятыя земли.

„Говоря серьезно, я теперь начинаю жалѣть немножко о томъ, что „О. З.“ впали вмѣстѣ съ другими органами въ воинственный тонъ на счетъ Сербіи. Кажется, того, что желалось и даже представлялось какъ бы въ карманѣ, т. е. освобожденія Болгаріи, Герцоговины, Босніи, не послѣдуетъ и все дѣло кончится ничѣмъ, а между тѣмъ настроеніе, возбужденное въ публикѣ славянскою войною, вовсе неблагопріятно тѣмъ идеямъ, которыя нашъ журналъ стремится насадить и утвердить въ публикѣ. Тому, кто вѣритъ въ телеологическую причинность явленій, можетъ, пожалуй, показаться, что Промыслъ устроилъ сербскую войну единственно въ пользу „Новаго Времени“. Никто не будетъ отъ нея въ выигрышѣ, напротивъ, потеряютъ всѣ: и Сербія, и другія славянскія земли, Турція, и Россія. Выиграетъ одинъ Суворинъ, У него подписчиковъ, дескать, уже 16.000. На дняхъ былъ у меня Ефремовъ и разсказывалъ, что Краевскій, какъ передаютъ ему это изъ Литературнаго Фонда, не можетъ равнодушно слышать, а приходитъ въ нѣ-

которое содраганіе, когда просто въ разговорѣ случайно упоминается имя Суворина или „Новаго Времени“. Онъ же съ обычнымъ его юморомъ разсказывалъ, что, будто бы, когда Краевскій прогуливается по улицѣ и сзади его нечаянно мальчишка-газетчикъ закричитъ „телеграммы“, то онъ опрометью бросается бѣжать, подозрѣвая въ этомъ крикѣ подвохъ со стороны своихъ многочисленныхъ враговъ; потомъ — что когда въ „Петербургскомъ Листкѣ“ было объявлено, что въ извѣстный день будетъ происходить на *Конной* площади опоясаніе мечомъ Краевскаго по подобію Абдулъ-Гамида, то будто его кухарка и горничнаь отправлялись смотрѣть на эту церемонію и потомъ, дескать, оченя удивлялись: почему она не состоялась? Не запрещено ли, дескать, правительствомъ?

„Я пріѣхалъ нынѣ въ Петербургъ, по обыкновенію, въ сентябрѣ и только здѣсь узналъ, что Вы уѣхали въ Крымъ лѣчиться, но признаться сказать, никакъ не думалъ, что Вы поѣхали лечиться вплотную: я былъ увѣренъ, что Вы послѣ моего отъѣзда заграницу поправились, а въ Крымъ отправились только освѣжиться и покупаться. Лишь на-дняхъ изъ письма вашего къ Салтыкову я узналъ, что Вы все продолжаете хворать, по причинѣ (чего) чувствуете себя не по себѣ. Не могу выразить Вамъ, какъ эта вѣсть огорчила не только меня, но и мою жену—и не эгоистично только, не потому, что вы стоите во главѣ нашего общаго дѣла, а лично за Васъ. Въ наши лѣта и такъ не особенно много радостей, а тутъ, чорть возьми! еще хворь навяжется, которая не даетъ покою ни днемъ, ни ночью и просто даже какъ-нибудь жить не даетъ!—Вы пишете, что скучаете въ Ялтѣ, оно иначе и быть не можетъ, а все-таки Вамъ надобно волю надъ собою взять и не выѣзжать оттуда, пока совсѣмъ не поправитесь. Въ Ялтѣ и климатъ хорошъ, и кромѣ того, по вѣрованію многихъ докторовъ, море насыщаетъ воздухъ такими частицами, которыя, дескать, имѣютъ силу цѣлить болѣзни, совсѣмъ недоступныя для леченія современной медицинѣ. А въ Петербургѣ, какъ я Вамъ и сказалъ выше, быть теперь ужасно!

„Я никуда не выхожу и никого не вижу. Вчера видѣлъ только Ратынскаго, онъ, какъ и всегда, милъ и любезенъ. Онъ возилъ Салтыкова къ Григорьеву по поводу извѣстной Вамъ исторіи. Григорьевъ принялъ его съ подобающимъ почтеніемъ и принесъ всѣ возможныя извиненія. Салтыковъ, видимо, остался доволенъ пріемомъ. Говоритъ, по крайней мѣрѣ, что теперь Григорьевъ пропуститъ ему все, что бы онъ ни написалъ.

„Въ домѣ у Васъ, какъ кажется, все обстоитъ благополучно. Вашъ домовникъ—кучеръ—такая симпатичная личность, какую отыскать трудно. Вотъ человѣкъ, котораго нельзя не любить и на котораго во всемъ можно положиться, какъ на каменную гору.

„До свиданія; выздоравливайте скорѣй. Мой поклонъ Зинаидѣ

Николаевнѣ; таковой же отъ моей жены, которая кланяется такъ же и Вамъ и проситъ напомнить Вамъ о давно уже обѣщанномъ портретѣ.

Вашъ Г. Елисеевъ".

Если принять во вниманіе, что второе изъ этихъ двухъ писемъ было адресовано къ человѣку, надъ которымъ уже виталъ призракъ смерти, такъ какъ, хотя Елисеевъ и выражаетъ увѣренность, что Некрасовъ послѣ отъѣзда его за-границу поправился, но это, конечно, не болѣе, какъ хитрость, имѣвшая цѣлью показать больному, что его состояніе отнюдь не производитъ впечатлѣнія безнадежнаго,—то содержаніе его отнюдь нельзя не признать преисполненнымъ удивительнымъ тактомъ и рѣдкою доброжелательностью. Большая часть его занята новостями литературнаго характера, перемежающимися съ шутками. Чувствуется, что этотъ нѣсколько легкій, отнюдь не свойственный „аскету" Елисееву, тонъ взятъ имъ съ благою цѣлью развеселить больного, оставаясь въ сферѣ наиболѣе близкихъ ему и знакомыхъ интересовъ. Перейдя, далѣе, къ болѣзни Некрасова, Елисеевъ находитъ простыя и искреннія слова для выраженія своего участія и соболѣзнованія, причемъ подчеркиваетъ, что Некрасовъ дорогъ ему не только, какъ глава „общаго дѣла", но и какъ человѣкъ. Затѣмъ слѣдуетъ убѣжденіе не возвращаться изъ Крыма, не долечившись. Какъ бы внѣ связи съ этими убѣжденіями, Елисеевъ упоминаетъ о свиданіи Салтыкова съ предсѣдателемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Григорьевымъ, которое сошло-де настолько благополучно, что теперь Григорьевъ пропуститъ Салтыкову, „что бы онъ ни написалъ". Иными словами. Некрасовъ можетъ не безпокоиться, такъ какъ въ настоящій моментъ въ его вмѣшательствѣ въ отношенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ не представляется надобности. Наконецъ, въ заключительной части письма Елисеевъ своими похвалами некрасовскому „домовнику" спѣшитъ предотвратить возможность всякихъ тревогъ со стороны своего корреспондента по поводу его пустующей зимней квартиры.

Я думаю, этотъ краткій комментарій дѣлаетъ несомнѣннымъ, что отношеніе Елисеева къ личности Некрасова слагалось не только изъ элементовъ дружескаго расположенія, но и любви. Въ противномъ случаѣ Елисеева пришлось бы признать весьма искуснымъ лицемѣромъ, что противорѣчило бы всему тому, что мы знаемъ о немъ и изъ его жизни, и изъ его литературной дѣятельности, и изъ показаній о немъ его современниковъ, заподозрить правдивость отзывовъ которыхъ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Да и ради чего сталъ бы лицемѣрить Елисеевъ тогда, когда положеніе его въ „Отеч. Запискахъ" было прочнѣе прочнаго, а Некрасовъ уже, конечно, трактовался, какъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ?

Естественнѣе ему было лицемѣрить раньше, въ періодъ расцвѣта жизненныхъ силъ и энергіи Некрасова, но тогда онъ не только не лицемѣрилъ, а обнаруживалъ, какъ показываетъ вышеприведенный инцидентъ съ Курочкинымъ, достаточно прямоты и даже рѣзкости.

Отношенія Елисеева къ Некрасову не болѣе какъ эпизодъ въ жизни и общественномъ служеніи Григорія Захаровича, но эпизодъ не изъ маловажныхъ, такъ какъ съ Некрасовымъ именно ему пришлось идти рука объ руку какъ разъ въ годы наибольшаго расцвѣта своихъ интеллектуальныхъ силъ и творческой работы. Къ тому же въ этихъ отношеніяхъ съ достаточной яркостью и полностью проявилась, какъ мы видѣли, и личность Елисеева сочетавшая въ себѣ съ непоколебимою, иногда не лишенной ригоризма преданностью благороднымъ идеаламъ своего времени чуткое и любвеобильное сердце, которое умѣло понять и оправдать человѣческія слабости, разъ онѣ не загасили въ душѣ искры Божіей. Едва-ли я ошибусь, если скажу, что о томъ же свидѣтельствуютъ и редакторская дѣятельность и характеръ писаній Елисеева, имя котораго, сроднившееся съ именами Некрасова, Салтыкова, Михайловскаго, никогда не забудется въ лѣтописяхъ русской журналистики, какъ имя человѣка, честно и самоотверженно, съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостью, сохранявшаго вѣрность лучшимъ завѣтамъ 60—70-хъ годовъ.

В. Евгеньевъ.

ЧУДО.

Не упрекай и повѣрь:
Пѣсня такъ вдругъ зазвучала.
Самъ я взволнованъ немало,
Самъ изумленъ я теперь.

Что же такое со мной?
Слезы восторга откуда?
Пѣсня, весеннее чудо,
Пѣсня въ душѣ молодой!

П. Радимовъ.

У ВРАТЪ САМАРІИ.

Романъ Уильяма Дж. Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

I.

Строгая комната, безукоризненно чистая. Вдоль одной стѣны книжный шкафъ съ пузырчатыми стеклянными дверцами и въ немъ, на полкахъ, цѣлая литература, которую собирали, не читая, два поколѣнія подрядъ. На другихъ старинныя гравюры, плохо освѣщенныя. Посерединѣ комнаты большой, обитый кожей столъ; на немъ съ необычайной аккуратностью разложены письменныя принадлежности. По одной стѣнѣ диванъ, прямо на сквозникѣ, такъ какъ изъ дверей дуетъ. По обѣ стороны камина два кожаныхъ кресла съ топорными прямыми спинками.

Въ одномъ изъ этихъ креселъ сидитъ старикъ, въ другомъ увядшая женщина лѣтъ подъ сорокъ. Старикъ разглядываетъ картину, которую онъ держитъ у себя на колѣняхъ—узкую, продолговатую полоску холста, набитую гвоздями на грубую деревянную рамку. Женщина съ интересомъ смотритъ на него, какъ бы въ ожиданіи его рѣшенія.

Это—отецъ и дочь; и они до странности похожи другъ на друга. У обоихъ блѣдныя лица, высокіе и узкіе лбы съ едва замѣтными продольными морщинками, сѣрые холодные глаза: у обоихъ верхняя губа, длинная и тонкая, мало подвижная, плотно прижата къ нижней. Единственная существенная разница—въ томъ, что у отца подбородокъ очерченъ мягче; у дочери—жестче и болѣе квадратный. Оба лица какія-то невзрачныя, безрадостныя, какъ бы лишенныя дара выражать сильныя эмоціи. Такія лица, за вычетомъ утонченности, которую придаетъ происхожденіе и воспитаніе, вы можете увидѣть на скамьяхъ темныхъ дисси-

дентскихъ часовень, куда ихъ приводитъ обыкновенно не сила убѣжденности, а незамѣтно подталкивающая сила обстоятельствъ.

И, дѣйствительно, подобно сотнямъ семействъ въ высшихъ слояхъ нашего средняго класса, Давенанты происходятъ отъ нѣкогда воинствовавшихъ пуританъ и, хотя пламенный пуританизмъ ихъ постепенно тускнѣлъ, расплываясь въ болѣе респектабельной ортодоксіи, однакожъ тѣнь его и посейчасъ еще виситъ надъ ними. Яркій энтузіазмъ, подстрекавшій пуританъ къ высокимъ подвигамъ, погасъ; остался только смутный страхъ грѣха, удерживающій пуританина въ моральномъ и умственномъ бездѣйствіи. Быть можетъ, именно этотъ сохраненный нами пережитокъ отрицательнаго фактора въ пуританствѣ и даетъ въ Англіи курьезную аномалію образованія безъ просвѣщенія. Онъ затемняетъ наше пониманіе жизни, какъ искусства, въ которомъ „крупныя событія—по остроумному выраженію Фильдинга—точно такъ же не могутъ почитаться случайными, какъ отдѣльныя части прекрасной статуи или благородной поэмы". Онъ заставляетъ насъ жить въ вѣчныхъ сумеркахъ, наполненныхъ самыми фантастическими и пугающими возможностями... Давенанты были благороднаго происхожденія, занимали видное общественное положеніе въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ Дурдльгемѣ, знались съ лучшими семьями въ графствѣ и считали себя принадлежащими къ образованнымъ классамъ. Они представляли собой курьезный, хоть и очень распространенный образецъ старосвѣтскихъ, принадлежащихъ къ господствующей церкви тори, съ оттѣнкомъ пуританской нетерпимости.

Свѣтъ падалъ изъ окна, находившагося за кресломъ старика. Наглядѣвшись на картину досыта, старикъ спустилъ ее на колѣни и недоумѣнно уставился на огонь. Потомъ снова поднесъ ее къ глазамъ.

— Это прямо-таки ужасно!—выговорилъ онъ, наконецъ взглянувъ на дочь.

— Да, что-нибудь надо предпринять, и поскорѣе,—отвѣтила эта послѣдняя:

— Это такъ страшно вульгарно,—продолжалъ старикъ.— Ты только обрати вниманіе, Грэсъ, на носъ этого мальчика... А этотъ пьяный—какое гнусное, кошмарное лицо... Положительно, я долженъ поговорить серьезно съ Клитіей.

М-ссъ Блазеръ сострадательно улыбнулась. Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла—а овдовѣла она очень рано—она жила въ домѣ отца, завѣдуя хозяйствомъ и заботясь о своихъ младшихъ сестрахъ: Джэнетъ и Клитіи; у нея было

время изучить характеръ Клитіи, и не только съ казовой стороны.

— Это все равно, папа, что говорить вотъ съ этою каминною рѣшеткой. Клитія забрала себѣ въ голову, что она должна стать художницей, и, сколько ей ни говори, ты ее не переубѣдишь.

— А все оттого, что мы отпустили ее гостить къ этимъ ея заграничнымъ друзьямъ, Фаркгарсонамъ. Совсѣмъ это для нея неподходящее знакомство. Я больше не пущу ее туда...

— Если она будетъ продолжать въ томъ же духѣ, неизвѣстно, что можетъ случиться.

— И откуда эта дѣвочка могла набраться такихъ отталкивающихъ и неженственныхъ идей! — жалобно вздохнулъ старикъ.

Выборъ сюжета былъ таковъ, что вамъ, конечно, не пришло бы въ голову, что авторъ картины—молодая дѣвушка, но въ исполненіи, хотя и грубомъ и обличавшемъ неопытную руку, была смѣлость, почти жестокость кисти, не позволявшая счесть картину любительской. Собственно, картинъ здѣсь было двѣ: на одной былъ изображенъ забіяка мальчишка, занесшій кулакъ надъ слабенькой, перепуганной дѣвочкой, Оба, видимо, дѣти бѣдняковъ; мальчикъ реально, до противности грязный—настоящій petit morveux [1]) въ полномъ смыслѣ слова. Позади дѣтей виднѣлась отворенная дверь краснаго кирпичнаго коттэджа и уходящій въ темень задняго плана корридоръ съ грязнымъ, разорваннымъ половикомъ. На другой—выступающій уголъ трактира самаго низкаго разбора и, въ мертвенномъ свѣтѣ газоваго фонаря, на мокрой мостовой, двѣ человѣческихъ фигуры: женщины и пьянаго мужчины. Тѣ же, что и на первой картинѣ, и та же вѣчная трагедія. У пьяницы было омерзительное лицо, тупое и жестокое; женщина, хилая, съ ребенкомъ на рукахъ, нагнулась, чтобы уклониться отъ удара. Рѣзкость освѣщенія, явная торопливость, съ которой были набросаны обѣ сценки, словно умышленно подчеркивали грубый реализмъ сюжета. Вверху общая надпись: „La joie de vivre“; въ лѣвомъ уголкѣ внизу другая: „Clytie Davenant pinxit“.

— За послѣднее время она, правда, стала еще хуже,— вздохнула м-ссъ Блазеръ, заслоняя лицо отъ огня коротенькой тонкой рукой.

Наступило краткое молчаніе. М-ръ Давенантъ пересталъ возиться съ картиной и поставилъ ее на полъ.

— Папа,—спросила, наконецъ, м-ссъ Блазеръ,—вы окон-

---

1) Соплякъ.

чательно рѣшили не позволять Клитіи учиться живописи въ Лондонѣ?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Я не нахожу этого, папа. Быть можетъ, это принесло бы ей пользу. Годъ-другой серьезной и упорной работы выбили бы у нея дурь изъ головы.

— Сомнѣваюсь. Это у нея не дурь. Это ужь у нея вкусы такіе низменные. Выродокъ она какой-то въ нашей семьѣ.

— Милый папочка, все это пустяки. Это бываетъ со всѣми молодыми дѣвушками. Вспомните, какъ сумасшествовала Джэнетъ, когда ей хотѣлось поступить на курсы домоводства—пока ее не отпустили. А теперь она видѣть не можетъ пироговъ и паштетовъ. И съ Клитіей то же самое, только ей хочется пачкать бумагу.

— И пусть себѣ пачкаетъ—только дома, чтобъ это было сколько-нибудь прилично,—упрямо возразилъ старикъ.

М-ссъ Блазеръ пожала худенькими плечиками.

— Это мы уже пробовали и пока безуспѣшно, какъ видите. Вы съ нею рѣдко сталкиваетесь; вы не знаете, какъ она отравляетъ жизнь Джэнетъ и мнѣ. Какъ вы думаете, что̀ она имѣла дерзость объявить мнѣ нынче утромъ?—Что мы всѣ не живые люди, а машины, абстракціи, построенныя по извѣстной формулѣ, или что-то въ этомъ родѣ, а она жаждетъ жить среди живыхъ людей. И потомъ, она такъ груба съ гостями. Какъ бы вы думали, что она сказала викарію, когда онъ, по просьбѣ Джэнетъ, пришелъ поговорить съ ней объ ея постыдномъ пренебреженіи къ своимъ религіознымъ обязанностямъ? Она сказала, что, если онъ—столпъ Церкви, изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что она обязана быть подушкой, на которую всѣ садятся.

— Фи! Какая гадость!—разсердился старикъ. Онъ былъ церковный староста и вліятельный человѣкъ въ приходѣ.

— А когда я пожурила ее за грубость,—продолжала м-ссъ Блазеръ—она отвѣтила мнѣ, что, еслибы она была мужчиной, она послала бы его къ черту за его нахальство. Положительно, скоро люди будутъ бояться заглянуть къ намъ въ домъ.

— Это вѣрно,—согласился м-ръ Давенантъ.

Какъ умная женщина, м-ссъ Блазеръ не настаивала больше. Она видѣла, что встревожила отца и указала ему единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Теперь надо только предоставить старика самому себѣ и, рано или поздно, онъ самъ изберетъ единственный возможный выходъ. Она позвонила горничную и велѣла ей зажечь газъ, а затѣмъ удалилась, оставивъ м-ра Давенанта наединѣ съ его мыслями.

М-ръ Давенантъ имѣлъ помѣстье, въ которомъ онъ всю жизнь хозяйничалъ—и очень плохо. Къ счастью для него, жена принесла ему въ приданое порядочное состояніе, достаточное для того, чтобы поддерживать престижъ фамиліи,—скромный, въ сравненіи съ былымъ блескомъ рода, но все же удовлетворяющій общественное честолюбіе семьи. Вся его жизнь прошла безцвѣтно, строго респектабельно. Даже университетскіе годы протекли скучно и однообразно, не оставивъ яркихъ воспоминаній. Онъ добросовѣстно и слѣпо повиновался наставленіямъ своихъ родителей, шелъ тѣмъ путемъ, который они ему указывали, и теперь, приближаясь къ концу этого пути, благодарилъ Бога за то, что никогда не отступалъ отъ мудрыхъ указаній. Онъ женился очень молодымъ и любилъ свою жену преданно и безстрастно, какъ, мнилось ему, подобаетъ джентльмену. Она, бѣдняжка, занимала такъ мало мѣста въ жизни, что уходъ ея изъ жизни прошелъ почти незамѣченнымъ,—даже и для мужа Ни радости, ни горя въ ихъ совмѣстной жизни не было, и помянуть ее было нечѣмъ. И мысли старика, когда онъ сидѣлъ въ раздумьи у камина, вертѣлись обыкновенно около разныхъ мелкихъ событій дня: муниципальныхъ выборовъ, закладныхъ на имѣніе, пограничныхъ тяжбъ со старымъ графомъ, ихъ сосѣдомъ.

Но въ послѣднее время его очень тревожила младшая дочь его, Клитія. Изъ упрямой, непослушной дѣвочки неожиданно выросла загадка. М-ръ Давенантъ, разумѣется, былъ убѣжденъ, что и младшую дочь онъ любитъ, какъ другихъ, разумно и въ той мѣрѣ, какъ полагается отцу любить дѣтей; но въ глубинѣ души онъ по настоящему никогда не любилъ ея. До послѣднихъ дней ему и въ голову не приходило думать о ней иначе, какъ о своемъ ребенкѣ неудавшемся и съ очень непріятными наклонностями, но который, разумѣется, современемъ исправится. Однако время не исправляло Клитіи, наоборотъ, подчеркивало „непріятныя наклонности“, и постепенно м-ръ Давенантъ принужденъ былъ убѣдиться, что его младшая дочь—особенная, непохожая на остальныхъ. М-ръ Давенантъ былъ не большой философъ и много на небѣ и на землѣ было такого о чемъ онъ никогда и не задумывался. И теперь онъ былъ озадаченъ. Какимъ образомъ отъ него и его хрупкой, покорной жены могло родиться это свѣтловолосое существо съ горячей кровью и ярко выраженными стремленіями. Старшія дочери вышли всѣ въ мать, кроткія, спокойныя, надѣленныя всѣми добродѣтелями, какихъ требовало отъ женщины его міровоззрѣніе. Клитія же, повидимому, никакими добродѣтелями не обладала. М-ръ Давенантъ чувство-

валъ себя точно курица, высидѣвшая утенка. Какъ могла его дочь и сестра Джэнетъ смѣяться надъ религіей, не считаться съ мнѣніемъ свѣта и развить въ себѣ фантазію, плѣняющуюся картинами изъ жизни пьяницъ и отверженныхъ?

Физіологія могла бы разрѣшить ему загадку, если бъ старикъ былъ основательнѣй знакомъ съ закономъ чередованія наслѣдственности. Въ семьѣ не безъ урода, и въ семьѣ Давенантовъ былъ такой—его дядя, младшій братъ его отца, единственный въ роду авантюристъ, но, понятное дѣло, родственники избѣгали говорить о немъ и память объ его бурной жизни погибла вмѣстѣ съ нимъ. Но, все же, вѣдь когда-то Давенанты были воинствующими пуританами-энтузіастами, и это положительное начало, присущее ихъ роду, проявляясь черезъ поколѣніе, къ ужасу начала отрицательнаго, неизмѣнно передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ особенною силою и яркостью вышло наружу въ Клитіи. И она выросла восторженной и пылкой дѣвушкой, жаждущей окунуться въ жизнь и взять отъ нея все, что можно.

Теперь ей было девятнадцать лѣтъ—пора, когда дѣвушка силится осознать и проявить себя. Очень скоро Клитія убѣдилась, что для себя самой она еще бо̀льшая загадка, чѣмъ для своихъ сестеръ. Тѣ просто считали ее чудачкой, неуживчивой и эксцентричной—настолько, что, не будь она ихъ сестрой, онѣ, можетъ быть, подбирали бы юбки, проходя мимо нея. Но сама-то она ощущала въ душѣ своей стремленія, вытекавшія отнюдь не изъ чудачества или каприза. Дѣвочкой-подросткомъ она подолгу смиренно размышляла о своихъ несовершенствахъ. Почему она не можетъ быть такой же довольной и спокойной и добросовѣстно выполняющей всѣ свои обязанности, какъ Джэнетъ? Почему жизнь, которою довольствовались ея сестры, не удовлетворяла ее, казалась ей пустой и скучной? Какъ часто это недовольство прорывалось вспышками гнѣва и насмѣшками надъ убожествомъ дурдльгемскихъ интересовъ, смѣнявшимися такими же страстными порывами раскаянія и самобичеванія, которые сестры принимали холодно и съ видомъ оскорбленнаго достоинства, и въ результатѣ она убѣгала въ свою комнату, униженная и вновь мятежная. Откуда въ ней все это недовольство и тревога? Куда ее тянетъ? Къ чему она стремится?

Рисовать она начала съ ранняго дѣтства, какъ только ей дали въ руки карандашъ. Потомъ ей наняли учителя и она писала картину за картиной, изображая на холстѣ милые пустяки, которые въ Дурдльгемѣ считаются искусствомъ.

Учитель былъ по премуществу пейзажистъ, а Клитію къ пейзажу вовсе не тянуло. Ее плѣняла яркость красокъ, контрасты, рѣзкіе тона; спокойные же—сѣрые и блѣдно-голубые, преобладающіе въ нашемъ англійскомъ пейзажѣ, въ ея передачѣ выходили тусклыми и скучными. Кончилось тѣмъ, что она бросила учиться, къ большому изумленію Джэнетъ, которая, наоборотъ, подъ руководствомъ того же самаго учителя, сдѣлала большіе успѣхи и рисовала очень чистенькія, гладенькія прилизанныя акварельки, которыя потомъ продавала на благотворительныхъ базарахъ или же дарила знакомымъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Клитія не брала въ руки кисти. Въ ея глазахъ такое искусство не было искусствомъ; оно казалось ей бездушнымъ и ненужнымъ. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ росла и ширилась пропасть между ней и ея сестрами, умѣнье рисовать стало для нея источникомъ невыразимыхъ утѣшеній—средствомъ къ самоуглубленію и самовыраженію. Она нашла, наконецъ, выходъ голосамъ, немолчно кричавшимъ въ ея душѣ. Книги она глотала съ жадностью, свойственной только молодой дѣвушкѣ въ періодъ ея стремленія къ саморазвитію, образы и картины, вынесенные изъ чтенія, ярко запечатлѣвались въ молодомъ, впечатлительномъ умѣ и юная фантазія спѣшила передать ихъ на бумагѣ или на холстѣ—не любовно и старательно, съ чистой радостью неспѣшнаго художественнаго творчества, но торопливо, лихорадочно, спѣша скорѣй окончить, скорѣй увидѣть воплощенныи смутныя мысли, роившіяся въ ея головѣ. А, закончивъ вещь, или вѣрнѣе, доведя ее до той степени совершенства, которою уже удовлетворяется импрессіонистъ, она дня два носилась съ нею, любовалась ею, а потомъ бросала или откладывала въ дальній уголъ, гдѣ она и валялась, заброшенная и забытая.

До восемнадцати лѣтъ за ея чтеніемъ строго слѣдила м-ссъ Блазеръ, и Клитія, хоть рвала и метала, вынуждена была либо покориться, либо контрабандой таскать въ домъ недозволенныя книги и читать ихъ потихоньку отъ сестеръ. Но „избранные“ и „безупречные“ авторы, которыми зачитывались ея сестры, злили ее до того, что въ концѣ концовъ она возмутилась и рѣшительно отвергла всякую цензуру въ лицѣ старшей сестры.

Такая одинокая, чисто эмоціональная жизнь, сплошь заполненная работой воображенія, не можетъ быть полезной для молодой дѣвушки. Здоровье Клитіи стало расшатываться. Позвали доктора; онъ предписалъ отдыхъ и перемѣну воздуха. Какъ разъ около этого времени случилось, что одной изъ ея тетокъ, жившей въ Лондонѣ, понадобилась спутница для путешествія по континенту, и тетка, хоть и не весьма

охотно, согласилась взять съ собою Клитію. Для дѣвушки эта поѣздка была неисчерпаемымъ источникомъ восторговъ. Впечатлѣнія смѣнялись такъ быстро, что она даже не успѣвала все запомнить. Даже внѣшнія черты европейской жизни, привычныя и знакомыя всякому путешественнику, были новы для нея. Группы людей на углахъ улицъ, солдаты въ какихъ-то фантастическихъ нарядахъ, страннаго вида лавки, непохожія на англійскія, даже лакеи, ловко снующіе среди тѣсно наставленныхъ столиковъ въ кафе съ подносами, загроможденными всякой всячиной,—все восхищало ее, радовало, веселило избыткомъ жизни и движенія. Ея тетка, до тѣхъ поръ раздѣлявшая мнѣніе всей семьи о Клитіи, не могла надивиться перемѣнѣ въ ней. Ей и на умъ не приходило, что только теперь, когда сердце ея могло натѣшиться всѣми эмоціями, которыхъ оно давно жаждало, Клитія стала такой, какою создала ее природа.

Въ эту поѣздку, въ одномъ пансіонѣ въ Дрезденѣ, она познакомилась съ Фаркгарсонами. Оказалось, что у нихъ съ тетушкой есть въ Лондонѣ общіе знакомые и что миссъ Давенантъ старшая слышала и раньше о м-рѣ Фаркгарсонѣ, довольно извѣстномъ археологѣ.

Знакомство скоро перешло въ пріятную дружескую интимность. М-ссъ Фаркгарсонъ, веселая, живая, умная женщина лѣтъ сорока, плѣнилась Клитіей; та, съ своей стороны, была тронута добрымъ, искреннимъ отношеніемъ къ ней новой пріятельницы. И онѣ такъ подружились, что передъ отъѣздомъ археологъ и его жена пригласили Клитію погостить у нихъ въ Лондонѣ, и молодая дѣвушка приняла приглашеніе—условно, если отецъ ничего не будетъ имѣть противъ.

Вначалѣ м-ръ Давенантъ поворчалъ немного. Какъ истый провинціалъ, онъ не довѣрялъ чужимъ; но, когда его сестра поручилась, что Фаркгарсоны люди вполнѣ приличные и съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, онъ согласился, хоть и неохотно. И на слѣдующую зиму Клитія поѣхала гостить къ своимъ новымъ друзьямъ. Это было поворотнымъ пунктомъ въ ея жизни. Впервые она попала въ интеллигентную, артистическую среду. Это былъ совсѣмъ иной міръ, чѣмъ въ Дурдльгемѣ. Тамъ у нихъ рѣдко бывали въ домѣ молодые люди; да когда и бывали, избѣгали Клитіи, предпочитая переливать изъ пустого въ порожнее съ ея старшими сестрами. На званыхъ обѣдахъ мужчины долго засиживались въ столовой послѣ ухода дамъ, какъ бы считая ихъ живописнымъ, но довольно утомительнымъ аттрибутомъ общественной жизни, удаленію котораго можно только порадоваться. А за обѣдомъ разговаривали со своими сосѣд-

ками словно по обязанности, словно неся повинность, такую же, какъ бритье передъ обѣдомъ или бѣлый галстукъ. И дурдльгемскія дамы, повидимому, полагали, что такъ оно и быть должно, и сами рады были уйти отъ кавалеровъ и поболтать между собою.

Но на Гарлей-стритъ все было по-другому. У мужчинъ и женщинъ интересы, повидимому, были общіе, и говорили они обо всемъ, какъ равные. Бывало даже такъ, что на иныя темы женщины говорили авторитетнѣе мужчинъ, а тѣ почтительно слушали ихъ. Съ ней, Клитіей, всѣ, старые и молодые, говорили такъ, какъ будто она была такая же опытная и знающая жизнь, какъ они сами. Никто не заставлялъ ее вспыхивать отъ стыда и униженія, обращаясь къ ней тономъ напыщеннаго превосходства или же томной снисходительности. Даже о пустякахъ и о самыхъ обыденныхъ вещахъ здѣсь говорилось какъ-то иначе, чѣмъ дома. Весь разговоръ здѣсь былъ иной, живой и рѣзкій, увлекательный, полный забавныхъ преувеличеній. Каждый высказывалъ свою мысль безъ опасенія задѣть чьи-нибудь предразсудки или чопорность. Вся атмосфера дома дышала свободой мысли и поступковъ. На глазахъ молодой дѣвушки другіе осуществляли ея смутныя мечты: писали, рисовали, дѣйствовали, жили изо дня въ день полной, интенсивной жизнью. Даже тѣ, кого здѣсь называли лѣнтяями, какъ бы ежеминутно нащупывали пульсы бившейся около нихъ жизни.

На улицахъ—до того Клитія рѣдко бывала въ Лондонѣ—тоже попадались вещи странныя и увлекательныя—вещи и сценки, о которыхъ она читала, мечтала, сама ихъ зарисовывала и, однакоже, не понимала ихъ. Она приходила въ ужасъ отъ своего невѣжества, отъ узости своего кругозора. Въ чемъ же смыслъ и значеніе всей этой безпокойной, не знающей устали жизни большого города, съ ея дикими зовами и страстями, рождающими таинственный, глубокій откликъ въ ея натянутыхъ, какъ струны, нервахъ?

Она заполнила цѣлый альбомъ, зарисовывая наиболѣе яркія впечатлѣнія повседневности, по обыкновенію, силясь осмыслить ихъ, вырвавъ ихъ изъ себя и передавъ ихъ объективно. Однажды извѣстный художникъ увидалъ этотъ альбомъ въ гостиной на столѣ, гдѣ его оставила Клитія, легко усвоившая себѣ небрежность привычекъ всѣхъ обитателей этого дома. Клитія замѣтила, что онъ перелистываетъ ея альбомъ, и порывисто, черезъ всю комнату бросилась къ нему:

— О, нѣтъ, не смотрите, м-ръ Редгрэвъ! Пожалуйста, не смотрите!

Онъ усмѣхнулся.

— Почему же? Это интересно. Почему вы не учитесь рисовать?

— Къ чему? На что мнѣ это?

Академикъ добродушно пожалъ плечами.

— Какъ на что? Если вы хотите стать художницей, должны же вы пройти школу, систематически учиться.

Стать художницей! Эти слова всю ночь звенѣли у нея въ ушахъ. Они открывали передъ ней безконечныя перспективы всякихъ возможностей, въ томъ числѣ и жизни въ томъ мірѣ, который такъ манилъ ее къ себѣ, который ей такъ хотѣлось узнать со всѣмъ его величіемъ, со всѣми его тайнами.

Утромъ она написала художнику. Онъ пригласилъ ее зайти къ нему въ студію переговорить. Клитія стала просить м-ссъ Фаркгарсонъ пойти съ ней, но въ назначенный часъ ея хозяйка оказалась занята. Клитія огорчилась, домашнія традиціи все же прочно засѣли въ ней: ей и въ голову бы не пришло пойти одной, безъ старшей дамы. М-ссъ Фаркгарсонъ угадала это и весело разсмѣялась.

— Господь съ вами, дѣтка! Да идите вы одна—не съѣстъ же онъ васъ.

И Клитія пошла одна, чтобы узнать свою судьбу.

— У васъ большой талантъ,—сказалъ художникъ,—но его нужно обработать. Черезъ два-три года серьезной работы вы, быть можетъ, чего-нибудь и достигнете.

Тутъ Клитія поставила вопросъ, который уже два дня жегъ ея сердце.

— Вы думаете, я смогу когда-нибудь зарабатывать столько, чтобы жить на это?

— Конечно. Вы и теперь можете, если захотите и если у васъ хватитъ терпѣнія.

— Какъ? То есть чѣмъ же?

— Иллюстрируя книги.

— Но я хочу стать настоящей, большой художницей.

— Несомнѣнно. Всѣ мы этого хотимъ, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ насъ. Вы можете и достигнуть этого, если хорошенько постараетесь и будете любить искусство ради него самаго. Но—прибавилъ, онъ зорко воззрившись на нее,—въ такихъ вещахъ всегда есть *„но“*, миссъ Давенантъ.

— Почему вы это говорите?—съ живостью спросила она.

— Потому что...—parce que...—какъ говорятъ французы... Извините, я шучу...

На этомъ разговоръ окончился.

Все это было за три мѣсяца до того, какъ м-ссъ Блазеръ нашла на чердакѣ, служившемъ Клитіи мастерской, неприличную картинку и снесла ее показать отцу. Послѣ того, какъ передъ ней поднялась завѣса настоящей жизни, Дурдльгемъ болѣе, чѣмъ когда-либо, показался Клитіи прѣснымъ и тоскливымъ, съ его застойными понятіями, съ его примитивными формулами. Началась опасная реакція: приступы безнадежнаго унынія смѣнялись вспышками страстнаго протеста. Клитія часами простаивала въ нишѣ у окна, глядя на ровную, плоскую мѣстность и погружаясь въ странныя мечты о мірѣ, лежавшемъ за предѣлами этого скучнаго горизонта,—мечты, въ которыхъ яркія воспоминанія, перемѣшиваясь съ фантазіей, рождали смутные, причудливые образы. И тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка начинала осознавать себя, свои запросы, свои смутныя стремленія. Всѣ ея страстные порывы и желанія слились теперь въ одну неудержимую потребность—уйти во что бы то ни стало изъ Дурдльгема и зажить вольной жизнью служителей искусства, очаровавшей ее съ перваго же взгляда.

Ссоры между старшими сестрами и ею стали повторяться ежедневно. Обѣихъ, болѣе кроткихъ и болѣе ограниченныхъ, шокировало ея своеволіе, настойчивость, ея „неженственное" поведеніе; она возмущалась до глубины души ихъ мелочностью и узостью ихъ взглядовъ. Мало-по-малу существованіе для всѣхъ трехъ стало невыносимымъ.

— Ради Бога, Грэси, дай ты мнѣ уйти отсюда! — взмолилась однажды Клитія:—иначе я возненавижу тебя,—а я хочу любить тебя. Отпусти меня въ Лондонъ. Я буду жить у тети. Она мнѣ не откажетъ. О, Господи! я здѣсь съ вами съ ума сойду, если вы меня не отпустите.

И м-ссъ Блазеръ, ради собственнаго спокойствія и въ интересахъ репутаціи семьи, постановила, что желаніе Клитіи должно быть исполнено и въ Дурдльгемѣ не увидятъ ея больше. И кончила тѣмъ, что добилась согласія отца; но старикъ съ тѣхъ поръ смотрѣлъ на Клитію почти какъ на погибшую.

II.

Когда пылкая юная душа начинаетъ самостоятельно рѣшать загадку жизни, она нерѣдко наталкивается на парадоксы, не допускающіе разрѣшенія, и на грязную обыденность, которая только непривычному человѣку представляется загадкой. Отчаяніе въ первомъ случаѣ и отвращеніе во второмъ нерѣдко доводятъ ее до безнадежнѣйшаго пессимизма, отъ котораго хочется закрыть глаза и ничего не видѣть, ничего не дѣлать, чтобы меньше мучиться. Или

же душа напрасно бьется и ранитъ себя о насмѣшливые прутья, съ ужасомъ отшатывается отъ разоблаченной гнусности и устремляется назадъ, ища той помощи, отъ которой она еще такъ недавно открещивалась. Тяжко приходится душѣ, внидшей въ долину сѣни смертной, которую только безстрашные могутъ пройти, не пошатнувшись въ вѣрѣ.

Толпа хватается за формулы, сулящія рѣшеніе вѣчной загадки, и крѣпко держится за нихъ и слѣпо идетъ за ними, какъ школьникъ за учителемъ: вѣрный или невѣрный данъ отвѣтъ въ учебникѣ и убѣдителенъ ли онъ — школьнику это неважно—лишь бы былъ отвѣтъ. Но есть настойчивые вопрошатели, которые не удовлетворяются этими формулами, для которыхъ готовые отвѣты не убѣдительны. Такіе отвергаютъ формулы и начинаютъ поиски съ первоисточниковъ, властно утверждая свою индивидуальность, свое неотъемлемое право личности доискиваться истины посвоему. Такіе ко всему подходятъ съ предубѣжденіемъ. Разъ система несовершенна и въ ней есть недочеты,—значитъ, вся она насквозь лжива и гнусна.—Такъ разсуждаетъ юный умъ, скорый на выводы, забывая о томъ, что каждая великая система, созданная человѣкомъ, должна заключать въ себѣ нѣсколько жизненныхъ, элементарныхъ истинъ,— иначе она не выдержитъ и рухнетъ. Въ концѣ концовъ, когда силы искателя уже почти истощены, онъ находитъ ключъ къ загадкѣ, завернутый въ еще болѣе жуткую загадку—въ вѣчную трагедію вещей,

Съ такимъ бурнымъ протестомъ противъ готовыхъ формулъ и отвѣтовъ вступила въ міръ и Клитія. Эти формулы были ей преподнесены чистенькими и привѣтливыми, отвѣчающими на всѣ вопросы, разрѣшающими всѣ загадки, на небѣ и на землѣ. Всѣ окружающіе поклонялись имъ, какъ фетишамъ, и душа молодой дѣвушки возмущалась этимъ идолопоклонствомъ. Она была слишкомъ молода, чтобы самой изслѣдовать и тщательно провѣрить ихъ, и убѣдиться, что нѣкоторыя изъ нихъ потому и чтутъ, какъ святыню, что онѣ горько оправдываются на опытѣ. Она отбросила ихъ всѣ, перешагнула черезъ нихъ и окунулась съ головою въ волны жизни — утлая лодка безъ руля и безъ вѣтрилъ въ поискахъ невѣдомаго.

Два года она училась въ школѣ живописи при Юниверсити-Колледжъ на Руссель-скверѣ, живя все это время въ домѣ своей тетки. Тренировка въ школѣ была строгая, временами скучная и утомительная. За то, не смотря на все свое отвращеніе къ античности, суровой и холодной, Клитія усвоила здѣсь себѣ строго-академическую правильность рисунка. Потомъ, сдавъ экзамены, еще годъ работала въ

мастерской извѣстнаго художника, учась писать красками съ живой натуры.

Все это были годы испытанія, учившіе самообузданію и выдержкѣ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни. Тетка Клитіи, миссъ Давенантъ, была умнѣй и шире брата, лучше его знала жизнь и людей, но дурдльгемскія правила жизни и здѣсь стояли на почетномъ мѣстѣ, какъ домашніе боги покровители очага, и Клитія, въ своихъ же интересахъ была вынуждена оказывать имъ внѣшніе знаки уваженія. Но тутъ была и компенсація: жизнь студентки давало много интересныхъ опытовъ и переживаній, которыми Клитія могла заполнить свой умъ и сердце, не оскорбляя ларовъ и пенатовъ тетушки.

Въ Дурдльгемѣ она бываа рѣдко. У нея было странное ощущеніе, что дома она впала въ немилость за то, что пожелала уѣхать изъ дому. М-ссъ Блазеръ и Джэнетъ, съ чисто женской непослѣдовательностью, съ одной стороны язвительно подшучивали надъ ея веселой жизнью въ Лондонѣ, съ другой какъ будто завидовали Клитіи, сравнивай эту жизнь съ скучной и однообразной жизнью маленькаго городка, которою принуждены были довольствоваться онѣ сами. А отецъ все время придирался, нылъ и жаловался не столько на то, что младшая дочь не живетъ дома, сколько на то, что она такъ непохожа на своихъ сестеръ.

— Что же мнѣ дѣлать, милый папочка, — отвѣтила она ему однажды—если я не могу быть такой, какъ онѣ? Вѣдь и онѣ же не могутъ быть такими, какъ я.

— Ты могла бы, еслибъ захотѣла,—возразилъ старикъ

Клитія безнадежно заломила руки. Что можно было возразить на это?

Самые счастливые часы, когда довѣрчиво распускалась ея душа, Клитія проводила на Гарлей-стритъ, у Фаркгарсоновъ. Вначалѣ тетка не особенно одобрительно относилась къ ея дружбѣ съ этой четой. Хотя сама она, по возвращеніи изъ Швейцаріи, и продолжала поддерживать это знакомство и бывала изрѣдка у Фаркгарсоновъ, которые ей оба нравились, однакожъ атмосфера дома ихъ была ей чужда и, какъ все чуждое, несимпатична. И она инстинктивно тянула Клитію назадъ, въ собственный, испытанный надежный кругъ. Но, когда убѣдилась, что посѣщенія Гарлей-стритъ прямо-таки необходимы для счастья ея племянницы, къ которой она искренно привязалась,—она отмѣнила всѣ свои запреты. Быть можетъ, она читала глубже въ сердцѣ дѣвушки, чѣмъ сама сознавала это, и понимала, что Клитія у Фаркгарсоновъ отдыхаетъ отъ повседневной жизни съ нею, и безъ этого та работа, тѣ усилія, которыя ей прихо-

дилось надъ собой дѣлать, чтобы приноровиться къ тетушкѣ, были бы для нея непереносны.

На Гарлей-стритъ царила милая непринужденность. М-ссъ Фаркгарсонъ выросла среди лондонской богемы. Отецъ ея, давно ужь умершій, былъ журналистомъ, что называется, на всѣ руки, способнымъ написать по заказу статью любого содержанія, и въ то же время драмодѣломъ, а иногда и редакторомъ моднаго еженедѣльника или антрепренеромъ провинціальной труппы. Подобно большинству людей этого типа, онъ тратилъ деньги, не считая, такъ-же быстро, какъ и зарабатывалъ ихъ, а, когда въ работѣ наступало временное затишье, жилъ авансами. Дочь его, Каролина, съ дѣтства пріучилась къ этой безпечной жизни, со дня на день, безъ мыслей о завтрашнемъ днѣ. Ей такъ часто приходилось прощать ошибки и проступки и своего отца и его друзей, которые всѣ почти были люди одного пошиба съ нимъ, что въ ней естественно выработалась снисходительность къ людямъ вообще и ко всѣмъ человѣческимъ слабостямъ. Глупость, легкомысліе и безразсудстви въ ея глазахъ были такими неотъемлемыми свойствам, человѣка, что, сталкиваясь съ ними, она не могла не улыбаться снисходительно, хотя бы и съ укоромъ. Продолжай она жить въ тѣхъ же условіяхъ, это могло бы привести къ ослабленію нравственнаго чувства и въ ней самой, но она рано вышла замужъ за человѣка съ положеніемъ и обезпеченнаго. Отецъ ея вскорѣ послѣ того скончался и знакомство съ лондонской богемой, по крайней мѣрѣ, съ изнанкой ея жизни, порвалось. Но привитые навыки свободы и безпечности остались. М-ссъ Фаркгарсонъ совершенно неспособна была дѣлать что-нибудь методически, систематически и питала врожденный ужасъ къ счетнымъ книгамъ, разъ навсегда установленному распорядку въ домѣ, правильному распредѣленію времени и т. п. Она терпѣть не могла обѣдать и ужинать въ опредѣленные часы и не заботилась о томъ, чтобъ у нея въ домѣ каждая вещь лежала на опредѣленномъ мѣстѣ. Счастье ея, что мужъ боготворилъ ее и самъ не склоненъ былъ къ строгой организаціи жизни. Средства позволяли ему не работать изъ-за куска хлѣба и свободная, привольная жизнь въ домѣ, гдѣ его не стѣсняли никакими правилами, гдѣ онъ могъ работать, ѣсть, пить лѣнтяйничать и принимать своихъ друзей въ любой часъ дня и ночи, была по вкусу ему столько же, какъ и его женѣ.

Въ такомъ домѣ, разумѣется, бывать пріятно, и у Фаркгарсоновъ было множество друзей. Отсутствіе формальности поощряло экспансивность и проявленія индивидуальности. Какъ бы по безмолвному уговору, всѣми признавалось, что

каждый не только имѣетъ право быть самимъ собой, но что хозяинъ и хозяйка именно это и цѣнятъ въ немъ. Потому-то Клитія почувствовала здѣсь себя такъ хорошо съ перваго же своего визита и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше это привлекало ее. У Фаркгарсоновъ она была совсѣмъ, какъ дома, и м-ссъ Фаркгарсонъ была для нея такимъ другомъ, какого у нея еще никогда не было. Во время приступовъ унынія, когда жизнь казалась нелѣпой и безсмысленной, Клитія шла къ ней за поддержкой и утѣшеніемъ и всегда находила ихъ. А приступы унынія были не рѣдки. Строгая муштровка въ школѣ, обязательность академической лѣпки раздражали ее, какъ, бывало, въ школѣ нелѣпыя ариѳметическія задачи. Ей хотѣлось бросить всю эту муштру и снова окунуться въ прежнее свое артистическое своеволіе. Но по большей части эти порывы возмущенія совпадали съ какими-нибудь новыми стѣсненіями въ ея домашней жизни и Клитія была настолько умна, что сознавала это.

Въ это именно время случилоеь нѣчто, внесшее въ ея жизнь новыя краски и помогшее ей полнѣе прежняго осознать себя. Въ ранней юности она совсѣмъ не знала пустого свѣтскаго флирта, безъ котораго многія дѣвушки не могутъ жить. Молодые люди, бывавшіе у нихъ въ домѣ въ Дурдльгемѣ, быть можетъ, и увлеклись бы ея красотой, но ихъ отталкивало ея нескрываемое равнодушіе къ нимъ и скука, которую она явно испытывала въ ихъ обществѣ. Доминирующимъ импульсомъ, исключавшимъ всѣ другіе, менѣе могущественные, въ ней были активное исканіе жизни и смысла жизни и ей почти и въ голову не приходило, что ея собственная личность можетъ интересовать другихъ и даже, можетъ быть, вліять на нихъ. Она была слишкомъ поглощена своей работой, своими еще смутными, но всегда стоявшими передъ ней, планами будущаго, изученіемъ окружавшихъ ее индивидуальностей и предвкушеніемъ той полной, захватывающей своей объективностью, жизни, которую она *потомъ* будетъ вести, чтобъ уходить въ субъективное воспріятіе жизни и удѣлять много времени саманализу. Только когда вопросъ: „Какъ я отношусь къ окружающимъ"—перестаетъ васъ интересовать, тогда лишь вамъ начинаетъ казаться важнымъ выяснить, какъ окружающіе относятся къ вамъ. И Клитія какъ-то совсѣмъ не думала о томъ, что въ нее кто-нибудь можетъ влюбиться. Однако-же, это случилось.

Какъ-то утромъ въ понедѣльникъ она пришла къ м-ссъ Фаркгарсонъ, унылая, разстроенная, искать утѣшенія.

— О, зачѣмъ я не родилась мужчиной!—пылко воскли

цала она. — Жила бы я одна, бывала, гдѣ хочу, видѣла бы все, что мнѣ хочется видѣть.

Ея пріятельница добродушно засмѣялась.

— Очень ужь вы многаго заразъ хотите, моя дорогая. Міръ для васъ—устрица, какъ говорилъ Пистоль, которую вы хотите вскрыть однимъ поворотомъ ножа. Ваше желаніе быть мужчиной вовсе не оригинально. Это говорятъ почти всѣ дѣвушки, но, когда онѣ становятся постарше, онѣ начинаютъ находить, что и женщиною быть не такъ ужь худо.

— Что же тутъ хорошаго—быть женщиной? Не понимаю!—горячо воскликнула Клитія.

Одна изъ товарокъ по студіи пригласила ее ѣхать съ компаніей въ театръ, а тетка запретила, на томъ основаніи, что въ этомъ театрѣ дамы изъ общества не бываютъ. Это только показывало, что тетка лучше ея знаетъ свѣтъ, но Клитія не понимала этого и, хотя покорилась съ виду кротко, на самомъ дѣлѣ была обижена. Такія мелочи задѣваютъ даже и самыхъ умныхъ изъ насъ не менѣе, чѣмъ крупныя обиды.

М-ссъ Фаркгарсонъ, не отвѣчая, спокойно продолжала приводить въ порядокъ ноты—ея обычное занятіе по утрамъ въ понедѣльникъ,— между тѣмъ какъ Клитія наблюдала за ней, лежа въ качалкѣ и закинувъ руки за голову.

— Что хорошаго быть женщиной и полжизни сидѣть взаперти? Довольно и того, что другая половина у нея, какъ и у всякаго человѣка, уходитъ на сонъ.

— Сколько вамъ лѣтъ, душа моя?—спросила м-ссъ Фаркгарсонъ, перелистывая нотную тетрадь.

— Вы же знаете,—двадцать.

— Ну, такъ какъ же, хотѣлось бы вамъ быть молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ—или хотя бы даже двадцати одного? Ну, напримѣръ, молодымъ Бьюмонтомъ? Вы думаете, онъ знаетъ такъ ужь много больше васъ?

— Онъ совсѣмъ еще мальчикъ,—усмѣхнулась Клитія.

— А вы, дружокъ мой, совсѣмъ еще дѣвочка,—сказала м-ссъ Фаркгарсонъ, становясь за ея кресломъ и гладя ея щечки.—И все-таки вы умственно на много лѣтъ старше его, и, по всей вѣроятности, такъ оно и дальше будетъ. Знаете ли вы, почему намъ, женщинамъ, нравится быть женщинами? Потому, что мы видимъ многое, чего мужчины не видятъ, а дорого бы дали за то, чтобъ знать и видѣть. Неужели вамъ никогда не бросалось въ глаза, что мы видимъ и знаемъ такую сторону жизни, которая почти всегда остается скрытой отъ мужчинъ. Что же касается той стороны жизни, которую мужчины присвоили исключительно

себѣ и прячутъ отъ насъ, женщинъ,—она и не красива, и не особенно пріятна.

— Вѣроятно, потому мужчины и прекращаютъ разговоръ, когда кто-нибудь изъ дамъ входитъ въ курительную,—улыбнулась Клитія.—За дверью раздаются взрывы смѣха и думаешь, что тамъ, должно быть, страшно весело, а, чуть только покажешься въ дверяхъ, всѣ вдругъ смолкаютъ и подтягиваются, и лица у иныхъ становятся такія красныя и глупыя.

— Я бы вамъ посовѣтовала прочесть сказочку о Синей Бородѣ,—сказала м-ссъ Фаркгарсонъ.

— Вы такая же гадкая, какъ и всѣ остальные!—вскричала Клитія, полусмѣясь, полусердясь.—Вотъ ужь не ожидала этого отъ васъ. Я всю жизнь свою только и слышу: „Не пытайся узнать, чего не знаешь. Оставайся всегда въ состояніи блаженнаго невѣдѣнія. Мужчины—это существа высшаго порядка, а ты будь пай-дѣвочкой и кротко мирись со своей участью“.

— Я бы многое могла вамъ разсказать, но не хочу. Вамъ еще рано это знать. А если хотите сами продѣлывать эксперименты, къ вашимъ услугамъ молодой Бьюмонтъ. Онъ въ десять минутъ выложитъ вамъ всю сумму своихъ знаній

— А, знаете, онъ славный, онъ мнѣ нравится, онъ всегда такой чистенькій, и платье на немъ хорошо сидитъ, и онъ такой услужливый. Онъ какъ будто всегда старается какъ можно лучше использовать себя, разъ ужь Господь обидѣлъ его разумомъ. Это даже, по-моему, смѣло съ его стороны что онъ пытается исправить твореніе Творца.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не говорила ему, что онъ славный.

— Почему?

— Бѣдная моя Клитія! Вы, дѣйствительно, еще совсѣмъ не женщина: вы ничего не понимаете. Неужели вы не понимаете, почему Бьюмонтъ носитъ такіе безукоризненные галстухи и такіе изумительно блистательные сапоги и бѣгаетъ по всему Лондону, выполняя ваши порученія? О, Боже, какъ она наивна!

— Вы хотите сказать, что онъ...

М-ссъ Фаркгарсонъ насмѣшливо взглянула на нее и кивнула головой.

— Потому я и не совѣтую вамъ быть слишкомъ ласковой съ нимъ.

Клитія не выдержала и прыснула со смѣху. Бьюмонтъ былъ миловидный, румяный юноша лѣтъ двадцати-двухъ, дальній родственникъ Фаркгарсоновъ и обычный гость въ

ихъ домѣ. Клитія часто встрѣчалась съ нимъ и относилась къ нему очень дружески. Притомъ же онъ, дѣйствительно, былъ всегда готовъ оказать услугу и былъ очень ей полезенъ. Но ей и въ голову не приходило, что Бьюмонтъ можетъ влюбиться въ нее. И, такъ какъ сама она въ такого мужчину никогда бы не влюбилась, ей показалось это очень забавнымъ.

Но тотчасъ же она сдержала себя, перестала смѣяться и, вспыхнувъ до корней волосъ, порывисто бросилась обнимать м-ссъ Фаркгарсонъ.

— Простите, дорогая; мнѣ такъ совѣстно. Что вы подумаете обо мнѣ? Но я не могла, прямо-таки не могла не разсмѣяться. Я вдругъ представилась себѣ самой отъ вашихъ словъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Ахъ, милая моя м-ссъ Фаркгарсонъ, мнѣ такъ хочется, чтобъ вы видѣли и лучшее во мнѣ, а не одно худое.

— Милая моя дѣвочка, неужели же вы думаете, что съ вашимъ лицомъ и съ вашей фигурой можно прожить жизнь безъ того, чтобъ кто-нибудь не влюбился въ васъ. Еще сколько будутъ влюбляться! Чудачка вы!—хотите извѣдать всѣ переживанія мужчины, не извѣдавъ и самыхъ элементарныхъ переживаній женщины.

— Какъ же мнѣ быть съ м-ромъ Бьюмонтомъ?

— Ну, о немъ вы не тревожьтесь. Онъ изъ-за этого не застрѣлится. У него такихъ влюбленій будетъ въ жизни безъ конца. Кромѣ пользы, это ничего ему не принесетъ.

Клитія еще не успѣла обдумать хорошенько, какъ ей держать себя съ этимъ неожиданнымъ поклонникомъ, какъ уже встрѣтилась съ нимъ, дня два спустя, возлѣ Юниверсити-Колледжъ, гдѣ онъ поджидалъ ее съ предложеніемъ прогуляться немного по Риджентъ-Парку—погода такая чудесная...

Клитія нерѣшительно посмотрѣла на него.

— Хоть немножко! Мнѣ надо кое-что сказать вамъ.

— Можетъ быть, лучше не говорить?

Швейцаръ въ красномъ жилетѣ проводилъ ихъ сіяющей улыбкой. На своемъ вѣку онъ перевидалъ множество влюбленныхъ юношей—такая ужь его профессія.

— Я долженъ,—возразилъ юноша,—во что бы то ни стало. Я знаю, что это не хорошо съ моей стороны просить васъ итти со мной по улицѣ, но я не знаю, когда я дождусь другого случая увидѣть васъ наединѣ.

— Ничего нехорошаго я тутъ не вижу и пойду съ вами, куда вы захотите.

Они пошли въ паркъ и здѣсь Клитія, въ первый разъ въ жизни, выслушала признаніе въ любви и предложеніе

руки и сердца. Разумѣется, Бьюмонтъ былъ только мальчикъ но рѣчь его звучала горячо и убѣдительно. Клитія была смущена, чувствовала себя виноватой, сама не зная въ чемъ, и въ то же время вся трепетала отъ остраго, никогда раньше не испытаннаго, наслажденія. Хоть она и знала, что изъ этого ничего не выйдетъ и что чѣмъ скорѣй они окончатъ разговоръ, тѣмъ лучше будетъ для нихъ обоихъ, но не могла удержаться отъ искушенія дослушать до конца, дать ему излить всю полноту своей полуребяческой любви къ ней.

Неожиданно она поймала себя на томъ, что прислушивается не къ словамъ, а къ звукамъ, наслаждаясь и этими новыми сладостными ощущеніями, и яснымъ майскимъ утромъ, и солнышкомъ, и запахомъ цвѣтовъ, несшимся съ пестрой клумбы напротивъ скамьи, гдѣ они сидѣли. Тутъ только она уяснила себѣ положеніе и въ нѣсколькихъ ласковыхъ словахъ, произнести которыя оказалось труднѣй, чѣмъ она думала, отказала ему. Тѣмъ дѣло и кончилось. Юноша ушелъ туда, куда обыкновенно уходятъ такіе огорченные юнцы, а Клитія, не торопясь, вернулась домой на Руссель-скверъ.

Добравшись, наконецъ, до своей комнаты, она подошла къ зеркалу и принялась разглядывать себя, свое лицо, свою фигуру. Потомъ засмѣялась страннымъ, довольнымъ, меленькимъ смѣшкомъ, сняла шляпу и перчатки и пошла внизъ пить чай. Въ этотъ день она прошла нѣсколько новыхъ ступеней на пути къ познанію.

Три года, какъ быстро они миновали! Какъ вѣрно, хоть и незамѣтно съ виду, было ихъ воздѣйствіе на Клитію. Несомнѣнно, это были годы искуса, выработки характера и сдержанности, но были въ нихъ, однако, и смягчающія вліянія. До того ея жизнь была полна протеста и рѣзкихъ, непродуманныхъ сужденій, отталкивавшихъ дружбу, что обрекало дѣвушку на одиночество. Взаимное непониманіе подорвало взаимную привязанность сестеръ. Истинной привязанности въ дѣтствѣ сердце Клитіи не знало. Теперь у нея были друзья, настоящіе друзья въ лицѣ Фаркгарсоновъ, которыхъ она любила ради нихъ самихъ, и милыя, симпатичныя подруги по школѣ и по студіи. Она познала также сладость активнаго покровительства и помощи ближнему. Тетка ея, хоть и была довольно крѣпкаго здоровья, сравнительно съ другими Давенантами, все же обладала всѣми физическими свойствами, имъ присущими. Уже нѣсколько лѣтъ она прихварывала и постепенно здоровье ея окончательно разстроилось. Втеченіе послѣдней своей болѣзни, длившейся нѣсколько мѣсяцевъ, она всецѣло была на попеченіи Клитіи. Для дѣвушки это было новое и странное переживаніе. По-

степенно она привязалась всей душой къ отцвѣтшей старой дамѣ, которая такъ спокойно и весело переносила свои страданія. И м-ссъ Блазеръ, и Джэнетъ, обѣ предлагали пріѣхать ухаживать за тетушкой, но м-ссъ Давенантъ никого не хотѣла, кромѣ Клитіи. Еслибъ этотъ періодъ самоотреченія и жертвы продлился дольше, кто знаетъ, какіе источники доброты и кротости открылись бы въ сердцѣ дѣвушки и какъ стушевалась бы ея собственная индивидуальность. Но боги судили иначе. М-ссъ Давенантъ умерла и Клитія вновь очутилась передъ лицомъ невѣдомаго будущаго, которое надо было завоевывать самой, безъ посторонней помощи.

Она сознала это только, когда первый острый приступъ горя миновалъ, смѣнившись тихой грустью. Она возвратилась въ Дурдльгемъ и все ей показалось нѣсколько инымъ, чѣмъ было прежде. Сестры ея были милыя, тихія женщины, какъ тетя, быть можетъ, съ болѣе узкимъ кругозоромъ, съ остатками старинныхъ предразсудковъ, но все же ласковыя и сочувствующія ея горю. Онѣ встрѣтили ее радостно, какъ заблудшую овцу, вернувшуюся къ стаду. Никогда еще домашняя жизнь не казалась ей такой спокойной и удобной; о Лондонѣ не было рѣчи; старшія сестры сговорились между собой не вспоминать о томъ, что Клитія втеченіе трехъ лѣтъ не жила дома, какъ будто это былъ эпизодъ, навѣкъ ушедшій въ прошлое.

Но время стираетъ и сглаживаетъ самыя глубокія впечатлѣнія—даже отъ перваго столкновенія молодой дѣвушки со смертью и съ невозвратностью утратъ. По мѣрѣ того, какъ потребность въ отдыхѣ и въ тишинѣ ослабѣвала, тихая, монотонная жизнь, безъ всякихъ происшествій, становилась утомительной, гнетущей; прежнее безпокойство и тоска снова грызли сердце Клитіи. Разладъ съ семьей, затушеванный смертью, снова давалъ себя чувствовать, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Незыблемыя формулы казались еще безжизненнѣе прежняго. Передъ молодой дѣвушкой смутно маячили туманныя возможности и изголодавшаяся душа страстно рвалась къ нимъ. Почти противъ воли она наконецъ, взбунтовалась.

— Что это такое мнѣ говорила сегодня Джэнетъ,—сказала однажды утромъ м-ссъ Блазеръ—что ты будто бы опять собираешься въ Лондонъ? Неужто ты это серьезно, Клитія?

Клитія печально посмотрѣла на свою сестру; глаза ея наполнились слезами.

— Ты была очень добра ко мнѣ, Грэси, съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась, и я научилась любить тебя лучше и больше—о, гораздо больше прежняго! Но неужели ты не

понимаешь, дорогая, что для того, чтобы любить тебя и дальше, мнѣ нужно уѣхать отсюда?

— Никакъ не могу этого понять. Если мы всѣ эти мѣсяцы отлично уживались между собой, почему мы и дальше не можемъ жить въ ладу? Джэнетъ и я готовы сдѣлать все, что въ нашей власти, для того, чтобы ты была счастлива.

— Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что это *не* въ вашей власти. Не можете вы мнѣ дать того, въ чемъ я нуждаюсь!— вскричала Клитія.—Не считайте меня злой и неблагодарной. Когда человѣку нужно пять фунтовъ, онъ благодаренъ и тому, кто дастъ ему одинъ, но все-таки ему нужно еще четыре... И этихъ четырехъ не найти въ Дурдльгемѣ, Грэси,— а мнѣ безъ нихъ не обойтись.

— Надо учиться довольствоваться тѣмъ, что имѣешь, Клитія, — наставительно сказала старшая сестра.—Всѣ мы должны мириться со своею участью. Всякому свой удѣлъ.

Клитія сдержала вспышку нетерпѣнія и возразила кротко.

— Но это — не мой удѣлъ, Грэси. Мой удѣлъ иной. Ты и Джэнетъ можете такъ жить, потому что у васъ характеры такіе, что вамъ нужны покой и тишина. А мнѣ нужно движеніе, волненья, новыя впечатлѣнія, новыя лица. О, Грэси, что пользы спорить? о чемъ тутъ спорить? — я должна уѣхать, или я возненавижу Дурдльгемъ, какъ я прежде его ненавидѣла. Мнѣ здѣсь у васъ нечего дѣлать. Можетъ быть, это оттого, что я такая гадкая, — не знаю. Я не могу этого объяснить вамъ, разъ вы сами этого никогда не ощущали.

— Милая Клитія, все это вздоръ,—сказала м-съ Блазеръ, больше всего на свѣтѣ гордившаяся тѣмъ, что она женщина разумная и разсудительная. — Ты фактически не можешь ѣхать въ Лондонъ, потому что жить тебѣ тамъ не у кого; на твою сотню въ годъ не проживешь, а папа въ послѣднее время потерялъ кучу денегъ и едва-ли сможетъ высылать тебѣ. Пока тетя была жива,—другое дѣло. Вообще эта фантазія ѣхать въ Лондонъ и жить одной—нелѣпа. И перестанемъ говорить объ этомъ.

М-съ Блазеръ снова взялась за шитье съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія отъ сознанія, что она выполнила свой долгъ, и огорченія отъ того, что Клитія нисколько не исправилась. Она рада была бы отнестись снисходительно къ своей сестрѣ,—но не могла. Отъ природы она была женщина кроткая и добрая. Но ея понятіе о долгѣ не дозволяло ей поощрять своеволіе, капризы и дурныя наклонности. Она искренно убѣждена была, что для Клитіи хорошо и полезно оставаться въ Дурдльгемѣ. И не могла понять, что у младшей сестры болѣе широкіе запросы.

Клитія отошла къ окну и стала смотрѣть на дождь, стекавшій по стеклу. Юное личико ея было сурово; губы слегка дрожали; сердце билось быстрѣй обыкновеннаго. Въ ней шла борьба—между дѣвочкой и взрослой женщиной. Она чувствовала, что наступилъ великій моментъ въ ея жизни Она должна выбрать одно изъ двухъ: либо ослѣпительно яркій свѣтъ и неразлучныя съ нимъ жуткія тѣни вещей невидимыхъ, — либо сѣренькое ровное мерцаніе домашней жизни, въ которой вовсе нѣтъ тѣней; или скромная, замкнутая жизнь и выполненіе долга дочери,—подобающія дѣвицѣ,—или же полный разрывъ съ семьей и одинокое выступленіе женщины на арену жизненной борьбы.

Клитія отошла, наконецъ, отъ окна и окликнула сестру. Эта послѣдняя подняла голову и сердце ея исполнилось жуткимъ предчувствіемъ при видѣ блѣдности младшей сестры.

— Да! Въ чемъ дѣло, Клитія?

— Я рѣшилась, Грэси, — выговорила та охрипшимъ голосомъ.—Я ѣду въ Лондонъ и буду жить одна. Или, можетъ быть, съ которой-нибудь изъ моихъ подругъ по школѣ. Это не такъ трудно устроить. Заработать на себя я могу сама, — у меня уже кое-что скоплено. Что же касается маминыхъ денегъ, я теперь совершеннолѣтняя и своею долей могу распоряжаться, какъ хочу, — точно такъ же, какъ ты и Джэнетъ. И не будемъ больше говорить объ этомъ, Грэси. Я все равно поѣду.

III.

Немногіе, въ порывѣ энтузіазма, избрали бы для себя, въ каччствѣ идеальнаго мѣста жительства Челси, на Кингсъ-родъ. Улица это, несомнѣнно, большая и людная, но аристократизмомъ и изяществомъ она не отличается. Есть на ней тихія, спокойныя мѣстечки съ домами, стоящими въ сторонѣ отъ дороги; изъ верхнихъ оконъ тамъ открывается видъ на огромныя оранжереи Фейтча или Булля и вдали маячатъ смутныя очертанія гигантскихъ пальмъ или же смягченныя разстояніемъ яркія пятна пурпуровыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Есть и такіе дома, окна которыхъ выходятъ на Портмэнъ-скверъ, или же кладбище св. Луки. Но за то, съ другой стороны, тутъ же можно увидать длинные ряды скучныхъ лавокъ и заводовъ, непривѣтливыхъ и некрасивыхъ, домовъ не то, чтобы совсѣмъ ужь грязныхъ и убогихъ, но какихъ-то поношенныхъ, неряшливыхъ, какъ будто они слишкомъ измучены мелкими непріятностями и докуками рабочей, повседневной жизни для того, чтобъ думать объ нарядахъ или о весельѣ. Немногіе изъ лондон-

цевъ, за исключеніемъ мальчишекъ-посыльныхъ, у которыхъ обыкновенно эстетическое чувство такъ же мало развито, какъ и чувство долга, забредаютъ случайно на Кингсърод ъ. Заѣзжій человѣкъ, попавшій сюда, торопится по возможности скорѣе выбраться отсюда; часто здѣсь бываютъ люди только по дѣламъ. Нарядныхъ дамъ и модницъ вы здѣсь не увидите. Это—чисто буржуазный, мелко-буржуазный лондонскій кварталъ, со всей непритязательностью, свойственной мѣщанству, и его честной, хоть порой и угрюмой, солидностью.

Именно въ одномъ изъ такихъ участковъ этой длинной улицы, неподалеку отъ Слонъ-скверъ, поселилась Клитія Тотъ фактъ, что въ нижнемъ этажѣ помѣщалась зеленная, принадлежавшая домовладѣльцу, до извѣстной степени компенсировался тѣмъ, что въ первомъ этажѣ, по черному ходу, здѣсь имѣлась мастерская, первоначально служившая ателье предпріимчивому фотографу, который съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ и переселился въ болѣе нарядную и болѣе благоуханную часть города. Одна изъ ея товарокъ по студіи, Винифредъ Марчпэнъ, которая жила на Нижней Слонъ-стритъ и родители которой покупали у м-ра Гуркинса картофель и салатъ, порекомендовала Клитіи эту квартирку и предложила взять мастерскую пополамъ. Комнаты оказались дешевыя, какъ разъ по скромнымъ средствамъ Клитіи; перспектива работать въ мастерской вмѣстѣ съ симпатичнымъ человѣкомъ также была привлекательна. Правда, острый запахъ картофеля, какъ только боковую дверь изъ зеленной въ сѣни оставляли открытой, несся вверхъ по лѣстницѣ и проникалъ въ ея квартирку, вмѣстѣ съ запахомъ стряпни хозяйки и отзвуками ея споровъ съ мальчишкою-подручнымъ и крикомъ ея вѣчно-юнаго потомства. Правда, отъ непрестаннаго грохота омнибусовъ, ломовыхъ телѣгъ и фургоновъ съ мебелью, и особенно отъ назойливаго дребезжанья тележекъ съ разными продуктами, дрожали полъ и окна и звенѣли подвѣски у люстры. Вообще тѣневыхъ сторонъ и недочетовъ въ здѣшней жизни было много, но Клитія, вооружившись философіей, послѣ долгаго разговора съ м-съ Фаркгарсонъ, научилась не замѣчать того, что не въ ея власти было устранить. За то ея гостиная, вечеромъ, при закрытой двери и со спущенными портьерами, выглядѣла довольно уютной. Картины, бездѣлушки, занавѣски и прочіе аксессуары меблированныхъ комнатъ Клитія вернула м-съ Гурвинсъ подъ предлогомъ, что у нея едва хватаетъ мѣста для своихъ вещей — и это была правда; кромѣ того, она какимъ-то чудомъ ухитрилась убѣдить хозяйку убрать и люстру, своимъ дребезжаньемъ теребившую нервы жи-

лицы, на томъ основаніи, что она будто бы не можетъ работать при газовомъ освѣщеніи,—что было уже неправдой. Дверь она завѣсила толстыми портьерами, преграждавшими доступъ шуму и запахамъ, въ чинность мебельнаго гарнитура внесла разнообразіе при помощи ширмочекъ, маленькихъ столиковъ и зелени и для стараго фортепьяно нарисовала длинную панель, съ которой оно смотрѣло не такимъ потертымъ и много болѣе привлекательнымъ. Въ законченномъ видѣ комната стала нарядной и уютной, а смѣлыя цвѣтныя пятна, брошенныя тамъ и тутъ, причудливыя складки драпировокъ, полуимпрессіонистскія картины на стѣнахъ придавали ей особый отпечатокъ—личности ея хозяйки.

Клитія жила, наконецъ, тою жизнью, къ которой она такъ стремилась. Никто не контролировалъ ея поступковъ, никакія условности не стѣсняли ее въ высказываніи своихъ мыслей. Въ первые дни она едва удерживалась, чтобъ не повѣсить надъ каминомъ собственный ключъ отъ квартиры, въ качествѣ символа своей свободы. Это былъ для нея не только ключъ отъ ея собственнаго „дома", хотя и очень скромнаго, но и волшебный ключъ, который долженъ былъ отпереть для нея сердце огромнаго города, раскинувшагося внизу.

Съ первыхъ же дней она безъ труда нашла себѣ работу. Въ магазинахъ охотно покупали ея небольшія картинки и заказывали новыя. Понравилась ея работа и издателю, къ которому она пошла съ рекомендательными письмами отъ знакомыхъ художниковъ и съ альбомомъ своихъ рисунковъ, и онъ сталъ заказывать ей иллюстраціи для книгъ и журналовъ. Заработокъ ея былъ невеликъ, но постепенно возрасталъ, и къ концу второго года она зарабатывала уже достаточно, чтобы перебраться съ Кингсъ-родъ въ болѣе нарядную часть города; но Клитія уже привыкла къ шуму и грохоту, и къ торопливому, безрадостному изо дня въ день теченію жизни подъ ея окнами. А м-съ Гуркинсъ изучила ея вкусы и привычки—качество, которое женщины такъ же умѣютъ цѣнить въ квартирной хозяйкѣ, какъ и мужчины. И она осталась.

За эти годы она много читала, многое узнала. Въ промежутокъ между двадцатью-двумя и двадцатью-четырьмя годами женщина способна широко усваивать идеи. Онѣ вливаются живительной волной въ только-что раскрывшіеся, незагрязненные канальцы ея мозга, еще не забитые налетомъ скорбей и усталости. Отбросивъ старыя формулы, она ощутила настоятельную потребность пріобрѣсти знанія, которыми бы можно было замѣнить ихъ, и это убивало въ

ней всякую склонность къ моральному или художественному идеализму. Она вдумывалась въ прочитанное, инстинктивно доискиваясь корней жизни, первобытныхъ страстей, сострясающихъ весь нашъ организмъ. Брезжившее въ ея умѣ познаніе и пугало, и манило ее. Но извѣчно-женское въ ней боролось, искало спасенія въ одиночествѣ. Стыдливо опуская рѣсницы, она отталкивала отъ себя мысли о страсти, на которую еще не родился откликъ въ ней самой. Но современность предъявляла свои запросы, вынуждала пріобрѣтать солидныя систематическія знанія. И Клитія узнала, что жизнь и поступки человѣка управляются болѣе могущественными и глубокими законами, чѣмъ тѣ, о которыхъ можно было говорить за чайнымъ столомъ въ Дурдльгемѣ, гдѣ укоренившаяся привычка игнорировать эти законы втискивала жизнь въ самыя узкія рамки, налагая, такъ сказать, запретительныя пошлины на всякое просвѣщеніе извнѣ.

Въ двадцать-четыре года Клитія была взрослой женщиной,—импульсивной, впечатлительной, жадной до всякихъ новыхъ ощущеній. Былое непокорство выработалось въ ней въ свободную независимость сужденій и поступковъ. Поступь у нея была легкая, рѣчь увѣренная, обращеніе непринужденное. И жила она счастливой, полной жизнью.

— Теперь я рада, что я женщина,-говорила она мистриссъ Фаркгарсонъ:—Я какъ будто соединяю въ себѣ преимущества обоихъ половъ.

— Подождите, пока вы выйдете замужъ,—усмѣхнулась ея пріятельница.

М-ссъ Фаркгарсонъ любила поддразнивать, беззлобно, ласково. Это нерѣдко поддерживаетъ и сохраняетъ дружбу.

Клитія смѣялась.

— По всей вѣроятности, я когда-нибудь выйду замужъ. Я хочу жить полной жизнью, извѣдать все, что она можетъ дать. Но пока, еще годика два-три я хотѣла бы пожить такъ, какъ теперь,—еще немножко поиграть въ мужчину.

— Нечего сказать: хорошъ мужчина!—говорила мистриссъ Фаркгарсонъ, опираясь подбородкомъ на руку и глядя на Клитію смѣющимися глазами.—Вы очаровательнѣйшая молодая женщина, какую я встрѣчала, и притомъ—насквозь женщина. Вы только посмотрите на свое платье и волосы.

Если судить по внѣшности, м-ссъ Фаркгарсонъ была права. Клитія любила хорошо одѣться и одѣвалась, какъ художница, подчеркивая свою личность, свои особенные вкусы, любила мягкія ткани, красиво ложащіяся складками, спокойные темные тона, оживленные неожиданнымъ яркимъ бликомъ на груди или у ворота. Особенно она любила кру-

жево съ его мягко обволакивающей снѣжной пѣной и носила его на зло всѣмъ модамъ, какъ бы торжествуя, что она, быть можетъ, единственная дѣвушка въ Англіи, которая умѣетъ носить его съ такимъ безупречнымъ вкусомъ.

Росту она была средняго, но стройная, вполнѣ развитая фигура и привычка держаться очень прямо заставляли ее казаться выше. Красиво посаженная голова и манера откидывать ее назадъ, выставляя впередъ изящный, твердый подбородокъ, усиливали это впечатлѣніе молодости и отваги. Глаза у нея были темно-синіе, широко разставленные, съ изящнымъ оваломъ орбитъ, съ искорками лукавства и юмора въ глубинѣ зрачковъ. И этотъ мягкій свѣтъ въ глазахъ, вмѣстѣ съ мягкими контурами носа, сглаживалъ впечатлѣніе рѣзкости и чувственности, которое могли бы дать полныя алыя губы, слегка кривившіяся въ презрительную гримаску. Изящный, немного хрупкій овалъ лица былъ наслѣдьемъ Давенантовъ, но розовыя щеки говорили о кипучей юной крови, текшей подъ нѣжной кожей, а темно-рыжіе волосы, съ тысячью отсвѣтовъ, игравшихъ въ нихъ,— о богатой, сильной натурѣ. Клитія по-женски гордилась своими волосами и причесывала ихъ совсѣмъ по-своему, какъ-то путано и удивительно красиво.

Ея товарка по школѣ, Винифредъ Марчпэнъ, по прежнему нанимала пополамъ съ ней мастерскую. Вначалѣ она нѣсколько побаивалась Клитіи—смѣлость сужденій и безстрашіе въ высказываніи ихъ невсегда привлекаютъ робкія, боязливыя натуры. Но постепенно болѣе сильная натура поработила болѣе слабую и привязала ее къ себѣ нерасторжимыми узами. Изъ этого выросла настоящая, большая дружба, основанная со стороны Винифредъ на восторженномъ поклоненіи, со стороны Клитіи—на нѣжномъ чувствѣ любви и покровительства.

Винифредъ была одной изъ многихъ дочерей большой семьи, гдѣ отецъ былъ отставной офицеръ съ очень ограниченными средствами. Двѣ ея сестры жили вдали отъ дома, въ гувернанткахъ зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба по чужимъ домамъ. Третья вела хозяйство и заботилась о младшихъ членахъ семьи. Винифредъ, писавшая прелестнѣйшія natures mortes содержала сама себя, но жила дома и вносила свою долю на домашніе расходы. Была она маленькая, кроткая, черноволосая, съ яркимъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ. Темно-каріе глаза ея свѣтились собачьей преданностью и въ то же время стойкостью, которая дѣлаетъ женщину въ иныхъ случаяхъ героиней. Она была чужда капризовъ, причудливыхъ смѣнъ настроенія. Работа ея была всегда закончена и добросовѣстно отдѣлана, всегда одинаково дорога ей. И въ про

цессѣ работы, и потомъ, художница находила въ ней то же тихое очарованіе. Въ картинахъ ея не было страсти, бившей по нервамъ, но было вѣрное чутье красокъ и оттѣнковъ; гибкость линій и удивительная деликатность кисти—на большее она и не претендовала и никогда не пыталась перешагнуть отведенныя ей судьбой границы. Одна изъ ея небольшихъ картинъ была пріобрѣтена Академіей и висѣла тамъ, въ дальнемъ углу—букетъ розъ Марешаль-Ніэль, пышныхъ, въ полномъ цвѣту, въ венеціанской вазѣ съ тончайшими прожилками—прелестная картинка, чистая и нѣжная, какъ и она сама.

Былъ холодный мартовскій день. Солнце свѣтило весело сквозь бѣлую занавѣсь, которой было затянуто верхнее окно студіи, но восточный вѣтеръ проникалъ сквозь щели и, не смотря на яркій огонь въ печи, въ мастерской было прохладно.

— Ты совсѣмъ посинѣла отъ холода, Клитія,—сказала Винифредъ, откладывая въ сторону кисть и палитру.—Вотъ тебѣ пледъ, закутайся въ него. Отчего ты такъ мало заботишься о себѣ?

— Я какъ-то и не думала объ этомъ,—сказала Клитія, съ благодарностью принимая пледъ и ласку.—Я набрасывала на память этого мальчика, который только-что ушелъ отъ насъ.

Винифредъ поставила скамеечку у огня, возлѣ кресла Клитіи, и усѣлась на нее, въ своей любимой позѣ, дававшей ей и нравственное утѣшеніе—сидѣть у ногъ Клитіи, и физическое удобство—положить голову ей на колѣни.

— Надѣюсь, онъ не приведетъ съ собою въ домъ разныхъ ужасныхъ людей—ну, воровъ, напримѣръ,—вродѣ Оливера Твиста?—задумчиво добавила она.

— Да, пожалуй, это неосторожно было съ моей стороны взять модель прямо съ улицы. Но это—какъ разъ то, что мнѣ нужно было, чтобы придать опредѣленный характеръ моей группѣ. Я ужъ хотѣла сочинить такого же, изъ головы.

— Удивительно, какъ ты это можешь—писать изъ головы всѣ эти уличные типы, Клитія. Я бы хотѣла такъ, но не могу.

Клитія расхохоталась.

— Посмотрѣла бы я, что бы у тебя изъ этого вышло, глупенькая. Твои уличные мальчишки походили бы на заблудившихся купидоновъ, наскоро завернутыхъ въ старыя лохмотья шокированнымъ ихъ наготою полисменомъ.

— Я не то хотѣла сказать—ты же понимаешь. Я хотѣла, сказать, что желала бы умѣть рисовать безъ модели. Не

думаю, чтобъ я способна была нарисовать даже обыкновеннѣйшій листокъ, не имѣя его передъ собою. А ужь что касается до этого—она указала на корзину съ анемонами, подснѣжниками и фіалками, добытую сегодня утромъ м-ромъ Гуркинсомъ изъ Ковентъ-гардена и стоявшую возлѣ ея мольберта,—рисовать изъ головы *это* для меня такъ же немыслимо, какъ и летать.

— Ты артистка, Винни, и любишь искусство ради него самого. А я вотъ не увѣрена, люблю ли. Еслибъ мнѣ надо было выписывать всѣ эти маленькіе колокольчики съ ихъ тысячью извивовъ, я бы съ ума сошла отъ злости. Я бы хотѣла, чтобъ у меня былъ двойникъ, какъ у скульптора въ сказкѣ, только чтобы онъ заканчивалъ мою работу и взялъ бы на себя всѣ скучныя детали. Вотъ почему я обхожусь иногда безъ моделей. Это сберегаетъ время. Иной разъ на улицѣ лицо такъ врѣжется мнѣ въ память, что я, когда приду домой, могу зарисовать его. По всей вѣроятности, этого дѣлать не слѣдуетъ, но Берроузъ, повидимому доволенъ мной. Онъ говоритъ, что мои картины „*пошли*" и думаетъ даже повысить цѣну. Онъ удивительно галантерейный.

— Если ты такъ хорошо запоминаешь лица, зачѣмъ же тебѣ было приводить сюда этого мальчика?—спросила Винифредъ.—Я только хотѣла бы знать, чѣмъ онъ такъ особенно понравился тебѣ, дорогая,—прибавила она, поднимая голову и глядя вверхъ на Клитію.

Мальчикъ, о которомъ шла рѣчь, былъ оборванный и неряшливо одѣтый, не то, чтобы совсѣмъ ужь уличный мальчишка, но, такъ сказать на грани улицы и респектабельности, нѣчто среднее между маленькимъ газетчикомъ и разсыльнымъ—помѣсь нѣсколькихъ породъ со всѣми присущими имъ пороками.

— Тебѣ такъ нужно это знать? Пожалуй, ты будешь шокирована, если я скажу. Однако все равно придется сказать, рано или поздно. Вотъ видишь-ли: я хочу написать съ него картину собственнаго изобрѣтенія—изобразить его чуточку болѣе фантастическимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и назвать его—милая, какъ же мнѣ назвать его?

— Эльфомъ?

— Боже избави! Нѣтъ! Что у меня общаго съ эльфами и феями? Онъ—сынъ короля Кофетуа — предполагая, что король женился на нищей.

— Тогда почему же не сынъ другого короля?

— Въ самомъ дѣлѣ: почему недругого короля?—насмѣшливо и сухо повторила Клитія.—Или не другой нищенки?

— О!—промолвила Винифредъ, глядя въ огонь.

И, помолчавъ, спросила:

— Съ чего ты это взяла?

— Ты видѣла его мать? Нѣтъ? А я видѣла. Такая глупая на видъ, краснорожая баба. Если не ошибаюсь,—поденщица. По ея лицу сразу видно, что всѣ ея предки были чернорабочими, а у Джека въ лицѣ свѣтится сила, умъ—онъ весь совсѣмъ другой; ужь навѣрное, въ его жилахъ течетъ иная, лучшая кровь, чѣмъ могли дать ему она и подходящій къ ней супругъ. Ты не находишь этого, Винни?

— Онъ, несомнѣнно, красивый мальчикъ, но—такой грязный и—дѣвушка брезгливо повела худенькими плечиками—что-то въ немъ такое животное.

— А меня вотъ онъ страшно привлекаетъ,—задумчиво выговорила Клитія.—Я напишу съ него самую дикую картину—для самой себя—и для тебя, если захочешь, Винни.

Винни слегка вспыхнула отъ удовольствія, хотя тѣ картины, которыя Клитія писала „только для себя", не всегда доставляли ей полное эстетическое наслажденіе, и повернулась лицомъ къ Клитіи. Та искренно расхохоталась.

— Да не смотри ты на меня такими беззавѣтными глазами, дитя. Мнѣ досадно за тебя. Вотъ изъ-за такихъ глазъ и бываютъ несчастны женщины. Нельзя такъ вѣрить людямъ какъ ты вѣришь, дорогая.

— Я вѣрю имъ, когда они такіе же хорошіе, какъ ты.

— И мнѣ не надо вѣрить. Развѣ ты не знаешь, что я гадкая—ужасно гадкая—и всегда думаю о всякихъ гадостяхъ? Ну, посмотри ты на стѣну. Какъ ты можешь любить женщину, которая пишетъ такія нелѣпости?

Она указывала на рядъ забавныхъ карикатуръ углемъ, висѣвшихъ на стѣнѣ. Два дня тому назадъ она обозлилась на себя за то, что ей не удалась картина, надъ которой она сидѣла мѣсяцъ, и въ приступѣ досады замазала все сдѣланное и сама же нарисовала на свой сюжетъ рядъ жестокихъ фантастическихъ карикатуръ.

— Тебѣ хотѣлось чаю, милая,—напомнила вмѣсто отвѣта Винифредъ.

Чаепитіе въ мастерской было огромнымъ удовольствіемъ для Винни. Дома, изъ-за дѣтей, всѣ пили чай за обѣденнымъ столомъ, изъ большихъ чашекъ для бульона, намазывая масломъ толстые ломти хлѣба. Но въ мастерской дѣвушки сервировали чай совсѣмъ иначе, въ хорошенькихъ, изящныхъ чашечкахъ, и м-ссъ Гуркинсъ нарѣзывала имъ хлѣбъ и масло тоненькими ломтиками. Обыкновенно чай разливала Виннифредъ, но сегодня этимъ занялась Клитія, какъ бы стараясь загладить рѣзкость своихъ словъ, которыя могли шокировать ея подругу. У женщинъ бываютъ такіе стран-

ные порывы, чисто женскіе и понятные всякой женщинѣ но не мужчинѣ.

Какъ всегда, онѣ за чаемъ весело болтали, и еще долго послѣ чаю, пока не пришло время Винифредъ идти домой. Въ то время, какъ онѣ прощались на площадкѣ лѣстницы, мимо нихъ пробѣжалъ мужчина, торопливо перескакивая черезъ двѣ ступеньки, на мигъ остановился, приподнялъ шляпу и исчезъ за поворотомъ лѣстницы. Мужчина былъ рослый и цвѣтущій, съ темной бородкой, чуть рыжеватыми кончиками усовъ, съ ясными сѣрыми глазами, блеснувшими слегка насмѣшливо, когда онъ прошелъ мимо дѣвушекъ. Одѣтъ онъ былъ небрежно, въ костюмъ немодный и сидѣвшій мѣшковато, но все же отмѣченный печатью индивидуальности.

— Кто это?—шепнула Винифредъ, когда мужчина скрылся изъ виду.

— Это—тоже „протестъ", но сортомъ выше. Онъ имѣетъ мужество не скрывать своихъ убѣжденій.

— Что ты хочешь сказать этимъ, Клитія?

— Какъ? Развѣ ты не можешь распознать протеста, когда сталкиваешься съ нимъ?

— О, Клитія, не мучь меня загадками!—вскричала Винифредъ, слегка тряхнувъ подругу за руку.—Ты съ нимъ знакома?

— Конечно, нѣтъ. Чего ради я стану съ нимъ знакомиться? Просто м-ссъ Гуркинсъ кое-что разсказывала мнѣ о немъ, не дальше, какъ сегодня утромъ. Его фамилія Кентъ. Она, повидимому, до смерти боится его,—потому я и говорю, что онъ—протестъ. Ну, однако, тебѣ пора домой. Бѣги скорѣй!

Когда Винифредъ была уже у входной двери, Клитія перегнулась черезъ перила и окликнула ее.

— Винни! Я сегодня, должно быть, была очень добренькая?

— Конечно, милая. Почему ты это говоришь?

— Потому, что ты оставила на мое попеченіе свою корзину анемоновъ.

IV.

Послѣ ухода Винифредъ Клитія въ омнибусѣ съѣздила къ однимъ своимъ знакомымъ, а потомъ вернулась домой обѣдать, по обыкновенію, одна. То, что Клитія, подобно многимъ одинокимъ женщинамъ, не перестала ѣсть въ опредѣленные часы, довольствуясь чаемъ и закусками, разнообразными, но не всегда полезными, несомнѣнно, свидѣтельствовало объ извѣстной силѣ характера. Впрочемъ, она не дошла еще до той степени женскаго унынія и угнетенности,

когда обѣды, состоящіе изъ хлѣба съ масломъ и дешеваго печенья, какъ будто приносятъ безрадостное утѣшеніе. Темпераментъ у нея по своей силѣ былъ почти мужской и хотя она, какъ почти всѣ женщины, не уважала гастрономіи, однакожъ, находила нужнымъ ѣсть каждый день прилично сервированный обѣдъ. Къ тому жем-ссъ Гуркинсъ уже въ силу своей профессіи интересовавшаяся всякими пищевыми продуктами, имѣла на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленные взгляды. У нея самой былъ превосходный аппетитъ и ея дѣвочки готовы были слопать все, что только попадало на ихъ бѣленькіе зубки; она не вѣрила, что человѣкъ можетъ не хотѣть ѣсть. И очень огорчалась тѣмъ, что другой ея жилецъ, м-ръ Кентъ, занимавшій комнату наверху, ѣлъ кое-какъ и самъ себѣ готовилъ, а ей не не позволялъ заботиться о своихъ нуждахъ. И потому вдвое усерднѣе заботилась о Клитіи.

Когда убрали со стола, Клитія снова взялась за книгу, которую читала за обѣдомъ, но потомъ отшвырнула ее. Встала и принялась ходить по комнатѣ. На душѣ у нея было какъ-то тревожно, одиноко; смутно хотѣлось что-то дѣлать и въ то же время хотѣлось побездѣльничать. Не было ли это безпокойство смутнымъ предвѣщаніемъ судьбы? Какъ бы то ни было, оно толкнуло ее на поступокъ, самъ по себѣ ничтожный, но имѣвшій огромное вліяніе на ея будущую жизнь.

Она присѣла за письменный столъ, стоявшій въ нишѣ между каминомъ и окномъ, завѣшеннымъ легкими кисейными занавѣсями, и зажгла двѣ свѣчи съ хорошенькими красными абажуриками, освѣтившими розовымъ свѣтомъ весь этотъ уголокъ. Она написала только коротенькое письмецо, наскоро, въ нѣсколькихъ отрывистыхъ фразахъ, какъ всегда. Затѣмъ, не погасивъ свѣчей, усѣлась въ покойное кресло у огня и задумалась.

Мальчикъ, котораго она пригласила сегодня утромъ позировать ей въ качествѣ натурщика, очень заинтересовалъ ее. Ей самой не хотѣлось особенно вдаваться въ разрѣшеніе маленькой задачи, поставленной ею утромъ Винифредъ. Но чутье къ типу и личности было въ ней слишкомъ сильно развито, чтобы не отмѣтить разницы между матерью и сыномъ. Съ одной стороны, тупая, заурядная, толстокожая баба, туго откликающаяся на зовы и надежды, и отчаянія,— обыкновенное рабочее животное, покорно несущее свою участь; съ другой — подвижность, живость, огневой темпераментъ, сверкающій въ блескѣ черныхъ глазъ, тонко очерченный носъ, кудрявые черные волосы — все невѣроятно

грязное, но отъ этого только еще болѣе живописное. И однако же, несмотря на утонченность линій, въ выраженіи этого дѣтскаго лица, несомнѣнно, была жестокость и даже что-то звѣриное. Быть можетъ, въ томъ виновно воспитаніе,— думала Клитія. Но его красота—откуда у него такая красота? Она усмѣхнулась, вспомнивъ о королѣ Кофетуа. Сердце короля плѣнила грація и миловидность юной нищенки, но грація была такое качество, которое у матери Джека явно отсутствовало. Клитія смутно сознавала, что она стоитъ на рубежѣ какого-то ужаснаго открытія. Читала она безъ разбора и ея знакомство съ жизнью было достаточно обширно, чтобы знать, что короли и нищенки, когда они влюбляются другъ въ друга, обыкновенно обходятся безъ брачнаго обряда. Но вѣдь любовь все покрываетъ—новая формула соціальной статики, выработанная самою Клитіей и, можетъ быть, благоразумно отвергаемая въ Дурдльгемѣ,—и всѣ беззаконія и скорби, какія приходилось видѣть Клитіи въ ея недолгой жизни, въ ея глазахъ освящались и искупались любовью. Но кто же могъ полюбить эту женщину? Ей и теперь было не больше, какъ тридцать-три года— она не успѣла состариться—очевидно, она и смолоду не была даже миловидной. Казалось бы, за что ее любить? Однако мальчикъ былъ живымъ доказательствомъ противнаго...

Она вспомнила Винифредъ и слегка вздохнула. Почему она всегда жаждетъ проникнуть въ скрытое и потаенное, вкусить отъ горечи жизни, когда въ жизни такъ много сладости? Мысль о подругѣ и ея цѣломудренной кисти, изображавшей только изящное и чистое—цвѣты, плоды и тихое, прозрачное стекло, кольнула ея сердце, какъ укоръ. Но тотчасъ же Клитія снова улыбнулась, вспомнивъ, какъ Винифредъ убѣдила ее однажды попробовать нарисовать нѣсколько розъ и какъ она потомъ огорчилась полнымъ ея проваломъ. Нѣтъ, это ужь оставьте—каждому свое.

— Развѣ ужь я такая гадкая?.. Не думаю...

Она оперлась подбородкомъ на руку и задумалась о Джекѣ. Фантазія ея живо нарисовала ей цѣлый романъ. Онъ найденышъ, сынъ знатныхъ родителей, и м-ссъ Фостеръ только его пріемная мать. Потомъ тряхнула головой и съ отвращеніемъ воскликнула:

— Нѣтъ, это ужь совсѣмъ по-дурдльгемски!

И тотчасъ же, почуявъ то, что одинаково пугаетъ людей и въ Дурдльгемѣ, и въ Лондонѣ, вскочила съ кресла, крича:

— Здѣсь что-то горитъ!

Дѣйствительно, комната была полна дыму и, вскочивъ, Клитія увидала огненную змѣйку, ползшую возлѣ стола вверхъ по занавѣскѣ. Она кинулась къ столу, хотѣла сор-

вать занавѣси, но едва дотронулась до нихъ, едва тряхнула ихъ, какъ онѣ вспыхнули. Тогда она метнулась къ двери и, что было силы, крикнула: „Пожаръ!“

Что было дальше, ни она, ни Джонъ Кентъ потомъ не могли въ точности сказать. Онъ спускался съ лѣстницы когда дверь внезапно распахнулась и яркій свѣтъ выбухнулъ на темную площадку. Изъ двери выбѣжала, почти наткнувшись на него, жиличка съ крикомъ: „У меня въ комнатѣ пожаръ!..“ Черезъ минуту онъ уже срывалъ горящія занавѣси, тушилъ ихъ на полу коврами и топталъ ногами загорѣвшіяся драпировки — все это среди дыма и общаго смятенія. Пожаръ удалось потушить довольно скоро, но борьба съ огнемъ все же была упорной и волнующей. Клитія молча слѣдила за ней, держась рукой за горло. Для нея было совершенно новымъ ощущеніемъ видѣть мужчину, который выручаетъ ее изъ бѣды. Сама она попробовала справиться съ бѣдой—и не сумѣла. И по тому, сколько усилій и энергіи, сколько насточивости и безстрашія долженъ былъ проявить этотъ мужчина, чтобы побѣдить огонь, онвидѣла, что никогда бъ ей одной и не справиться. Она восхищалась имъ и злилась на себя за это; чувствовала себя безпомощной и это тоже ее злило; втайнѣ желала, чтобъ опасность была еще немножко больше — и это было ужь совсѣмъ досадно.

Тѣмъ не менѣе, когда послѣдніе слѣды огня исчезли и мужчина подошелъ къ ней, тяжело дыша и отирая платкомъ вспотѣвшій лобъ, она опомнилась и жалобно обвела взглядомъ окна безъ занавѣсокъ и покоробившіяся панели. Онъ повернулся и отворилъ окно; сырой, холодный вѣтеръ взметнулъ дымъ кверху и закружилъ его по комнатѣ.

—Ну, вотъ. Кончено дѣло!-вздохнулъ онъ съ облегченіемъ

— Какъ мнѣ благодарить васъ?!—вскричала Клитія.

— За что? — безпечно бросилъ онъ.—Я радъ, что оказался подъ рукой—за себя столько же, сколько за васъ. Я вѣдь живу надъ вами.

— Я знаю; я не разъ видѣла, какъ вы выходили. Еще сегодня вы прошли мимо насъ на лѣстницѣ. Но все - таки вы спасли весь домъ, и я очень-очень благодарю васъ.

— Какъ это случилось? — спросилъ онъ, только теперь снявъ бѣлую войлочную шляпу и обнаруживъ темные кудрявые волосы.

— Должно быть, абажуръ на свѣчѣ загорѣлся и огонь перебросило на занавѣски. Я задумалась у камина и забыла, что оставила свѣчи непогашенными, а потомъ замѣ-

тила, что въ комнатѣ пахнетъ горѣлымъ и увидала, что занавѣски всѣ въ огнѣ. И побѣжала звать на помощь.

— И очень глупо сдѣлали!—замѣтилъ Кентъ, ставя на мѣсто столъ, отодвинутый имъ на середину комнаты.—Тѣмъ, что вы отворили дверь, вы только раздули огонь. Надо было сейчасъ же сорвать занавѣски и пригасить ихъ ковромъ. И, вообще, это очень глупо—имѣть у себя бумажные абажуры. Пользы отъ нихъ никакой, а непріятностей не оберешься. Надѣюсь, вы больше не станете покупать себѣ такихъ?

Эта маленькая нотація прочитана была съ такимъ отеческимъ видомъ, что Клитія, вначалѣ нѣсколько задѣтая, весело разсмѣялась.

Оба разомъ нагнулись, чтобы расправить смятые и обожженные ковры. Подъ ними оказался непромокаемый плащъ Кента, на который онъ швырнулъ горящія занавѣси. Плащъ былъ весь въ дырахъ и совершенно непригоденъ для дальнѣйшаго употребленія.

— Онъ совсѣмъ погибъ!—вскричала Клитія тономъ полной безнадежности, разглядывая дырки.

И вдругъ замѣтила на рукѣ у Кента огромный красный волдырь. Онъ поспѣшилъ отдернуть руку, но Клитія поймала его за рукавъ. Кусокъ матеріи остался у нея въ рукѣ.

— Вы жестоко обожглись. О, какъ мнѣ жаль! Чѣмъ я могу помочь вамъ?

— Пустяки. Не больно. Я сейчасъ пойду и приложу чего-нибудь. Пожалуйста, не безпокойтесь. Доброй ночи.

Онъ направился къ двери, со шляпой и испорченнымъ плащемъ въ рукахъ. Но Клитія не могла такъ отпустить его. Въ ней заговорила женщина.

— О, прошу васъ, не уходите, пока я не осмотрю вашей руки. Иначе я буду чувствовать себя совсѣмъ несчастной. Можетъ быть, я смогу перевязать ее вамъ—пока вы найдете доктора.

Она говорила такъ искренно, такъ отъ души и смотрѣла на него съ такимъ неподдѣльнымъ огорченіемъ, что онъ послушался, подошелъ къ столу, на которомъ горѣла лампа, и показалъ ей свою руку. Ожогъ былъ, дѣйствительно, очень сильный и боль становилась нестерпимой.

— Что надо дѣлать? Скажите. Я не знаю,—безпомощно взмолилась она.

— Самое лучшее—смазать прованскимъ масломъ и завязать чѣмъ-нибудь.

Клитія достала ваты и немного масла изъ судка въ буфетѣ, потомъ стала искать, чѣмъ бы перевязать. Кентъ отмѣтилъ, что она не попросила у него носового платка и не

вынула своего, но бросилась къ своей рабочей корзинкѣ и порывисто оторвала кусокъ чего-то мягкаго, лежавшаго сверху. Матерія была, видимо, очень дорогая и вся работа часть которой онъ составлялъ, погибла. Но Клитія не думала объ этомъ. Это было характерно для нея. Другая женщина вспомнила бы, что у нея гдѣ-то спрятаны тряпочки и обрѣзки стараго батиста или полотна.

Кентъ съ любопытствомъ наблюдалъ за нею, когда она нагнулась надъ его рукой. Онъ и раньше часто встрѣчался съ нею, но жизнь его протекала вдали отъ женщинъ, совсѣмъ въ иной сферѣ, и онъ при встрѣчахъ не обращалъ вниманія на сосѣдку. Даже не поинтересовался узнать ея фамилію. Тотъ фактъ, что она снимала мастерскую, показывалъ, что она работаетъ въ той или иной отрасли искусства, но и это не разожгло въ немъ любопытства. Теперь же, когда ему неожиданно пришлось близко столкнуться съ нею, онъ заинтересовался. Мысленно онъ самъ посмѣивался надъ собой за то непривычное удовольствіе, которое ему доставляло слѣдить за игрой свѣта въ ея волосахъ, за тѣмъ, какъ она слегка сдвигала брови, поглощенная своимъ занятіемъ, за ловкими движеніями длинныхъ нервныхъ пальцевъ, разстилавшихъ вату, и любоваться стариннымъ кружевомъ у ея ворота и рукавовъ. Она была красива, удивительно красива, но, помимо этого, у него сложилось не очень-то высокое мнѣніе о ней. Это было чисто по-женски—выбѣжать изъ комнаты, когда она горитъ, даже не попробовать самой какъ-нибудь выпутаться изъ бѣды и слѣпо ввѣриться Провидѣнію или мужчинѣ. Странно, что мужчины, которые меньше всего видятъ женщинъ, знаютъ ихъ всего лучше.

Окончивъ перевязку, Клитія подняла голову и поймала усмѣшку на его лицѣ. И онъ успѣлъ поймать тѣнь недовольства, мелькнувшую въ ея глазахъ.

— Я думалъ о томъ, какъ бы долго самъ я провозился съ этимъ,—сказалъ онъ съ тактомъ, изумившимъ его самого.— Я очень вамъ признателенъ.

— Я рада, что хоть этимъ пустякомъ могла быть вамъ полезной. Мнѣ такъ совѣстно—я чувствую себя такой виноватой... И ваше бѣдное пальто...

— Оно такое старое,—добродушно отвѣтилъ онъ, показывая ей плащъ, висѣвшій у него черезъ плечо. — Мои друзья будутъ въ восторгѣ. Они уже грозили мнѣ не кланяться со мной на улицѣ, если я буду продолжать носить его. Такъ что вы, можно сказать, сохранили мнѣ моихъ друзей. И сегодня вечеромъ мнѣ гораздо больше пригодится зонтикъ

— Неужели вы еще хотите выйти?—ужаснулась Клитя,

подходя къ окну и поспѣшно закрывая его, словно Кентъ собирался уйти черезъ окно.—На дворѣ проливной дождь, вы простудите руку, и она воспалится или что-нибудь еще хуже. Какъ это нелѣпо, что люди нисколько не заботятся о себѣ сами! Очень болитъ? правда? Скажите мнѣ.

Она смотрѣла на него такимъ яснымъ взглядомъ, слегка закинувъ голову назадъ, говорила такъ ласково и чуть-чуть повелительно, что Кентъ сдержалъ въ себѣ желаніе уйти.

— Разумѣется, болитъ. Но это ничего. Если обращать вниманіе на всѣ мелкія жизненныя непріятности и боли, не хватило бы времени ни для чего другого. Да я и привыкъ, выдрессировалъ себя. Человѣкъ болѣе или менѣе самъ выбираетъ себѣ жизнь, и мнѣ нравится моя.

Клитіи припомнились странные разсказы м-ссъ Гуркинсъ о чудачествахъ ея жильца. Она слушала ихъ р..душно, отъ нечего дѣлать—ей и въ голову не приходило, что они съ Кентомъ могутъ познакомиться. Теперь, когда онъ заговорилъ о своихъ привычкахъ, она сочла долгомъ покаяться въ томъ, что слушала сплетни хозяйки, хотя сдѣлала это не очень-то охотно, едва поборовъ малодушное желаніе ромолчать.

— Какъ видите, я ужь многое знаю о васъ,—заключила она:—Люди эксцентричные скоро становятся, такъ сказать, общимъ достояніемъ. Только, когда вы будете говорить съ м-ссъ Гуркинсъ...

— Боже избави!—горячо воскликнулъ Кентъ.—Я какъ разъ отъ нея бѣжалъ сегодня, когда едва не опрокинулъ васъ.

— Почему?—засмѣялась Клитія.

— Самъ не знаю,—должно быть, инстинктивно. Можетъ быть, я и напрасно бѣгалъ отъ нея. Тогда я тоже зналъ бы что-нибудь о васъ. Сознаюсь, это не очень-то любезно, но я цѣлый годъ здѣсь прожилъ, даже не видавъ васъ и не слыхавъ вашего имени. Могу я узнать, кому я имѣлъ удовольствіе оказать услугу? Раньше мнѣ это было совершенно безразлично, но теперь—другое дѣло.

Въ его словахъ была прямота и честность, которыя понравились Клитіи. Она обрадовалась, что онъ спросилъ ее. Въ самой эмансипированной женщинѣ всегда есть чуточку тщеславія, которое легко задѣть.

— Моя фамилія—Давенантъ, и я собираюсь быть художницей,—то есть, я уже и теперь живу этимъ.

Она невольно обвела взглядомъ комнату, увѣшанную по большей части незаконченными эскизами. Кентъ сдѣлалъ

то же и затѣмъ перевелъ взглядъ на стѣну, гдѣ висѣли двѣ ея картины.

— И это тоже ваше? — спросилъ онъ, съ живостью обернувшись къ ней.

То были смѣлые наброски углемъ довольно рискованныхъ уличныхъ сценокъ. Клитія утвердительно кивнула головой; Кентъ снова посмотрѣлъ на картины, потомъ на нее, какъ бы стараясь примирить то и другое.

— И всѣ ваши работы въ томъ же родѣ?

— По большей части. Впрочемъ, иногда я смягчаю это,— улыбнулась она—когда работаю на заказъ; но мнѣ самой больше по душѣ такое...

Кентъ вернулся на свое прежнее мѣато, на серединѣ комнаты.

— Я не художникъ, — молвилъ онъ — но выросъ въ артистической средѣ и люблю искусство. Мой отецъ былъ Рупертъ Кентъ, художникъ и граверъ; вотъ эта маленькая вещица у васъ на каминѣ,—это его работа.

— Не правда-ли, это маленькій шедевръ?—вскричала Клитія.—Я страшно люблю его.

— И отецъ любилъ. Такъ что, какъ видите, въ вопросахъ искусства я не филистеръ и, если я говорю вамъ, что ваши работы заинтересовали меня—я говорю только то, что думаю. Мнѣ хотѣлось бы увидать и другія. Гдѣ можно ихъ найти?

— Приходите, когда хотите, въ мою мастерскую. Это вѣдь, такъ сказать, моя рабочая контора. Вы, можетъ быть, даже достанете мнѣ заказъ? Искусство въ наши дни стало страшно продажнымъ...

— Я хочу видѣть вещи, которыя вы пишете для самой себя,—заявилъ Кентъ, игнорируя маленькую изгородь, которой она обставила свое приглашеніе.—Это очень мило съ вашей стороны, что вы позволили мнѣ прійти.

На прощанье Клитія протянула ему руку и еще разъ поблагодарила его за оказанную помощь.

— Теперь, когда мы познакомились,—улыбнулась она— надѣюсь, вы больше не будете проходить мимо меня на лѣстницѣ, не кланяясь.

Когда онъ ушелъ, Клитія съ огорченіемъ оглядѣла изуродованную гостинную. Отъ ея хорошенькихъ кисейныхъ занавѣсей осталась только кучка пепла; тяжелыя портьеры мѣстами прогорѣли до дыръ. Коверъ и коврикъ у камина тоже были сильно повреждены; у письменнаго стола одинъ бокъ покоробился и весь покрылся пузырями. Мысленно Клитія переживала снова всю эту маленькую катастрофу. Почему она стояла, сложа руки, предоставивъ всю работу Кенту? Что онъ подумаетъ о ней?..

Будь это просто кто-нибудь изъ ея знакомыхъ, она бы и сейчасъ сердилась на себя за свою безпомощность и невольно перенесла бы на него свою досаду. Но теперь она спрашивала себя объ этомъ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ досадой. Въ этомъ человѣкѣ была простота, привлекавшая ее. Рѣчи его были рѣзки, почти грубы, но голосъ ласковый и тонъ отеческій, простой и искренній. Она показала ему, что умѣетъ цѣнить это, пригласивъ его посѣтить ея мастерскую — привилегія, которую она давала только испытаннымъ и очень симпатичнымъ ей друзьямъ-мужчинамъ. Кентъ заинтересовалъ ее и однакоже у нея не явилось ни малѣйшаго желанія передать свое впечатлѣніе на полотнѣ.

На другое утро она разсказывала Винифредъ о происшедшемъ, передавъ свои впечатлѣнія по обыкновенію искренно, слегка насмѣшливо. Подруга выслушала коротко, дивясь ея горячности. Занавѣски вспыхнули; джентльменъ кстати подоспѣлъ на помощь, обжегъ себѣ руку; Клитія перевязала ее,—такъ и слѣдовало, разумѣется; этого требовала самая обыкновенная учтивость. Все это было вполнѣ естественно. А чувствовать себя униженной оттого, что ей помогъ мужчина,—что за нелѣпость!—да вѣдь женщины на то и созданы, чтобы смиряться передъ мужчинами и все важное предоставлять имъ.

Но этого Винифредъ не сказала Клитіи.

V.

Джонъ Кентъ, ученый, антикварій, богема и помощникъ консерватора Британскаго музея, жилъ на чердакѣ, много выше того предѣла, за которымъ лѣстница уже не покрывается ковромъ. Къ тому времени, какъ вы добирались до его квартирки, всякіе звуки снизу переставали доноситься и, даже глядя въ окна, вы не могли сообразить, въ какой мѣстности находится домъ, гдѣ онъ живетъ, такъ какъ въ окна видны были только крыши да трубы, за исключеніемъ очень ясныхъ дней, когда случайно можно было различить просвѣтъ улицы или же смутно маячившія деревья въ госпиталѣ Чельси. Но, находясь у Кента, никому бы не пришло въ голову смотрѣть въ окно. Во-первыхъ, до окна трудно было добраться, во-вторыхъ, необычайный видъ его аппартаментовъ цѣликомъ приковывалъ вниманіе къ внутреннему ихъ убранству.

На полу не было ни ковра, ни половика. Рѣшетка у камина замѣнялась тремя большими желѣзными треножниками, взятыми изъ какой-то брошенной химической лабораторіи;

иногда они служили скамеечками подъ ноги, но чаще подставками для котелка, кастрюльки и горшка съ клеемъ. Вдоль стѣнъ, съ перерывомъ только на мѣстѣ двери, шла полка, замѣнявшая нѣсколько столовъ, а подъ нею, тамъ и сямъ, хитро устроенные шкафчики. Выше полки стѣны сплошь покрыты были,—съ одной стороны, книгами, съ другой—картинами, по большей части, старыми гравюрами второстепенныхъ мастеровъ, вродѣ Кранаха и Бема, прелестная маленькая вещица Альдегревера въ рамкѣ, принцъ Рупертъ, въ половину натуральной величины, Вульмера съ ихъ очаровательными волнистыми линіями, Бевикъ и великолѣцный современный офортъ Жакемара, изображавшій севрскую вазу. Промежутки были заполнены ассортиментомъ всевозможнѣйшихъ курьезовъ. Полка такъ же была уставлена книгами, коллекціями монетъ, страннаго вида оружіемъ, старинными топориками; тутъ же лежала рукоять японской сабли съ изумительной рѣзьбой, газеты, журналы, брошюры и неисчислимое количество всякаго рода бумагъ. Свободныхъ мѣстъ во всей комнатѣ было только два: одно, гдѣ Кентъ работалъ, другое—гдѣ онъ питался—тѣмъ, что оказывалось подъ рукой. Мебели въ комнатѣ никакой не было, за исключеніемъ одинокаго кожанаго кресла у письменнаго стола которымъ пользовался самъ хозяинъ; но въ углу были навалены кучей складные, обитые парусиной стулья, на какихъ сидятъ на палубѣ и которые, по мѣрѣ надобности, Кентъ вытаскивалъ и предлагалъ своимъ гостямъ.

Всѣ вещи въ комнатѣ были сдѣланы его руками. Ручной трудъ доставлялъ ему огромнѣйшее наслажденіе. Пищу онъ такъ же самъ себѣ готовилъ и самъ убиралъ комнату Впрочемъ, послѣдняя операція заключалась только въ томъ что онъ выгребалъ золу изъ печки и снова разводилъ огонь Никакая докучная помѣха, въ видѣ женщины съ тряпкой и щеткой, не осмѣливалась вторгнуться въ его владѣнія Когда же пыль скоплялась такимъ толстымъ слоемъ что ужь нельзя было дышать и трудно видѣть черезъ стекла микроскопа, Кентъ вооружался рванымъ полотенцемъ и энергично хлопалъ имъ повсюду, стряхивая пыль, а затѣмъ поливалъ полъ изъ стараго чайника для ингаляціи.

Кентъ былъ счастливый человѣкъ. У него были убѣжденія, энтузіазмъ, разнообразнѣйшіе интересы для тѣхъ минутъ, когда ему хотѣлось поразвлечься, а для сосредоточеннаго настроенія—большая, захватывающая работа. Скромныхъ средствъ его съ лихвой хватало на его скромныя нужды, и еще всегда оставалось кое-что на покупку какого нибудь рѣдкаго изданія или курьеза. Когда заработокъ его возросталъ, увеличивались и эти сверхсмѣтные расходы.

Образъ жизни его никогда не мѣнялся, по той простой причинѣ, что Кентъ считалъ его самымъ пріятнымъ и единственно возможнымъ. Пурпуръ и багряница, тонкое бѣлье и роскошные пиры не привлекали его. И онъ всегда сокрушенно вздыхалъ, когда ему приходилось облачаться въ черный сюртукъ или во фракъ для какого-нибудь выѣзда въ свѣтъ. Онъ не стремился сидѣть на первомъ мѣстѣ въ собраніяхъ. И въ театрѣ ему было все равно—сидѣть въ партерѣ или на галеркѣ, только бы не остаться за дверью.

Счастливъ и въ друзьяхъ былъ онъ—друзей этихъ было немного, все непохожіе на него и разные между собою, но привязанъ онъ къ нимъ былъ крѣпко. Только женскихъ вліяній въ его жизни не было—какъ-то условія были неподходящія. Помимо близкихъ родственницъ, которыхъ онъ звалъ уменьшительными именами и къ которымъ относился съ старомодной братскою заботливостью, браня ихъ, когда онѣ дѣлали глупости—напримѣръ, выходили въ сырую погоду въ легкой обуви,—и оказывая имъ маленькія услуги въ награду за хорошее поведеніе, онъ о женщинахъ вовсе и не думалъ.

Въ тотъ вечеръ, когда у Клитіи вспыхнули въ комнатѣ занавѣски, онъ какъ разъ направлялся въ гости къ тремъ пріятелямъ-холостякамъ, нанимавшимъ совмѣстно домъ въ Южномъ Кенсингтонѣ. Пріятели уже привыкли къ его внезапнымъ позднимъ появленіямъ и, чѣмъ сквернѣй была погода и чѣмъ позднѣе часъ, тѣмъ больше было вѣроятій что Кентъ неожиданно появится въ дверяхъ гостиной, весь мокрый, красный, съ блестящими отъ дождя лицомъ и бородой. Сброситъ макинтошъ, попроситъ туфли и подсядетъ къ кружку друзей, уютно расположившихся у огня. Перспектива предстоящаго возвращенія домой пѣшкомъ и подъ дождемъ, часа въ три ночи, ни мало не смущала его и не отравляла его счастья.

Обществомъ этихъ трехъ испытанныхъ друзей онъ главнымъ образомъ и довольствовался: Фэрфаксъ, врачъ, здоровый, загорѣлый, краснощекій, пышущій силою и жизнерадостностью; у него даже мѣдная доска съ фамиліей у двери блестѣла радушно и привѣтливо, внушая полное довѣріе; Гринъ, адвокатъ, умный, проницательный, но немного рѣчивый, и Уизеръ чиновникъ, маленькій, гномообразный человѣчекъ, вѣчно съ странными поговорками на языкѣ, причудливый, чуждый всякой морали, красивый, точно мальчикъ или эльфъ, повѣренный мужскихъ тайнъ и баловень женщинъ. Изъ всѣхъ троихъ Кентъ больше всѣхъ любилъ Уизера. Уизеръ глубже его постигъ тайны міра,

но грубоватая непоколебимая честность Кента не разъ удерживала Уизера на краю бездны.

Простившись съ Клитіей и пожелавъ ей доброй ночи Кентъ еще постоялъ въ нерѣшительности на площадкѣ. Не закутаться ли ему въ обрывки своего макинтоша и не двинуться ли туда, куда всегда тянуло его вѣрное чутье? Ночь была холодная, моросилъ дождь пополамъ съ снѣгомъ, рука мучительно болѣла—но все это не играло никакой роли въ его рѣшеніи. Сыграло другое. Дѣвушка, перевязавшая его руку, почти умоляла его не выходить сегодня. Пренебречь ея просьбой было бы какъ-то неучтиво... И честный Кентъ, повернувшись на каблукахъ, сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Но, какъ онъ потомъ повѣрялъ своей трубкѣ съ утѣшительнымъ сознаніемъ, что онъ сегодня—мученикъ, вечеръ его былъ испорченъ и въ этомъ виновата была женщина.

„Агата — думалъ онъ — поступила бы на ея мѣстѣ такъ же глупо".

Агата была его сестра, которую онъ горячо жалѣлъ за то, что она имѣла несчастье родиться женщиной. Вспоминая картины Клитіи, писанныя такой мужской кистью, онъ начиналъ жалѣть и Клитію. Но въ этой жалости былъ уже иной оттѣнокъ. Сестру онъ жалѣлъ за то, что она обречена вести жизнь, чуждую честолюбія и наполненную пустяками, Клитію—за то, что ея полъ можетъ ей помѣшать осуществить ея честолюбивыя мечты.

Приблизительно съ тѣми же чувствами онъ постучался на другой день въ двери ея мастерской. Правда, сидѣвшій въ немъ буржуа, порой безъ словъ руководившій поступками богемы, направляя ихъ по вѣрному пути, попробовалъ было предостеречь его: — удобно ли такъ скоро нанести визитъ; но обычная искренность и простодушіе его натуры заглушили этотъ голосъ. Вѣдь, понятно же, Клитіи хочется знать, что подѣлываетъ его обожженная рука.

Онъ засталъ дѣвушекъ за работой: въ сторонкѣ Винифредъ, передъ корзиною цвѣтовъ; посрединѣ комнаты передъ мольбертомъ, — Клитію, спиною къ двери. На его стукъ она крикнула: „Войдите"! и оглянулась черезъ плечо—посмотрѣть, кто войдетъ.

На полу у камина лежалъ въ растяжку Джекъ, натурщикъ, и съ увлеченіемъ ѣлъ апельсинъ. Лицо у него было, по обыкновенію, вымазано грязью, кудрявые волосы всклокочены. Винифредъ трогательно умоляла Клитію умыть бѣднаго мальчика—вѣдь у него личико все въ грязи. Зачѣмъ ей нужно, чтобы онъ былъ грязнымъ?

— Затѣмъ, что онъ безъ этого немыслимъ. Онъ такимъ и родился.

Винифредъ съ мольбой подняла свои влажные темные глаза и Клитія въ порывѣ раскаянія кинулась ласкать и цѣловать ее. Но Джека все-таки не умыла. При входѣ Кента онъ вскочилъ на ноги и уставился на него вызывающе, словно дикій звѣрекъ.

Стеклянный потолокъ, бѣлыя стѣны, покрытыя фантастическими рисунками, и ярко-красная портьера, сзади, прикрывавшая уголъ за печкой, составляли оригинальнѣйшую рамку для этой картины.

Глаза Клитіи радостно вспыхнули. Она набросила скатерть на начатую ею картину и пошла на встрѣчу гостю.

— Какъ хорошо, что вы пришли! Ну, какъ рука?

— Пустякъ. Черезъ нѣсколько дней заживетъ; но я подумалъ, что вы не разсердитесь, если я приду сказать вамъ, какъ успѣшно было ваше леченіе. Я, какъ видите, надѣлъ повязку,—не то я бы не выдержалъ и непремѣнно началъ бы что-нибудь дѣлать обѣими руками. А вы не плохо чувствуете себя, м-ссъ Давенантъ?

— Я? Съ чего же *мнѣ*-то плохо чувствовать себя?

— Ну, нервы, потрясеніе, головная боль и все такое. Моя мать послѣ такой штуки, навѣрное, съ недѣлю не могла бы прійти въ себя.

Клитія весело разсмѣялась. Ей нравилось простодушіе, которое она угадывала за этими словами.

— Съ нервами своими я никогда не считаюсь, м-ръ Кентъ. Если ихъ распустить, они ужасно мѣшаютъ работать. Какъ же бы мы съ миссъ Марчпэнъ уживались, ну, вотъ хоть бы съ такою моделью—она кивнула головой на Джека—еслибъ у насъ были нервы? Винифредъ, это м-ръ Кентъ, тотъ самый, который вчера погасилъ у меня пожаръ. Мы съ миссъ Марчпэнъ пополамъ снимаемъ эту мастерскую и работаемъ вмѣстѣ.

— Но въ разномъ стилѣ,—замѣтилъ Кентъ, усаживаясь въ креслѣ такъ, чтобъ ему видна была изящная работа Винифредъ.—Какая странная вещь темпераментъ!.. Пейзажей, повидимому, ни одна изъ васъ не пишетъ?

— Винифредъ пишетъ очаровательные уголки: луга и рѣчки. Я не умѣю—мнѣ все хочется придѣлать къ деревьямъ руки и ноги и заставить вѣтки извиваться и скрючиваться, какъ у Густава Дорэ въ „Вѣчномъ Жидѣ“.

— Ну, такіе сюжеты врядъ-ли по васъ,—замѣтилъ Кентъ.

— Вы думаете, у меня недостаточно сильна фантазія?

— Въ васъ слишкомъ силенъ разсудокъ. Вы черезчуръ гоняетесь за реальностью. Конечно,—поспѣшилъ прибавить

онъ — я могу судить только по тѣмъ вашимъ работамъ которыя я вижу здѣсь.

— Смотрите, не спутайтесь, — смѣялась Клитія.—То вы вините меня въ нервности, то въ чрезмѣрной разсудочности Что же правда, Винни?

— Мнѣ пришлось бы сказать или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Пусть м-ръ Кентъ самъ судитъ. Ты лучше покажи ему свои работы.

Начался обзоръ работъ Клитіи на небольшихъ квадратикахъ холста, сложенныхъ горками на полу и приставленныхъ къ стѣнамъ; иные были развѣшены по стѣнамъ, или же стояли на столѣ и на мольбертѣ. Винифредъ ставила одинъ за другимъ, холсты на мольбертъ, показывая ихъ гостю; Клитія стояла возлѣ и небрежнымъ тономъ профессіонала повременамъ вставляла нѣсколько объяснительныхъ словъ. Художники, скульпторы, музыканты и актеры имѣютъ огромное нравственное преимущество передъ поэтами и романистами: они не стыдятся своихъ произведеній. Художникъ охотно показываетъ вамъ свою картину и простодушно выражаетъ надежду, что она вамъ понравится когда поэтъ читаетъ вамъ свои стихи, его всегда гложетъ страхъ, что вы сочтете его нахаломъ. И страннѣе всего что вы именно такъ на него и смотрите, а между тѣмъ художникъ кажется вамъ добрымъ малымъ. Это—маленькая проблема соціологической эстетики.

Глядя на картины Клитіи, Кентъ позабылъ, что наканунѣ уподоблялъ ее Агатѣ. Онъ пересталъ даже жалѣть ее. Онъ искренно восхищался ея произведеніями, по временамъ перемежая восторги безцеремонными критическими замѣчаніями, въ которыхъ чувствовалось болѣе глубокое знаніе дѣла, чѣмъ у простого любителя, и, кромѣ того, большой здравый смыслъ. Онъ судилъ картины по достоинству ихъ и въ Клитіи видѣлъ геніальную женщину, умную и сильную, несомнѣнно, выдающуюся. Но внутреннихъ ея порывовъ и стремленій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ этихъ картинахъ, онъ не угадалъ—это было выше его философіи, и Клитія, конечно, не собиралась просвѣщать его на этотъ счетъ.

— Мнѣ нравится вашъ реализмъ,—говорилъ онъ—ваша прямолинейность.. Въ такихъ случаяхъ всегда боишься, какъ бы чрезмѣрная реалистичность не перешла въ утрировку. Но, если вы сумѣете остаться вѣрной правдѣ жизни, это будетъ честная, хорошая работа, а не перемежающаяся лихорадка. Я вижу, избытокъ своей энергіи вы переносите на стѣны.

— О, я и забыла о нихъ! — сконфуженно вскричала

Клитія. — Пожалуйста, не смотрите — это внѣ программы Когда м-ссъ Марчпэнъ устаетъ писать цвѣточки и пушокъ на персикахъ, она иной разъ...

— Клитія!—укоризненно воскликнула Винифредъ.

Клитія разсмѣялась, вслѣдъ за нею и Кентъ. И эта шутка сблизила ихъ больше, чѣмъ часы бесѣды.

— Нѣтъ, я шучу, конечно; это я все дѣлаю, когда я зла. Пишу-пишу миленькія, корректныя картинки для милыхъ корректныхъ людей, которые ихъ покупаютъ, а потомъ обозлюсь и такъ захочется преподнести имъ что-нибудь такое, чтобъ они обалдѣли, сбросили свою чопорность, стали примитивными, стихійными людьми. Вотъ взгляните на эту группу уличныхъ мальчишекъ. Это я дѣлаю на заказъ, для своего магазинщика. А теперь взгляните на Джека—какъ онъ уставился въ печку съ тупымъ блаженствомъ юнаго щенка. Развѣ на картинѣ онъ не милый? И такой приличный. Я такъ и слышу, какъ хозяйская дочка говоритъ викарію: „Эти уличные ребятишки очаровательны,—не правда-ли?"— А, если показать имъ подлиннаго Джека, это можетъ заставить ихъ призадуматься, какъ говорятъ французы—а думать они смерть не любятъ. Вотъ какъ я представляю себѣ подлиннаго Джека.

Она сорвала полотно съ картины, стоявшей на мольбертѣ, и показала Кенту недоконченный эскизъ углемъ того же мальчика.

Въ этотъ день она работала торопливо, съ лихорадочной быстротой, которой Кентъ не одобрялъ. Когда этотъ набросокъ превратится въ законченную вещь, она сама не знала. Просто ей хотѣлось закрѣпить навязчивое впечатлѣніе, которое производилъ на нее Джекъ и его полуугаданная исторія.

Кентъ былъ до нѣкоторой степени изумленъ. Передъ нимъ на полотнѣ былъ мальчикъ, очень похожій, со всей нѣжностью чертъ и утонченностью линій, большеглазый и кудрявый, но съ отталкивающимъ, животнымъ и жестокимъ выраженіемъ лица, при этомъ—въ непріятной позѣ: колѣни согнуты, голова наклонена впередъ, губы раздвинуты въ злую усмѣшку.

— Сейчасъ онъ не похожъ на это ,— сказалъ Кентъ, сравнивая портретъ съ оригиналомъ.

— Погодите!—сказала Клитія. И повелительно окликнула мальчика.

— Джекъ, о чемъ ты думаешь?

Онъ повернулся и сдѣлалъ хитрое лицо.

— Не знаю.

— Не о той исторіи съ котенкомъ, которую ты мнѣ разсказывалъ сегодня утромъ?

Отвѣта не было.

— Онъ давеча разсказывалъ, какъ къ его матери въ домъ забрела кошка, полумертвая отъ голоду, и этотъ мальчикъ былъ такъ добръ къ ней, такъ ухаживалъ за ней...

— А вотъ и врешь!—вскричалъ мальчишка, вскакивая на ноги. — Я же сказалъ тебѣ, что размозжилъ ей сѣчкой голову, терпѣть не могу кошекъ!

— Voilà—сказала Клитія.—Вотъ это настоящій Джекъ. Вотъ этого Джека я бы показала съ огромнымъ удовольствіемъ.

Она снова повернулась къ мальчику.

— На сегодня довольно, Джекъ. Вотъ тебѣ шиллингъ; снеси его своей матери.

— Ну, ужь это дудки.

— Ты долженъ это сдѣлать,—вмѣшаласъ Винифредъ:— бѣдная мама какъ работаетъ на тебя. а ты не хочешь ей помочь. Нехорошо, Джекъ.

— Чѣмъ она бѣдная? Чего ей дѣлается? И не подумаю отдать ей деньги. Она, небось, мнѣ никогда не даетъ.

— Ну, не дашь, такъ мать прибьетъ тебя, — сказала Клитія.

— Пускай ее. Мнѣ наплевать.

— А твой отецъ гдѣ обрѣтается, прелестное дитя? — освѣдомился Кентъ.

— Нѣтъ у меня отца. На кой онъ прахъ?

— И не было никогда?

— Нѣтъ; мать не изъ такихъ. И я чертовски радъ. На кой онъ мнѣ?—только лупилъ бы.

— Ну, бѣги, тебѣ пора,—сказала Клитія.—Бери свой шиллингъ и наѣдайся сластями до отвалу. Придешь послѣзавтра—въ пятницу. Не забудешь? Просить тебя, чтобъ ты до пятницы не умывался,—лишнее. Этого ты не сдѣлаешь и безъ того. Ну, ступай. До свиданья. Живо!

Мальчикъ взялъ со стула изорванный картузъ и вышелъ съ явнымъ облегченіемъ.

— Вотъ звѣренышъ! — сказалъ Кентъ.—Почему вы не попытаетесь исправить его—сдѣлать его болѣе похожимъ на человѣка?

— Онъ и есть самый настоящій человѣкъ,—горячо возразила Клитія.—Потому-то онъ мнѣ и нравится. Безъ всякаго притворства. Прелесть! Это освѣжаетъ. А исправлять его?—она пожала плечами—благодарю васъ: я не учительница воскресной школы. Это меня не касается—пусть этихъ отщепенцевъ поднимаютъ и облагораживаютъ тѣ добрые и

почтенные люди, которые сдѣлали ихъ такими. Я не изъ ихъ числа. Я, я художница—изучаю жизнь, а не исправляю ее. Каждому свое. Быть можетъ, когда я возьму отъ Джека то, что мнѣ нужно отъ него, мнѣ и придетъ охота объяснить ему, что это не такъ ужъ хорошо „рубить кошкамъ головы сѣчкой“; не знаю: и я вѣдь не вовсе лишена нравственнаго чувства. Нѣжное сердце Винифредъ, конечно, будетъ еще раньше тронуто, и мы вдвоемъ, пожалуй, сумѣемъ превратить его въ благовоспитаннаго молодого плотника—члена общества трезвости и образецъ всякихъ добродѣтелей. Но и въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Порочность у него въ крови... Но, быть можетъ, я оскорбляю ваши чувства, м-ръ Кентъ. Можетъ быть, вы—соціальный реформаторъ и эти вещи ближе принимаете къ сердцу, чѣмъ я. въ такомъ случаѣ, простите меня. Мы, художники, въ правѣ, какъ вы знаете, судить о жизни съ собственной, своей, точки зрѣнія.

Кентъ взмахнулъ рукой и уронилъ ее—это былъ жестъ неодобренія. У него были широкіе взгляды на человѣчество и его нужды. Онъ любилъ людей. И жертвовалъ покоемъ, славой, удобствами, какъ понимаютъ ихъ другіе,—ради того, чтобы служить имъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. И весь отдался своему любимому дѣлу,—научной работѣ, на которую для ея завершенія, по самому скромному разсчету, должно было уйти лѣтъ двадцать. Работа была неблагодарная; имя его съ почтительной признательностью запомнили бы лишь немногіе, такіе же безвѣстные работники, а милліоны канули бы въ вѣчность, ни разу не услыхавъ его. Но эти немногіе использовали бы результатъ труда всей его жизни на пользу человѣчеству и эта мысль горячимъ пламенемъ горѣла въ сердцѣ Кента. Но, дѣйствительно, каждому свое, и на все человѣка не хватитъ. Онъ искренно былъ далекъ отъ всякихъ претензій на реформаторство. И въ достаточной степени былъ самъ артистъ въ душѣ, чтобъ оцѣнить отношеніе Клитіи къ Джеку. Онъ былъ ближе къ ней по духу чѣмъ, Винифредъ, которая искренно огорчилась словами подруги. Такъ огорчилась, что заплакала бы, еслибъ тутъ не было Кента. И возмутилась бы такой циничной черствостью души, еслибы не обожала слѣпо Клитію и не преклонялась передъ ней. Разъ Клитія это дѣлаетъ, значитъ, это хорошо,—говорила она себѣ, а она—просто глупышка и потому не понимаетъ. Но сердце ея обливалось кровью за Джека и она удивлялась, почему у Клитіи сердце тоже не обливается кровью.

— Я такъ себѣ сказалъ это,—замѣтилъ Кентъ—и жалѣю, что сказалъ. Еслибы всѣ художники принялись за

нравственное усовершенствованіе своихъ моделей, имъ не хватило бы времени для искусства. Но все-таки онъ маленькій звѣренышъ и, если показать его въ натуральномъ видѣ, филистеры будутъ шокированы, несомнѣнно. Но зачѣмъ вамъ непремѣнно нужно ихъ шокировать?

— А вы бы предпочли быть съ ними, жить среди нихъ и править, черезъ опредѣленные промежутки времени, богослуженіе въ корректно убранномъ храмѣ Дагона?

— Нѣтъ,—засмѣялся Кентъ.—Да они бы и сами меня не пустили. Я, пожалуй, былъ бы для нихъ еще болѣе непріемлемъ, чѣмъ они для меня. Но все же и они — божьи созданія. Если ихъ уколоть иголкой, кровь пойдетъ—и т. д. и т. д. И, если они восхищаются вашими картинками, которыми я тоже очень восхищаюсь, значитъ, и въ филистерахъ есть что-то, что выкупаетъ ихъ дурныя стороны.

Клитія пожала плечами.

— Но почему же я непремѣнно должна писать по-ихнему, а не по своему? Вотъ что бѣситъ меня.

— А вы пробовали показывать имъ, какъ вы пишете „по-своему"?

Даже Винифредъ не удержалась, чтобъ не бросить Клитіи лукаваго взгляда и улыбки.

— Господи, помилуй мою душу!—тихонько шепнула она, и обѣ покатились со смѣху.

— Винифредъ повторяетъ чужія слова, м-ръ Кентъ. Былъ у меня одинъ покупатель, пожилой джентльменъ, толстенькій, румяный, съ массой брелоковъ на цѣпочкѣ—выгодный покупатель. Онъ купилъ одну изъ моихъ картинокъ, выставленныхъ въ магазинѣ, и началъ спрашивать, нѣтъ ли еще. Берроузъ показалъ ему одну, типичную, изъ тѣхъ, которыя я пишу для себя. Случилось такъ, что въ это время въ лавкѣ были и мы съ Винифредъ. Старичокъ надѣлъ очки, посмотрѣлъ на картину, да какъ подпрыгнетъ; потомъ поднесъ ее къ свѣту—и ахнулъ: „Господи, помилуй мою душу, Берроузъ! Ужь не пьянствуетъ ли эта молодая женщина?"

— Ну—и что же вы?

— Не знаю, что бы я сдѣлала, еслибъ Винни не удержала меня. Ну, разумѣется, Берроузъ шепнулъ ему, что художница можетъ услыхать его слова.—„И отлично! Это будетъ ей полезно"—вскричалъ старичокъ и выкатился изъ магазина внѣ себя отъ гнѣва. Тогда Берроузъ началъ жаловаться, что я отбиваю у него покупателей. Вотъ еще колбасникъ!

Щеки Клитіи разгорѣлись отъ оживленія. Съ пылающими

отъ волненія при одномъ воспоминаніи щеками, Клитія повернулась къ Кенту.

— Вотъ и пиши для нихъ „по-своему!“

— Вы, можетъ быть, и имѣете основаніе сердиться на филистеровъ. Я—нѣтъ. Когда они запираютъ передо мной свои респектабельныя двери, я пожимаю плечами и разбиваю поодаль свой вигвамъ, гдѣ я могу курить свою трубку въ мирѣ. А огорчаться тѣмъ, какъ устроенъ міръ, не стоитъ—особенно, когда у человѣка есть работа. Въ жизни такъ много интереснаго, что, по-моему, не остается времени для ненависти къ ближнему.

Винифредъ взглянула на Клитію, ожидая, что та обидится этой замаскированной нотаціей. Но Клитія только тихонько усмѣхнулась, откинулась на спинку кресла и, глядя на свои ногти, а не на м-ра Кента, промолвила:

— Вы—точно успокоительныя капли, м-ръ Кентъ.

Кентъ смутился, не нашелъ отвѣта. Здоровою рукой онъ гладилъ каштановую бородку и усы и смотрѣлъ на нее недоумѣнно. Онъ высказалъ ей глубокое свое убѣжденіе, а она схватилась только за то, что касалось ея лично и, повидимому, не было ей непріятно.

Не сразу онъ отвѣтилъ:

— Я не хочу назвать васъ циникомъ, миссъ Давенантъ. Но вы немножко мстительны. Я тоже часто вспоминаю то мѣсто изъ „Sartor Resartus“, гдѣ Карлейль срываетъ одежды съ сентъ-джемскихъ придворныхъ и оставляетъ ихъ голыми, со всѣми ихъ поклонами и присѣданьями,—вы помните? Это можетъ быть очень полезнымъ. По крайней мѣрѣ, доберешься до человѣчества въ чистомъ видѣ и найдешь его, въ конечномъ счетѣ, очень добрымъ и милымъ.

— Такъ, ради Бога, не будемъ же откладывать. Давайте сейчасъ же срывать съ нихъ одежды!—вскричала Клитія, съ обычной своей внезапностью вскакивая со стула:—Я именно этого добиваюсь. Мнѣ нужны настоящіе люди, настоящіе мужчины и женщины; вотъ почему я выискиваю самыя грубыя черты въ человѣческой натурѣ.—Она выразительно повела рукой, указывая на стѣны:—То, что они одѣты, ничего не значитъ—въ прорѣхи ихъ костюмовъ видны страсти.

— Гмъ!—сдѣлалъ Кентъ.—Когда-нибудь вы можете увидѣть и такое, что испугаетъ васъ. Въ людяхъ много хорошаго, но много и дурного. Вы лучше сперва приглядитесь къ хорошему. Тогда у васъ будетъ фундаментъ.

Вскорѣ затѣмъ Кентъ сталъ прощаться. Онъ и такъ засидѣлся дольше, чѣмъ предполагалъ. И, уходя, опять жалѣлъ Клитію, но какъ то по-новому, необоснованно. Онъ

былъ пораженъ ея талантливостью, искренностью. Такой женщины онъ еще не встрѣчалъ; она нисколько не походила на другихъ знакомыхъ ему женщинъ. Казалось, у нея было все, что можетъ сдѣлать женщину счастливой,—и однакожъ онъ жалѣлъ ее. А за что,—и самъ не могъ сказать.

Вернувшись на свой чердакъ, Кентъ рѣшилъ сначала поработать, а затѣмъ, такъ, въ половинѣ одинадцатаго, быть можетъ, прогуляться въ Южный Кенсингтонъ. Изъ одного изъ нижнихъ шкафчиковъ онъ досталъ ножъ и вилку, тарелки, начатую коробку сардинокъ, хлѣбъ и масло. Съ добавленіемъ бутылки пива это составляло его скромный ужинъ. Обѣдалъ же онъ въ итальянскомъ ресторанѣ, около музея. Ѣлъ онъ, стоя, въ промежуткахъ между глотками расхаживая по комнатѣ, отбирая книги, которыя могли ему понадобиться при работѣ, порою пробѣгая наудачу раскрытую страницу. Окончивъ ужинъ, онъ собралъ грязную посуду и поставилъ ее на площадкѣ за дверью, чтобы м-ссъ Гуркинсъ взяла ее, вымыла и къ завтрашнему утру поставила на мѣсто. Затѣмъ закурилъ трубку и усѣлся за работу.

Боль въ обожженной рукѣ и мысли о новыхъ знакомыхъ не мѣшали ему. Шелестъ быстро перелистываемыхъ страницъ записныхъ книжекъ, скрипъ пера по бумагѣ, порой шипѣнье лампы, затѣненной зеленымъ абажуромъ, были единственными отзвуками внѣшней жизни, доходившими до его сознанія. Комната съ крашенымъ поломъ, ничѣмъ не прикрытымъ, и съ увѣшанными всякой всячиной стѣнами вся тонула во мракѣ. Лампа освѣщала лишь небольшой кругъ на столѣ и склоненное надъ грудою книгъ и бумагъ смѣлое, открытое лицо съ внимательными сѣрыми глазами и дѣтскимъ ртомъ, наполовину скрытымъ бородой и усами. Кентъ былъ счастливъ: любимая работа, замѣнявшая ему все: возлюбленную, религію и честолюбіе,—никогда не утомлявшая его до головной боли,—вновь захватила его своими чарами. И возлѣ него выростала стопка исписанныхъ листковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Коммунистическая“ петиція Жака Ру и секціи Гравилье.

(Эпизодъ изъ исторіи французской революціи).

I.

Я хочу разсказать на слѣдующихъ страницахъ одинъ эпизодъ изъ исторіи французской революціи, относящійся къ вопросу о томъ, что принято называть соціализмомъ или коммунизмомъ этой эпохи.

У французской революціи, какъ и въ другія эпохи политическихъ переворотовъ, была своя соціальная сторона и притомъ не столько въ смыслѣ фактическихъ измѣненій въ общественномъ строѣ, но и въ смыслѣ соціальныхъ стремленій на почвѣ борьбы классовъ. О соціализмѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. о соціализмѣ въ томъ его пониманіи, которое свойственно нашей эпохѣ, однако, говорить по отношенію къ французской революціи не приходится, потому что тогдашнія соціальныя стремленія имѣли совсѣмъ иной характеръ. Вопросъ даже и не въ ихъ утопичности въ сравненіи съ тѣмъ, что называется „научнымъ“ соціализмомъ. Съ точки зрѣнія послѣдняго, напримѣръ, и сенъ-симонизмъ, и фурьеризмъ, первыя по времени соціалистическія системы XIX в., являются утопіями, но есть одна черта, которая отличаетъ соціальныя стремленія эпохи революціи и отъ этихъ утопій. Дѣло въ томъ, что и утопіи сенъ-симонистовъ и Фурье исходили изъ новой идеи соціализаціи **производства**, тогда какъ въ эпоху революціи основнымъ принципомъ идеологовъ народныхъ стремленій въ области экономическихъ отношеній была соціализація **распредѣленія**,—громадная разница въ самомъ подходѣ къ установленію болѣе справедливыхъ общественныхъ отношеній.

Если эта существенная разница между соціализмомъ, создавшимся въ XIX в., и соціальными стремленіями, сопровождавшими политическій переворотъ конца XVIII в., упускается изъ виду, то

на нѣкоторыя событія революціи, на участвовавшихъ въ нихъ людей, на высказывавшіяся ими мысли переносятся характеристики, самое происхожденіе которыхъ принадлежитъ болѣе позднему времени, и въ результатѣ получается невѣрное освѣщеніе событій прошлаго, невѣрное пониманіе стремленій и желаній участниковъ этихъ событій. Соціалистическая идеализація якобинцевъ въ извѣстной „Парламентской исторіи французской революціи“ Бюшеза и въ большомъ трудѣ Луи Блана объ этой эпохѣ представляетъ собою наиболѣе извѣстные примѣры такого неисторическаго отношенія къ прошлому.

Не такъ давно пишущему эти строки пришлось указать на страницахъ „Русскаго Богатства“[1]) такое же перенесеніе на прошлое извѣстныхъ характеристикъ, относящихся къ настоящему въ „La grande révolution“ П. А. Кропоткина. Авторъ, написавшій свой трудъ съ совершенно особенной точки зрѣнія, строго разграничилъ революціи буржуазную и народную, сдѣлалъ главною ареною второй коммуны и секціи, маленькія автономныя общины съ ихъ непосредственнымъ народовластіемъ, и этимъ соціальнымъ ячейкамъ приписалъ стремленіе къ соціализаціи (или коммунализаціи, націонализаціи) промышленности и торговли, т. е. и производства, и обмѣна, и кредита. Послѣ упомянутаго разбора „Великой революціи“ я имѣлъ не разъ поводъ возвращаться къ мысли автора этой книги о нахожденіи въ секціяхъ новыхъ соціальныхъ формъ, но только еще болѣе убѣждался въ невѣрности такого взгляда [2]).

Въ настоящей статьѣ цѣль моя дать надлежащую характеристику одному „коммунистическому“ выступленію одной (или даже двухъ) парижскихъ секцій подъ предводительствомъ нѣкоего Жака Ру, одного изъ наиболѣе крайнихъ представителей революціоннаго броженія въ парижскомъ населеніи, человѣка, къ которому съ его единомышленниками даже на что уже крайній Маратъ примѣнялъ кличку „enragés“ (бѣшеные), такъ и оставшуюся за ними въ исторіи. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что въ концѣ іюня 1793 г. секція Гравилье, къ которой присоединилась еще другая (Bonne Nouvelle) отправила въ Національный Конвентъ депутацію съ Жакомъ Ру во главѣ съ цѣлью передачи народнымъ представителямъ петиціи (или адреса), своего рода манифеста, въ которомъ были изложены радикальныя соціальныя требованія, и что Конвентъ не только отвергъ петицію, но даже прогналъ оратора депутаціи, усмотрѣвъ въ содержаніи адреса нѣчто совершенно непозволительное и опасное.

Что такое были парижскія секціи и какую роль онѣ играли въ

[1]) За 1910 г., въ статьѣ „Новая книга по французской революціи“.

[2]) См. мою работу „Парижскія секціи временъ французской революціи“ (1911), стр. 60 и мою статью о книгѣ проф. Тарле въ „Рус. Богатствѣ“ за 1911 г.

революціи, объ этомъ здѣсь распространяться я не буду [1]). Скажу только, что въ каждой секціи, каковыхъ въ Парижѣ было 48, были свои собранія гражданъ, принимавшія иногда очень важныя политическія рѣшенія, и что часто эти секціи не только посылали въ Національный Конвентъ депутаціи, адресы, петиціи, но и производили болѣе рѣшительные на него давленіе, не останавливаясь передъ угрозами и даже насиліемъ. Случалось, что выступали солидарно всѣ или почти всѣ секціи, но бывало и такъ, что обращались къ Конвенту и единичныя секціи. Составъ населенія отдѣльныхъ секцій въ разныхъ частяхъ города былъ далеко не одинаковый, что и отражалось на ихъ политическомъ настроеніи [2]). Были секціи болѣе революціонныя, какъ, наприм., тѣ, которыя составили предмѣстье св. Антонія, были и болѣе умѣренныя, да и среди революціонныхъ секцій не всегда однѣ и тѣ же брали на себя инціативу тѣхъ или другихъ выступленій. Разъ эпизодъ, о которомъ будетъ идти рѣчь, связанъ, главнымъ образомъ, съ одною только секціей (другая лишь присоединилась), намъ нужно предварительно нѣсколько познакомиться съ ея физіономіей. [3]).

II.

Секція des Gravilliers занимала часть сѣверо-восточнаго угла самого „города“ (ville) на границѣ съ его предмѣстьями (faubourgs) и была одною изъ наиболѣе населенныхъ секцій[4]). Здѣсь и въ сосѣднихъ секціяхъ жила масса ремесленниковъ, торговцевъ и рабочихъ, между прочимъ, по части того, что принято называть „articles de Paris“, т. е. предметовъ роскоши, бездѣлушекъ, игрушекъ и т. п. Развито было здѣсь, въ маленькихъ мастерскихъ, и текстильное производство, фабрикація разныхъ матерій, кружевъ, газовыхъ тканей, лентъ и т. п. Ремесленники и фабриканты имѣли иногда по нѣсколько рабочихъ, положеніе которыхъ въ разныхъ производствахъ было неодинаково. Особенно бѣдствовали многочисленные текстильные рабочіе, бравшіе себѣ поштучную

---

[1]) Кромѣ указанной выше книжки о секціяхъ, см. еще статью мою „Политическія выступленія парижскихъ секцій въ эпоху великой революціи“ („Русское Богатство“ за 1912 г.)

[2]) Ср. въ первой серіи моихъ „Бѣглыхъ замѣтокъ по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи“ (1913) стр. 137 и слѣд.

[3]) Секціи вели свои протоколы, но этотъ важный историческій источникъ далеко не весь сохранился. Кое-что сохранилось изъ документовъ этой секціи, между прочимъ, и отъ іюня 1793 г. Нѣкоторые отрывки, относящіеся къ другой эпохѣ, были напечатаны мною въ „Неизданныхъ протоколахъ парижскихъ секцій 9 термидора II года“ (1914.

[4]) См. мою статью „Населенность отдѣльныхъ секцій Парижа“ и приложенный къ ней планъ въ „Неизданныхъ документахъ по исторіи парижскихъ секцій“. Границами ея были: „бульваръ“ и улицы С. Мартенъ, Тампль и Шапонъ.

работу на домъ за самую ничтожную плату. Секція была средоточіемъ парижскихъ лентовщиковъ, которыхъ въ эпоху революціи насчитывалось около 20 тысячъ и которые переживали тяжелый кризисъ вслѣдствіе введенія въ производство механическихъ станковъ. Осенью 1791 г. они, наприм., жаловались Законодательному собранію на то, что введеніе этихъ станковъ лишаетъ ихъ работы и представляетъ потому выгоду только для нѣсколькихъ богачей, думающихъ лишь о личномъ интересѣ [1]). При такомъ составѣ населенія секція Гравилье была одною изъ наиболѣе демократическихъ, каковыхъ въ Парижѣ въ дни паденія монархіи, т. е. лѣтомъ 1792 г., насчитывалось только девять изъ сорока восьми [2]). Въ движеніи, подготовившемъ революцію 10 августа она играла одну изъ самыхъ дѣятельныхъ ролей [3]). Можно даже сказать, что она была въ числѣ тѣхъ, которыя стояли во главѣ движенія, и что въ этомъ отношеніи она соперничала съ самой боевой секціей предмѣстья Сентъ-Антуанъ (Quinzevingts). Изъ выступленій секціи послѣ низверженія монархіи слѣдуетъ отмѣтить сдѣланное ею другимъ секціямъ предложеніе обязать богатыхъ парижанъ взять на себя содержаніе женъ и дѣтей гражданъ, отправившихся защищать родину отъ внѣшняго врага [4]). Это было въ началѣ сентября, а въ концѣ того же мѣсяца секція вотировала присоединеніе къ рѣшенію Конвента объ установленіи во Франціи республики, какъ позже, въ октябрѣ, послала въ Конвентъ депутацію съ просьбою, ускорить судъ надъ Людовикомъ XVI [5]). Для характеристики настроенія, господствовавшаго у Gravilliers, интересно еще то, что общее собраніе секціи стремилось держать свой комитетъ въ полной отъ себя зависимости, тогда какъ Коммуна, наоборотъ, всячески старалась подчинить такіе комитеты себѣ [6]). Въ своихъ заявленіяхъ Конвенту секція, равнымъ образомъ, говорила очень рѣзко, предупреждая, напр., что не потерпитъ, чтобы люди, облеченные властью по народному довѣрію, осмѣливались хотя бы на минуту забыть силу народа [7]). Одинъ разъ, недовольная Конвентомъ, она обратилась къ остальнымъ 47 секціямъ Парижа съ прямымъ призывомъ возстать противъ „смѣхотворной“ претензіи Конвента властвовать надъ секціями, дабы настоящій суверенъ напомнилъ ему о своихъ правахъ и его обязанностяхъ, при-

---

[1]) F. Braesch. La commune du dix août 1792 (1911), стр. 22-24.

[2]) Ср. карту № VI въ моей книжкѣ „Парижскія секціи временъ французской революціи“.

[3]) См., напр., Braesch, 91, 126, 133, 454, 157, 163, 177, 183—184, 211 и мн. др.

[4]) Ibid., 484.

[5]) Ibid., 597—598, 915 и 1089—1090.

[6]) Ibid., 737.

[7]) Ibid., 915.

чемъ дѣлалась ссылка, напримѣръ, не только на 10 августа, но и на 3 сентября, день ужасныхъ убійствъ въ тюрьмахъ Парижа [1]).

Въ 1793 г., какъ увидимъ дальше, секція Гравилье тоже проявляла энергію и иниціативу. Къ тому времени однимъ изъ главныхъ ея вождей сдѣлался Жакъ Ру, герой того эпизода, которому посвящена настоящая статья.

Біографія Жака Ру вообще мало извѣстна. Недавно еще спеціальный словарь Бурсена и Шалламеля затруднялся указать, гдѣ и когда онъ родился [2]). Теперь мы знаемъ, что онъ родился не въ Парижѣ (а въ Ангумуа) и что дата его рожденія падаетъ на 1752 г. Сначала онъ былъ преподавателемъ послѣдовательно философіи и экспериментальной физики въ ангулемской семинаріи, потомъ священникомъ въ разныхъ приходахъ. Въ началѣ революціи Ру переселился въ Парижъ, спасаясь отъ преслѣдованій „аристократовъ", и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ клуба кордельеровъ. Въ 1792 г., когда Марату приходилось скрываться отъ властей, Жакъ Ру одно время пряталъ его у себя и вообще помогалъ ему сноситься съ друзьями. Продолжая оставаться въ духовномъ званіи, онъ въ нѣсколькихъ парижскихъ церквахъ произносилъ одну проповѣдь, потомъ имъ изданную подъ заглавіемъ „Рѣчь о средствахъ спасенія Франціи и свободы". Причины главныхъ бѣдъ онъ видѣлъ въ религіозномъ фанатизмѣ, въ неповиновеніи законамъ и въ измѣнѣ должностныхъ лицъ, въ особенности „барышниковъ, монополистовъ и откупщиковъ (publikains)", а среди средствъ спасенія самое видное мѣсто отводилъ смертной казни всѣхъ, обогащающихся на общественныхъ бѣдствіяхъ.

Въ секціи Гравилье, гдѣ поселился Ру, онъ скоро пріобрѣлъ популярность, благодаря сострадательному отношенію къ мѣстной бѣднотѣ, которой онъ, чѣмъ могъ, помогалъ. Самъ онъ былъ однако человѣкомъ очень бѣднымъ и жилъ въ какой-то мансардѣ, куда можно было попасть „по маленькой лѣстницѣ", какъ это явствуетъ изъ его адреса, отмѣченнаго на упомянутой брошюрѣ: онъ зналъ нищету по собственному опыту и видѣлъ ее вокругъ себя. Позднѣе, полемизируя съ Маратомъ по поводу своего выступленія въ іюнѣ 1793 г., онъ писалъ: „у меня кровь кипучая, бурливая, воображеніе пылкое; я превосходно вижу человѣческія плутни, и разъ у меня передъ глазами такая грозная, такая отчаянная картина, могу ли я не высказывать съ жаромъ то, что чувствую?" [3])

Когда въ серединѣ августа 1792 г. по иниціативѣ Коммуны засѣдавшая еще въ то время Легислатива согласилась на учре-

---

1) Ibid., 925—927.

2) E. Boursin et A. Challamel. Dictionnaire de la révolution française (1898), стр. 732.

3) Приведено у Braesch'а, стр. 741. Ср. тамъ же стр. 25.

жденіе чрезвычайнаго суда надъ государственными преступниками и въ Парижѣ были назначены выборы присяжныхъ, въ секціи Гравилье кандидатура Ру не имѣла успѣха вслѣдствіе принадлежности его къ духовному званію [1]), но, когда революціонная Коммуна 10 августа должна была уступить мѣсто новой, избранной въ секціяхъ,—Жакъ Ру попалъ въ нее, хотя и не получилъ очень большого числа голосовъ [2]). Секція Гравилье находилась совсѣмъ по сосѣдству съ Тамплемъ, гдѣ содержался Людовикъ XVI съ своею семьею, и Ру нерѣдко съ другими членами секціи участвовалъ въ надзорѣ за мѣстомъ заключенія короля, а 21 января 1793 г. сопровождалъ его на мѣсто казни [3]).

Агитацію противъ жирондистовъ секція Гравилье начала еще въ первыхъ числахъ октября 1792 г. по поводу слуха о томъ, будто жирондисты хотѣли удалить засѣданія Конвента изъ стѣнъ Парижа [4]). Уже съ этого времени секція относилась къ Жирондѣ съ величайшею враждебностью, несомнѣнно, благодаря Жаку Ру, который вмѣстѣ съ другими „enragés“ въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и въ кордельерскомъ клубѣ. Кромѣ жирондистовъ, его особенно тревожили усиливавшіяся экономическія бѣдствія, но бѣдствія эти въ то же самое время создавали удобную почву для пропаганды главной идеи Ру о необходимости преданія смертной казни людей легкой наживы [5]). По его мнѣнію, нужно было производить давленіе на Конвентъ, гдѣ царила Жиронда, чтобы добиться новыхъ законовъ въ пользу бѣдняковъ, а въ случаѣ неуспѣха нужно было взяться за дѣло самому народу. Въ распоряженіи историковъ находится достаточно большой матеріалъ, характеризующій агитацію Жака Ру съ февраля 1793 г., когда начались и народныя волненія изъ-за дороговизны и недостатка предметовъ первой необходимости. Въ возникновеніи ихъ видѣли руку Жака Ру, и особенно жирондисты въ своихъ газетахъ и рѣчахъ нападали на анархическую проповѣдь. Впрочемъ, и якобинцы не отставали отъ нихъ, потому что Ру относился совершенно безразлично къ политической окраскѣ купеческаго класса. Болѣе спокойныя секціи тоже были встревожены проповѣдью Ру и, когда 2 марта сдѣлался извѣстенъ результатъ пересмотра всѣми секціями списка членовъ Коммуны для исключенія

---

1) Ibid., 269 и 409.

2) Выборы производились относительнымъ большинствомъ при очень слабомъ количествѣ подававшихъ голоса. Въ секціи Gravilliers послѣднихъ было триста, а Жакъ Ру получилъ только 46 голосовъ. Mortimer-Ternaux. Histoire de la terreur, V, 117—118. Указаніе словаря Bourgin et Chellamel на то, что Ру былъ членомъ революціонной Коммуны 10 августа, невѣрно. Ср. списки ея членовъ у Braesch'a, стр. 262 и 650.

3) Людовикъ XVI хотѣлъ было вручить Жаку Ру свое завѣщаніе, но тотъ отказался его принять, не считая себя на это уполномоченнымъ.

4) F. Braesch, стр. 1044,

5) I. Iaurès. Histoire socialiste, IV, 1025 и слѣд.

изъ него недостойныхъ, то оказалось, что въ числѣ исключенныхъ членовъ былъ и Жакъ Ру [1]). Въ своей секціи онъ однако продолжалъ пользоваться вліяніемъ, а его идея о необходимости введенія принудительныхъ максимальныхъ цѣнъ въ это время дѣлала все большіе и большіе успѣхи въ массахъ [2]).

Въ планъ якобинцевъ весною 1793 г. входило направить народное неудовольствіе на жирондистовъ по причинамъ чисто-политическимъ, но свое дѣло сдѣлала и агитація „бѣшеныхъ", отожествлявшая Жиронду съ ажіотажемъ, барышничествомъ и легкой наживой на счетъ народныхъ бѣдствій. Подъ вліяніемъ Ру секція Гравилье даже посылала депутацію въ Конвентъ, требуя „смерти эгоистовъ, убивающихъ посредствомъ монополіи гражданъ, которыхъ возрастъ и недуги удерживаютъ у ихъ очаговъ" [3]).

Когда поднялась агитація противъ „коммиссіи двѣнадцати", бывшая прелюдіей къ прямому нападенію на Жиронду, секція Гравилье была одною изъ наиболѣе рьяныхъ и въ засѣданіи Конвента 27 мая ея депутація грозно взывала къ Горѣ, требуя у нея отмѣны коммиссіи двѣнадцати, какъ будто только одна Гора составляла весь Конвентъ [4]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, которые заключали бы въ себѣ подробности о поведеніи секціи въ самомъ событіи 31 мая, но въ послѣднемъ участвовало такое большое количество секцій, что та, которая насъ спеціально интересуетъ, и не могла играть какой-либо особенной роли. Важно только, что движеніе, какъ извѣстно, имѣло успѣхъ, а это, конечно, окрылило надежды всѣхъ, которые раздѣляли идеи Жака Ру.

Принятіе Конвентомъ конституціи по проекту, выработанному якобинцами, послужило для Ру поводомъ сдѣлать новую попытку добиться отъ Конвента исполненія его плана борьбы съ печальнымъ экономическимъ положеніемъ народа. Въ этомъ смыслѣ имъ былъ составленъ адресъ Конвенту, въ которомъ выражалось желаніе внести въ новую конституцію нѣкоторыя дополненія съ соціальнымъ содержаніемъ и который по назначенію должна была доставить депутація отъ секціи Гравилье.

III.

Въ XIX в. впервые болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ появились въ 28 томѣ извѣстной коллекціи документовъ Бюшеза и Ру, гдѣ были помѣщены въ сильномъ сокращеніи нѣкоторые отрывки изъ документа, составленнаго вождемъ бѣше-

---

[1]) Ibid., 1044 и 1247. Тѣмъ не менѣе Ру потомъ являлся въ генеральный совѣтъ, какъ будто и не былъ отстраняемъ.

[2]) См. объ этомъ интересныя подробности въ книгѣ Е. В. Тарле „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи" (1911), т. II, стр. 285—303.

[3]) Ibid., 1093.

[4]) Ibid., 1353.

ныхъ [1]). Современная періодическая пресса, которою пользовались редакторы „Парламентскихъ архивовъ", давала имъ также очень неполное воспроизведеніе этого манифеста [2]). Позднѣе онъ былъ напечатанъ, но опять-таки далеко не въ полномъ видѣ въ четвертомъ томѣ „Соціалистической исторіи" Жорэса [3]). Самое полное изданіе текста сдѣлалъ только въ 1914 г. Альберъ Матьезъ въ своихъ „Annales Révolutionnaires" [4]), перепечатавъ цѣликомъ выпущенную въ свѣтъ самимъ Жакомъ Ру брошюру въ 12 страничекъ, которымъ соотвѣтствуютъ $8^1/_2$ страницъ „Анналовъ". Трудно допустить, чтобы Ру могъ прочесть всю свою рѣчь передъ Конвентомъ, притомъ, какъ мы увидимъ, враждебно настроеннымъ, но насъ и не интересуетъ вопросъ, насколько полно ея содержаніе было передано Конвенту: для насъ важно, что въ изданіи Матьеза мы имѣемъ самое полное и вполнѣ автентическое изложеніе идей Ру [5]) и даже вообще всей партіи бѣшеныхъ [6]). Безъ болѣе подробнаго ознакомленія съ содержаніемъ этого документа нельзя хорошенько понять, въ чемъ было дѣло. Нужно однако различать въ немъ, съ одной стороны, общія теоретическія положенія, а, съ другой, нѣкоторыя мѣста, характеризующія отношеніе составителя петиціи къ Конвенту. Подробнѣе мы остановимся только на первомъ.

Брошюра, изданная Жакомъ Ру, была озаглавлена „Адресъ, представленный Національному Конвенту отъ имени секцій Gravilliers и Bonne-Nouvelle и клуба кордельеровъ Жакомъ Ру, муниципальнымъ чиновникомъ г. Парижа, департаментскимъ выборщикомъ и членомъ клуба кордельеровъ, составителемъ адреса и ораторомъ депутаціи". Въ видѣ эпиграфа приведены слова автора: „Народъ! я не боюсь смерти, чтобы поддерживать твои права; докажи мнѣ свою признательность уваженіемъ къ лицамъ и къ собственности" [7]).

Указавъ на фактъ составленія конституціи, которая должна была идти на утвержденіе сувереннаго народа, авторъ вопрошаетъ: „Запретили ли вы въ ней ажіотажъ? Нѣтъ. Назначили ли вы смертную казнь барышникамъ (accaprreurs)? Нѣтъ. Опредѣлили

---

[1]) Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la révolution française (1836), XXVIII, 216—217. Между тѣмъ составители пишутъ: „nous transcrivons (откуда?) toute la partie de cette séance relative à cet objet".

[2]) Arch. Parlementaires, 67 томъ первой серіи, стр. 457 и слѣд.

[3]) Jean Jaurès. Histoire socialiste, IV, 1596—1600. Авторъ прибавляетъ, что даетъ печатный текстъ, доставленный ему Бернаромъ Лазаромъ „съ нѣкоторыми другими очень интересными замѣтками объ этомъ революціонномъ священникѣ".

[4]) Juillet et Septembre, ст. подъ заглавіемъ „Le manifeste des Enragés", стр. 548—556.

[5]) Жоресъ думаетъ, что, съ одной стороны, Ру могъ въ чтеніи сокращать написанное, а; съ другой, и добавить кое-что для печатнаго изложенія

[6]) L'exposé le plus complet de leurs (des Enrâge's) idées. A. Mathiez, l. c., 547.

[7]) Обращаю вниманіе читателя на послѣднее слово.

ли вы, въ чемъ состоитъ свобода торговли? Нѣтъ. Запретили ли вы продажу монеты (la vente de l'argent monnoyé)? Нѣтъ. Хорошо! Мы вамъ объявляемъ, что вы не все сдѣлали для счастья народа. Свобода — продолжаетъ Жакъ Ру—остается пустымъ призракомъ, пока одинъ классъ населенія можетъ безнаказанно морить голодомъ другой. Равенство остается простымъ призракомъ, когда богатый посредствомъ монополіи пользуется правомъ жизни и смерти по отношенію къ себѣ подобнымъ. Республика остается пустымъ призракомъ, когда изо дня въ день совершается контръреволюція путемъ увеличенія цѣнъ на съѣстные припасы, уплачивать которыя, не проливая слезъ, не въ состояніи три четверти гражданъ. А между тѣмъ, только остановивъ разбой торговца (le brigandage du négotiant), только сдѣлавъ съѣстные припасы доступными санкюлотамъ, вы ихъ привяжете къ революціи, объедините ихъ вокругъ конституціонныхъ законовъ".

Нужно ли, спрашиваетъ еще авторъ, чтобы къ бѣдствіямъ внѣшней войны, вызваннымъ жирондистами, присоединилась еще „внутренняя война, объявленная намъ богачами"? Пока въ „святилищѣ законовъ" засѣдали „сообщники Дюмурье" и „роялисты, хотѣвшіе спасти тирана", Гора ничего не могла сдѣлать, но теперь, когда секція Гравилье поднялась, Конвентъ очищенъ отъ измѣнниковъ[1]), пора „поразить конституціонной анаѳемой ажіотажъ и барышничество и объявить, какъ общій принципъ, что торговля не состоитъ въ раззореніи, удрученіи и изморѣ голодомъ гражданъ". Для составителя адреса вся бѣда—въ жадности богатыхъ, которые „одни, втеченіе четырехъ лѣтъ, выиграли отъ революціи". „Купеческая аристократія (l'aristocratie marchande), продолжаетъ онъ, болѣе ужасная, чѣмъ дворянская и священническая, начала походъ противъ частныхъ состояній и казны государства", и конца ему не видно, ибо „цѣны на товары ростутъ съ ужасающей быстротой каждый день (du matin au soir). „Граждане—представители,—восклицаетъ Ру—пора кончить битву не на животъ, а на смерть, которую эгоистъ ведетъ съ самымъ трудолюбивымъ классомъ общества. Выскажитесь противъ ажіотеровъ и барышниковъ: они или подчинятся, или не подчинятся вашимъ декретамъ. Въ первомъ случаѣ вы спасете республику, во второмъ вы тоже еще спасете республику, ибо мы тогда будемъ имѣть возможность узнать и поразить народныхъ піявокъ".

Такова основная тема адреса. Протестъ направленъ противъ ажіотажа и барышничества, противъ купеческой аристократіи, противъ крупныхъ торговцевъ (les gros marchands), указаніями на которыхъ, то и дѣло, пестритъ дальнѣйшій текстъ, вмѣстѣ съ болѣе рѣдкими упоминаніями о банкирахъ, арматорахъ, монопо-

---

[1]) Намекъ на насильственное удаленіе жирондистовъ послѣ возстанія 31 мая.

гистахъ, бакалейщикахъ. Адресъ приглашаетъ представителей народа не бояться: народъ имъ поможетъ и поддержитъ, „и санкюлоты своими пиками заставятъ принять ихъ декреты".

„Народъ,—напоминаетъ Конвенту адресъ—народъ доказалъ вамъ, въ дни 31 мая и 2 іюня, что онъ хотѣлъ всей свободы". Онъ помогъ Конвенту освободиться отъ измѣнниковъ и представители народа должны отблагодарить народъ, давъ ему хлѣба и декретъ противъ вздорожанія цѣнъ.

Въ адресѣ, составленномъ Жакомъ Ру, мы находимъ и принципіальное обоснованіе того, что требовалось въ немъ отъ Конвента. Опредѣливъ свободу торговли, какъ нѣчто, вовсе не долженствующее ставить себѣ цѣлью угнетеніе [1]), Жакъ Ру говоритъ, что крупные торговцы злоупотребляютъ свободой торговли, дабы угнетать народъ: „они ложно истолковали статью деклараціи правъ человѣка, которая дозволяетъ дѣлать все, что не запрещено закономъ", а потому нужно издать конституціонный законъ (décréter constitutionnellement), который объявилъ бы, что ажіотажъ. торговля деньгами и барышничество наносятъ вредъ обществу. Когда въ этомъ смыслѣ будетъ изданъ ясный и точный законъ, народъ увидитъ, что его представители болѣе заботятся о бѣднякахъ, нежели о богачахъ, что среди этихъ представителей нѣтъ „банкировъ, арматоровъ и монополистовъ" и что они не хотятъ контръ-революціи. Если Конвентъ и декретировалъ милліардный принудительный заемъ у богатыхъ, то вѣдь они сумѣютъ переложить его на санкюлотовъ. Пусть заработная плата рабочихъ въ нѣкоторыхъ производствахъ поднялась, но въ другихъ она понизилась, да и не всѣ же граждане—рабочіе, не всѣ рабочіе заняты, а среди занятыхъ есть обремененные большими семьями, не говоря уже о томъ, что женщины вообще больше двадцати су въ день н зарабатываютъ.

Все это бѣдствіе отъ того, что законы изданы богатыми и для богатыхъ. Кто повѣритъ, что представители французскаго народа объявившіе войну иностраннымъ тиранамъ, не осмѣлились (ont été assez laches) раздавить внутреннихъ тирановъ? Авторъ напоминаетъ, что „во времена господства Сартиновъ и Флесселей [2]) правительство не потерпѣло бы, чтобы за предметы первой необходимости пришлось платить втридорога (trois fois audessus de leur valeur), а вотъ „Національный Конвентъ, облеченный силою двадцатипяти милліоновъ людей", допускаетъ все это. Людовику Капету, думаетъ Ру, вовсе не нужно было бы въ цѣляхъ контръ-

---

[1]) La liberté du commerce et le droit d'user et de faire user, et non le droit de tyranniser et d'empêcher d'user, стр. 550.

[2]) Сартинъ былъ въ серединѣ XVIII в. lieutenant-général de police, много сдѣлавшій для благоустройства Парижа, Флессель — парижскій prévôt des marchands (городской голова), погибшій 14 іюля 1789 г

революціи натравливать на Францію иностранныя державы, когда „достаточно было бы ажіотажа и барышничества, чтобы ниспровергнуть зданіе республиканскихъ законовъ".

Въ своемъ адресѣ, далѣе, Ру не хочетъ согласиться съ мнѣніемъ, что причину дороговизны нужно искать въ войнѣ. Онъ и противъ того, чтобы видѣть причину роста цѣнъ въ чрезмѣрномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. Ассигнаты, думаетъ онъ, хорошо обезпечены всѣмъ достояніемъ и честью націи, и почему же Англія процвѣтаетъ, какъ разъ благодаря своимъ банковымъ билетамъ? Нѣтъ, для Ру „ясно, какъ день, что ажіотеры и банкиры дискредитируютъ ассигнаты, чтобы подороже продавать свои деньги, чтобы безнаказанно создавать монополіи и въ своихъ конторахъ торговать кровью патріотовъ, пролитія которой они жаждутъ (qu'ils brûlent de verser)... Народъ хочетъ свободы и равенства, республики или смерти, и это какъ разъ повергаетъ въ отчаяніе ажіотеровъ, подлыхъ сообщниковъ тираніи". Составителю адреса кажется, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ является только средствомъ для низверженія республики. Открывая на это глаза довѣренныхъ народа, онъ возлагаетъ на нихъ долю отвѣтственности за все, что происходитъ, и эта нота вообще звучитъ довольно явственно въ адресѣ.

„Да, восклицаетъ Ру, обращаясь къ членамъ Конвента,—нерадѣніе, которое вы стали бы обнаруживать и дальше, было бы актомъ вашей трусости (lâcheté), преступленіемъ оскорбленія націи... Согласитесь же, что своимъ малодушіемъ вы дискредитируете бумажныя деньги, вы подготовляете банкротство, допуская беззаконіе и преступленіе, которое заставило бы покраснѣть самый деспотизмъ въ послѣдніе дни его варварскаго могущества". Народу измѣнили двѣ легислатуры, и „пора же, чтобы санкюлотъ... положилъ конецъ всякой тираніи". Впрочемъ, въ концѣ концовъ, въ адресѣ высказывается надежда, что „депутаты Горы" не оставятъ своей работы незаконченною, но примутъ общія мѣры противъ ажіотажа и барышниковъ: „вы—восклицаетъ Ру — не подадите своимъ преемникамъ губительнаго примѣра варварства сильныхъ надъ слабыми, богатаго надъ бѣднымъ, и вы, наконецъ, не окончите свою карьеру постыднымъ образомъ!"

Что же произошло бы, еслибы надежда не оправдалась? Отвѣтъ на это дается заключительнымъ абзацомъ адреса. „Пусть они (угнетенные санкюлоты департаментовъ) придутъ, поскорѣе придутъ въ Парижъ скрѣпить узы братства! Тогда мы покажемъ имъ безсмертныя пики, которыя низвергли Бастилію, эти пики, которыя разрушили комиссію двѣнадцати и клику государственныхъ людей[1]),

[1]) Les hommes d'Etat—кличка, данная жирондистамъ Маратомъ. Коммиссія 12 была образована въ Конвентѣ 18 мая 1793 г. для водворенія общественнаго спокойствія въ столицѣ. Ея мѣропріятія вызвали большое неудовольствіе, которое и привело къ движенію 31 марта, бывшему столь гибельнымъ для жирондистовъ.

пики, котрыя расправятся съ интриганами и измѣнниками... И наконецъ, тогда же мы вмѣстѣ съ ними пойдемъ въ святилище законовъ, гдѣ республиканской рукой мы имъ укажемъ на ту сторону, которая хотѣла спасти тирана, и на Гору, которая обрекла его на казнь".

Въ печатномъ экземплярѣ изложеннаго адреса имѣется отмѣтка такого рода: „Общее собраніе секціи Гравилье, выслушавъ чтеніе твердаго и энергичнаго адреса о барышничествѣ въ смыслѣ требованія у Конвента статьи закона противъ ажіотажа, единогласно присоединилось къ этому адресу, составленному гражданиномъ Жакомъ Ру, и постановило напечатать его въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ и разослать департаментамъ и народнымъ обществамъ".

IV.

Для представленія адреса Конвенту было выбрано его засѣданіе 23 іюня, когда граждане Парижа и сосѣднихъ коммунъ съ меромъ столицы во главѣ поздравляли Конвентъ съ окончаніемъ работы надъ конституціей. Говорило нѣсколько ораторовъ и, когда депутація собиралась уже уходить, Жакъ Ру заявилъ: „Революціонное общество Гравилье, которое 31 мая черезъ меня сообщило вамъ, что для вашей защиты тридцать тысячъ человѣкъ взялись за оружіе, общество, которое въ союзѣ съ клубомъ кордельеровъ первое ударило въ набатъ 31 мая и которое является стражемъ народа, поручило мнѣ подать вамъ петицію" [1]). Робеспьеръ однако настоялъ на томъ, чтобы пріемъ петиціи былъ отложенъ до другого раза, и появленіе у рѣшетки депутаціи отъ секціи Гравилье вмѣстѣ съ секціей Благой Вѣсти и кордельерскимъ клубомъ состоялось только 25 іюня.

Когда Ру передавалъ содержаніе адреса, рѣчь его постоянно прерывалась ропотомъ протеста со стороны собранія, но на трибунахъ слышались рукоплесканія. Передъ самымъ ея концомъ одинъ изъ членовъ депутаціи громко заявилъ, что секція Гравилье присоединилась совсѣмъ не къ этой петиціи, и это произвело такое впечатлѣніе, что раздались голоса о необходимости арестовать оратора; во всякомъ случаѣ, когда членовъ депутаціи ради оказанія имъ почета пустили за рѣшетку, для Жака Ру сдѣлано было исключеніе. Цѣлый рядъ членовъ Конвента обрушился на автора адреса. Тюріо назвалъ его рѣчь изложеніемъ „чудовищныхъ принциповъ анархіи, и самъ Кобургъ, по его словамъ, не могъ бы говорить иначе, а будь у него много золота, то онъ не нашелъ бы лучшаго агента, какъ этотъ попъ, достойный сотоварищъ вандейскихъ фанатиковъ". Робеспьеръ усмотрѣлъ коварное намѣреніе оратора въ желаніи набросить на патріотовъ

---

1) Для дальнѣйшаго Buchez et Roux, XXVIII, 216 и слѣд.

тѣнь модерантизма, дабы лишить ихъ довѣрія народа. Да это вовсе и не выраженіе настоящихъ стремленій секціи Гравилье. Бильо-Вареннъ указалъ на подозрительность поведенія говорившаго, который во многихъ секціяхъ и въ кордельерскомъ клубѣ агитировалъ противъ конституціи, имъ даже и не прочитанной, какъ самъ же онъ въ томъ сознался. „Я требую — сказалъ Лежандръ— просто-на-просто прогнать этого человѣка; въ его секціи есть патріоты, которые сами съ нимъ расправятся“. Предложеніе было принято и Жакъ Ру долженъ былъ оставить залъ засѣданій.

О томъ, что происходило въ Конвентѣ, нѣкоторыми бывшими тамъ гражданами секціи Гравилье было доведено до свѣдѣнія общаго ея собранія, и это вызвало въ собраніи сильное негодованіе[1]). Сначала хотѣли было всѣ, скопомъ, идти въ Конвентъ и требовать возвращенія имъ гражданина Ру, котораго считали арестованнымъ, потомъ поручили было это сдѣлать своему комитету, но неожиданно явился самъ герой дня, встрѣченный „самыми лестными заявленіями дружбы и почтенія согражданъ“, какъ было отмѣчено въ протоколѣ. Разсказавъ все, что было, онъ попросилъ у собранія позволенія еще разъ прочитать адресъ, „дабы согражданe могли судить, тотъ ли это, къ которому они присоединились“. На вторичное прочтеніе согласіе было дано, и собраніе, очень, сказано въ протоколѣ, многочисленное, покрывъ его новыми рукоплесканіями, „единогласно постановило, что это тотъ самый адресъ, который былъ прочитанъ раньше, и что оно снова присоединяется къ заключающимся въ немъ принципамъ“, о чемъ и рѣшено было довести до свѣдѣнія, какъ секціи Bonne Nouvelle, такъ и Конвента. Что касается до оставшагося неизвѣстнымъ индивидуума, осмѣлившагося оклеветать Ру, то его постановлено было найти и подвергнуть взысканію. Секція Bonne Nouvelle приняла такое же рѣшеніе 27 іюня [2]).

Въ этотъ же самый день Ру отправился въ кордельерскій клубъ, о засѣданіи котораго сохранился подробный отчетъ въ одной тогдашней газетѣ [3]). Обиженный Конвентомъ членъ клуба былъ встрѣченъ своими товарищами очень сочувственно. Общество, сказано въ отчетѣ, единогласно приняло принципы Жака Ру и постановило ихъ широко распространить. Одинъ только Моморо пробовалъ защитить Гору, хотя и присоединился также къ петиціи Ру: она—сказалъ онъ —составлена въ самомъ справедливомъ смыслѣ, но только нѣкоторыя ея фразы были дурно поняты. Осо-

---

[1]) Extrait du régistre des délibérations de l'assemblée génerale de la section des Gravilliers du 23 juin 1793. Было напечатано въ брошюрѣ Ру и перепечатано въ „Annales révolutionnaires“, стр. 557—559. Нужно только переправить дату (не 23, а 25).

[2]) Къ сожалѣнію, Mathiez не перепечаталъ соотвѣтственный протоколъ.

[3]) Le Républicain Francais. Перепечатано у Buchez et Roux XXVIII, 219 и слѣд.

бенно заслуживаютъ быть отмѣченными слова Жака Ру, сказанныя въ этомъ засѣданіи: „по моему, какъ разъ я говорилъ голосомъ народа, потому что на всѣхъ трибунахъ Конвента мнѣ громко аплодировали, тогда какъ Гора роптала и мычала".

Гора негодовала, главнымъ образомъ, потому, что Жакъ Ру вносилъ смуту въ умы. Вооружало противъ себя не столько содержаніе его рѣчи, сколько форма, тонъ, угрозы, тѣмъ болѣе, что на почвѣ недостатка предметовъ первой необходимости уже происходили безпорядки. Какъ нарочно, 26 іюня было сильное волненіе съ попыткою силою овладѣть баркою, привезшею транспортъ мыла, и пустить послѣднее въ продажу по удешевленной цѣнѣ. Генеральный совѣтъ Коммуны немедленно принялъ рядъ экстренныхъ мѣръ, обвинивъ въ подстрекательствѣ „вандейскихъ разбойниковъ" и тайныхъ агентовъ иностранныхъ державъ. Въ слѣдующіе дни безпорядки не только повторились, но приняли еще большіе размѣры. 28 числа, въ моментъ, когда генеральный совѣтъ собирался уже закрыть свое засѣданіе, явился въ него Жакъ Ру и вздумалъ читать свою петицію. Онъ ссылался на особыя полномочія, которыми его облекли секціи, но ему не давали говорить, обвиняли его въ томъ, что онъ ударилъ въ набатъ, приглашая къ грабежу и нарушенію правъ собственности. Въ коммунѣ прямо раздавались голоса объ исключеніи Ру [1]).

28 же іюня противъ вождя „бѣшеныхъ" выступилъ самъ Робеспьеръ. По обыкновенію онъ говорилъ о заговорѣ противъ свободы „Распространяютъ, сказалъ онъ между прочимъ, клеветы на якобинцевъ, монтаньяровъ, кордельеровъ, старыхъ атлетовъ свободы. Человѣкъ, облекающійся въ плащъ свободы, но относительно намѣреній котораго можно сомнѣваться, оскорбляетъ величество Національнаго Конвента подъ тѣмъ предлогомъ, что въ конституціи нѣтъ законовъ противъ барышничества, и, значитъ, она не годится для народа, для котораго составлена. Люди, которые любятъ народъ, не говоря объ этомъ, и неустанно работаютъ надъ его благосостояніемъ, не хвастаясь этимъ, очень удивятся, когда узнаютъ, что ихъ работа противонародна и что сами они переряженные аристократы. Этотъ человѣкъ на другой день отправился къ кордельерамъ... и осмѣлился повторить свои якобы патріотическія ругательства, которыя онъ изрыгнулъ передъ тѣмъ противъ конституціи. Среди васъ, здѣсь сидящихъ, нѣтъ ни одного, кого онъ не изобразилъ бы, какъ самаго завзятаго врага народа, которому онъ посвящаетъ все свое существованіе. Онъ добился постановленія, что его адресъ будетъ представленъ Конвенту и будетъ еще, мало того, повторенъ въ Епископствѣ [2]), другомъ мѣстѣ,

[1]) J. Jaurès, 1610.

[2]) Прежняя резиденція епископовъ, гдѣ имѣлъ свои засѣданія „центральный клубъ" и собирались делегаты секцій.

прославленномъ принципами, которые тамъ всегда провозглашались". На этомъ мѣстѣ ораторъ былъ прерванъ криками: „его прогнали!" Въ дальнѣйшемъ теченіи рѣчи Робеспьеръ, перечисляя враговъ республики, рядомъ съ Австріей, Италіей, Питтомъ, бриссотинцами поставилъ и Жака Ру [1]). Якобинскій клубъ тоже призналъ вождя „бѣшеныхъ" врагомъ народа и постановилъ раскрыть глаза кордельеровъ на истинный характеръ опаснаго анархиста.

30 іюня въ кордельерскій клубъ явилась депутація отъ якобинцевъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, между которыми былъ и Робеспьеръ, страстно обвинявшій Ру. Другой ораторъ, Колло-д'Эрбуа, назвалъ обвиняемаго „агентомъ фанатизма, преступленія и вѣроломства". Миссія имѣла успѣхъ. Кордельеры отреклись отъ адреса Жака Ру, не захотѣли слушать его оправданій и „изгнали его, какъ злодѣя, фанатика и чудовище"—выраженіе, которое мы находимъ въ газетномъ отчетѣ о засѣданіи клуба. Въ заключеніе собраніе постановило, что оно отправится въ Конвентъ, чтобы передъ его рѣшеткой дезавуировать петицію Жака Ру,—и торжественно заявило еще, что признаетъ великія заслуги Горы передъ отечествомъ и будетъ считать измѣнникомъ націи всякаго, кто сталъ бы дурно о ней говорить.

Жакъ Ру протестовалъ. „Конвентъ, сказано было въ этомъ протестѣ, наложилъ на меня анафему за адресъ, за который его автору подобалъ гражданскій вѣнокъ. Интриганы воспользовались предлогомъ позора, какимъ меня покрыли, чтобы изгнать меня изъ кордельерскаго клуба, тысячу разъ рукоплескавшаго моимъ принципамъ" [2]). Позднѣе онъ написалъ еще оставшуюся въ рукописи брошюру „Причины несчастій французской республики" изъ которой Жоресъ приводитъ выдержки въ IV томѣ своей „Соціалистической исторіи". Это была цѣлая діатриба противъ буржуазіи, обогатившейся покупкою національныхъ имѣній, ажіотажемъ, барышничествомъ, торговлею и не давшей бѣднякамъ и рабочимъ получить отъ революціи то, на что они имѣли право. „Я не удивляюсь, писалъ онъ, между прочимъ, что столько народа пламенно по видимости защищаетъ революцію: она доставила имъ драгоцѣнный поводъ патріотически накоплять богатства въ короткое время, набрасывая непроницаемое покрывало на свои хищенія. При старомъ порядкѣ стыдились бы дѣлать такія вещи" [3]). Послѣ смерти Марата Жакъ Ру началъ было продолжать его газету, въ которой тоже началъ громить барышниковъ, но вынужденъ былъ ее прекратить.

Извѣстенъ печальный конецъ Ру. Противъ него со всѣхъ сторонъ началась травля, причемъ его обвиняли даже въ воровствѣ,

---

[1]) Buchez et Roux, XXVIII, 228—230. У Жореса (IV, 1604—1606) рѣчь Робеспьера приведена къ нѣсколько иной редакціи.

[2]) J. Jaurès, IV, 1607.

[3]) Ibid., 1606—1608

и почти только одна секція Гравилье осталась вѣрна своему „духовнику бѣдняковъ“. Въ серединѣ августа 1793 г. граждане этой секціи смѣнили свой комитетъ и сдѣлали Ру предсѣдателемъ новаго. Эберъ донесъ объ этомъ якобинскому клубу, а Шометтъ въ Коммунѣ за это покушеніе на верховенство народа потребовалъ смертной казни дерзкаго преступника. Секція взяла своего героя на поруки, но онъ все-таки былъ преданъ суду уголовной полиціи. Послѣдній нашелъ его провинности слишкомъ важными и направилъ дѣло въ революціонный судъ [1]). Услышавъ объ этомъ, въ самомъ же засѣданіи перваго суда Ру нанесъ себѣ три тяжелыя раны ножомъ, послѣ чего его перенесли въ тюремную больницу, гдѣ онъ еще разъ нанесъ себѣ рану, оказавшуюся смертельной Актъ вскрытія его трупа былъ помѣченъ первымъ числомъ вантоза II года (19 февраля 1794 г.).

V.

Ранніе историки французской революціи не обратили большого вниманія на эпизодъ съ адресомъ секціи Гравилье. Минье обходитъ его молчаніемъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ своего повѣствованія, а Тьеръ упоминаетъ о немъ только вскользь. Онъ даже не говоритъ, что петиція была подана отъ имени секціи Гравилье, припутываетъ къ ея составленію Варле, представляетъ дѣло такъ, что Варле и Жакъ Ру собирали подъ него подписи на улицахъ, и въ общемъ не знакомитъ съ ея содержаніемъ [2]).

Первыя болѣе подробныя свѣдѣнія обо всей этой исторіи сообщилъ, какъ мы видѣли, Бюшезъ въ своей „Histoire parlementaire“, но это только коллекція документовъ и извлеченій изъ разныхъ источниковъ. Хотя самъ Бюшезъ со своимъ католическимъ соціализмомъ былъ по настроенію довольно близокъ къ Жаку Ру, но онъ былъ, кромѣ того, поклонникомъ якобинцевъ и спеціально Робеспьера, а разъ кто Робеспьеромъ былъ осужденъ, тотъ у Бюшеза не могъ пользоваться сочувствіемъ. Онъ отмѣчаетъ, на примѣръ, тѣ возгласы негодованія, которыми сопровождалось чтеніе Жакомъ Ру адреса, но не упоминаетъ, что трибуны, наоборотъ, апплодировали. Очень строго къ выступленію Жака Ру отнесся и Луи Бланъ, тоже большой поклонникъ якобинцевъ и Робеспьера. Занимающему насъ эпизоду онъ посвятилъ въ своей большой исторіи революціи, однако, лишь не полныхъ три страницы очень

---

[1]) Совсѣмъ невѣрно представлено дѣло въ статьѣ В. В. Филатова „Соціальныя движенія во время французской революціи“ (Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. Ш, стр. 479) будто Ру и его друзья были судимы въ революціонномъ судѣ за подготовку возстанія.

[2]) Thiers. Histoire de la révolution française, I, 366 (по брюссельскому изд. 1846 г).

маленькаго притомъ размѣра[1]). Онъ называетъ Ру ораторомъ депутаціи, которая только выдавала себя за посланную se prétendait envoyée) отъ секціи Гравилье, а стиль его рѣчи, изъ коей привелъ только первыя строки, называетъ „декламаторскимъ и дерзкимъ, часто принимавшимся тогда за языкъ свободныхъ людей". За этимъ слѣдуетъ рядъ восклицаній: „монтаньяры сообщники барышниковъ! покровители черныхъ замысловъ уморить народъ голодомъ! Больше, значитъ, ничего не оставалось, какъ напасть на нихъ къ великой радости роялистовъ и жирондистовъ!" Нававъ членовъ Конвента, которые отчитали Жака Ру, Луи Бланъ клеймитъ его кличкой „Тартюфъ демагогіи". Гдѣ и когда создавалось что-либо подобное конституціи 1793 г., и „неужели, вмѣсто благодарности ея творцамъ, можно было направить на нихъ гнѣвъ, порожденный голодомъ?" Отмѣчено было у Луи Блана мимоходомъ и то, что Ру раньше былъ священникомъ (l'ancien prêtre), какъ бы въ подтвержденіе того, что его выступленіе было понято, какъ своего рода содѣйствіе вандейцамъ. Далѣе онъ и возникшіе въ эти дни безпорядки ставитъ въ прямую вину „бѣшенымъ": „ихъ рѣчи переходили въ дѣйствія" (les discours des Enragés se tradusaient en actes). Въ заключеніе Луи Бланъ какъ бы хвалитъ и Коммуну, принявшую строгія мѣры противъ агитаторовъ, „въ которыхъ она не поколебалась видѣть контръ-революціонеровъ, и якобинскій клубъ, разъяснившій кордельерамъ, ставшимъ было на сторону Ру, настоящее значеніе его адреса и истинный смыслъ его намѣреній", и какъ бы одобряетъ также самихъ кордельеровъ, „не пожелавшихъ выслушать защиту Ру и прогнавшихъ его, какъ фанатика и негодяя" (scélérat).

Любопытно это отрицательное отношеніе къ выступленію Жака Ру со стороны историка-соціалиста, который не захотѣлъ признать его своимъ, хотя основной идеей его было требованіе, чтобы конституція не ограничивалась одною политикою, и чтобы были приняты мѣры къ прекращенію народнаго бѣдствія. Не громилъ ли Жакъ Ру тотъ самый индивидуализмъ, противъ котораго ополчался и самъ Луи Бланъ, ту самую экономическую свободу, въ которой и онъ самъ видѣлъ корень зла?

Соціалистъ Луи Бланъ отказался видѣть въ революціонномъ агитаторѣ 1793 г. предшественника своего направленія, но другой современный ему историкъ революціи, демократъ и индивидуалистъ Мишле, наоборотъ, призналъ Жака Ру за соціалиста и вмѣстѣ съ тѣмъ защитилъ его память, какъ честнаго человѣка, какъ это не безъ удовольствія было отмѣчено Кропоткинымъ[2]).

---

[1]) Louis Blanc. Histoire de la révolution francaise, l. X, ch. I (въ концѣ), по изд. 1878 г. т. X, стр. 267—270.

[2]) P. Kropotkine. La grande revolution (1909), стр. 648. Ср. стр. 617-618. примѣч.

Впрочемъ, и Мишле почти не останавливается на эпизодѣ. „24 іюня, говоритъ онъ, самый бѣшеный изъ бѣшеныхъ, кордельеръ Жакъ Ру, отъ имени своей секціи, именно Гравилье, принесъ къ рѣшеткѣ Конвента дерзкую петицію, которую сдѣлалъ еще болѣе дерзкой, украсивъ ее импровизированными добавленіями. Не все—оговаривается онъ, однако,—было нелѣпостью въ этой яростной демонстраціи Конвенту. Онъ упрекалъ Гору въ томъ, что она остается неподвижной на своей вѣчной скалѣ и ничего не дѣлаетъ. Съ неумолимымъ здравымъ смысломъ трибуны рукоплескали, но Гора, яростная, выходила изъ себя" и прогнала злосчастнаго оратора. „Чѣмъ,—спрашиваетъ дальше Мишле,—чѣмъ, въ сущности, былъ Жакъ Ру? Его рѣчи, видимо, искаженныя, его жизнь, насильственно прерванная изумительнымъ согласіемъ всѣхъ партій, не позволяютъ намъ его разгадать... Въ чемъ заключалось ученіе Ру?.. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать отвѣта на эти вопросы". Историкъ ссылается на то, что для этой эпохи протоколовъ кордельерскаго клуба не имѣется, документы же секціи Гравилье говорятъ о Ру слишкомъ коротко. „Я готовъ думать, прибавляетъ Мишле, что Гора знала не больше насъ и не хотѣла даже ничего больше знать объ этомъ „чудовищѣ", предметѣ ужаса". Къ проповѣди Ру отрицательно относились даже Маратъ и Эберъ, которые, „хотя иногда въ своей легкомысленной дерзости, казалось, и допускали грабежъ, тѣмъ не менѣе были защитниками права собственности". Въ этой проповѣди Мишле усматриваетъ соціализмъ: „еслибы, говоритъ онъ, все пошло по тому пути, какъ это бывало въ другія эпохи, кордельеры кончили бы варварскимъ, анархическимъ коммунизмомъ, оргіастическимъ головокруженіемъ, какимъ столько разъ бывали заражены демагогіи древности и среднихъ вѣковъ" [1])

Гораздо болѣе внимательно отнесся къ нашему эпизоду новѣйшій соціалистическій историкъ революціи, Жоресъ. Онъ посвятилъ ему цѣлый рядъ страницъ въ своемъ огромномъ трудѣ [2]). Онъ приводитъ много любопытныхъ подробностей, и только нужно сожалѣть, что не указываетъ, гдѣ что было найдено, откуда что было взято. Мы видѣли, что онъ знакомитъ читателя и съ самимъ злополучнымъ адресомъ, хотя и въ другой, худшей редакціи, нежели та, которая была опубликована Матьезомъ. Интересны впрочемъ, не подробности, а общая оцѣнка выступленія Жака Ру, сдѣланная Жоресомъ, который тоже отнесся къ нему довольно строго.

„Ошибка Жака Ру—говоритъ Жоресъ — состояла не въ требованіи законодательныхъ мѣръ для облегченія экономическаго кризиса. Онъ былъ совершенно правъ, когда напоминалъ Горѣ,

---

[1]) J. Michelet. Histoire de la révolution francaise, VII, 235—237.

[2]) Histoire socialiste, V, 1595—1611.

что недостаточно было провозгласить политическую свободу, а нужно было еще обезпечить жизнь. Притомъ бо̀льшая часть его предложеній вовсе не была утопической. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ приняли, ихъ привели въ дѣйствіе: страшный законъ былъ изданъ противъ ажіотеровъ и барышниковъ; торговля монетой была запрещена; для всѣхъ продуктовъ была установлена такса на всемъ пространствѣ республики. Но въ рѣчи Ру было много ошибокъ, много опасныхъ стремленій, былъ заднiй фонъ коварства и яда, которыми легко могла воспользоваться контръ-революція". Въ частности, историкъ указываетъ на утвержденіе, что единственной причиной вздорожанія жизненныхъ припасовъ и обезцѣненія ассигнатовъ были ажіотажъ и барышничество. Обращая все вниманіе народа на нихъ, говоритъ еще Жоресъ, Жакъ Ру звалъ санкюлотовъ на путь крови, на которомъ не было выхода [1]). Напрасно также требовалъ онъ внесенія желательныхъ постановленій въ конституцію, которая должна обезпечивать правильность постоянныхъ отношеній общественной жизни, а не удовлетворять временныя нужды. „Нужно было — продолжаетъ онъ—или согласиться на то, чтобы продовольственное дѣло было упорядочено особымъ закономъ, или потребовать новой организаціи промышленности на постоянныхъ основаніяхъ, а онъ этого-то и не сдѣлалъ". Жоресъ совершенно правильно указываетъ на то, что у Жака Ру не было и намека на національзацію производства. „Развѣ ея хочетъ Жакъ Ру? Отнюдь этого онъ не говорилъ. Никогда онъ объ этомъ не думалъ, и по всему видно, ...что онъ былъ въ гораздо меньшей степени истолкователемъ мысли рабочихъ, нежели непріязни, зависти, страданій и страховъ мелкой буржуазіи ремесленниковъ и рантьеровъ, которой не по душѣ было все, что мы теперь называемъ коллективизмомъ" [2]).

Жоресъ упрекаетъ Жака Ру еще и за то, что онъ набрасывалъ тѣнь на новую конституцію, на Конвентъ, на самое революцію. „Зачѣмъ было, спрашиваетъ онъ, инсинуировать, что Конвентъ ничего не сдѣлалъ для народа и что онъ подчинялся вліянію арматоровъ, монополистовъ и ажіотеровъ, сидѣвшихъ между депутатами? Оказались ли бы восторженные ремесленники секціи Гравилье—продолжаетъ Жоресъ — на высотѣ задачи вести далѣе судьбы угрожаемой революціи, еслибы имъ удалось довести Конвентъ до моральнаго и политическаго разложенія? Былъ ли бы въ состояніи Конвентъ изъ мелкой революціонной буржуазіи, завистливый и сыщицкій, какой она образовала бы, замѣнить собою прежнее собраніе? Да, контръ-революціонеры имѣютъ право ра-

---

[1]) Ibid., IV, 1601.

[2]) Ibid, 1602. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 1037) мы читаемъ у Жореса: „Jacques Roux défendait la petite bourgeoisie et l'artisanerie contre l'accaparement des matiéres et la concurrence des grands marchands, comme il défendait les prolétaires contre la hausse des denrées".

доваться, когда Жакъ Ру представляетъ народу революцію, какъ великое банкротство и какъ большой обманъ, принесшій выгоду только богачамъ" [1]). На слѣдующей страницѣ историкъ превращается даже въ прямого полемиста, какъ будто Жакъ Ру былъ не далекимъ прошлымъ, а современной дѣйствительностью.

Жореса во всей этой исторіи печалитъ внутренняя дезорганизація. „Это—говоритъ онъ — была борьба нѣкоторыхъ парижскихъ секцій противъ Конвента. Это былъ конфликтъ между якобинцами и кордельерами, между бѣшеными и Горой" [2]). Онъ думаетъ даже что цѣлились при этомъ, главнымъ образомъ, въ Робеспьера, который незадолго передъ тѣмъ требовалъ сначала, въ апрѣлѣ, включенія въ конституцію экономическихъ и соціальныхъ гарантій, а потомъ, въ іюнѣ, вычеркивалъ ихъ изъ конституціи. Но сочувствіе Жореса какъ разъ на сторонѣ Горы. Помѣшать громадному перемѣщенію собственности никто не былъ бы въ то время въ состояніи, и этимъ процессомъ только нужно было воспользоваться для упроченія демократіи, которая, говоритъ Жоресъ, „сдѣлала бы потомъ возможнымъ вступленіе въ жизнь болѣе глубокихъ слоевъ и народныхъ силъ, еще коснѣвшихъ въ невѣжествѣ и нищетѣ. И именно надъ этой-то организаціей демократіи работала Гора, тогда какъ Жакъ Ру ее компрометировалъ своимъ упрямствомъ маніака, противополагавшаго невинность стараго порядка злокозненности и эгоизму новыхъ временъ" [3]).

Впрочемъ, разсказавъ о печальномъ концѣ Ру, Жоресъ какъ бы смягчается въ своемъ общемъ о немъ приговорѣ. „Какъ бы ни была узка соціальная его доктрина,—говоритъ онъ—все-таки это былъ опытъ систематизаціи народныхъ жалобъ и вожделѣній и она не осталась безъ вліянія на экономическую и финансовую политику революціи". Лично самого Жака Ру онъ называетъ при этомъ „благородною и странно-мятежною душою" [4]). Только „узкой его системѣ" историкъ хотѣлъ бы противопоставить „соціализацію индустріи", о которой осенью 1793 г. заговорилъ Шометтъ, но тутъ же самъ Жоресъ прибавляетъ, что рѣчь послѣдняго о возможность самой республикѣ взять на себя веденіе промышленныхъ предпріятій, бросавшихся хозяевами, была лишь простой угрозой на худой конецъ, ни малѣйшимъ образомъ не заключавшей въ себѣ, однако принципіальнаго признанія превосходства коллективизма надъ индивидуализмомъ [5]).

---

1) Ibid., 1602.
2) Ibid., 1603.
3) Ibid., 1608.
4) Ibid., 1699. Ср. стр. 1696, гдѣ Жоресъ говоритъ о любви бѣдняковъ секціи Гравилье къ Ру.
5) Ibid., 1.700. Я не ставилъ своею задачею собрать всѣ отзывы Жореса о Ру, разсѣянные тамъ и сямъ въ его громадномъ трудѣ, но считаю необходимымъ привести еще нѣсколько строкъ, имѣющихся на стр. 1036

Какъ разъ въ начало этой соціализаціи экономическихъ отправленій вѣритъ П. А. Кропоткинъ въ своей книгѣ о революціи· По его представленію, вожди бѣшеныхъ, Варле и Жакъ Ру, искали конструктиянаго рѣшенія для соціальной проблемы переживавшагося Франціей момента, каковое рѣшеніе, думаетъ онъ, они видѣли въ коммунализаціи и націонализаціи торговли, въ организаціи обмѣпа по своей цѣнѣ (au prix de revient). „Бѣшеные,—говоритъ онъ, поняли, что недостаточно было обезпечить за каждымъ право на трудъ и даже на землю,.... пока оставалась торговая эксплуатація“ [1]). Въ другихъ мѣстахъ своей книги Кропоткинъ называетъ Ру коммунистомъ [2]), различая въ самомъ коммунизмѣ три вида: аграрный, индустріальный и коммерческій, или коммерческо-кредитный: [3]) сущность послѣдняго заключается въ томъ, чтобы всѣ выгоды отъ обмѣна доставались не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу, и эту именно идею авторъ извлекаетъ изъ проповѣди Жака Ру. Подробно о выступленіи послѣдняго онъ не разсказываетъ, а изъ его петиціи приводитъ (по Жоресу) лишь десятка два строкъ, печатая курсивомъ три фразы о реквизиціи администраціей предметовъ первой необходимости, о томъ, что купцы возьмутъ съ народа все отданное ими казнѣ въ видѣ принудительнаго займа, и что они всѣмъ завладѣваютъ, дабы голодомъ принудить народъ броситься въ объятья деспотизма [4]). Если это посылки, изъ которыхъ могъ бы быть сдѣланъ выводъ въ смыслѣ соціализаціи, то самимъ Жакомъ Ру онъ отнюдь не былъ сдѣланъ.

Но мы видѣли, что у Ру на самомъ дѣлѣ и не было внѣ борьбы съ легкой наживой никакого плана соціальной реформы. Это, между прочимъ, подчеркиваетъ и Оларъ, посвящающій Ру счетомъ семь-восемъ строкъ на двухъ разныхъ страницахъ своего труда о революціи [5]). „Въ Парижѣ —говоритъ онъ — Жакъ Ру, въ газетѣ, въ которой онъ продолжаетъ Марата, яростно громитъ банкировъ, монополистовъ, ажіотеровъ, барышниковъ и вообще богатыхъ, но онъ не предлагаетъ никакого плана соціальной революціи“ [6]).

———

„cen'est pas que Jacques Roux fût un penseur profond... Varlet et Jaques Roux se perdent dans l'incohérence... Ni Jacques Roux, ni Varlet n'étaint personnellement sur le chemin du communisme,... et si leur doctrine prépara le communisme, c'est par sa contradiction même et par son impuissance“.

[1]) La grande révolution, стр. 478—479. Ср. стр. 639 и слѣд.

[2]) Ibid., 617, 618, 628, 630.

[3]) Ibid., 629.

[4]) Ibid., 647, прим.

[5]) A. Aulard. Histoire politique de la révolution française, 451 и 453.

[6]) Оларъ приводитъ еще, безъ указанія на источникъ, фразу Жака Ру, произнесенную въ Коммунѣ по случаю разграбленія нѣсколькихъ бакалейныхъ лавокъ 25 февраля 1793 г.: „бакалейщики только возвратили народу то, что сами съ него столько времени получали“. Онъ отрицаетъ, однако, вліяніе на эти эксцессы со стороны проповѣди какихъ-либо идей.

VI.

Подведемъ итоги. Не подлежитъ сомнѣнію, что у составителя петиціи, требовавшей у Конвента включенія въ конституцію закона противъ спекуляцій на народныхъ бѣдствіяхъ, никакого плана соціальной реформы, никакой общественной утопіи, въ частности представленія о „коммерческомъ коммунизмѣ“ не было. Если Жакъ Ру получилъ нѣкоторую популярность, то, главнымъ образомъ, потому, что и въ широкихъ массахъ подъ вліяніемъ временныхъ причинъ создалось и стало распространяться убѣжденіе, что всѣ бѣдствія происходятъ отъ скупщиковъ предметовъ первой необходимости и притомъ будто съ цѣлью голодомъ заставить народъ вернуться подъ прежній деспотизмъ. Если время отъ времени толпы разграбляли лавки или транспорты товаровъ, то, конечно, дѣло было не въ подстрекательствѣ людей, подобныхъ Жаку Ру, который никогда и не становился во главѣ грабителей. Это былъ типичный идеологъ, теоретикъ, которому казалось, что онъ нашелъ первопричину зла и главныхъ враговъ народа. Вѣдь тогда всѣ искали этихъ враговъ и указывали какъ народу, такъ и властямъ, гдѣ эти враги находятся. У Жака Ру образовалась своя idée fixe, которую онъ развивалъ въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ и до знаменитой петиціи, и послѣ. Угрожающій тонъ петиціи—опять одна изъ особенностей эпохи: стоитъ только почитать разные arrêtés, резолюціи, адресы и т. п. того времени. И по существу требованій, заключающихся въ „манифестѣ бѣшеныхъ“, нѣтъ ничего необычайнаго для переживавшагося момента. Жоресъ совершенно вѣрно указалъ на то, что на самомъ дѣлѣ всѣ они были, въ концѣ концовъ, исполнены. Но тѣмъ и показательнѣе выступленіе Жака Ру, тѣмъ болѣе характеризуетъ оно настроеніе парижскихъ массъ.

Нужно только удивлятьея, что около петиціи секціи Гравилье Ру и кордельерскій клубъ, въ которомъ онъ игралъ роль, не объединили бо̀льшаго количества секцій. Обыкновенно, когда какая-либо мысль зарождалась въ одной се кціи, то немедленно же сообщалась остальнымъ сорока семи, а иногда и отдавалась на разсмотрѣніе делегатскаго собранія. Тутъ этого не было и къ петиціи присоединилась одна только секція Доброй Вѣсти, не столь рѣзко демократическая и даже не бывшая ближайшей сосѣдкой секціи Гравилье [1]). Еслибы въ пожарѣ 1871 г. не погибла бо̀льшая часть протоколовъ секцій, мы, можетъ быть, узнали бы, почему въ дѣлѣ приняли участіе только двѣ секціи. Едва-ли при тогдашнемъ настроеніи, менѣе, нежели черезъ мѣсяцъ послѣ побѣды Парижа надъ жирондистами 31 мая—2 іюня, среди секцій

1) Между ними лежала секція Понсо.

не нашлось цѣлаго ряда другихъ, которыя захотѣли бы присоединиться къ Гравильё. Быть можетъ, Жакъ Ру поторопился, боясь упустить моментъ окончательнаго вотированія конституціи, и потому сдѣлалъ свой шагъ, не обезпечивъ за собою поддержки другихъ секцій. Зная общее настроеніе многихъ изъ нихъ и общее ихъ участіе въ требованіи у Конвента закона о максимумѣ, можно предположить, что во всѣхъ секціяхъ нашлись бы, а во многихъ даже составили бы большинство сторонники требованій Ру.

Въ пользу этого предположенія говорятъ и аплодисменты, которыми публика въ засѣданіи Конвента наградила оратора секціи Гравилье. Но Конвентъ отнесся къ нему сурово. Не въ первый разъ между нимъ и населеніемъ Парижа обнаруживалось расхожденіе. Любопытно, однако, что, отвергнувъ оратора депутаціи Конвентъ любезно пригласилъ остальныхъ ея членовъ занять мѣста на депутатскихъ мѣстахъ,—обычная форма почета, оказывавшаяся гостямъ. Очевидно, Конвентъ не хотѣлъ ссориться съ секціей Гравилье, хотѣлъ подчеркнуть свое недовольство только ораторомъ. Былъ ли корень возмущенія Жакомъ Ру въ его „субверсивныхъ" идеяхъ, или въ томъ, что онъ осмѣлился критиковать конституцію, созданную Конвентомъ? Творцы новой конституціи не могли не знать, что собирался говорить Ру: недаромъ Робеспьеръ помѣшалъ ему это сдѣлать въ засѣданіи 24 іюня[1]), а на другой день первая же фраза Ру: „что вы сдѣлали для прекращенія бѣдствій народа"?[2]) вызвала сильный ропотъ (violents murmures). И потомъ въ отчетѣ о засѣданіи выраженія неодобренія отмѣчаютъ тѣ мѣста, гдѣ ораторъ преподносилъ непріятности членамъ Конвента. И возражавшіе ему ораторы напирали на то, что Ру сѣетъ смуту въ умахъ, что онъ представляетъ положеніе въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, что онъ играетъ въ руку внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ республики, что хочетъ погубить патріотовъ въ мнѣніи народа. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ и кордельерскій клубъ, отрекаясь отъ Ру, постановилъ только выразить свое довѣріе Горѣ.

Это не значитъ, разумѣется, чтобы вліятельные члены Конвента не имѣли ничего и противъ идей Ру по существу. При начинавшихся народныхъ волненіяхъ, грозившихъ собственности, они считали проповѣдь людей, нападавшихъ на собственниковъ, опасною, но мѣры противъ именно этой опасности были приняты Коммуною. Проповѣдовалъ ли Жакъ Ру прямо противъ собственности? Мы видѣли, что эпиграфомъ къ своей брошюрѣ онъ взялъ слова:

---

[1]) Informe de ce qui allait se passer, Robespierre se hâta de préserver du scandale. Buchez et Roux, XXVIII, 216.

[2]) Ея нѣтъ въ брошюрѣ Ру, но именно этотъ вопросъ приведенъ въ Hist. parlementaire".

„Peuple, je brave la mort pour soutenir tes droits; prouve moi ta reconnassance en respectant les personnes et les propriétés“ [1]). Нападалъ ли онъ на самое занятіе торговлею, которое онъ прямо отличалъ отъ „разбоя негоціантовъ?“ „Торговля — учитъ онъ—не состоитъ въ томъ, чтобы раззорять, приводить въ отчаяніе, морить голодомъ гражданъ“, а свобода торговли не въ томъ, чтобы тиранствовать и мѣшать пользоваться благами, нужными для жизни. Все сводится къ тому, чтобы цѣны необходимыхъ продуктовъ были для всѣхъ доступны, все дѣло въ справедливыхъ цѣнахъ.

Это приводитъ „коммунизмъ“ Жака Ру къ его настоящимъ размѣрамъ. Агитаторъ, надѣлавшій такой шумъ своимъ выступленіемъ въ Конвентѣ, былъ человѣкомъ сострадательнымъ къ народнымъ бѣдствіямъ и въ то же время страстным, способнымъ быть крайнимъ, прямо бѣшенымъ (enragé) и въ запальчивости и раздраженіи наговорить большихъ рѣзкостой по адресу и властей, и общества, передъ его умственнымъ взоромъ не рисовалось никакого „грядущаго града“, въ которомъ все было бы по-новому, по-иному. Люди французской революціи въ пылу полемики готовы были обвинять другъ друга то въ излишней лѣвизнѣ,—недаромъ кличка „les enragés“ пошла отъ Марата,—то наоборотъ, въ желаніи контръ-революціи. И Жакъ Ру не избѣжалъ судьбы многихъ другихъ. Притомъ, какъ часто бываетъ съ людьми, недовольными настоящимъ, ему недавнее прошлое, когда не было такой погони за легкой наживой и жить было дешевле, казалось въ этомъ отношеніи достойнымъ сожалѣнія, признанія же въ такихъ чувствахъ при тогдашнемъ настроеніи навлекали на того, кто ихъ дѣлалъ, большія непріятности.

Въ этомъ священникѣ, утѣшавшемъ несчастныхъ и помогавшемъ бѣдному люду своей секціи, несомнѣнно, были многія качества хорошаго человѣка: это доказывается тѣмъ, какъ отстаивала его секція Гравилье, когда противъ него соединились въ общей ненависти люди разныхъ партій. Но онъ отнюдь не приносилъ съ собою никакого новаго откровенія и лишь по недоразумѣнію онъ могъ представляться въ глазахъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ людей пророкомъ, „взыскующимъ грядущаго града“.

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ эти слова были нами уже приведены выше.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Повѣсть.

I.

Въ кривомъ переулкѣ стараго Неаполя, гдѣ на затѣненной мостовой никогда не просыхаютъ лужи отъ выплеснутыхъ помоевъ, а кухарки могутъ переговариваться со своими сосѣдками изъ окна въ окно на противоположной сторонѣ переулка, ничуть не повышая голоса,—уже четыре столѣтія дремлетъ палаццо маркизовъ Джусти. Оно не очень красиво,—генію архитектора негдѣ было развернуться въ этой мрачной тѣснотѣ,—а четыре столѣтія наложили на его сѣрый фасадъ достаточно морщинъ. Отдѣланный коричневатымъ мраморомъ главный входъ слишкомъ монументаленъ,—его стертыя ступени шире, чѣмъ мостовая переулка,—и такъ же монументаленъ укрѣпленный надъ этимъ входомъ гербъ маркизовъ, обремененный множествомъ геральдическихъ эмблемъ. Кой-чего у этихъ эмблемъ давно уже не хватаетъ. Мраморныя перья страуса надъ шлемомъ разбиты, крестъ рыцарей Гроба Господня потерялъ одну изъ перекладинъ, мраморный мечъ весь выщербленъ и мраморный левъ похожъ на французскаго бульдога съ отрубленнымъ хвостомъ. Люди, сочувствующіе разрушительнымъ идеямъ, могутъ усмотрѣть въ этихъ внѣшнихъ недостаткахъ невольную символику и лишній разъ потолкуютъ о вырожденіи старинныхъ фамилій. И, дѣйствительно, теперешній представитель маркизовъ Джусти не нуждается ни въ мечѣ, ни въ шлемѣ со страусовыми перьями, потому что онъ служитъ въ ипотечномъ банкѣ, занимая тамъ не особенно высокую должность.

Въ свое время съ одного изъ маркизовъ Джусти содрали живьемъ кожу за измѣну и ренегатство, другому отрубили голову на базарной площади, третій состоялъ при святѣй-

шемъ престолѣ и самъ съ большимъ успѣхомъ рубилъ родовитыя головы. Одна изъ маркизъ раздѣлила ложе съ самимъ императоромъ священной римской имперіи,—но все это было слишкомъ давно. Даже портреты всѣхъ этихъ знаменитыхъ людей настолько потускнѣли и облупились въ темной сырости палаццо, что антиквары давали за нихъ сущіе гроши. Простыни, покрывавшія императорское ложе, давно уже истлѣли и самая эта связь, съ современной точки зрѣнія, могла бы считаться простымъ прелюбодѣяніемъ,—но все-таки эмблемы остаются эмблемами и высокая голубая кровь не должна чернѣть даже за конторкой ипотечнаго банка.

У маркиза было двадцать девять прямыхъ предковъ, удостовѣренныхъ, высокородныхъ, записанныхъ на пергаментѣ; его супруга, маркиза, насчитывала всего только на три предка меньше, но за то не одно, а цѣлыхъ два почетныхъ прелюбодѣянія. И еслибы у нихъ родился сынъ,—онъ явился бы тридцать первымъ въ роду, такимъ же удостовѣреннымъ, высокороднымъ и записаннымъ въ геральдическихъ книгахъ.

Маркизъ каждое утро отправлялся пѣшкомъ на віа Рома, съ портфелемъ подъ мышкой и съ гербами на запонкахъ не совсѣмъ свѣжихъ манжетъ. Маркиза, ссылаясь на слабость здоровья и на частый трауръ, постигавшій нѣкоторые родственные дома, вела очень замкнутый образъ жизни Этотъ образъ жизни какъ нельзя болѣе подходилъ къ скромному банковскому жалованью, потому что не требовалъ выходныхъ туалетовъ. Дома, лежа на диванѣ, отлично можно было проводить время въ старомъ капотѣ.

Жизнь въ кривомъ переулкѣ протекала тускло и сумрачно. Видъ изъ оконъ верхняго этажа постоянно былъ загороженъ веревками, на которыхъ просушивались ночныя рубашки маркиза и юбки его жены въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ грубымъ бѣльемъ черни, населявшей сосѣдніе дома. Отъ мокрой мостовой очень скверно пахло и съѣденная временемъ штукатурка палаццо то и дѣло сыпалась сѣрыми чешуйками въ помойныя лужи. И маркизѣ, конечно, очень скоро надоѣдало пересчитывать заплатки на панталонахъ сосѣдки или слѣдить за медленнымъ расширеніемъ змѣевидной трещины, которая давно уже угрожала цѣлости тяжелаго карниза въ стилѣ Чинквеченто.

Маркиза съ досадой и грустью отходила отъ окна,—но внутри палаццо, въ большихъ голыхъ комнатахъ, было не веселѣе, чѣмъ въ переулкѣ. Мутныя, радужныя стекла задерживали слишкомъ много и безъ того скуднаго свѣта. Отвергнутые антикварами старинные портреты были похожи

на прислоненныя къ стѣнѣ гробовыя крышки. Пестрый мраморъ пола холодилъ ноги и по угламъ его зіяли дыры, въ которыхъ ютились голодныя крысы. Маркиза начинала думать о томъ, какъ посвѣтлѣли бы эти комнаты, еслибы въ нихъ рѣзвился сейчасъ тридцать первый потомокъ, но слабое здоровье, соединенное съ банковскимъ жалованьемъ, пока еще не позволяло мечтать даже и объ этой скромной роскоши. Вѣдь тридцать первый не могъ рости, какъ сынъ писца. Для его разцвѣта требовалась соотвѣтственная рамка. Джусти уже второе пятидесятилѣтіе вели съ однимъ изъ владѣтельныхъ домовъ тяжбу о наслѣдствѣ. Когда эта тяжба придетъ къ благополучному концу—многое измѣнится, поломанный гербъ будетъ возстановленъ и, можетъ быть, даже распроданная прадѣдовская мебель вернется на старыя мѣста. А пока,—пока маркиза завела собаку.

Это былъ великолѣпный черный пудель, съ шелковой курчавой шерстью и съ маленькой бѣлой отмѣтиной на груди,—и почти такой же породистый, какъ его хозяйка. По крайней мѣрѣ, и его предки были записаны въ собачьихъ родословныхъ книгахъ.

Маркиза назвала собаку Лорой и собственноручно сшила для нея мягкій тюфячокъ изъ остатковъ старой шелковой портьеры. А выводить ее ежедневно на прогулку обязанъ былъ домоправитель. Вѣдь въ каждомъ родовомъ палаццо, хотя бы и обѣднѣвшемъ, вмѣстѣ съ фамильнымъ гербомъ имѣется также и домоправитель. Онъ исполнялъ, правда, также и разныя другія мелкія обязанности: чистилъ маркизу сапоги, ходилъ за покупками, выметалъ по утрамъ соръ съ монументальной лѣстницы, готовилъ обѣдъ,—но для парадныхъ случаевъ у него имѣлась гербовая ливрея и, кромѣ того, онъ зналъ всю исторію рода Джусти не хуже самого маркиза. Вѣдь не только онъ самъ, но и его предки были все-таки въ этомъ палаццо настоящими, почтенными домоправителями, а одинъ изъ нихъ, какъ говорили, имѣлъ честь быть казненнымъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ, не съ тѣмъ, который заживо лишился своей кожи, а съ другимъ, позднѣйшимъ, которому отрубили голову на рыночной площади.

Домоправитель ничего не имѣлъ противъ собаки, разъ она была породистая и, стало быть, не роняла традицій дома. Онъ охотно и внимательно исполнялъ свою новую обязанность, а маркиза теперь имѣла, чѣмъ наполнить хотя бы нѣсколько минутъ изъ своего слишкомъ продолжительнаго досуга. Каждую субботу Лору мыли и послѣ ванны маркиза вычесывала у ней блохъ. За обѣдомъ домоправи-

тель ставилъ передъ Лорой хорошенькую миску, правда, съ отбитой ручкой, но съ такимъ же гербомъ, какой былъ на всѣхъ тарелкахъ и соусникахъ.

Старательное воспитаніе и, можетъ быть, общій тонъ высокорожденной семьи повліяли на собаку и привили ей аристократическую умѣренность движеній и строгія привычки. Когда госпожа, въ старомъ капотѣ, лежала на диванѣ, Лора сидѣла неподалеку, чинно отмахивалась отъ надоѣдливыхъ мухъ и въ ея глазахъ тоже можно было прочесть только спокойную, сдержанную тоску съ легкимъ налетомъ презрѣнія къ міру. Домоправитель всегда дѣлалъ легкій поклонъ, когда спрашивалъ почтительно, но твердо

— Не угодно ли вамъ погулять, Лора?

Даже самъ маркизъ, человѣкъ слишкомъ занятый и слишкомъ пришибленный судьбой, чтобы обращать вниманіе на разныя домашнія мелочи, изрѣдка трепалъ Лору по головѣ и снисходительно замѣчалъ:

— Ты—отличная собака, Лора! Оберегай свою госпожу.

Но случилось однажды, что эта собака, окруженная такимъ вниманіемъ и лаской, неожиданно проявила черную неблагодарность, забыла всѣ традиціи и доставила обитателямъ палаццо нѣсколько совершенно излишнихъ горькихъ переживаній.

Началось это на прогулкѣ. Домоправитель велъ Лору на тонкой цѣпочкѣ,—такой тонкой, что она служила скорѣе символомъ, чѣмъ дѣйствительной связью между дряхлой рукой домоправителя и краснымъ кожанымъ ошейникомъ, такъ эффектно выдѣлявшимся на черной шерсти. Въ переулкѣ было слишкомъ грязно и тѣсно и, кромѣ того, онъ сплошь кишѣлъ уличными мальчишками, народомъ безъ чести и совѣсти, который считаетъ гербы самой удобной цѣлью для бросанья гнилыхъ апельсиновъ и не подозрѣваетъ о существованіи голубой крови. Этотъ народъ одинаково досаждалъ и старику и собакѣ, и потому домоправитель предпочиталъ для прогулокъ сосѣднюю площадь.

Была весна, радостная весна, когда капустный листъ на мостовой представляется только что сорваннымъ цвѣткомъ, когда суровыя лица бронзовыхъ полководцевъ на памятникахъ безпричинно улыбаются и даже осьминоги въ глубинахъ Тирренскаго моря томятся и дрожатъ въ приступахъ неодолимой любви. Площадь была пустынна и, выбравшись на ея просторъ, домоправитель облегченно вздохнулъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на бродячихъ собакъ, бѣгавшихъ вокругъ фонтана, задумчиво шелъ, опустивъ руку съ намотанной на нее цѣпочкой и щурилъ глаза, не выносившіе яркаго солнечнаго свѣта. Лора чинно шагала рядомъ.

Въ ея скромныхъ движеніяхъ, впрочемъ, можно было подмѣтить нѣкоторую нервность, а въ ея карихъ глазахъ зеленѣли какія-то подозрительныя искорки. Она часто втягивала носомъ воздухъ и вздыхала совсѣмъ, какъ человѣкъ, охваченный сладкой мечтой.

Такъ они шли вдвоемъ и думали,—каждый о своемъ. Мысли домоправителя даже здѣсь, подъ весеннимъ солнцемъ, не улетали далеко отъ интересовъ палаццо и съ неудовольствіемъ останавливались на картофелѣ, который сильно поднялся въ цѣнѣ за послѣднюю недѣлю. Мысли Лоры были совсѣмъ другого порядка. Своими зоркими глазами она сразу разглядѣла веселую компанію какихъ-то бездѣльниковъ у фонтана,—и подозрительныя зеленыя искорки вспыхнули ярче. Правда, хорошо воспитанная собака сейчасъ же опустила глаза къ землѣ и начала переступать лапами съ такой аккуратностью, какъ будто бы шла по только что натертому паркету, но эта смиренная внѣшность была только тоненькой корочкой полузастывшей лавы, подъ которой кипитъ пламя Везувія.

А псы у фонтана,—мерзкіе уличные псы, вонючіе и переполненные блохами,—кружились въ дьявольскомъ хороводѣ, съ наивной дерзостью варваровъ выставляли напоказъ свою весеннюю распущенность и тревожили тихую площадь нелѣпымъ визгомъ. Лора очень добросовѣстно старалась не обращать на нихъ никакого вниманія,—но вѣдь не могла же она потерять, ради одной только благопристойности, всѣ свои обостренныя чувства,—и зрѣніе. и слухъ, и обоняніе И тамъ, гдѣ домоправитель видѣлъ только грязную уличную свору, она угадывала слишкомъ заманчивую возможность такихъ жуткихъ и такихъ радостныхъ переживаній. Обрадованный отсутствіемъ главныхъ враговъ,—уличныхъ мальчишекъ,—домоправитель замедлилъ шаги, не подозрѣвая, что этимъ онъ подвергаетъ тяжелому испытанію добродѣтель Лоры. А бродячіе псы, съ своей стороны, принимали самыя вызывающія позы, бросали на Лору пламенные взгляды и яростно скребли землю когтями. Они насмѣхались и въ то же время расточали похвалы, и подъ плохо надѣтой маской презрѣнія къ этой чистенькой особѣ проглядывала бурная любовь, которая не остановится ни передъ какими преградами.

Еслибы только домоправитель шелъ поскорѣе,— всѣ можетъ быть, кончилось бы благополучно. Но онъ едва плелся, разнѣженный солнцемъ и занятый хозяйственными мыслями,—и, наконецъ, даже остановился совсѣмъ, чтобы раскурить сигаретку. Лора, неожиданно для себя самой

сдѣлала рѣзкій скачокъ въ сторону. Тоненькая цѣпочка не выдержала и порвалась.

— Что такое, Лора?—сказалъ домоправитель, удивленный, но еще не испуганный.—Идите сюда!

Но Лора, смущенная и колеблющаяся, сдѣлала еще нѣсколько невѣрныхъ прыжковъ на встрѣчу бродячимъ псамъ,— а тѣ, наглые и самоувѣренные, сейчасъ же окружили ее своимъ безпутнымъ хороводомъ.

— Назадъ, Лора!

Они были уже по ту сторону фонтана, веселый лай и визгъ заглушалъ старческій голосъ,—и его авторитетъ, не подкрѣпленный цѣпочкой, былъ слишкомъ слабъ въ сравненіи съ весеннимъ солнцемъ. Тогда домоправитель яростно бросилъ вслѣдъ убѣгавшей стаѣ только что закуренную сигаретку и закричалъ:

— Вернись, скверная, развратная собака! Вернись сейчасъ же!

Но теперь на Лору не дѣйствовало даже оскорбленіе. Покружившись еще немного по площади, она сильно встряхнулась, какъ будто хотѣла сбросить красный ошейникъ,— эту ненужную теперь эмблему благородства,—и потомъ помчалась въ одинъ изъ кривыхъ переулковъ, которые во всѣ стороны расходились отъ площади, какъ спутанныя нити паутины. Бродячіе псы послѣдовали за нею съ побѣднымъ воемъ. Домоправитель схватился обѣими руками за голову.

— Святой Дженнаро, какой позоръ... Что я скажу госпожѣ?

Эта безплодная вспышка отчаянія только отняла у него нѣсколько драгоцѣнныхъ минутъ. Когда онъ, наконецъ, опомнился и побѣжалъ преслѣдовать бѣглянку,—было уже поздно: она исчезла безъ слѣда. Сырость ветхаго палаццо давно уже въѣлась во всѣ кости домоправителя. Едва пробѣжавъ нѣсколько кварталовъ, онъ почувствовалъ, что теряетъ послѣднія силы, и подвернувшаяся подъ ноги гнилая картофельная кожура окончательно испортила все дѣло Домоправитель растянулся на грязныхъ камняхъ. По счастливой случайности, онъ ничего не сломалъ себѣ и не повредилъ опасно, но все-таки долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія и кое-какъ поплелся домой.

Уличные мальчишки, народъ очень чуткій къ чужому несчастью, провожали его сочувственными криками:

— Какъ поживаешь, старая тыква?

II.

Добродѣтель прѣсна, какъ вермишель, сваренная безъ всякой приправы, но за то она хорошо награждается въ будущей жизни. А пряный и вкусный порокъ уже въ себѣ самомъ носитъ зачатки справедливаго возмездія: веселый стаканъ вина заканчивается унылымъ похмельемъ. Когда Лора вернулась подъ защиту мраморнаго герба Джусти,— а это случилось уже довольно поздно вечеромъ,—любой проповѣдникъ могъ бы представиь ее образцомъ, наглядно доказывающимъ весь вредъ и весь ядъ порока. Ея шелковистая курчавая шерсть сразу потускнѣла отъ пыли и кое-гдѣ висѣла безобразными клочьями. Изъ укушеннаго бока сочилась кровь. Хвостъ былъ поджатъ и только самый его кончикъ трепеталъ съ рабской униженностью. Слезящіеся глаза смотрѣли трусливо и въ то же время безстыдно. Жалкій обрывокъ цѣпочки позвякивалъ, какъ кандалы каторжника, а красный ошейникъ былъ весь исцарапанъ и запятнанъ.

Лора тихо и осторожно прокрадывалась у самой стѣны, но бдительный домоправитель накрылъ ее какъ разъ во-время, и преступница, жалобно взвизгивая, поползла на животѣ, жмурясь въ ожиданіи заслуженныхъ ударовъ.

— Нѣтъ, Лора, это слишкомъ ужасно! Забыться до такой степени... Подумать только, что это могла сдѣлать любимая собака маркизы!

Въ этотъ злосчастный день маркизъ почему-то вернулся со службы домой значительно позже обычнаго часа и принесъ съ собой такой крѣпкій запахъ мускатнаго везувіо, что у маркизы сдѣлалась жестокая мигрень. Она лежала въ постели, положивъ на голову компрессъ изъ уксусаа никого не хотѣла видѣть и потому ее миновало ужасное зрѣлище воплощеннаго порока. Домоправитель вымылъ и причесалъ Лору, постарался уничтожить, насколько было воз можно, всѣ внѣшніе слѣды прискорбнаго случая, даже вычистилъ ошейникъ и починилъ цѣпочку. Лора лизала руки домоправителя, не переставала жалобно взвизгивать и, повидимому, ей было было бы гораздо легче, еслибы вмѣсто теплой ванны ее встрѣтилъ хорошій градъ ударовъ. Она положительно изнемогала отъ сознанія своей ужасной вины.

— Нѣтъ, Лора я не могу васъ наказать! Это свыше моихъ силъ... Я постараюсь даже, чтобы госпожа такъ-таки ничего и не узнала.

Она, дѣйствительно, ничего не узнала ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій, занятая другими заботами и другими

горестями, но, когда прошло уже около мѣсяца, горькая истина внезапно обнаружилась.

Это была довольно щекотливая тема. Въ комнатѣ съ опущенными гардинами на окнахъ было почти темно, но все-таки маркиза густо покраснѣла, когда рѣшилась спросить домоправителя, послѣ обычнаго разговора о мелочномъ лавочникѣ и о чиновникѣ изъ муниципіи, который приходилъ за городскимъ налогомъ:

— Вы не находите, что Лора... Вы понимаете, конечно... Ну, однимъ словомъ, вамъ не кажется, что она слишкомъ пополнѣла?

Домоправитель тяжело вздохнулъ и отвернулся. Маркиза уловила въ этомъ вздохѣ грустное признаніе и недовольно возвысила голосъ.

— Вамъ былъ довѣренъ надзоръ за собакой,—и я думала, что вы лучше исполняете свои обязанности! Но разъ уже это случилось,—я хочу надѣяться, по крайней мѣрѣ, что Лора... что она... что она все-таки не опустилась ниже своего круга.

— Да, будемъ надѣяться!—пробормоталъ домоправитель Онъ и въ самомъ дѣлѣ тѣшилъ себя несбыточной мечтой: можетъ быть, тамъ, въ этой шелудивой бродячей сворѣ. составленной изъ жалкихъ отбросовъ, выросшихъ на помояхъ, случайно затесался и какой-нибудь породистый представитель аристократическаго рода,—конечно, опустившійся, конечно, такой же шелудивый, какъ и послѣдняя дворняжка, но все-таки даже въ несчастіяхъ сохранившій чистоту своей крови. И, можетъ быть, именно его избрала Лора въ своемъ весеннемъ безуміи.

Въ маленькой каморкѣ за лѣстницей была поставлена корзина, и въ этой корзинѣ, когда пришло время, Лора благополучно произвела на свѣтъ четырехъ щенятъ. Только одинъ изъ нихъ былъ черенъ, какъ мать, и съ такой же бѣлой отмѣтиной на груди. Два другихъ были покрыты коричневыми и черными пятнами самой причудливой формы а послѣдній былъ совсѣмъ рыжій. Ужь одна эта пестрота не обѣщала ровно ничего хорошаго, но домоправитель даже и сейчасъ не хотѣлъ терять послѣдней, слабой тѣни надежды.

Онъ отправился къ госпожѣ съ докладомъ о событіи.

— Простите, что я осмѣливаюсь васъ безпокоить... Но ихъ четверо.

— Что такое? Опять какіе-нибудь новые налоги?

— Нѣтъ, это въ корзинѣ! Ихъ четверо въ корзинѣ, съ вашего разрѣшенія.

— И что же, неужели Лора...

— Они еще слишкомъ малы! Нужно подождать недѣлю-другую. Тогда дѣло опредѣлится яснѣе.

Лора оказалась довольно заботливой матерью. Первое время она смотрѣла на свое потомство съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но затѣмъ быстро освоилась съ новыми обязанностями и даже утратила тотъ оттѣнокъ слишкомъ льстивой преданности, который былъ въ ней замѣтенъ со дня приключенія на площади.

Она кормила и холила всѣхъ одинаково,—и чернаго, и рыжаго, и пестрыхъ. Щенки росли и полнѣли и, наконецъ, открыли любопытные выпуклые глаза. Для чувства матери они всѣ четверо были одинаковы, но скорбь и негодованіе домоправителя тоже не находили между ними никакой разницы. Теперь уже не оставалось мѣста ни сомнѣніямъ, ни надеждамъ.

По мѣрѣ того, какъ щенки росли и крѣпли, все рѣзче бросались въ глаза ихъ грубая, жесткая шерсть, ихъ кривыя лапы, ихъ крѣпкіе, мужицкіе затылки. Тутъ не было ничего похожаго на высокую, хотя и незаконную связь, когда-то возвеличившую родъ маркизовъ. Было только жалкое паденіе, позорившее стѣны палаццо. И домоправитель опять отправился съ докладомъ,—блѣдный, мрачный и торжественный.

— Эти четверо—они простыя дворняжки, съ вашего разрѣшенія!

Маркиза пожелала убѣдиться лично. Она отправилась въ каморку и подошла къ корзинѣ, брезгливо подбирая подолъ платья. Польщенная этимъ вниманіемъ Лора радостно скалила зубы и всѣми силами старалась показать товаръ лицомъ. Подхватила за шиворотъ рыжаго, переложила его на другое мѣсто, потомъ подтолкнула носомъ одного изъ пестрыхъ. Маркиза поспѣшно отступила и тутъ же, на мѣстѣ, отдала короткое приказаніе почтительно склонившемуся домоправителю:

— Уничтожить!

Это приказаніе было опредѣленно и непререкаемо, почти какъ божественный законъ. И домоправитель не спорилъ, потому что хорошо сознавалъ его высшую справедливость.

Приговоръ былъ произнесенъ поздно вечеромъ и его исполненіе пришлось отложить до утра, такъ какъ домоправитель не хотѣлъ принимать на себя законную, но мало почетную, обязанность палача.

Едва только взошло солнце, домоправитель переступилъ за порогъ палаццо и остановился подъ мраморнымъ порталомъ, кого-то поджидая. Ждалъ терпѣливо и спокойно:

вѣдь всѣ сомнѣнія были разрѣшены и всѣ надежды исчерпаны. Миновало не болѣе получаса, когда изъ-за крутого поворота переулка показался маленькій сѣрый оселъ, навьюченный двумя большими пустыми корзинами, а за осломъ крестьянинъ, довольно полный, съ короткой шеей и съ багровымъ лицомъ. Это былъ Пасквале, землякъ и даже дальній родственникъ самого домоправителя.

Пасквале владѣлъ земельнымъ участкомъ подъ Сорренто и занимался огородничествомъ. Почти всѣ свои продукты онъ сбывалъ на мѣстѣ содержателямъ отелей, но разъ въ мѣсяцъ отправлялся въ Неаполь, почти за пятьдесятъ километровъ отъ своего дома, такъ какъ въ Неаполѣ у него были кое-какія денежныя дѣла. Чтобы не тратиться понапрасну, онъ всегда совершалъ это путешествіе пѣшкомъ, а не по желѣзной дорогѣ, и навьючивалъ своего осла отборными овощами. День онъ проводилъ на рынкѣ и въ тратторіяхъ, ночевалъ у пріятеля и рано утромъ выступалъ въ обратный путь.

У мраморнаго портала сѣрый оселъ самъ остановился. Это было старое и умное животное, хорошо знавшее всѣ мелкія привычки своего хозяина. Домоправитель потрепалъ сѣраго по мохнатой холкѣ, а затѣмъ поздоровался съ крестьяниномъ, — вѣжливо и даже почти дружески, но все-таки съ сознаніемъ своего наслѣдственнаго городского превосходства.

— Добраго утра, Пасквале! Какъ дѣла?

— Благодарю васъ, синьоръ! Живемъ понемногу... Вотъ только одышка одолѣваетъ за послѣднее время. Вы представьте, приходится раза три отдыхать на той большой горѣ, за Кастелламаре! И сѣрый тоже лѣнится. Кажется, насъ обоихъ скоро придется смѣнить!

— Вы слишкомъ полнокровны, Пасквале! Вамъ надо иногда ставить піявки къ затылку и порѣже пить красное От҃ краснаго вина кровь густѣетъ и застаивается.

— Я и такъ не слишкомъ злоупотребляю, синьоръ... А какъ изволитъ себя чувствовать маркизъ? У меня тутъ есть маленькій счетикъ за артишоки...

— Вы получите все сполна въ будущемъ мѣсяцѣ, Пасквале! Все, до послѣдняго сольдо.

— Ну, до будущаго мѣсяца-то еще можно потерпѣть... Господамъ тоже не всегда сладко живется. А спаржа и артишоки въ нынѣшнемъ году недороги, — все равно, на нихъ не сдѣлать капитала... Такъ, стало быть, все благополучно, синьоръ?

— Не совсѣмъ! У меня есть къ вамъ порученіе отъ маркизы.

— Съ большимъ удовольствіемъ... Если вы оплатите даже только половину въ будущемъ мѣсяцѣ, такъ я открою опять какой вамъ угодно кредитъ...

— Дѣло совсѣмъ не въ кредитѣ, Пасквале! Порученіе болѣе интимное, вы понимаете?

— Святая Марія, интимное? Позвольте увѣрить васъ, что я веду всѣ свои дѣла на чистоту!

— Ну да, интимное! Нужно утопить щенятъ. Вѣдь вы все равно будете проходить у самаго взморья. Четырехъ щенятъ, Пасквале! Одинъ черный, одинъ рыжій и два пестрыхъ.

— Эгэ! Это значитъ, ваша черная сука...

— Лора, породистый пудель госпожи маркизы! Я долженъ сознаться, что немножко не досмотрѣлъ, и вотъ теперь сама маркиза приказала: уничтожить.

— Ради васъ я готовъ и не на такую услугу, синьоръ

Домоправитель скрылся въ каморкѣ за лѣстницей. Тамъ послышалась какая-то короткая возня, затѣмъ жалобный вой Лоры,—такой жалобный, что сѣрый недовольно захлопалъ ушами, а Пасквале сплюнулъ и пробормоталъ:

— Вотъ вѣдь какъ она голоситъ! Даже странно, что у господской собаки такое нѣжное сердце...

Когда домоправитель снова появился у порога, его жидкіе волосы были растрепаны и стояли дыбомъ, блѣдныя щеки порозовѣли, а въ синемъ передникѣ копошилось что-то живое. Пасквале запустилъ въ передникъ свои грубыя, какъ лопаты, руки земледѣльца, захватилъ разомъ всѣхъ четверыхъ и отправилъ ихъ на дно вьючной корзины. Они копошились тамъ среди луковой шелухи и увядшей зелени петрушки, цѣплялись за прутья плетенья слабыми кривыми лапками съ острыми ноготками и обиженно морщили влажные носики.

— Эхъ, какіе!—сочувственно сказалъ Пасквале. — Отъ нихъ пахнетъ парнымъ молокомъ,—совсѣмъ, какъ отъ настоящаго грудного ребенка.

Домоправитель презрительно пожалъ плечами.

— Гнусные выродки... Кажется, я легче вздохну, когда они, наконецъ, пропадутъ совсѣмъ съ моихъ глазъ... Такъ я могу надѣяться, что вы исполните дѣло въ точности, Пасквале?

— Разумѣется! Въ морѣ на всѣхъ хватитъ мѣста. А теперь мнѣ пора отправляться, синьоръ! Солнце уже высоко.. Если представится случай, засвидѣтельствуйте мое почтеніе синьору маркизу и напомните объ артишокахъ!

Сѣрый тронулся, аккуратно держась самой середины переулка, чтобы не задѣвать корзинами за стѣны, а слѣ-

домъ за сѣрымъ шагалъ Пасквале, крѣпко пристукивая по камнямъ тяжелыми подошвами и бодро помахивая палкой. И черезъ нѣсколько минутъ оба потеряли изъ виду старый палаццо Джусти со всѣмъ его содержимымъ,—облѣзлымъ гербомъ, раззореннымъ маркизомъ, грустной маркизой и безутѣшно воющей Лорой.

— Ну, ну, сѣрый!—покрикивалъ Пасквале. — Прибавь шагу! Вѣдь ноша-то у тебя не тяжелая.

За городомъ, немного не доходя Портичи, Пасквале свернулъ сѣраго съ дороги и подогналъ его къ самому берегу залива. На скалистомъ безплодномъ берегу было пустынно. Только невдалекѣ, подъ перевернутой лодкой, крѣпко спалъ полуголый рыбакъ, да немного подальше мальчишка ползалъ по мокрымъ камнямъ, разыскивая съѣдобныя ракушки. Пасквале остановился на краю лавовой скалы, которая купалась въ зеленой водѣ, и посмотрѣлъ внизъ.

— Вотъ здѣсь будетъ хорошо. Во всякомъ случаѣ, не вынырнетъ!

Онъ совсѣмъ не хотѣлъ доставлять лишнія мученія обреченнымъ на погибель и заботился о томъ, чтобы всѣ ихъ счеты съ этимъ міромъ были сведены возможно быстрѣе и надежнѣе. И, только выбравъ мѣсто, онъ заглянулъ на дно вьючной корзины.

Первымъ попался ему на глаза рыжій, какъ самый яркій по окраскѣ и, должно быть, самый подвижной по характеру. Онъ упорно лѣзъ куда-то кверху, опираясь на спины своихъ сестеръ и братьевъ, таращилъ свѣтлые голубые глаза и широко разѣвалъ розовую пасть, вмѣстимостью не больше наперстка. Пасквале посадилъ его на свою черную, покрытую пересѣкающимися трещинами, ладонь, вернулся къ краю скалы и, отставивъ правую ногу, размахнулся. Рыжій шерстяной комочекъ описалъ въ воздухѣ широкую дугу, нѣсколько разъ перевернулся и затѣмъ, безпомощно растопыривъ всѣ четыре лапы, звонко шлепнулся въ зеленую воду. На прозрачной волнѣ всплыли мутные бѣловатые пузырьки пѣны. Пасквале посмотрѣлъ на эти пузырьки и сказалъ сѣрому, который стоялъ, равнодушно понуривъ голову:

— Такъ-то, старина! Еще неизвѣстно, что лучше: помереть разомъ или всю жизнь маяться, вотъ какъ ты, напримѣръ...

За рыжимъ комочкомъ, одинъ за другимъ, послѣдовали два пестрыхъ. Ихъ переселеніе въ небытіе прошло также благополучно, но послѣ третьяго взмаха Пасквале почувствовалъ, что совсѣмъ не такъ уже пріятно смотрѣть

какъ кувыркаются въ воздухѣ маленькія безпомощныя тѣла и какъ безстрастно принимаетъ ихъ зеленая вода.

— Все-таки это довольно грязное дѣло, старина... Еслибы только синьоръ маркизъ не былъ мнѣ такъ много долженъ за овощи...

Со дна корзины онъ вытащилъ послѣдняго,—чернаго, съ бѣлымъ пятномъ на груди,—и подвергъ его болѣе внимательному осмотру.

Положительно, этотъ осужденный на смерть былъ ничѣмъ не хуже и не лучше всякаго другого щенка. Въ корзинѣ его сильно укачало и, кромѣ того, онъ былъ уже голоденъ. Онъ тыкалъ носомъ туда и сюда, но вмѣсто теплой материнской груди находилъ только жесткую сухую ладонь или грязный рукавъ полотняной куртки Пасквале и обиженно ворчалъ. На рукавѣ онъ нашелъ еще и костяную пуговицу и попробовалъ даже ее пососать, но сейчасъ же понялъ свою ошибку.

Пасквале осторожно перевернулъ щенка на спину и потрогалъ концами пальцевъ его голый мягкій животъ.

— Право же, онъ удивительно похожъ на настоящаго грудного ребенка... Смотри, сѣрый, какія у него розовыя складочки на животѣ!

У края скалы онъ остановился въ раздумьѣ.

— Разумѣется, для важныхъ господъ годятся только породистыя собаки, но если разобраться хорошенько, такъ вѣдь простая дворняжка исполняетъ свое дѣло нисколько не хуже какого-нибудь пуделя... Другое дѣло—породистая свинья или корова! За нихъ платятъ дороже, да еще и выдаютъ преміи на выставкахъ. А что такое собака? Собака должна любить своего хозяина, стеречь домъ и огородъ и ловить блохъ. Можетъ быть, у нихъ и блохи особенныя, тамъ, въ палаццо? Золотыя блохи съ брилліантовыми глазами?

Пасквале вернулся къ сѣрому и рѣшительнымъ жестомъ засунулъ щенка обратно въ корзину.

— Какъ разъ въ началѣ прошлой недѣли у меня стащили на добрую лиру спаржи. Я его выращу и онъ сдѣлается сторожемъ! И вѣдь съ одного боку онъ все-таки аристократъ, а этого вполнѣ достаточно для мужицкой собаки...

День выдался жаркій и уже въ Портичи Пасквале почувствовалъ потребность немного отдохнуть.

Онъ остановился у придорожнаго кабачка, сѣлъ въ тѣни заплетенной виноградомъ террассы и заказалъ хозяину такимъ радостнымъ тономъ, какъ будто праздновалъ въ этотъ день память своего патрона:

— Кружку краснаго для меня самого и немножко козьяго молока для моего Неро!

Такимъ образомъ черный щенокъ съ бѣлымъ пятномъ на груди сохранилъ свою жизнь и ему предоставлено было на собственномъ опытѣ рѣшить задачу Пасквале, что лучше: помереть разомъ или всю жизнь маяться. Покамѣстъ, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ особенно доволенъ своимъ жребіемъ: жесткое плетенье корзинки намяло ему бока, а сосать козье молоко съ мизинца Пасквале было и трудно и невкусно.

III.

Домикъ Пасквале стоялъ на маленькомъ пригоркѣ посреди широкой лощины и съ его плоской кровли видна была со всѣхъ сторонъ тѣнистая гуща садовъ, перерѣзанная высокими каменными заборами и бѣлыми полосками дорогъ. Участокъ самого Пасквале совсѣмъ терялся въ этомъ подавляющемъ обиліи зелени, хотя и былъ не такъ ужъ ничтоженъ. Своему хозяину онъ давалъ вполнѣ достаточный заработокъ, тѣмъ болѣе, что Пасквале былъ одинокъ. Въ своемъ домикѣ, когда-то гладко оштукатуренномъ и бѣломъ, какъ сахаръ, а теперь сѣромъ и сблѣзломъ, онъ жилъ самъ-другъ съ наемной работницей, глуховатой и придурковатой бабой.

У домика росло нѣсколько мандариновъ и лимоновъ, слишкомъ старыхъ и запущенныхъ и служившихъ только для домашняго обихода. Десятка четыре виноградныхъ кустовъ тоже не давали, конечно, никакого торговаго дохода. Все хозяйство держалось только на отлично воздѣланномъ огородѣ. Тамъ росла превосходная спаржа, блѣдно-желтая и правильной формы, какъ праздничныя церковныя свѣчи. Топорщились жесткими, какъ желѣзо, листьями артишоки. Зрѣли цѣлые возы помидоровъ, ярко алыхъ, полупрозрачныхъ и продолговатыхъ, какъ куриное яйцо. Тамъ же была и редиска всѣхъ сортовъ, которую любятъ уничтожать иностранцы въ отеляхъ за утреннимъ завтракомъ, и салатъ, и капуста, и хрустѣвшая подъ ножомъ сочная свекла, и вообще все, о чемъ только упоминали во время сезона отельныя карточки кушаній.

Пасквале былъ силенъ и крѣпокъ на работу; но и ему иногда трудно было управиться со всѣмъ этимъ хозяйствомъ при помощи одной глуховатой бабы. Поэтому въ самое горячее время онъ нанималъ работниковъ. Конечно, было бы выгоднѣе жениться, а не тратить часть своихъ доходовъ на совсѣмъ чужихъ людей, о чемъ въ свое время говорили даже патеръ и синдикъ, но Пасквале тогда же отрѣзалъ тономъ, отбивавшимъ охоту къ спору:

— Благодарю васъ, однажды я уже попробовалъ! И нахожу, что это совсѣмъ не такъ весело...

А случилась эта проба въ тѣ времена, когда свѣже-оштукатуренный домикъ былъ еще бѣлъ, какъ сахаръ, молодые мандарины приносили свои первые плоды, а на мѣстѣ виноградника торчали въ разрыхленной землѣ только-что посаженные черенки. И у Пасквале не было еще такого краснаго лица, а шея не казалась такой короткой. Особеннымъ красавцемъ не былъ онъ и тогда, но во всякомъ случаѣ любая дѣвушка могла бы посмотрѣть на него безъ скуки и отвращенія. Для одной изъ дѣвушекъ Пасквале приготовилъ и бѣлый домикъ, и фруктовыя деревья, и виноградникъ. Дѣло было совсѣмъ уже слажено, но тутъ подвернулся одинъ лукавый мужчина, звонко пѣвшій пѣсенки и игравшій на мандолинѣ, — и въ самый день предположенной свадьбы увезъ дѣвушку прямо въ Америку. Пасквале очень разсердился и сказалъ патеру, который пришелъ къ нему со словомъ христіанскаго утѣшенія:

— Ступайте себѣ потихоньку вотъ по этой тропинкѣ падре... Можетъ быть, вы тамъ встрѣтитесь съ дьяволомъ!

Но такъ или иначе, а хозяйство все-таки было уже налажено и, чтобы прогнать отъ себя разныя дурныя мысли Пасквале принялся за дѣло съ удвоенной энергіей. Справляться было трудно, но, чѣмъ меньше оставалось свободнаго времени, тѣмъ Пасквале чувствовалъ себя легче. А съ годами онъ привыкъ и къ этой усиленной работѣ, и къ одиночеству, и даже къ своему горю. Только бѣленькій домикъ такъ и не дождался, чтобы его когда-нибудь побѣлили во второй разъ: о такихъ вещахъ должна была заботиться хозяйка, а вѣдь хозяйки-то и не было, потому что не могла же идти въ счетъ придурковатая работница.

Кромѣ стараго осла и работницы, Пасквале владѣлъ еще парою козъ, свиньей и кошкой. Теперь прибавился Неро. Впрочемъ, первое время щенокъ занималъ очень мало мѣста въ хозяйствѣ. Днемъ онъ иногда прогуливался, неуклюже переваливаясь съ боку на бокъ, по песчаной площадкѣ передъ домомъ, а ночью скромненько спалъ на какой-то старой ветоши подъ койкой Пасквале.

У крестьянина, какъ у всякаго стараго холостяка, бывали свои необъяснимые капризы. И такимъ капризомъ, между прочимъ, была и его неожиданная привязанность къ маленькой черной собачонкѣ. Чтобы поднять ея престижъ въ глазахъ работницы, онъ даже немножко покривилъ душой, объясняя:

— Это очень дорогая собака, вы понимаете? Она принадлежала самымъ настоящимъ маркизамъ, а важные го-

спода не будутъ держать у себя какую-нибудь дрянь. За нее можно было бы взять, по крайней мѣрѣ, двадцать лиръ, но синьоръ маркизъ подарилъ мнѣ ее совсѣмъ даромъ въ знакъ нашей старой дружбы. И если она потеряетъ хотя одинъ волосокъ,—ужъ ты можешь себѣ вообразить, что я тогда съ тобой сдѣлаю...

И въ тотъ же день кошка получила жестокую порку за недостаточно почтительное отношеніе къ Неро. Кошка, конечно, не измѣнила послѣ этой порки своего собственнаго мнѣнія, но, во избѣжаніе непріятностей, рѣшила получше скрывать свои чувства. Щенокъ завоевалъ право играть ея хвостомъ и зарываться мокрымъ носомъ въ ея пушистый мѣхъ.

Козьяго молока въ хозяйствѣ было достаточно, но кормили Неро не всегда аккуратно. Самъ Пасквале рѣдко занимался такими мелочами, а работница была завалена работой побольше хозяина. Тѣмъ не менѣе Неро понемножку росъ и развивался,—и хотя, ноги у него остались по прежнему кривыми, но онѣ ступали по твердой землѣ уже болѣе увѣренно.

Неизвѣстно, остались ли у него какія-нибудь смутныя воспоминанія о старомъ палаццо, но, во всякомъ случаѣ, онъ и не подозрѣвалъ даже, какъ тонка была одно время нить его жизни. Нить уцѣлѣла—и теперь Неро съ жаднымъ любопытствомъ разматывалъ ее все дальше и дальше. Постепенно онъ пріучилъ къ себѣ кошку настолько, что та начала даже испытывать нѣчто вродѣ скуки, когда слишкомъ долго не видѣла его закрученнаго хвостика. Сѣрый тоже относился къ щенку благосклонно, внимательно обнюхивалъ его, добродушно пофыркивая, и осторожно переставлялъ неуклюжія копыта, чтобы невзначай не раздавить это маленькое назойливое созданіе.

Козы снабжали Неро пищей, но юность неблагодарна и любитъ вести себя такъ, какъ будто весь міръ созданъ только для ея удовольствія. Щенокъ нападалъ на нихъ съ яростнымъ лаемъ, а трусливыя кормилицы прятались отъ него или въ хлѣвъ, или, чаще, на плоскую кровлю домика, куда Неро со своими коротенькими ножками никакъ не могъ забраться.

За то первое же знакомство со свиньей чуть не кончилось очень печально и едва окрѣпшая нить едва не порвалась. Свинья долго разглядывала щенка съ тупымъ недоумѣніемъ, а затѣмъ, рѣшивъ, должно быть, что эта черная штучка, за неимѣніемъ лучшаго, годится для легкой закуски, опрокинула его своимъ грязнымъ курносымъ рыломъ. Къ счастью, Пасквале занимался поблизости перекапываньемъ

грядокъ для фасоли и, заслышавъ отчаянный визгъ Неро, во время подоспѣлъ на выручку. И въ неравной схваткѣ Неро потерялъ только половину праваго уха. Впрочемъ, еще цѣлую недѣлю спустя онъ чувствовалъ себя довольно плохо, кашлялъ, стоналъ и почти не вылѣзалъ изъ-подъ койки хозяина. Кошка приходила его навѣщать, вылизывала и чистила его всклокоченную шерсть, а козы могли спокойно пастись у самой песчаной площадки.

Когда Неро оправился, принялъ свой обычный развязный видъ и закрутилъ хвостъ тугимъ колечкомъ, Пасквале сталъ брать его съ собой, въ тѣ часы, когда приходилось работать въ удаленныхъ отъ дома мѣстахъ участка. Это давало хозяину двойную выгоду: онъ могъ быть спокоенъ за жизнь своего питомца, а, кромѣ того, могъ теперь разговаривать съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ прежде.

Пасквале очень любилъ думать вслухъ. Иногда онъ вступалъ съ самимъ собою въ продолжительные и сложные споры, иногда высказывалъ себѣ самое безпристрастное порицанiе, а изрѣдка хвалилъ. Слушателями его были до сихъ поръ только кочаны капусты, кусты помидоровъ или грядки съ брюквой. И даже работница была въ этомъ отношенiи немногимъ лучше капусты, а нанимавшiеся въ горячее время подручные были, по большей части, народъ отпѣтый, передъ которымъ совсѣмъ не стоило тратить краснорѣчiя.

Неро съ самаго начала выказалъ очень полезную особенность: онъ умѣлъ слушать. Онъ садился гдѣ-нибудь на самомъ припекѣ, нисколько не смущаясь жгучими солнечными лучами, наклонялъ голову на сторону, такъ что остатокъ поврежденнаго уха торчалъ кверху, а другое свѣшивалось, какъ увядшiй лопухъ, и внимательно смотрѣлъ прямо въ ротъ хозяину. И только если разговоръ продолжался слишкомъ уже долго, его вниманiе начинала отрывать пролетавшая мимо стрекоза или шмыгнувшая среди камней ящерица.

— Баста!—заканчивалъ тогда Пасквале. — Отдохни немного, малютка! Нельзя слишкомъ туго набивать голову разными умными вещами.

Они бесѣдовали о сельскомъ хозяйствѣ, о торговлѣ, о религiи, о политикѣ и о разныхъ мелкихъ дѣлахъ, которыя почему-нибудь привлекали вниманiе Пасквале. Пожалуй, даже больше всего о мелкихъ дѣлахъ, потому что именно изъ нихъ складывалась вся жизнь огородника, какъ мостовая изъ булыжниковъ.

— Изъ Позитано опять цѣлыхъ девять семей отправились въ Аргентину!—разсказывалъ Пасквале.—Заколотили

свои дома и уѣхали. Какъ это тебѣ нравится? Скоро по всему побережью останутся однѣ только пустыя развалины да отели.

Неро сочувственно встряхивалъ искалѣченнымъ ухомъ.

— Они, видишь ли, ищутъ новаго счастья въ какой-то тамъ новой землѣ. Это глупо, малютка! Земля вездѣ одинаковая. Въ одномъ мѣстѣ она родитъ немножко получше, въ другомъ—похуже, но вездѣ одинаково ее нужно поливать своимъ пòтомъ, чтобы добиться чего-нибудь путнаго... Америка! Они просто всѣ передохнутъ, какъ крысы, тамъ за океаномъ, потому что всѣ они—простые и честные рабочіе люди, и некому будетъ даже отслужить за нихъ заупокойную обѣдню. Въ Америкѣ хорошо устраиваются только плуты и мошенники, но вѣдь плуты и здѣсь, дома, чувствуютъ себя не плохо... Америка! Недаромъ туда удираютъ разные сладкоголосые господа, соблазняющіе невинныхъ дѣвушекъ...

При этомъ скверномъ воспоминаніи Пасквале съ такой силой налегалъ на лопату, что въ спинѣ у него что-то хрустѣло, а Неро вѣжливо сторонился отъ сыпавшихся во всѣ стороны комьевъ слежавшейся земли.

— А въ „Англійскомъ“ смѣнили-таки старшаго повара. Я давно уже думалъ, что этимъ кончится... Старый Руффо прочитъ на его мѣсто одного изъ своихъ племянниковъ, но только это дѣло не выгоритъ... Тутъ вѣдь нельзя отыграться на какомъ-нибудь омлетѣ или на ризотто по-милански... Какъ они ѣдятъ, малютка, эти иностранцы, какъ они ѣдятъ Я думаю, что подъ хорошимъ соусомъ они не задумались бы съѣсть даже и собственныхъ родителей... Въ слѣдующій разъ, когда я повезу туда свѣжіе томаты, такъ попрошу, чтобы тебя угостили кусочкомъ ростбифа. Вѣдь у англичанъ и у собакъ вкусъ одинаковый: вы любите горячую кровь!

Неро облизнулся. Положительно, онъ кое-что понималъ,— тѣмъ болѣе, что одно козье молоко давно уже не удовлетворяло его аппетита. Онъ подкрѣплялся остатками макаронъ и минестроне, печенымъ картофелемъ, но никогда еще не пробовалъ говядины, потому что ея вообще не водилось за столомъ у Пасквале.

Иногда, послѣ крупнаго разговора съ базарнымъ надсмотрщикомъ или сборщикомъ земельныхъ налоговъ, Пасквале бралъ болѣе общія темы.

— Ничего не подѣлаешь, малютка! Вѣдь мы теперь— великая держава. Намъ нужно, что называется, держать открытый домъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ союзниками, а это стоитъ денегъ... У великой державы должны быть большія пушки, большіе корабли и большой

дворецъ для короля. И тогда изъ-за всѣхъ этихъ большихъ вещей никто не увидитъ, въ какихъ маленькихъ лачугахъ ютится народъ. Наше дѣло, малютка, рыть землю и добывать лиры! И если вмѣсто одной лиры съ насъ требуютъ двѣ, такъ это значитъ, что наша держава выросла еще на цѣлый футъ... Всякому вѣдь лестно быть великимъ, какъ ты думаешь? Жаль только, что я не могу послать въ палату депутатовъ своего сѣраго. Онъ былъ бы тамъ совсѣмъ не изъ самыхъ глупыхъ. Въ слѣдующій разъ, впрочемъ, я думаю голосовать за соціалиста.

Къ религіи Пасквале относился съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ законно установленнымъ гражданскимъ властямъ. Правда, когда-то онъ посовѣтовалъ не во-время подвернувшемуся патеру поискать ближайшую тропинку къ дьяволу, но это случилось въ дни молодости и подъ вліяніемъ аффекта. Какъ землевладѣлецъ, собственникъ и сынъ земли, Пасквале считалъ всѣ небесныя установленія очень полезными, если только они не обходились слишкомъ дорого.

— Есть большая разница,—говорилъ онъ своему внимательному слушателю—между ядовитой змѣей, которая только что поймана въ дремучемъ лѣсу и той же змѣей, когда она сидитъ съ вырванными ядовитыми зубами за пазухой у фокусника... Одна можетъ убить, а другая только пугаетъ. Я совсѣмъ не стою за всѣ требованія его святѣйшества, но скажи, пожалуйста, что мы стали бы дѣлать безъ патеровъ? Когда-то они имѣли право жарить насъ на кострахъ, и это было очень дурно, потому что даже своему злѣйшему врагу я не пожелаю такой поганой смерти, но теперь, видишь ли, они щеголяютъ безъ зубовъ и угрожаютъ только адскимъ огнемъ. Ну, ты все-таки только собака и тебѣ не приходится заботиться о спасеніи своей души. Но вообрази себѣ, что за каждую украденную кость тебѣ прибавили бы на томъ свѣтѣ лишнюю горсточку угольковъ! Ага, это тебѣ уже не нравится? Человѣкъ не даромъ владычествуетъ надъ животными, малютка! Онъ расплачивается за это адомъ. И вотъ, говорю я, для насъ, мирныхъ и спокойныхъ людей, очень полезно, что патеры шныряютъ повсюду и угрожаютъ, не имѣя возможности кусаться. Они помогаютъ нравственности, порядку и полиціи. Если изъ моей грядки выдернутъ брюкву, то это еще нельзя назвать настоящей кражей, потому что кто-же будетъ судиться изъ-за одной брюквы? Но это будетъ уже самый настоящій грѣхъ. Если ты обокралъ банкъ или только выдернулъ брюкву—все равно, тебѣ одинаково придется каяться... Я вижу что тебя мало занимаетъ этотъ вопросъ, потому что

ты уже закрылъ глаза и дремлешь, но это доказываетъ только, что ты молодъ, глупъ и что ты—собака! А я всегда буду поддерживать патеровъ.

Кромѣ короткихъ прогулокъ въ Сорренто, гдѣ Пасквале велъ торговлю съ поварами отелей, Неро успѣлъ еще совершить со своимъ хозяиномъ пять или шесть путешествій въ Неаполь.

Сѣрый отправлялся туда тяжело нагруженнымъ, такъ что изъ-подъ высокой кучи разной зелени и овощей торчали только его облѣзлый хвостъ и косматая голова. Неро бѣжалъ за этимъ хвостомъ и отъ дорожной пыли постепенно дѣлался такимъ же сѣрымъ, какъ старый оселъ. Было слишкомъ душно, хотѣлось пить и чихать. Опасаясь, чтобы не испортился товаръ, Пасквале дѣлалъ очень рѣдкія остановки, такъ что даже у привычнаго осла начинали дрожать колѣни отъ усталости и онъ жалобными воплями выражалъ свое недовольство. А Неро совсѣмъ изнемогалъ, уныло опускалъ хвостъ и кончалъ тѣмъ, что садился на краю дороги. Хозяинъ бралъ его подъ мышку и шагалъ дальше.

Въ городѣ щенку многое не нравилось. Слишкомъ шумно, тѣсно и слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ запаховъ, отъ которыхъ даже разбаливалась голова. И нельзя было ни на шагъ отойти отъ Пасквале, потому что иначе сейчасъ же кто-нибудь наступалъ на лапу или давалъ пинка въ бокъ. Городскія собаки отклоняли всякія попытки къ знакомству и только алчно щелкали челюстями. Пасквале кричалъ, ругался, торговался до хрипоты и совсѣмъ не былъ похожъ на того Пасквале, который дома перекапывалъ грядки и мирно бесѣдовалъ о разнообразныхъ предметахъ.

Раза два Неро встрѣчалъ почтеннаго домоправителя маркизовъ Джусти, но эта встрѣча не произвела на обоихъ никакого впечатлѣнія. Домоправитель не зналъ даже, что этотъ маленькій кривоногій песъ есть именно беззаконно уцѣлѣвшій плодъ преступленія Лоры,—и Пасквале не счелъ нужнымъ давать какія-нибудь объясненія по этому поводу.

Нѣтъ, большой городъ совсѣмъ не понравился Неро. За то обратный путь домой бывалъ великолѣпенъ. Особенно торопиться теперь было некуда и Пасквале дѣлалъ передышки повсюду, гдѣ только находилась удобная тѣнистая скамья и кружка дешеваго вина. За обѣдомъ и ужиномъ перепадали недурные куски и для Неро. Кромѣ того, во время приваловъ онъ могъ знакомиться со множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ и такимъ образомъ съ каждой прогулкой расширялъ свой жизненный горизонтъ.

— Учись, малютка!—благосклонно говорилъ Пасквале, разнѣженный солнцемъ, виномъ и бесѣдой съ хозяйкой

кабачка.—Ужъ разъ на твой жребій выпала жизнь, такъ надо умѣть приспособляться! Мало ли, что можетъ случиться завтра же! Я самъ, мой сѣрый, и ты—мы всѣ одинаково мало знаемъ о нашемъ будущемъ. И человѣкъ въ этомъ отношеніи обезпеченъ еще меньше животнаго.

Но Неро не хотѣлъ еще задумываться о будущемъ. Настоящее было такъ сложно и разнообразно, что заполняло цѣликомъ его сознаніе. А Пасквале все-таки былъ правъ, потому что нѣкоторая житейская опытность, пріобрѣтенная Неро во время путешествій въ Неаполь, пригодилась очень скоро.

IV.

Уже наступила зима, каботажныя пристани побережья были завалены плоскими ящиками мандариновъ и бочонками оливковаго масла, виноградники порыжѣли и осыпались было много свѣжаго вина и мало работы.

— У васъ нездоровый видъ, сосѣдъ!—сказалъ старый Руффо, встрѣтивъ Пасквале на большой дорогѣ.—Еще утромъ, во время обѣдни, я посмотрѣлъ на васъ и подумалъ: у него нездоровый видъ!

— Не всѣ такъ хорошо справляются съ годами, какъ вы, синьоръ... И вѣдь вы живете спокойно и каждый день можете отдыхать, сколько вамъ угодно, а меня то и дѣло жжетъ солнце, мочитъ дождь и обдуваетъ вѣтеръ. Это не прибавляетъ красоты. Вотъ еслибы я тоже могъ заниматься только вычисленіемъ процентовъ...

— Насъ губитъ не работа, а излишества!—наставительно прервалъ Руффо и, такъ какъ ему не нравилось упоминаніе о процентахъ, онъ захотѣлъ сказать сосѣду еще что-нибудь непріятное.—Однако какая у васъ безобразная собака!

— Мой Неро? Не очень-то красивъ, это правда! За то онъ родился въ палаццо и уменъ, какъ первый министръ.

— А зачѣмъ онъ такъ обнюхиваетъ мои брюки? Онъ не укуситъ? Ни за что не сталъ бы держать такого мерзкаго пса... До свиданья, сосѣдъ! И совѣтую вамъ получше заботиться о своемъ здоровьѣ. Люди вашего сложенія часто умираютъ не по христіански.

— Вы хотите сказать, что я приношу больше дохода кабаку, чѣмъ церкви?

— Я не желаю выражаться такъ грубо!

— Разумѣется, у жесткой души всегда мягкія слова, синьоръ! Будьте здоровы... Неро, не тронь! Развѣ ты не знаешь, что у ростовщиковъ ядовитое мясо?

И они разошлись не совсѣмъ друзьями, хотя, впрочемъ, у стараго Руффо вообще было мало друзей среди окрест-

ныхъ крестьянъ. Пасквале былъ однимъ изъ немногихъ, не задолжавшихъ ему кругомъ, и потому не имѣлъ никакой надобности держать свой языкъ на привязи. Разставшись съ ростовщикомъ, онъ почувствовалъ даже большой приливъ бодрости и скорѣе прежняго зашагалъ по дорогѣ, въ то же время разсказывая Неро:

— Зависимость—неизбѣжное дѣло, малютка, и я самъ нахожусь въ такомъ же подчиненіи у разныхъ господъ какъ ты—у меня. Но никогда не нужно безъ особой надобности танцовать на заднихъ лапахъ и вилять хвостомъ!

Дорога крутымъ подъемомъ вывела ихъ на безплодный каменистый бугоръ и на его вершинѣ Пасквале остановился, наконецъ, чтобы перевести духъ. Въ ушахъ у него гудѣло, а передъ глазами прыгали разноцвѣтныя пятна.

— Пожалуй, мы съ тобой хватили сегодня лишнюю кружку молодого вина тамъ, возлѣ церкви... У меня такъ кружится голова, что, кажется, не добраться до дому. Отдохнемъ немного, малютка!

Пасквале сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону отъ дороги, съ трудомъ переступая черезъ камни и путаясь ногами въ сухомъ зимнемъ бурьянѣ. Неро забѣжалъ немножко впередъ,—онъ-то вѣдь не пилъ молодого вина и былъ голоденъ,—но на зовъ хозяина послушно вернулся и сѣлъ, склонивъ голову на бокъ и приподнявъ правое ухо Онъ готовился выслушать что-нибудь очень длинное, какъ случалось всегда, когда у Пасквале было такое багровое лицо и неувѣренныя движенія.

Но на этотъ разъ хозяинъ былъ совсѣмъ не краснорѣчивъ. Онъ тяжело опустился прямо на сырую, холодную землю, посидѣлъ немного прямо, потомъ медленно повалился на бокъ, шевеля пальцами по травѣ, какъ будто искалъ какую-то ускользавшую опору. И проговорилъ такъ невнятно, что Неро даже не узналъ звука его голоса и удивленно насторожился:

— Этакое проклятое удушье... Гдѣ ты, малютка? Развѣ и воздухъ пошелъ подъ закладъ къ Руффо? Гдѣ ты?

Затѣмъ онъ совсѣмъ легъ, и очень неудобно, подогнувъ одну ногу и закинувъ голову. Съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Неро, вмѣсто всего лица виденъ былъ только торчавшій кверху толстый, свѣже выбритый подбородокъ. Подбородокъ этотъ подергивался, какъ будто Пасквале усиленно глоталъ что-то твердое и колючее, давился и никакъ не могъ проглотить. А изо рта вырывались странные, хриплые звуки, немножко похожіе на обиженные вопли сѣраго.

Неро сдѣлалось очень непріятно. Онъ завилялъ хвостомъ,

тявкнулъ, потомъ осторожно подобрался поближе, такъ какъ пальцы хозяина все еще шарили по травѣ и чего-то искали. Эти пальцы наткнулись на жесткую черную шерсть и на мгновеніе совсѣмъ замерли, а затѣмъ отрывистыми непріятными движеніями поползли противъ шерсти по спинѣ собаки и, цѣпенѣя, остановились у шеи. Сквозь хрипъ и бульканье вырвалось нѣсколько болѣе понятныхъ словъ.

— Душно, малютка... Душно!

Пальцы давили шею все сильнѣе и Неро испугался. Онъ прижался къ землѣ и отползъ, но совсѣмъ немного. Рука безсильно упала и пальцы перестали двигаться, а подбородокъ подергивался все рѣже и рѣже. Неро опять вплотную подобрался къ рукѣ и лизнулъ хозяина въ жесткую ладонь, отъ которой пахло черноземомъ и виномъ. Такъ какъ хозяинъ ничѣмъ не отозвался на эту ласку, Неро суетливо обѣжалъ кругомъ все его большое, толстое тѣло и, вытянувъ шею, заглянулъ ему въ лицо. Еще разъ тявкнулъ и легонько тронулъ хозяина за плечо зубами. Но Пасквале смотрѣлъ вверхъ, прямо въ небо, и не обращалъ никакого вниманія на свою собаку. Тогда Неро, совсѣмъ разстроенный и исполненный какимъ-то особымъ, непонятнымъ ему самому, страхомъ, сѣлъ, поднялъ морду и завылъ.

По дорогѣ лѣниво шагали два карабинера,—они всегда ходятъ парами, такъ какъ это очень полезно и для взаимной помощи, и для взаимныхъ доносовъ. Въ треуголкахъ у нихъ были вставлены, по случаю воскресенья, праздничные помпоны, а шитье на мундирахъ, изображающее пламенѣющую бомбу, блестѣло, какъ только что отчеканенная лира. Они шагали и посматривали по сторонамъ, потому что праздникъ — не только день молитвы, но также и день сугубыхъ нарушеній полицейскаго устава.

Одинъ карабинеръ былъ высокій и черный, другой маленькій и рыжеватый, но усы у обоихъ были одинаковые и даже намазанные одною и тою же помадой. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ жандармовъ красивѣе карабинеровъ. Это не то, что какая-нибудь муниципальная стража, зѣвающая на перекресткахъ, съ толстымъ брюхомъ и со старымъ вертеломъ вмѣсто оружія.

Рыжеватый посмотрѣлъ вдаль и сказалъ со спокойствіемъ офиціальнаго лица, которое ничѣмъ нельзя огорчить:

— Вонъ тамъ уже лежитъ одинъ!

— Да, лежитъ!—согласился высокій.—Это теперь нерѣдко случается. Въ нынѣшнемъ году виноградъ былъ сладокъ и далъ крѣпкое вино.

— Причемъ тутъ вино? Они напиваются водкой.

— Нѣтъ, это, кажется, огородникъ Пасквале, потому

что тамъ сидитъ его собака, а Пасквале пьетъ только красное.

— А два года назадъ, когда онъ подрался на площади?

— Вотъ съ тѣхъ поръ онъ и не беретъ въ ротъ водки! Онъ говорилъ мнѣ тогда, что водка слишкомъ его возбуждаетъ.

— Штрафъ?

— Нѣтъ, пожалуй, высидка! Онъ—рецидивистъ.

Рыжеватый, который былъ старше по службѣ, вынулъ изъ-за пазухи мундира книжку для записи. Затѣмъ оба карабинера ускорили шаги и, молодцевато отбивая тактъ, подошли къ распростертому толстому тѣлу.

— Вставайте, огородникъ Пасквале! Здѣсь не мѣсто для отдыха.

Рыжеватый толкнулъ Пасквале носкомъ башмака въ бокъ.

— Онъ ничего не понимаетъ, скотина! Незачѣмъ съ нимъ возиться: пусть проспится здѣсь. Все равно, фактъ установленъ!

Къ блестящимъ карабинерамъ Неро относился съ инстинктивнымъ уваженіемъ, но вольное обращеніе рыжеватаго ему совсѣмъ не понравилось. Кромѣ того, онъ былъ вообще очень разстроенъ, а все нароставшій непонятный страхъ сдѣлалъ его храбрымъ. И Неро молча, дѣловито впился острыми молодыми зубами въ икру карабинера. Тонкое сукно праздничныхъ брюкъ затрещало.

— Ахъ, проклятая тварь!—Рыжеватый ударилъ собаку книжкой для протоколовъ, а высокій подобралъ съ земли камень.—Теперь онъ еще и заплатитъ штрафъ за испорченное имущество!

Сдѣлавъ все, что было въ предѣлахъ его слабыхъ силъ, Неро поспѣшно отступилъ за густой кустъ терновника и тамъ въ сравнительной безопасности могъ выжидать, что будетъ дальше.

Высокій находилъ, что теперь уже пьяницу нужно обязательно разбудить, чтобы оформить дѣло о порванныхъ брюкахъ, и рыжеватый вполнѣ присоединился къ его мнѣнію. Оба разомъ они нагнулись надъ Пасквале, потрясли его за плечи, потрогали лицо и руки — и оба разомъ выпрямились.

— Да, это сильно мѣняетъ дѣло!—сказалъ высокій и, такъ какъ обезпокоенный Неро въ это время выдвинулся изъ-за куста, мѣтко запустилъ въ собаку заранѣе приготовленнымъ камнемъ.

— Но я не вижу никакихъ слѣдовъ насилія!—съ нѣкоторымъ разочарованіемъ протянулъ рыжеватый.

— Насиліе? Посмотрите на его шею. Развѣ можно съ такой шеей пить красное вино? Онъ обязательно долженъ былъ этимъ кончить.

Закономъ предусмотрѣны всѣ случаи человѣческой жизни и потому этотъ неожиданный поворотъ дѣла нисколько не смутилъ карабинеровъ. Только вмѣсто одного параграфа законовъ понадобились другіе, — и все пошло гладко и быстро.

Тѣло Пасквале сначала доставили въ пріемный покой, гдѣ муниципальный врачъ удостовѣрилъ смерть отъ апоплексіи, а затѣмъ перевезли въ собственный домикъ покойнаго, гдѣ оно должно было ожидать христіанскаго погребенія. Все это привлекло немало ничѣмъ не занятаго народа, который галдѣлъ, ругался, призывалъ святыхъ и испускалъ горестные вздохи. Всѣмъ хотѣлось знать мельчайшія подробности событія и въ пылу разговоровъ добродѣтели Пасквале такъ же выросли, какъ и его пороки. Въ данную минуту, во всякомъ случаѣ, онъ оказывался самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ изъ всей общины.

Среди всей этой суеты никто не обращалъ вниманія на уродливую собаченку съ подшибленной ногой, тѣмъ болѣе что она старалась держаться въ сторонѣ, хотя и не упускала изъ виду мертваго хозяина. Домикъ съ облупленной штукатуркой переполнился посѣтителями, наперерывъ утѣшавшими тупоумную работницу, которая потеряла, повидимому, даже и свой скудный остатокъ разсудка. Посѣтители ходили поперекопаннымъ грядкамъ, приготовленнымъ подъ весеннюю посадку, рвали съ деревьевъ уцѣлѣвшіе лимоны, оцѣнивали стоимость двухъ молочныхъ козъ. Кошка, фыркая, забралась въ водосточную трубу, а оставшійся безъ обычной порціи корма сѣрый выставилъ голову сквозь отверстіе въ стѣнѣ хлѣва и оглушительно ревѣлъ.

Пришелъ патеръ въ сопровожденіи синьора Руффо, прочелъ нѣсколько коротенькихъ молитвъ и справился, кто изъ наслѣдниковъ будетъ распоряжаться похоронами. Но тутъ выяснилось, что послѣ Пасквале совсѣмъ не осталось прямыхъ наслѣдниковъ, и синьоръ Руффо обѣщалъ освѣдомиться у нотаріуса относительно завѣщанія. Кромѣ того синьоръ Руффо заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ возьметъ на себя какъ распоряженіе похоронами, такъ и всѣ хлопоты по приведенію въ порядокъ наслѣдства. Онъ надѣется, что необходимые расходы будутъ ему современемъ возмѣщены, причемъ онъ согласенъ даже отказаться отъ процентовъ на затраченный капиталъ. Никто не спорилъ. Съ синьоромъ Руффо вообще трудно было спорить, а патеръ

назвалъ даже его предложеніе вполнѣ достойнымъ самаго усерднаго прихожанина.

Къ вечеру, когда Пасквале уже давно остылъ и закоченѣлъ, его смерть потеряла интересъ новизны и посѣтители разбрелись, за исключеніемъ двухъ старыхъ сосѣдокъ, которыя рѣшили провести ночь въ домѣ покойника. Онѣ очень комфортабельно устроились на широкой парадной кровати хозяина, которою онъ никогда не пользовался при жизни. Работница, освободившись отъ шума и суеты, вышла изъ состоянія безразличнаго столбняка, дала волю слезамъ и, тревожно поглядывая на молчаливое тѣло, которое казалось ей очень величественнымъ и грознымъ, снимала нагаръ со свѣчей. Сѣрый усталъ кричать и жевалъ клокъ прошлогодней соломы, который подбросилъ ему какой-то сердобольный человѣкъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, Неро выбрался изъ-подъ кучи хвороста, куда онъ забрался въ разгаръ суматохи, и, держа на вѣсу больную лапу, медленно и осторожно заковылялъ по направленію къ хозяйскому домику. У песчаной площадки его испугалъ какой-то шорохъ, доносившійся изъ водосточной трубы. Неспособный къ быстрому бѣгству, Неро прижался животомъ къ землѣ, готовый принять на себя самые жестокіе побои, но, вглядѣвшись въ темноту, разсмотрѣлъ кошку, которая была испугана не меньше его самого. Они приблизились другъ къ другу и кошка даже потерлась головой о шаршавый бокъ собаки, а Неро, огорченный и страдающій отъ боли въ лапѣ, лизнулъ кошку сухимъ горячимъ языкомъ. Они оба одинаково не могли понять, что именно такое происходитъ, и, чувствуя себя покинутыми и несправедливо обиженными, рѣшили терпѣливо выжидать дальнѣйшихъ событій.

Кошка была старше и предпріимчивѣе, она лучше умѣла прятаться и лучше угадывала опасность. Поэтому Неро предоставилъ ей иниціативу, и, когда кошка рѣшила пробраться въ домъ, Неро заковылялъ по ея слѣдамъ. Они пролѣзли въ щель подъ кладовой, а изъ кладовой попали, въ кухню, гдѣ тускло горѣли свѣчи, неподвижно лежалъ Пасквале и плакала работница. Изъ сосѣдней комнаты слышался дружный храпъ сосѣдокъ на широкомъ ложѣ, которое предназначалось когда-то для счастливой брачной ночи. Все это было ново, страшно и совсѣмъ не утѣшительно.

Неро улегся на свое старое тряпье. Кошка прыгнула на теплую плиту. Это была послѣдняя сравнительно спокойная ночь. Затѣмъ дѣла пошли все хуже и хуже.

Работница кое-какъ кормила козъ и сѣраго. О свиньѣ не приходилось заботиться, такъ какъ она была продана

еще поздней осенью. Кошка ухитрилась какимъ-то образомъ остаться въ домѣ на день, когда домъ опять наполнился чужими людьми, и ей тоже кое-что перепало отъ обѣда, который готовили себѣ старухи, но о собакѣ ровно никто не хотѣлъ позаботиться. Неро ждалъ, что хозяинъ встанетъ и тогда опять все пойдетъ по прежнему, но терпѣніе его истощалось, а голодъ сдѣлался такимъ мучительнымъ, что Неро не вытерпѣлъ и стащилъ изъ кладовой кусокъ овечьяго сыру. За это его чуть не ошпарили кипяткомъ.

Потомъ чужіе люди заколотили Пасквале въ ящикъ и понесли его куда-то далеко. Неро ковылялъ за процессіей, не теряя ее изъ виду, но и не приближаясь настолько, чтобы его можно было достать брошеннымъ камнемъ.

Пришли на Кампо-Санто.

Выглядывая изъ-за памятника какого-то епископа, Неро видѣлъ, какъ гробъ съ тѣломъ Пасквале, землевладѣльца, задвинули въ каменную ячейку общественнаго склепа, заложили отверстіе кирпичомъ и залили цементомъ. Люди, которые продѣлали все это, повидимому, находили свой поступокъ вполнѣ естественнымъ, потому что разошлись потомъ въ разныя стороны со вполнѣ спокойнымъ и даже удовлетвореннымъ видомъ, но Неро окончательно отказался понимать что бы то ни было. И онъ не вѣрилъ, чтобы большому, толстому Пасквале было удобнѣе въ этой темной каменной щели, чѣмъ въ просторномъ домикѣ, среди воздѣланныхъ грядокъ. Въ концѣ концовъ, можетъ быть, это ему все-таки надоѣстъ—и онъ вернется.

Когда на Кампо-Санто не осталось ни одной души, Неро усѣлся у только что задѣланнаго отверстія склепа и рѣшилъ ждать. Изъ сосѣднихъ склеповъ прескверно пахло, день былъ сырой и очень холодный, отъ украденнаго сыра давно уже осталось одно только смутное воспоминаніе. И все-таки Неро ждалъ. Онъ попробовалъ даже разрыть склепъ, но отъ всѣхъ его усилій на поверхности цемента остались только ничтожныя царапины.

Такъ прошелъ весь день, наступила ночь, еще болѣе холодная. Неро чутко прислушивался, но не могъ уловить за каменной стѣнкой ни вздоховъ, ни хорошо знакомаго покашливанья. И онъ совсѣмъ не ощущалъ также запаха хозяина,—можетъ быть, потому, что его заглушала скверная кладбищенская вонь. Неро вылъ, жалобно лаялъ и время отъ времени опять принимался царапать твердѣющій цементъ.

Когда разсвѣло, Неро медленно побрелъ прочь съ Кампо-Санто, не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Онъ совсѣмъ обезсилѣлъ и продрогъ до костей. Долго лежалъ въ какой-то

канавѣ, потомъ опять бродилъ безъ цѣли и смысла, раза два возвращался къ кладбищу. И почти не замѣчалъ, какъ день смѣнялся ночью, а потомъ опять наступало утро, холодное и туманное. Наконецъ, онъ пришелъ къ домику Пасквале и встрѣтился тамъ съ синьоромъ Руффо.

У нотаріуса, дѣйствительно, нашлось завѣщаніе Пасквале, написанное еще лѣтъ десять тому назадъ. По этому завѣщанію, составленному въ самой законной формѣ, все имущество покойнаго переходило къ дѣтямъ той самой женщины, которая когда-то въ самый день свадьбы убѣжала въ Америку.

— Онъ ничего не могъ придумать глупѣе!—пожалъ плечами Руффо.—Это почти похоже на кощунство, но все-таки законно засвидѣтельствованная воля должна быть для насъ священна.

И, такъ какъ дѣтей нужно еще было разыскать гдѣ-то тамъ, за океаномъ, а хозяйство нельзя надолго оставить безъ надзора, синьоръ Руффо былъ утвержденъ опекуномъ. Онъ разсчиталъ тупоумную работницу, а въ домикѣ поселилъ одного изъ своихъ племянниковъ.

— Это что такое?—сказалъ опекунъ, когда увидѣлъ возвратившагося Неро, который сидѣлъ, больной и слабый, на песчаной площадкѣ и старался немножко согрѣться въ блѣдныхъ лучахъ зимняго солнца.—Откуда взялась опять эта гадина?

И онъ размахнулся своимъ костылемъ такъ свирѣпо, что вмѣсто собаки только промелькнула на площадкѣ какая-то смутная тѣнь.

Неро побѣжалъ, насколько хватало силъ, и задержался на нѣсколько мгновеній лишь у воротъ огорода, потому что встрѣтилъ тамъ кошку. У нея былъ сытый и спокойный видъ, а въ зубахъ она несла только что пойманную полевую мышь. Кошка брезгливо посмотрѣла на своего прежняго пріятеля, тощаго и грязнаго, и величественно прошла мимо, поднявъ хвостъ трубой.

Да, тутъ все было кончено. Неро встряхнулся, какъ будто его укусила муха, и неторопливой рысцой побѣжалъ по дорогѣ.

Николай Олигеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

Въ *Донъ-Жуанѣ* Байронъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, часто вспоминающееся мнѣ теперь:

Of all the horrid, hideous notes of woe,
Sadder than owl-songs or the midnight blast,
Is that partentous phrose „J told you so"!

(Изъ всѣхъ ужасныхъ и отвратительныхъ воплей о гибели, еще болѣе печальной, чѣмъ крикъ совъ или полуночный вѣтеръ, является зловѣщая фраза: „Я говорилъ вамъ такъ"!). Эту зловѣщую фразу чаще всего любятъ повторять въ годину общественной опасности самоувѣренные люди, такъ часто провозглашавшіе себя пророками, что въ нихъ, наконецъ, увѣровали. Такими пророками являются, между прочимъ, здѣсь газетные военные обозрѣватели, а, въ частности, полковникъ Репингтонъ изъ Times'а. Онъ такъ долго считалъ себя абсолютнымъ авторитетомъ, что въ него, наконецъ, увѣровалъ весь міръ. Его мнѣнія передаются по телеграфу во всѣ концы земли.

Никто, кромѣ полковника Репингтона, не умѣетъ говорить такъ внушительно: „Вѣдь я вамъ все это предсказывалъ!" Между строками военныхъ обозрѣній полковника Репингтона звучитъ: „Не хотѣли вы меня слушать, ну, вотъ и наглупили на весь міръ! Выпутывайтесь!" Никто, кромѣ полковника Репингтона, не умѣетъ такъ оглушить „гражданскаго" читателя цитатами изъ Клаузевица вродѣ: „Главная задача вождя — это искать непріятеля и разбить его". „Атака, направленная на то, чтобы уничтожить непріятеля, но не имѣющая смѣлости разить, подобно стрѣлѣ, самое сердце главной силы врага, никогда не достигаетъ цѣли". Если 2×2=4 облечь въ неуклюжую, трудно постигаемую, форму, то получится очень глубокая мысль. О писателяхъ не *самодумахъ* всѣ очень плохого мнѣнія. Такіе писатели „вѣчно настороже, высматривая современныя слабыя стороны публики, чтобы эксплуа-

тировать ихъ... Они не даютъ публикѣ никакого толчка отъ себя, но получаютъ его отъ нея. Они надѣваютъ ливрею идеи, имѣющей ходъ въ данный моментъ; они—ея лакеи, ея канцелярскіе служители; они съ низкими поклонами ухаживаютъ за нею и требуютъ за это себѣ на водку". Но, конечно, этотъ рѣзкій отзывъ, не примѣнимъ въ томъ случаѣ, если „толчокъ" получается отъ „самого" Клаузевица! Въ Англіи теперь одно только лицо говоритъ съ такимъ же стѣнорушительнымъ авторитетомъ, какъ полковникъ Репингтонъ: великій спеціалистъ по русскимъ дѣламъ, „рабабожникъ", какъ онъ себя назвалъ, Стивенъ Граамъ. Только этотъ цитируетъ, какъ кладезь премудрости, не Клаузевица, а г. Розанова и почтенныхъ единомышленниковъ его. Нехорошо только то, что пророкъ забываетъ собственное пророчество. Предсказанія полковника Репингтона оправдываются „наоборотъ": онъ доказывалъ, что Намюръ продержится три мѣсяца, а Антверпенъ—цѣлый годъ. Предо мною вырѣзка изъ Times'а отъ 29 августа 1914 года. Это—военное обозрѣніе полковника Репингтона, доказывающаго, что черезъ два мѣсяца русскіе должны быть въ Берлинѣ.

„Où sont les neiges d'antan?"

Это не мѣшаетъ полковнику Репингтону теперь, когда выяснились ошибки въ Галлиполи и въ другихъ мѣстахъ, обличать кабинетъ и повторять: „Вѣдь *я* же вамъ предсказывалъ!"

Вообще теперь жалобы на правительство и протесты противъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ, раздаются въ Англіи со всѣхъ сторонъ. Одно время друзья и единомышленники полковника Репингтона думали даже, что наступилъ моментъ, когда можно использовать недовольство для осуществленія радикальныхъ перемѣнъ „по Клаузевицу", чуждыхъ совершенно характеру британскаго народа. За границей, гдѣ вообще плохо понимаютъ характеръ англійскаго народа и не постигаютъ размѣровъ свободы, критики, которою пользуется англійская печать даже во время войны,—склонны учитывать эти жалобы и протесты „по номинальной стоимости" ихъ. Это ошибочно. Разсмотримъ внимательно всѣ жалобы и протесты. „Правительство безтолково,—читаемъ мы изо дня въ день въ газетахъ лорда Нортклифа.—Оно состоитъ изъ „ораторовъ", вахляевъ (duffers), пентюховъ, „адвокатовъ", способныхъ только говорить, когда надо дѣйствовать"! Должно быть, ужасно соблазнительно обвинять другихъ въ отсутствіи энергіи и кричать имъ: „Вѣдь *я* же вамъ тысячу разъ уже говорилъ, милостивые государи, что не слова нужны теперь, а стремительность, смѣлость, порывъ!" „Война доводитъ британскую цивилизацію до гибели",—раздаются совершенно другіе голоса. „Вслѣдствіе неумѣнія правительства организовать, какъ слѣдуетъ, война стоитъ очень дорого, а цѣны на всѣ предметы ужасно поднялись",—жалуются рядовые обыватели.

„Старая цивилизація, которую съ такимъ трудомъ создавалъ цѣлый рядъ поколѣній, почти разрушена. Гдѣ теперь гарантіи той свободы личности, которою мы такъ гордились? Свободѣ слова, свободѣ печати и, можно сказать, даже свободѣ мысли нанесенъ ударъ. Теперь слѣдственный судья (magistrate), безъ присяжныхъ, разсматриваетъ при закрытыхъ дверяхъ самыя серьезныя дѣла и налагаетъ наказанія. Мы даже не знаемъ, каковъ былъ характеръ преступленія... Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мы сдѣлали энергичныя усилія, чтобы улучшить положеніе массъ и поднять уровень ихъ существованія. Намъ удалось избавить женщинъ отъ работъ въ шахтахъ и отъ другихъ тяжелыхъ работъ; мы ограничили законодательнымъ путемъ число рабочихъ часовъ и улучшили систему образованія. Теперь всюду работаютъ женщины; расходы на школы сокращены; дѣтей снова посылаютъ на работу. Свобода рабочихъ и добытыя ими права ограничены".

Такъ говоритъ не кто-нибудь, а престарѣлый, восьмидесятилѣтній лордъ Кортней. Онъ былъ когда-то профессоромъ политической экономіи, а потомъ нѣсколько разъ—министромъ. Лордъ Кортней—глубокій изслѣдователь англійской конституціи, и имъ написанъ капитальный трудъ „The working Constitution of the United Kingdom and its outgrowths". Политическіе взгляды лорда Кортнея очень умѣренны; но онъ умѣетъ смѣло отстаивать ихъ и не страшится „плыть противъ теченія". Во время южно-африканской войны, напр., лордъ Кортней, тогда сэръ Леонардъ Кортней, былъ въ числѣ немногихъ считавшихъ, что право не на сторонѣ Англіи.

„Англія раззоряется!" — слышимъ мы со всѣхъ сторонъ. Для веденія войны потребовались суммы, выраженныя въ такихъ колоссальныхъ цифрахъ, что онѣ уже не дѣйствуютъ даже на воображеніе. Происходитъ нѣчто подобное, какъ при опытахъ Тесла съ элекрическимъ токомъ чрезвычайно большого напряженія. Въ серединѣ ноября, напримѣръ, Аскитъ просилъ парламентъ ассигновать еще 400.000.000 ф. ст. на веденіе войны до февраля. Отъ 1 апрѣля 1915 года до 6 ноября того же года Англія израсходовала на веденіе войны 743. 000.000. ф. ст., а именно на армію и флотъ 517 милліоновъ, на уплату англійскому банку 104, въ видѣ займовъ союзникамъ 88 и на провіантъ 23,5 мил. ф. ст. Въ текущемъ финансовомъ году парламентъ ассигновалъ уже вообще 1.300.000.000 ф. ст. Двадцать одинъ милліардъ рублей такая колоссальная сумма, что уже не дѣйствуетъ на воображеніе. Докладчикъ, однако, призывалъ коммонеровъ „радоваться": предполагалось, что война обойдется Англіи въ пять милліоновъ ф. ст. *въ день*, тогда какъ въ дѣйствительности удалось расходовать „только 4,3 милліона въ день". Въ послѣднюю недѣлю удалось вести войну совсѣмъ „задаромъ": израсходовано „только" 21.342.000 ф. ст., что составляетъ немногимъ больше чѣмъ три милліона ф. ст. въ день. Борьба федералистовъ съ кон-

федератами, продолжавшаяся $4^1/_2$ года, считалась до сихъ поръ самою дорогою войною. Она обошлась въ 1.600.000.000 ф. ст. Война съ Германіей, продолжающаяся 15 мѣсяцевъ, уже обошлась Англіи дороже, чѣмъ многолѣтняя борьба Сѣвера съ Югомъ. Наполеоновскія войны, въ сравненіи съ нынѣшней, велись совсѣмъ „даромъ": онѣ обошлись Англіи въ 850.000.000 ф. ст. Сѣвероамериканскій генералъ Фрэнсисъ Винтонъ Гринъ, составившій докладъ о нынѣшней войнѣ, находитъ, что въ финансовомъ отношеніи она совсѣмъ не такое пугало. „Война тянется уже долго и конецъ ея такъ же отдаленъ, какъ и годъ тому назадъ,—пишетъ генералъ Гринъ.—Цифры, выражающія національный долгъ воюющихъ сторонъ, поражаютъ воображеніе. Заемъ воюющихъ державъ достигаетъ уже 20.000.000.000 долларовъ, а, между тѣмъ, занимать придется еще. Но если мы сопоставимъ съ этими цифрами другія цифры, опредѣляющія населеніе воюющихъ государствъ и богатства его, то убѣдимся, что прецеденты уже были. Per capita (на голову) національный долгъ Англіи и Франціи не превышаетъ такового послѣ наполеоновскихъ войнъ. Затѣмъ исчисленіе per capita не является самымъ важнымъ показателемъ, такъ какъ за послѣднія сто лѣтъ національныя богатства увеличились въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ населеніе. Такимъ образомъ накопленный государственный долгъ давитъ теперь относительно меньше, чѣмъ давилъ европейцевъ сто лѣтъ тому назадъ или гражданъ Соединенныхъ Штатовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ послѣ гражданской войны. Вполнѣ въ предѣлахъ возможности — продолжаетъ генералъ Гринъ—что война эта будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда одна или нѣсколько воюющихъ націй совершенно обанкротятся. Но покуда всѣ онѣ или почти всѣ имѣютъ нетронутые источники неисчерпаемаго кредита. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нигдѣ военныя операціи не были ограничены вслѣдствіе соображеній финансоваго характера. Вопросы финансовъ не сдѣлали никакого измѣненія въ военномъ искусствѣ. Напротивъ даже: громадный кредитъ далъ возможность выполнять безпримѣрныя по грандіозности военныя операціи".

. . . .
. . . .

II.

Послѣ этой страшной таблицы, свидѣтельствующей о размѣрахъ „листопада" на фронтѣ, какое значеніе имѣютъ цифры, говорящія о вздорожаніи продуктовъ? А между тѣмъ, такъ какъ эти цифры понятнѣе массамъ, то онѣ больше говорятъ воображенію ихъ.

Только что вышла здѣсь очень интересная книга „Labour in War Time", авторъ которой, G. Cole, извѣстенъ уже нѣсколькими изслѣдованіями по рабочему вопросу. Книга его „The World of Labour", напр., пользуется широкой и вполнѣ заслуженной извѣст-

ностью. Въ своей послѣдней книгѣ Коль даетъ таблицу, составленную имъ на основаніи отчетовъ, помѣщенныхъ въ оффиціальномъ изданіи министерства промышленности,—въ Labour Gazette. Эта таблица показываетъ, какъ возросли въ Англіи цѣны на предметы первой необходимости со времени начала войны. Коль даетъ, какъ видитъ читатель, данныя только до перваго іюля 1915 года. Цѣны до войны приняты за 100[1]).

	Іюль 1914.	8 августа.	29 августа.	12 сентября.	1 октября.	31 октября.	1 декабря.	1 января. 1915.	1 февраля.	1 марта.	1 апрѣля.	1 мая.	1 іюня.
Въ большихъ городахъ	100	116	111	111	113	113	117	119	123	125	125	127	132
Въ меньш. городахъ и деревняхъ	100	115	109	111	112	115	117	120	122	122	122	124	129

Таблица эта показываетъ, что черезъ годъ послѣ начала войны предметы первой необходимости вздорожали въ большихъ англійскихъ городахъ на 32%, а въ деревняхъ и въ меньшихъ городахъ—на 29%. До войны сахаръ былъ очень дешевымъ продуктомъ: онъ стоилъ 1$^1/_3$ пенса за фунтъ и составлялъ одинъ изъ главныхъ элементовъ питанія. Теперь сахарный песокъ стоитъ 4 пенса за фунтъ, а пиленый—6 пенсовъ за ф. Англичане—народъ, питающійся по треимуществу мясомъ. Теперь этотъ продуктъ вздорожалъ отъ 1,69 до 3,13 пенса на фунтъ. Поднялись, въ особенности, дешевые сорта мяса, привозимые въ мороженомъ видѣ изъ-за океана, т. е. тотъ продуктъ, которымъ по преимуществу питались массы. Такъ, напр., австралійская мороженая баранина стоитъ теперь на 2,28 пенса на фунтъ дороже, чѣмъ до войны, а новозеландская—на три пенса, между тѣмъ, какъ лучшая англійская говядина (продуктъ, доступный богатымъ классамъ) поднялась только на 1,69 пенса на фунтъ.

Вотъ еще продуктъ первой необходимости, потребленіе котораго сильно распространено въ Англіи. Я говорю о чаѣ. Годъ тому назадъ цѣны были отъ 1 ш. 9 пенсовъ до 2 ш. 6 п. за фунтъ, а теперь отъ 2 ш. 3 п. до 2 ш. 10 п. за фунтъ. Другими словами, стоимость продукта возросла на 4-6 пенсовъ за фунтъ. На-дняхъ я нашелъ въ Times'ѣ табличку, составленную женой клерка. Она дѣлаетъ подробныя выписки изъ своей приходо-расходной книги и показываетъ, что въ то время, какъ годъ тому назадъ расходъ на ѣду, стирку бѣлья и на газъ для кухни составлялъ 2 ф. 14 ш. 8$^1/_2$ п. въ недѣлю, теперь онъ составляетъ 3 ф. 10 ш. 7 п., т. е. повысился на 15 ш. 10$^1/_2$ пенсовъ. Еженедѣльно семья клерка даетъ (въ видѣ косвенныхъ налоговъ, введенныхъ послѣ объявленія войны) на продолженіе борьбы съ Германіей 3 ш. 9 пенсовъ.

[1]) G. D. N. Cole, „Labour in War Time"; London, 1915, стр. 119

„Times“ тоже указываетъ на повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости, но приходитъ къ заключенію, что благосостояніе массъ со времени объявленія войны возросло. По мнѣнію газеты, высокія цѣны могутъ быть сбиты потребителями же при помощи... экономіи. „Прямымъ результатомъ войны является постепенное повышеніе цѣнъ,—говоритъ „Times“.—Прогрессивное наростаніе достигаетъ приблизительно 2% въ мѣсяцъ. Въ самомъ началѣ войны наблюдалась паника, продолжавшаяся только нѣсколько дней. Тогда цѣны стремительно поднялись; но затѣмъ наступило успокоеніе и цѣны снова понизились, хотя не до того уровня, какъ онѣ были до войны. Потомъ цѣны начали постепенно повышаться и въ началѣ августа 1915 года были на 35% выше, чѣмъ до войны. Въ мая мѣсяцѣ цѣны на мясо стремительно поднялись, но затѣмъ снова упали“. Газета справедливо указываетъ, что отмѣченное явленіе, т. е. наростаніе цѣнъ, наблюдается всюду, „кромѣ развѣ тѣхъ странъ, которыя раньше вывозили продукты и не могутъ дѣлать этого теперь по случаю войны“ [1]). Въ особенности повысились цѣны въ тѣхъ странахъ, которыя раньше получали извнѣ многіе предметы первой необходимости.

Въ Берлинѣ, напр., въ іюлѣ 1915 г. предметы первой необходимости стоили на 68,6% больше, чѣмъ въ 1914 г., а въ цѣнѣ даже на 78,6%. По мнѣнію Times'а, у англичанъ поэтому, нѣтъ основанія жаловаться, въ особенности, если они примутъ во вниманіе, что цѣны поднялись даже въ Даніи, типической странѣ, производящей пищевые продукты (typically foodproducing country,—какъ замѣчаетъ газета). Не надо думать,—говоритъ „Times“—что повышеніе цѣнъ обусловливается только войною.

Въ 1873-77 годахъ, когда всюду въ Европѣ былъ миръ и „когда населеніе благоденствовало“, тоже наблюдалось всеобщее вздорожаніе предметовъ первой необходимости. Торговлѣ тогда ничто не угрожало. Высокія цѣны обусловливались не ограниченнымъ привозомъ, а чрезвычайно увеличившимся спросомъ. Послѣдствіемъ франко-прусской войны тогда явилось необыкновенное оживленіе въ торговлѣ и промышленности. Заработная плата—объясняетъ газета—стояла высоко и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, потребленіе тоже было велико. Нѣчто аналогичное, по объясненію экономистовъ Times'а, происходитъ и теперь, но при совершенно другихъ, крайне искусственныхъ условіяхъ. Спросъ на матеріалы всякаго рода, необходимые для веденія войны, и щедрое расходованіе денегъ чрезвычайно оживили промышленность. Съ одной стороны, число рабочихъ уменьшилось, такъ какъ многіе изъ нихъ пошли на войну; съ другой—спросъ на руки чрезвычайно повысился. Такимъ образомъ, заработная плата крайне увеличилась, а число безра-

---

[1]) Россія, какъ извѣстно, составляетъ исключеніе. Хотя она не вывозитъ продуктовъ, но цѣны на нихъ тѣмъ не менѣе поднялись.

ботныхъ до такой степени упало, что Комитетъ помощи безработнымъ (Central Unemployed Body) почти прекратилъ свою дѣятельность. Въ рукахъ рабочихъ находятся теперь „колоссальныя суммы", которыя, по увѣренію экономистовъ Times'а, расходуются „безъ всякаго стѣсненія" на ѣду и на питье. За первую половину 1915 года акцизъ принесъ казнѣ на 11 милліоновъ ф. ст. больше, чѣмъ въ прошломъ году. Пьянство до такой степени увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ началась война, что потребовалось даже спеціальное законодательство для сокращенія его. У насъ нѣтъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что расходы массъ на ѣду тоже увеличились; но „опытъ" учитъ экономистовъ Times'а, что, когда люди больше пьютъ, они также больше ѣдятъ. „Мы говоримъ, конечно, объ общемъ явленіи, а не объ индивидуумахъ",— оговаривается газета. Нѣкоторые вынуждены теперь необходимостью экономничать (экономисты Times'а, очевидно, имѣютъ въ виду представителей среднихъ классовъ, „подавленныхъ тяжестью подоходнаго налога"). За то гораздо больше теперь людей, расходующихъ неизмѣримо больше, чѣмъ раньше, такъ какъ больше имѣютъ. Вслѣдствіе большаго спроса поднимаются цѣны на предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, чтобы цѣны понизились, надо понизить спросъ, т. е., другими словами, массы не должны такъ „роскошествовать", какъ это дѣлаютъ онѣ теперь, по увѣренію экономистовъ Times'а. „Еслибы каждый экономничалъ и отказывался платить за продукты чрезмѣрныя цѣны, то онѣ быстро бы вошли въ норму".

Предшественники этихъ экономистовъ въ XVIII вѣкѣ „ужасались" количествомъ излишествъ, потребляемыхъ англійскими рабочими: „Сахаръ, чай, джинъ, привозные плоды, крѣпкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табакъ!"—восклицалъ авторъ „Essay on Trade and Commerce". Онъ предлагалъ даже рецептъ какъ дешево кормить рабочихъ, придуманный другимъ экономистомъ XVIII вѣка, Бенджамэномъ Томсономъ: „Пять фунтовъ ячменя, пять фунтовъ масла, на три пенса селедокъ, на пенсъ соли, на пенсъ уксусу, на 2 пенса перцу и зелени,—всего на сумму $20^3/_4$ пенса; изъ этого готовятъ супъ на 64 человѣка. При средней цѣнѣ хлѣба, издержки на содержаніе одного человѣка можно сократить даже до одного фартинга", т. е. до одной копейки въ день. Тогда не было недостатка въ писателяхъ, указывавшихъ на степень дѣйствительнаго „роскошествованія" массъ. То же самое мы видимъ и теперь. „Люди, толкующіе теперь про чрезвычайное благоденствіе рабочаго класса, крайне близоруки, — говоритъ рабочая газета.—Идите по любому направленію въ нашихъ большихъ городахъ, и всюду вы въ изобиліи встрѣтите признаки бѣдности и нужды. Ничто болѣе краснорѣчиво не свидѣтельствуетъ объ этомъ, какъ недостатокъ въ тепломъ платьѣ и въ башмакахъ у дѣтей. Холодные, сырые дни, наступившіе теперь, принесли съ

собою дѣтямъ рабочихъ безчисленныя болѣзни. Съ наступленіемъ зимы страданія, къ сожалѣнію, увеличатся, такъ какъ цѣны на хлѣбъ, мясо, молоко и маргаринъ все поднимаются. Уголь же повысился въ цѣнѣ на 40%; и все говоритъ, что онъ еще вздорожаетъ, не смотря на обѣщанія, данныя правительствомъ. Домовладѣльцы зашевелились. Нѣкоторые изъ нихъ уже увѣдомили рабочихъ, что, вслѣдствіе повышенія подоходнаго налога, квартирная плата будетъ увеличена. Это доказываетъ еще разъ, что очень трудно придумать такой налогъ, который не падалъ бы, въ концѣ концовъ, на массы " [1]).

Когда средній обыватель жалуется на дороговизну, его утѣшаютъ тѣмъ, что „непріятелю гораздо хуже". Корреспондентъ „Morning Post", напримѣръ, доставилъ газетѣ цѣны на пищевые продукты, установленныя правительствомъ въ Австріи и въ Венгріи 12 октября 1915 г. Изъ этого документа видно, что стоимость предметовъ первой необходимости тамъ за время войны, по крайней мѣрѣ, *утроилась*. Такъ какъ въ офиціальныхъ документахъ подобнаго рода краски смягчаются обыкновенно, то вполнѣ возможно, что цѣны на нѣкоторые предметы первой необходимости теперь въ Австро-Венгріи вчетверо выше, чѣмъ до войны. Изъ офиціальнаго документа видно, что говядина вздорожала на 300% и стоитъ теперь, на англійскія деньги, пять шиллинговъ за фунтъ. Телятина, вмѣсто 10 пенсовъ за фунтъ, какъ до войны, стоитъ теперь 4 шил. 2 пенса. Копченое сало стоило 1 ш. 1½ пенса за фунтъ, а теперь—семь шиллинговъ. Яйца стоятъ вдвое дороже, куры—вчетверо дороже, гуси—впятеро (за гуся просятъ теперь 2 ф. ст. 10 шил., т. е. 40 руб. по курсу). Цѣны на масло не приведены даже. Свиной жиръ и говяжій повысились въ пять разъ больше въ цѣнѣ. По мнѣнію корреспондента, опубликованіе этихъ цѣнъ имѣетъ цѣлью подготовить населеніе къ миру на какихъ бы то ни было условіяхъ. „Westminster Gazette" приводитъ табличку, показывающую цѣны на предметы первой необходимости въ Берлинѣ. Возьму оттуда нѣсколько цифръ.

	Цѣны въ іюнѣ 1914 г.	Въ сентябрѣ 1915 г.
Колбаса за фунтъ	1 марка 10 пф.	2 мар. 40 пф.
Жирная ветчина (фунтъ)	— „ 80 „	2 „ 20 „
Свѣжее масло	— „ 36 „	2 „ 46 „
Свѣжія яйца (за каждое)	— „ 12 „	— „ 20—22 пф.
Яйца вообще за штуку	— „ 70 „	— „ 15 „
Картофель (5 кило)	— „ 30 „	— „ 15 „
Бобы (фунтъ)	— „ 24 „	— „ 70 „
Рисъ	— „ 22 „	— „ 60 „
Сырая ветчина	1 „ 60 „	3 „ — „
Свиной жиръ	— „ 70 „	2 „ — „
Сахаръ	— „ 22 „	— „ 26 „
Ржаной хлѣбъ (кило)	— „ 27 „	— „ 41 „

[1]) „The Herold", October 9, 1915.

Въ послѣдней книжкѣ Quarterly Review помѣщена очень интересная статья профессора Эшли (Ashley) о снабженіи Германіи пищей. Авторъ выясняетъ, что германское правительство въ заботѣ о снабженіи страны пищей отнюдь не проявило особой дальновидности или исключительной способности быстро встрѣчать новыя условія остроумной мѣрой.

Профессоръ Эшли, напротивъ, приводитъ примѣры „необузданнаго экономическаго эгоизма“ и отмѣчаетъ, что правительственныя мѣры всегда встрѣчались всякаго рода уловками да хитростями, имѣющими цѣлью обойти законъ. „До войны,—говоритъ проф. Эшли,—признаюсь, я вѣрилъ въ плодотворную дѣятельность германской бюрократіи и въ то, что она способна выработать практическія мѣры. Теперь есть даже критики-нѣмцы, доказывающіе, что ихъ правительство не вело, а шло впередъ, подталкиваемое силой обстоятельствъ; что оно *никогда* не встрѣчало новыхъ условій своею тщательно продуманной заранѣе мѣрой, а напротивъ, тащилось всегда позади. Оно придумываетъ только полумѣры, да и то съ сильнымъ запозданіемъ. Критики-нѣмцы утверждаютъ, что германская бюрократія не только проявила очень слабое знаніе человѣческой природы, но вообще была даже слабо освѣдомлена. И со всею этою критикою—прибавляетъ проф. Эшли—иностранный наблюдатель не можетъ не согласиться“.

Все это является плохимъ утѣшеніемъ для населенія, жалующагося на высокія цѣли.

III.

Совѣты экономничать раздаются со всѣхъ сторонъ. „Изъ десяти тысячъ человѣкъ развѣ одинъ имѣетъ точное представленіе о громадномъ финансовомъ бремени, взваленномъ на Великобританію этой войной,—говоритъ Daily Chronicle.—Абсолютно необходимой является самая строгая экономія въ государственномъ, муниципальномъ и частномъ хозяйствахъ. Каждый изъ насъ долженъ расходовать возможно меньше. Потребленіе необходимо сократить. Затѣмъ одною изъ главныхъ заботъ государства должно стать возможное увеличеніе производительности націи. Нельзя отозвать въ армію ни одного человѣка, занятаго производительной работой. ...Конскрипція тѣмъ и страшна, что наноситъ ударъ промышленности, создающей цѣнности“.

Нѣтъ недостатка въ доморощенныхъ экономистахъ, знающихъ „вѣрное“ средство, какъ вводить экономію или какъ найти неистощимый источникъ государственнаго дохода. Приведу только два примѣра. Коммонеръ капитанъ Бэтхёрстъ внесъ въ парламентъ билль, предлагающій конфисковать всѣ привозимые предметы роскоши. Но это еще не все. Капитанъ Бэтхёрстъ рекомендуетъ облагать штрафомъ въ сто фунтовъ каждую даму, носящую

цѣнные мѣха, шелкъ, атласъ или бриллiанты. Такому же штрафу подлежатъ всѣ лица, имѣющiя обѣдъ больше, чѣмъ изъ трехъ блюдъ. Согласно биллю, каждый обыватель, съѣдающiй въ день болѣе $^3/_4$ ф. мяса, и каждый мясникъ, отпускающiй обывателю больше указаннаго количества, свершаютъ уголовное преступленiе. Преступленiемъ, наказуемымъ „со всею строгостью военнаго времени", является также выбрасыванiе недоѣденной пищи: мяса, хлѣба, овощей и т. д. Доблестный капитанъ, къ сожалѣнiю, ничего не говоритъ о „надзирателяхъ", которые должны будутъ ежедневно обходить обывательскiе дома, чтобы выяснить, сколько блюдъ готовится тамъ и изъ какой провизiи.

А вотъ еще болѣе смѣлый проектъ, имѣющiй цѣлью сразу обогатить казну. Напечатанъ онъ не въ какомъ-нибудь пенсовомъ изданiи для кретиновъ, въ родѣ „Answers" или „Tit-Bits", а въ ежемѣсячномъ журналѣ English Review, который до войны считался самымъ „смѣлымъ" изданiемъ въ Англiи. Проектъ называется: „Почему не обложить налогомъ титулы?" Составленъ онъ Раймондомъ Рэдклифомъ. Всѣ, имѣющiе титулъ, облагаются на пять лѣтъ тяжелымъ налогомъ. „Я предлагаю также богатымъ лицамъ, желающимъ проявить свой патрiотизмъ, вносить такой налогъ и временно пользоваться титуломъ",—говоритъ Раймондъ Рэдклифъ.—„Всѣ признаютъ, что титулы составляютъ роскошь, но многiе страстно желаютъ имѣть ихъ. Въ настоящее время титулы продаются „пикерами" (whips) обѣихъ главныхъ партiй за опредѣленную сумму. За титулъ „сэра" вносится пять тысячъ ф. ст.; баронетство обходится въ десять тысячъ ф. ст., а за титулъ пэра надо заплатить сорокъ тысячъ ф. ст. Лордъ Солсбѣри—продолжаетъ Раймондъ Рэдклифъ—справлялся еще, кто тѣ лица, которыя добиваются титула, но теперь это уже не дѣлается". Пусть же теперь доходы, получаемые такимъ образомъ, идутъ на нужды не партiи, а государства. „Въ Англiи, вѣроятно, есть пятьдесятъ тысячъ очень богатыхъ людей, могущихъ платить очень тяжелый военный налогъ, если имъ предложить титулъ. Очень многихъ изъ нихъ жены заставятъ прiобрѣсти звучное имя..."

Авторъ проекта подробно выработалъ систему прогрессивнаго налога на титулы. Въ Англiи теперь 31 герцогъ. Такъ какъ всѣ они очень богатые люди, то имъ ничего не значитъ платить по десяти тысячъ ф. ст. въ годъ. По разсчетамъ, въ Англiи не меньше 1500 лицъ, доходы которыхъ равны доходамъ герцоговъ или даже превосходятъ ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ богачей скупы, но другiе охотно прiобрѣтутъ, хотя бы временно, титулъ герцога. Будемъ считать, что изъ 1500 человѣкъ только 1000 пожелаетъ. Это принесетъ казнѣ 10.000,000 ф. ст. Маркизовъ въ Англiи 39. Налогъ въ пять тысячъ ф. ст. въ годъ не составитъ бремени для каждаго изъ нихъ. Послѣ изслѣдованiя отчетовъ о по-

доходномъ налогѣ, Раймундъ Рэдклифъ приходитъ къ заключенію, что не менѣе 1500 человѣкъ охотно внесутъ по 5000 ф. ст. въ годъ, чтобы имѣть право именоваться маркизами. Вотъ, значитъ, еще казнѣ 7,500,000 ф. ст. На графовъ теперь въ Англіи сравнительный урожай: ихъ 227. Налогъ въ 3.000 ф. ст. не разоритъ каждаго изъ нихъ. А такъ какъ, по вычисленіямъ автора, не меньше 3000 богачей пожелаютъ стать графами на пять лѣтъ, то казна получитъ 10.000,000 ф. ст. Титулъ виконта не пользовался особою популярностью. Виконтовъ въ Англіи теперь 85. Они не особенно богаты, а нѣкоторымъ изъ нихъ даже совсѣмъ трудно будетъ платить подоходный налогъ въ 2.500 ф. ст. Врядъ-ли найдется очень много богачей, желающихъ стать виконтами, но на 500 человѣкъ можно разсчитывать, т. е. всего еще на 1.250,000 ф. ст. Авторъ дальше переходитъ къ баронамъ, которые тоже именуются лордами. Въ Англіи 386 бароновъ. Ихъ тоже не обидно обложить налогомъ въ двѣ тысячи ф. ст. По вычисленіямъ автора, 21.000 богатыхъ людей воспользуются возможностью наслаждаться тѣмъ, что къ нимъ обращаются „My Lord". Такимъ образомъ, бароны принесутъ казнѣ 40.000.000 ф. ст. Есть еще титулъ баронета. Въ Англіи теперь 1.200 баронетовъ, изъ которыхъ многіе—люди не богатые. Такъ какъ титулы будутъ предложены лишь временно, то большинство богатыхъ удовлетворится дворянствомъ, т. е. титуломъ „сэръ" [1]). Если положить за титулъ 1500 ф. ст., то не менѣе 20.000 человѣкъ пожелаютъ украситься имъ. Это дастъ казнѣ 30.000.000 ф. ст.

Есть въ Англіи еще одинъ титулъ „высокодостопочтенный" (Right Honourable), который носятъ, между прочимъ, младшіе сыновья лордовъ. За пользованіе этимъ титуломъ можно назначить 100 ф. ст. Это — дешево, но за то не менѣе 100.000 человѣкъ пожелаютъ стать „высокодостопочтенными" и обогатятъ такимъ образомъ казну на десять милліоновъ ф. ст. Былъ еще въ Англіи старинный титулъ, пришедшій теперь въ забвеніе. Носили его знатныя женщины. Титулъ этотъ— „Dame". По мнѣнію автора, не мѣшало бы возродить его. Тысячи пожилыхъ дѣвицъ съ независимымъ состояніемъ предпочтутъ, уплативъ налогъ, именоваться „Dame", чѣмъ „Miss". Я не буду приводить дальнѣйшихъ цифръ, а скажу только, что Раймондъ Рэдклифъ сулитъ своимъ проектомъ обогатить казну на 110.000,000 ф. ст. (English Review, November, 1915). Мнѣ почему-то кажется

---

[1]) „Сэръ"—форма обращенія вообще къ малознакомымъ людямъ. Когда „sir" обозначаетъ титулъ, то относится не къ фамиліи, а къ имени. Такъ, напр., сэръ Эдуардъ Грэй, но ни въ коемъ случаѣ не сэръ Грэй, какъ пишутъ на континентѣ. По англійски это звучитъ ужасно нелѣпо и всегда очень смѣшитъ англичанъ. Обращаясь къ малознакомому человѣку, англичане говорятъ „сэръ", но если лицо имѣетъ титулъ, то надо прибавлять имя: „сэръ Генри", „сэръ Джонъ" и т. д.

все, что „Раймондъ Рэдклифъ" это псевдонимъ Ивана Ивановича Очищеннаго. Если припомнитъ читатель, щедринскій герой, на основаніи суворинскаго календаря, „выдумалъ штуку одну, не то, чтобы особливую, но пользительную"—обязательное страхованіе жизни по всей Россіи. Если обложить все населеніе Россіи по рублю съ души, получится столько-то милліоновъ. Страховая премія на случай смерти пусть будетъ тридцать пять рублей. И если вычесть расходъ изъ дохода, то, по разсчетамъ Очищеннаго, въ пользу страхового общества остаются одиннадцать милліоновъ рублей. „Очищенный торжественно умолкъ. На насъ слова: „страховое общество", тоже подѣйствовали подавляющимъ образомъ. Никакъ мы этого не ожидали. Мы думали, что старикъ просто, отъ нечего дѣлать, статистикой балуется, а онъ, поди-тко, какую штуку удралъ!" Въ основѣ проекта Раймонда несомнѣнно заложенъ проектъ Ивана Ивановича Очищеннаго. Разница только та, что Очищенный думалъ воспользоваться своею выдумкою, тогда какъ Рэдклифъ великодушно приноситъ ее на алтарь отечества.

Нѣтъ, конечно, также недостатка въ людяхъ, подходящихъ къ вопросу объ экономіи серьезно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Укажу, напримѣръ, на работы извѣстнаго экономиста и члена парламента Чіоза Моней. Авторъ констатируетъ, что финансовое положеніе Англіи въ высшей степени серьезно. Англія теперь покупаетъ за границей на 30 мил. ф. ст. въ мѣсяцъ больше, чѣмъ вывозитъ товаровъ. Кромѣ этого, какъ мы видѣли, Англія финансируетъ союзниковъ. Въ прошломъ финансовомъ году эта помощь выразилась суммой въ 423.000.000 ф. ст. Изъ всѣхъ воюющихъ государствъ одна только Англія сохранила свободное золотое обращеніе. Англія покупаетъ за границей для себя и для союзниковъ товары на колоссальныя суммы. Для этого ей надо или вывозить товары, или платить золотомъ, или продавать на заграничныхъ рынкахъ цѣнныя бумаги, имѣющіяся у нея. Финансовое бремя, падающее на Англію, до такой степени велико, что только чрезвычайной экономіей, какъ со стороны государства, такъ и всѣхъ гражданъ, можно предупредить серьезный кризисъ. Необходимо, по выраженію экономиста, „cutting our coat according to the cloth". Пословица равнозначна русской: „по одежкѣ протягивать ножки". Авторъ указываетъ на цѣлый рядъ безполезныхъ отраслей промышленности и ненужныхъ занятій. Онѣ безполезны и въ мирное время, а во время войны представляютъ прямую опасность для страны. Тысячи подручныхъ, могущихъ быть полезными работниками или солдатами, посылаются, какъ раньше, ежедневно зеленщиками, мясниками и булочниками за заказами на домъ къ кліентамъ Обыватели еще не привыкли къ мысли, что во время войны, когда всѣ должны быть заняты производительнымъ трудомъ, надо самимъ

идти въ лавки за покупками. Въ Лондонѣ мы еще видимъ, какъ аньше, безконечное множество агентовъ всякаго рода и посредниковъ.

Сама по себѣ Великобританія бѣдная страна. Богатство ея обусловливается умѣніемъ пользоваться мѣстнымъ продуктомъ (каменнымъ углемъ) и энергіей населенія для обработки продуктовъ, привозимыхъ изъ-за моря. Таково положеніе въ мирное время. Во время войны Англія ощущаетъ еще бо́льшую необходимость въ привозимыхъ продуктахъ, за которые надо платить. Но такъ какъ по случаю войны Англія вывозитъ меньше, то она не можетъ платить за ввозные продукты тѣмъ, чѣмъ раньше. Англія между тѣмъ платитъ за то, что ввозитъ не только она сама, но также и ея союзники. Въ мирное время, правда, ввозъ въ Англію иногда превышаетъ вывозъ,—но „торговый балансъ" легко устанавливается какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что громадный британскій капиталъ помѣщенъ за границей и въ колоніяхъ, такъ и тѣмъ, что Англіи принадлежитъ половина всего торговаго флота, существующаго въ мірѣ. Такимъ образомъ Англія получаетъ очень много въ видѣ процентовъ на эмигрировавшій капиталъ и въ видѣ фрахта. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ платитъ Англія за товары, ввозимые теперь ею или ея союзниками. Она можетъ дѣлать это: 1) увеличивая экспортъ своихъ товаровъ, 2) вывозя золото, 3) продавая цѣнныя иностранныя бумаги, имѣющіяся у нея, 4) совершая заемъ за границей.

Экспортъ товаровъ теперь не можетъ быть увеличенъ, такъ какъ и фабрики, и рабочія руки заняты изготовленіемъ предметовъ, необходимыхъ для веденія войны. Что же касается вывоза золота, то онъ долженъ быть ограниченъ. Продажа цѣнныхъ бумагъ на нейтральныхъ денежныхъ рынкахъ и совершеніе займа затруднительны, такъ какъ почти вся Европа воюетъ. Фактически теперь остается только одна страна, гдѣ такія операціи могутъ быть произведены:—Соединенные Штаты. Англія и Франція уже заключили тамъ заемъ, который въ исторіи Соединеннаго королевства является *первой* операціей подобнаго рода, совершенной заграницей. Англія уже продала въ Соединенныхъ Штатахъ часть имѣвшихся у нея американскихъ бумагъ.

Что Англія можетъ еще сдѣлать? Для отвѣта надо анализировать кредитъ Соединеннаго королевства. Британскій эмигрировавшій капиталъ помѣщенъ или въ колоніяхъ (приблизительно 1.700.000.000 ф. ст.), или въ другихъ государствахъ (приблизительно 3.500.000.000 ф. ст.) [1]). Такимъ образомъ эмигрировавшій британскій капиталъ, т. е. капиталъ, помѣщенный въ колоніаль-

[1]) Въ Канадѣ 500 милл. ф. ст., въ другихъ колоніяхъ 1.200 мил. ф. ст., въ Соединенныхъ Штатахъ 750 мил. ф. ст., въ латинскихъ республикахъ Южной Америки 700 мил. ф. ст., въ другихъ государствахъ Европы и Азіи 350 мил. ф. ст.

ныхъ и въ иностранныхъ предпріятіяхъ, равенъ 3.500.000.000 ф. ст. Не смотря на то, что Англія продала часть своихъ цѣнныхъ бумагъ, выражающихъ этотъ эмигрировавшій капиталъ, она имѣетъ еще въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ и латинскихъ республикахъ Южной Америки до 1.700.000.000 ф. ст. Это обстоятельство дастъ возможность Англіи, если понадобится, совершить новый иностранный заемъ. По мнѣнію Чіоза Моней, британское правительство должно купить (если понадобится, то принудительно) у владѣльцевъ эмигрировавшаго капитала иностранныя цѣнныя бумаги. Британское правительство должно дать въ обмѣнъ англійскія цѣнныя бумаги и въ такомъ случаѣ оно будетъ располагать громаднымъ кредитомъ и за границей. Билль, заключающій предложеніе такого рода, внесенъ въ палату общинъ коммонеромъ Уортингтономъ Эвансомъ. Но это еще не все. Необходима, кромѣ всего, экономія,—говоритъ Чіоза Моней. Надо сократить возможно больше общественные и частные расходы. По мѣрѣ сокращенія производства безполезныхъ предметовъ, увеличится и армія, и производство дѣйствительныхъ цѣнностей.

Мы слышимъ также голоса, утверждающіе, что поднятіе цѣнъ обусловливается еще „спекуляціей на войну“, которая для нѣкоторыхъ явилась настоящимъ клондейкскимъ рудникомъ. Англія, представляющая собою „комокъ глины, затерянный въ холодныхъ волнахъ Сѣвернаго моря“, должна ввозить предметы первой необходимости. И, анализируя отчеты пароходныхъ компаній, мы убѣждаемся, что это обстоятельство обогащаетъ ихъ теперь. Вотъ, напримѣръ, извѣстное пароходное товарищество „Booth C^{o}“, поддерживающее правильное сообщеніе съ Португаліей, Мадерой и Бразиліей. До войны акціонеры не получали дивиденда, а въ этомъ году они получили 10%. То же самое можно сказать о товариществахъ „Heiton and C^{o}“, и „Mitre Ship“, „Century Shp“ до войны давало дивидендъ 10%, а теперь 22,5%; „Hain Steam“ до войны 10%, а теперь 20%. То же самое можно сказать объ извѣстной пароходной компаніи „Lambert Brothers“. Компанія „Manchester Liners“, посылающая корабли въ Соединенные Штаты и въ Австралію, выдала теперь 15% дивиденда, вмѣсто 5%, какъ было до войны. Въ нѣмецкихъ газетахъ говорилось, что извѣстная пароходная компанія „Prince Line“, поддерживающая правильное сообщеніе съ Египтомъ, Индіей и Австраліей, „убита“ субмаринами. Изъ отчета я вижу, что она не только здравствуетъ, но и „раздобрѣла“ за время войны: компанія выдала по 19% дивиденда, вмѣсто 5%, какъ было до войны. „Scholefield Steam C^{o}“ до войны давала 2,5%, а теперь—20%. О томъ, насколько нѣмецкія субмарины „убили“ британскую торговлю, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что прибыль, полученная англійскими пароходными компаніями, возросла за время войны на 55%. Въ то время, какъ нѣмецкіе пароходы лежатъ мертвые въ гаваняхъ, спросъ въ Англіи на ко-

рабли такъ великъ, что поспѣшно приспособляютъ даже старыя суда, признанныя негодными. За время войны возникло въ Англіи 70 новыхъ пароходныхъ компаній съ номинальнымъ капиталомъ въ 1³/₄ мил. ф. ст. Вся прибыль, соблазняющая эти компаніи, извлекается изъ обывателя. Повышеніе дивиденда означаетъ повышеніе фрахта и возростаніе цѣнъ.

IV.

Итакъ, въ Англіи раздаются жалобы на рядъ ошибокъ, совершенныхъ въ сферѣ дипломатіи, на войнѣ и при организаціи дѣлъ въ самой странѣ. На вопросъ: „кто виноватъ?"—раздается увѣренный отвѣтъ: „конечно, правительство". Если вѣрить „Morning Post", „Globe" или газетамъ, издаваемымъ лордомъ Нортклифомъ, то ни въ Англіи, ни въ мірѣ вообще не было еще такихъ „duffers" (вахляевъ), какъ тѣ, которые теперь стоятъ во главѣ кабинета, иностраннаго министерства и военнаго министерства. Въ своей критикѣ эти газеты (замѣтьте, все это изданія ультраконсервативныя) доходятъ до рѣзкости, совершенно безпримѣрной на континентѣ. Мнѣ припоминается одно мѣсто изъ записокъ Гревиля. Въ 1855 году, во время крымской войны, лордъ Кларендонъ былъ принятъ Наполеономъ III. „Императоръ сказалъ лорду Кларендону, что онъ, конечно, знаетъ, какое громадное значеніе для Англіи имѣетъ свобода печати, столь же необходимая, какъ и конституція. До послѣдняго времени онъ, императоръ, думалъ всегда, что главныя англійскія газеты руководятся соображеніями объ интересахъ родины и поэтому говорятъ то, что диктуетъ имъ совѣсть. Теперь однако онъ долженъ измѣнить свое мнѣніе. Въ послѣдніе мѣсяцы англійская печать, а Times въ особенности, причинила много вреда какъ Англіи, такъ и союзу ея съ Франціей. То, что пишутъ англійскія газеты, причиняетъ много вреда въ нейтральной Германіи и можетъ послужить на пользу только непріятелю. Когда англійскія газеты говорятъ о паденіи ихъ родины, о позорѣ ея, о вырожденіи, о бездарномъ правительствѣ, о полномъ банкротствѣ военныхъ властей и объ утратѣ Англіей всего того, что дѣлаетъ націю великой и могущественной, то онъ, Наполеонъ III, хорошо знаетъ значеніе всѣхъ этихъ жалобъ. Онъ знаетъ, что только самая ничтожная доля правды заключается въ этомъ ворохѣ преувеличеній и измышленій. Но во Франціи эти обвиненія принимаются серьезно. Ему, императору, становится все труднѣе примирить Францію съ союзомъ съ Англіей, за который его теперь упрекаютъ. Французы, прислушиваясь къ тому, что англійская печать говоритъ о своемъ правительствѣ, приходятъ теперь къ заключенію о безполезности союза съ такой разложившейся страной. Что же касается до Германіи, то тамъ,

на основаніи статей Times'а, рѣшили, что у Англіи и Франціи нѣтъ теперь никакихъ шансовъ на побѣду" [1]).

Наполеонъ III, какъ и вообще на континентѣ, не постигаютъ одну истину, до которой англичане давно уже пришли. Нападки газетъ дѣйствительно иногда очень рѣзки и даже несправедливы, но все-таки для страны *неизмѣримо* выгоднѣе мириться съ такой критикой, чѣмъ съ вынужденнымъ молчаніемъ печати или что еще хуже, съ вынужденными похвалами. Теперь англійскіе министры отмалчиваются на „полемическіе выпады" газетъ и отвѣчаютъ имъ по существу, если есть что отвѣтить. Восемьдесятлѣтъ тому назадъ, когда нравы были иные, государственные дѣятели отвѣчали на полемическія красоты газетъ такими же красотами или даже еще болѣе яркими. Газета „Globe", напримѣръ, выступила восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ противъ Дизраэли съ статьей, наполненной бранью. Вотъ выдержка изъ отвѣта „Дизи" помѣщеннаго тогда въ Times'ѣ. „Не желаніе фигурировать передъ публикой заставляетъ меня теперь надавать редактору „Globe" щелчковъ въ носъ и пинковъ въ менѣе благородную часть его тѣла, лежащую ниже, но стремленіе выяснить передъ всѣми какой презрѣнный трусъ, какой отпѣтый олухъ (caven dullard) какое литературное чучело, напиханное соломой и разной дрянью этотъ такъ называемый вождь общественнаго мнѣнія". Въ молодости „Дизи", какъ видите, точно слѣдовалъ совѣту пушкинскаго кривого поручика Ивана Игнатьевича: „Вы побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужь помиримъ". „Мирить", впрочемъ, не пришлось: газета „Globe" потомъ буквально ползала у ногъ „Дизи". И теперь для „Globe" Биконсфильдъ высшій идеалъ англійскаго государственнаго дѣятеля.

Итакъ, рѣзкія нападки со стороны части печати на правительство не представляютъ чего-либо новаго въ Англіи. Также не новы изображеніе положенія дѣлъ въ крайне мрачныхъ краскахъ и жалобы на „гибель" страны. Передъ нами только одно изъ проявленій англійскаго характера. И даже тогда, когда англійская печать съ откровенностью, поражающею всѣхъ на континентѣ, указываетъ на дѣйствительныя ошибки, совершенныя англійскими полководцами на театрѣ военныхъ дѣйствій, надо помнить формулу, давно уже принятую, какъ аксіома: „Anglo-Saxon race is always surprised but never beaten" (Англо-саксонская раса бываетъ постоянно захвачена врасплохъ, но ее никогда не побѣждали). Подтвержденіемъ являются всѣ войны Англіи, а въ особенности—за послѣднія сто лѣтъ.

Возьмемъ, напримѣръ, кампанію на Пиринейскомъ полуостровѣ,

---

1) „Grenville Memoirs" vol, VII. chap. 8, p. 255, 6.

которая нанесла первый и рѣшительный ударъ господству Наполеона. По договору въ Фонтенебло въ октябрѣ 1807 г. Франція и Испанія согласились подѣлить между собою Португалію. Браганцской династіи, ненавидимой въ Португаліи, осталось только бѣжать изъ Лиссабона въ Бразилію. Захватъ Португаліи явился у Наполеона прелюдіей къ захвату Испаніи. Въ Мадридѣ произошла революція, заставившая Карла IV бѣжать въ Байону, гдѣ онъ въ маѣ 1808 г. отрекся отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда VII. Въ Байонѣ Наполеонъ заставилъ Фердинанда VII отречься отъ престола, а въ то же время французскія войска вступили въ Мадридъ, гдѣ Іосифъ Бонапартъ былъ провозглашенъ испанскимъ королемъ. И вотъ въ Англіи тори и виги рѣшили, что именно теперь наступилъ моментъ нанести ударъ владычеству Наполеона, представлявшему все большую опасность для Англіи. До тѣхъ поръ „кампанія" англичанъ сводилась къ захвату маленькихъ острововъ въ Вестъ - Индіи, не оказывавшихъ сопротивленія. Теперь рѣшено было, съ одной стороны, оказать широкую поддержку испанцамъ, возставшимъ противъ французовъ, а съ другой— послать на Пиринейскій полуостровъ двѣ арміи, во главѣ которыхъ стояли сэръ Джонъ Муръ (тотъ самый, смерть котораго воспѣта впослѣдствіи въ стихотвореніи, извѣстномъ каждому изъ насъ въ переводѣ Козлова: „Не билъ барабанъ передъ смутнымъ олкомъ, когда мы вождя хоронили" [1]), и сэръ Артуръ Уэлсли послѣдствіи извѣстный, какъ герцогъ Веллингтонъ.

Сперва дѣла англичанъ шли хорошо, но потомъ, когда появился Наполеонъ съ арміей въ двѣсти тысячъ, послѣдовалъ рядъ пораженій. Сэръ Джонъ Муръ задержалъ французовъ при Коруньѣ (англійскіе историки говорятъ даже о побѣдѣ при Коруньѣ), но это дало ему только возможность усадить свою отступающую армію на корабли. Сарагосса, сопротивлявшаяся такъ долго и такъ доблестно, сдалась послѣ второй осады. Эти два событія, т. е. возвращеніе остатковъ арміи Мура и паденіе Сарагоссы, произвели угнетающее впечатлѣніе на англичанъ. Печать обличала всю кампанію и требовала, чтобы и вторую армію тоже отозвали. Это же самое требованіе формулировалъ тогда лордъ Лэнсдаунъ въ Верхней палатѣ. Вся испанская экспедиція должна быть немедленно оставлена — требовали лорды. Но Канингъ былъ непоколебимъ. А между тѣмъ положеніе дѣлъ еще ухудшилось. Уэлсли вынужденъ былъ поспѣшно отступить по направленію къ Бадахосу, такъ какъ французы угрожали коммуникаціонной линіи англичанъ. На другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій Наполеонъ одержалъ рѣшительную побѣду при Ваграмѣ, что заставило Австрію просить

[1]) Not a drum was heard, not a funeral note,
As his corpse to the rampart we hurried;
Not a soldier discharged his farewell shot
O'er the grave where our hero we buried.

мира. Вслѣдствіе этого сорокатысячная англійская армія, отправленная въ іюлѣ 1809 г. противъ Антверпена, вынуждена была возвратиться. Вернулась только половина. Другая половина погибла въ болотахъ Фландріи. Неудача этой экспедиціи повела въ Англіи къ паденію кабинета. Новое министерство рѣшило продолжать войну, не смотря на всѣ неудачи. Въ Испаніи дѣла шли все хуже. Маршалъ Массена съ арміей въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ шелъ на Лиссабонъ. Даже нѣкоторымъ членамъ министерства казалось, что испанская кампанія проиграна; но большинство рѣшило продолжать борьбу. И въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, англичане побѣдили.

Возьмемъ теперь Крымскую кампанію, во время которой печать рѣзко критиковала ошибки и промахи правительства. Дѣйствительно, война была сплошнымъ промахомъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Госпитали для раненыхъ и для больныхъ въ Скутари находились въ состояніи невѣроятной дезорганизаціи, — говоритъ историкъ. — Въ Скутари испытывалась необходимость во всемъ, тогда какъ въ Варнѣ гнили громадные запасы для госпиталей. Такіе же безполезные запасы хранились въ трюмахъ кораблей, стоявшихъ въ Балаклавѣ. Англійскіе военные врачи были знающіе и добросовѣстные люди; правительство щедро отпустило суммы на все необходимое для госпиталей; но посланные запасы попадали не туда, куда слѣдуетъ. Врачи видѣли передъ собою безчисленныя страданія, но не могли облегчить ихъ. Печать выясняла постоянно безпримѣрныя, прямо невѣроятныя, ошибки. Прибылъ, напримѣръ, громадный транспортъ обуви для солдатъ, и оказалось, что онъ безполезенъ, такъ какъ всѣ сапоги *на лѣвую ногу*. Правительство пріобрѣло множество муловъ, чтобы перевозить кладъ, но, вслѣдствіе ошибокъ командировъ, мулы эти попадали къ русскимъ. При подрядахъ на прессованное мясо совершены были безсовѣстныя хищенія“ [1]). Англійскій флотъ тогда не оправдалъ возложенныхъ на него ожиданій. „Подлежитъ сомнѣнію, сдѣлалъ бы британскій флотъ что-нибудь крупное въ Балтійскомъ морѣ, даже еслибы имъ командовали новый Дёндональдъ или Нельсонъ,—говоритъ историкъ.—Нэпиръ не былъ ни Дёндональдомъ, ни Нельсономъ. Балтійскій флотъ возвратился невредимымъ. Адмиралъ привезъ изъ экспедиціи только неудовольствіе, котораго ему хватило потомъ на всю жизнь. Публика была изумлена, поражена, преисполнена негодованія. Печать предсказывала полное пораженіе“ [2]). Правительство не теряло головы, замѣчало ошибки и училось во время войны. Промахи исправлялись, и въ результатѣ получилось слѣдующее.

„Никогда раньше Англія такъ не была приготовлена къ войнѣ, какъ къ тому времени, когда операціи конч-

---

[1]) Mc-Carthy, „A History of our own Times“, vol. II, стр. 317—318

[2]) Ib., стр. 314.

лись, — говоритъ историкъ. — Война дала Англіи суровый урокъ, которымъ она воспользовалась"... „Изучающіе исторію Крымской войны не могутъ не поражаться тѣмъ похваламъ, которыя дѣлаются французской арміи, участвовавшей въ экспедиціи",—говоритъ цитируемый историкъ въ другомъ мѣстѣ. „Даже въ Англіи утверждалось, что французы преуспѣли тогда рѣшительно во всемъ. Намъ говорятъ, что ихъ тактика была превосходна и что французы представляли во всемъ контрастъ англичанамъ къ невыгодѣ послѣднихъ. Многія изъ этихъ утвержденій явились результатомъ того, что англичане не могутъ удовлетвориться славословіемъ офиціальныхъ исторіографовъ, набрасывающихъ богато вышитый риторическими цвѣтами покровъ на дѣйствительность и на вымыселъ, на подвиги и на ошибки. Дѣятельность англійской арміи и правительства подвергалась суровой всесторонней критикѣ. Не было пятнышка въ англійской военной организаціи, на которое не указывали бы критики. Каждая мелочь тщательно обсуждалась печатью, а каждое проявленіе слабости немедленно разбиралось въ печати. Мы пригласили весь міръ смотрѣть на наши ошибки и объяснили ему причину ихъ. Наши газеты сдѣлали для военной системы Англіи то же самое, что Гёте—по словамъ Мэтью Арнольда—сдѣлалъ для соціальной и политической системы всей Европы: онѣ вложили пальцы въ язвы Великобританіи и сказали ей: „Вотъ твое больное мѣсто". Въ то время, какъ офиціальная и офиціозная французская печать славословила императора, прославляла его побѣды и восхваляла французскихъ генераловъ, интендантство, обозъ, армію, словомъ, все рѣшительно,—англійскія газеты отмѣчали только ошибки и порицали тѣхъ, которые не исправляли ихъ немедленно.

„Кто-нибудь, быть можетъ, скажетъ, что англійская печать поступала не патріотически,—продолжаетъ историкъ.—Но развѣ можно назвать нашимъ врагомъ доктора, говорящаго, что мы больны и совѣтующаго немедленно принять мѣры, которыя снова возстановятъ силы нашего организма? Нѣкоторыя критики были рѣзки, поспѣшны и неправы; но въ общемъ критика принесла Англіи только пользу" [1]).

Бурская война опять застала Англію неподготовленной. Англичане, повидимому, сперва совершенно не считались съ мѣстными условіями. Они послали въ Южную Африку по преимуществу пѣхоту, тогда какъ по мѣстнымъ условіямъ требовалась по преимуществу кавалерія. Противъ бургеровъ, засѣвшихъ въ кустахъ, англичане шли въ атаку сомкнутыми колоннами, какъ на парадѣ. Въ одну недѣлю понесли три пораженія. И тогда казалось, что побѣда бургеровъ обезпечена. И опять, не смотря на эти пораженія, не смотря на крайне рѣзкую критику значительной части

[1]) Ib, стр. 348—351.

печати, не смотря на возможность осложненій въ Европѣ, Англія настойчиво продолжала кампанію. Она училась тактикѣ у непріятеля, посылала въ Юж. Африку дивизію за дивизіей, приспособлялась къ новымъ условіямъ и черезъ 2½ года добилась побѣды.

Воспитаніе въ Англіи, т. е. тѣ правила, которыя внушаются дѣтямъ въ школахъ, формулируются старой поговоркой: „Try, try again; try till you succeed"! (Пробуйте, пробуйте снова; пробуйте, покуда не добьетесь успѣха). И этому мудрому правилу слѣдуетъ всегда Англія, когда ей приходится вести большую войну. Ни одно государство, вѣроятно, не проявило такой энергіи, такой гибкости ума и такого умѣнья быстро схватывать новыя условія, какъ Англія. Я не говорю уже о самомъ удивительномъ доказательствѣ вышесказаннаго: о ея арміи волонтеровъ, созданной изъ ничего. Укажу только на нѣсколько фактовъ. Въ Дарданеллахъ громадныя морскія пушки, которыми вооружены сверхъдрэдноты, причинили туркамъ много вреда. Но вотъ появляются германскія субмарины, и цѣнные броненосцы уплываютъ въ другое море. Турки считаютъ, что отнынѣ не будетъ больше рѣчи о дальнобойныхъ морскихъ пушкахъ. Непріятель пишетъ австралійцамъ, что флотъ ихъ оставилъ и что теперь имъ остается только сдаться. Турки обѣщаютъ сдавшимся хорошую встрѣчу въ Константинополѣ. Но вотъ черезъ сравнительно короткое время у береговъ Галлиполи появляется новый, очень любопытный флотъ, состоящій изъ странныхъ кораблей, прототипами которыхъ служили гуси и черепахи. Одно судно представляетъ собою бронированную пловучую платформу, на которой стоятъ двѣ четырнадцатидюймовыя дальнобойныя пушки. Оно при движеніи выгребаетъ винтами, какъ гусь лапами. Другое судно представляетъ собою подобіе колоссальнаго цилиндра. Подъ водою киль этого страннаго судна образуетъ „брюхо", выдающееся на 10 футовъ. Такимъ образомъ обрубокъ стоитъ какъ будто на подводной платформѣ. Это „брюхо" можетъ „переварить" какую угодно непріятельскую торпеду. На цилиндрѣ установлена дальнобойная морская пушка. Замѣтьте, что весь этотъ странный флотъ придуманъ и сооруженъ во время войны, когда всѣ верфи завалены работой.

Кстати о германскихъ субмаринахъ. Онѣ должны были блокировать берега Англіи и уморить ее голодомъ. Въ первыя недѣли субмарины потопили много англійскихъ пароходовъ, но англичане проявили обычную энергію и обычную способность быстро схватывать новыя условія. Въ Па-де-Калэ и въ Ламаншѣ германскія субмарины исчезли. Въ старые годы, во время войнъ, Англія организовывала своихъ рыбаковъ для защиты своей торговли. Въ каналѣ и въ Атлантическомъ океанѣ тогда всюду шныряли крошечныя барки (sloops, cutters, gun-brigs), вооруженныя

фальконетами. И эти осы смѣло нападали на большіе непріятельскіе каперскіе корабли. То же самое мы видимъ теперь. Англія въ короткое время превратила свой громадный рыбачій флотъ въ военныхъ китобоевъ, если можно такъ выразиться. „Киты“, на которыхъ охотятся эти суда,—стальные: то германскія субмарины. „Вотъ двадцатипятилѣтній адмиралъ,—описываетъ Киплингъ.— Флагманскій корабль его имѣетъ всего 120 ф. въ длину. До войны онъ былъ третьимъ помощникомъ капитана — на грузовомъ океанскомъ пароходѣ. Теперь подъ начальствомъ у адмирала флотъ, состоящій изъ пяти тралеровъ, съ которыми онъ охотится на германскія субмарины... Принципъ, выработанный китобоями простъ, но даетъ блестящіе результаты... Германскія субмарины гибнутъ при любопытныхъ условіяхъ, о которыхъ теперь нельзя говорить еще“[1]).

Для веденія войны потребовалось необходимое количество боевыхъ снарядовъ. И въ короткое время послѣ интервала растерянности англійскіе заводы быстро приспособляются къ новымъ условіямъ. Вся Англія превратилась въ громадный арсеналъ. Въ Бирмингамѣ, Ковентри, Шеффильдѣ, Лидсѣ, въ городахъ Уэльса словомъ, всюду, гдѣ есть каменный уголь, готовятъ теперь пушки, военные автомобили, ружья и... снаряды, снаряды, снаряды. Заводы, плавившіе желѣзо, выбивавшіе мѣдь, чеканившіе золото, точившіе дерево, дубившіе кожу и выдувавшіе стекло, послѣ короткаго перерыва приспособились къ новому производству. Вмѣсто кубковъ, изъ которыхъ арабскій шейхъ будетъ пить шербетъ, заводъ готовитъ затравники, а вмѣсто хрустальныхъ канделябровъ, тисканій изъ папье-маше и частей велосипедовъ патроны, ударныя трубки и „стаканы“ для гранатъ. Въ самое короткое время поставлены новыя машины, привезенныя изъ Америки или изообрѣтенныя теперь же въ Англіи.

V.

Когда Николай Ростовъ почувствовалъ, что ему надо вмѣшаться въ хозяйственныя дѣла отца, которыя шли очень плохо, онъ пошелъ съ нахмуренными бровями во флигель и потребовалъ у управляющаго Митеньки „счеты всего“. Что такое были эти „счеты всего“, Николай Ростовъ не зналъ самъ. Когда же молодой графъ, весь красный, съ налитой кровью въ глазахъ, за шиворотъ вытащилъ Митеньку и надавалъ ему пинковъ, то графиня, мать Николая, успокоилась въ томъ отношеніи, что теперь ихъ состояніе, послѣ расправы съ управляющимъ, должно ужь непремѣнно поправиться. Нѣчто аналогичное мы наблюдаемъ теперь въ Англіи.

---

[1]) Rudyard Kipling, „The Fringes of the Flet“; „Daily Telegraph“ (Рядъ статей).

причемъ роль Николая Ростова играютъ милитантки. Съ того времени, какъ началась война, суффражистки-милитантки стали крайними „джинго“ и являются застрѣльщицами той партіи „old fogies“, завѣтныя стремленія которой выражаютъ газеты лорда Нортклифа. Газета г-жи Панкхёрстъ „Suffragette“ переименовалась теперь въ „Britannia“. „Николай Ростовъ“ глубоко убѣжденъ, что надо только надавать пинковъ „Митенькѣ“, сэру Эдуарду Грею, и тогда „состояніе сразу поправится“. Вотъ, напр., сентенція, занимающая всю первую страницу послѣдняго нумера „Britannia“ [1]: „Кайзеръ собирается войти въ Константинополь. Вотъ почему мы требуемъ еще болѣе энергично, чѣмъ прежде, отставки сэра Эдуарда Грея“. Все. Это набрано, конечно, громадными буквами. На страницѣ 66-ой того же нумера съ „Митенькой“ расправляется миссъ Кристэбель Панкхёрстъ, тоже „съ налитой кровью въ глазахъ“. Роли между газетами лорда Нортклифа и журналомъ г-жи Панкхёрстъ распредѣлены такъ: если есть какая-нибудь особенно дикая нелѣпость, которую не рѣшаются печатать даже Daily Mail или Evening News, то ее высказываетъ Britannia. Вотъ, напр., 66-ая страница журнала отъ девятнадцаго ноября. Колоссальнымъ шрифтомъ тамъ набрана статья, представляющая собою сыскъ, кто тетка по матери сэра Ейра Крау, служащаго у сэра Эдуарда Грея. Оказывается, она—нѣмка, нѣкая Сигель, которая „хорошо знакома съ адмираломъ Гольцендорфомъ“. И кайзеръ войдетъ въ Константинополь именно потому, что у Грея служитъ Крау, у котораго есть родственница нѣмка, которая знаетъ Гольцендорфа.

Но хотя Николай Ростовъ проявилъ полную неспособность понять что-нибудь въ хозяйственныхъ дѣлахъ (онъ научился хозяйничать много лѣтъ спустя), за то, какъ всѣмъ извѣстно, онъ былъ храбрый и исполнительный офицеръ. То же самое можно сказать о суффражисткахъ-милитанткахъ. Вожди ихъ вѣрятъ въ расправу съ „Митенькой“, какъ въ универсальное средство, но тѣмъ не менѣе суффражистки съ необыкновеннымъ подъемомъ взялись за работу. Онѣ замѣнили мужчинъ, ушедшихъ на войну, и пошли волонтерами въ арсеналы. Послѣ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ ученія онѣ стали отличными работницами. Онѣ проводятъ ежедневно много часовъ у станковъ, готовя „стаканы“, трубки, затравники и мѣдные ободки для снарядовъ.

Война создала въ Англіи въ высшей степени интересное явленіе. Читатели, конечно, знаютъ про то, что конкуренція Германіи нанесла сильный ударъ міру, обрабатывающему не волокнистыя вещества, тому міру, столицей котораго является Бирмингэмъ. Про это явленіе я писалъ когда-то очень много въ „Русскомъ Богатствѣ“ [2]. Тотъ фактъ, что промышленность въ центральныхъ графствахъ поколебалась тогда, обусловливался не бо̀льшею та-

---

[1]) November, 19, 1915.

[2]) См. Діонео, „Очерки современной Англіи“.

лантливостью нѣмцевъ, а совершенно другою причиною. За то время, что англійскіе заводчики и промышленники господствовали на рынкахъ, въ Великобританіи накопился колоссальный денежный капиталъ. И когда онъ выросъ, то нашелъ болѣе выгоднымъ для себя „эмигрировать". Другими словами, владѣльцы капитала нашли болѣе выгоднымъ помѣщать его не въ предпріятіяхъ въ самой Англіи (съ надеждой получить 2,5%), а въ колоніяхъ или въ другихъ государствахъ, гдѣ онъ могъ приносить 4, 5, 6 и даже 7%. И это безъ всякаго риска, безъ всякихъ хлопотъ. Англія, словомъ, стала банкиромъ всего міра, потому что капиталъ, какъ и трудъ, идутъ всегда по линіи наименьшаго сопротивленія. Германская же промышленность, работающая, на придачу, на чужой капиталъ, должна была проявить двойную энергію. Надо было выжать прибыль для себя и процентъ для собственниковъ денежнаго капитала. Эта война съѣдаетъ и съѣстъ еще больше британскій эмигрирующій капиталъ, о размѣрахъ котораго я упоминалъ выше. Лишившись этого капитала, Англія должна будетъ снова взяться за промышленность. Выражаясь фигурально, всемірный банкиръ сниметъ сюртукъ и станетъ всемірнымъ фабрикантомъ.

Это превращеніе происходитъ уже у насъ на глазахъ. Джонъ Буль обросъ было жиромъ но мускулы у него, по прежнему стальные; голова у него ясная, какъ раньше, а энергія, и смѣлость, и предпріимчивость никогда не покидали его. Надо видѣть, съ какою быстротою приспособляется англійская промышленность къ новымъ условіямъ! Военная техника, конечно, представляетъ тайну, но у насъ есть основаніе судить о томъ, съ какою быстротою являются новыя изобрѣтенія. Нѣмцы бомбардируютъ, напримѣръ, Лондонъ при помощи воздушныхъ кораблей; немедленно творческое воображеніе начинаетъ работать и создаетъ новый типъ аэроплана, bombing machine, могущаго подняться въ 20 минутъ на высоту восьми тысячъ футовъ. Любопытный матеріалъ, иллюстрирующій ту быстроту, съ которой „банкиръ" становится „фабрикантомъ", мы находимъ въ только что вышедшемъ отчетѣ главнаго инспектора фабрикъ и мастерскихъ. Передъ нами первый абрисъ переворота въ англійской промышленности, созданнаго войною. Сперва промышленность была оглушена, но быстро оправилась и энергично начала ставить новыя машины. Господство эмигрирующаго капитала создало десятки отраслей промышленности, иногда совершенно безполезныя. И вотъ во время войны происходитъ перемѣна. Гдѣ ткали дорогіе ковры, теперь изготовляютъ одѣяла; фабриканты дорогихъ рыболовныхъ снарядовъ поставили вязальныя машины; вмѣсто безполезныхъ украшеній готовятъ хирургическіе инструменты. И, читая этотъ отчетъ (я надѣюсь къ нему еще вернуться), мы приходимъ къ заключенію, что Англія, по всей вѣроятности, только выиграетъ отъ того, что послѣ заключенія мира всемірнымъ банкиромъ станетъ не она, а Америка.

Діонео.

Германія и Ближній Востокъ.

I.

Дипломатическій терминъ „Ближній Востокъ“ въ основныхъ чертахъ покрывается предѣлами знаменитой Оттоманской имперіи. Я имѣю въ виду не нынѣшнюю маленькую и искалѣченную Турцію—жалкій обломокъ былого государственнаго величія, — а именно Оттоманскую имперію. Своихъ максимальныхъ размѣровъ она достигла во второй половинѣ XVII ст., завоевавъ въ 1669 г. дотолѣ независимый островъ Критъ и получивъ отъ Польши въ 1672 г. по миру при Бучачѣ всю Подолію и часть Украины. Однако моментъ высшаго подъема совпалъ для Высокой Порты съ началомъ медленнаго, но неудержимаго, процесса внутренняго разложенія. Я не могу здѣсь останавливаться на выясненіи причинъ даннаго чрезвычайно любопытнаго явленія: это завело бы меня слишкомъ далеко. Для моихъ цѣлей совершенно достаточно указать, что уже Карловицкій миръ 1699 г. знаменовалъ собой вступленіе государства османовъ на наклонную плоскость политическаго и военнаго упадка. Это былъ первый миръ, который не принесъ ей ни расширенія владѣній, ни денежной дани, и, наоборотъ, съ ея стороны потребовалъ весьма чувствительныхъ жертвъ: Порта должна была отдать Венгрію и Трансильванію Австріи, Подолію и Украйну Польшѣ, Морею—Венеціанской республикѣ. Не безъ основанія Карловицкій миръ называютъ „первымъ раздѣломъ Оттоманской имперіи“.

Въ XVIII ст. начавшійся процессъ разложенія, не смотря на рядъ реформаторскихъ попытокъ (особенно со стороны султановъ Мустафы III и Селима III), продолжался. И вмѣстѣ съ нимъ границы турецкой державы постепенно сокращались, при чемъ наиболѣе опаснымъ врагомъ послѣдней въ этотъ періодъ выступила медленно, но неуклонно продвигавшаяся на югъ Россія: по ясскому миру 1791 г. Россія окончательно пріобрѣла Крымъ и пространство между Бугомъ и Днѣстромъ. Не смотря однако на всѣ эти, достаточно серьезныя, потери, Оттоманская имперія къ началу XIX в. представляла собой все-таки еще очень обширное государственное цѣлое. Она простиралась отъ бассейна Дуная до Индійскаго океана и отъ Кавказа до Марокко. Ей принадлежалъ весь Балканскій полуостровъ съ вассальными княжествами Молдавіей и Валахіей (нынѣшняя Румынія), вся Малая Азія и Аравія. Египетъ, Триполи, Тунисъ и Алжиръ находились въ состояніи вассальной зависимости отъ султана, обязаны были платить ему дань и доставлять ему вспомогательное войско. Справедливость

требуетъ сказать, что эта зависимость слишкомъ часто бывала совершенно номинальной. Но во всякомъ случаѣ почти все сѣверное побережье Африки около 1800 г. офиціально находилось подъ эгидой турецкаго полумѣсяца. И такъ какъ „ближневосточный вопросъ“ особенно серьезное значеніе пріобрѣлъ въ XIX в., то естественно, что подъ именемъ „Ближняго Востока“ и дипломаты и широкая публика стали понимать земли и народы, объединенные подъ властью султана на рубежѣ минувшаго столѣтія.

Едва-ли не самой характерной чертой этого исполинскаго восточнаго царства была крайняя пестрота его этнографическаго состава. Воинственное племя турокъ-османовъ въ своемъ стремительномъ движеніи на западъ покорило десятки самыхъ разнообразныхъ націй, религій и нарѣчій и все это пыталось сочетать въ рамкахъ одного военно-теократическаго государства. Оно оставляло, правда, обыкновенно завоеваннымъ областямъ ихъ мѣстное управленіе, ихъ языкъ и ихъ наслѣдственное исповѣданіе вѣры, но все-таки подводило ихъ всѣхъ подъ извѣстный однообразный шаблонъ и ихъ соками и кровью питало мусульманское древо Оттоманской имперіи. Положеніе еще болѣе осложнялось тѣмъ, что различные народы далеко не вездѣ жили сплошными массами, а нерѣдко занимали одни и тѣ же районы вперемежку, отчего плоскости ихъ взаимныхъ треній, конечно, только увеличивались Такъ, напр., греки населяли не только полуостровъ Морею и острова Эгейскаго моря, но также значительныя части Македоніи, малоазійское и черноморское побережья и самый Константинополь. Болгары группировались не только тамъ, гдѣ нынѣ проходятъ границы Болгарскаго царства, но также въ Македоніи, гдѣ они сталкивались и перемѣшивались съ греками и сербами. Румыны занимали не только княжества Молдавію и Валахію, но также встрѣчались въ значительныхъ количествахъ все въ той же Македоніи, въ Албаніи и въ сѣверной Греціи. Армяне концентрировались не только въ горныхъ вилайетахъ Малой Азіи, но составляли также видную часть населенія и въ Стамбулѣ, и во всѣхъ другихъ крупныхъ городахъ страны. Турки-османы жили компактными массами въ Анатоліи, но за то въ Европѣ были разсѣяны небольшими кучками въ Болгаріи, Македоніи, Румыніи, Сербіи. Евреи въ сильной степени окрашивали собой городское населеніе. Цыгане бродили по обширной имперіи изъ конца въ конецъ. Объ африканскихъ народахъ я уже не упоминаю. Въ результатѣ получалась настоящая этнографическая мозаика, восточный коверъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ всевозможныхъ языковъ и національностей. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о пестротѣ племенного состава Оттоманской державы, я приведу здѣсь кой-какія цифры. Такъ какъ однако статистика никогда не являлась сильной стороной Высокой Порты, то мнѣ придется воспользоваться данными не начала XIX, а начала

XX ст., и притомъ съ той, впрочемъ, необходимой оговоркой, что даже и эти свѣдѣнія далеко не могутъ претендовать на особенную точность. Въ 1909-10 гг. на пространствѣ, занимавшемся въ 1800 г. въ Европѣ и Азіи Оттоманской имперіей, жило

Османовъ.	10 милл.
Румынъ	7 „
Сербо-Хорватовъ	5,6 „
Грековъ	4,5 „
Болгаръ	4,4 „
Арабовъ	5,0 „
Армянъ	1,5 „
Албанцевъ.	1,5 „
Евреевъ	0,5 „
Прочихъ національн.	5,0 „ [1])

Сто пятнадцать лѣтъ назадъ общая численность населенія Ближняго Востока была примѣрно въ 2-2$^1/_2$ раза меньше, т. е. доходила до 18-20 мил. противъ 45 мил. въ настоящее время. Однако пропорціональное соотношеніе различныхъ національностей оставалось приблизительно то же, что и нынѣ. И, чѣмъ меньше абсолютно были отдѣльныя племенныя части, тѣмъ чаще и болѣзненнѣе приходили онѣ въ столкновеніе другъ съ другомъ.

Къ пестротѣ нарѣчій и племенъ присоединялась еще пестрота религіозныхъ вѣрованій. Господствующимъ вѣроисповѣданіемъ было магометанское. Только его послѣдователи являлись полноправными гражданами, только они призывались на военную службу и допускались въ ряды государственной бюрократіи. Мусульмане составляли правящій и владѣющій слой населенія имперіи. Но они не насчитывали и половины всѣхъ подданныхъ султана. Греки, славяне (сербы, болгары, хорваты) и румыны принадлежали къ восточно-христіанской церкви, армяне—къ армяно-грегоріанской и т. д. Турки относились къ другимъ религіямъ въ общемъ довольно терпимо. Они не только не разрушали сложившихся церковныхъ организацій, но даже наоборотъ поддерживали и покровительствовали имъ, стремясь использовать ихъ въ своихъ интересахъ, какъ инструментъ сплоченія и объединенія разношерстныхъ элементовъ оттоманской державы. Особенно крупную роль играла при этомъ греческая церковь, патріархи которой окружались большимъ почетомъ со стороны правительства и даже имѣли особую стражу изъ янычаръ. Однако христіане все-таки были лишь подданными второго класса, лишенными цѣлаго ряда гражданскихъ и политическихъ правъ (они, напр., не служили въ арміи, не могли занимать государственныхъ должностей, обязаны были носить опре-

[1]) См. въ „Encyclopedia Britannica“ статьи „Balkans“, „Turkey“, „Rumania“ и „Greece“.

дѣленнаго цвѣта платье и строить опредѣленнаго типа дома, выполнять всѣ грязныя и тяжелыя работы для войскъ и т. п.), а также въ большинствѣ случаевъ полукрѣпостными крестьянами, находившимися въ тяжелой экономической зависимости отъ мусульманъ-помѣщиковъ.

Не меньшимъ зломъ, чѣмъ національная черезполосица, была черезполосица религіозная. Магометане и христіане жили вперемежку и это создавало между ними массу всевозможныхъ споровъ и осложненій. Хуже всего положеніе было тамъ, гдѣ налицо имѣлось большое количество такъ называемыхъ „ренегатовъ". Именемъ послѣднихъ обозначались тѣ христіане, которые ради лучшаго устроенія своей земной судьбы измѣняли традиціонной вѣрѣ отцовъ и переходили въ мусульманство. А такихъ было немало, особенно среди грековъ на Критѣ, сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, болгаръ въ Македоніи. „Ренегаты", какъ это свойственно всѣмъ вообще отступникамъ, становились заклятыми врагами своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и обнаруживали по отношенію къ нимъ гораздо больше жестокости, чѣмъ подлинные турки. Данное обстоятельство играло тѣмъ большую роль, что „ренегаты" оставались жить среди своихъ единоплеменниковъ и что изъ ихъ рядовъ выходило немало видныхъ дѣятелей оттоманской государственности. Извѣстно, что пресловутые янычары вербовались почти исключительно изъ числа христіанскихъ дѣтей. Въ министры и полководцы также нерѣдко попадали христіанскіе отступники. Такъ, напр., знаменитый Омеръ-Паша, блестящій турецкій администраторъ и военачальникъ середины прошлаго вѣка былъ по происхожденію австрійскимъ хорватомъ (по имени Михаилъ Латошъ), принявшимъ исламъ и впослѣдствіи сдѣлавшимся генералиссимусомъ султана.

Это—не единственный случай. Въ Оттоманской имперіи даже сложилась характерная поговорка, что для того, чтобы дойти до степеней высокихъ, надо быть христіанскимъ ренегатомъ. Впрочемъ, подобные счастливцы были все-таки, конечно, не слишкомъ частымъ явленіемъ, За то количество рядовыхъ отступниковъ православія исчислялось сотнями тысячъ, если не милліонами. Въ Албаніи, напр., около $^2/_3$ всего населенія были магометанами, а остальная треть дѣлилась между православными и католиками. Въ Босніи 35% составляли магометане, 20%—католики, прочіе исповѣдывали православіе. Аналогичныя отношенія наблюдались и въ нѣкоторыхъ другихъ районахъ Балканскаго полуострова. Легко себѣ представить, какое положеніе создавалось въ странѣ при наличности подобной племенной и религіозной пестроты. Здѣсь, въ этой пестротѣ, не смягченной присутствіемъ единой численно и культурно господствующей національности, не уравновѣшенной могущественными центростремительными тенденціями экономическаго характера, вызывавшимися повсюду въ позднѣйшіе періоды развитіемъ капитализма, лежала, несомнѣнно, Ахиллесова пята

Оттоманской имперіи, скрывалась основная причина ея неизбѣжнаго и неудержимаго распада.

III.

Около постели тяжело больного всегда суетится много людей. И, если этотъ больной еще вдобавокъ обладаетъ большимъ состояніемъ, то суматоха принимаетъ особенно безпокойный и назойливый характеръ. Въ ней принимаютъ участіе не только непосредственные члены семьи, но также и дальніе родственники, знакомые, наконецъ, просто всѣ, у кого есть на то время и охота. Каждый волнуется, каждый подаетъ совѣты, выслушиваетъ сообщенія о ходѣ болѣзни, то радостно потираетъ руки, то сокрушенно вздыхаетъ, и всегда при этомъ старается показать, что онъ-то какъ разъ и есть здѣсь самое главное лицо и что именно для него интересы больного дороже всего. Ибо каждый въ тайникахъ души разсчитываетъ, что умирающій богачъ не забудетъ его своими милостями въ завѣщаніи, а, если паче чаянія и забудетъ, то, въ обстановкѣ всеобщаго смятенія, онъ и самъ сумѣетъ себя по заслугамъ вознаградить.

Именно эта картина приходитъ въ голову тому, кто окидываетъ взглядомъ политику великихъ и малыхъ державъ по отношенію къ Оттоманской имперіи на протяженіи минувшихъ 115 лѣтъ. Николай I въ началѣ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, такъ однажды выразился о Высокой Портѣ: „У насъ на рукахъ больной, очень больной человѣкъ" [1]), и въ этихъ словахъ отразилось лишь общее мнѣніе тогдашней европейской государственной мудрости. Когда-то могущественная имперія султана была объявлена приговоренной къ смерти и многочисленные наслѣдники ея былого величія со всѣхъ сторонъ протягивали къ ней алчныя руки.

Оттоманское царство, или то, что было раньше Оттоманскимъ царствомъ, представляетъ собой, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе благодатныхъ и многообѣщающихъ уголковъ земли. Его естественныя богатства очень велики. Четыре большихъ судоходныхъ рѣки—Дунай, Нилъ, Тигръ и Евфратъ—прорѣзываютъ въ разныхъ направленіяхъ его территорію. Рядъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ самыми главными являются Балканы въ Европѣ и Тавръ и Антитавръ въ Малой Азіи, чрезвычайно разнообразитъ климатическія условія страны, создавая возможность для воздѣлыванія наиболѣе прихотливыхъ и нѣжныхъ культуръ. Извилистые, изобилующіе удобными бухтами и заливами берега Эгейскаго

---

[1]) W. Miller, „The Ottoman"; Empire 1801—1913, Cambridge, 1913, стр. 203.

моря и масса разбросанныхъ по нему острововъ образуютъ необходимыя предпосылки для широкаго развитія рыболовства, судоходства и торговли. Богатство почвы металлами и минералами (солью, мѣдью, свинцомъ, марганцемъ, углемъ, нефтью, асфальтомъ и т. д.) открываетъ заманчивыя перспективы сферы для промышленности. Необыкновенное плодородіе долины Нила, равнинъ Месопотаміи и нижняго бассейна Дуная при примѣненіи раціональныхъ методовъ обработки земли способно превратить ихъ въ настоящую житницу человѣчества. Наконецъ, обширность площади, занятой лѣсами (нынѣ въ предѣлахъ бывшей Оттоманской имперіи насчитывается до 30 милл. акровъ лѣсовъ, т. е. болѣе 11 милл. десятинъ), обѣщаетъ неисчислимыя выгоды всякому, кто сумѣетъ заняться ихъ умѣлой эксплуатаціей. Какъ видимъ, природа щедро наградила Высокую Порту своими лучшими дарами, способными возбуждать зависть и корыстолюбіе среди другихъ націй и государствъ. Недаромъ легенда относитъ мѣстопребываніе рая къ долинамъ Тигра и Евфрата. Недаромъ также наиболѣе цвѣтущія государства древности и средневѣковья—Вавилонія, Ассирія, Багдадскій калифатъ—сложились и выросли на равнинахъ передней Азіи. И однако, какъ ни велики естественныя богатства Оттоманской державы, ея главная цѣнность заключается не въ этомъ, а въ ея исключительно выгодномъ географическомъ положеніи.

Имперія османовъ находилась на скрещеніи трехъ громадныхъ частей свѣта—Европы, Азіи и Африки—и благодаря этому естественно командовала подходами къ наиболѣе богатымъ и населеннымъ странамъ трехъ континентовъ. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ она граничила съ тевтонскими монархіями, на западѣ соприкасалась съ Италіей, на востокѣ и юго-востокѣ близко подходила къ Индіи и Персіи, на юго-западѣ черезъ Египетъ продвигалась до Судана и другихъ районовъ центральной Африки. Тѣмъ самымъ турецкая держава оказывалась связующимъ звеномъ между важнѣйшими государствами и народами стараго міра, математическимъ скрещеніемъ ихъ многообразныхъ политическихъ и хозяйственныхъ интересовъ. Это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія двоякаго рода. Во-первыхъ, Оттоманская имперія должна была становиться и, дѣйствительно, все больше становилась торговымъ посредникомъ между Европой, съ одной стороны, побережьемъ Индійскаго океана и сѣверо-восточной Африки, съ другой. Экономическія выгоды такого положенія ясны сами собой. Во-вторыхъ, та же Оттоманская имперія занимала чрезвычайно благопріятную стратегическую позицію, будучи въ состояніи съ сравнительно небольшой затратой энергіи наносить изъ центра удары своимъ противникамъ на периферіи и такимъ образомъ оказывать глубокое и далеко расходящееся вліяніе на политику трехъ частей свѣта. Что положеніе Порты и особенно ея столицы Константинополя, съ военно-политической точки зрѣнія, дѣйствительно пре-

восходно, мы знаемъ отъ такого неоспоримаго авторитета въ данной области, какъ Наполеонъ I. Частный секретарь послѣдняго разсказываетъ, что, когда во время переговоровъ между великимъ корсиканцемъ и Александромъ I въ Тильзитѣ (въ 1807 г.) о раздѣлѣ Турціи русскій царь заявилъ претензіи на полученіе „Царьграда", Наполеонъ съ негодованіемъ воскликнулъ: „Константинополь! Константинополь! Никогда! Константинополь—это міровая имперія!" [1])

Изъ предыдущаго ясно, что распадающаяся Оттоманская держава являлась богатѣйшимъ политическимъ наслѣдствомъ. И потому по человѣчеству вполнѣ понятно, если различныя европейскія націи и государства втеченіе всего XIX в. не переставали носиться съ планами ея полнаго „раздѣла" или, по крайней мѣрѣ, ея частичнаго расхищенія. Процессъ разложенія имперіи Османовъ происходилъ двумя путями: во-первыхъ, путемъ безцеремоннаго захвата ея отдѣльныхъ провинцій и вассальныхъ владѣній такъ называемыми великими державами и, во-вторыхъ, путемъ выдѣленія изъ ея разноплеменнаго состава цѣлаго ряда новыхъ небольшихъ государствъ, жители которыхъ раньше являлись подданными султана, но впослѣдствіи завоевали себѣ независимость. Оба пути, впрочемъ, приводили къ одному и тому же конечному результату: они подрывали самыя основы былого оттоманскаго величія.

Экспропріація турецкихъ земель великими державами, офиціально облекаемая въ самыя разнообразныя юридическія формы, отъ скромнаго „протектората" до полнаго „завоеванія", принялъ въ XIX вѣкѣ грандіозные размѣры. Начало ей положила Франція, захвативъ въ 1830 г. Алжиръ. Въ 1878 г., какъ результатъ русско-турецкой войны, Россія получила Бессарабію (входившую въ составъ княжества Молдавіи) и область Карса и Батума, Англія оккупировала Кипръ, Австро-Венгрія—Боснію и Герцеговину. Въ 1881 г. Франція взяла подъ „протекторатъ" Тунисъ, въ 1882 г. Англія заняла Египетъ [1]) и въ 1898 г. Суданъ, наконецъ, въ 1911-12 гг. Италія завоевала Триполи и Киренаику.

Одновременно политическая гангрена постепенно разрушала организмъ Оттоманской имперіи изнутри. Въ 1804-17 гг. разразилось знаменитое сербское возстаніе, открывшее собой борьба балканскихъ народовъ за свою независиность. Послѣ 13-лѣтнихъ героическихъ усилій, поддерживаемые попеременно то Австріей, то Россіей, сербы добились извѣстной автономіи. Въ 1829 г. по Адріанопольскому миру между Турціей и Россіей Сербія была признана независимымъ вассальнымъ княжествомъ, въ 1878 г.

---

[1]) W. Miller, ibid., стр. 39.

[1]) Въ 1915 г. Египетъ и Кипръ формально объявлены великобританскими владѣніями. Въ 1908 г. Боснія и Герцеговина были аннектированы Габсбургской монархіей.

она стала вполнѣ суверенным государствомъ. За сербами наступила очередь грековъ. Война 1821-29 гг. между греками и турками, ведшаяся съ перемѣннымъ счастьемъ и извѣстная подъ именемъ „войны за греческую независимость", вызвала, въ концѣ концовъ, вмѣшательство великихъ державъ (Россіи, Англіи и Франціи) и привела къ созданію вассальнаго греческаго королевства, которое, впрочемъ, уже въ 1830 г. сдѣлалось вполнѣ самостоятельнымъ. Въ 1864 г. къ Греціи были присоединены находившіеся до того подъ англійскимъ протекторатомъ (съ 1815-1864 гг.) Іонійскіе острова, въ 1881 г.—часть остававшихся еще подъ турецкимъ владычествомъ Эпира и Өессаліи. Затѣмъ выдвинулась Румынія. Молдавія и Валахія уже въ началѣ XIX в. представляли собой вассальныя независимыя княжества Порты, управляемыя назначаемыми султаномъ на 7-лѣтній срокъ господарями. Послѣдніе вербовались долгое время исключительно лишь изъ числа богатыхъ греческихъ фамилій Константинополя (такъ наз. фанаріотовъ—отъ имени квартала Фанаръ, гдѣ они жили въ столицѣ). Однако въ 1822 г. румынскимъ боярамъ удалось добиться отмѣны этого порядка и отнынѣ господари стали назначаться изъ состава мѣстной знати. Въ 1861 г., не смотря на цѣлый рядъ политическихъ и дипломатическихъ препятствій, произошло объединеніе обоихъ княжествъ, причемъ господари стали выбираться пожизненно самимъ населеніемъ. Въ 1877 г. Румынія стала суверенным государствомъ, въ 1881 г. она получила титулъ королевства.

Послѣдними въ этомъ неудержимомъ процессѣ національной консолидаціи оказались болгары. Война 1877-78 гг. создала вассальное княжество Болгарію и автономную болгарскую провинцію Восточную Румелію, которая должна была находиться подъ управленіемъ особаго христіанскаго генералъ-губернатора. Въ 1885 г. однако обѣ искусственно раздѣленныя части болгарскаго народа „самовольно", т. е. безъ согласія Порты и державъ, объединились. А въ 1908 г., въ критическій моментъ младо-турецкой революціи, Болгарія объявила свою независимость и приняла офиціальное наименованіе „царства". Послѣ всѣхъ перечисленныхъ политико-хирургическихъ операцій у Турціи оставалась еще на Балканахъ узкая полоса земли, соединявшая побережье Чернаго и Адріатическаго морей и отдѣлявшая Грецію отъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Война 1912-13 гг., подробности которой, конечно, свѣжи въ памяти у читателя, лишила Оттоманскую имперію и этого послѣдняго остатка ея когда-то обширныхъ европейскихъ владѣній. Въ результатѣ болѣе чѣмъ столѣтней „консолидаціи" (выраженіе Дизраэли) турецкой державы площадь ея балканской территоріи сократилась съ 238.000 кв. миль (въ 1801 г.) до 11.000 кв. миль, или 26.100 кв. км. (въ 1914 г.); въ ея рукахъ здѣсь нынѣ остаются лишь самый Константинополь, немного болѣе половины Адріанопольскаго вилайета и Чаталджинскій санджакъ (муте-

сарифликъ). Такъ какъ въ то же время Высокая Порта потеряла втеченіе XIX ст. всѣ свои африканскія земли, о чемъ рѣчь была уже выше, то, въ концѣ концовъ, она почти превратилась въ чисто-азіатскую державу, т. е. противъ собственной воли осуществила совѣтъ фонъ-деръ-Гольца, данный ея властителямъ много лѣтъ назадъ. Извѣстный нѣмецкій генералъ, такъ много потрудившійся надъ реорганизаціей турецкой арміи, находилъ, что европейскія и африканскія владѣнія только обезсиливаютъ Оттоманскую имперію, и поэтому рекомендовалъ главѣ правовѣрныхъ въ интересахъ болѣе здороваго развитія его государства добровольно ограничить предѣлы послѣдняго однѣми лишь „коренными", азіатскими областями [1]).

Но, хотя такимъ образомъ минувшія 115 лѣтъ произвели огромныя перемѣны въ размѣрахъ и физіономіи Османскаго царства, „ближне-восточный вопросъ" все-таки остался неразрѣшеннымъ. Наоборотъ, онъ еще болѣе запутался. Оттоманская имперія все еще не была „раздѣлена" и Константинополь все еще продолжалъ искать своего „господина". На Балканахъ образовался комплексъ маленькихъ самостоятельныхъ государствъ съ большими аппетитами, которыя вѣчно ссорились между собой и, будучи въ отдѣльности слишкомъ слабыми для веденія дѣйствительно самостоятельной политики, представляли собой великолѣпный матеріалъ для шахматной игры европейской дипломатіи. Наконецъ, мощное развитіе капиталистическаго имперіализма въ послѣднія десятилѣтія въ сильной степени обострило борьбу между великими державами за Ближній Востокъ. И, что особенно важно, къ старымъ, такъ сказать, традиціоннымъ, претендентамъ на турецкое наслѣдство — Англіи, Франціи, Австріи и Россіи— прибавило еще двоихъ новыхъ: Германію и Италію. Для того, чтобы нѣсколько разобраться въ сложномъ клубкѣ взаимно перекрещивающихся „интересовъ" спекулирующихъ на распадъ Оттоманской имперіи крупныхъ государствъ, постараемся выяснить основныя линіи ихъ „ближне-восточной политики".

III.

Первой великой державой, пришедшей въ непосредственное столкновеніе съ могущественнымъ царствомъ османовъ, была Австрія. Уже въ XV в. турки открыли атаку на Венгрію. Столѣтіемъ позже Будапештъ вмѣстѣ съ большей частью венгерскихъ земель подпали подъ власть Высокой Порты, подъ которой они и оставались почти 150 лѣтъ. Въ этотъ періодъ Оттоманская имперія достигла высшей точки своего развитія. Она вела войны во всѣхъ концахъ своей обширной территоріи, то и дѣло наводняла своими

---

[1]) См. P. Rohrbach „Deutschland unter den Weltvölkern"; 1908, стр. 259.

полчищами предѣлы Австріи и подчасъ грозила даже самому ея существованію. Такъ, въ 1529 г. Сулейманъ Великолѣпный осадилъ Вѣну, но былъ отбитъ. Въ 1683 г. Кара-Мустафа повторилъ тотъ же опытъ, но потерпѣлъ пораженіе отъ пришедшаго на выручку австрійцамъ польскаго короля Яна Собѣскаго. Вплоть до конца XVII ст. Турція наступала и вся „ближне-восточная политика" Австріи въ тотъ періодъ сводилась къ защитѣ своихъ владѣній отъ страшнаго натиска. Карловицкій миръ 1699 г., о которомъ уже упоминалось выше, явился поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ между обоими государствами. Впервые Оттоманская имперія была побѣждена коалиціей Австріи, Польши, Венеціи и Россіи. Она вынуждена была сдѣлать серьезныя территоріальныя уступки своимъ противникамъ и измѣнить основное направленіе своей внѣшней политики: отъ наступленія она перешла къ оборонѣ и изъ страшнаго олицетворенія гнѣва Господня стала все больше превращаться въ „больного человѣка", покорно ждущаго своей смерти на берегахъ Золотого Рога. И въ той мѣрѣ, въ какой аггрессивный духъ постепенно исчезалъ во дворцѣ у Высокой Порты, онъ крѣпъ и развивался въ рядахъ господствующихъ классовъ Австріи, заставляя ихъ, въ свою очередь, переходить въ наступленіе и предъявлять свои требованія на богатое турецкое наслѣдство. И уже тутъ, въ эту раннюю эпоху „ближне-восточнаго вопроса", вполнѣ ясно опредѣлилась основная характерная черта австрійскихъ „интересовъ" въ царствѣ османовъ, черта, сохранившаяся въ полной мѣрѣ вплоть до настоящаго дня,—ихъ ограниченность однимъ лишь Балканскимъ полуостровомъ. Австрійская „сфера вліянія"—это только Балканы (и даже скорѣе только часть Балканъ), и въ соотвѣтствіи съ этимъ австрійская „ближне-восточная политика" есть по существу лишь „балканская политика". Дальше указанныхъ рамокъ вѣнскія притязанія не заходили и не заходятъ.

Однако въ этой облюбованной ею области Австрія твердо знаетъ, чего она хочетъ. На протяженіи минувшихъ 200 лѣтъ ея поведеніе на Балканахъ, конечно, не разъ подвергалось частичнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ той или иной дипломатической и военной ситуаціи. Но все-таки кардинальная линія ея политики оставалась неизмѣнно одна и та же: монархія Габсбурговъ всегда стремилась и до настоящаго момента продолжаетъ стремиться наложить свою руку на *западную половину* Балканскаго полуостр ова. Англійскій дипломатъ лордъ Хаутонъ разсказываетъ, что какъ-то вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса 1878 г. австрійскій кронпринцъ Рудольфъ въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ: „Вѣна ничего не имѣла бы противъ занятія Константинополя Россіей, еслибы одновременно орлы Габсбурговъ были водружены надъ Салониками [1])". Эта откровенная фраза даетъ ключъ къ понима-

[1]) P. Rohrbach, ibid., стр. 242.

нію „ближне-восточной политики“ двуединой Дунайской имперіи. И она въ общемъ неуклонно слѣдуетъ осуществленію намѣченныхъ цѣлей. Въ XVIII ст. Австрія завоевываетъ Сербію и втеченіе 21 года (1718-39) удерживаетъ ее подъ своимъ владычествомъ. Въ 1797 г. она по миру въ Кампоформіо получаетъ Далмацію, въ 1878 г. занимаетъ Боснію и Герцеговину, которыя 30 лѣтъ спустя офиціально становятся ея неотдѣлимыми владѣніями. Въ то же время Австрія прилагаетъ огромныя усилія къ тому, чтобы обезпечить за собой доминирующее положеніе въ Сербіи, Черногоріи, Албаніи и западной Македоніи съ разсчетомъ при столь нетерпѣливо ожидаемомъ „раздѣлѣ“ Оттоманской имперіи предъявить свои права на облюбованные районы. Отсюда естественно вытекаетъ для нея задача двоякаго рода: съ одной стороны, необходимость заранѣе связать метрополію съ ея будущими провинціями возможно болѣе тѣсными узами политическими, экономическими, духовными, съ другой, еще болѣе повелительная необходимость поддерживать ихъ слабыми, раздробленными, неспособными къ серьезному сопротивленію. Австрія дѣлаетъ то и другое.

Своей политикой въ XVIII ст. ей удается вселить въ сознані сербовъ убѣжденіе, что единственной державой, которая способна освободить ихъ изъ-подъ турецкаго ига, является только имперія Габсбурговъ. Недаромъ сербскій поэтъ того времени называетъ Іосифа II австрійскаго „покровителемъ сербской расы“. Дѣйствительно, въ годы рожденія сербской независимости Дунайская монархія обнаруживаетъ величайшій интересъ къ судьбамъ маленькаго народа и въ пику Россіи предлагаетъ ему свою помощь и протекторатъ. Позднѣе она энергично поддерживаетъ австрофильскую политику Александра Карагеоргіевича (1842-59) и Милана (1882-89), участвуетъ во всѣхъ интригахъ противъ вѣнценосныхъ представителей руссофильства, въ 1885 г. спасаетъ Сербію отъ разгрома Болгаріей, протестуетъ противъ Санъ-Стефанскаго договора, какъ закрывающаго Сербіи и Австріи выходъ къ Эгейскому морю, и добивается его серьезной модификаціи на Берлинскомъ конгрессѣ, способствуетъ развитію торговыхъ отношеній между обѣими странами, противодѣйствуетъ итальянскимъ планамъ въ Албаніи и Македоніи, наконецъ, выдвигаетъ въ 1908 г. проектъ соединенія рельсовой линіей Сараева съ Митровицей и установленія такимъ образомъ прямого ж.-д. пути между Вѣной и Салониками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія строго блюдетъ, чтобы опекаемыя ею области и народы не стали слишкомъ сильными и самостоятельными, и заблаговременно принимаетъ рядъ предупредительныхъ мѣръ. На Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. ей удается вдвинуть между Сербіей и Черногоріей пресловутый Новобазарскій санджакъ и этимъ способомъ воспрепятствовать объединенію двухъ одноплеменныхъ

государствъ. Она всячески борется противъ полученія Сербіей свободнаго выхода къ морю и противъ велико-сербской агитаціи Но въ особенности энергично она выступаетъ противъ всякаго усиленія Россіи на Балканахъ, ибо это естественно грозитъ реализаціи ея наиболѣе завѣтныхъ надеждъ. Поэтому въ эпоху Крымской кампаніи Австрія занимаетъ весьма угрожающую по отношенію къ восточной сосѣдкѣ позицію и тѣмъ вынуждаетъ русскія войска къ отступленію изъ Турціи и Румыніи. Поэтому въ 1878 г. она (вмѣстѣ съ Англіей) вырываетъ у Россіи значительную часть плодовъ ея побѣдъ. Поэтому въ концѣ прошлаго вѣка она привѣтствуетъ увлеченіе Россіи дальне-восточной политикой и въ 1897 г. заключаетъ въ ней соглашеніе, исключающее всякіе завоевательные планы со стороны обѣихъ державъ на Балканахъ, а въ 1901 г. вырабатываетъ съ ней общую программу о поддержаніи status quo въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи Поэтому съ воцареніемъ „русскаго вліянія" въ Сербіи при нынышнемъ королѣ, Петрѣ Карагеоргіевичѣ (съ 1903 г.), она начинаетъ упорную экономическую борьбу, ищетъ сближенія съ Болгаріей и, опираясь на Германію, неоднократно грозитъ кулакомъ Россіи (особенно въ 1908 и 1914 гг.). Австро-Венгрія, по извѣстному образному выраженію, „часовой на Балканахъ", и она зорко сторожитъ свою будущую добычу.

Характеризуя ближне-восточную политику Габсбургской монархіи, я то и дѣло вынужденъ былъ упоминать имя Россіи. И это вполнѣ понятно. Обѣ сосѣднія державы съ незапамятныхъ временъ являлись постоянными соперницами въ спорной области. Обѣ претендовали на доминирующее вліяніе въ предѣлахъ Европейской Турціи. Обѣ намѣчали себѣ однѣ и тѣ же или очень близко совпадавшія другъ съ другомъ доли оттоманскаго наслѣдства. И потому естественно, что между „ближне-восточной" активностью обѣихъ имперій существовала всегда примѣрно столь же тѣсная связь, какъ между положительнымъ и отрицательнымъ полюсами электрической энергіи. Притязанія Россіи въ сферѣ господства „больного человѣка" были гораздо больше, чѣмъ притязанія Австріи, ея цѣли и проекты неизмѣримо шире и грандіознѣе.

Первоначально дѣло шло лишь о стихійной тягѣ Москвы на югъ, къ удобному и свободному выходу на Черное море. Отправнымъ пунктомъ этого великаго историческаго движенія можно считать конецъ XVII в., когда въ правленіе царевны Софьи (1682-89) Россія приняла участіе въ „священномъ союзѣ" Австріи, Польши и Венеціи противъ турокъ. Это было первой серьезной попыткой аггрессивной политики по отношенію къ Оттоманской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ „ближне-восточной" политики Россіи. Петръ Великій втеченіе своего долгаго царствованія энергично стремился пробиться къ завѣтнымъ „эвксинскимъ берегамъ", для чего предпринималъ рядъ походовъ противъ ос-

мановъ и татаръ (въ 1695, 1696-1700-710, 1712). Однако всѣ его усилія стать твердой ногой на Черномъ и Азовскомъ моряхъ окончились неудачей. Войны съ Оттоманской имперіей продолжались и послѣ смерти Петра. Но только Екатеринѣ II посчастливилось осуществить его наиболѣе смѣлыя мечтанія. При ней по двумъ договорамъ—въ Кучукъ-Кайнарджи (1774 г.) и Яссахъ (1791 г.)—Россія получила навсегда Крымъ, Кубань и все черноморское побережье до Днѣстра, пріобрѣла право свободнаго плаванія по Черному, Мраморному и Средиземному морямъ и, наконецъ,—что особенно важно—была признана болѣе или менѣе официальной покровительницей румынскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и христіанскаго населенія самой Турціи.

Званіе „покровительницы“ давало Россіи возможность выступать съ различными „представленіями“ отъ имени своихъ довѣрителей предъ Портой и такимъ образомъ снабжало ее очень удобнымъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла послѣдней. Съ такимъ „ближне-восточнымъ“ наслѣдствомъ Россія вступила въ XIX в. И тутъ произошла довольно крутая перемѣна. Ея первоначально нѣсколько неясная и расплывчатая тенденція „на югъ“ постепенно окрѣпла, развилась и приняла законченную форму которая въ своемъ наиболѣе яркомъ выраженіи стала гласить превращеніе Чернаго моря въ „русское море“. Чрезвычайно любопытно отмѣтить, что такой видный представитель германскаго имперіализма, какъ Пауль Рорбахъ, признаетъ „неоспоримое историческое и моральное право“ Россіи на эту сложную политическую операцію [1]).

Превращеніе Чернаго моря въ „русское море“ требовало, очевидно, охвата его съ двухъ сторонъ: съ востока и съ запада. Завоеваніе Кавказа и областей Карса и Батума (послѣднихъ въ 1878 г.) служило осуществленіемъ первой части смѣлаго плана. Оно далось не легко (одно покореніе Кавказа потребовало 60 лѣтъ борьбы). Но это все-таки была еще сравнительно болѣе простая задача. Гораздо сложнѣе обстояло дѣло съ заходомъ съ запада, ибо тутъ Россіи приходилось сталкиваться съ могущественнымъ сопротивленіемъ со стороны Австріи и еще нѣкоторыхъ другихъ великихъ державъ, о которыхъ ниже. Поскольку однако позволяли время и обстоятельства, Россія все время проводила одну опредѣленную „ближне-восточную“ линію: раздѣлъ Турціи, собственное укрѣпленіе въ Константинополѣ и на проливахъ и, быть можетъ, созданіе великаго всеславянскаго царства, включающаго въ свой составъ христіанскіе народы Балканъ и, по крайней мѣрѣ, часть славянскихъ подданныхъ Габсбургской короны. Вотъ почему съ точки зрѣнія официальной Россіи все, что усиливаетъ позицію и вліяніе нашего отечества въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи,

[1]) См. P. Rohrbach, „Deutschland unter den Weltvölkern“; 1908, стр. 243

всегда являлось благомъ; все, что препятствуетъ этому усиленію,—зломъ. Ибо предполагалось, что, если Россія станетъ твердой стопой у воротъ Золотого Рога, малоазіатскій берегъ Чернаго моря естественно и неизбѣжно перейдетъ въ ея же руки, замыкая такимъ образомъ „русскую линію" вокругъ важнѣйшаго воднаго бассейна Ближняго Востока. И Россія не менѣе послѣдовательно, чѣмъ Австрія, постоянно сталкиваясь и конкурируя съ послѣдней все время ведетъ *свою* особую политику на Балканахъ.

Въ 1802 г. въ обмѣнъ за услуги, оказанныя Портѣ въ борьбѣ съ Наполеономъ, она получаетъ отъ султана обѣщаніе, что молдавскіе господари не будутъ назначаться безъ санкціи царя. Въ 1807 г. Россія вмѣшивается въ сербское возстаніе, а въ 1812 г. по Бухарестскому договору обезпечиваетъ установленіе сербской автономіи и пріобрѣтаетъ для себя Бессарабію. Въ 20-хъ гг. она покровительствуетъ развитію греческаго движенія за независимость. Знаменитое общество „Philike Hetairia", подготовившее возстаніе 1821 г., возникаетъ въ 1814 г. въ Одессѣ. Ипсиланти и Каподистрія — лица, сыгравшія столь крупную роль въ борьбѣ за освобожденіе Греціи,—долгое время находятся на русской государственной службѣ. Въ 1826 г. Россія заключаетъ съ Турціей такъ называемую Аккерманскую конвенцію, гарантирующую ей свободное плаваніе по Черному морю и назначеніе румынскихъ господарей изъ состава мѣстной румынской знати, опять-таки съ согласія царя. Въ 1828-9 гг. во время войны, вызванной несоблюденіемъ Портой Аккерманской конвенціи, Россія оккупируетъ (на 6 лѣтъ) Молдавію и Валахію, Дибичъ занимаетъ Адріанополь, Эносъ въ Эгейскомъ морѣ и Мидію на побережьѣ Чернаго моря и останавливается почти подъ стѣнами Константинополя. По Адріанопольскому миру 1829 г. Россія получаетъ Добруджу; снова подтверждается ея право свободнаго плаванія по Черному и Мраморному морямъ; Дарданеллы признаются открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ странъ. Въ 1833 г. султанъ, прижатый къ стѣнѣ грознымъ возстаніемъ египетскаго вице-короля Мегметъ-Али, обращается за помощью къ Николаю I. Русскій флотъ вступаетъ въ Босфоръ; русская армія окапывается на его азіатскомъ берегу; вліяніе Россіи въ Портѣ становится всемогущимъ. И въ результатѣ между обѣими державами заключается договоръ о взаимной поддержкѣ въ случаѣ необходимости: Россія обязуется при этомъ доставлять султану вспомогательное войско Турція—по знаку изъ Петербурга закрывать Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ націй (по настоянію державъ, въ 1841 г. была, впрочемъ, включена въ число этихъ націй и Россія).

Въ 1848 г. Россія снова занимаетъ румынскія княжества въ интересахъ „возстановленія порядка", нарушеннаго здѣсь отголосками западно-европейскихъ революцій, и по Балто-Лиманской конвенціи 1849 г. добивается значительнаго усиленія своего

авторитета въ нижнемъ теченіи Дуная. Наканунѣ Крымской кампаніи Николай I предлагаетъ Англіи раздѣлъ Турціи на слѣдующихъ основаніяхъ: Англія получаетъ Критъ и Египетъ; Россія „временно" оккупируетъ Константинополь и создаетъ независимыя княжества Сербію и Болгарію. Предложеніе это однако было вѣжливо, но рѣшительно отклонено. Въ 1853 г. Россія требуетъ установленія своего формальнаго протектората надъ греческой церковью въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, изъ-за чего, въ концѣ концовъ, разыгрывается Крымская война, а въ 1870 г. настаиваетъ на образованіи особаго болгарскаго экзархата. Въ 1878 г. русскія войска снова стоятъ подъ стѣнами Константинополя и въ Санъ-Стефано заключается извѣстный мирный договоръ, согласно которому значительно увеличивались и почти сливались другъ съ другомъ территоріи Сербіи и Черногоріи и создавалась „Великая Болгарія" отъ Эгейскаго до Чернаго морей, лежащая у самыхъ воротъ Царьграда. Договоръ этотъ, впрочемъ, какъ упоминалось выше, былъ сильно измѣненъ Берлинскимъ конгрессомъ.

Позднѣе, убѣдившись, что освобожденная Болгарія обнаруживаетъ слишкомъ большую самостоятельность, офиціальная Россія добивается удаленія (въ 1886 г.) князя Александра Баттенбергскаго, сторонника доктрины: „Болгарія для болгаръ", и вплоть до 1896 г. не можетъ примириться съ неугоднымъ ей новымъ болгарскимъ повелителемъ: Фердинандомъ Кобургскимъ. Начавшееся съ середины 90-хъ гг. прошлаго столѣтія увлеченіе Россіи дальне-восточными дѣлами нѣсколько ослабило интересъ ея къ балканскому вопросу. Но въ послѣдніе годы, послѣ неудачнаго столкновенія съ Японіей, вниманіе ея снова переносится на завѣтные „эвксинскіе берега". Здѣсь она снова неизбѣжно сталкивается съ Австріей, покровительствуетъ Сербіи, гдѣ съ 1903 г. ея вліяніе становится доминирующимъ, способствуетъ созданію „Балканской лиги" (въ 1912 г.), разгромившей Турцію, и, наконецъ, съ первымъ ударомъ міровой войны въ давно уже небывалой конкретной формѣ начинаетъ думать и готовиться къ разрѣшенію старой проблемы: Константинополь и проливы. Длинная цѣпь фактовъ и событій, объединенныхъ одной общей основной идеей...

V.

Обѣ великія державы, „ближне-восточную политику" которыхъ мы до сихъ поръ разсматривали, не смотря на свое традиціонное вѣковое соперничество, имѣютъ однако нѣчто общее въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ: обѣ онѣ заинтересованы въ разрушеніи Оттоманской имперіи; обѣ онѣ стремятся возможно скорѣе и полнѣе положить предѣлъ существованію „больного человѣка" на Босфорѣ. И, если распадающееся царство османовъ сумѣло тѣмъ не менѣе выдержать почти 200-лѣтній напоръ Австріи

и Россіи и вплоть до настоящаго дня сохранить извѣстную жизнеспособность, то это объясняется прежде всего той могущественной поддержкой, которую Порта втеченіе всего XIX ст. получала со стороны Англіи. Ибо непосредственные экономическіе и политическіе интересы этой послѣдней настоятельно диктовали ей въ противоположность двумъ сѣвернымъ имперіямъ охрану цѣлости и независимости турецкаго государства.

Каковы были эти интересы?

Прежде всего чисто-торговые. Коммерческія сношенія Англіи съ Ближнимъ Востокомъ начались еще въ XVI ст. Уже въ 1520 г. мы находимъ перваго англійскаго консула на Критѣ. Въ 1581 г. возникла „Company of Merchants of the Levant", которая подобно всѣмъ своимъ наслѣдникамъ, вплоть до 1803 г., назначала и оплачивала британскихъ посланниковъ при дворѣ султана. Въ задача послѣ ;нихъ входила главнымъ образомъ защита экономическихъ интересовъ могущественной кампаніи и только на второмъ планѣ уже стояли вопросы политическаго характера. Левантійская торговля Англіи успѣшно развивалась втеченіе всѣхъ минувшихъ трехъ столѣтій и въ настоящее время достигаетъ весьма круп ыхъ размѣровъ [1]). И вполнѣ естественно, конечно, что съ точки зрѣнія своихъ торговыхъ интересовъ Великобританія должна бы a очень отрицательно относиться къ расхищенію Оттоманской имперіи великими державами Европы.

Но былъ у Англіи и еще одинъ—и притомъ гораздо болѣе властный и повелительный — мотивъ, заставлявшій ее дѣйствовать въ томъ же направленіи: это—забота объ охранѣ своихъ восточныхъ колоніальныхъ владѣній. Около середины XVIII в. Великобританія окончательно утвердилась въ Индіи. Тридцатью годами позже она начала заселеніе Австраліи и Новой Зеландіи. Въ XIX ст. она ступила твердой ногой на юго-восточномъ побережьѣ Китая. Съ тѣхъ поръ основной догмой внѣшней политики Альбіона становится обезпеченіе цѣлости своихъ богатѣйшихъ заокеанскихъ провинцій и свобода и безопасность ведущихъ къ нимъ путей. Слабая и распадающаяся Турція, являющаяся буферомъ между Россіей и Австріей, съ одной стороны, и побережьемъ Индійскаго океана, съ другой, была настоящей находкой для Великобританіи

---

[1]) Въ 1912 г. размѣры англійской торговли на Ближнемъ Востокѣ выражались слѣдующими цифрами:

	Ввозъ		Вывозъ	
Турція . .	6,4	мил. ф.	8,1	мил. ф.
Румынія .	3,3	„ „	2,9	„ „
Болгарія .	0,5	„ „	1,0	„ „
Сербія . .	—	„ „	0,3	„ „
Греція . .	2,2	„ „	2,5	„ „
Египетъ .	25,8	„ „	9,5	„ „
	38,2	„ „	24,3	„ „

Еслибы она не существовала, ее необходимо было бы выдумать. Сама имперія османовъ была Англіи не страшна и вмѣстѣ съ тѣмъ она прикрывала собой подступы къ знаменитой „жемчужинѣ британской короны“. Отсюда доминирующая нота всей „ближневосточной“ политики Соединеннаго королевства въ XIX в.: охраненіе неприкосновенности владѣній султана. Отсюда вѣчное стремленіе препятствовать продвиженію Россіи на югъ и въ особенности захвату ею Константинополя. Отсюда почти столѣтнее „туркофильство“ англійскихъ государственныхъ людей. На рубежѣ XX ст., вмѣстѣ съ появленіемъ Германіи на Ближнемъ Востокѣ, настроеніе правящихъ круговъ Великобританіи сильно измѣнилось. Но рѣчь объ этомъ будетъ еще ниже.

Въ послѣдніе годы XVIII и первые годы XIX в., когда Англія напрягала всѣ усилія въ борьбѣ съ французскимъ колоссомъ, ей волей-неволей приходилось искать союза съ Россіей и смотрѣть сквозь пальцы на балканскія поползновенія послѣдней. Но, когда могущество Наполеона было, наконецъ, сломлено и великій завоеватель очутился на скалистомъ островкѣ, затерянномъ въ безбрежности океана, дружбѣ между обѣими державами пришелъ конецъ и, наоборотъ, открылась почти столѣтняя эра ихъ открытой и незамаскированной вражды. Когда въ 1828 г., готовясь къ войнѣ съ Турціей, Россія предложила Англіи принять участіе въ предполагаемой кампаніи, послѣдняя отвѣтила отказомъ. Адріанопольскій миръ 1829 г. сильно напугалъ Великобританію и, между прочимъ, побудилъ ее настаивать на суженіи границъ Греческаго королевства, которое въ то время подозрѣвалось въ руссофильскихъ симпатіяхъ. Въ 30-хъ гг. Пальмерстонъ пришелъ къ выводу, что въ интересахъ Англіи лежитъ поддерживать небольшія христіанскія государства на Балканахъ, какъ барьеръ противъ движенія Россіи на Константинополь. Поэтому въ 1837 г. онъ посылаетъ въ Сербію ко двору Милоша полковника Ходжа, въ качествѣ перваго британскаго консула, и энергично поддерживаетъ тамъ антирусскую партію. Точно также въ 1848-49 гг. Великобританія беретъ руку Румыніи противъ Россіи, а въ 1865-70 гг. сочувственно относится къ созданію независимой Болгаріи, разсматривая послѣднюю, какъ еще одно препятствіе на пути Россіи къ берегамъ Золотого Рога. Въ 1885 г. она охотно признаетъ возсоединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей, ибо усматриваетъ въ этомъ фактѣ проявленіе антирусскаго духа.

Впрочемъ, косвенное содѣйствіе нарожденію балканскихъ княжествъ и королевствъ, появленіе которыхъ становилось объективно неизбѣжнымъ, не мѣшаетъ Англіи энергично спасать отъ Турціи то, что еще поддавалось спасенію. Въ 1841 г. она добивается особой европейской „конвенціи о проливахъ“, закрывающей въ мирное время Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ. Въ 1853-55 г. Англія принимаетъ участіе въ Крымской кампа-

ніи и на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. проводитъ освобожденіе Румыніи отъ русскаго вліянія и ограниченіе размѣровъ русскаго (а также и турецкаго) военнаго флота на Черномъ морѣ, которое Россія, съ молчаливаго согласія Германіи, нарушила только въ 1870 г. Но, быть можетъ, самымъ нагляднымъ и характернымъ для всей позиціи Великобританіи въ „ближне-восточномъ вопросѣ„ является ея поведеніе въ 1877-78 гг. Въ маѣ 1876 г. разразились извѣстныя турецкія звѣрства въ Болгаріи. Башибузуки но протяженіи всей страны массами избивали беззащитныхъ христіанъ. Особенные ужасы разыгрались въ деревнѣ Батакъ. Жители ея, подвергшіеся нападенію со стороны двухъ бандъ насильниковъ, сдались на условіи, что ихъ жизнь будетъ пощажена. Вмѣсто этого началось поголовное вырѣзываніе всѣхъ безъ различія пола и возраста. Толпа обезумѣвшихъ людей заперлась въ церкви. Турки подожгли ее и стали стрѣлять въ горящихъ. Около 5000 человѣкъ погибло въ одномъ этомъ селеніи, а всего въ Болгаріи было убито свыше 12.000 христіанъ.

Негодованіе Европы не знало границъ. Въ Англіи поднялась настоящая буря протестовъ. Гладстонъ выпустилъ пламенную брошюру, въ которой требовалъ изгнанія турокъ изъ Болгаріи, Консервативный министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ въ Константинополь, что „болгарскія звѣрства“ уничтожили всякіе симпатіи къ Портѣ въ предѣлахъ Великобританіи. Лордъ Дерби одновременно прямо заявилъ: „Еслибы даже Россія объявила Турціи войну, правительство ея величества не нашло бы возможнымъ вмѣшаться въ конфликтъ“. Сильныя слова! горячія чувства... И однако два года спустя, когда русскія войска стояли подъ Константинополемъ, британскій флотъ вошелъ въ Мраморное море британскій парламентъ вотировалъ 6 мил. ф. на военные расходы часть британскихъ резервовъ была мобилизована и языкъ британской прессы и британскихъ политиковъ принялъ такой характеръ, что вооруженный конфликтъ между Англіей и Россіей казался неизбѣжнымъ. На Берлинскомъ конгрессѣ Великобританія сдѣлала все возможное для того, чтобы спасти Оттоманскую имперію и лишить Россію ея завоеваній. Двадцатью годами позже повторилась аналогичная исторія. Въ 1894-96 гг. разыгрались „армянскія звѣрства:“ въ Арменіи, въ городахъ Малой Азіи и въ самомъ Константинополѣ были перебиты десятки тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ подъ руководствомъ мѣстныхъ турецкихъ властей, по приказу или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія центральнаго правительства. И опять волна негодованія прокатилась по Европѣ. Опять Гладстонъ—уже древній старикъ—выступилъ съ грозными обвиненіями противъ турецкаго режима и назвалъ Абдулъ-Гамида „великимъ убійцей“... И однако и теперь не было предпринято никакихъ шаговъ ни для наказанія виновниковъ армянскихъ ужасовъ, ни для предупрежденія ихъ

повторенія. Англійское правительство вторично смолчало, ибо для него было важно и необходимо сохраненіе status quo на Ближнемъ Востокѣ. Въ политикѣ чаще всего господствуютъ не чувства, а интересы. И пылкое и благородное чувство человѣчности было въ тысячу первый разъ въ исторіи принесено въ жертву жестокимъ требованіямъ практической выгоды.

Австрія, Россія и Англія—это главныя, основныя державы, игравшія втеченіе столѣтій господствующую роль въ судьбахъ Оттоманской имперіи. Для того, однако, чтобы дополнить нарисованную выше картину, необходимо прежде, чѣмъ перейти къ Германіи, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на „ближне-восточной политикѣ“ Франціи и Италіи.

Не смотря на то, что въ XVI, XVII и XVIII ст. Франція поддерживала тѣсныя отношенія и нерѣдко заключала договоры и союзы съ Высокой Портой, въ XIX в. ея активность въ сферѣ Ближняго Востока отличалась въ общемъ довольно скромными размѣрами и носила отрывочный и спорадическій характеръ. Такъ, въ 1805-15 гг. Франція владѣетъ Далмаціей; въ 20-хъ—30-хъ гг. она чрезвычайно усиливаетъ свое вліяніе въ Египтѣ, гдѣ создаетъ Мегмету-Али прекрасное войско, поставившее въ 1833 г. на край гибели турецкаго султана; въ 1830 г. она захватываетъ Алжиръ, въ 1881 г.—Тунисъ; въ 1853-55 гг. принимаетъ участіе въ Крымской кампаніи, а въ 60-хъ гг. проводитъ Суэцкій каналъ, мечтая о подчиненіи себѣ Египта и образованіи большого колоніальнаго царства на сѣверномъ берегу Африки. Но, встрѣтивъ сильнаго конкурента въ лицѣ Англіи, Франція безъ особаго сопротивленія сдаетъ свои позиціи на Нилѣ и устремляетъ свои взоры совсѣмъ въ иномъ направленіи. Позднѣе она начинаетъ разсматривать, какъ свою „сферу вліянія“, Сирію и въ настоящее время претендуетъ именно на нее, какъ на свою долю турецкаго наслѣдства. Въ общемъ, окидывая ретроспективнымъ взглядомъ „ближне-восточную политику“ Франціи на протяженіи минувшаго столѣтія, невольно приходишь къ выводу, что ей не хватаетъ выдержанности и послѣдовательности, какой отличается, напр., политика Англіи или Россіи; что въ ней слишкомъ большую роль играютъ личные импульсы и настроенія момента; и что удѣльный вѣсъ ея притязаній, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ становится меньше и скромнѣй. Конечно, третья республика и сейчасъ формально считается крупной „ближне-восточной“ державой, голосъ которой всегда принимается во вниманіе при рѣшеніяхъ, касающихся злополучной проблемы (каждая великая держава можетъ на это претендовать), однако справедливость требуетъ сказать, что „интересы“ Франціи въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, даже мѣряя ихъ обычнымъ въ международной политикѣ офиціально дипломатическимъ масштабомъ, гораздо

менѣе серьезны, чѣмъ „интересы“ другихъ важнѣйшихъ государствъ.

Появленіе Италіи на „ближне-восточномъ“ горизонтѣ относится къ самому позднѣйшему періоду. Еще въ 1877 г. въ отвѣтъ на протесты Криспи противъ оккупаціи Австріей Босніи и Герцеговины, Бисмаркъ и лордъ Дерби единодушно заявляли: „Возьмите себѣ Албанію!“ [1]) Однако въ тотъ періодъ итальянское королевство не рѣшалось на столь смѣлый и чреватый послѣдствіями шагъ. Въ 1881 г., когда Франція объявила протекторатъ надъ Тунисомъ, Англія и Германія совѣтовали Италіи въ видѣ „компенсаціи“ захватить Триполи. Однако и это дружеское указаніе не имѣло практическихъ результатовъ. Въ 1882-3 гг. Великобританія приглашала Италію принять участіе въ экспедиціи въ Египетъ. Но послѣдняя и на этотъ разъ осталась нейтральной. Главная причина итальянской сдержанности заключалась въ боязни крупныхъ расходовъ и въ желаніи избѣжать острыхъ осложненій съ Франціей, которыя сдѣлались бы неизбѣжными при вступленіи на пути колоніальной политики. Для этого лишь незадолго передъ тѣмъ объединившаяся страна не чувствовала себя еще достаточно сильной. Только съ началомъ 90-хъ гг. въ настроеніи итальянскихъ правящихъ круговъ происходитъ извѣстный переломъ. Капитализмъ на Апеннинскомъ полуостровѣ замѣтно крѣпнетъ; имперіалистскія тенденціи проявляются опредѣленнѣй; тяга „за океанъ“ становится неодолимѣй. Италія ищетъ себѣ поле колоніальной дѣятельности и находитъ его въ Абиссиніи и Эритреѣ.

Однако жестокій военный разгромъ, нанесенный въ 1897 г. при Адуѣ негусомъ Мeнеликомъ непрошеннымъ цивилизаторамъ, ставитъ ранній предѣлъ итальянскимъ успѣхамъ въ восточной Африкѣ. Тогда взоръ имперіалистовъ Апеннинскаго королевства снова возвращается къ знакомымъ объектамъ возможнаго обладанія: Триполи и Албаніи. Первая изъ названныхъ областей становится добычей Италіи въ 1911 г. О судьбахъ второй сейчасъ на поляхъ сраженій Европы мечутся жребіи. Но аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой и нынѣ Италія уже больше не довольствуется одной Албаніей. Нынѣ она мечтаетъ о подчиненіи себѣ Тріеста, Далмаціи, Герцеговины, Черногоріи. Она стремится къ превращенію Адріатическаго моря въ „Итальянское море“. Она рѣшительно хочетъ стать одной изъ великихъ „балканскихъ“ державъ. Съ этими именно цѣлями и задачами Италія вступила въ великую міровую войну, скрестивъ въ вооруженномъ конфликтѣ мечи съ своей главной противницей въ осуществленіи заманчивыхъ плановъ: Австро-Венгріей. Будущее покажетъ, какъ разсудитъ австро-итальянскій споръ исторія...

---

[1]) E. Reventlow, „Deutschlands auswärtige Politik, 1914“, стр. 9-10.

Послѣ всего сказаннаго выше читатель, надѣюсь, согласится, что Ближній Востокъ можетъ по справедливости быть названъ „нервнымъ узломъ“ международно-европейской политики, въ которомъ сходятся и перекрещиваются линіи самыхъ разнообразныхъ великодержавныхъ интересовъ. И вотъ въ сравнительно очень недавнее время въ этотъ болѣзненно напряженный центръ, полный сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ проблемъ, ударила новая могущественная сила. Клиномъ врѣзалась еще одна, до сихъ поръ стоявшая нѣсколько особнякомъ страна: Германія. Мотивы, двинувшіе ее на завоеваніе Оттоманской имперіи, были, впрочемъ нѣсколько иного свойства, чѣмъ тѣ, которые руководили дѣйствіями уже знакомыхъ намъ государствъ. Австрія и Россія съ самаго начала мечтали о раздѣлѣ турецкаго царства, о *непосредственно - политическомъ* подчиненіи имъ опредѣленныхъ частей распадающейся имперіи османовъ. Англія, какъ держава капиталистическая, гдѣ у власти стоитъ буржуазія, смотрѣла на Турцію нѣсколько иначе. Для нея это былъ прежде всего прекрасный барьеръ между Индіей и Россіей и затѣмъ, во второй инстанціи, торговый рынокъ. На цѣлость Оттоманской имперіи она долгое время сама не покушалась. Наоборотъ, какъ я указывалъ выше, въ ея интересахъ лежало всячески охранять неприкосновенность владѣній султана Но точно также въ ея интересахъ лежало поддерживать Высокую Порту въ состояніи слабости, раздробленности, безпомощности, не давать ей усиливаться политически и экономически, дабы не нажить себѣ въ ея лицѣ опаснаго претендента на свои азіатскія колоніальныя владѣнія.

Германія находилась въ совсѣмъ иномъ положеніи. О территоріальныхъ завоеваніяхъ на Ближнемъ Востокѣ ей трудно было думать хотя бы уже въ силу ея географической удаленности отъ береговъ Мраморнаго моря. Къ тому же здѣсь ей дорогу заступали наиболѣе могущественныя европейскія державы. Далѣе—и это особенно важно—періодъ, когда берлинское правительство яоазалось вообще способнымъ къ активному участію въ международной политикѣ на Ближнемъ Востокѣ, совпалъ съ бурнымъ расцвѣтомъ германскаго капитализма, выдвинувшимъ на первый планъ въ сферѣ интернаціональныхъ отношеній иныя, чѣмъ раньше, цѣли и интересы и намѣтившимъ иные, болѣе „современные“ методы ихъ осуществленія и защиты. Коротко говоря, въ основѣ нынѣшняго устремленія монархіи Гогенцоллерновъ на Ближній Востокъ лежатъ не столько аппетиты юнкерства, сколько потребности капиталистическаго имперіализма и въ соотвѣтствіи съ этимъ ближайшей задачей Германіи является не политическое, а *экономичексое* за-

воеваніе настоящихъ и бывшихъ оттоманскихъ владѣній. Политическое завоеваніе—и въ этомъ, конечно, не сомнѣваются носители нѣмецкой государственной власти—если вообще придетъ, придетъ позже, придетъ, пожалуй, само собой. Но *пока* оно еще не созрѣло, оно еще не находится въ предѣлахъ практической досягаемости. Этотъ специфически-имперіалистскій характеръ тевтонскаго „Drang nach Osten" имѣетъ одно чрезвычайно важное послѣдствіе. Поскольку Германія до поры до времени стремится лишь къ экономическому порабощенію Турціи (и Балканъ), т. е. къ использованію ея естественныхъ богатствъ, къ постройкѣ въ ея предѣлахъ желѣзныхъ дорогъ, къ увеличенію своей торговли съ ней и т. д., она становится сама заинтересованной не только въ охранѣ цѣлости, но и въ извѣстномъ хозяйственномъ усиленіи Оттоманской имперіи, ибо безъ этого немыслимо развитіе между обѣими державами оживленныхъ коммерческихъ сношеній. А они-то, эти коммерческія отношенія, какъ разъ стоятъ въ центрѣ вниманія нѣмецкой буржуазіи. Во всякомъ случаѣ Германія не особенно пугается усиленія Турціи, не усматриваетъ въ немъ непосредственной для себя опасности. Кромѣ того, Германіи выгодно, если „раздѣлъ" Ближняго Востока станетъ, въ концѣ концовъ ужь неизбѣжнымъ, возможно дольше оттягивать наступленіе этого момента, дабы самой прочнѣе утвердиться тамъ и получить такимъ образомъ право при ликвидаціи оттоманскаго наслѣдства предъявить требованія на возможно большую долю, быть можетъ, на Константинополь и большую часть Малой Азіи.

Отсюда основная линія германской „ближне-восточной политики": охранять и защищать неприкосновенность турецкихъ владѣній въ настоящее время, и не только охранять и защищать, но также до извѣстной степени способствовать ихъ экономическому подъему. Иотсюда же, конечно, совершенное стественное и неизбѣжное тяготѣніе Высокой Порты къ Германіи, такъ хорошо подготовленное многолѣтней дѣятельностью фонъ-деръ-Гольца по усовершенствованію и реорганизаціи оттоманской арміи. Въ могущественной средне-европейской монархіи слабая и разлагающаяся Турція, окруженная со всѣхъ сторонъ жадными ретендентами на ея богатства, видитъ и чувствуетъ сейчасъ воего единственнаго защитника, свою послѣднюю надежду, свой якорь спасенія, быть можетъ, даже зарю своего новаго возрожденія. Насколько сильны эти *объективныя*, основанныя на совпаденіи интересовъ тенденціи къ сближенію между обѣими державами, свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ. Когда младотурки стали у власти, они, втеченіе многихъ десятилѣтій пользовавшіеся убѣжищемъ въ Англіи и Франціи, въ то время, какъ почва Германіи всегда была для нихъ черезчуръ горяча, задумали было теперь отплатить добромъ за оказанное имъ западными демократіями гостепріимство. И, дѣйствительно втеченіе

первыхъ лѣтъ своего господства комитетъ „Единеніе и Прогрессъ" пытался вести англофильскую политику. Однако этотъ курсъ очень быстро оборвался. Логика жизни неумолимо толкала отто манское правительстсо отъ Великобританіи въ сторону Германіи и передъ этой желѣзной логикой оказались безсильны даже самые убѣдительные аргументы чувства. Тѣмъ самымъ Англія неизбѣжно вытѣсняется съ своего вѣками насиженнаго мѣста въ Константинополѣ. И отнынѣ на часахъ у воротъ Золотого Рога становится нѣмецкій гренадеръ, грозящій своимъ штыкомъ каждомр смѣльчаку, рискнувшему неосторожно протянуть руку.

Быть можетъ, самое замѣчательное въ движеніи Германіи на Ближній Востокъ это—поразительная быстрота, съ которой она добилась тамъ неоспоримо, крупныхъ успѣховъ. Еще не дальше, какъ въ 1876 г., Бисмаркъ бросилъ въ рейхстагѣ свою знаменитую фразу о томъ, что весь балканскій вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ имперіи Гогенцоллерновъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Еще въ 1878 г. на Берлинскомъ конгрессѣ желѣзный канцлеръ могъ выступить „честнымъ маклеромъ именно на томъ основаніи, что Германія сама по себѣ нисколько не заинтересована въ турецкомъ наслѣдствѣ. Въ первой половинѣ 80-хъ г.г. Оттоманская имперія тоже не привлекала къ себѣ особаго вниманія со стороны родоначальниковъ нѣмецкаго имперіализма. И, поскольку они мечтали о расширеніи „сферы вліянія" своего отечества, ихъ взоры неизмѣнно устремлялись далеко за океанъ: къ Африкѣ, Южной Азіи, островамъ Австралійскаго архипелага. Мы знаемъ, что какъ разъ здѣсь Германія сдѣлала въ тотъ періодъ свои первыя колоніальныя пріобрѣтенія. Но потомъ вдругъ—въ концѣ 80-хъ гг.—сразу произошелъ крутой переломъ. И Ближній Востокъ весь въ сіяніи заманчиво-дразнящихъ перспективъ какъ-то внезапно всталъ въ сознаніи нѣмецкихъ капиталистическихъ круговъ, чаруя ихъ нетронутостью своихъ естественныхъ силъ и богатствъ. Этотъ чисто-экономическій „Drag nach Osten" нашелъ себѣ необыкновенно удачнаго политическаго выразителя въ лицѣ только что вступившаго тогда на престолъ императора Вильгельма II. Молодого вѣнценосца тянули на равнины передней Азіи великія историческія воспоминанія, образы Ксеркса и Александра Македонскаго, Саладина и Гарунъ-Аль-Рашида, быть можетъ, собственныя неясныя еще тогда мечты о созданіи исполинской міровой монархіи. Какъ бы то ни было, но романтическія склонности главы государства въ данномъ случаѣ прекрасно совпадали съ корыстными разсчетами королей банковъ и индустріи (глава государства и самъ кое-что понималъ въ экономическихъ вещахъ), и плоды этой дружеской 25-лѣтней кооперацій лежатъ теперь открыто передъ нами.

Капиталистическое внѣдреніе Германіи въ страны Ближняго

Востока начинается съ середины 70-хъ гг. прошлаго столѣтія. Въ 1874-88 гг. баронъ Гиршъ построилъ рядъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи. Одновременно возникъ рядъ разнообразныхъ обществъ, поставившихъ своей задачей экономическое сближеніе Германіи съ Оттоманской имперіей. Въ 1888 г. Вильгельмъ II, воспользовавшись свадьбой своей сестры Софьи съ греческимъ кронпринцемъ, побывалъ и въ Константинополѣ, причемъ непосредственнымъ результатомъ его поѣздки было полученіе концессіи на постройку желѣзно-дорожной линіи въ Анатоліи. Въ мартѣ 1889 г. возникло „Société du chemin de fer Ottoman d'Anatolie", съ капиталомъ сначала въ 45, а позднѣе 60 мил. фр., —учрежденіе, не смотря на свое французское имя, питаемое главнымъ образомъ „Deutsche Bank" и „Dresdener Bank" и поставившее своей задачей использованіе дарованной концессіи. Вплоть до 1896 г. рельсовый путь былъ проложенъ отъ Гайдаръ-Паша (станція на азіатскомъ берегу Босфора противъ Константинополя) до Коніи, т. е. на протяженіи 600 км. [1]) Въ 1898 г. императоръ совершилъ свое второе, уже гораздо болѣе торжественное путешествіе въ Константинополь, съ помпой произнесъ рѣчь на гробѣ султана Саладина и объявилъ себя другомъ и защитникомъ 300 мил. мусульманъ, обитающихъ на земномъ шарѣ. Вслѣдъ за этимъ Абдулъ-Гамидъ въ особой конвенціи отъ 27 ноября 1899 г. далъ „Deutsche Bank" дальнѣйшую концессію на продолженіе начатой линіи до Багдада и далѣе до Ковейта, т. е до самыхъ береговъ Персидскаго залива. Это былъ очень крупный спѣхъ германской дипломатіи и онъ вскорѣ былъ дополненъ еще однимъ, съ капиталистической точки зрѣнія чрезвычайно важнымъ.

Для постройки желѣзной дороги Конія — Багдадъ было образовано новое общество „Société Impériale Ottomane du chemin de fer de Bagdad", получившее право аренды новаго рельсового пути на 99 лѣтъ. И для того, чтобы облегчить осуществленіе всего грандіознаго предпріятія, Порта дала обѣщаніе уплачивать „Deutsche Bank" по 11.000 фр. субсидіи на каждый километръ пути и сверхъ того гарантировала 4.500 фр. ежегоднаго дохода съ километра. Вся же линія длиной въ 2400 км. разбивалась на 12 участковъ по 200 км. въ каждомъ и турецкое правительство уплачивало обществу по 54 мил. фр. (капитализированная сумма субсидіи) на участокъ въ формѣ спеціально выпускаемыхъ государственныхъ бумагъ, размѣщаемыхъ на европейскихъ биржахъ. Такъ какъ дѣйствительная стоимость строительныхъ работъ была въ среднемъ значительно ниже 11.000 фр. на

---

[1]) См. J. Riesser „The German Great Banks, Washin, 1911 стр. 434. За неимѣніемъ подъ руками нѣмецкаго оригинала книги, пользуюсь американскимъ изданіемъ ея

километръ, то общество фактически не только не тратило ни копейки собственныхъ денегъ, но еще клало въ карманъ весьма значительные „излишки“. Гешефтъ получался, какъ видимъ, прекрасный и счастливые акціонеры могли потирать руки отъ удовольствія. Однако для размѣщенія турецкихъ государственныхъ бумагъ одного нѣмецкаго рынка было недостаточно: приходилось искать „союзниковъ“ и Deutsche Bank обратилъ тогда свои взоры на Францію. Республиканское правительство отчасти подъ давленіемъ Россіи отчасти изъ боязни германской конкуренціи на Ближнемъ Востокѣ отказалось поддерживать Багдадскую дорогу. Тѣмъ не менѣе капиталистынашли предпріятіе настолько выгоднымъ, что не могли противостоять „золотому“ искушенію. Французскія деньги, конечно, на опредѣленныхъ условіяхъ были даны нѣмецкому консорціуму и такимъ образомъ оплодотворили собой одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ замысловъ германскаго имперіализма. Англійскіе офиціальные и финансовые круги пытались оказывать сопротивленіе постройкѣ Багдадской дороги. Однако ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Дорога постепенно росла и удлинялась и наканунѣ войны готовый рельсовый путь протянулся уже на 1750 км. До конечнаго пункта его оставалось еще около 650 км.

Почти одновременно съ Багдадской нѣмцы принялись за проведеніе другой чрезвычайно важной линіи: сирійско-аравійской. Подъ руководствомъ талантливаго инженера Мейсснера (или какъ онъ величался въ Турціи, Мейсснеръ-паша) и при широкомъ использованіи войскъ для строительныхъ цѣлей (на участкѣ Дамаскъ — Маанъ, напр., было занято 5600, на участкѣ Маанъ-Эль-Уфа 7000 солдатъ) прокладываніе рельсового пути вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря пошло быстрымъ темпомъ впередъ. Отъ Маана была сдѣлана попытка провести небольшую вѣтку (около 100 км.) на Акабу-портъ, лежащій въ сѣверо-восточномъ углу Краснаго моря, и тѣмъ самымъ создать обходъ Суэцкаго канала. Однако этотъ проектъ наткнулся на упорное противодѣйствіе Великобританіи. Она поставила Портѣ ультиматумъ и послала военную эскадру къ Дарданелламъ. И его, въ концѣ концовъ, пришлось оставить (въ 1906 г.) Какъ бы то ни было, но по своемъ продолженіи на Медину, Мекку и южное побережье Аравіи (значительная часть этой линіи уже готова) сирійско аравійская дорога въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ создастъ прямой выходъ Турціи къ Индійскому океану.

Впрочемъ, вниманіе германскаго капитала не приковано къ одной только Оттоманской имперіи и не ограничивается однимъ только жел.-дорожнымъ строительствомъ. Постепенно онъ втягиваетъ въ сферу своего воздѣйствія и различныя балканскія государства, причемъ здѣсь въ дружеской коопераціи съ нимъ выступаетъ капиталъ австро-венгерскій. Вотъ нѣсколько дан-

ныхъ изъ этой области. Еще въ 1899 г. возникъ „Deutsche Palestina Bank“ (основанъ фирмой Von der Heydt und C⁰) въ цѣляхъ развитія германской торговли въ Палестинѣ и Левантѣ. Въ настоящее время этотъ банкъ имѣетъ свои отдѣленія въ Яффѣ, Іерусалимѣ, Бейрутѣ и Гамбургѣ и сверхъ того зависящую отъ него Levante Kontor въ Константинополѣ. Въ 1904 г. Nationalbank основалъ „Banque d' Orient“ въ Аѳинахъ съ 10 мил. фр. капитала, имѣющій нынѣ отдѣленія въ Салоникахъ и Смирнѣ. Въ 1905 г. Dresdener Bank вмѣстѣ съ Schaafhausenscher Bankverein и Nationalbank создалъ „Deutsche Orientbank“ (капиталъ 16 мил. мк.), насчитывающій сейчасъ отдѣленія въ Константинополѣ, Александріи, Каирѣ, Бруссѣ, Смирнѣ, Каламатѣ, Казабланкѣ (Марокко) и Гамбургѣ. Въ томъ же 1905 г. берлинское Diskonto-Geselschaft при участіи Norddeutsche Bank, Bleichröder и нѣкоторыхъ болгарскихъ фирмъ открыло въ Софіи Banque de Crédit („Кредитнаго Банка“) съ капиталомъ въ 3 мил. фр. [1]) Одновременно быстро развивалась германская торговля съ Ближнимъ Востокомъ, доказательствомъ чего могутъ служить слѣдующія цифры:

	1897 г.		1912г.	
	Ввозъ (въ милл, мк.)	Вывозъ	Ввозъ (въ мил. мк.)	Вывозъ
Турція	30,5	30,9	77,8	113,2
Румынія	52,6	33,1	138,2	131,7
Болгарія	3,0	6,4	18,0	28,6
Сербія	8,1	3,9	19,7	18,5
Греція	9,2	4,2	25,1	18,9
Египетъ	24,1	10,5	111 7	38,0
	127,5	89,0	39,05	348,9 [2])

Какъ видимъ, на протяженіи 15 лѣтъ размѣры нѣмецкаго товароборота въ интересующей насъ области болѣе, чѣмъ утроились, причемъ особенно выросъ германскій вывозъ (почти въ четыре раза). Въ настоящее время Германія выступаетъ уже очень серьезнымъ торговымъ конкурентомъ Англіи на Ближнемъ Востокѣ (въ 1912 г. англійскій ввозъ оттуда равнялся 760 мил. мк., англійскій вывозъ туда — 480 мил. мк.). И есть всѣ сонованія полагать, что въ дальнѣйшемъ ей предстоятъ новые коммерческіе успѣхи.

Считаю нелишнимъ привести еще цифровыя данныя, касающіяся роста австро-венгерской торговли на Ближнемъ Востокѣ за тотъ же періодъ времени (1897—1912 гг.):

---

[1]) I. Riesser, ibid., стр. 443—456.
[2]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich за 1899 и 1913 г.г.

	1897		1912	
	Ввозъ	Вывозъ	Ввозъ	Вывозъ
	(въ милліонахъ кронъ)			
Турція	36,8	54,6	73,2	140.6
Румынія	38,8	55,0	102,5	144,9
Болгарія	2,6	15,7	15,9	51,6
Сербія	40,3	25,8	40,8	46,2
Греція	18,3	10,9	22,3	24,8
Черногорія	0,5	0,6	1,2	2,9
Египетъ	17,1	20.5	36,5	36,1
	154,1	183,1	292.4	447.1
	(131,2 м. мк.)	(155,6 м. мк.)	(248,5 м. мк.)	(380,0 м. мк .

Какъ видимъ, австро-венгерская торговля также обнаруживаетъ въ послѣдніе годы очень быстрое развитіе и въ настоящее время вмѣстѣ съ германской по размѣрамъ приблизительно равняется великобританской (въ области вывоза даже значительно превышаетъ).

VI.

Капиталистическое внѣдреніе Германіи въ страны былой Оттоманской имперіи имѣетъ чрезвычайно крупное экономическое и политическое значеніе. Наиболѣе острымъ оружіемъ этого внѣдренія являются, несомнѣнно, тѣ рельсовые пути, о которыхъ рѣчь шла выше, особенно же ставшая въ послѣдніе годы столь знаменитой Багдадская дорога. И, дѣйствительно, народно-хозяйственныя перпективы, открываемыя проведеніемъ ж.-д. линіи Константинополь—Багдадъ—Персидскій заливъ, поистинѣ, громадны. Эта линія должна втянуть въ міровой оборотъ Анатолію и Месопотамію, страны, богато одаренныя отъ природы, бывшія когда-то очагами наиболѣе высокой культуры древности, но затѣмъ пришедшія въ запустѣніе и вотъ уже цѣлый рядъ вѣковъ дремлющія въ ожиданіи новаго пробужденія. Въ частности нѣмецкіе имперіалисты полагаютъ, что Малой Азіи въ ближайшемъ будущемъ суждено стать настоящей житницей Германіи, снабжающей ее главнымъ образомъ двумя продуктами: хлѣбомъ и хлопкомъ. Произведенныя пока изслѣдованія и опыты единодушно свидѣтельствуютъ, что какъ климатическія, такъ и почвенныя, условія разсматриваемыхъ областей вполнѣ благопріятствуютъ воздѣлыванію обоихъ названныхъ растеній. И не такъ давно научное свѣтило прусскихъ аграріевъ проф. Руландъ—къ великому ужасу правовѣрнаго юнкерства—даже, какъ дважды два четыре, разсчиталъ, что месопотамская пшеница явится еще болѣе грознымъ врагомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, чѣмъ пшеница аргентинская. Превращеніе безплодныхъ пустынь въ колосящіяся нивы, несомнѣнно, явленіе большого культурнаго значенія. Но капиталъ работаетъ, конечно, не ради идеальныхъ цѣнностей. Капиталу нужна чистая

прибыль, нуженъ высокій и обезпеченный процентъ. И широкія равнины передней Азіи въ полной мѣрѣ гарантируютъ ему эту возможность.

Мы видѣли, какимъ прекраснымъ „гешефтомъ" является уже сама по себѣ только постройка Багдадской дороги. Легко понять, что недурныя дѣла въ связи съ ней дѣлаютъ и различныя металлургическія, вагонныя и другія фирмы Германіи. Около дороги начинаетъ постепенно возникать цѣлый рядъ предпріятій иного характера, также обѣщающихъ „великія и богатыя милости" для нѣмецкихъ банковъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ обширныя оросительныя работы, безъ которыхъ немыслимо культивированіе земли въ Анатоліи и Вавилоніи. Въ районѣ Коніи подобныя работы уже производятся на участкѣ въ 46.000 гект, и ихъ цѣнность опредѣляется въ 70 мил. мк. Въ Киликіи уже намѣчено къ орошенію 300.000 гект., въ Вавилоніи—свыше 3 мил. гект. и т. д. Далѣе начнется разведеніе плантацій, засѣваніе полей хлѣбными злаками, развитіе различнаго рода побочныхъ с.-х. индустрій—все предпріятія, требующія для своей реализаціи сотенъ и сотенъ милліоновъ марокъ. Какія безконечно-широкія перспективы, открывающіяся передъ германскимъ капиталомъ!

Еще глубже и серьезнѣе политическое значеніе Багдадской дороги.

Эта дорога является страшной угрозой для Россіи съ одной стороны, для Англіи съ другой. Въ особенности для Англіи. Изъ предыдущаго изложенія ясно, что проведеніе рельсоваго пути черезъ всю Малую Азію должно способствовать значительному укрѣпленію Турціи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ военно-стратегическомъ отношеніи. И это, конечно, не можетъ быть пріятно обѣимъ названнымъ державамъ. Но, сверхъ того, каждая изъ нихъ имѣетъ еще свои совершенно спеціальные страхи и опасенія. То самое „Société du chemin de fer ottoman d'Anatolie" которое въ 1889 г. начало строить желѣзную дорогу отъ Гайдаръ-Паша, провело также линію на Ангору и впослѣдствіи получило отъ султана концессію на продолженіе ея до Кесаріи. Это сильно встревожило Россію, имѣющую свои виды (о нихъ рѣчь была выше) на южное побережье Чернаго моря. И въ 1900 г. она добилась отъ Порты категорическаго обѣщанія не давать никакой третьей державѣ разрѣшенія прокладывать рельсовые пути въ сѣверной части Малой Азіи. До сихъ поръ это обѣщаніе не было нарушено и потому Россія могла считать себя удовлетворенной.

Сложнѣе обстояло дѣло съ Англіею. Въ выпущенномъ въ 1911 г. второмъ изданіи своей работы „Die Bagdadbahn" Пауль Рорбахъ писалъ:

„Для Германіи существуетъ только одна возможность парировать аггрессивную войну со стороны Англіи: это—усиленіе Турціи

Англія легко уязвима изъ Европы на сушѣ лишь въ одномъ единственномъ мѣстѣ: въ Египтѣ. Вмѣстѣ съ Египтомъ Великобританія теряетъ не только господство надъ Суэцкимъ каналомъ и путями въ Индію и Восточную Азію, но также, по всей вѣроятности, и свои владѣнія въ центральной и восточной Африкѣ. Сверхъ того, завоеваніе Египта магометанской державой, подобной Турціи имѣло бы очень сильное моральное вліяніе на 60 милліоновъ индійскихъ мусульманъ, а также на Афганистанъ и Персію" [1]).

Въ этихъ словахъ, пріобрѣтающихъ особый интересъ въ наши дни, несомнѣнно вполнѣ правильно отмѣчена главная опасность для Великобританіи германскаго внѣдренія на Ближнемъ Востокѣ. Багдадская дорога была для нея страшнымъ ударомъ. Ибо это означало, съ одной стороны, установленіе нѣмецкой гегемоніи въ Оттоманской имперіи, съ другой исчезновеніе того необходимаго государственнаго буфера между Индіей и великими державами Европы, надъ сохраненіемъ и поддержаніемъ котораго англійская дипломатія работала втеченіе столѣтій. Турція переставала быть слабой Турціей. Изъ-за фески султана выглядывала каска германскаго кайзера. Онъ дергалъ всѣми нитями, онъ доминировалъ на берегахъ Золотого Рога. Предъ этой страшной и вполнѣ реальной нѣмецкой опасностью сразу поблѣднѣлъ и стушевался когда-то грозный фантомъ „русской опасности" и вмѣстѣ съ тѣмъ дрогнули основы традиціонной ближневосточной политики Англіи. Произошло сближеніе двухъ „историческихъ враговъ"— Великобританіи и Россіи—противъ третьяго общаго врага Германіи,—нашедшее свое наиболѣе яркое выраженіе въ столь трагическомъ для судебъ Персіи соглашеніи 1907 г. И, что не менѣе многознаменательно, намѣтился крутой переломъ въ отношеніи Англіи къ судьбамъ Оттоманскаго царства: отнынѣ Англія перестала быть стражемъ его цѣлости и неприкосновенности; она сдѣлалась, наоборотъ, сторонницей его „раздѣла". Разъ Турція больше не выполняла тѣхъ функцій, ради которыхъ она была дорога сердцу британскихъ государственныхъ людей, стоило-ли съ ней больше церемониться? Наоборотъ, выгоднѣе было теперь же получить свою долю наслѣдства, возможно болѣе крупную и цѣнную, и заняться ея раціональной эксплуатаціей.

Извѣстный англійскій инженеръ и бывшій директоръ оросительныхъ сооруженій въ Египтѣ, Вилькоксъ, въ 1903 г. въ своемъ извѣстномъ докладѣ въ географическомъ обществѣ въ Каирѣ [1]) впервые ясно и отчетливо формулировалъ притязанія Великобританіи въ Азіатской Турціи. Она требовала себѣ Аравіи, Вавилоніи, Месопотаміи, т. е. установленія прямого сухопутнаго

---

1) Стр. 19.

1) W. Wilcocks, The Restoration of the ancient irrigation works on the Tigris; Cairo, 1903.

сообщенія между Египтомъ и Индіей. Она хотѣла связать Каиръ и Калькутту непрерывной желѣзно-дорожной линіей, переселить въ бассейнъ Тигра и Евфрата египетскихъ и индійскихъ крестьянъ и возродить такимъ образомъ старинную культуру этихъ историческихъ областей. Вмѣстѣ съ тѣмъ она надѣялась закрыть разъ навсегда доступъ къ Индійскому океану съ сѣвера для Германіи или какой-либо иной державы и на этомъ прочномъ территоріальномъ фундаментѣ построить неприступную твердыню своего африканскаго и азіатскаго колоніальнаго господства. Поистинѣ грандіозный планъ, неоднократно развивавшійся въ последніе годы англійскими имперіалистами! Отсюда такая неудержимая тяга островного королевства къ южной Персіи. Отсюда его радость, когда путемъ сложной дипломатической игры въ 1912 г. удалось заставить Германію отказаться отъ ея концессіи на постройку линіи Багдадъ—Персидскій заливъ. Отсюда же, наконецъ, страстныя усилія Англіи, пользуясь суматохой міровой войны, овладѣть во что бы то ни стало древней столицей Гарунъ-Аль-Рашида, нынѣ являющейся конечнымъ пунктомъ наиболѣе грандіознаго предпріятія германскаго имперіализма. Все это лишь внѣшнія проявленія того основного противорѣчія имперіалистическихъ интересовъ двухъ наиболѣе могущественныхъ европейскихъ державъ, которое обѣщаетъ сыграть великую историческую роль въ судьбахъ Ближняго Востока.

VII.

Ударъ нѣмцевъ на Балканы послѣ того, какъ ихъ попытки однимъ взмахомъ сокрушить Францію и рядомъ побѣдъ принудить къ сепаратному миру Россію окончились неудачей, былъ, съ точки зрѣнія тевтонскихъ монархій, несомнѣнно, умнымъ и обдуманнымъ шахматнымъ ходомъ. Имъ они попадали въ чувствительное мѣсто сложной антигерманской коалиціи. Прежде всего, поворачиваясь лицомъ къ юго-востоку, среднеевропейскія имперіи получали сразу очень крупныя стратегическія преимущества. Ихъ противники здѣсь были меньше всего подготовлены къ серьезной борьбѣ. Наличность цѣлаго ряда мелкихъ государствъ съ различными, а подчасъ и прямо противоположными, интересами давала основаніе надѣяться на отысканіе себѣ среди нихъ явныхъ или тайныхъ союзниковъ. Нѣмецкое происхожденіе и нѣмецкія связи греческой, болгарской и румынской династій дѣлали эти ожиданія еще болѣе вѣроятными. Сокрушеніе Сербіи и установленіе прямого пути Берлинъ-Константинополь становились, при такихъ условіяхъ, вполнѣ возможными. А утвержденіе на берегахъ Золотого Рога, въ свою очередь, означало, съ одной стороны, пополненіе порѣдѣвшихъ нѣмецкихъ войскъ свѣжими турецкими

силами, съ другой, занесеніе Дамоклова меча надъ Египтомъ,—что должно было тяжело ударить по главному и наиболѣе неуязвимому противнику Германіи: Англіи. Мы знаемъ, что въ общемъ эти разсчеты оказались правильными и принесли ихъ авторамъ очень крупные успѣхи.

Гораздо важнѣе, однако, стратегическаго политическое значеніе новѣйшаго тевтонскаго хода. Послушайте германскихъ имперіалистовъ, и вы поймете, къ чему клонится дѣло. Если имперія Гогенцоллерновъ останется побѣдительницей на Балканахъ, и если на другихъ фронтахъ ей удастся болѣе или менѣе благополучно закончить исполинскую борьбу, то—мечтаютъ они—человѣчеству придется быть свидѣтелемъ полной величайшаго историческаго значенія эволюціи въ области государственнаго строительства. Ибо въ этомъ случаѣ всѣ страны и народы бывшей Оттоманской имперіи несомнѣнно подпадутъ подъ двойную желѣзную гегемонію германскаго юнкерства и германскаго капитала. Практическимъ выраженіемъ послѣдней, очевидно, будетъ тотъ обширный среднеевропейскій таможенный союзъ, о которомъ такъ много пишутъ съ самаго начала войны въ нѣмецкой печати и пропагандировать который проф. Оствальдъ пытался въ Швеціи и Даніи.

Это значитъ, что Германія, Австро-Венгрія, балканскія государства, Турція, быть можетъ Скандинавскія, державы, Голландія и Швейцарія будутъ обведены высокой стѣной покровительственныхъ пошлинъ и составятъ единое экономическое цѣлое, въ широкихъ предѣлахъ котораго германскій капиталъ найдетъ почти безграничный просторъ для буйной игры своихъ силъ. Политически всѣ составныя части новаго огромнаго хозяйственнаго образованія останутся пока независимыми (нѣмецкіе имперіалисты поклянутся вамъ даже: „навсегда!“). Но фактически онѣ превратятся лишь въ вассаловъ господствующей метрополіи. И, кто знаетъ, когда пробьетъ часъ уничтоженія ихъ формальнаго государственнаго суверенитета? Опытъ германскаго таможеннаго союза первой половины XIX ст. можетъ дать въ интересующемъ насъ отношеніи рядъ весьма полезныхъ указаній. Именно этотъ опытъ заставляетъ полагать, что такъ или иначе, съ формальнымъ возложеніемъ короны на голову германскаго кайзера или безъ продѣлыванія столь торжественной операціи, но въ сравнительно не очень отдаленномъ будущемъ, можетъ создаться нѣчто вродѣ великой восточно-тевтонской имперіи, обнимающей до 200 мил. разноплеменнаго и разноязычнаго населенія и простирающейся отъ береговъ Сѣвернаго моря до Индійскаго океана, имперіи, имѣющей съ нѣмецкой точки зрѣнія еще то огромное преимущество, что для охраны ея цѣлости и неприкосновенности нѣтъ необходимости въ содержаніи могучаго, равнаго по силамъ британскому,

флота. Тѣмъ самымъ была бы осуществлена наиболѣе гордая мечта юнкерско-капиталистической Германіи и одновременно злополучный „ближне-восточный вопросъ“ нашелъ бы свое полное и довольно неожиданное разрѣшеніе...

„Фантазіи!“ воскликнетъ читатель, пробѣжавъ предыдущія строки. Дѣйствительно, основная предпосылка ихъ осуществленія— конечная побѣда Германіи и Австріи--до сихъ поръ поръ отсутствуетъ. Но эти грандіозныя политическія и экономическія фантазіи германскихъ имперіалистовъ въ духѣ нашего поистинѣ фантастическаго времени.

В. Майскій.

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Проблески особаго смысла въ путейскихъ безсмыслицахъ.

Для иллюстраціи, до чего дошла желѣзнодорожная практика, беру нѣсколько однородныхъ замѣтокъ изъ довольно обширной серіи:

Зарайскіе купцы (Рязанской губ.), въ виду разстройства желѣзнодорожнаго движенія начали доставлять продукты въ Москву гужевымъ путемъ. Въ началѣ декабря нѣкоторые торговцы отправили въ Москву на подводахъ значительную партію овса. За перевозку овса отъ Зарайска до Москвы торговцы заплатили по 55 коп. съ пуда; обозъ съ овсомъ направился въ Москву по шоссе, которое до самой Москвы идетъ рядомъ съ Московско-Казанской желѣзной дорогой („Русское Слово“, 8. XII).

Затрудненія съ доставкой товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ приводятъ къ сильному развитію гужевого перевоза товара. Такъ, земско-кооперативной закупочной организаціей города Данилова устроена гужевая отправка товаровъ изъ Костромы. Несмотря на большое разстояніе, товары, закупленные въ Костромѣ, все же оказались значительно дешевле тѣхъ цѣнъ, которыя существовали на мѣстномъ рынкѣ. Гужевая доставка была организована при посредствѣ кооперативовъ („Утро Россіи“, 13. XII.).

Изъ села Сараевъ, Сапожковскаго уѣзда, сообщаютъ, что крупнѣйшая мѣстная хлѣбная фирма отправила въ Москву гужемъ партію овса. За провозъ мѣстные крестьяне взяли по 1 р. 50 коп. съ пуда. („Русское Слово“ 28. XII).

Отъ станціи Зарайскъ до Москвы считается по желѣзной дорогѣ 153 версты. Село Сараи, о которомъ упоминается въ третьемъ изъ приведенныхъ случаевъ, удалено отъ Москвы верстъ на 350 (лежитъ близъ станціи Верда, Сызрано-Вяземской ж. д.).

Въ одной изъ опубликованныхъ докладныхъ записокъ челябинскаго биржевого комитета находимъ слѣдующее описаніе порядка, какому подвергнуты транзитные грузы при перевозкѣ ихъ изъ Западной Сибири въ Европейскую Россію. По направленію отъ Омска до Челябинска грузы идутъ по желѣзной дорогѣ. Но въ Челябинскѣ вагоны разгружаютъ и хлѣбъ везутъ въ сторону Златоуста гужемъ до сосѣдней съ Челябинскомъ узловой станціи По-

летаево Сызрань-Челябинской линіи. Здѣсь, въ Полетаевѣ, хлѣбъ снова грузятъ въ вагоны и затѣмъ уже онъ „слѣдуетъ“ на Златоустъ, Уфу и т. д. Замѣтимъ отъ себя, что небольшая станція Полетаево мало приспособлена къ нагрузкѣ цѣлыхъ транспортовъ транзитнаго хлѣба; порожніе вагоны, на нее приходится подавать съ ближайшихъ большихъ станцій, а ближайшая большая станція—Челябинскъ; и порядокъ, кажется, такой: съ востока до Челябинска вагоны идутъ съ грузомъ, а дальше на западъ до Полетаева вагоны и грузъ разлучаются,—вагоны доставляютъ порожнякомъ, грузъ лошадьми, а въ Полетаевѣ разлученное снова соединяется... Въ запискѣ челябинскаго комитета приведены нѣкоторыя данныя, во что обходится этотъ порядокъ. Одна доставка гужемъ отъ Челябинска до Полетаева стоитъ 150—200 руб. за вагонъ. Да разгрузка, нагрузка, утечка, рассыпка, да хлопоты, чтобъ достать въ Полетаевѣ вагоны. Кромѣ того, „прерывается тарифный дифференціалъ и дважды уплачивается военный налогъ“. Въ общемъ выходитъ, по разсчетамъ челябинскаго комитета, совершенно дикій накладной расходъ въ размѣрѣ до 40—50 коп. на каждый пудъ груза.

Эти челябинскія, на первый взглядъ, непостижимыя странности имѣютъ свою исторію. Началось въ 1914 году,—именно во то время, когда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прекращеннаго международными событіями вывоза за границу ожидали рѣзкаго и крайне убыточнаго для землевладѣльцевъ паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Положеніе было такое: въ Европейской Россіи урожай посредственный, въ Западной Сибири— вполнѣ удовлетворительный; Западная Сибирь и вообще-то почитается конкурентомъ, а тутъ, когда вывозъ закрытъ, ее и подавно стали представлять въ видѣ соперницы, способной завалить рынокъ дешевкой. Извѣстно, какъ были рѣшены задачи, связанныя съ этими соображеніями и опасеніями. Въ Западной Сибири производились обширныя казенныя закупки, вывозъ же продуктовъ въ западномъ отъ линіи Омскъ-Челябинскъ направленіи для частныхъ лицъ былъ закрытъ. Такъ протекала реализація урожая 1914 года въ Западной Сибири. Урожай 1915 года приходится реализовать при иныхъ условіяхъ. Опасенія, что цѣны упадутъ, оказались явно ошибочными. Въ Европейской Россіи урожай, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, выше прошлогодняго. Производить обширныя казенныя закупки внѣ Европейской Россіи нѣтъ ни нужды, ни смысла. Реализація урожая Западной Сибири предоставлена частнымъ лицамъ. Но нѣкоторыя правила 1914 г., ограничивающія вывозъ, дѣйствуютъ по прежнему. И, на основаніи этихъ правилъ, мѣстные желѣзнодорожные чины „отказываются принимать грузы въ западномъ направленіи за предѣлы Омскаго участка“. Это значитъ, что изъ Западной Сибири рожь, овесъ, пшеницу и т. д. можно отправить лишь до Челябинска.

Дальше нельзя. Не запрещается однако выгружать въ Челябинскѣ товаръ, везти его гужемъ до любой изъ станціи, лежащихъ на магистраляхъ, которыми Челябинскъ соединенъ въ одну сторону съ Екатеринбургомъ, Пермью и Вяткой, въ другую—съ Уфой, Самарой, Пензой. По разнымъ условіямъ отправители обыкновенно предпочитаютъ везти грузъ на станцію Полетаево. Отсюда онъ и идетъ къ потребителямъ Европейской Россіи, обремененный своеобразнымъ суррогатомъ таможенной пошлины,—дикимъ накладнымъ расходомъ, достигающимъ до 50 коп. на пудъ

Казалось бы, безсмыслица. Но попытаемся сопоставить ее съ другой безсмыслицей,—нѣсколько иного рода. Беру свѣдѣнія изъ Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ владѣльцевъ—„крѣпкія руки"—придерживаютъ зерно собственнаго урожая. Не отстаютъ отъ нихъ и хозяйственные мужички, особенно такіе, у которыхъ есть капиталецъ. Не только свое и скупленное по осени придерживаютъ, но и продолжаютъ скупать. Побаиваются однако реквизицій. И потому зерно не только придерживаютъ, но и прячутъ. Прячутъ порою наивно и нехозяйственно. Ссыпаютъ, напр., въ обыкновенную хлѣбную яму, а сверху наваливаютъ картофель: придетъ, дескать, начальство съ обыскомъ, увидитъ, что въ ямѣ картошка,—и уйдетъ... Уѣздъ хлѣбородный, но совсѣмъ не фабричный, дорогами бѣденъ, пришлаго населенія мало. Своего урожая обыкновенно самъ не съѣдаетъ,—значительную долю продаетъ. Но въ наше легендарное время ходитъ по Россіи, между прочимъ, легенда о грядущей неимовѣрной „дорожизнѣ". Не миновала она, разумѣется, и Дмитровскій уѣздъ. Идетъ слухъ—„вѣрные люди сказываютъ",—будетъ къ веснѣ рожь-зерно по два съ полтиной пудъ, овесъ до пяти дойдетъ и т. д. Тогда озолотиться можно. И вотъ иной хозяйственный мужичокъ, припрятавъ свое и скупленное въ яму, для собственнаго потребленія покупаетъ муку, овесъ и прочее по мелочамъ въ городѣ и ждетъ тѣхъ золотыхъ цѣнъ, какія сулитъ легенда. Не въ одномъ, кстати сказать, Дмитровскомъ уѣздѣ это наблюдается. По отзывамъ мѣстныхъ газетъ, то же самое, напр., въ губерніяхъ средняго Поволжья: придерживаютъ запасъ крупные владѣльцы (и у нихъ это поставлено, разумѣется, на солидную ногу), придерживаютъ, продолжаютъ скупать и прятать соблазняемые легендой хозяйственные мужички (у нихъ это порою наивно и первобытно). Есть предсказатели, полагающіе, что все это кончится естественной реакціей: линія цѣнъ, все время быстро идущая кверху, переломится и пойдетъ внизъ, тогда спрятанные запасы станутъ поступать на рынокъ. Возможно однако и другое: значительная часть зерна, спрятаннаго, положимъ, въ ямахъ подъ картошкой, едва-ли благополучно перезимуетъ,—къ веснѣ, пожалуй, задохнется и забродитъ. Тѣ, у кого это случится, погорюютъ, поплачутъ. Зато дру-

гіе, устроившіе свой запасъ не столь первобытно, получатъ ожидаемую ими „золотую цѣну"... Не угадаешь, какъ оно сложится. Но вернемся къ Дмитровскому уѣзду. Хотя мѣстные запасы болѣе чѣмъ достаточны, но въ городѣ—Дмитровскѣ— уже осенью сталъ ощущаться недостатокъ. Общественныя организаціи и учрежденія позаботились принять мѣры. Оборудовали закупку. Но мѣстные владѣльцы располагающіе солидными запасами, рѣшительно отказываются продавать: то говорятъ, что у нихъ нечего продать, то требуютъ ужъ слишкомъ высокихъ цѣнъ. И за продуктами, которыхъ и у себя дома много, поневолѣ пришлось ѣхать въ Воронежскую губернію. Тамъ купили. Оттуда везли съ обычными нынѣ затрудненіями по желѣзной дорогѣ. Потомъ пришлось везти гужемъ: отъ Дмитровска до желѣзныхъ дорогъ въ сторону Орла около 100 верстъ, а въ сторону Московско-Кіево-Воронежской дороги (до станціи Комаричи) 30 верстъ. Обошлась ржаная мука съ доставкой на мѣсто около 1 р. 60 коп. пудъ. До обѣщаемой легендою „золотой цѣны" 2 р. 50 коп. за пудъ зерновой ржи очень далеко. Но вѣдь „золотая цѣна"—именно легенда. А пока собственники попридержанныхъ запасовъ получили полное основаніе продавать свою мѣстную рожь по одной цѣнѣ съ привозной воронежской,—и брать въ свой карманъ всю стоимость перевозки—и по желѣзнымъ дорогамъ и гужемъ—со всѣми налогами и другими накладными расходами.

Беру свѣдѣнія изъ Пензенской губерніи. Картинка въ общемъ та же. Мѣстные запасы попридержаны. А потребитель, у котораго запасовъ нѣтъ, терпитъ кризисы. Обнаружился даже мучной кризисъ, — не только въ городахъ, но и въ селахъ. Конечно, есть при этомъ сильный недостатокъ и въ привозныхъ продуктахъ; напр., очень мало сахара. Уѣздное—пензенское—земство рѣшило принять мѣры, ассигновало кое-какія средства; управа наладила организацію. Желая имѣть продукты изъ первыхъ рукъ, пензенская земская управа обратилась къ мукомоламъ и сахарнымъ заводамъ.

Сахарные заводы отвѣтили, что свободнаго сахара у нихъ не имѣется Такіе же отвѣты даны мукомолами. Куда дѣвались сахаръ и пшеничная мука,— эту загадку разрѣшаетъ сообщеніе одной фирмы, увѣдомляющей, что запросъ управы переданъ ею, фирмою, московскому отдѣленію Русскаго для внѣшней торговли банка, откуда де и слѣдуетъ ждать управѣ отвѣта („Нижегородскій Листокъ", 11. XI).

Подъ шумокъ Россію, видите ли, крупныя закупочныя и оптовыя „соглашенія" раздѣлили на районы вліянія. И Пенза въ отношеніи нѣкоторыхъ продуктовъ оказалась приписанной къ тому „соглашенію", во главѣ котораго стоитъ названный банкъ. Получается такимъ образомъ замѣчательное сцѣпленіе зависимостей. За 350 верстъ изъ Сапожковскаго уѣзда, граничащаго съ Тамбов-

ской губерніей, сельскохозяйственные продукты везутъ гужемъ въ Москву. Бѣшеный расходъ по перевозкѣ—1 р. 50 коп. на пудъ—взыскивается, конечно, съ потребителя, онъ входитъ въ московскія расцѣнки, какъ составная часть, и его почти сполна получаютъ въ качествѣ едва-ли заработанной прибыли московскіе и подмосковные владѣльцы попридержанныхъ запасовъ. Лежащая гораздо восточнѣе Сапожкова Пенза должна обращаться хотя бы только за пшеничной мукой въ Москву и, значитъ, въ какой-то степени сообразоваться съ московскими расцѣнками, способными покрыть гужевую доставку за сотни верстъ. Конечно, въ Пензу не изъ Москвы повезутъ муку. Доставятъ откуда-нибудь поблизости,—быть можетъ, отъ какого-либо изъ мѣстныхъ же владѣльцевъ и скупщиковъ, вошедшихъ въ „соглашеніе", къ которому приписана Пензенская губернія. Но тѣмъ убѣдительнѣе зависимость отъ московскихъ расцѣнокъ... Такимъ образомъ изъ сопоставленія двухъ безсмыслицъ можно уже замѣтить признаки нѣкотораго смысла.

Приведу на справку и еще одну безсмыслицу. Потребители Самарской, Саратовской, Оренбургской губерніи—и тѣ стонутъ отъ небывалой дороговизны и даже ощутительнаго въ отдѣльныхъ мѣстахъ и случаяхъ недостатка сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Сами въ житницахъ живутъ. И подъ бокомъ житницы: съ востока Западная Сибирь; съ юга тучнѣйшіе черноземы,—воронежскіе, донскіе, предкавказскіе. И тѣмъ не менѣе... Картина и въ настоящихъ житницахъ та же. Мѣстные продукты зажаты въ „крѣпкихъ рукахъ". А регулирующія свойства „свободной торговли" и конкуренціи проявиться не могутъ: вагоновъ не достать, а если и достанешь, то... Мы уже знаемъ, что происходитъ, напр., между Челябинскомъ и станціей Полетаево. Но вотъ до Саратова дошла вѣсть о возникшихъ при особомъ продовольственномъ совѣщаніи туманныхъ предположеніяхъ нормировать хлѣбныя цѣны. Крупный саратовскій дѣятель и гласный лидеръ поволжскихъ черносотенцевъ, землевладѣлецъ г. Исѣевъ, только что вернувшійся въ ту пору съ черносотенныхъ—петроградскаго и нижегородскаго—съѣздовъ, немедленно забилъ тревогу. Онъ выступилъ и въ печати, и на аткарскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Аргументація г. Исѣева очень проста. По его мнѣнію, нормировку выдумали люди, „хлѣба не сѣющіе", говорятъ они прямую нелѣпость: „хлѣбъ продавай безъ барыша"; словомъ, „надо жаловаться министру"... Не министру земледѣлія, подъ предсѣдательствомъ котораго находится продовольственное совѣщаніе. А. Н. Хвостову надо жаловаться. Мнѣніе г. Исѣева о недопустимости нормированныхъ цѣнъ на хлѣбъ раздѣлили и поддержали аткарскіе земцы... Такъ взволновались видные поволжскіе правые дѣятели по поводу нормировки, хотя она не очень-то угрожаетъ владѣльческимъ интересамъ. Нормы, устанавливаемыя обычнымъ нынѣ способомъ,

вообще не обидны для владѣльцевъ, а если въ отдѣльныхъ случаяхъ и обидны, то попросту игнорируются и не соблюдаются. Одно развѣ,—даже такимъ способомъ проводимая нормировка не можетъ не разойтись съ ожидаемыми „золотыми цѣнами". Быть можетъ, способна и затормозить приближеніе къ этому идеалу. Но вѣдь „золотыя цѣны"—легенда. И не такъ ужь наивны поволжскіе крайніе правые дѣятели, чтобы подобными легендами руководствоваться:

Врядъ-ли наивны. Но вотъ что любопытно. По поводу нормировки, значеніе которой гадательно и сомнительно, г. Исѣевъ съ единомышленниками поднялъ шумъ. Что же онъ сказалъ бы, еслибы стали ненужными гужевыя перевозки параллельно желѣзнымъ дорогамъ, наладилась правильная подача вагоновъ, востановились бы своевременные подвозы грузовъ и вообще условія, при которыхъ владѣльцу попридержанныхъ запасовъ пришлось бы довольствоваться болѣе скромными барышами? Какъ къ такому обороту отнесся бы г. Исѣевъ, мы не знаемъ. Да это и не интересно. Но за владѣльцевъ придерживаемаго и припрятываемаго добра можно ручаться.

Журнальные отклики на очередную злобу дня мало удобны для рѣшенія вопросовъ. Но мнѣ кажется нужнымъ поставить нѣкоторый вопросъ. Говорятъ: „желѣзнодорожный безпорядокъ". Но не является ли, съ точки зрѣнія болѣе или менѣе близкой къ тому, что высказалъ г. Исѣевъ, этотъ безпорядокъ удобнымъ порядкомъ?

II. Противорѣчивости въ вагонномъ „кризисѣ" и колдуны.

Налаживать гужевое движеніе взамѣнъ желѣзнодорожнаго побуждаетъ, конечно, крайность. Прежде всего,—весьма трудно получить „разрѣшеніе на вагоны", И еще труднѣе получить разрѣшенные вагоны. Тутъ часто оказываются безцѣльными энергическія распоряженія мѣстныхъ начальниковъ, — не помогаетъ самое ревностное, казалось бы, содѣйствіе высшихъ инстанцій. Энергія нынѣшняго намѣстника на Кавказѣ достаточно извѣстна. Его высокое положеніе само по себѣ обезпечиваетъ содѣйствіе всевозможныхъ учрежденій. Мѣры были приняты Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ чрезвычайно энергическія и при томъ не только въ порядкѣ обычныхъ офиціальныхъ сношеній,— привлечены и нѣкоторыя общественныя силы. И все-таки пока о результатахъ можно судить хотя бы по слѣдующему телеграфному сообщенію „Русскаго Слова":

Тифлисъ 24.XII. Не весело встрѣчаютъ святки жители Тифлиса. Мяса на рынкѣ далеко недостаточно и по таксѣ купить его почти невозможно. Картофеля, муки, лука и яицъ нѣтъ совершенно.

Въ „Саратовскомъ Вѣстникѣ" 4 декабря была напечатана характерная корреспонденція изъ Камышина о „дѣлѣ, которое началось съ октября 1914 года".

Для надобностей своихъ учрежденій уѣздное земство закупило у одной фирмы каменный уголь по 23 коп. за пудъ. Было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи вагоновъ для погрузки угля. Разрѣшеніе получилось и стали ждать уголь. Уголь не ѣхалъ.

— Почему? спросили фирму.

— Нѣтъ вагоновъ.

Новое ходатайство. Новое разрѣшеніе. Но уголь опять не ѣхалъ.

— Почему не шлете уголь?

— Вагоновъ нѣтъ.

Первоначальное соглашеніе пришлось считать несостоявшимся. Потомъ

фирма снова предлагаетъ уголь, но уже по 40 коп. пудъ. Земство соглашается. Снова просятъ и получаютъ разрѣшеніе на вагоны. Но уголь ни подъ какимъ видомъ не желаетъ ѣхать въ Камышинъ.

Такъ бились съ октября 1914 года по декабрь 1915. Въ декабрѣ „рѣшили отправить своего человѣка, которому поручили на мѣстѣ выяснить, куда дѣваются разрѣшенные вагоны"... Трудно нынче съ вагонами. Не для всѣхъ однако. Въ одномъ изъ бюллетеней Елецкой биржи (№ 43) высказывалось, что вагоновъ собственно много, но государственная власть не умѣетъ ихъ двигать, какъ слѣдуетъ, по рельсамъ, а частныя лица и учрежденія, если двигаютъ „кое-что, то большею частью при помощи смазки". „Смазка", разумѣется, пріобрѣла огромное значеніе. Но, быть можетъ, дѣло не только въ ней. Беру, напримѣръ, газетныя свѣдѣнія изъ Екатеринбурга. „Кризисы", конечно. Помимо всего прочаго, „въ городѣ полное отсутствіе дровъ". Да и какъ не быть „отсутствію",—нѣтъ вагоновъ, нѣтъ подвоза.

Городская управа получила отъ губернскаго присутствія разрѣшеніе на вывозку со станціи Лая, Пермской желѣзной дороги, но начальникъ станціи не даетъ вагоновъ для погрузки, требуя еще разрѣшенія отъ начальника дороги.

Затрудненія столь велики, что даже

предпріятія, выполняющія работы государственнаго значенія, не могутъ добиться очереди на отправку своихъ издѣлій... Было отказано во внѣочередной погрузкѣ груза для Надеждинскаго завода („Русское Слово", 13.XII.)

Я остановился на Екатеринбургѣ собственно потому, что здѣсь положеніе было обслѣдовано спеціальной ревизіонной коммиссіей въ началѣ декабря. И эта ревизіонная коммиссія—опять-таки по газетнымъ свѣдѣніямъ—открыла, между прочимъ, слѣдующее: не смотря на всѣ затрудненія, и какъ разъ въ то время, когда не было вагоновъ даже для грузовъ государственнаго значенія, вполнѣ безпрепятственно

грузилась пшеница Чечеткина, предназначавшаяся для отправки въ Котласъ и оттуда по открытіи весенней навигаціи за границу. Погрузка пшеницы производилась внѣочередными рабочими, получающими содержаніе отъ Пермской желѣзной дороги.

Передаютъ, что Чечектинъ заплатилъ желѣзнодорожнымъ агентамъ за любезность 8 рублей съ вагона („Русское Слово", 13.XII).

„8 рублей съ вагона" по нынѣшнимъ временамъ нельзя назвать „смазкой": это—очень скромное, даже скупое „на чай". Аналогичныя свѣдѣнія изъ Вологды: „желѣзнодорожный узелъ перегруженъ, пакгаузъ заваленъ товарами, вагоны подолгу стоятъ неразгруженными", о полученіи вагоновъ обыкновенные смертные и мечтать не смѣютъ, но

фирмы, занимающіяся экспортомъ яицъ за границу, получаютъ вагоны внѣ всякой очереди. Часто вагоны для нихъ отпускаются тайно, ночью. За 6 мѣсяцевъ было отправлено такимъ путемъ свыше 1000 вагоновъ („Русское Слово", 9.XI).

Повидимому, экспортеры находятся въ привилегированномъ положеніи. Вообще же съ вагонами происходитъ много загадочнаго. Въ „Саратовскомъ Листкѣ" (11.X) находимъ, напримѣръ такую замѣтку:

Какъ извѣстно въ вагонахъ большая нужда, и въ то же время ихъ разсылаютъ по Россіи совершенно зря. Иллюстраціей можетъ служить присланное на имя уполномоченнаго по закупкѣ хлѣба К. И. Гримма. Ему въ Саратовъ высылаются: мука, сухари, сахаръ, жмыхи. Сахаръ еще можетъ пригодиться; К. Н. Гриммъ намѣренъ часть присланнаго продать по дешевой цѣнѣ земскимъ служащимъ, а остальное продать городу. Но для чего Саратову жмыхи? У насъ центръ этого производства. Отъ насъ масса жмыхъ шла за-границу. Теперь граница закрыта, всѣ склады завалены жмыхами. И вдругъ въ Саратовъ откуда-то посылаются жмыхи. Зачѣмъ? для чего? А на станцію Тамалу прислали вагонъ деревянныхъ стружекъ, и тоже никто не можетъ догадаться, для чего онѣ присланы.

Вагоновъ нѣтъ. Но вдругъ неожиданно для получателя и неизвѣстно откуда нашлись,—и даже не порожніе, а съ грузомъ, хотя и ненужнымъ получателю.

На одномъ изъ засѣданій углепромышленниковъ Грушевско-Власовскаго района

шахтовладѣлецъ Веровскій заявилъ, что харьковскій порайонный комитетъ назначалъ по 30 вагоновъ такимъ шахтовладѣльцамъ, которые не вырабатываютъ и 500 пудовъ въ сутки (т. е. 15 вагоновъ въ мѣсяцъ). „Я и самъ—говорилъ г. Веровскій—грузилъ вагоны, назначенные мнѣ безъ моего вѣдома" („Русское Слово", 16.XI).

То, какъ ни проси—не получишь, то безъ просьбы и даже безъ вѣдома даютъ... Нижегородская городская управа неожиданно

получила отъ порайоннаго комитета запросъ:

— Для какой срочной перевозки требуется для города Нижняго 20 вагоновъ?

По справкамъ оказалось, что нижегородское городское управленіе подобнаго требованія не предъявляло. Предполагаютъ, что существуетъ какая-то организація, которая пользуется удостовѣреніями общественныхъ

учрежденій и по соглашенію съ желѣзнодорожными служащими занимается перевозкой грузовъ внѣ всякихъ очередей („Русское Слово", 6.XI).

Съ рижскимъ городскимъ управленіемъ вышло еще страннѣй. Оно также неожиданно—какъ сообщалъ мѣстный корреспондентъ („Русское Слово" 10.XII)—

получило изъ министерства путей сообщенія слѣдующую телеграмму: „По справкѣ министерства путей сообщенія, на Ригу выдана масса нарядовъ по группѣ Б., обезпечивающихъ городъ продовольствіемъ. Сообщите, каковъ притокъ продовольственныхъ грузовъ въ ближайшіе дни послѣ открытія станціи Рига для ввоза продовольствія. Управляющій дѣлами Герасимовъ". Телеграмма эта вызвала недоумѣніе, такъ какъ въ послѣдніе дни городъ не получилъ ни одного вагона съ продовольствіемъ. Вообще изъ заказанныхъ городомъ 700 вагоновъ предметовъ первой необходимости на сумму около 500.000 р. въ Ригу прибыло всего лишь 72 вагона ржи, 6 вагоновъ пшеницы, 12 цистернъ керосина. Въ городѣ ощущается сильная нужда въ сахарѣ, соли, керосинѣ и другихъ продуктахъ. Кому выданы наряды, о которыхъ говорится въ телеграммѣ министерства путей сообщенія, а куда дѣвались перевозимые по нимъ продукты,—остается загадкой.

Разгадывать эти загадки—дѣло мудреное. Видно лишь, что кто-то получаетъ вагоны по чужимъ адресамъ. И, повидимому, въ общемъ счетѣ такихъ полученій не мало. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда начальство наводитъ контрольныя справки, коекакіе концы выходятъ наружу. Въ другихъ случаяхъ сами таинственные дѣльцы не успѣваютъ или не могутъ прослѣдить за ходомъ собственныхъ махинацій,—и по адресу, которымъ они воспользовались, доходитъ „нарядъ". Быть можетъ, отчасти по этой причинѣ и получаются вагоны „безъ вѣдома" и безъ просьбъ Въ третьихъ случаяхъ дѣльцы порожній вагонъ получаютъ сами но съ грузомъ онъ все-таки идетъ по адресу, которымъ они воспользовались... Какъ и кѣмъ это дѣлается,—неизвѣстно.

Но вотъ эпизоды, какъ-будто болѣе ясные. Вагоновъ не получишь, не хватаетъ,—

и въ то же время—пишетъ, напримѣръ, корреспондентъ „Донской Жизни" изъ Александровска-Грушевскаго—являются совершенно частные люди и преназойливѣйшимъ образомъ предлагаютъ подъ разгрузку вагоны.

— Не угодно ли? Я могу. Сколько вамъ? Въ моемъ распоряженіи триста вагоновъ.

Такимъ образомъ договаривался въ присутствіи свидѣтелей нѣкто Константиновскій съ углепромышленникомъ С—ымъ. С—овъ, полагая, что вагоны эти добыты не совсѣмъ прямымъ путемъ, отклонилъ это предложеніе и по телеграфу сообщилъ въ Харьковъ, что онъ не будетъ грузить въ вагоны, предлагаемые г. Константиновскимъ.

До г. Константиновскаго вагонами торговалъ нѣкій Гордонъ. Что это за личность и откуда она явилась, никто не зналъ, но за то всѣ знали, что Гордонъ „можетъ сe". И къ Гордону шли всѣ, кому нужны вагоны.

На собраніи углепромышленниковъ Грушевско-Власовскаго района 12 ноября возбужденно говорили:

— Въ Харьковѣ никому не назначаютъ вагоновъ, кромѣ городскихъ управъ, а по рудникамъ ходятъ разные господа и утверждаютъ: „продадите уголь,—вагоны будутъ, не продадите—и вагоновъ не получите".

— Кому неизвѣстна дѣятельность Гольдштейна, Кана, Антонова? Антоновъ по телефону кричитъ: „погрузите уголь въ наши вагоны, вагоны денегъ стоятъ". Константиновскій говорилъ: „погрузите по такой-то цѣнѣ, вагоны будутъ, а не погрузите, и вагоновъ не получите" („Приазовскій Край", 16. X.)

Такъ разсуждали промышленники осенью, когда, — по крайней мѣрѣ, на югѣ—начала наблюдаться массовая торговля частныхъ лицъ вагонами. Положеніе было такое: „разрѣшалось" получить не болѣе половины нужнаго числа вагоновъ, а фактически доставлялось лишь 55% того, что разрѣшено. „Въ результатѣ нѣкоторые металлургическіе заводы вынуждены были сократить свое производство. Число работающихъ доменъ уменьшилось"! На угольныхъ шахтахъ „образовались въ небывалыхъ размѣрахъ залежи, достигшія 110 мил. пудовъ, уголь отъ продолжительнаго лежанія самовозгарается и портится" [1]). И въ это время совершенно приватные люди открыто предлагали: „не желаете ли купить вагоны?" Одни просто торговали вагонами. Другіе больше интересовались тѣмъ, чтобы скупить запасы и вывезти ихъ въ „своихъ вагонахъ". Кое-гдѣ промышленники обратились къ начальству, Начальство мѣстное стало ловить таинственныхъ торговцевъ вагонами, занимающихся также скупкою угля. Пойманные нерѣдко оказывались людьми „безъ опредѣленныхъ занятій", по полицейской терминологіи, и съ очень ограниченными средствами,—отнюдь не капиталисты, скорѣе биржевые зайцы совсѣмъ не высшаго разряда. Эти мелкіе человѣчки частью были переловлены полиціей и высланы. Частью же избрали себѣ „опредѣленный рядъ занятій". Одни изъ нихъ, напр., купили заброшенныя шахты, открыли конторы и стали формально углепромышленниками. Другіе нашли иной способъ. Въ южныхъ газетахъ назывались фамиліи этихъ маленькихъ людей, играющихъ, — вѣроятно, за чужой счетъ— большую роль. Но ихъ фамиліи мало интересны.

Еще болѣе таинственна, за то болѣе наглядна по результатамъ секретная торговля вагонами.

Въ засѣданіи тифлисскаго городского исполнительнаго комитета о раненыхъ предсѣдатель заявилъ, что для обезпеченія лазаретовъ топливомъ приходится прибѣгать къ исключительнымъ пріемамъ. Предсѣдатель иллюстрировалъ свое заявленіе фактами, которые можно было бы считать анекдотами, если бы они не исходили изъ такого авторитетнаго источника.

Городскому союзу понадобилось 3 вагона угля. Харьковскій порайонный комитетъ зачислилъ отправку въ такую очередь, что уголь пришелъ бы только черезъ 3 года. Были посланы телеграммы въ Ростовъ-на-Дону и Петроградъ, но безуспѣшно.„ Тогда,—говорилъ предсѣдатель:—явился человѣкъ".Спрашиваетъ:

---

1) „Русское Слово", 8 ноября.

— Вамъ нуженъ уголь?
— До-зарѣзу.
— Доставлю по 75 коп. за пудъ.
— Какъ доставите?
— Не ваше дѣло. Заплатите деньги и получите уголь.

Черезъ 14 дней уголь, дѣйствительно, былъ полученъ.

Еще до войны тифлисское городское управленіе заказало въ Донецкомъ районѣ водопроводныя трубы. Не смотря на всѣ старанія, вывезти ихъ не удалось. Городская управа обращалась во всѣ инстанціи, но опять безуспѣшно. Помогъ тотъ же „человѣкъ". Онъ взялъ по 100 руб. съ вагона и доставилъ трубы въ Тифлисъ черезъ 12 дней.

Члены комитета просили сообщить имъ имя этого „человѣка".

— Не могу, — отвѣтилъ предсѣдатель: — онъ можетъ обидѣться, и мы лишимся послѣдняго способа получать своевременно грузы. Объ имени этого „человѣка" — заявилъ далѣе предсѣдатель — меня уже спрашивалъ генералъ, чтобы не наказать его, а чтобы самому воспользоваться его услугами. Но я отказался назвать его. Впрочемъ, — продолжалъ предсѣдатель, — такіе „человѣки" водятся не въ одномъ Тифлисѣ. На-дняхъ мнѣ разсказывали, какъ для быстрой отправки въ Тифлисъ вагона картофеля для торговца А въ Баладжарахъ былъ отцѣпленъ вагонъ съ необходимѣйшими предметами слѣдующими на фронтъ.

Предсѣдатель тифлисскаго городского исполнительнаго комитета правъ: „человѣки", тайно торгующіе вагонами, конечно, есть не только въ Тифлисѣ и не только на Кавказѣ. Вездѣ они. И ихъ сила поясняется сама собою, простымъ сопоставленіемъ фактовъ: самъ кавказскій намѣстникъ не можетъ добиться своевременной доставки необходимыхъ продуктовъ, а таинственный „человѣкъ" можетъ, — у него есть вагоны, и онъ умѣетъ быстро проводить ихъ по рельсамъ. Обычно объясняютъ это „смазками". Вѣроятно, „смазка" много значитъ въ колдовствѣ. Но только ли „смазка"? Секретъ колдовства не разгаданъ вполнѣ. Извѣстны, однако, нѣкоторыя образованія, возникающія на той же почвѣ, которую эксплуатируютъ колдуны, овладѣвшіе тайной получать вагоны. Приведу газетный отзывъ объ одномъ изъ этихъ образованій.

„Въ нашей хозяйственной жизни во время войны, — писалъ „Кіевлянинъ" (1.XII) — въ моменты опасности для государства творятся вещи, по ужасу своему не имѣвшія еще примѣровъ". Спекуляція „въ союзѣ съ крайними правыми авантюристами въ буквальномъ смыслѣ слова расхищаетъ Россію. На откупъ сдаются одна за другой отрасли торговли и производства. На этомъ наживаютъ громадныя состоянія, обирая многомилліонное населеніе, казну и армію, сознательно разрушая нормальный ходъ экономической жизни".

Эту мысль „Кіевлянинъ" подтвердилъ ссылкою на два примѣра. Первый примѣръ: отдано „въ монопольное господство" компаніи спекулянтовъ „съ Петроградскимъ Международнымъ банкомъ во главѣ снабженіе сахаромъ нашей столицы". Второй примѣръ:

Недавно вслѣдствіе реквизиціи каменнаго угля рѣшилъ прекратить свое существованіе синдикатъ Продуголь. На общемъ собраніи контрагентовъ синдиката 27 октября въ Петроградѣ вынесено было постановленіе о такомъ прекращеніи съ 1 января 1916 г. На собраніи было доложено, что харьков-

ское отдѣленіе общества уже ликвидировано, кіевское такъ же... Но нынѣ, вмѣсто не успѣвшаго умереть Продуголя, возникла новая синдикатская угольная организація. Выросла дикая по своему названію „Юровета",— еще болѣе дикая, если ее расшифровать. Весь уголь поступаетъ въ руки этого синдиката, во главѣ котораго стоитъ все тотъ же Петроградскій Международный банкъ. Уголь изъ рудниковъ перевозится на склады синдиката. Изъ этихъ складовъ покупатели должны вывозить уголь сами. И далѣе самое любопытное мѣсто новаго соглашенія, вскрывающее его истин ное содержаніе. Весь уголь, не взятый втеченіе извѣстнаго срока покупа телями, поступаетъ въ распоряженіе Петроградскаго Международнаго банка Надо вдуматься въ роль угля въ жизни страны и значеніе его въ современномъ народномъ хозяйствѣ, чтобы понять масштабъ и силу такого откупа.

Попутно „Кіевлянинъ" пускаетъ нѣкоторыя словесныя стрѣлы въ „еврейское засилье". Но эта юдофобская выходка въ данномъ случаѣ—именно слова, механически связанныя съ главными положеніями, на которыхъ настаиваетъ и которыя подчеркиваетъ кіевская охранительная газета: во-первыхъ, говоритъ она, водворяются „откупа", во-вторыхъ, это „завоеваніе и порабощеніе страны ведется „черезъ правыхъ" и „руками правыхъ",—„вотъ въ чемъ ужасъ положенія!"—восклицаетъ „Кіевлянинъ", разошедшійся съ правыми по соображеніямъ тактическимъ, но единомышленный съ ними по многимъ основнымъ соціально - политиче скимъ вопросамъ. Роль продажныхъ правыхъ вліяній въ исторіи всякаго рода сомнительныхъ спекуляцій настолько извѣстна, что сейчасъ мы можемъ ее оставить пока въ сторонѣ. Но разсужденія объ „откупахъ" не лишне, пожалуй, пояснить. Небольшая фактическая справка къ тому, что говоритъ „Кіевлянинъ":

Тамбовъ. 2. XII. Липецкій торговецъ Терпуговъ купилъ на заводѣ гр. Орлова-Давыдова въ селѣ Покровскомъ, Тамбовскаго уѣзда, вагонъ сахара. Сахаръ этотъ нужно было привезти въ Липецкъ. Представитель Русскаго для внѣшней торговли банка, являющагося фактическимъ хозяи номъ запасовъ сахара на заводѣ гр. Орлова-Давыдова, г. Мостовлянскій далъ г. Терпугову въ письмѣ характерныя указанія на способъ ускоренія доставки сахара.

Для ускоренія погрузки—говорится въ письмѣ—совѣтую вамъ направить на заводъ особое лицо съ полномочіемъ не останавливаться передъ нѣкоторыми спеціальными желѣзнодорожными расходами. Такой путь въ послѣднее время неоднократно примѣнялся нашими покупателями и всегда съ успѣхомъ. При нѣкоторой настойчивости желѣзнодорожное начальство можетъ вамъ предоставить даже вагоны мѣстнаго сообщенія („Русское Слово").

Названный въ этой выдержкѣ банкъ мы уже встрѣчали, какъ монополиста по снабженію Пензы сахаромъ и пшеничной мукой... Еще болѣе убѣдительна слѣдующая газетная телеграмма:

Томскъ, 31. XII. Городской думой установленъ фактъ широкой спеку ляціи при покупкѣ мяса, въ которой принимаютъ дѣятельное участіе банки Банки снабжаютъ скупщиковъ деньгами и гарантируютъ полученіе вагоновъи не смотря на общую затруднительность товарнаго движенія. Скупщик отправляютъ ежедневно до 10 вагоновъ мяса, въ то время, какъ уполномо-

ченный военнаго вѣдомства, закупающій мясо для нуждъ арміи, не отправилъ еще ни одного пуда, за неимѣніемъ вагоновъ („Русское Слово").

Поразительныхъ результатовъ достигаютъ и биржевые зайцы. Но крупныя оптовыя и спекулятивныя организаціи располагаютъ и большими средствами, и лучшими спеціалистами по части изысканія ходовъ и нажиманія пружинъ. Быть можетъ, въ этомъ и опасность соглашеній вродѣ Юроветы.

Изложенныя „Кіевляниномъ" основныя очертанія договора могутъ казаться странными. „Весь уголь, не взятый втеченіе извѣстнаго срока покупателями, поступаетъ въ распоряженіе банка". Но чѣмъ же—въ смыслѣ полученія вагоновъ—банкъ отличается отъ отдѣльныхъ углепромышленниковъ и отъ цѣлаго ряда государственныхъ и общественныхъ учрежденій, которыя, обладая преимущественными правами на транспортныя средства, тѣмъ не менѣе не могутъ получить достаточнаго количества вагоновъ? Они не знаютъ, что дѣлать съ добытымъ или закупленнымъ запасомъ угля, какъ спасти его отъ самовозгаранія. Казалось бы, въ такомъ же положеніи будетъ и банкъ, если невывезенные запасы перейдутъ къ нему. Но мало ли что казалось бы. А въ дѣйствительности организація, располагающая рессурсами Юроветы, можетъ собрать у себя на службѣ самыхъ лучшихъ колдуновъ и пустить въ ходъ самыя сильныя чародѣйства, „Откуповъ" и тутъ формально нѣтъ. Вы свободны. Можете покупать у предпріятій, не вошедшихъ въ Юровету,—они возьмутъ съ васъ себѣ стоимость плюсъ прибыль несиндицированнаго промышленника. Можете купить у Юроветы, какъ промышленной организаціи,—она возьметъ также себѣстоимость плюсъ прибыль промышленника синдицированнаго. Но вы не умѣете добыть вагоновъ и вывезти. А разъ такъ, обратитесь къ той же Юроветѣ, какъ организаціи торговой. Она доставитъ уголь. Но уже цѣна будетъ не промышленная, а торговая,—со включеніемъ торговой прибыли, торговаго риска, тѣхъ накладныхъ расходовъ, передъ которыми банки убѣждаютъ своихъ кліентовъ не останавливаться, а, сверхъ того, возьмутъ еще и премію за искусство добывать вагоны тамъ, гдѣ ихъ не получишь, и провозить грузы, гдѣ ихъ не провезешь.

Забѣгая нѣсколько впередъ, замѣчу, что какъ ни трудно получить вагоны, но часто еще труднѣе добиться, чтобы они были доставлены, куда слѣдуетъ. Ниже мы увидимъ, отъ какихъ сложныхъ причинъ это зависитъ. А пока нѣсколько словъ лишь объ одной детали. „Утро Россіи" не такъ давно разсказывало, что на желѣзнодорожныхъ линіяхъ одновременно съ „толкачами" работаютъ „мѣшкачи". Задача „толкача"—протолкнуть хозяйскій грузъ куда нужно. Задача „мѣшкача"—затормозить конкурирующій грузъ, помѣшать ему, добиться, чтобы онъ не попалъ на мѣсто. Идетъ борьба. И побѣждаетъ наиболѣе сильный и наиболѣе приспособленный. Толкачи и мѣшкачи „работаютъ" не только на линіяхъ. Въ

инстанціяхъ, отъ которыхъ зависитъ распредѣленіе транспортныхъ средствъ, также идетъ борьба, въ которой побѣждаютъ тоже болѣе сильные и приспособленные, также „работаютъ“ „толкачи“ и „мѣшкачи“. Вы не умѣете доставить необходимый продуктъ на мѣсто. Но не умѣете, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ потому, что таково желаніе той или другой группы спекулянтовъ. Организаціи, подобныя „Юроветѣ“, кромѣ всего прочаго, опасны тѣмъ, что имъ трудно обойтись безъ собственныхъ „толкачей“ и „мѣшкачей“, имъ выгодно толкать свое и мѣшать вашему. Имъ выгодно поставить дѣло такъ, чтобы транспортныя средства были только у нихъ, и больше ни у кого. А кто вѣритъ, что они откажутся отъ стремленія къ этой выгодной для нихъ цѣли,—я не знаю. Думаю лишь, что употребленное „Кіевляниномъ“ слово „откупа“ не точно характеризуетъ устанавливающуюся систему. Откупщикъ—все-таки нѣчто подзаконное, закономъ предусмотрѣнное и подконтрольное. Здѣсь же, какъ это, впрочемъ, указываетъ „Кіевлянинъ“, все въ самомъ источникѣ своемъ беззаконно, противозаконно, безконтрольно. Не откупщики, а скорѣе шайки ушкуйниковъ, которые стремятся забрать въ свои руки рессурсы страны и—въ данномъ случаѣ—транспортныя средства государства. Стремятся и въ значительной степени достигаютъ своей цѣли.

Не будемъ однако углубляться въ эту область таинственныхъ пружинъ и чародѣйскихъ махинацій. Поскольку же рѣчь у насъ собственно о такъ называемомъ „вагонномъ кризисѣ“, выводы, полагаю, достаточно опредѣлились. Кажется, у экспортеровъ вагоны есть. И, очевидно есть вагоны у колдуновъ самаго разнообразнаго типа. Готовы служить колдуны кому угодно. Постоянная же ихъ служба, безъ сомнѣнія, у спекулянтовъ и спекуляторскихъ организацій, во главѣ которыхъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, стоятъ банки. Все же остальное, дѣйствительно, находится въ условіяхъ вагоннаго кризиса. Не хватаетъ вагоновъ даже для многихъ государственныхъ учрежденій Не хватаетъ вагоновъ для учрежденій общественныхъ. Не хватаетъ вагоновъ для учрежденій капитальнѣйшаго экономическаго значенія. Дошло до того, что министерство внутреннихъ дѣлъ предвидитъ опасность подлиннаго мучного голода: мукомольнымъ предпріятіямъ столь плохо доставляется топливо, что они стоятъ передъ возможностью прекращенія работы, и тогда въ странѣ, не смотря на вполнѣ достаточные запасы зерна, не окажется муки. Легко, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить, что случится тогда, положимъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, на которомъ я выше остановился для примѣра. Землевладѣльцы и хозяйственные мужички, придержавшіе и припрятавшіе зерно, выроютъ его изъ ямъ, выкопаютъ изъ-подъ картошки, отвезутъ на ближайшія, а иные даже на собственныя, вѣтряныя и водяныя мельницы, перемелютъ. И будетъ у нихъ мука. И возьмутъ они за нее ожидаемую ими „золотую цѣну“. Быть можетъ, не одніми деньгами возьмутъ. Въ провинціи уже

начали требовать за продукты „натуральной платы", — не деньгами, а трудомъ или обязательствами выполнить ту или иную работу.

Нынѣшнее положеніе вагоннаго вопроса, разумѣется, надо понимать, какъ слѣдствіе глубокихъ и сложныхъ несовершенствъ. Къ несовершенствамъ великолѣпно приспособился крупный и мелкій ушкуйникъ. Ему они удобны, выгодны. И уже поэтому онъ не заинтересованъ въ ихъ устраненіи.

И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ,—сидитъ на деревѣ
У самаго костра,
Сидитъ да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго-нибудь.

Воронъ самъ по себѣ. Онъ попридержалъ, припряталъ. Что подъ картошкой, что инымъ способомъ хранитъ. Съ надеждами смотритъ на будущее. И ждетъ... Несовершенства и ему выгодны. Въ устраненія ихъ и онъ незаинтересованъ.

III. Техника, политика и экономика.

Не ушкуйникамъ трудно достать вагоны. Но, если и достанешь это еще не значитъ, что задача рѣшена. Одинъ изъ многихъ примѣровъ:

Изъ Томска въ петроградскій продовольственный комитетъ телеграфируютъ, что погруженное уже въ вагоны мясо для Петрограда пришлось, о требованію желѣзнодорожной администраціи, выгружать и увозить со танціи („Рѣчь", 18. XII).

Одно государственное учрежденіе даетъ вагоны, другое порою немедленно отбираетъ ихъ. А если и не отбираетъ, то опять-таки до рѣшенія задачи далеко.

Минскъ, 2. XII. Въ концѣ октября коммиссія о нуждахъ населенія Минска закупила на отпущенныя ей казною 300.000 р. 83 разныхъ вагоновъ. По нарядамъ особаго совѣщанія, всѣ продукты въ началѣ ноября были погружены въ вагоны. Однако прошло уже болѣе мѣсяца, а вагоны съ продуктами въ Минскъ все еще не пришли. Всѣ телеграфныя напоминанія коммиссіи о переживаемой городомъ страшной нуждѣ въ продуктахъ остаются безрезультатными. Грузы прочно застряли на станціяхъ отправленія („Русское Слово").

И „нарядъ" высшаго въ имперіи особаго совѣщанія не помогъ: нагружены, но стоятъ безъ движенія. Не на одной какой-либо станціи, а на нѣсколькихъ станціяхъ разныхъ дорогъ: въ Кременчугѣ 20 вагоновъ, въ Елисаветградѣ 25, въ Путивлѣ 5, въ Оратовѣ 3, въ Ржевусской 35. Вездѣ порядокъ оказался одинъ и тотъ же.

Если отправлены, наконецъ, вагоны, то все-таки это еще не значитъ, что они дойдутъ до мѣста. Инженеръ М. Алтуховъ разсказываетъ въ „Новомъ Времени“ (16. XII):

...Было отправлено 5 августа два вагона въ Смоленскъ, причемъ для большой обезпеченности доставки довольно цѣннаго груза былъ отправленъ нашъ собственный „толкачъ“, помѣстившійся вмѣстѣ съ грузомъ въ одномъ изъ вагоновъ. На станціи Житковичи (Полѣсскихъ дорогъ) произошло легкое столкновеніе поѣздовъ, вслѣдствіе котораго пришлось перегрузить тотъ вагонъ, въ которомъ ѣхалъ толкачъ, и пересоставить поѣздъ, причемъ другой нашъ вагонъ-платформа, совершенно не пострадавшій при столкновеніи былъ отцѣпленъ (остался, значитъ, безъ проводника,—*А.* II.). Результатомъ всего этого вышло то, что тотъ вагонъ, съ которымъ ѣхалъ толкачъ, не смотря на крушеніе, все-таки прибылъ въ Смоленскъ 17 августа и грузъ, доставленъ по назначенію, а платформа, благополучно ѣхавшая все время, но случайно лишившаяся своего толкача, не смотря на свое уже четырехмѣсячное путешествіе, еще до сихъ поръ не прибыла въ Смоленскъ и не смотря на всѣ справки и розыски, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно даже гдѣ она находится.

Толкачи—средство солидное, но далеко не оправдавшее многихъ надеждъ. Одно время общественныя организаціи полагали, что если снабжать вагоны собственными проводниками, то задержки не будетъ. Дѣйствительность показала, что не всякій толкачъ толкаетъ. Въ печати было оглашено содержаніе доклада жандармскаго ротмистра Попова, имѣющаго особыя полномочія по разгрузкѣ Московскаго узла. Изъ этого доклада узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

Вагоны съ грузами первой необходимости легко задерживаются на любой станціи, товаръ выгружается и отдается въ распоряженіе грузоотправителя, которому указываютъ на невозможность дальнѣйшаго движенія вагоновъ изъ-за порчи подшипниковъ, возгоранія осей и т. д. Бываютъ злоупотребленія другого характера: вагонамъ не даютъ хода, загоняютъ въ станціонные тупики для того, чтобы... содѣйствовать поднятію цѣнъ на товары.

Вы посылаете толкача. А кто-либо посильнѣе или половчѣе васъ уже давно командировалъ мѣшкача. Кто кого? „Вагоны л е г к о задерживаются“. Но столь же, повидимому, легко бываетъ съ ними нѣчто похуже.

Въ октябрѣ со станціи Пахомово, Московско-Курской желѣзной дороги отправленъ въ Тулу по накладной № 5599 вагонъ дровъ. Разстояніе отъ Пахомова до Тулы 52 версты. Со времени отправки прошло уже свыше 2 мѣсяцевъ, но грузъ все еще находится въ пути („Русское Слово“, 12.XII).

Въ началѣ сентября со станціи Ромны по накладной № 090160 былъ отправленъ вагонъ муки для нуждъ Минска. Прошло много времени, но грузъ минская городская управа не получила; произведенными розысками обнаружено, что вагонъ засланъ на станцію Бѣлополье Южныхъ желѣзныхъ дорогъ (участокъ между Ворожбой и Харьковомъ) („Русское Слово“, 5.XII).

Членъ Государственной Думы Демченко указалъ особому совѣщанію по перевозкамъ на полный хаосъ въ перевозкѣ грузовъ на Московско-

Кіево-Воронежской дорогѣ, гдѣ грузы для кіевскихъ заводовъ, работающихъ на оборону, совершенно затериваются („Русское Слово". 4.XI).

Однихъ вагоновъ съ углемъ для одного только Путиловскаго завода пропало 700 („Утро Россіи", 6.XII).

Со станціи Гулькевичи, Владикавказской желѣзной дороги, отправленъ былъ маршрутный поѣздъ въ составѣ 35 вагоновъ. груженыхъ мукой. Изъ нихъ прибыло только 22 вагона. По чьему распоряженію отцѣплены остальные 13 вагоновъ, и гдѣ они затерялись,—неизвѣстно. („Утро", 7.XI).

По особому наряду для тульскихъ чугуноплавильныхъ заводовъ на Косой горѣ было разрѣшено нагрузить коксомъ и отправить цѣлый поѣздъ въ составѣ 28 вагоновъ съ грузомъ въ 28.000 пуд. Со времени отправки прошло больше мѣсяца, а о поѣздѣ ни слуху, ни духу. Встревоженная администрація заводовъ командировала своего представителя. Представитель заводовъ проѣхалъ весь маршрутъ слѣдованія поѣзда. Но результатъ этого разслѣдованія оказался плачевнымъ: цѣлый поѣздъ затерялся такъ, что не найти концовъ („Саратовскій Вѣстникъ", 21.XI).

Въ серединѣ 1915 года большое впечатлѣніе произвела огласка страннаго желѣзнодорожнаго случая: грузъ государственной важности, отправленный на западъ, очутился во Владивостокѣ... Это казалось до того неожиданнымъ, что возникли было предположенія о нѣмецкой интригѣ. Теперь публика настолько привыкла къ страннымъ желѣзнодорожнымъ случаямъ, что гипотеза о нѣмцахъ отпала само собою, странное стало обыкновеннымъ,—„у насъ де всегда такъ" Почему? чѣмъ объясняется столь странное состояніе? Начать хотя бы съ пропажи грузовъ десятками, сотнями вагоновъ и даже цѣлыми поѣздами. Нѣкій свѣдущій человѣкъ, выступившій въ прессѣ подъ псевдонимомъ „Желѣзнодорожникъ", объясняетъ это несовершенствомъ правилъ о разсчетахъ между желѣзнодорожными дорогами при распредѣленіи суммъ, взысканныхъ за перевозку. Правила составлены такъ, что мало возможенъ не только реальный, но и бумажный контроль за движеніемъ грузовъ, перекидываемыхъ съ одной дороги на другую. Въ предѣлахъ, видимо, личныхъ наблюденій г. Желѣзнодорожника происходило, по его словамъ, слѣдующее. Пользуясь несовершенными правилами, разные мазурики

попробовали сначала показать въ нѣтяхъ цистерну съ керосиномъ,—сошло. Ее не нашли ни въ Тифлисѣ, куда она слѣдовала, ни въ Баку,—откуда отправилась. Тогда стали пропадать цистерны чаще. Поискали ихъ, поискали, писали до 160 повтореній о розыскѣ. Безрезультатно. Какъ въ воду канули. Тогда стало пропадать все, что только шло на потребу догадливыхъ дѣльцовъ: мука, чай, сахаръ и наконецъ пропало 700 вагоновъ угля...

...Ларчикъ просто открывается: груженый вагонъ показывается въ пробѣжномъ листкѣ въ клѣткѣ *порожняго*, прибываетъ на *нужную* станцію такимъ образомъ *порожнимъ*, *моментально разгружается* и слѣдуетъ далѣе порожнимъ, согласно *документамъ*. Грузовые *документы*—накладная и дорожная—показываютъ, что онъ съ грузомъ, а пробѣжный, неоспоримый листъ,—что онъ порожній... Составляется протоколъ. Начинается розыскъ груза, которыи конечно, не находится („Утро Россіи", 6.XII. Курсивъ г. Желѣзнодорожника).

Итакъ, грузы пропадаютъ прежде всего потому, что слабъ контроль. Въ такой общей формѣ объясненіе можетъ быть принято. Слабая постановка контроля—вообще вѣдь одна изъ причинъ многихъ несовершенствъ и неладностей. А почему у насъ слабъ контроль?.. Старый вопросъ. И давно извѣстенъ на него отвѣтъ. Одно время въ прессѣ пользовался успѣхомъ афоризмъ предсѣдателя думской бюджетной коммиссіи: „дайте намъ хорошую политику,—мы вамъ дадимъ хорошіе финансы!“ Съ не меньшимъ правомъ можно бы сказать: дайте болѣе соотвѣтственную интересамъ государства политику,—и будетъ болѣе дѣйствительный контроль. Получается такимъ образомъ цѣлый рядъ звеньевъ: техника несовершенна, потому что таковъ контроль, а контроль таковъ, потому что такова политика. Между прочимъ, этой цѣпью пользуются и мазурики. Но не въ нихъ ея крѣпость.

Конечно, грузы пропадаютъ не только по причинамъ, указаннымъ г. Желѣзнодорожникомъ. Беру еще одну фактическую справку изъ „Новаго Времени“ (16. XII). „По экстренному военному отзыву“, отправляется на станцію Петроградъ Сѣверозападныхъ дорогъ вагонъ съ грузомъ. Получатель въ Петроградѣ систематически посылаетъ артельщика за справками, прибылъ ли грузъ. Но артельщику неизмѣнно отвѣчаютъ: груза нѣтъ. Въ дѣйствительности же происходитъ слѣдующее. 7 сентября вагонъ прибылъ согласно назначенію, на станцію Петроградъ Сѣверозападныхъ дорогъ. Но отсюда онъ, неизвѣстно кѣмъ, для чего и почему, переданъ 9 сентября на Николаевскую желѣзную дорогу. 12 сентября онъ опять-таки неизвѣстно кѣмъ, для чего и почему, отправляется на Рязано-Уральскую дорогу. Получатель въ Петроградѣ волнуется, ищетъ, наводитъ справки. 27 октября онъ получилъ извѣщеніе, что вагонъ съ его грузомъ прошелъ станцію Козловъ въ направленіи на Саратовъ. А 5 декабря открылось, что вагонъ довезенъ до станціи Тамалы (между Козловомъ и Саратовомъ) и здѣсь—еще не разъ неизвѣстно, почему и на какомъ основаніи—разгруженъ... Резоновъ, сколько-нибудь достаточныхъ для того, чтобы предполагать покушеніе на кражу или стремленіе къ какой-либо иной цѣли, въ этой исторіи не видно. Наоборотъ, для нея, пожалуй, наиболѣе характерны безцѣльность и безалаберность.

Пожалуй, болѣе убѣдительны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приключенія вагона съ бумагою для „Смоленскаго Вѣстника“. Еще въ началѣ іюля вагонъ бумаги въ количествѣ 113 кипъ былъ отправленъ изъ Финляндіи въ Смоленскъ. Накладную получили въ Смоленскѣ своевременно. Но о бумагѣ вплоть до октября никакихъ свѣдѣній не было: погружена, отправлена и какъ въ воду канула. Только въ октябрѣ отъ подлежащаго петроградскаго начальства послѣ очень сложныхъ хлопотъ была получена такая справка: при перегрузкѣ въ Петроградѣ 5 мѣстъ сгорѣло, остальныя 108 кипъ

погружены въ вагонъ за № такимъ-то и 29 іюля отправлены по Московско-Виндаво-Рыбинской дорогѣ черезъ Витебскъ на Смоленскъ. Получатель командировалъ „искачей", чтобы разыскать, куда дѣлся вагонъ. „Искачи" ничего не нашли. Обратились въ витебское бюро по розыску грузовъ. Оттуда отвѣтомъ не удостоили. Добились телеграфнаго предписанія одного изъ мѣстныхъ начальствующихъ генераловъ —отыскать пропавшій вагонъ бумаги. Но безъ надеждъ на это предписаніе завѣдывающій конторою „Смоленскаго Вѣстника" лично отправился въ Витебскъ. Витебскіе желѣзнодорожные чины отвѣтили: „частнымъ лицамъ справки не выдаются". Ссылка на генеральское предписаніе не имѣла силы. Случай помогъ найти служащаго, который согласился справиться по книгамъ. Справился и обнаружилъ, что вагонъ за указаннымъ № былъ на станціи Витебскъ, но отсюда отправленъ не на Смоленскъ (по Риго-Орловской магистрали), а на Оршу (по направленію къ Кіеву). По словамъ „Смоленскаго Вѣстника" (16. XI), для дальнѣйшихъ поисковъ груза требовалось уже спеціальное разрѣшеніе. Смоленскій губернаторъ разрѣшилъ. Послали снова „искача". Изъ Орши ему пришлось ѣхать на югъ въ Могилевъ, Копысь, Жлобинъ. Оттуда—обратно на сѣверъ, такъ какъ оказалось, что не надлежаще направленный вагонъ бумаги возвращенъ въ Витебскъ. А въ Витебскѣ на сей разъ—въ концѣ октября—объяснили, чтовагонъ, дѣйствительно, былъ возвращенъ изъ Орши и отправленъ въ Смоленскъ. Стали справляться въ Смоленскѣ. Здѣсь сказали: „Да, былъ у насъ вагонъ № 773.243, но 24 августа, мы его отправили дальше на Орелъ, потому что вагонъ шелъ безъ документовъ". Такимъ образомъ послѣ трехмѣсячныхъ поисковъ удалось открыть, что путевые документы, по которымъ шелъ грузъ, утрачены, а вагоны съ утраченными документами отправляются дальше, а куда дальше, это, вѣроятно, зависитъ отъ вдохновенія станціонныхъ чиновъ.

Путь, опредѣленный вдохновеніемъ, все-таки узнали: „на Орелъ". Стали наводить справки. Въ Рославлѣ оказалось то же что и въ Смоленскѣ: вагонъ безъ документовъ, отправили дальше А „дальше" изъ Рославля отъ Смоленска только одинъ путь—на Брянскъ. Въ Брянскѣ сложнѣе: тутъ узловой пунктъ, и, куда ни отправь бездокументный вагонъ,—на Москву, Курскъ, Кіевъ Гомель, Орелъ,—все будетъ „дальше". Справками было выяснено что изъ Брянска вагонъ отправленъ также на Орелъ. Въ Орлѣ опять узловой пунктъ. Здѣсь по вдохновенію вагонъ отправили на Грязи... И такъ его тащили вплоть до ст. Казаки (близъ Ельца). Но въ Казакахъ къ бездокументному вагону примѣнили другое правило,—отцѣпили и разгрузили... Въ товарномъ складѣ станціи Казаки посланный „Смоленскаго Вѣстника" и нашелъ пропавшія было 108 кипъ бумаги. Такимъ образомъ казначейство было избавлено отъ неизбѣжной уплаты получателю или отправителю з

пропавшій грузъ. Но затѣмъ начинается неразбериха. Смоленское желѣзнодорожное начальство телеграфируетъ въ Казаки: грузъ такой-то долженъ быть отправленъ въ Смоленскъ. Станція Казаки считаетъ это для себя необязательнымъ. „Смоленскій Вѣстникъ“ отправляетъ новаго посланца въ Воронежъ, въ управленіе Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Воронежѣ успокаиваютъ: „Сдѣлаемъ распоряженіе о немедленной отправкѣ груза“. Но станція Казаки дѣйствуетъ по какимъ-то своимъ особеннымъ правиламъ. Она требуетъ накладную. Смыслъ, можно думать, въ томъ, что если получатель самъ получитъ грузъ въ Казакахъ, то онъ уже за свой счетъ доставитъ грузъ въ Смоленскъ. Въ Смоленскѣ идутъ и на это, посылаютъ накладную въ Казаки—еще одному нарочному. Въ Казакахъ отыскиваютъ новую препону: накладная на 113 кипъ, а на лицо имѣется лишь 108,—значитъ, грузъ не можетъ быть выданъ... Контора „Смоленскаго Вѣстника“ пыталась опровергнуть этотъ выводъ, обратилась съ жалобой въ Петроградъ. Но что изъ всего этого вышло,—я не знаю.

Въ мелкомъ—одномъ изъ многихъ—эпизодѣ вы видите цѣлую картину нравовъ и порядковъ. Своего рода „капля водъ“, отразившая свойства родного моря. И какой штрихъ картины ни возьми,—за нимъ стоитъ сложная совокупность причинъ. Ну вотъ хотя бы,—не отвѣчаютъ на запросы, не исполняютъ законнѣйшихъ требованій о справкахъ... Почему? Ходячій отвѣтъ бюрократизмъ. А бюрократизмъ почему? Надо ли повторять извѣстный отвѣтъ на столь древній вопросъ? Возьмите другой штрихъ той же картины: одно начальство отправляетъ грузъ въ одномъ направленіи, другое—въ другомъ, одно начальство говоритъ или приказываетъ такъ, другое—иначе... Причины? Безъ сомнѣнія, онѣ сложны, многообразны. Но вотъ одна изъ нихъ, о которой теперь много говорятъ: въ управленіи желѣзными дорогами исчезло организаціонное единство. Распоряжаются разные начальники разоныхъ вѣдомствъ, нерѣдко мало знакомые съ желѣзнодорожной техникой и довольно беззаботные относительно техническихъ деталей.

На этотъ источникъ путаницы указываетъ печать, указывалось въ Государственной Думѣ, указывалось въ особыхъ совѣщаніяхъ. И начальство не возражаетъ противъ указаній. Критическіе аргументы не оспариваются. Но тяжкій организаціонный грѣхъ остается неприкосновеннымъ. Почему? Опять политика.

Изъ упомянутой выше докладной записки ротмистра Попова мы уже знаемъ еще одно объясненіе: транспортировку грузовъ запутываютъ умышленно мздодатели и мздоимцы,—со спекулятивной цѣлью. Если оставить эту послѣднюю цѣль въ сторонѣ, то вообще о „смазкахъ“ по всей Россіи крикъ идетъ. „Смазка“ не нынче родилась,—ея возрастъ довольно преклоненъ. Но сейчасъ

дѣло поставлено съ откровенностью давно прошедшихъ временъ. Одна изъ многихъ бытовыхъ сценокъ,—описанная корреспондентомъ „Вятской Рѣчи“:

На станцію Лянгасово, Сѣверныхъ дорогъ, 2 ноября явился грузоотправитель г. Сандаковъ и обратился къ начальнику станціи съ просьбою принять на станцію Свѣча 120 мѣшковъ крупчатки. Начальникъ станціи, выслушавъ заявленіе, кратко, но внушительно сказалъ:

— Подмазка будетъ стоить 10 рублей.

Сандаковъ молча выложилъ на столъ десятирублевый золотой. Крупчатка была принята и черезъ часъ помощникъ начальника станціи, выходя съ написанной уже накладной, кратко произнесъ:

— Накладная стоитъ 5 рублей.

Сандаковъ выложилъ пятирублевую бумажку на столъ и, получивъ накладную, вышелъ на линію. Здѣсь, какъ изъ-подъ земли, вынырнули откуда-то стрѣлочники и заявили:

— Отправка муки будетъ стоить всего 6 руб. 50 коп.

Сандаковъ вынулъ 6 р. 50 к. и уплатилъ. Затѣмъ, никѣмъ уже больше не остановленный, уѣхалъ домой. Мука была быстро и въ цѣлости доставлена по назначенію.

Отправитель проявилъ любезность—не торговался, не спорилъ, далъ золотой, вмѣсто бумажки. И съ грузомъ поступили очень любезно... Участокъ пути, на которомъ это происходило, не изъ самыхъ бойкихъ въ россійской сѣти. Грузъ небольшой,—всего пудовъ 600. И плата, по нынѣшнымъ временамъ, очень умѣренная—около 18 коп. съ мѣшка, меньше 4 коп. съ пуда. На болѣе бойкихъ мѣстахъ расцѣнки гораздо выше—нѣсколько сотъ рублей на вагонъ, а въ отдѣльныхъ, особо затруднительныхъ случаяхъ дѣло доходитъ до 1500—2000 руб. также на вагонъ. Но суть вездѣ одна и та же. Дѣло поставлено на чистоту. Обѣ стороны отлично понимаютъ другъ друга и нѣтъ основанія играть въ прятки.

Много значатъ, конечно, извѣстныя традиціи, извѣстный подборъ служащихъ и общія условія нашей жизни, крайне благопріятныя для мздоимцевъ и лихоимцевъ. Но сказываются и особенныя обстоятельства, затрагивающія спеціально путейскую организацію именно въ данное время. На товарныхъ станціяхъ большую роль играютъ колдуны и „расцѣнки“, установленныя толкачами и мѣшкачами. Но загляните хотя бы въ багажныя отдѣленія пассажирскихъ станцій и въ помѣщенія „большой скорости“. Они и въ мирное время были у насъ очень плохо приспособлены. Теперь огромная масса мелкихъ товарныхъ отправленій, которыя обычно передавались въ сборныхъ вагонахъ поѣздами малой скорости, идетъ поневолѣ „багажемъ“. И, если весь этотъ багажъ принимать согласно правиламъ, получится въ сущности итальянская забастовка: мѣстами къ станціи доставляютъ ежедневно десятки возовъ „багажа“,—его даже свѣсить за день не успѣешь. И чтобъ машина не застопорилась, приходится изобрѣтать упрощенный порядокъ. Въ

нѣкоторыхъ случаяхъ онъ упрощается до того, что десятки или даже сотни „мѣстъ“ отъ одного отправителя принимаются „на совѣсть“,—по вѣсу, показанному самимъ отправителемъ. Багажные служащіе вовсе не обязаны отступать отъ правилъ; они рискуютъ. И, если вамъ нужно, чтобы они взяли на себя рискъ, войдите „въ соглашеніе“ съ ними. Далѣе,—нагрузка и разгрузка багажа лежитъ на обязанности „носильщиковъ“,—они должны это дѣлать всѣ вообще въ промежутки между пассажирскими поѣздами или отдѣльными группами дежурныхъ по наряду. Обязанность и въ мирное время не легкая. Теперь подавно. Люди работаютъ безъ конца днемъ и ночью, еле урывая на сонъ 3—4 часа въ сутки. Въ работѣ полусонныхъ и раздраженныхъ людей, разумѣется, неизбѣжны самыя шалыя случайности. И, если торговцу нужно, чтобъ отправленные имъ багажемъ, напримѣръ, 20 или 25 мѣстъ товара при нагрузкѣ никакой случайности не подверглись,—пусть попроситъ обратить особенное вниманіе. Ну, а если есть грузы, особенное вниманіе къ которымъ куплено,—есть, стало быть, и такіе грузы, къ которымъ можно отнестись безъ вниманія; неизбѣжно появляется еще и третій родъ грузовъ,—привлекающихъ вниманіе непріязненное: отправитель NN „долженъ бы понимать“, однако не далъ, не смазалъ, и значитъ является желаніе устроить этому NN такую штуку, чтобы онъ въ другой ра зъ счелъ необ ходимымъ попросить и смазать.

На товарныхъ станціяхъ въ сущности то же, что и въ багажныхъ, только сложнѣе и обширнѣе. Вѣсовщики, пріемщики, сцѣпщики, составители и всякіе иные „стрѣлочники“ недаромъ всегда виноваты. Они вѣдь и въ мирное время дѣйствуютъ съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ правилъ, черезчуръ запутанныхъ и сложныхъ. Даже когда дороги работаетъ въ „полграфика“, съ прохладцей, „стрѣлочники“ ежедневно берутъ на себя рискъ нарушенія. инструкцій, точное выполненіе которыхъ и называется „итальянской забастовкой“. Теперь работа идетъ „полнымъ графикомъ“ Приходится завѣдомо игнорировать разныя детали инструкцій,—иначе затормозишь все дѣло. Организаціонные грѣхи, и вообще чувствительные, получили особенно острое значеніе. Съ одной стороны, бездѣлье, синекуры, рои недорослей и маменькиныхъ сынковъ, налетѣвшихъ на желѣзныя дороги ради избавленія отъ воинской повинности, съ другой—работа до изнеможенія, безъ необходимаго отдыха, порою даже безъ сна,—работа въ условіяхъ, ведущихъ къ чрезмѣрному обилію ошибокъ и промаховъ. Само собою устанавливается дѣленіе грузовъ на три разряда: 1) „смазанные“ (и удостоенные положительнаго вниманія), 2) „не смазанные“, по извинительнымъ, съ точки зрѣнія путейскихъ служащихъ, причинамъ (вниманіе нолевое) и 3) „не смазанные“, по причинамъ—опять-таки на оцѣнку путейцевъ“—обиднымъ (вни-

манiе отрицательное"). А разъ многiе начали „смазывать" и количество смазанныхъ грузовъ стало обильнымъ,—также сама собою возникла необходимость искусственно расчищать для нихъ дорогу. А чтобы это сдѣлать, надо убрать грузы несмазанные, пусть не мѣшаютъ,—загнать ихъ (уже не по ошибкѣ, а умышленно) въ тупикъ, заслать „къ чорту на кулички". Когда „люди дѣловые" это увидѣли и поняли, они принялись усерднѣе и обильнѣе смазывать. Грузовъ смазанныхъ стало еще больше. И, значитъ, еще необходимѣе убирать съ дороги несмазанные грузы. Чѣмъ больше смазываютъ, тѣмъ плачевнѣе судьба несмазанныхъ вагоновъ. А чѣмъ плачевнѣе ихъ судьба, тѣмъ безспорнѣе отправители смазываютъ. Такъ оно и идетъ—снѣжнымъ комомъ съ горы. И комъ ростетъ буквально на нашихъ глазахъ, — содѣйствуя бѣшеному возростанiю накладныхъ расходовъ и приближенiю къ идеальнымъ, съ точки зрѣнiя „крѣпкихъ рукъ", зажавшихъ запасы, „золотымъ цѣнамъ".

Въ докладной запискѣ ротмистра Попова говорится объ умышленномъ запутыванiи со спекулятивной цѣлью. Несомнѣнно,—обстановка такова, что спекулянтамъ очень удобно запутывать и очень просто достигать желательнаго имъ результата. Но они—лишь частность. „Смазочная" практика дѣйствуетъ и безъ нихъ, стихiйно, сама собою запутываетъ желѣзнодорожную транспортировку, сама собою ведетъ къ результатамъ, выгоднымъ и для ушкуйниковъ, и для вороновъ.

Во времена г. Рухлова начальство никакихъ „смазокъ" не замѣчало. Теперь замѣтило. Принимаются рѣшительныя мѣры противъ... отдѣльныхъ лицъ, и притомъ не очень крупныхъ. Ихъ изобличаютъ, устраняютъ отъ должности, предаютъ суду. Кое-гдѣ дѣла о желѣзнодорожныхъ мздоимцахъ и лихоимцахъ велѣно изъять изъ общей подсудности и направлять въ военный судъ. Кое-гдѣ обязательными постановленiями установлена кара и для отправителей, дающихъ „смазку": штрафъ до 3.000 р. или арестъ до 3 мѣсяцевъ въ административномъ порядкѣ. Но болѣе дѣйствительная борьба невозможна безъ измѣненiя явно нецѣлесообразной системы. Но лишь только вы коснетесь вообще системы, на почвѣ, которой особенно пышно расцвѣтаетъ у насъ мздоимство,—справа поднимается крикъ. Нельзя,—политика. Если вы, не трогая системы вообще, коснетесь спецiальныхъ условiй, обостряющихъ ея дѣйствiе на желѣзныхъ дорогахъ,—опять политика. Возьмите даже частность, какъ особый подборъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, доведенный до совершенства при г. Рухловѣ,—и тутъ политика.

Политика, которую ведутъ или поддерживаютъ извѣстныя соцiальныя группы. Въ ней корень дерева, одна изъ вѣтвей котораго называется желѣзнодорожнымъ разстройствомъ.

IV. О мѣрахъ и проектахъ послѣдняго времени

Еще нѣсколько фактовъ изъ очень большой серіи:

Инженеръ Лунинъ, командированный губернскимъ комитетомъ на станцію Инза для наблюденія за погрузкою лѣса для лазаретовъ, извѣстилъ комитетъ, что послѣ погрузки 11 вагоновъ наступилъ перерывъ, во время котораго погружено 30 вагоновъ лѣса частныхъ лицъ. На запросъ Лунина, чей лѣсъ погруженъ, отвѣта онъ не получилъ („Утро", 10. XI.)

Въ Н. Новгородѣ получился срочный заказъ московскаго городского управленія на 30 вагоновъ крупчатки. Не смотря на распоряженіе порайоннаго комитета и приказъ Московско-Казанской дороги, вагоновъ на нижегородской станціи не дали. Нѣсколько разъ изъ Москвы получались приказы на нижегородскую станцію: немедленно дать вагоны. Но ихъ не давали больше недѣли, хотя движеніе частныхъ грузовъ по той дорогѣ не прекращалось („Русское Слово", 6. XI).

Тамбовская городская управа обратилась къ губернатору за содѣйствіемъ по слѣдующему случаю. Воронежскій порайонный комитетъ сдѣлалъ распоряженіе о внѣочередной отправкѣ съ различныхъ станцій въ Тамбовъ для нашего городского управленія 425 вагоновъ ржи и пшеницы. Начальники станцій отправленія отказались принять эти грузы, требуя отъ отправителей представленія удостовѣреній, что данный грузъ предназначается именно для Тамбова. Начальники станцій требуютъ—между прочимъ,—у довѣренныхъ, уполномоченныхъ городомъ на мѣстахъ нотаріальныя удостовѣренія въ томъ, что они состоятъ довѣренными, Другіе требуютъ удостовѣренія при отправленіи каждаго вагона съ грузомъ. Для выполненія послѣдняго требованія—дополняетъ управа — потребовалось бы учрежденіе отдѣльной канцеляріи для писанія такихъ удостовѣреній („Русское Слово", 8. XI).

Одно время общественныя учрежденія и организаціи удостоивались на линіяхъ нѣкоторой любезности, — правда, довольно внѣшней. По мѣрѣ возростанія „смазанныхъ" грузовъ, для которыхъ надо очищать дорогу отъ грузовъ несмазанныхъ, любезность сама собою должна была уменьшиться. Хотя иныя общественныя учрежденія — въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ—не воздержались отъ примѣненія „смазокъ", но все-таки въ большинствѣ общественные грузы не „смазаны", или „смазаны" очень скудно. Они обрекались на уборку съ дороги. А съ этимъ мудрено сочетать даже внѣшнюю любезность. Кромѣ того, общественныя организаціи обнаружили довольно непріятное съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія свойство: внесли кое-какой свѣтъ въ тѣ закоулки гдѣ творится всяческое колдовство. Именно они первыми подняли шумъ по поводу „толкачей". Они разоблачили внѣзаконное существованіе „монополій", предоставляемыхъ частнымъ лицамъ для снабженія того или иного мѣстнаго рынка продуктами. Они открыли, что министерство земледѣлія платитъ министерству путей сообщенія немалую сумму въ видѣ добавочнаго вознагражденія служащимъ за добавочный трудъ. Они вынесли и разный другой соръ изъ избы. „Называется уполномоченный, а бойся его не меньше, чѣмъ корреспондента". Но все-таки съ общественными

учрежденіями и организаціями на линіяхъ церемонились,—чуть ли не вплоть до психологическаго перелома среди администраторовъ, обусловленнаго отчасти выступленіемъ А. Н. Хвостова на арену. Это выступленіе сразу было понято, какъ вполнѣ опредѣленный лозунгъ. Къ нему—спеціально для психологіи желѣзнодорожниковъ—присоединилось выступленіе новаго министра путей сообщенія, спеціальнымъ циркуляромъ разъяснившаго, въ какой мѣрѣ „разрѣшается" желѣзнодорожное представительство на черносотенныхъ съѣздахъ. Были и разныя другія обстоятельства, толкавшія мысль и волю въ томъ же направленіи... И въ полномъ соотвѣтствіи съ этими признаками времени несутся жалобы на крайне безцеремонное отношеніе на линіяхъ къ уполномоченнымъ общественныхъ учрежденій и организацій—ихъ работу начинаютъ душить мелочнымъ формализмомъ, ихъ законныя требованія игнорируются весьма откровеннымъ образомъ; несмотря на строгія приказанія высшихъ властей, общественные грузы начинаютъ слѣдовать ужъ очень далеко въ хвостѣ за частными. Нѣкоторыя общественныя учрежденія впали въ малодушіе. Заговорили о безполезности „прать противъ рожна", о необходимости широко поставить „смазку" вагоновъ и грузовъ. О пользѣ „смазокъ", какъ неизбѣжнаго при данныхъ условіяхъ зла, заговорила публично въ офиціальномъ засѣданіи московской городской думы солидная группа гласныхъ... Безнадежный разговоръ: даже въ смыслѣ практическомъ на почвѣ „смазокъ" колдуновъ не одолѣешь...

Чувствительное „паденіе подъ гору" на первый взглядъ, можно было объяснить очень просто. Было плохо, стало еще хуже,—лучшаго вѣдь и не ждали. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, у общественныхъ учрежденій и организацій нѣтъ власти карать, ихъ не боятся, потому и не слушаютъ,—вотъ если направлять грузы по адресу губернаторовъ, то задержки не будетъ. Опыты въ этомъ направленіи быстро подтвердили какъ разъ то, въ чемъ съ самаго начала не было основаній сомнѣваться. Беру для примѣра нѣкоторыя свѣдѣнія изъ Тамбовской губ. (какъ разъ именно той, общественная дѣятельность которой встрѣтилась съ отмѣченными выше препятствіями).

Въ Лебедяни дровяной голодъ. Всѣ запасы дровъ въ городѣ истощились къ 1 ноября. Еще въ сентябрѣ воронежскій порайонный комитетъ сдѣлалъ распоряженіе о внѣочередной отправкѣ въ Лебедянь дровъ, закупленныхъ лебедянскимъ городскимъ управленіемъ. Это распоряженіе было нѣсколько разъ подтверждено тамбовскимъ губернаторомъ. Однако городъ не получилъ ни одного вагона. Губернаторъ обратился за содѣйствіемъ къ министру путей сообщенія А. Ѳ. Трепову („Русское Слово", 5, XI).

Фирма Вороновыхъ въ Козловѣ выписала партію муки, въ цѣляхъ ускоренія доставки, по адресу тамбовскаго губернатора. Другую партію муки фирма выписала на свое имя. Оказалось однако, что адресъ губернатора нисколько не ускорилъ движенія груза. Наоборотъ, партія муки, выписанная на имя губернатора, прибыла по назначенію значительно позже, чѣмъ партія, выписанная на имя фирмы („Современное Слово", 11. XI).

Даже чины поважнѣе губернаторовъ не могутъ добиться толку и послушанія... И въ газетахъ появились свѣдѣнія, что отдѣльные губернаторы впали сразу въ такое же малодушіе, къ какому постепенно пришли нѣкоторые городскіе дѣятели,—безъ „смазки" ничего не подѣлаешь. Неудачи на первомъ шагу вызвали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ „еще одинъ проектъ"; достаточное понятіе о немъ можно получить по слѣдующей цитатѣ изъ „Кіевлянина" (29. XII):

А. Н. Хвостовъ обратился къ А. Ѳ. Трепову съ письмомъ, въ которомъ на основаніи донесеній губернаторовъ свидѣтельствуетъ объ обостреніи продовольственнаго вопроса... Одной изъ дѣйствительныхъ мѣръ онъ считаетъ доставку изъ мѣстности, гдѣ встрѣчаются затрудненія, вагоновъ съ предметами первой необходимости по требованію губернаторовъ. Но такъ какъ на сношеніе съ министерствомъ путей сообщенія о предоставленіи грузамъ на адресъ губернаторовъ внѣочередности затрачивается много времени и необходимая помощь запаздываетъ, то А. Н. Хвостовъ считаетъ необходимымъ предоставить губернаторамъ право доставки грузовъ на ихъ адресъ въ порядкѣ исключительнаго преимущества.

„Кіевлянинъ" съ нѣкоторымъ ужасомъ думаетъ, „что можетъ произойти для государства",

если губернаторамъ многочисленныхъ губерній Россійской Имперіи будетъ предоставлено право распоряжаться грузовымъ движеніемъ.

Съ своей стороны, министръ путей сообщенія А. Ѳ. Треповъ намѣчаетъ и частью осуществляетъ разнообразныя мѣры.

Новый управляющій вѣдомствомъ проектируетъ прежде всего добиться измѣненія порядка представленія бюджета въ законодательныя учрежденія, А. Ѳ. Треповъ считаетъ желательнымъ вносить на утвержденіе верхней и нижней палатъ не самую смѣту, а лишь „остатокъ", т. е. результатъ эксплуатаціи дорогъ. Такимъ образомъ, въ Думу, напр., будутъ представляться не смѣты расходовъ по каждой отдѣльной дорогѣ, а лишь свѣдѣнія о томъ сколько прибыли или дефицита ожидается отъ всѣхъ дорогъ. Такой порядокъ представленія бюджета, какъ полагаютъ въ министерствѣ путей сообщенія, лишитъ законодательныя собранія возможности ограничивать расходы по тѣмъ статьямъ, которыя министерство считаетъ важными („Русское Слово", 8. XII).

Не менѣе простымъ порядкомъ А. Ѳ. Треповъ осуществилъ не столь фундаментальную, но все же крупную „реформу" Въ началѣ декабря въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства" было напечатано не совсѣмъ обыкновенное распоряженіе министра путей сообщенія. Этимъ распоряженіемъ учреждается временный комитетъ по желѣзнодорожнымъ перевозкамъ. Комитетъ учрежденъ для тѣхъ же цѣлей, для какихъ по прошедшему черезъ законодательныя собранія закону 17 августа 1915 г. должно существовать особое совѣщаніе по перевозкамъ. Функціи обоихъ учрежденій одинаковы. Но составъ различенъ; въ составъ особаго совѣщанія, учрежденнаго закономъ 17 августа, входятъ,

кромѣ представителей министерствъ, члены законодательныхъ собраній, делегаты земскаго и городского союзовъ. Въ комитетъ, учрежденный единоличнымъ распоряженіемъ министра, входятъ только представители вѣдомствъ, членъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и членъ отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Распоряженіемъ министра путей сообщенія созданъ, такимъ образомъ, органъ не вѣдомственнаго, а общаго значенія, и средства на его содержаніе министръ опредѣлилъ отпускать изъ общихъ рессурсовъ... Общественное мнѣніе и пресса оказались такимъ образомъ передъ юридически непостижимымъ фактомъ: „распоряженіемъ министра, какъ выразился, напр., „Кіевлянинъ“, создаются цѣлыя учрежденія съ неограниченными ассигнованіями“.

Цѣль, ради которой столь внѣюридическій и противоюридическій путь понадобился, въ той же кіевской охранительной газетѣ была объясняема такъ. Все дѣло въ томъ, что въ особомъ совѣщаніи по перевозкамъ, предусмотрѣнномъ закономъ 17 августа, участвуютъ представители законодательныхъ и общественныхъ учрежденій. Между тѣмъ

общественныя силы со времени закрытія лѣтней сессіи Государственной Думы и осенняго обновленія правительства не пользуются довѣріемъ послѣдняго и черный съѣздъ объявилъ имъ прямую войну. Мы боимся, что во вновь учрежденный изъ однихъ чиновниковъ комитетъ перейдетъ работа особаго совѣщанія. Это чрезвычайно просто, просто до геніальности („Кіевлянинъ“, 11. XII).

Учрежденіе комитета, во всякомъ случаѣ, установило прецедентъ: такимъ способомъ можно придавать „силу закона“ самымъ разнообразнымъ предположеніямъ. Какъ разъ подоспѣлъ еще одинъ проектъ, который едва ли имѣетъ шансы пройти нормальнымъ порядкомъ. Министръ путей сообщенія полагаетъ полезнымъ ввести „децентрализацію“,—въ томъ смыслѣ, чтобы начальникамъ отдѣльныхъ дорогъ предоставить больше свободы, правъ, полномочій, а въ центральныхъ учрежденіяхъ вѣдомства сосредоточить по преимуществу принципіальные вопросы.

Не трудно себѣ представить,—писалъ по поводу этого проекта тотъ же „Кіевлянинъ“—что произойдетъ, если каждая отдѣльная дорога будетъ дѣйствовать по собственному плану, по усмотрѣнію своего начальника.

Не трудно представить, что произойдетъ съ движеніемъ грузовъ. Не трудно представить и другое: что произойдетъ съ вопросомъ объ отвѣтственности. Министръ ни въ чемъ не будетъ повиненъ. Онъ, по новѣйшему проекту, занимается принципами, а вся техническая и практическая часть сосредоточена у начальниковъ отдѣльныхъ дорогъ. Начальникъ отвѣтственъ лишь за свою дорогу, а общее состояніе и общія послѣдствія въ его компетенцію не входятъ. Если къ такой постановкѣ присоединить проектъ А. Н. Хвостова о предоставленіи желѣзнодорожной власти

губернаторамъ, то и вовсе будетъ хорошо. Тогда начальники дорогъ окажутся не отвѣтственными даже за свои дороги: они явятся лишь исполнителями чужихъ, и въ частности губернаторскихъ, распоряженій, которыя навѣрное будутъ гораздо болѣе рѣшительными, чѣмъ основанными на знакомствѣ съ техническими и иными условіями желѣзнодорожной службы. Губернаторы же и подавно скажутъ, что они не могутъ быть отвѣтственны за непорядки въ „чужомъ" министерствѣ.

Такимъ образомъ въ мѣрахъ и предположеніяхъ обоихъ министровъ есть три основныхъ черты: 1) вполнѣ опредѣленное отношеніе къ правамъ законодательной власти; 2) не менѣе опредѣленное отношеніе къ дѣятельности общественныхъ силъ; 3) тяготѣніе къ многовластію, построенному на началахъ, исключающихъ какъ организованную солидарность дѣйствій, такъ и отвѣтственность за результаты. Эти основныя черты вполнѣ соотвѣтствуютъ тому политическому направленію, къ какому принадлежатъ оба министра. Но эти же черты чрезвычайно удобны и выгодны для тѣхъ владѣльческихъ группъ и спекулятивныхъ организацій, съ точки зрѣнія которыхъ желѣзнодорожное разстройство можетъ представляться хорошимъ устройствомъ. Противорѣчіе между цѣлью (болѣе правильное распредѣленіе необходимаго) и средствами сказывается не только въ общихъ результатахъ: не смотря на заботы, положеніе день-ото-дня хуже и спекуляція деньото-дня откровеннѣе; противорѣчіе обнаруживается и на отдѣльныхъ, очень краснорѣчивыхъ, фактахъ: въ одно и то же время и борьба противъ спекулятивныхъ ухищреній, и возникновеніе такихъ организацій, какъ Юровета.

А. Петрищевъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Запросы и интерпелляціи во французскомъ парламентѣ.—2. Ллойдъ-Джорджъ о техникѣ. Англійскій военный билль.—3. Положеніе воюющихъ сторонъ на рубежѣ 18-го и 19-го мѣсяца войны.

I.

Какъ извѣстно, министерство Вивіани подало въ отставку на томъ основаніи, что не считало достаточнымъ большинство, которое выразило ему довѣріе, когда въ палатѣ депутатовъ зашла рѣчь объ условіяхъ, повліявшихъ на выходъ Делькассэ изъ кабинета. Значительное меньшинство палаты находило, дѣйствительно, что правительство должно было бы гораздо полнѣе и откровеннѣе освѣдомлять парламентъ о причинахъ такихъ важныхъ событій, какъ уходъ министра иностранныхъ дѣлъ. Кабинетъ Бріана, смѣ-

[illegible]вшій кабинетъ Вивіани, уже въ своей деклараціи сдѣлалъ заявленіе, что желаетъ работать въ самомъ тѣсномъ общеніи съ народнымъ представительствомъ и что парламентъ будетъ поставляться въ извѣстность по возможности тотчасъ же обо всемъ, касающемся интересовъ страны. Оцѣнивая наскоро въ нѣсколькихъ строкахъ смыслъ министерскаго кризиса, я говорилъ, между прочимъ, что „уходъ Мильрана изъ военнаго министерства какъ бы свидѣтельствуетъ о желаніи новаго кабинета ослабить политику умолчанія о важныхъ недостаткахъ высшаго командованія. Но будутъ ли „военные спеціалисты", генералъ Галліени на посту военнаго министра и контръ-адмиралъ Лаказъ на посту морского министра съ большею охотою подчиняться парламентской критикѣ и надзору, чѣмъ ихъ штатскіе предшественники,—еще вопросъ" [1]).

Увы, теперь это уже не вопросъ. Новая метла мела хорошо втеченіе какого-нибудь мѣсяца. А въ началѣ декабря н. с. обнаружилось, что не только военный министръ не проявляетъ большой охоты отвѣчать на запросы депутатовъ, но что и самъ премьеръ предпочитаетъ фигуру умолчанія, когда народное представительство желаетъ быть освѣдомленнымъ о самыхъ важныхъ задачахъ національной обороны. Такъ, на засѣданіи палаты 9 декабря н. с. Бріанъ предложилъ отсрочить обсужденіе интерпелляціи радикальнаго депутата, Эмиля Констана, который желалъ знать чѣмъ руководствовалось правительство, назначая Жоффра главнокомандующимъ всѣхъ французскихъ силъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, между тѣмъ, какъ командованіе на поляхъ Фландріи и Шампани ввѣряется особому генералу. И 406 голосовъ противъ 67 (правда, при 70 воздержавшихся) поддержали премьера. На палату подѣйствовалъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ,—какъ увѣряли члены оппозиціи,—усердно распускавшійся въ кулуарахъ друзьями правительства слухъ, будто нѣкоторыя союзныя державы будутъ очень недовольны вторженіемъ парламента въ такія распоряженія французскаго кабинета, которыя приняты имъ въ результатѣ секретныхъ военныхъ и дипломатическихъ, переговоровъ съ союзниками...

Къ счастію, французская палата ведетъ себя гораздо независимѣе, когда рѣчь заходитъ о внутреннихъ обстоятельствахъ.

Такъ, запросы и интерпелляціи, все чаще и чаще обращаемые французскими депутатами къ новому военному министру, генералу Галліени, раздражаютъ центръ и правую но поддерживаются большинствомъ иприносятъ самому дѣлу существенную пользу. Депутатъ Дегизъ,которому военный министръ не хотѣлъ дать отвѣта относительно теплой одежды и условій отдыха солдатъ, принужденъ былъ превратить этотъ запросъ въ интерпелляцію, чтобы заставить пра-

[1]) „Русскія Записки", 1915, октябрь, стр. 310.

вительство такъ или иначе отвѣтить ему [1]). Юмористическую ноту въ этотъ и ему подобные парламентскіе инциденты внесла умѣренная и правая пресса, которая систематически стала проставлять въ своихъ отчетахъ о дебатахъ возрастъ интерпеллирующихъ депутатовъ, явно желая сказать этимъ, что гг. народные представители, находящіеся въ призывномъ возрастѣ, хорошо бы сдѣлали, еслибы помогали Франціи изъ траншей, а не съ парламентской трибуны. Въ числѣ депутатовъ, которымъ умѣренные и монархическіе органы привѣшивали эту, если можно такъ выразиться, позорную доску возраста, былъ и Дегизъ. Но онъ прислалъ довольно остроумное письмо въ газету „Le Temps", которая принуждена была отъ простыхъ намековъ перейти къ прямой полемикѣ. Дегизъ совершенно резонно говорилъ, что нужно или упразднить совершенно парламентъ на время войны, или признать, что серьезное исполненіе обязанностей народнаго представителя возможно не только со стороны злобныхъ и выживающихъ изъ ума старцевъ, но и со стороны людей, обладающихъ нормальными физическими и умственными способностями. Почтенная редакція должна была положить карты на столъ, заявивъ, что она подвергаетъ критикѣ не всѣхъ депутатовъ молодого возраста, лишь такихъ, которые вѣчно пристаютъ къ военному начальству съ запросами.

И однако парламентскія пренія, возникающія именно по военнымъ вопросамъ, лучше всего показываютъ, до какой степени, полезна дѣятельность народныхъ представителей, отнюдь не думающихъ, что контроль гражданъ недопустимъ въ примѣненіи къ военнымъ властямъ. Возвратимся хотя бы къ интерпелляціи Дегиза, которая обсуждалась на засѣданіи палаты 22 декабря. Министръ Галліени, который сначала отклонилъ вопросъ любопытствующаго депутата, принужденъ былъ теперь съ высоты трибуны заявить, что ему пришлось произвести цѣлое разслѣдованіе по предмету интерпелляціи. И оказалось, что, дѣйствительно, по отношенію къ теплой одеждѣ для солдатъ сроки поставокъ были черезчуръ продолжительны и что при этомъ были даже обнаружены несомнѣнные факты упущенія и нерачительности. Директоръ склада воинскихъ вещей въ Ле-Манѣ, бывшій помощникомъ интенданта, былъ за это отрѣшенъ отъ должности. При этомъ воен-

[1]) Интерпелляція, въ отличіе отъ вопроса, является „требованіемъ одного или нѣсколькихъ членовъ собранія открыть пренія относительно общей политики министерства или такого или иного дѣйствія опредѣленнаго министра. У интерпелляціи есть своя санкція. Она завершается голосованіемъ собранія, а именно вотумомъ очереднаго порядка" (A Esmein Eléments de droit constitutionnel français et comparé"; Парижъ, 1903, стр. 811). Вотумъ недовѣрія въ такихъ случаяхъ влечетъ за собою обыкновенно отставку отдѣльнаго министра или цѣлаго кабинета.

ный министръ потребовалъ у начальника этого округа подвергнуть небрежнаго интенданта дисциплинарному наказанію. Генералу Галліени пришлось вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что доставка теплой одежды тормозилась тѣмъ, что лица, завѣдывавшія перевозкой, недостаточно считались съ перемѣщеніемъ войскъ въ соотвѣтствіи съ мѣнявшимися планами кампаніи. Военный министръ счелъ нужнымъ успокаивать палату, увѣряя ее, что въ данный моментъ всѣ солдаты снабжены теплой одеждой и или двумя одѣялами, или однимъ одѣяломъ и бараньимъ плащомъ.

Серьезно отнеслась палата и къ предложенію депутата Поля Мёнье, который задался цѣлью провести существенную для даннаго времени реформу. Онъ требуетъ видоизмѣнить наскоро принятыя правительствомъ въ первый моментъ войны мѣры, которыя неимовѣрно расширили компетенцію военныхъ судовъ и очень ограничили область обычной гражданской юрисдикціи. Мы сейчасъ перейдемъ къ самому предложенію Поля Мёнье, но предварительно охарактеризуемъ нѣсколькими словами взаимную позицію, занятую въ этомъ дѣлѣ правительствомъ и палатой. Обсужденіе предложенія было назначено на 10 декабря. Но военный министръ не нашелъ нужнымъ явиться на это засѣданіе, замѣнивъ себя особымъ коммиссаромъ, который потребовалъ однако отсрочки преній подъ тѣмъ предлогомъ, что въ столь важномъ дѣлѣ необходимо присутствіе самого министра. Палата отвергла это требованіе и рѣшила обсуждать вопросъ. Во время преній выяснилось сочувственное отношеніе палаты къ предложенію Мёнье. Правительственный коммиссаръ счелъ возможнымъ согласиться лишь на нѣкоторые пункты предложенія и рѣзко возражалъ противъ остальныхъ. Палата приняла наоборотъ всѣ ихъ, не смотря на заявленіе представителя военнаго министерства, что „мы, увы, живемъ въ тяжелыя времена: безъ строгой дисциплины нѣтъ ни арміи, ни побѣды, и въ часы боевой тревоги палата не должна продѣлывать опасный экспериментъ“.

Мотивы же предложенія и самое предложеніе Поля Мёнье заключаются въ слѣдующемъ. Какъ только въ самомъ началѣ войны было объявлено осадное положеніе, такъ сейчасъ же въ силу его военные суды на всемъ пространствѣ республики получили право вѣдать всякое нарушеніе, касающееся цѣлости государства или общественнаго порядка. Тѣмъ самымъ все, даже гражданское, населеніе Франціи подпало подъ юрисдикцію военныхъ судовъ. Военное положеніе, согласно кодексу 1857 г., дѣлитъ органы военной юстиціи на двѣ категоріи, но для той и для другой вводитъ сугубо строгія правила. Съ одной стороны, оно знаетъ военные суды, функціонирующіе въ самой арміи. По отношенію къ этимъ, военно-полевымъ, судамъ оно уменьшаетъ обычное число семи судей до пяти и отмѣняетъ обязательность предварительнаго слѣдствія. Съ другой стороны, оно учреждаетъ постоянные воен-

ные суды на территоріи страны внѣ района, занятаго арміями. По отношенію къ той и къ другой категоріи оно устраняетъ присутствіе адвоката при слѣдствіи, отмѣняетъ законъ Беранже объ условномъ осужденіи, отвергаетъ смягчающія вину обстоятельства и не допускаетъ кассаціи. Правда, законъ 1857 г. предусматриваетъ въ видѣ гарантіи для обвиняемаго просьбу о пересмотрѣ. Но и эту форму процедуры простой декретъ можетъ отмѣнить въ районѣ армій. И, дѣйствительно, такой декретъ былъ обнародованъ еще 10 августа 1914 г. Даже послѣднюю гарантію—возможность обратиться съ просьбой о помилованіи къ президенту республики—отмѣняло рѣшеніе военнаго министра, принятое 1 сентября того же 1914 г.

Это еще не все. Французское военное законодательство отличаетъ самый фактъ военнаго положенія отъ его объявленія. Послѣдняя процедура точнѣе опредѣляетъ объемъ военнаго положенія. Два декрета конца августа и 8 сентября 1914 г. и объявили всю площадь Франціи на военномъ положеніи. Изъ этого объявленія вытекаютъ два слѣдствія: во-первыхъ, суровая юстиція военныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ районѣ армій, распространяется и на всю прочую территорію страны; во-вторыхъ, всякое лицо, военное или гражданское, можетъ быть безъ предварительнаго слѣдствія предано военному суду. Наконецъ, 6 сентября 1914 г. былъ изданъ еще одинъ декретъ, который придалъ военно-полевымъ судамъ еще болѣе суровый характеръ. Трибуналъ состоитъ уже не изъ семи и даже не изъ пяти, а всего изъ трехъ судей, причемъ военный обвинитель зачастую является и предсѣдателемъ суда, отправляющимъ правосудіе безъ предварительнаго слѣдствія, осуждающимъ по большинству двухъ голосовъ противъ одного и произносящимъ окончательный во всѣхъ смыслахъ приговоръ.

Поль Мёнье заканчивалъ свою мотивировку многозначительными словами: „Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что по отношенію къ вооруженному народу, по отношенію ко всему гражданскому населенію истощены всѣ строгости и кары, которыя только позволяетъ военный уставъ. (Это мѣсто мотивировки вызываетъ громкіе апплодисменты палаты. Н. Р.) Никогда еще нашъ великій, нашъ удивительный народъ не подвергался такому испытанію“. И авторъ предложенія требовалъ: отмѣны военно-полевыхъ судовъ; возстановленія предварительнаго слѣдствія и права кассаціи; примѣненія закона объ отсрочкѣ наказанія и смягчающихъ обстоятельствахъ; ограниченія сферы нарушеній, совершенныхъ гражданскими лицами и подлежащихъ суду военныхъ трибуналовъ, дѣйствующихъ внутри страны.

Мы уже видѣли, что, не смотря на протестъ военнаго комиссара, большинство палаты высказалось за предложеніе Мёнье. Но когда одинъ изъ молодыхъ и горячихъ членовъ соціалистической партіи рѣзко напалъ на прежняго военнаго министра, Мильерана

обвиняя его въ томъ, что онъ-то и былъ, въ сущности, вдохновителемъ всѣхъ этихъ мѣръ, то на трибуну тотчасъ-же взошелъ бывшій премьеръ, а нынѣ министръ юстиціи, Вивіани, и произнесъ исполненную вѣжливой, но злой ироніи рѣчь,—ему очень удается этотъ родъ краснорѣчія,—въ которой указалъ на непослѣдовательность соціалистической оппозиціи:

„Г. Мильранъ не былъ единственнымъ авторомъ декрета, учреждавшаго военные суды. Декретъ этотъ обсуждался и былъ принятъ въ совѣтѣ министровъ. И если въ самомъ декретѣ не упоминалось этого, то все же каждый могъ понимать, что въ совѣтѣ министровъ фигурировали, съ офиціальнаго разрѣшенія и по порученію соціалистической партіи, гг. Гэдъ и Самба, которые такимъ образомъ вмѣстѣ съ другими ввели и эти военные суды, и тѣ драконовскія мѣры, на строгость коихъ жаловалось столько членовъ собранія и въ особенности соціалистовъ“ 1).

Лѣвые радикалы указывали по этому поводу, что соціалисты, которыхъ до войны ничто не могло удовлетворить въ дѣятельности правительства, теперь, наоборотъ, не всегда идутъ въ своей оппозиціи такъ далеко, какъ это дѣлаютъ наиболѣе послѣдовательные представители демократической буржуазіи. Такимъ образомъ и недавнее обсужденіе вопроса о скандальныхъ подрядахъ и поставкахъ произошло въ палатѣ, главнымъ образомъ благодаря иниціативѣ радикаловъ. Соціалисты принимали болѣе дѣятельное участіе въ преніяхъ лишь по мѣрѣ того, какъ затронутый вопросъ развивался въ рѣчахъ ораторовъ все шире и шире и все ярче обрисовывалась картина необузданной спекуляціи, раздуваемой ненасытными аппетитами тѣхъ лицъ, которыя кричатъ о своемъ патріотизмѣ, а на самомъ дѣлѣ лишь пользуются крайне серьезнымъ положеніемъ родины въ цѣляхъ наживы.

Авторомъ интерпелляціи былъ радикальный депутатъ Симіанъ, на котораго въ свое время соціалисты жестоко нападали за то, что въ качествѣ управляющаго почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ въ кабинетѣ Клемансо онъ подвергъ очень тяжелымъ карамъ низшихъ служащихъ своего вѣдомства за участіе въ стачкѣ. Нынѣ Симіанъ считалъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на многочисленныя злоупотребленія, вызванныя хищничествомъ поставщиковъ и неопытностью или снисходительностью военныхъ чиновниковъ. До сихъ поръ во Франціи не было крупныхъ процессовъ по поставкамъ и подрядамъ и къ отвѣтственности привлекались мелкія сошки. Но республиканская пресса не переставала обличать мародерство лицъ, пользовавшихся войною для вящшаго набиванія кармановъ. Ибо къ чести выросшей на свободѣ печати третьей республики слѣдуетъ отнести, что, не смотря на капризы цензуры, она продолжаетъ стоять на стражѣ

1) „Le Temps“, 12 декабря 1915.

общественныхъ интересовъ и зорко всматривается во всѣ тѣ проявленія низменнаго эгоизма и профессіональной нерадивости, которыя вредятъ національной оборонѣ. Наконецъ, и народное представительство не могло оказаться равнодушнымъ къ этому стяжательному пиру во время чумы.

На засѣданіи 14 декабря рѣчь Симіана, разоблачавшаго закулисныя стороны военныхъ поставокъ и приводившаго цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній, была своего рода парламентскимъ событіемъ. Даже умѣренная пресса, защищающая интересы крупной буржуазіи, должна была признать, что по мѣрѣ того, какъ Симіанъ сообщалъ неимовѣрные, казалось бы, факты небрежности и хищничества, передъ слушателями проходила процессія поистинѣ бальзаковскихъ типовъ. Это не мѣшало, впрочемъ, уже упомянутымъ органамъ заявлять, что, пожалуй, въ данномъ случаѣ было бы все же лучше молчать, вдохновляясь объявленіями, выставленными при Миллъранѣ въ вагонахъ трамваевъ и желѣзныхъ дорогъ, съ лаконическимъ предостереженіемъ: „Не разговаривайте! Остерегайтесь враговъ!" Защитники привилегій полагаютъ, видите ли, что раскрытіе хищническихъ продѣлокъ можетъ пойти лишь на пользу нѣмцамъ, такъ какъ способно подорвать престижъ и добрую репутацію Франціи среди ея союзниковъ и въ нейтральныхъ государствахъ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ фактахъ, сообщенныхъ Симіаномъ.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами на фонѣ интендантской эпопеи яркими чертами выступаетъ фигура ловкой авантюристки, которая сначала была горничной, послѣ упала на самое дно проституціи, но лишь для того, чтобы быстро вынырнуть и занять амплуа очаровательной дамы полусвѣта. Живя подъ фальшивыми именами, сегодня русская княгиня, завтра туземная графиня, носящая одну изъ славнѣйшихъ фамилій Франціи, послѣзавтра итальянская принчипесса, — она неоднократно привлекалась за мошенничество къ суду, попадала въ тюрьму, снова выходила изъ нея и принималась въ новомъ, блистательномъ воплощеніи за прежнее ремесло. И что же? Эта одновременная служительница Венеры и Меркурія съ свойственнымъ ей практическимъ чутьемъ сейчасъ же поняла, какія обильныя рыбныя тони скрываются въ мутной водѣ военныхъ поставокъ. Пользуясь своимъ знакомствомъ съ офицерствомъ, она добивается отъ военныхъ контролеровъ лестныхъ рекомендацій, которыя рисуютъ ее владѣлицей важныхъ промышленныхъ заведеній. Для того, чтобы дать нѣкоторыя реальныя основанія этой легендѣ, она открываетъ въ одномъ изъ самыхъ шикарныхъ кварталовъ Парижа, между аристократической церковью Св. Магдалины и Елисейскимъ дворцомъ президента, домъ трудолюбія, гдѣ молодыя дѣвушки и бѣдныя женщины занимались шитьемъ. „Но не въ шитьѣ была тутъ сила" Какъ бы то ни было, элегантной франко-русской княгинѣ были

даны подряды на поставку шерстяныхъ одѣялъ, солдатскихъ мѣшковъ, всевозможнаго рода консервовъ, парусинныхъ палатокъ и даже ружей. Надо ли прибавлять, что за всѣми этими предметами интересная особа обращалась къ спеціальнымъ фирмамъ, которымъ и переуступала свои подряды за безумные коммиссіонные проценты? Ибо что имѣетъ общаго домъ трудолюбія съ производствомъ ружей?

Другое дѣйствующее лицо этой трагикомедіи. Живетъ въ Парижѣ, перебиваясь со дня на день, нѣкто Пайенъ, маленькій биржевой заяцъ, промышляющій, между прочимъ, перепродажей мелкихъ торговыхъ учрежденій. Когда вспыхнула война, онъ вдругъ ухитрился сойти за владѣльца обширной суконной фабрики. Такъ по крайней мѣрѣ, рекомендуетъ его военному министру самъ атташэ г. Милльрана, интендантскій чиновникъ Фурнье, который „оказываетъ патріотическую услугу" своей странѣ, рекомендуя упомянутаго коммиссіонера, какъ крупнаго промышленника. Ему сейчасъ же дѣлается предложеніе поставить немедленно 100.000 шерстяныхъ одѣялъ для солдатъ по 7 фр. 85 сант. за штуку,— отчасти для того, „чтобы предохранить отъ безработицы 1.700 или 1.800 рабочихъ, женщинъ и стариковъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, которыхъ иначе—говоритъ офиціальный докладъ—мы были бы обязаны содержать изъ средствъ національной кассы по безработицѣ". Интендантство заключаетъ съ нимъ договоръ. Импровизированный фабрикантъ требуетъ немедленно авансъ въ 450.000 фр. Ему даютъ только 75.000. Получивъ ихъ, нашъ суконщикъ улетучивается. Въ результатѣ приходится преслѣдовать за мошенничество какъ г. Пайена, такъ и рекомендовавшаго его атташэ Фурнье.

Третье дѣйствующее лицо. Маленькій подрядчикъ, нѣкто Гильмото, ухитряется при помощи могущественной протекціи получить отъ военнаго министерства заказъ на полтора милліона паръ солдатскихъ носокъ... Самъ мосье Гильмото занимался до сихъ поръ мелкими постройками. Но за спиной его стоитъ лондонская фирма Кастера. По условію носки должны быть шерстяные. Подрядъ выполненъ. Поставщику выплачено нѣсколько милліоновъ франковъ. Вдругъ оказывается, что поставленные носки не шерстяные, а хлопчато-бумажные. Въ результатѣ въ карманѣ посредника остается 2.000.000 фр. незаконной прибыли, которыя правительство до сихъ поръ не можетъ получить обратно и принуждено вести длинный процессъ.

Упомянувъ мимоходомъ о мошенническихъ поставкахъ хлѣба Бауманомъ, о подрядахъ такъ называемаго о-ва „Французской трески" (см. ниже), Симіанъ вызываетъ новыя фигуры космополитическихъ авантюристовъ. Военное министерство нуждается въ 30.000 лошадяхъ. Вокругъ контролеровъ по поставкѣ кишитъ цѣлая стая финансовыхъ акулъ, которыя внушаютъ подлежащимъ

учрежденіямъ мысль обратиться за покупкой лошадей къ нѣкоему Дальтону Парсонсу изъ Лондона. Эти посредники, носящіе то геральдическія, то просто экзотическія фамиліи Дебрэ-де-Пузоль, Зольцбургъ и т. п., получаютъ 1.000.000 фр. коммиссіонныхъ. Но такъ какъ у нихъ были, въ свою очередь, другіе посредники, изъявлявшіе притязанія на часть этихъ жирныхъ говядовъ, то въ концѣ концовъ вся эта банда не поладила. И въ Парижѣ и въ Лондонѣ возникаетъ рядъ уморительно-скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ каждый изъ тяжущихся старается установить свои юридическія права на взятку. Дѣло доходитъ до того, что французскій посланникъ въ Лондонѣ, Поль Камбонъ, наводитъ справки на мѣстѣ и предупреждаетъ французское правительство, что вся операція—одно колоссальное мошенничество. Военное министерство поручаетъ разслѣдованіе одновременно гражданскому контролеру Гайльяру и генералу Анслэну, занимающему постъ такъ называемаго директора кавалеріи. Штатскій чиновникъ требуетъ всесторонняго разслѣдованія. Генералъ Анслэнъ заключаетъ, наоборотъ, о желательности совсѣмъ прекратить дѣло. Къ такому же выводу приходитъ и генеральный секретарь Руссо, правая рука Милльрана. Дѣло сдается въ архивъ. Но его снова вытаскиваетъ наружу Симіанъ, жестоко нападающій на Руссо, котораго тщетно пытается защитить его бывшій принципалъ.

Послѣдній фактъ, разсказанный ораторомъ, эффектно завершаетъ его рѣчь, такъ какъ въ немъ соединены злоупотребленія разнаго рода: и лицепріятіе, и систематическое взяточничество и предпочтеніе авантюристовъ правильнымъ общественнымъ организаціямъ. На фронтъ попадаетъ простымъ пѣхотинцемъ молодой еще человѣкъ, по имени Габріэль Коньякъ. Но у него есть очень богатый дядя, директоръ и главный хозяинъ огромнаго магазина Поэтому его скоро возвращаютъ въ тылъ и назначаютъ секретаремъ канцеляріи при интендантѣ Муро, въ городѣ Ле-Манъ, гдѣ какъ разъ находится фирма Коньякъ и К-о. Интендантство организуетъ торги. Мѣстная синдикальная палата портныхъ, насчитывающая 20.000 членовъ, предлагаетъ свои услуги по поставкѣ солдатскаго сукна, шинелей и т. п.,—предлагаетъ по цѣнѣ на 10% ниже той, какая назначена администраціей. Интендантство отвергаетъ это предложеніе и заключаетъ договоръ съ фирмой Коньякъ, которой дается, наборотъ, 10% преміи сверхъ первоначальной цѣны. Солдата Габріэля Коньяка назначаютъ пріемщикомъ вещей какъ дядиной фирмы, такъ и другихъ торговыхъ домовъ, которые обязываются выплачивать ему за эти операціи опредѣленное жалованье и неопредѣленные прогоны въ случаѣ поѣздокъ. Наконецъ, нашему счастливцу дается офицерскій чинъ...

Симіанъ, у котораго на войнѣ убитъ одинъ сынъ и изувѣченъ другой, дрожащимъ отъ волненія голосомъ заканчиваетъ свою

рѣчь словами: „Не для того, чтобы мы, отцы, были свидѣтелями подобныхъ зрѣлищъ, наши дѣти падаютъ на границѣ подъ ударами враговъ и мы молча ихъ оплакиваемъ, — правда, при всей нашей скорби гордясь тѣмъ, что родили героевъ, и утѣшая себя возвышающей душу мыслью, что все же лучше для нихъ умереть славною смертью за родину, чѣмъ влачить жизнь безъ достоинства и безъ чести“ [1])...

Черезъ три дня, 17 декабря, палата снова посвятила цѣлое засѣданіе обсужденію вопроса о поставкахъ. И пренія принимали зачастую страстный характеръ, такъ какъ задѣвали то прямо, то рикошетомъ и администрацію, и простыхъ депутатовъ, и министровъ.

Умѣренный соціалистъ Кольяръ интерпеллировалъ правительство относительно подрядовъ на гранаты, такъ какъ палата поручила ему спеціально заняться этимъ вопросомъ. И здѣсь контроль народныхъ представителей вскрылъ массу неумѣнья, небрежности и прямыхъ злоупотребленій. Военное министерство отстраняло отъ подрядовъ „компетентныхъ поставщиковъ“ и предпочитало имѣть дѣло съ лицами, которыя не имѣли никакого отношенія къ данной вѣтви промышленности. Палата не безъ изумленія и съ раздраженіемъ на виновниковъ слышитъ изъ устъ оратора указаніе на факты, свидѣтельствующіе о систематическомъ обращеніи военно-инженернаго управленія къ посредникамъ. Нужно, напр., большое количество гранатъ. Администрація отказывается отъ предложенія хозяина завода, спеціально производящаго эти снаряды, и сдаетъ заказъ на 190.000 штукъ—перчаточному фабриканту въ Сэнтъ-Этьеннѣ по цѣнѣ въ 1 фр. 10 сантимовъ за штуку. Перчаточникъ беретъ подрядъ и за выполненіемъ его прибѣгаетъ къ тому самому заводчику, котораго вѣдомство забраковало и который готовитъ гранаты по 60 сантимовъ. Въ результатѣ посредникъ неизвѣстно за что получаетъ чуть не 85% барыша!.. Въ другомъ случаѣ поставка снарядовъ попадаетъ въ руки швейцарской фирмы, у которой, какъ оказывается, тоже нѣтъ своихъ заводовъ, но которая переуступаетъ заказъ,—конечно, за изрядную коммиссію,—нѣсколькимъ иностраннымъ заводчикамъ.

Два депутата обращаютъ вниманіе палаты на дѣйствія такъ называемаго „Общества Французской трески“, поставлявшаго арміи рыбу. Плохое качество продукта заставило представителей администраціи начать процессъ противъ фирмы. Но военный судъ оправдалъ подрядчиковъ. Тогда Изерскій депутатъ, Леонъ Перрье, и Луарскій депутатъ, Эрнестъ Лафонъ, сочли нужнымъ познакомить народное представительство съ подробностями этого, по ихъ мнѣнію, глубоко возмутительнаго дѣла. Оказывается, дѣйствительно, что общество ухитрялось обманывать казну и въ количествѣ, и

[1]) „Le Temps“, 16 декабря 1915.

въ качествѣ поставляемаго товара. При второй провѣркѣ рыбы оказывалось неизмѣнно меньше, чѣмъ гласили накладныя. Съ другой стороны, вмѣсто сушеной трески поставлялась соленая притомъ настолько испорченная, что ее приходилось „обрабатывать“ борной кислотой. Въ концѣ концовъ общество положило въ карманъ „значительный и совершенно незаконный барышъ“.

Эта операція усложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что втеченіе шести мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, съ января по іюль 1914 г., однимъ изъ членовъ правленія „Французской трески“ былъ депутатъ Марсели, Жозефъ Тьерри. Когда вспыхнула война, г. Тьерри былъ призванъ въ помощники военнаго министра, а именно онъ получилъ постъ товарища министра, завѣдующаго интендантствомъ. „Французской трескѣ“ былъ данъ рядъ важныхъ подрядовъ: мы видѣли, съ какой добросовѣстностью она выполнила ихъ. И оба депутата страстно нападали на г. Тьерри, до сихъ поръ занимающаго свой постъ. Атмосфера палаты быстро наполнилась грозовымъ электричествомъ. Негодующія восклицанія перекрещивались съ одобрительными криками. И звонокъ, и призывы къ порядку Дешанэля лишь на время укрощали парламентскую бурю.

Палата раздѣлилась на двѣ части: противниковъ и защитниковъ г. Тьерри. Надо сказать, что въ этомъ дѣленіи отражается давнишнее столкновеніе двухъ точекъ зрѣнія на предметъ. Правая, консервативные и умѣренные республиканцы находятъ вполнѣ возможнымъ совмѣстительство должности депутата съ участіемъ въ управленіи различными торговыми и промышленными предпріятіями. Люди этихъ взглядовъ даже полагаютъ, что присутствіе въ парламентѣ представителей „солидныхъ интересовъ“ придаетъ основательность работѣ палаты и сената и уберегаетъ ихъ отъ опасныхъ утопій. Радикалы и особенно соціалисты считаютъ, наоборотъ, что нѣтъ ничего вреднѣе для общей политики страны, какъ это смѣшеніе частно-предпринимательской и общественной дѣятельности. Они очень рѣзко возстаютъ противъ возможности для представителя народа быть вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ частныхъ интересовъ, столь часто противорѣчащихъ благу цѣлаго.

Впрочемъ, теперь время военное, и читатель пойметъ, что французскій парламентъ становится очень щекотливъ въ вопросахъ упомянутаго выше совмѣстительства, такъ какъ общественное мнѣніе можетъ во всякій данный моментъ обрушить тяжелое обвиненіе на голову любого представителя народа, который будетъ заподозрѣнъ въ стремленіи пожертвовать національными задачами личнымъ выгодамъ. Вотъ почему, не смотря на защиту со стороны политическихъ друзей (г. Тьерри—умѣренный республиканецъ), на сочувственныя заявленія нѣкоторыхъ болѣе крайнихъ

депутатовъ, говорившихъ о личной честности и благородствѣ товарища министра, самъ Тьерри счелъ нужнымъ подробно разсказать съ трибуны объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ взялъ должность завѣдующаго интендантствомъ, и при этомъ призналъ, что онъ „имѣлъ слабость уступить дружескимъ просьбамъ г. Вивіани“.

„Я сказалъ г. предсѣдателю совѣта,—объяснялъ депутатамъ свое поведеніе Тьерри,—я сказалъ, что былъ администраторомъ этого дѣла; что процессъ еще не конченъ... и что занять постъ въ этихъ условіяхъ мнѣ представляется вещью очень деликатною. Но г. предсѣдатель совѣта отвѣтилъ мнѣ: „Еслибы на васъ падали какія-нибудь подозрѣнія, то, можетъ быть, вы были бы и правы; но васъ никто не подозрѣваетъ, и вы совершенно напрасно отказываетесь оказать намъ услугу“... Господа, я былъ настолько слабъ (*Рукоплесканія на скамьяхъ республиканской федераціи и правой.—Прерывающія восклицанія и шумъ на крайней лѣвой*)...

И т. д. Большинство палаты, видимо, стало на сторону Жозефа Тьерри. Но друзья товарища министра увѣряютъ, что высокая нравственная чуткость бывшаго администратора „Французской трески“ мѣшаетъ ему, не смотря на все сочувствіе парламента, занимать прежнюю должность. Отставка его—вопросъ дней...

Любопытна была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произнесенная на томъ же засѣданіи рѣчь военнаго министра. Генералъ Галліени, какъ извѣстно, рисуется въ изображеніи большой французской печати человѣкомъ рѣдкой энергіи и неумолимо строгимъ исполнителемъ долга, не любящимъ тратить словъ, а немедленно переходящимъ къ дѣйствію. Его отвѣтъ на рядъ интерпелляцій о подрядахъ не совсѣмъ совпадаетъ съ такимъ представленіемъ. Правда, его фраза коротка, обрывиста, можно сказать—почти умышленно рѣзка. Но за этими быстрыми, по-военному марширующими фразами чувствуется не столько та великая мощь убѣжденія, которая такъ поражаетъ въ приказахъ революціонныхъ комиссаровъ при арміяхъ 1792-1794 г.г., сколько опасеніе черезчуръ больно ударить по „солиднымъ интересамъ“ современнаго общественнаго строя.

Такъ, генералъ Галліени призналъ, что министерству пришлось до сего времени имѣть 71 дѣло по злоупотребленіямъ и, не ожидая ихъ окончанія, пускать порою въ ходъ по отношенію къ виновникамъ дисциплинарныя кары: главный директоръ интендантства принужденъ былъ выйти въ отставку; три главныхъ интенданта тоже получили полную или временную отставку; одному главному интенданту былъ сдѣланъ выговоръ министромъ; помощникъ интенданта былъ наказанъ за принятіе подряда отъ „Французской трески“ 30 сутками ареста; и т. д. Но сейчасъ же Галліени, „чтобы не оставлять палату подъ дурнымъ впечатлѣніемъ“, прибавилъ, что интерпеллянты могли сообщить парламенту все же

лишь о нѣсколькихъ десяткахъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ всего подрядовъ было заключено до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ сто тысячъ.

А когда депутаты слѣва начали восклицать: „Это не все! намъ извѣстны еще другія такія же дѣла“, то военный министръ, вдохновившись примѣромъ знаменитаго римскаго полководца, отвѣтившаго на обвиненіе политическихъ противниковъ приглашеніемъ пойти въ Капитолій и принести богамъ жертвы за одержанную имъ побѣду надъ врагомъ, сталъ восхвалять дѣятельность своего предшественника, Миллърана. Онъ совѣтовалъ вмѣсто того, чтобы останавливаться на фактахъ небрежности и попустительства военныхъ чиновъ и служащихъ военнаго вѣдомства, лучше вспомнить и оцѣнить, при какихъ условіяхъ французской арміи приходилось вступить въ отчаянную борьбу съ непріятелемъ на берегахъ Марны. Война застала Францію врасплохъ. Офицеры и чиновники были не приспособлены къ быстрой организаціи матеріальной стороны войны. Ихъ ошибки проистекаютъ въ общемъ отъ неопытности и непрактичности, а не отъ злого умысла и эгоистическихъ соображеній.

Галліени кончилъ совсѣмъ благодушно: „Я принужденъ былъ порою прибѣгать къ страшнымъ (?! Н. Р.) карамъ... Но въ концѣ концовъ я всегда вспоминалъ, что я представляю Францію, что наша Франція исполнена благожелательныхъ чувствъ и жаждетъ справедвости. Я никогда не допущу, что люди, подвергшіеся обвиненію, не могли защищаться. (*Рукоплесканія и прерывающія восклицанія*)...

Мистраль. Въ такомъ случаѣ надо такъ же обходиться и съ простыми солдатами...

Поттевэнъ. Говорятъ же вамъ: люди, безъ различія... [1]).

Крайніе радикалы и соціалисты предлагали въ концѣ преній учредить чрезвычайную парламентскую коммиссію, которой были бы даны самыя широкія полномочія и которая могла бы самостоятельно пересмотрѣть всѣ злоупотребленія интендантства. Противъ этого возстали правая, центръ, умѣренные республиканцы и умѣренные радикалы и прежде всего само правительство, которое краснорѣчивыми устами Бріана заявило, что нужно удовлетвориться простой коммиссіей сената и палаты по поставкамъ: „исключительная процедура напугала бы всю страну и отдалила бы отъ дѣла честныхъ подрядчиковъ, которые, можетъ быть, совсѣмъ не желаютъ, чтобы ихъ имя было пригвождено къ позорному столбу парламентскихъ преній (?! Н. Р.)“.

Большинство стало на сторонѣ правительства. Умѣренная пресса ликуетъ по тому поводу, что народное представительство удержалось, видите ли, во-время на пути къ „опасному повороту“.

---

[1]) См. отчетъ въ „Le Temps“, 19 декабря 1915 г.

А неугомонный Эрвэ, который съ новаго года рѣшилъ переименовать свою газету изъ „Соціальной войны" въ „Побѣду", подвергаетъ общей рѣзкой критикѣ условія, въ которыхъ ведется великая національная борьба; „Побѣдоносное наступленіе значительно бы сократило продолжительность войны. Съ другой стороны ослабленіе духа нашей арміи отодвинетъ моментъ разгрома нѣмцевъ И вотъ, не смотря на свой прочный оптимизмъ, я спрашиваю себя все ли у насъ сдѣлано, чтобы поддержать эту моральную силу войскъ. Признаюсь, я очень обезпокоенъ значительнымъ числомъ солдатъ, которые жалуются на то, какъ обращаются съ ними въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Безусловно необходимо, чтобы верховное командованіе потребовало отъ всѣхъ офицеровъ съ рѣшительностью соединять и доброту, всячески заботиться о пищѣ и одеждѣ солдатъ, раздѣлять совершенно наравнѣ съ ними всѣ лишенія и страданія этой кампаніи. Когда нижніе чины стоятъ по колѣно въ водѣ, тутъ же должны быть и офицеры Не понимаю я также, почему въ республиканской арміи офицеръ долженъ получать лучшую пищу, чѣмъ простой солдатъ.

„Другая общая жалоба тѣхъ, кто находится въ первой линіи траншей, заключается въ томъ, что они не понимаютъ, почему при большомъ наступленіи 25 сентября они были двинуты противъ проволочныхъ загражденій враговъ, которыя не были предварительно разрушены нашей артиллеріей. Почему офицеры-наблюдатели, находящіеся въ переднихъ окопахъ, просмотрѣли это обстоятельство? Почему вообще у насъ нѣтъ въ нѣкоторыхъ дивизіяхъ никакой связи между артиллеріей и пѣхотой? И еще жалоба: многіе офицеры генеральнаго штаба, не смотря, казалось бы, на 18-мѣсячный опытъ, остаются при старой рутинѣ и руководятъ операціями изъ кабинета. Надо безпощадно бороться съ этой привычкой. Штабные должны знать атмосферическія условія, дѣйствующія на мораль войскъ, и принимать свои рѣшенія соотвѣтственно. Наконецъ, послѣдняя жалоба, частаго повторенія которой надо особенно опасаться: у насъ черезчуръ увлекаются частичными наступленіями, которыя однако стоятъ намъ столько жизней. Именно потому, что у нашихъ солдатъ нѣтъ недостатка въ критическомъ пониманіи и они прекрасно соображаютъ, что мелкія наступательныя дѣйствія въ этой войнѣ не имѣютъ значенія и что является чистымъ безуміемъ губить ихъ и ихъ товарищей тысячами въ этихъ попыткахъ,—именно поэтому нужно остерегаться этихъ операцій, развѣ только онѣ безусловно необходимы. Никто не требуетъ оставлять врага въ покоѣ. Но это—дѣло артиллеріи напоминать ему о нашемъ присутствіи. Какая польза въ томъ, что мы пріобрѣтемъ послѣ 18-мѣсячныхъ усилій матеріальное превосходство надъ врагомъ, если вслѣдствіе ошибокъ,—и ошибокъ легко поправимыхъ,—мы медленно разрушаемъ ту ве-

ликую моральную силу, которой мы обязаны нашей побѣдой при Марнѣ?"

II.

По другую сторону Ламанша Англія напрягаетъ, если судить по словамъ ея государственныхъ людей, всѣ усилія, чтобы увеличить свою боевую способность въ двухъ направленіяхъ: производствѣ оружія и въ особенности большихъ разрывныхъ снарядовъ, и количествѣ живой силы, преимущественно насухопутномъ фронтѣ.

Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить любопытныя данныя, сообщенныя министромъ снабженій, Ллойдомъ Джорджемъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на засѣданіи палаты общинъ 20 декабря н. с. Ллойдъ Джорджъ говорилъ собственно въ защиту тѣхъ поправокъ, которыя онъ считаетъ нужнымъ ввести въ первоначальный билль о снабженіяхъ, чтобы смягчить сопротивленіе ему со стороны рабочихъ, находящихъ, что эта мѣра налагаетъ на нихъ гораздо бо̀льшія стѣсненія, чѣмъ на фабрикантовъ. Но главный интересъ рѣчи заключается въ откровенномъ изложеніи технической стороны войны во вражескомъ лагерѣ и въ лагерѣ союзниковъ. Министръ снабженій прямо заявилъ, что раньше онъ посовѣтовался съ премьеромъ, слѣдуетъ ли сообщать во всеуслышаніе нѣкоторые факты, которые могутъ смутить слабыхъ и малодушныхъ людей. Аскитъ высказалъ мнѣніе, что быть откровеннымъ не только можно, но и должно: „есть вещи, которыя вы не можете скрыть отъ врага. Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что онъ не знаетъ ихъ",—одобряетъ въ свою очередь эту мысль самъ ораторъ.

Что касается до самой рѣчи, то главная ось ея проходитъ черезъ доказательство необходимости сравняться съ нѣмцами и, мало того, превзойти ихъ въ техническомъ отношеніи. Когда Ллойдъ Джорджъ занялъ свой теперешній постъ, Германія шла далеко впереди: „въ маѣ мѣсяцѣ, когда нѣмцы изготовляли въ день 250.000 большихъ снарядовъ, начиненныхъ бризантными взрывчатыми веществами (high explosives), мы изготовляли въ день лишь 2.500 такихъ снарядовъ и 13.000 шрапнельныхъ". Съ тѣхъ поръ успѣхи англичанъ были очень значительны. Ораторъ не можетъ еще разглашать точныхъ цифровыхъ результатовъ этой усиленной дѣятельности, но въ состояніи дать своимъ слушателямъ нѣкоторое понятіе о произведенной реформѣ на частномъ примѣрѣ: „Количество снарядовъ, выброшенныхъ во время сентябрьскихъ операцій, было огромно. Битва продолжалась днями, затянулась почти на цѣлыя недѣли. И все же мы не ощущали недостатка въ снарядахъ".

И однако могутъ ли союзники удовлетвориться тѣмъ, что уже достигнуто? Ничуть. Ничуть потому, что врагъ до сихъ поръ еще

необыкновенно силенъ въ техническомъ отношенiи. Ораторъ съ презрѣнiемъ отвергая политику страуса, прячущаго свою голову, чтобъ не видѣть опасности, продолжаетъ: „Есть еще другая сторона вопроса, которая становится все очевиднѣе по мѣрѣ того какъ война развивалась и ширилась. Машина сберегаетъ живого человѣка. Машина необходима для того, чтобы защищать опасныя позицiи, и она спасаетъ человѣческую жизнь, потому что, чѣмъ болѣе машинъ вы пускаете въ ходъ для защиты, тѣмъ тоньше можетъ быть здѣсь живая человѣческая линiя... Мы убѣдились, что передовыя нѣмецкiя линiи охранялись чрезвычайно малымъ количествомъ людей. Всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что одна сильная нѣмецкая позицiя защищалась втеченiе дней и даже цѣлыхъ недѣль противъ очень значительной французской армiи (against a very considerable French army) всего лишь 90 солдатами, вооруженными 40 или 50 пулеметами, такъ какъ французы при атакахъ несли тяжелыя потери“... [1]).

Съ другой стороны,—сказали мы,—англичане стараются увеличить въ возможно большей пропорцiи количество живой силы, чтобы противоставить ее врагу, все расширяющему и расширяющему театръ войны. По подсчетамъ самихъ англичанъ, они выставили до сихъ поръ 3.000,000 солдатъ, изъ которыхъ уже выбыло изъ строя такъ или иначе болѣе 500.000. Парламентъ два мѣсяца тому назадъ вотировалъ призывъ подъ знамена еще одного милліона, четвертаго. Но какъ осуществить на дѣлѣ вотированную мѣру? Читатель уже знаетъ изъ газетъ, что правительству удалось 25 января н. с. провести въ третьемъ чтенiи черезъ палату общинъ билль, который, не смотря на свое скромное названiе и ограничивающiя условiя, является ни много ни мало, какъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ Англiи по пути введенiя всеобщей воинской повинности. А когда будутъ читаться эти строки, билль получитъ одобренiе и палаты лордовъ и сдѣлается закономъ.

Мы не будемъ входить въ подробности проведенiя этого чрезвычайно важнаго въ принципiальномъ отношенiи акта черезъ парламентъ и постепенной подготовки къ нему общественнаго мнѣнiя страны. Этой стороны дѣла, по всей вѣроятности, коснется нашъ обычный корреспондентъ изъ Англiи. Но пока хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о значенiи „билля, имѣющаго цѣлью принятiе нѣкоторыхъ мѣръ (make provisions) относительно военной службы въ связи съ настоящей войной“,—какъ гласитъ его какъ бы умышленно сѣрое и неопредѣленное офицiальное названiе. Дѣло внѣшнимъ образомъ шло о томъ, какъ заставить 651.160 холостыхъ людей, могущихъ нести военную службу, но отказавшихся отъ добровольной вербовки по системѣ лорда Дерби,—какъ

[1]) „The Times“, 21 декабря 1915.

заставить ихъ пополнить ряды арміи. Слѣдуетъ замѣтить, что противниками билля въ парламентѣ,—напр., либераломъ Саймонсомъ, даже вышедшимъ ради оппозиціи ему изъ состава коалиціоннаго кабинета,—были приведены довольно убѣдительныя соображенія касательно большой небрежности, съ какой былъ произведенъ подсчетъ цифръ въ докладѣ Дерби. Саймонсъ и другіе ораторы, враждебно отнесшіеся къ нововведенію, доказывали, что въ сущности недохватъ въ добровольцахъ былъ страшно преувеличенъ, и что на самомъ дѣлѣ такихъ оказалось „незаслуживающее вниманіе меньшинство“ (a negligible minority).

И тѣмъ не менѣе билль съ каждымъ новымъ этапомъ обсужденія пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Въ третьемъ чтеніи за него голосовало уже 383 коммонера противъ 36. Правда, въ англійской палатѣ общинъ считается 670 членовъ, и потому число воздержавшихся или почему-либо не участвовавшихъ въ голосованіи достигаетъ въ данномъ случаѣ 250. Но все же число депутатовъ, оставшихся до конца враждебными биллю, не составляетъ и одной десятой части голосовавшихъ за него. Между тѣмъ, противники нововведенія затрагивали въ своихъ возраженіяхъ, казалось бы, самыя чувствительныя струны англичанъ.

Саймонсъ напоминалъ парламенту, что „принципъ добровольной вербовки представляетъ собою истинное наслѣдіе всего англійскаго народа“. Онъ заклиналъ членовъ палаты общинъ „не давать повода нашимъ врагамъ утверждать безъ всякаго основанія, что есть сотни тысячъ свободныхъ людей въ этой странѣ, которые отказались сражаться за свободу“, „не дѣлать прусскому милитаризму комплимента, что мы подражаемъ самому ненавистному изъ его учрежденій“. Либералъ Байльсъ съ горечью восклицалъ, что онъ „не менѣе всякаго другого желаетъ побѣдить въ этой войнѣ, но если мы должны отказаться отъ нашихъ свободъ и германизировать наши учрежденія, какъ толкаетъ насъ на то билль, то какую цѣну имѣетъ такая побѣда?.. Обязательный наборъ—удобное орудіе тираніи“. Представитель желѣзнодорожныхъ рабочихъ, Томасъ, явился выразителемъ тѣхъ подозрѣній и опасеній, которыя возникаютъ въ душѣ трудящагося человѣка, когда онъ вспоминаетъ, какія лица и партіи пропагандировали обязательную воинскую повинность раньше, когда противъ нея были теперешніе авторы билля. „Рабочія массы хорошо знаютъ, что, гдѣ бы ни вводилась эта повинность, она всегда была средствомъ замедлять прогрессъ. Они увѣрены, что милитаризмъ былъ дѣйствительной причиной этой войны и что и въ Англіи есть люди, которые не испытаютъ ни малѣйшаго колебанія пустить это орудіе въ ходъ, чтобы ниспровергнуть свободу на нашей родинѣ“ [1]).

Томасъ, кстати сказать, предупреждалъ палату, что предстоя-

1) „The Times“, 6 января 1916.

щій большой съѣздъ трэдсъ-юніоновъ выскажется противъ билля. И предсказанія его сбылись. Конгрессъ рабочихъ делегатовъ, собравшійся въ Лондонѣ 6 января, голосами представителей 1.998.000 членовъ союзовъ противъ представителей 783.000 выразилъ рѣшительный протестъ по поводу правительственнаго билля, такъ что Гендерсонъ, министръ народнаго просвѣщенія въ настоящемъ кабинетѣ, и еще два второстепенныхъ члена администраціи, принадлежащіе къ рабочей партіи, подали было въ отставку. Но правительству удалось вступить въ переговоры съ вожаками трэдсъ-юніоновъ и противоставить конгрессу делегатовъ конференцію лидеровъ. Убѣдивъ послѣднихъ, что оно устранитъ всякую возможность для фабрикантовъ держать у себя силкомъ милитаризованныхъ рабочихъ, правительство вызвало въ мірѣ труда колебанія и желаніе компромисса 1). Оппозиція биллю, повидимому, будетъ продолжаться лишь среди лѣвыхъ элементовъ рядовыхъ трэдсъ-юніонистовъ, которые раздражены сговорчивостью своихъ вожаковъ и хотятъ стоять на почвѣ непримиримаго синдикализма. И билль станетъ, по всей вѣроятности, закономъ.

Какъ отзовется это на Англіи? Событія послѣднихъ лѣтъ пріучили насъ скептически относиться къ самымъ, казалось бы, правдоподобнымъ предсказаніямъ. Поэтому въ данномъ случаѣ возможны крупныя ошибки. Пишущему эти строки сдается однако что островная Англія стоитъ на перепутьѣ и что новый билль можетъ приблизить ее гораздо больше, чѣмъ сама она этого желаетъ, къ типу континентальныхъ европейскихъ странъ, такъ страдающихъ отъ бремени милитаризма. Пусть новый законъ имѣетъ, какъ оговорено въ немъ самомъ, лишь временный характеръ. Увы! скептическая Франція, пережившая столько революцій знаетъ меланхолическую поговорку: „Временныя вещи длятся всего продолжительнѣе". Пусть билль берется сначала за холостыхъ мужчинъ и безработныхъ вдовцовъ. Пусть онъ совсѣмъ н касается Ирландіи (отсюда прекращеніе оппозиціи ирландцевъ со второго чтенія). Пусть онъ знаетъ изъятія и по занятію (работа для обороны страны), и по семейному положенію (опора матери, сестры и т. п.), и по состоянію здоровья, и даже по религіознымъ убѣжденіямъ. Несчастіе всякой такой мѣры заключается въ томъ, что она обладаетъ удивительною способностью шириться и рости...

— Но это необходимо!—воскликнетъ иной сторонникъ освободительной войны... Необходимо или нѣтъ, трудно сказать. Въ самой Англіи находятся люди, которые утверждаютъ, что тради-

1) Судя по телеграммамъ, бристольская конференція представителей рабочихъ на своемъ послѣднемъ засѣданіи, 27 января н. с., вынесла въ сущности противорѣчивыя резолюціи: съ одной стороны, она протестуетъ противъ введенія всеобщей воинской повинности; съ другой, одобряетъ тактику членовъ рабочей партіи, оставшихся въ кабинетѣ.

ціонная страна свободъ могла бы рѣшить вопросъ о живой силѣ, не отклоняясь отъ своего исконнаго историческаго пути. Затѣмъ, если это и необходимо, то это печальная необходимость, вродѣ той необходимости сначала ѣсть своего ближняго, а затѣмъ—какой прогрессъ!—превращать его въ раба, которую такъ обстоятельно доказывалъ Контъ для проходящаго первыя ступени развитія человѣчества.

Невольно сжимается сердце, и припоминаешь столь недавно еще популярную въ Англію карикатуру, изображающую свирѣпое чудовище, закованное въ доспѣхи, къ которому джингоистская пресса Англіи обращается со слѣдующими словами: „о, прусскій милитаризмъ! твои злодѣянія извѣстны всему міру: ты осуждаешься на вѣчное изгнаніе изъ твоего отечества—въ нашу родину!..“

III.

На рубежѣ 18-го и 19-го мѣсяца войны положеніе борющихся сторонъ можетъ быть охарактеризовано немногими словами. Временное затишье на главныхъ фронтахъ: западномъ, франко-бельгійскомъ, и восточномъ, русскомъ. Рядъ неожиданныхъ для большой публики событій на юго-восточномъ, балканскомъ, театрѣ войны. Оживленіе на кавказскомъ, персидскомъ и месопотамскомъ фронтахъ.

Когда мы говоримъ о затишьѣ на главныхъ операціонныхъ площадяхъ, это выраженіе нужно, конечно, понимать относительно. Если современная позиціонная война исключаетъ крупныя маневренныя передвиженія, то съ другой стороны, она предполагаетъ постоянное соприкосновеніе съ врагомъ, постоянное нащупываніе слабыхъ точекъ его линіи окоповъ при помощи усовершенствованныхъ орудій современной борьбы: дальнобойныхъ орудій, телефоновъ, аэроплановъ, при случаѣ пулеметовъ и ручныхъ гранатъ.

Втеченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ на одномъ изъ пунктовъ западнаго фронта былъ даже моментъ необычнаго усиленія боевой дѣятельности. Мы говоримъ о нѣмецкой атакѣ въ Шампани, а именно у Мэзонъ-де-Шампань, атакѣ, которыя достигла наибольшаго напряженія 10 января н. с. и, повидимому была отбита французами почти по всей линіи. Извѣстный военный обозрѣватель швейцарскаго „Journal de Genève“, F. F. (подъ этими буквами скрывается превосходный знатокъ военнаго дѣла, полковникъ Фейлеръ, стратегическія предсказанія котораго знакомы читателямъ „Русскихъ Записокъ“ изъ моей лѣтописи) отмѣчаетъ, между прочимъ, что официальныя сообщенія обѣихъ сторонъ объ этомъ дѣлѣ расходятся въ очень значительной степени. Согласно французской версіи, такихъ размѣровъ уже давно не принимали операціи на западномъ фронтѣ. Здѣсь участвовали по меньшей мѣрѣ три нѣмецкія дивизіи, которыя четыре раза развивали концентри-

ческую атаку на фронтѣ шириною въ восемь километровъ. Имъ удалось занять лишь въ одномъ пунктѣ часть траншей, притомъ позже снова отбитыхъ французами. Въ рукахъ германцевъ остался лишь небольшой прямоугольникъ къ востоку отъ Мэзонъ-де-Шампань. Что касается до нѣмецкаго сообщенія, то оно сводитъ все дѣло къ незначительнымъ размѣрамъ и говоритъ лишь о взятіи французскихъ окоповъ, отрицая дѣйствительность непріятельской контръ-атаки и приводя число плѣнныхъ (480). Лично Фейлеръ полагаетъ, что столкновеніе было серьезнѣе, чѣмъ то рисуютъ свѣдѣнія изъ Берлина, и что французы, пожалуй, ближе къ истинѣ [1]).

На русскомъ фронтѣ наиболѣе дѣятельно велись за это время операціи въ его юго-восточной части. Черновицы; долина Стрыпы отъ Бучача и далѣе на сѣверъ, вверхъ по теченію; наконецъ, окрестности Чарторійска и само это мѣстечко—вотъ главные пункты столкновенія непріятельскихъ силъ. Вначалѣ намъ удалось потѣснить австрійцевъ, приблизиться къ Черновицамъ и взять Чарторійскъ (6 января н. с.—24 декабря с. с.). Недѣлею позже мы сочли цѣлесообразнымъ прекратить наступательныя операціи, какъ въ Буковинѣ, такъ и на Волыни, гдѣ Чарторійскъ, переходя изъ рукъ въ руки, превратился въ груду развалинъ и въ данный моментъ занятъ непріятелемъ. Съ приближеніемъ къ веснѣ должно ждать и возобновленія военныхъ дѣйствій. Но отрывочныя свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ относительно перегруппировки силъ центральныхъ имперій, не позволяютъ судить, гдѣ будетъ главный нажимъ австрогерманцевъ и ихъ союзниковъ: на восточномъ или на западномъ фронтѣ.

Въ спеціальной печати нейтральныхъ странъ одно время склонялись къ тому мнѣнію, что, желая ускорить развязку затянувшейся войны, Германія предпочтетъ на сей разъ сосредоточить свой ударъ прежде всего на Франціи. При этомъ указывали на то обстоятельство, что австро-германцамъ понадобился цѣлый годъ, чтобы отодвинуть русскихъ на 500 километровъ къ востоку. Между тѣмъ у Россіи, остается еще 500 километровъ для маневрированія и боевого сопротивленія

Съ другой стороны, германцевъ отдѣляетъ лишь нѣсколько десятковъ километровъ отъ столицы Французской республики, и въ случаѣ захвата Парижа ихъ шансы на побѣдный миръ увеличиваются въ огромной степени [1]). Противники этого

---

[1]) „Journal de Genéve“, 13 января 1916.

[1]) Послѣднее (29 января н. с.), нападеніе цеппелина на Парижъ, гдѣ было разрушено бомбами нѣсколько домовъ, убито 7 человѣкъ и ранено 22, конечно, не имѣетъ въ этомъ отношеніи ощутительнаго значенія.

взгляда утверждаютъ наоборотъ, что силы обѣихъ сторонъ пришли на западномъ фронтѣ въ устойчивое равновѣсіе, которое, если и будетъ нарушено, то въ пользу все крѣпчающихъ англо-французовъ. Нѣмцы должны будутъ поэтому пойти въ сторону меньшаго сопротивленія, на востокъ...

Довольно непредвидѣннымъ факторомъ въ общее развитіе европейской войны ворвались событія на Балканскомъ полуостровѣ. Присоединеніе къ центральнымъ имперіямъ Болгаріи; разгромъ Сербіи; отказъ отъ дальнѣйшаго сопротивленія Черногоріи, независимо отъ того, дѣйствительно ли капитулировало [(17 января н. с.?) передъ врагомъ ея правительство или было поставлено въ фактическую невозможность бороться долѣе,—все это значительно увеличиваетъ шансы германо-турецко-болгарской коалиціи, Втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ войска этой коалиціи захватили. дѣйствительно, всю Сербію и Старую Сербію; отодвинули англо-французовъ отъ ихъ прежняго фронта въ Македоніи, между Дойранскимъ озеромъ и Вардаромъ, къ самому берегу Эгейскаго моря, гдѣ ихъ фронтъ заключенъ между Салоникскимъ заливомъ на западѣ и Орфанскимъ на востокѣ; взятіемъ приморской горы Ловченъ (1759 м.) открыли себѣ брешь во внутреннюю цитадель Черногоріи и угрожаютъ сѣверной Албаніи, въ то же время обезпечивая Австріи спокойное владѣніе шестью бухтами великолѣпнаго Которскаго бассейна (Бокке ди Каттаро). И врядъ-ли много помогутъ въ этомъ отношеніи жалобы встревоженной за свои албанскіе интересы Италіи, которая съ горечью отмѣчаетъ теперь ошибки союзниковъ, не умѣвшихъ помочь Черногоріи, и въ то же время забываетъ, что сама она лишь на словахъ изъявляетъ готовность содѣйствовать общей политикѣ на Балканахъ, въ дѣйствительности же вовсе не хочетъ отрываться отъ своихъ трентино-тріестскихъ національныхъ задачъ.

Присоедините къ этому уходъ англо-французовъ съ Галлипольскаго полуострова,—уходъ, правда, выполненный блестяще съ технической стороны (въ ночь съ 8 на 9 января н. с.), но все же означающій ликвидацію Дарданелльской экспедиціи, — и вы поймете, какого серьезнаго вниманія союзниковъ требуетъ теперь положеніе дѣлъ на Балканахъ. Ибо обозрѣватели, утверждающіе, что въ этомъ нужно видѣть скорѣе плюсъ для политики и стратегіи противниковъ Германіи,—такое обстоятельство освобождаетъ, молъ, силы англо-французскаго экспедиціоннаго корпуса,—упускаютъ изъ виду, что тѣмъ самымъ освобождаются и германо-турецкія силы, сопротивлявшіяся у Дарданеллъ союзникамъ...

Нѣсколько благопріятнѣе складываются въ данную минуту для союзниковъ обстоятельства въ Малой Азіи, понимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. включая сюда какъ военныя операціи русскихъ противъ турокъ на кавказскомъ фронтѣ, такъ и походъ англичанъ въ южную Месопотамію, по берегамъ Шатъ-

эль-Араба и Тигра. Правда, эта послѣдняя кампанія, отдавшая въ руки англичанъ послѣдовательно Басру, Корну, Амару, Кутъ-эль-Амару, оборвалась въ 34 километрахъ отъ Багдада, у Таки-Кесры (древняго Ктесифона), гдѣ въ концѣ ноября и началѣ декабря н. с. британскія войска потерпѣли чувствительное пораженіе при столкновеніи съ превосходившими ихъ втрое силами турокъ и принуждены были поспѣшно отступить болѣе, чѣмъ на 100 километровъ, къ Кутъ-эль-Амарѣ. Но здѣсь генералу Кембелю удалось остановить напоръ врага и даже оттѣснить его на десятокъ километровъ къ востоку, въ результатѣ битвы между Вадди и Эссиномъ (12-14 января н. с.).

Англійскіе военные критики надѣются, впрочемъ, что настоящее значеніе месопотамская экспедиція получитъ тогда, когда русскіе разовьютъ свое дальнѣйшее наступленіе въ Персіи, гдѣ они взяли находящіеся къ юго-западу отъ Тегерана города Кумъ, Султанабадъ, Хамаданъ и въ турецкой Арменіи, гдѣ, начиная съ 18 (5) января мы наносили туркамъ ударъ за ударомъ на 100-верстномъ фронтѣ и къ 21 (8) января подошли къ фортамъ Эрзерума.

Чтобы парировать это наступательное движеніе, равно какъ подготовиться къ давно замышляемому походу на Египетъ, нѣмцы назначили главнокомандующимъ турецкихъ силъ, оперирующихъ въ Малой Азіи, генерала фонъ-деръ-Гольца, того самаго, который подъ именемъ фонъ-деръ-Гольца-паши работалъ въ свое время надъ реорганизаціей турецкой арміи. Такъ все больше и больше ширится театръ войны, развертывая свои роковыя спирали съ континента на континентъ.

Н. С. Русановъ.

Соціалисты и война.

Настоящая міровая война—война особенная, небывалая, во многомъ отличная отъ всѣхъ войнъ, пережитыхъ человѣчествомъ.

Но ея особенность заключается не только въ томъ, что въ ней участвуютъ милліонныя арміи съ самыми усовершенствованными орудіями взаимоистребленія и разрушенія. Болѣе характерна та—если можно такъ выразиться—идейно-моральная атмосфера, которая ей сопутствуетъ. Прежде всего, теперешней войнѣ, искренно или нѣтъ, приписывается „освободительный“ характеръ, какъ борьбѣ за свободу національностей и противъ крайностей милитаризма. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта война всѣми единодушно признается величайшимъ зломъ и преступленіемъ противъ цивилизаціи, хотя въ ней и принимаютъ участіе почти всѣ культурные народы. Знаменательнѣе же всего то, что „пріяли“ войну и самые

рѣшительные и принципіальные ея противники — соціалисты. Зрѣлище, дѣйствительно, до сихъ поръ невиданное. Вотъ по поводу этого послѣдняго обстоятельства мнѣ и хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Теоретическое отрицаніе войны вытекаетъ изъ самой сущности соціалистическаго идеала, какъ братства народовъ и равенства людей, основаннаго на трудѣ. Отрицая старый міръ съ его насиліемъ и эксплуатаціей, соціалисты не могли пройти мимо такого страшнаго явленія, какъ война. На основаніи историческихъ фактовъ и изученія существующихъ политико-экономическихъ условій, соціалистическая критика неопровержимо установила, что съ тѣхъ поръ, какъ общество раздѣлилось на властвующихъ и подвластныхъ войны всегда ведутся къ выгодѣ привилегированныхъ слоевъ. Современныя войны не составляютъ исключенія изъ общаго правила.

Въ то время какъ основная масса торговопромышленной буржуазіи воюющихъ и невоюющихъ странъ усиленно набиваетъ карманы, на долю народа приходится одно лишь увеличеніе тяжести труда, сопровождаемое небывалой дороговизной жизни, а впослѣдствіи—безработица, обычное въ такихъ случаяхъ пониженіе заработной платы, ухудшеніе условій работы вообще и еще большее усиленіе власти капиталиста надъ рабочимъ. Милліардные займы заключаемые правительствами, потребуютъ потомъ колоссальныхъ средствъ на уплату однихъ только процентовъ и эту дань имущимъ классамъ должны будутъ возмѣстить тѣ же трудящіяся массы, какъ созидатели цѣнностей вообще и какъ главные плательщики государственныхъ налоговъ въ особенности. Таковы въ общихъ чертахъ послѣдствія всякой войны, а настоящей тѣмъ болѣе.

Являясь выразителемъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса и ставя своей задачей защиту духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ трудящихся массъ, соціализмъ, исходя изъ вышеуказанныхъ соображеній. по мѣрѣ своего развитія, все больше и больше удѣлялъ вниманія вопросамъ милитаризма.

Въ ближайшее передъ войной время, когда въ воздухѣ появились уже признаки надвигающейся военной бури, въ соціалистическихъ и демократическихъ кругахъ господствовало серьезное убѣжденіе, что интернаціоналъ въ состояніи предотвратить возникающій міровой конфликтъ. А ужъ въ томъ, что соціалисты сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, едва-ли кто сомнѣвался. Порукой, что такъ случится, служили примѣры прошлаго. Такъ, во время франко-прусской войны Бебель и Либкнехтъ открыто протестовали противъ нея. Во время недавней балканской войны соціалисты этихъ государствъ также протестовали противъ этой бойни, а Интернаціоналъ, какъ извѣстно, устроилъ по сему поводу весьма внушительную манифестацію, даже съ колоколь-

нымъ звономъ. Но кто же могъ тогда подумать, что этотъ звонъ окажется погребальнымъ?!

„Иллюзіи гибнутъ—факты остаются"... „Я съ восторгомъ—вспоминаетъ въ извѣстной статьѣ г. Плехановъ—читалъ передовыя статьи центральнаго органа германской соціалъ-демократіи, направленныя противъ политики германскаго канцлера. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что именно эта политика грозитъ привести къ войнѣ, такъ какъ именно Берлинъ продиктовалъ Вѣнскому правительству тотъ ультиматумъ, котораго Сербія никакъ не могла принять, если не хотѣла отказаться отъ своей независимости". Далѣе г. Плехановъ сообщаетъ, что на митингѣ въ Брюсселѣ представитель германской соціалъ-демократіи г. Гаазе „весьма прозрачно намекнулъ, что война можетъ послужить поводомъ для активнаго выступленія нѣмецкаго пролетаріата". Какъ видимъ, иллюзіи все еще продолжались, но скоро наступилъ чередъ и для фактовъ.

„Въ историческомъ засѣданіи рейхстага,—продолжаетъ г. Плехановъ—состоявшемся 4 августа, тотъ же г. Гаазе, заявилъ, что соціалъ-демократическая фракція будетъ голосовать за военный кредитъ и вообще приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ". Кромѣ того, по словамъ г. Плеханова, „тотъ же центральный органъ, который такъ убѣдительно доказывалъ въ концѣ іюля, что отвѣтственность за приближающуюся войну цѣликомъ падаетъ на германскую дипломатію, взялъ совершенно другой тонъ, какъ только война была объявлена, и заговорилъ языкомъ вульгарнаго патріотизма".

Совершивъ поворотъ на всѣ 180 градусовъ, партія германскаго пролетаріата устами своего члена и депутата рейхстага г. Франка провозгласила, что „не вѣрно будто, побѣдоносная война явится несчастьемъ для нѣмецкаго народа. Наоборотъ, она дастъ чрезвычайно сильный толчокъ прогрессивному развитію Германіи".

По свидѣтельству г. Майскаго, соціалъ-демократическая организація одного города настолько проникласъ патріотическимъ духомъ что даже пожелала торжественно отпраздновать день рожденія императора Вильгельма и была очень огорчена, когда тотъ отказался (тоже по патріотическимъ мотивамъ) отъ этой чести А по случаю паденія Антверпена одна рабочая газета провозгла сила: „Антверпенъ нашъ и, надѣемся, останется нашимъ".

Перечислять многочисленные „трюки" нѣмецкой соціалъ-демократіи въ вышеописанномъ стилѣ, пожалуй, нѣтъ никакой надобности. И безъ того вполнѣ очевидно, что интернаціональный соціализмъ на нѣмецкой почвѣ потерпѣлъ самое жестокое крушеніе, превратившись, если можно такъ выразиться, въ соціализмъ національный. Но „національзація соціализма" совершилась и въ другихъ воюющихъ странахъ. Благодаря вторженію нѣмецкихъ армій въ нейтральную Бельгію, а затѣмъ во Францію, соціалисты

этихъ странъ, не колеблясь, „пріяли войну“ и вступили даже въ буржуазныя правительства. За нѣкоторыми исключеніями приняли участіе въ войнѣ и англійскіе соціалисты.

Соціалисты воюющихъ странъ убѣждены, что, участвуя въ международной борьбѣ, они нисколько не грѣшатъ противъ своихъ принциповъ, такъ какъ защищать отечество, *когда на него нападутъ,* не только, съ соціалистической точки зрѣнія, позволительно, но и необходимо. Вотъ тотъ *законный* предлогъ, который, съ болѣе или менѣе легкимъ сердцемъ, позволилъ соціалистамъ взяться за оружіе. При этомъ, конечно, у всѣхъ нашлись вѣскія данныя, свидѣтельствующія, что именно они только защищаются. Одни, напримѣръ, отъ варварской Россіи, другіе отъ германскаго имперіализма и т. д. Судить о томъ, кто въ настоящей войнѣ является стороной нападающей и кто защищающейся, я теперь не намѣренъ. Меня въ данномъ случаѣ интересуетъ совсѣмъ другое, а именно тѣ противорѣчія въ соціалистической теоріи и практикѣ, которыя такъ ярко вскрыла эта война. На самомъ дѣлѣ,—какъ примирить столь рѣзко обнаружившійся разладъ между національнымъ и интернаціональнымъ элементами? Почему при первомъ же серьезномъ испытаніи національное чувство и національные интересы взяли верхъ? И возможно ли вообще совмѣщеніе интернаціональнаго и національнаго безъ ущерба другъ другу? Не есть-ли это, до извѣстной степени, служеніе двумъ богамъ? Но общепризнано, что служить двумъ богамъ невозможно и предпочтеніе какого-нибудь одного вполнѣ неизбѣжно.

Теперь, какъ извѣстно, соціалисты съ особымъ рвеніемъ служатъ національному Богу, хотя и дѣлаютъ видъ, что все это необходимо для Бога интернаціональнаго. Но это только привычная словесность: національному мы приносимъ кровавыя жертвы, а интернаціональному одни лишь пышные обряды.

Я не обвиняю, я констатирую только фактъ. Для сколько-нибудь замѣтнаго торжества интернаціональнаго начала, повидимому, еще не пришло время. Въ этомъ отношеніи человѣчество находится, очевидно, еще въ самой начальной стадіи развитія. И, дѣйствительно, интернаціонализмъ—явленіе сравнительно новое, имѣющее очень еще слабые корни въ суровой практикѣ жизни. Международная связь рабочаго класса—пока только идеологическая, почти неупражняемая повседневной дѣятельностью и борьбой. Все бытіе трудящихся массъ протекаетъ исключительно въ національныхъ границахъ, реализуется на національной почвѣ. Кромѣ того, національная связь и весь національный укладъ жизни имѣютъ за собой многовѣковую исторію и въ критическіе моменты дѣй-

ствуютъ со стихійной силой, чему мы и были свидѣтелями съ возникновеніемъ этой войны.

Между тѣмъ соціалистическій идеалъ находится въ серьезномъ противорѣчіи съ подобнаго рода наслѣдіемъ прошлаго. Соціализмъ. хотя и дѣйствуетъ на національной почвѣ, но конечной цѣлью его стремленій является всемірное братство людей, всечеловѣческая солидарность. Такимъ образомъ, если соціализмъ не утопія, то его развитіе неизбѣжно должно сопровождаться *отмираніемъ* чувствъ и интересовъ національныхъ и соотвѣтствующимъ ростомъ чувствъ и интересовъ общечеловѣческихъ. Чтобы быть послѣдовательными, соціалисты, прежде всего, должны быть *интернаціоналистами*. Настоящая война показала обратное, но и въ ближайшемъ будущемъ мало надеждъ на то, что дѣло измѣнится.

Вотъ, напримѣръ, г. Плехановъ говоритъ, что „соціалистъ долженъ имѣть мужество пойти противъ своего отечества, когда оно въ своей иностранной политикѣ поступаетъ несправедливо".

Оказывается, сила „отечества" настолько еще велика, что даже въ случаѣ его явной несправедливости соціалисты должны имѣть особое мужество, чтобы пойти противъ него. Но, во-первыхъ такихъ „мужественныхъ" людей, какъ, скажемъ, Либкнехтъ, пока очень немного, а во-вторыхъ,—въ такихъ сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ, какъ международная политика, не совсѣмъ-то легко разобраться, когда и насколько твое отечество право или не право. Говорю это не съ цѣлью отказа отъ рѣшенія даннаго рода вопросовъ, а хочу лишь указать на чрезвычайную трудность быть безпристрастнымъ, когда интересы „отечества" имѣютъ въ представленіи соціалистовъ еще такое большое значеніе.

Насколько щекотливъ вопросъ *о справедливости* въ международныхъ отношеніяхъ, можно судить хотя бы по такому примѣру. Вотъ г. Плехановъ твердо убѣжденъ, что „союзники" борятся за *правое дѣло*, защищаются отъ захватныхъ поползновеній германскаго имперіализма. Однако ни для кого вѣдь не секретъ, что аннексіонистскія стремленія имѣются и у „союзниковъ": Россія, напримѣръ, не прочь овладѣть проливами и присоединить Галицію. Франція намѣрена отобрать Эльзасъ-Лотарингію, Японія уже отняла у нѣмцевъ Кіо-Чао и т. д. Возможно, что мужественный г. Плехановъ будетъ „противъ" такихъ захватовъ, но все же аннексіи будутъ осуществлены, разъ побѣда останется за „союзниками", такъ какъ на протесты г. Плеханова едва-ли кто обратитъ вниманіе. Въ такомъ дѣлѣ, какъ война, *справедливость* очень легко можетъ превратиться въ свою собственную противоположность.

Отдавая свои симпатіи „союзникамъ", г. Плехановъ руководствуется слѣдующими соображеніями: во-первыхъ,—они, такъ или иначе, „защищаютъ простые законы нравственности и права", а

во-вторыхъ—побѣда Германіи задержитъ экономическое развитіе Россіи и тѣмъ самымъ упрочитъ нашу отсталость, можетъ быть, на многіе годы. Соображенія весьма основательныя, но... Не всегда вѣдь интересы „справедливости" могутъ совпадать съ интересами „экономическаго развитія" той или другой страны. Вѣдь „законы нравственности и права" свойственно нарушать не только передовымъ, но и отсталымъ государствамъ. Развѣ, напримѣръ, нельзя представить случай, что нападающей стороной могла оказаться Россія? Тогда, конечно, мужественный г. Плехановъ пошелъ бы „противъ своего отечества", ибо это предписываютъ „простые законы нравственности и права", но въ такомъ случаѣ ему пришлось бы махнуть рукой на всѣ послѣдствія возможнаго пораженія своей родины. А эти послѣдствія были бы нисколько не слаще, такъ какъ нѣмцы, оставшись побѣдителями, все равно сдѣлали бы то же самое, чего такъ боится теперь г. Плехановъ Такимъ образомъ „законы нравственности и права" онъ бы соблюлъ, но „экономическое развитіе" страны задержалъ бы.

Что государства, находящіяся формально въ состояніи самозащиты, всегда не прочь опредѣленнымъ образомъ воспользоваться плодами побѣды, показываютъ хотя бы такіе примѣры. Въ 1870 г. нѣмцы формально защищались отъ напавшей на нихъ Франціи, однако это обстоятельство нисколько не помѣшало имъ взять Эльзасъ-Лотарингію и пять милліардовъ контрибуціи. Въ русско-японскую войну нѣкоторыя находили, что Россія является стороной нападающей, а Японія какъ бы защищающейся, и все же эта послѣдняя вытѣснила насъ съ Дальняго Востока. Правда, этотъ „Дальній Востокъ" нуженъ былъ Россіи такъ же, какъ собакѣ пятая нога, но это дѣла не мѣняетъ. Въ общемъ, для тѣхъ соціалистовъ, которые одновременно хотятъ защищать „простые законы нравственности, и права" и экономическіе интересы своей страны, не исключена, возможность очутиться въ такомъ положеніи, про которое говорятъ: „Хвостъ вытащилъ—носъ увязъ, носъ вытащилъ—хвостъ увязъ".

Недавно въ газетѣ „День" была напечатана резолюція группы эмигрантовъ—марксистовъ и народниковъ,—которая тоже удѣляетъ большое вниманіе экономическимъ послѣдствіямъ въ случаѣ пораженія Россіи. Между прочимъ тамъ говорится: „Неудачный исходъ для Россіи этой войны еще болѣе увеличилъ бы ея вредныя для трудящагося населенія Россіи послѣдствія. Къ разрушеніямъ большого количества цѣнностей и огромному увеличенію государственнаго долга присоединилась бы уплата военной контрибуціи, насильственное отторженіе государственной территоріи и заключеніе торговаго договора, всѣ выгоды котораго достались бы побѣдителямъ, а невыгоды—побѣжденнымъ".

Совершенно справедливо, но вѣдь точно такъ же могутъ думать

да и думаютъ навѣрно, и нѣмецкіе соціалисты. Допустимъ, что войну затѣяла сама Германія, или, вѣрнѣе, ея правящіе круги, тѣмъ не менѣе расхлебывать послѣдствія пораженія долженъ будетъ трудовой народъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія нѣмецкіе соціалъ-демократы одинаково правы, какъ и русскіе авторы упомянутой резолюціи.

Надо чистосердечно признаться, что надъ интернаціональнымъ соціализмомъ жизнь сыграла скверную шутку, и едва-ли правы тѣ, кто всю „вину" за происшедшее сваливаетъ на нѣмецкую соціалъ-демократію. По формулѣ г. Плеханова, главная вина состоитъ въ томъ, что нѣмецкіе товарищи не поступили согласно завѣтамъ Маркса и не встали на защиту „простыхъ законовъ нравственности и права".

Однако, судя по тому, какъ реагировали на военныя событія соціалисты другихъ воюющихъ и нейтральныхъ странъ, все больше убѣждаешься, что въ данномъ случаѣ есть не вина, а *бѣда*, которая, въ большей или меньшей степени, постигла всѣ національныя соціалистическія партіи.

Меня страшно волнуетъ вопросъ, почему, дѣйствительно, самая многочисленная и самая вліятельная въ Интернаціоналѣ германская соціалъ-демократія, на которую намъ, русскимъ рабочимъ, всегда назидательно указывали пальцемъ, вдругъ въ самый отвѣтственный моментъ начала дѣйствовать совсѣмъ въ другомъ жанрѣ, чѣмъ только что писала и говорила? Вѣдь нельзя же, на самомъ дѣлѣ, предположить, что германская соціалистическая партія является скопищемъ болтуновъ или мистификаторовъ, неожиданно разоблаченныхъ случайными обстоятельствами!.. Еще меньше основанія допускать, что тутъ произошла какая-то роковая ошибка подъ вліяніемъ внезапнаго затемненія сознанія. Болѣе чѣмъ годичное продолженіе войны опредлѣенно показываетъ, что взятая линія поведенія принята съ самаго начала вполнѣ обдуманно.

Для г. Плеханова виною всему „ревизіонисты", и еслибы не они, то все было бы по-иному и ему на старости лѣтъ не пришлось бы испытать такого горькаго разочарованія. Только вотъ непонятно, почему на партейтагахъ германской соціалъ-демократіи всегда брали верхъ „радикалы", которые неоднократно даже грозили „ревизіонистамъ" исключеніемъ изъ партіи, а тутъ взяли вдругъ да и повалили за ними? Не проще ли объяснить это тѣмъ, что вся германская соціалъ-демократія, можетъ быть, помимо своей воли и желанія, *почувствовала*, что интересы „отечества" въ данный періодъ ея существованія ей дороже и ближе интересовъ „человѣчества". Въ критическій моментъ девяносто девять процентовъ почувствовали, что они *прежде всего* „нѣмцы" и что ихъ родному гнѣзду угрожаетъ страшная опасность. Явилась стихійная потребность это гнѣздо защитить независимо отъ того, по чьей винѣ оно подверглось опасности. И мнѣ кажется, что

соціалисты вынуждены будутъ поступать такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока „отечество" будетъ въ ихъ глазахъ имѣть признанную теперешней теоріей цѣнность. Разсужденія о томъ, чье „отечество" право или виновато, ни къ чему привести не могутъ. Неправота „отечества" не можетъ уменьшить опасности во время войны,—тѣмъ болѣе, что въ современныхъ государствахъ у власти стоитъ буржуазія, всегда готовая пустить въ ходъ военную машину для своихъ корыстныхъ цѣлей. Затѣвая военныя авантюры' буржуазія тѣмъ самымъ, какъ бы автоматически, вовлекаетъ въ нихъ и весь остальной народъ, подвергая его извѣстной опасности. Въ перспективѣ тогда рисуются всѣ ужасы, вродѣ непрія, тельскаго вторженія, лишенія независимости, территоріальныхъ отрѣзковъ, контрибуціи и т. п. Если для пролетаріата и соціализма все это дѣйствительно страшно и нежелательно, то за оружіе нужно будетъ браться и во время „оборонительной" и во время „наступательной" войны, до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, поръ, пока во всѣхъ странахъ у государственнаго руля встанетъ рабочая демократія. Но если это такъ, если пролетаріатъ и соціализмъ намѣрены и впредь всѣми силами отстаивать свое „отечество" отъ аннексій, контрибуціи и невыгодныхъ договоровъ, то имъ безусловно придется снять свои антимилитаристскіе доспѣхи, въ которые они нарядились, повидимому, слишкомъ рано. Умно ли, дѣйствительно, бороться противъ вооруженій, когда существуетъ постоянная возможность войны со всѣми ея трагическими результатами для малоподготовленныхъ въ военномъ отношеніи націй? Развѣ не становится смѣшно, когда сопоставляешь дѣятельность соціалистовъ до войны и тогда, когда она началась.

Что было не предусмотрѣно и упущено раньше,—усиленно наверстывается теперь. Выходитъ, что соціализмъ „сталъ уменъ заднимъ умомъ". Для подкрѣпленія своихъ соображеній приведу слѣдующій конкретный случай. За мѣсяцъ или за полтора до войны депутатъ Керенскій дѣлалъ докладъ по поводу намѣренія правительства провести дополнительныя ассигнованія на усиленіе арміи, и тутъ же обсуждался вопросъ, какъ этому противодѣйствовать. Керенскій, какъ соціалистъ, считалъ своимъ священнымъ долгомъ не допускать подобной траты народныхъ денегъ, а между тѣмъ, когда началась война, Керенскій чуть ли не прежде всѣхъ закричалъ, что надо спасать „отечество". Теперь представимъ на минуту, что Керенскому удалось помѣшать въ полученіи этой суммы, и, слѣдовательно, соотвѣтствующій расходъ во время не былъ бы произведенъ. Это, конечно, не могло бы благопріятно отразиться на арміи, да еще наканунѣ войны.

Не безъинтересно также слѣдующее разсужденіе г. Плеханова: „На Цюрихскомъ международномъ съѣздѣ Домела Ньевенгайе требовалъ, чтобы въ случаѣ войны соціалисты соотвѣтствующихъ странъ объявили военную стачку. Въ качествѣ докладчика военной комиссіи я рѣшительно отвергъ предложеніе Домелы. Я говорилъ: „Вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ вліяніе соціалистовъ очень сильно, въ другой—очень слабо. Что выйдетъ, если соціалисты сдѣлаютъ удачную военную стачку? Мощь той страны, въ которой очень сильны соціалисты, будетъ уничтожена. Наоборотъ, военная мощь той страны, въ которой соціалисты очень слабы, останется непоколебленной. При прочихъ равныхъ условіяхъ побѣдитъ эта вторая страна".

Такъ, но вѣдь то же самое можно сказать объ антимилитаристской борьбѣ соціалистовъ въ мирное время. Окажется, что тамъ, гдѣ соціализмъ достигъ извѣстнаго вліянія на государственныя дѣла, онъ постарается оказать противодѣйствіе стремленіямъ буржуазнаго правительства къ безконечнымъ вооруженіямъ, тогда какъ въ странѣ, гдѣ соціалисты слабы, правительство будетъ вооружаться свободно и въ моментъ столкновенія будетъ болѣе подготовлено и побѣдитъ.

Такимъ образомъ, слѣдуя совѣту г. Плеханова, приходится сдѣлать такой выводъ: соціалисты не только не должны устраивать военной стачки, но и вообще мѣшать правительствамъ вооружаться. Даже больше того: надо всячески этому содѣйствовать, чтобы въ нужное время не сидѣть безъ пушекъ и снарядовъ. Такова логика.

Итакъ, настоящая война показала, что интересы „отечества", даже въ такомъ видѣ, какъ ихъ понимаютъ соціалисты, во многомъ не совпадаютъ съ сущностью соціалистическаго интернаціонализма. Соціалисты, „за совѣсть" принимающіе участіе въ войнѣ, не могутъ не чувствовать серьезнаго противорѣчія между „сущимъ" и „должнымъ". Именно это и придаетъ совершающимся событіямъ въ моральномъ отношеніи столь трагическую окраску.

Жизнь поставила передъ соціализмомъ дилемму: или онъ долженъ до поры до времени признать приматъ „отечества" со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, или же перенести свою энергію и волю въ область интернаціональныхъ устремленій. Средняго пути, по-моему, быть не можетъ.

Что же касается вопроса о „справедливости", то въ войнахъ едва-ли ей есть мѣсто. Война—это господство грубой силы. Сербія, которую теперь изображаютъ въ видѣ невиннаго агнца, всего за два года передъ тѣмъ, вкупѣ съ Болгаріей и Греціей, урвала немалый кусочекъ у Турціи, а потомъ и у союзныхъ братьевъ-болгаръ. Во всѣхъ безчисленныхъ войнахъ, какія знаетъ исторія, красной нитью проходитъ тоже самое. Сегодня нападаютъ одни,

скажемъ, персы на грековъ, завтра, наоборотъ, смотришь, уже греки грабятъ Персидское царство. Сегодня Кареагенъ угрожаетъ Риму, завтра, глядишь, Римъ разрушаетъ до основанія Кареагенъ. Одно время поляки чуть ли не уничтожаютъ Россію, а черезъ нѣкоторое время сами становятся ея добычей. То французы распоряжаются судьбами всей Европы, то сами становятся жертвой Пруссіи и т. д., и т. д.

Еслибы люди имѣли болѣе продолжительную жизнь, то, напримѣръ, г. Плеханову пришлось бы тратить свой паеосъ, поочередно, рѣшительно противъ всѣхъ націй. Сражаться сегодня— въ рядахъ однихъ, завтра — въ рядахъ другихъ, и такъ безъ онца. Но не уподобился ли бы онъ тогда тому рыцарю „печальнаго образа“, который, освобо дивъ партію арестантовъ, тотчасъ же самъ подвергся ихъ нападенію, получивъ не одинъ синякъ отъ ихъ каменьевъ? Примѣръ Болгаріи показываетъ, что это такъ.

Батракъ.

На очередныя темы.

Отечество и человѣчество.

Съ самаго начала войны я никакъ не могу отдѣлаться отъ одного образа. Мнѣ все представляется, что мы идемъ по острому гребню горы съ крутыми, обрывистыми скатами,—и въ обѣ стороны передъ нами открываются величественные виды...

Съ одной стороны у насъ — „отечество“, надъ созданіемъ и устроеніемъ котораго такъ долго, упорно, а нерѣдко и самоотверженно, трудились наши предки. Въ немъ они видѣли самое великое и святое, что можетъ быть у людей на землѣ, и склонны были даже обнести его стѣной, оттородить отъ всего остального міра и навсегда замкнуться въ немъ. Святыней „отечество“ остается для людей и теперь,—ради него они и нынѣ способны на величайшія жертвы. Но мы все-таки живемъ въ иную, чѣмъ наши предки, историческую эпоху: въ стѣнахъ національнаго предубѣжденія и отчужденія, которыми когда-то были раздѣлены народы, жизнью пробиты уже многочисленныя бреши, а люди въ своемъ развитіи достигли такого уровня, что имъ доступны теперь гораздо болѣе широкіе горизонты. И, вотъ, съ той высоты, на которой мы находимся, передъ нами открывается другой видъ, еще болѣе величественный,—„человѣчество“, надъ объединеніемъ и устроеніемъ котораго, несомнѣнно, такъ же упорно, а можетъ быть, и такъ же самоотверженно будутъ работать наши потомки.

Мы всегда были убѣждены, что гдѣ-то впереди—въ томъ на-

правленіи, въ какомъ до сихъ поръ вела насъ исторія, — „отечество" и „человѣчество" сливаются и что послѣ нѣсколькихъ переходовъ, какіе предстоитъ еще совершить людямъ, они вступятъ въ страну международной солидарности и общечеловѣческаго братства. Порою казалось даже, что эта страна не такъ ужъ далека и что часъ вступленія въ нее уже близокъ. Во всякомъ случаѣ, мы легко сливали „отечество" и „человѣчество" въ своей мысли и увѣренно стремились впередъ... пока не очутились на этомъ остромъ гребнѣ.

Куда теперь ведетъ насъ по нему исторія, — намъ не видно Возможно, что въ результатѣ труднаго и мучительнаго перехода какой выпалъ на нашу долю, мы, сверхъ даже нашего ожиданія, значительно подвинемся впередъ, къ той странѣ, гдѣ всѣ люди будутъ братьями; но возможно, что исторія отброситъ насъ теперь далеко назадъ, къ тѣмъ временамъ, когда человѣкъ человѣку былъ волкомъ. Какъ бы то ни было, въ данной стадіи историческаго пути между „отечествомъ" и „человѣчествомъ" оказалась рѣзкая грань.

И это—не черта только, а именно острый гребень, на которомъ далеко не всѣ оказались въ состояніи сохранить равновѣсіе. Одни,—и такихъ несомнѣнное большинство,—увлеченные мыслью объ „отечествѣ", совсѣмъ почти забыли про „человѣчество"; другіе, наоборотъ, опасаясь упустить изъ вида „человѣчество", повернулись чуть не спиной къ „отечеству". И въ результатѣ многіе уже покатились подъ гору, одни — въ одну сторону, другіе—въ другую. Нѣкоторые уже скатились до національзма и завязли въ этой трясинѣ; другіе опустились до космополитизма и блуждаютъ по этой пустынѣ. Еще больше такихъ, которые лѣпятся теперь по обрывистымъ склонамъ, нерѣдко въ самыхъ уродливыхъ позахъ.

Таковъ образъ, который нерѣдко приходитъ мнѣ въ голову. Возможно, что другимъ рисуется совершенно иная картина. Но не въ образѣ вѣдь дѣло. Суть—въ проблемѣ, которая поставлена жизнью передъ нами.

Многіе, несомнѣнно, чувствуютъ сейчасъ острую потребность болѣе точно и, главное, вполнѣ сознательно опредѣлить свои отношенія, съ одной стороны, къ „отечеству", съ другой—къ „человѣчеству". Какъ намъ теперь совмѣстить ихъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ? Можетъ быть, дѣйствительно, неизбѣженъ выборъ между ними? Въ такомъ случаѣ что выбрать? И какъ удержаться на той высотѣ, какой мы уже достигли?

За послѣднее время въ печати появилось нѣсколько статей, въ той или иной формѣ и въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ затрогивающихъ данную проблему. Но я остановлюсь лишь на статьѣ

г. Батрака[1]), которая печатается въ настоящей книгѣ. Въ ней, вопросъ ставится, на нашъ взглядъ, наиболѣе прямо и откровенно а это имѣетъ въ данномъ случаѣ немаловажное значеніе. Ради этого, главнымъ образомъ, редакція и даетъ ей мѣсто.

I

„Возможно ли вообще—спрашиваетъ г. Батракъ—совмѣщені интернаціональнаго и національнаго безъ ущерба другъ другу? Не есть ли это, до извѣстной степени, служеніе двумъ богамъ? Но общепризнано,—тутъ же прибавляетъ онъ--что служить двумъ богамъ невозможно и предпочтеніе какого-нибудь одного вполнѣ неизбѣжно".

„Жизнь—пишетъ онъ въ концѣ статьи—поставила передъ соціализмомъ дилемму: или онъ долженъ до поры до времени признать приматъ „отечества" со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, или же перенести свою энергію и волю въ област интернаціональныхъ устремленій. Средняго пути, по-моему, быть не можетъ".

Такимъ образомъ выборъ автору представляется неизбѣжнымъ Въ своей статьѣ онъ оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ — да и самъ для себя, быть можетъ, окончательно еще не рѣшилъ, — что именно долженъ и, главное, можетъ выбрать соціализмъ „до поры до времени" и тѣмъ болѣе при данныхъ условіяхъ. Но „вообще"-то онъ, какъ соціалистъ, склоняется—и не скрываетъ этого—въ совершенно опредѣленную сторону. „Если соціализмъ не утопія,—говоритъ онъ—то его развитіе неизбѣжно должно сопровождаться *отмираніемъ* чувствъ и интересовъ національныхъ и соотвѣтствующимъ ростомъ чувствъ и интересовъ общечеловѣческихъ". „Отечество"—это прошлое, „человѣчество"—это будущее. Такая рисуется ему картина.

Возьмемъ и мы сначала вопросъ „вообще",—совершенно независимо отъ данныхъ условій, которыя дѣлаютъ его такимъ острымъ и мучительнымъ. Дѣйствительно ли „національное" несовмѣстимо съ „интернаціональнымъ"? дѣйствительно ли „отечество" и „человѣчество" исключаютъ другъ друга и первое рано или поздно должно умереть и его вполнѣ замѣнить людямъ второе?

Словъ нѣтъ, имѣются люди, которые склонны и готовы, съ легкимъ сердцемъ, не особенно даже задумываясь, упразднить „отечество" хоть сейчасъ. Успѣвшій уже прославиться „старичекъ" изъ „Лѣтописи", который, къ слову сказать, какъ и г. Батракъ, полемизируетъ именно съ г. Плехановымъ, видитъ

---

[1]) Вѣроятно, нѣкоторые наши читатели встрѣтятъ эту подпись впервые Считаемъ поэтому не лишнимъ сообщить, что это—писатель изъ рабочихъ уже составившій себѣ нѣкоторое имя статьями въ крестьянскихъ и рабо чихъ газетахъ народническаго направленія.

даже въ этомъ величіе души. Онъ вспоминаетъ знаменитаго астронома Тихо Браге, который, когда ему пригрозили высылкой изъ отечества, надменно отвѣтилъ: „Мое отечество вездѣ, гдѣ видны звѣзды". Впрочемъ, самого „старичка",—являющагося, видимо, сторонникомъ ученія о „перманентной революціи"—больше прельщаетъ „не спокойная, а буйственная гордыня", и онъ не прочь вообразить себя Бакунинымъ, который могъ бы про себя сказать: „Мое отечество вездѣ, гдѣ пахнетъ бунтомъ" [1]).

„Могій вмѣстити да вмѣститъ",—только и скажемъ на это мы. Но не лишне будетъ по этому случаю все-таки напомнить, что кромѣ исключительныхъ личностей, которыя могутъ вмѣстить эту „гордыню", находятся и другіе люди, считающіе возможнымъ упразднить отечество, что имъ представляется дѣломъ простымъ и легкимъ. Зачѣмъ отечество?—говорятъ они, любуясь величественной и увлекательной панорамой „человѣчества", — тѣмъ болѣе такое апатичное, пассивное, пропитанное азіатчиной, какъ наша родина,—склонны, повидимому, къ этому прибавить люди, одержимые духомъ „буйственной гордыни". И если нельзя его упразднить, то можно вѣдь отказаться отъ него и въ одиночку слиться съ „человѣчествомъ". „Гражданинъ міра"—это вѣдь звучитъ гордо. Пожалуй, не менѣе гордо, чѣмъ и „человѣкъ", г. Горькій? Однако и за всѣмъ тѣмъ космополитизмъ, въ этомъ его пониманіи, не получилъ сколько-нибудь широкаго распространенія. И если въ наши дни встрѣчаются такіе космополиты, то это что-то вродѣ обсѣвковъ въ полѣ.

Не случайно я сравнилъ выше космополитизмъ съ пустыней. Въ толпѣ, какъ извѣстно, люди больнѣе всего чувствуютъ свое одиночество, и въ толпѣ же скорѣе всего затериваются они. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ толпа чужихъ людей пострашнѣе даже подлинной пустыни съ ея пескомъ и камнями. И именно въ подобной пустынѣ—болѣе обширной, чѣмъ даже Сахара, — оказывается человѣкъ, порвавшій съ родиной и не завязавшій въ другомъ мѣстѣ связей, какія даетъ она, не пустившій нигдѣ ростка въ землѣ. Со стороны посмотрѣть, какъ будто и не дурно должны себя чувствовать эти „граждане міра": ничѣмъ не связанные, совершенно свободные, они слѣдуютъ влеченіямъ своего сердца и вездѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Ну, словно „тучки небесныя, вѣчные странники":

Нѣтъ у нихъ родины, нѣтъ имъ изгнанія...

„Мое отечество вездѣ, гдѣ пахнетъ бунтомъ",—желаетъ сказать о себѣ сотрудникъ „Лѣтописи". Но это вкусъ исключительный. „Мое отечество тамъ, гдѣ въ данный моментъ цвѣтутъ розы",—гораздо чаще говорятъ люди, отказавшіеся отъ отечества. Однако

---

[1]) „Лѣтопись", декабрь, стр. 325.

дымъ послѣдняго даже такого космополита, нѣтъ-нѣтъ, да и потянетъ къ себѣ.

И это, конечно, понятно. Въ дѣйствительности люди вѣдь—не тучки, „вѣчно холодныя, вѣчно свободныя". Имъ нужно тепло, нуженъ очагъ, нужны вещи и люди, съ которыми они были бы связаны. Между тѣмъ человѣкъ, который вездѣ—дома, въ сущности, бездомный человѣкъ,—и только. Рано или поздно, но онъ неизбѣжно почти почувствуетъ себя чужимъ міру, совершенно одинокимъ въ громадной толпѣ, называемой „человѣчествомъ". А извѣстно, что „не хорошо быть человѣку одному" и не всякій это можетъ вмѣстить. Поэтому и отказаться отъ „отечества",—отказаться не отъ даннаго только отечества, не на время и не на словахъ только, а отказаться вообще, навсегда и въ серьезъ, такъ, чтобы и въ душѣ чувствовать весь міръ для себя роднымъ, всѣхъ людей равно близкими, всякій бытъ одинаково для себя подходящимъ,—могутъ, въ сущности, очень и очень немногіе.

Имѣется и другая причина, еще болѣе серьезная, которая не позволяетъ, да, вѣроятно, и никогда не позволитъ упразднить „отечество". Опять повторю: люди—не тучки вѣдь. Если не считать бродягъ по натурѣ, которые легко снимаются съ мѣстъ, потому что нигдѣ прочно не осѣдаютъ, то вообще-то людей далеко не такъ легко оторвать отъ почвы, на которой они выросли, отъ обстановки и людей, съ которыми они связаны, отъ всего быта, съ которымъ они сроднились. Отдѣльные люди еще поддаются пересадкѣ въ новую среду, но именно только пересадкѣ: на новомъ мѣстѣ они немедленно начинаютъ укореняться, обростать связями, усвоивать окружающій ихъ бытъ и т. д.,—и нерѣдко въ концѣ концовъ привязываются къ новому „отечеству" не менѣе крѣпко чѣмъ были привязаны къ прежнему. Даже изъ ссылки, когда она кончается, не всѣ возвращаются, хотя къ странѣ изгнанія у людей, казалось бы, только и можетъ быть, что ненависть.

Попробуйте теперь передвинуть значительную группу людей,—цѣлый народъ, скажемъ,—и онъ непремѣнно перенесетъ на новое мѣсто не только свою вѣру, свой языкъ, свои нравы, свои соціальныя отношенія и т. д., но даже чуть не всѣ мелочи своего быта; перенесъ бы и землю, пожалуй, еслибы былъ въ силахъ. Я предложилъ „передвинуть" лишь для того, конечно, чтобы нагляднѣе была связь между людьми и всѣмъ укладомъ ихъ жизни. Но, и оставаясь на мѣстѣ, каждый народъ склоненъ такъ же крѣпко держаться за все, съ чѣмъ онъ сроднился и что въ то же время обособляетъ его—пусть даже къ его невыгодѣ—отъ другихъ народовъ, что обособляетъ одно „отечество" отъ другого.

Въ нынѣшнія государственныя организаціи люди объединены были, по большей части, силой; какъ будто силой только они удерживаются во многихъ случаяхъ и теперь. Однако, еслибы всѣмъ людямъ была предоставлена возможность совершенно свободно

высказаться, въ какія государства они желаютъ входить, то, пожалуй, границы нынѣшнихъ государствъ не такъ бы ужь значительно передвинулись. Конечно, нашлись бы національности, которыя пожелали бы обособиться и создать отдѣльныя государства, возстановивъ чаще всего существовавшія раньше и не вполнѣ еще забытыя; но и эти національности, только и мечтающія, казалось бы, о „самостоятельномъ бытіи", когда вопросъ прямо всталъ бы передъ ними, вѣроятно, призадумались бы и, быть можетъ, предпочли бы даже автономію полному отдѣленію. Но самостоятельное національно-государственное бытіе все-таки статья особая. Гораздо болѣе сомнительнымъ представляется, чтобы нашлись сколько-нибудь значительныя области, которыя пожелали бы просто отдѣлиться отъ одного государства и присоединиться къ другому,—хотя бы и къ болѣе совершенному по своему политическому и соціальному строю. Возможно, что даже области, сравнительно недавно и завѣдомо насильственно отторгнутыя отъ одного государства и присоединенныя къ другому, не проявили бы особаго желанія возстановить связь съ прежнимъ отечествомъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые сомнѣваются—и не безъ основанія, повидимому,—даже въ томъ, пожелали ли бы Эльзасъ и Лотарингія, еслибы ихъ спросили объ этомъ, вернуться къ Франціи. А вѣдь это былъ кусокъ мяса, вырванный изъ тѣла послѣдней. Но онъ, какъ думаютъ, уже приросъ къ тѣлу Германіи,—и для этого было достаточно всего лишь сорока лѣтъ. Что же сказать объ областяхъ, которыя сростались другъ съ другомъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ?

Въ этой способности людей сростаться и заключается, быть можетъ, основная причина живучести человѣческихъ группъ и общественныхъ организмовъ,—даже случайно возникшихъ, даже принудительно созданныхъ. Въ этой же способности сростаться, въ умноженіи и укрѣпленіи связей между людьми, раздѣленными даже государственными границами,—связей, главнымъ образомъ, культурныхъ и экономическихъ,—лежитъ залогъ и интернаціональнаго сближенія, а въ конечномъ счетѣ и объединенія человѣчества. Но какъ бы ни умножались и не укрѣплялись интернаціональныя связи, едва-ли можно ожидать, что національно-территоріальныя группы, на которыя теперь дѣлится человѣчество и съ которыми связывается понятіе „отечества", когда-нибудь упразднятъ себя, откажутся отъ своей индивидуальности.

Въ процессѣ своего развитія индивидуальности могутъ мѣняться и народы могутъ измѣниться до неузнаваемости, но нельзя ожидать, что они когда-нибудь будутъ, какъ капли воды, похожи другъ на друга и что, какъ каплямъ воды, имъ будетъ также легко слиться,—слиться до полнаго исчезновенія всякихъ граней между ними. Индивидуальности останутся, ибо онѣ обусловлены безчисленнымъ количествомъ факторовъ и самыми разнообразными

ихъ сочетаніями, которыя даже для двухъ народовъ, не говоря уже обо всѣхъ, никогда не могутъ оказаться тожественными.

Поэтому, если человѣчеству суждено когда-нибудь стать единымъ, то, несомнѣнно, въ него войдутъ не отдѣльныя личности, какъ индивидуумы, а цѣлые народы, какъ особыя индивидуальности,—каждый человѣкъ войдетъ въ него не иначе, какъ вмѣстѣ со своимъ „отечествомъ". Это будетъ не государство, въ которомъ имѣются только граждане, а федерація, въ которой между гражданами и государствомъ будутъ находиться еще націи. Говоря кратко, не на почвѣ космополитизма, а на почвѣ интернаціонализма можетъ быть разрѣшена проблема объединенія человѣчества.

Объ интернаціонализмѣ все время и говоритъ г. Батракъ. Онъ понимаетъ, что отрѣшиться отъ „національнаго", отказаться отъ „отечества" людямъ въ высшей степени трудно, а „до поры, до времени", быть можетъ, и невозможно,—ибо „все бытіе трудящихся массъ протекаетъ исключительно въ національныхъ границахъ, реализуется на національной почвѣ". Но „національное"—въ глазахъ г. Батрака—все-таки не больше, какъ „наслѣдіе прошлаго", обреченное на „отмираніе" и въ концѣ концовъ на исчезновеніе. Можетъ быть, въ настоящемъ и нельзя отъ него избавиться, но для будущаго въ немъ нѣтъ надобности.

Такъ ли это однако? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ, конечно, отъ того, какъ представлять себѣ будущую структуру человѣчества. По разному вѣдь можно представлять себѣ, напримѣръ, внутренность дворца, который строится или даже только проектируется. Комнатнымъ и угловымъ жильцамъ можетъ, конечно, представиться, что никакихъ перегородокъ въ немъ не потребуется: просторъ нуженъ человѣку. Но люди, имѣющіе уже возможность пользоваться просторомъ, какъ извѣстно, предпочитаютъ жить въ домахъ, а не въ сараяхъ. Будутъ, конечно, комнаты и во дворцѣ... Такъ и намъ можетъ представиться: зачѣмъ маленькое „отечество", когда у человѣка будетъ великое „человѣчество"? Однако, поскольку люди уже перешли отъ мелкихъ объединеній къ крупнымъ, они имѣли уже достаточный опытъ убѣдиться, что наличность послѣднихъ отнюдь не устраняетъ потребности въ первыхъ. Наличность общины не устраняетъ надобности въ семьѣ, наличность государства—надобности въ общинѣ. Напротивъ, можно думать, что, чѣмъ шире объединеніе, какого достигли люди, тѣмъ острѣе потребность ихъ въ болѣе мелкихъ объединеніяхъ. Мы, имѣющіе такое великое отечество, не страдаемъ ли больше всего отъ недостатка внутренней связности въ немъ, отъ слабаго развитія въ немъ болѣе дробныхъ и достаточно самостоятельныхъ объединеній,—въ томъ числѣ и, пожалуй, прежде всего—публично-правовыхъ, національно-территоріальныхъ, аналогичныхъ самому государству?

Можетъ быть, въ прошломъ родъ человѣческій и предста-

влялъ изъ себя стадо, состоявшее изъ особей, ничѣмъ между собою не связанныхъ, кромѣ пребыванія въ одномъ и томъ же стадѣ. Но, несомнѣнно, совершенно не такова будетъ структура будущаго человѣчества: люди будутъ связаны безчисленными и самыми разнообразными нитями, сочетаясь и переплетаясь во всевозможныхъ объединеніяхъ, отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ, въ томъ числѣ и такихъ,—главнымъ образомъ, культурныхъ и экономическихъ,—которыя свяжутъ людей, не считаясь ни съ какими границами, и такихъ, въ основѣ которыхъ будутъ лежать именно націи и территоріи.

Это будетъ не студенистая масса, не аморфное скопленіе клѣтокъ, а въ высшей степени сложная, тонкая, „благородная" (какъ нерѣдко выражаются гистологи) ткань, состоящая изъ безчисленныхъ, самымъ прихотливымъ образомъ переплетающихся, нитей, волоконъ и узловъ. Нынѣшнія объединенія людей, вѣроятно, не больше, какъ зачатки этой будущей соціальной ткани. Грубость и несовершенство ихъ замѣтны даже для нашего глаза, но это не значитъ, что мы можемъ съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ нихъ и сосредоточить всѣ мысли и силы на построеніи самаго крупнаго объединенія, „человѣчества", въ надеждѣ, что потомъ „комнаты" можно будетъ распланировать самымъ великолѣпнымъ образомъ. Хотя я и сравнилъ будущее „человѣчество" съ дворцомъ, но въ дѣйствительности это, конечно, нѣчто совершенно иное. Люди—не такой строительный матеріалъ, который можно тесать, укладывать и скрѣплять, какъ заблагоразсудится. Лишь въ процессѣ органическаго развитія нынѣшней грубой и несовершенной соціальной ткани можетъ получиться достаточно обработанный матеріалъ для тѣла „человѣчества".

И возможно, что отъ успѣха этого развитія больше всего и зависитъ рѣшеніе проблемы объединенія человѣчества. Въ жизни вѣдь идутъ все время, параллельно или чередуясь, два процесса. интеграціи и дифференціаціи. Въ данномъ случаѣ процессъ расширенія человѣческихъ объединеній, несомнѣнно, связанъ съ процессомъ ихъ внутренняго усложненія. Возможно—больше того: почти несомнѣнно,—что нынѣшнія національно-государственныя организаціи слишкомъ еще несовершенны по своему внутреннему строенію и потому именно не способны къ дальнѣйшему объединенію, къ превращенію въ общечеловѣческую федерацію. Если такъ, то въ сферѣ „интернаціональныхъ устремленій", куда г. Батракъ предлагаетъ соціалистамъ „перенести свою энергію и волю", едва-ли можно сдѣлать особенно много для „человѣчества"; быть можетъ, самая важная и неотложная работа для него должна быть выполнена именно внутри каждаго „отечества".

Какъ бы то ни было, изъ сказаннаго ясно, что мы должны дорожить теперешними объединеніями людей, какъ бы грубы и несовершенны эти объединенія ни были, и всячески содѣйствовать

ихъ развитію, стремясь обезпечить каждой клѣткѣ возможно больщій просторъ въ ея созидательной работѣ. Тѣмъ болѣе мы должны дорожить самыми крупными изъ этихъ объединеній—національно-государственными. Почти несомнѣнно, что именно они явятся основными частями общечеловѣческаго строенія.

Проблема объединенія человѣчества, какъ я сказалъ, можетъ быть разрѣшена лишь на интернаціональной почвѣ. А „интернаціональное“ не только по словопроизводству, но и по существу включаетъ въ себя „національное“, а не исключаетъ. И намъ, поскольку рѣчь идетъ о будущемъ, не выбирать нужно между „отечествомъ“ и „человѣчествомъ“, а совмѣстить ихъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ.

II.

Но сейчасъ передъ нами, дѣйствительно, дилемма, мучительная дилемма. Въ упрощенной формѣ она такова: „Человѣчество“ непререкаемо говоритъ нашему уму и сердцу: люди-братья, они не должны убивать другъ друга, войны между ними преступны. А „отечество“ властно зоветъ: „идите, воюйте, убивайте, иначе я погибну“.

Г. Батракъ указываетъ въ своей статьѣ, какъ эта дилемма была разрѣшена принципіальными противниками войнъ—соціалистами. „Вся германская соціалъ-демократія,—читаемъ мы—можетъ быть, помимо своей воли и желанія, *почувствовала*, что интересы „отечества“ въ данный періодъ ея существованія ей дороже и ближе интересовъ „человѣчества“. Въ критическій моментъ девяносто девять процентовъ почувствовали, что они *прежде всего*—„нѣмцы“ и что ихъ родному гнѣзду угрожаетъ страшная опасность. Явилась стихійная потребность это гнѣздо защитить, независимо отъ того, по чьей винѣ оно подверглось опасности“. Такъ же поступили въ своемъ большинствѣ соціалисты и другихъ странъ, втянутыхъ въ войну. „Теперь, какъ извѣстно,—пишетъ г. Батракъ—соціалисты съ особымъ рвеніемъ служатъ національному Богу, хотя и дѣлаютъ видъ, что все это необходимо для Бога интернаціональнаго. Но это только привычная словесность: національному мы приносимъ кровавыя жертвы, а интернаціональному лишь одни пышные обряды“.

Какъ мы видѣли, г. Батракъ понимаетъ, насколько велика сила „національнаго“ надъ людьми, по крайней мѣрѣ „до поры до времени“, „въ данный періодъ ихъ существованія“. Въ частности, и германская соціалъ-демократія, по его мнѣнію, „можетъ быть, помимо своей воли и желанія“ поступила такъ, а не иначе, просто „почувствовала“ стихійную потребность защитить свое родное гнѣздо. Вообще „выборъ“, сдѣланный въ настоящій разъ соціалистами, онъ склоненъ объяснять не столько сознательнымъ

и свободнымъ ихъ рѣшеніемъ, сколько давленіемъ жизни, а главное, того „наслѣдія прошлаго", отъ котораго еще не успѣли, по его мнѣнію, избавиться люди.

Однако на ряду съ этимъ у него проглядываетъ стремленіе перенести всю отвѣтственность за данный выборъ на теорію и, между прочимъ, у него совершенно неожиданно прорывается такое мѣсто: „Мнѣ кажется,—пишетъ онъ—что соціалисты вынуждены будутъ поступать такимъ образомъ (какъ поступила германская соціалъ-демократія) до тѣхъ поръ, пока „отечество" будетъ въ ихъ глазахъ имѣть признанную теперешнею теоріею цѣнность". Выходитъ такимъ образомъ, что еслибы соціалисты придерживались другой теоріи, то выборъ ихъ могъ быть инымъ.

Въ дѣйствительности однако теорія въ „стихійной потребности защитить свое родное гнѣздо" не играла въ данномъ случаѣ никакой роли. Какъ извѣстно, доселѣ преобладавшая въ соціалистическомъ Интернаціоналѣ, а въ германской соціалъ-демократіи даже безраздѣльно почти господствовавшая, теорія на счетъ отечества была такова: „у пролетаріата нѣтъ отечества". Это положеніе, какъ и вся теорія, шедшая отъ Маркса, для „ортодоксовъ" имѣла силу догмата, не подлежавшаго критикѣ. Правда, въ практической жизни этотъ догматъ, какъ и вся теорія, получалъ подчасъ совершенно неожиданное истолкованіе. Такимъ неожиданнымъ комментаріемъ было и извѣстное заявленіе Бебеля, что въ случаѣ надобности онъ возьметъ въ руки ружье и пойдетъ защищать родину. Однако и послѣ того теорія оставалась прежней. Теперь, послѣ новаго практическаго комментарія къ ней, еще болѣе для многихъ неожиданнаго, послѣ того, какъ девяносто девять процентовъ германской соціалъ-демократіи почувствовали ту же „стихійную потребность", что и Бебель, теорію, очевидно, придется пересмотрѣть.

Такъ, г. Потресовъ находитъ, что она въ сущности давно уже пережила себя. „Когда-то—пишетъ онъ — Марксъ могъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества и что кромѣ цѣпей ему терять нечего. Съ тѣхъ поръ западно-европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ что терять и даже очень большое—свой накопленный имъ, въ границахъ „отечества", а потому индивидуально, т. е. національно-государственно окрашенный, капиталъ труда и борьбы... Капиталъ—поясняетъ г. Потресовъ—я разумѣю идейно-психологическій, духовное богатство движенія, его общественно-политическія пріобрѣтенія и цѣнности"... [1]).

Г. Потресовъ желаетъ, хотя бы въ прошломъ, хотя бы только „въ извѣстномъ смыслѣ" отстоять основательность марксистской теоріи. Въ дѣйствительности однако въ этой теоріи съ самаго начала была допущена крупная ошибка, и на эту ошибку

---

[1]) „Самозащита". Марксистскій сборникъ. П. 1916, стр. 8.

намъ, соціалистамъ-народникамъ, все время приходилось указывать марксистамъ. Можно даже сказать, что эта ошибка и дала главное содержаніе полемикѣ между двумя направленіями русской соціалистической мысли.

Приписывая исключительную роль классовой борьбѣ, марксизмъ не придавалъ почти никакого значенія всѣмъ другимъ объединеніямъ людей и другимъ формамъ общественной борьбы, считая ихъ производными. Въ частности, и въ національно-государственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ не больше, какъ классовыя организаціи имущихъ классовъ. Въ связи съ этимъ и стояло утвержденіе, что у пролетаріата нѣтъ отечества. Теперь жизнь воочію показала всю силу и значеніе національно-государственныхъ объединеній, при столкновеніи которыхъ стушевались даже классовые антагонизмы. Изъ этого ясно, что марксистская теорія требуетъ пересмотра въ самой основѣ своей, а не въ нѣкоторыхъ лишь своихъ выводахъ.

Надо однако признать, что соціалисты-народники въ нѣкоторой своей части, признавая силу и значеніе національнаго начала въ человѣческой жизни, до извѣстной степени увлеклись „классовой точкой зрѣнія" и склонны были къ нынѣшнимъ національно-государственнымъ организаціямъ относиться, какъ и марксисты, безусловно отрицательно, видя въ нихъ, какъ и эти послѣднія, лишь классовыя организаціи эксплуатирующихъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія отношенія между государствами представлялись, какъ отношенія только этихъ классовъ, живущихъ мирно или ссорящихся и даже устраивающихъ время отъ времени войны чуть ли не къ общей своей выгодѣ и въ ущербъ лишь трудящимся массамъ.

Вліяніе „классовой точки зрѣнія" чувствуется и въ статьѣ г. Батрака, который пишетъ: „На основаніи историческихъ фактовъ и изученія политико-экономическихъ условій соціалистическая критика неопровержимо установила, что съ тѣхъ поръ, какъ общество раздѣлилось на властныхъ и подвластныхъ, войны ведутся всегда къ выгодѣ привилегированныхъ слоевъ". И онъ дальше перечисляетъ всѣ выгоды этихъ слоевъ и всѣ невыгоды трудящихся массъ.

Легко понять, конечно, какое недоразумѣніе лежитъ въ основѣ этой „неопровержимой критики". Въ дѣйствительности, привилегированные слои имѣютъ отъ войны не только выгоды, но и невыгоды,—и въ общемъ итогѣ эти послѣднія, несомнѣнно, значительно превышаютъ первыя. Не говоря уже о жертвахъ кровью, каковыя при всеобщей воинской повинности—пусть въ несовсѣмъ равной мѣрѣ—несутъ всѣ классы, даже въ экономическомъ отношеніи война наноситъ ущербъ отнюдь не трудящимся только массамъ. Какъ-никакъ истребляется вѣдь громадное количество имущества, въ хозяйственную жизнь вносится тяжелое разстройство,

происходитъ рѣзкая переоцѣнка цѣнностей, далеко не для всѣхъ выгодная. Укажу хотя бы слѣдующее. Дороговизна тяжелѣе всего ударяетъ по трудящемуся люду, но и среди имущихъ классовъ она далеко не всѣмъ выгодна: оборотной стороной ея является обезцѣненіе денегъ, и потери людей, владѣющихъ денежными цѣнностями, ростутъ вмѣстѣ съ дороговизной. Обезцѣненіе денегъ выгодно должникамъ, въ томъ числѣ и людямъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ долговъ, и невыгодно кредиторамъ, въ томъ числѣ и ростовщикамъ. Вообще одни теряютъ, другіе выигрываютъ. Бываютъ однако положенія, что всѣ сплошь теряютъ,—таково, напримѣръ, положеніе областей, подвергшихся вражескому нашествію: можно ли сказать, что и тамъ война привилегированнымъ слоямъ выгодна? Въ конечномъ итогѣ, въ общемъ счетѣ выигрышъ отъ войны, несомнѣнно, гораздо меньше проигрыша. Даже относительно побѣдителей это можно сказать, не говоря уже о побѣжденныхъ.

Въ заблужденіе, обыкновенно, вводитъ тотъ фактъ, что во время войны „основная масса торгово-промышленной буржуазіи воюющихъ и невоюющихъ странъ,—какъ выражается г. Батракъ,—усиленно набиваетъ карманы". Если сосредоточить все вниманіе только на этомъ, то, естественно, получится не совсѣмъ вѣрное представленіе. Въ дѣйствительности картина много сложнѣе. „Люди смѣлаго почина", „удачники", какъ ихъ называлъ гр. Витте, не смущаясь войной, продолжаютъ, конечно, свое обычное занятіе по части набиванія кармановъ и преуспѣваютъ въ этомъ даже гораздо больше, чѣмъ въ мирное время. Бываетъ, что среди „удачниковъ" оказываются и люди изъ числа доселѣ „неимущихъ"; азартъ наживы въ военное время такъ великъ, что можетъ захватить до извѣстной степени даже трудовые элементы. Но наряду съ этимъ и среди имущихъ оказываются не только отдѣльные люди, но и цѣлыя группы, которые не только теряютъ, но и раззоряются въ результатѣ войны. Во всякомъ случаѣ послѣдствія войны, явленія, развивающіяся на ея почвѣ, нельзя принимать за цѣли войны, за якобы напередъ поставленныя задачи и представлять себѣ дѣло такъ, что будто бы войны предпринимаются исключительно ради выгодъ, какія получаетъ отъ нихъ буржуазія.

Бываетъ, конечно, что пожаръ возникаетъ отъ поджога, учиненнаго злонамѣренными людьми съ цѣлью поживиться въ общей суматохѣ, какую онъ вызоветъ. Но въ большинствѣ-то случаевъ пожары возникаютъ по другимъ причинамъ, по преимуществу, случайнымъ. Во всякомъ случаѣ, когда пожаръ возникъ, это, прежде всего, общая бѣда и ужь потомъ, быть можетъ, чья-то спекуляція.

Для предупрежденія и защиты отъ такой общей бѣды, какъ война, какъ нашествіе иноплеменниковъ, и возникли въ свое время нынѣшнія національно-государственныя организаціи. Въ дальнѣй-

шемъ ихъ задачи обогатились и усложнились до неузнаваемости. Порою мы склонны даже забывать про ихъ основную цѣль и про то, что эта цѣль не достигнута. Но, пока войны существуютъ, люди не перестанутъ, даже „помимо своей воли и желанія“, хвататься за эти организаціи, какъ за средство борьбы съ общей бѣдой, когда она постигнетъ.

Теорія, которая пользовалась до сихъ поръ среди соціалистовъ наибольшимъ успѣхомъ и которая разсматривала весь міръ, всѣ человѣческія отношенія исключительно съ „классовой точки зрѣнія“, несомнѣнно, недооцѣнивала это значеніе національно-государственныхъ организацій. И эта ошибка существенно вліяла на тактику соціалистовъ въ мирное время; дала она себя знать и въ моментъ, когда война разразилась.

Въ самомъ дѣлѣ: вотъ, г. Батракъ горько скорбитъ, что соціалисты теперь приносятъ интернаціональному Богу „одни лишь пышные обряды“. Но вѣдь, если сказать по совѣсти, то соціалистическій Интернаціоналъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до сихъ поръ, и годился лишь для „пышныхъ обрядовъ“,— для торжественныхъ конгрессовъ, красивыхъ рѣчей и звучныхъ резолюцій. Это былъ храмъ, въ которомъ совершались обряды, говорились проповѣди и провозглашались лозунги во имя „человѣчества“, но не мастерская, въ которой можно было бы дѣлать для него отвѣтственное дѣло, въ которой можно было бы сосредоточивать интернаціональную энергію и волю.

Г. Потресовъ, какъ и всѣ, воочію увидѣвшій все безсиліе существовавшаго до сихъ поръ Интернаціонала, выражаетъ надежду, что новая „пролетарская международность“ „явится антитезой той прошедшей международности, развитіе которой завершилось крушеніемъ въ годину войны“. „Чтобы оказаться жизнеспособной,—говоритъ г. Потресовъ — она вынуждена будетъ въ соотвѣтствіи съ слагающейся новой общественностью создать международную властную волю. Ея не было прежде—этой воли, тѣмъ настоятельнѣе будетъ ощущаться нужда въ ней теперь, когда весь ходъ современной жизни такъ явственно начинаетъ перекладываться на международные рельсы“ [1]). Но продолжающій оставаться на классовой точкѣ зрѣнія г. Потресовъ мыслитъ „новую общественность“ въ видѣ двухъ „международностей“, противопоставленныхъ другъ другу: „буржуазной“ и „пролетарской“. Легко понять, что эти два интернаціонала, если имъ суждено сложиться въ томъ видѣ, какъ проектируетъ г. Потресовъ, могутъ сыграть видную роль въ экономической классовой борьбѣ, которая, дѣйствительно, все чаще и чаще не умѣщается въ національно-государственныхъ границахъ. Но ни одинъ изъ этихъ интернаціоналовъ, ни пролетарскій, ни буржуазный, ровно ничего

[1]) „Самозащита“, стр. 14.

не въ состояніи будутъ сдѣлать въ случаѣ политическаго столкновенія между народами, столкновенія между національно-государственными организаціями. Для этого нужна общая для всѣхъ классовъ „международность", создать которую не можетъ ни пролетаріатъ, ни буржуазія въ отдѣльности и построить которую можно, лишь исходя отъ національно-государственныхъ организацій.

Зачатки такой общей „международности", пожалуй, давно уже имѣются,—въ видѣ международныхъ дипломатическихъ конференцій, конгрессовъ и договоровъ. Но это, если не считать маленькой и довольно невзрачной часовни въ Гаагѣ, даже не храмъ, какимъ былъ соціалистическій Интернаціоналъ, а лишь мѣсто для переговоровъ, сдѣлокъ и компромиссовъ. Соціалисты съ своей стороны даже не пытались укрѣпить и развить эту „международность", внести въ нее духъ принципіальности и солидарности, свойственный соціализму. Относясь къ нынѣшнимъ государственнымъ организаціямъ, какъ къ классовымъ, они разсчитывали помимо нихъ завязать достаточно прочныя международныя связи. И жестоко ошиблись: когда разразилась война, отъ этихъ связей остались только воспоминанія.

Планы на случай войны, имѣвшіеся — правильнѣе сказать, лишь обсуждавшіеся—въ Интернаціоналѣ оказались явно неосуществимыми, да едва-ли являлись и цѣлесообразными. Соціалитамъ разныхъ странъ пришлось наспѣхъ и на свой страхъ, уководясь не столько до конца продуманной мыслью, сколько не вполнѣ сознаннымъ чувствомъ, опредѣлять свое отношеніе къ великому международному конфликту. Естественно что въ ихъ рядахъ произошло замѣшательство: одни поспѣшили занять позицію внѣ всякой связи съ теоріей, которой до сихъ поръ держатись, и подались много дальше, чѣмъ слѣдовало; другіе, пытаясь опереться на эту теорію, откатились не менѣе далеко въ противоположную сторону; нѣкоторые же и по сей день не могутъ найти правильной для себя линіи.

Такимъ образомъ, если и слѣдуетъ въ чемъ винить теорію, пользовавшуюся среди соціалистовъ наибольшимъ успѣхомъ, то отнюдь не въ томъ, что она приписывала слишкомъ высокую цѣнность „отечеству", а въ томъ, что она не дооцѣнивала его значеніе. Но, конечно, ни эта теорія, ни какая другая не повинны въ томъ, что передъ соціалистами оказалась мучительная дилемма. Эту дилемму поставила жизнь передъ ними...

III.

Въ процессѣ жизни подобныхъ дилеммъ возникаетъ немало. Правда, не всѣ онѣ такъ же остры и мучительны, какъ настоящая. Но бываютъ и столь же мучительныя. Если же соціалисты,

какъ таковые, до сихъ поръ сравнительно рѣдко встрѣчались съ ними, то въ значительной мѣрѣ потому, что уклонялись отъ такой встрѣчи, предоставляя другимъ рѣшать мучительные вопросы, какіе возникаютъ въ жизни.

Беру такой случай. Въ 1905 году, какъ извѣстно, власть въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ на короткое время силою вещей оказалась въ рукахъ соціалистовъ: „начальство ушло", полиція попряталась, а кое-гдѣ (напримѣръ, въ Новороссійскѣ) даже публично, передъ всѣмъ народомъ сложила свои полномочія... И немедленно соціалисты оказались передъ дилеммой, довольно-таки непріятной. Воры и другія темныя личности, которыхъ достаточно много въ современныхъ городахъ, вовсе и не подумали, конечно, прекратить свои обычныя занятія по случаю перехода власти въ соціалистическія руки. Напротивъ, кое-гдѣ они, повидимому, даже вообразили, что теперь лафа имъ настала: соціалисты вѣдь противники собственности и не станутъ они хватать за шиворотъ, во всякомъ случаѣ не до того имъ теперь,—грабь, стало быть, вволю... Волей-неволей соціалистамъ пришлось взять на себя „охрану жизни и имущества гражданъ". Но эта послѣдняя „имѣла,

какъ оказалось, свою логику, приведшую дружины и самообороны революціонныхъ партій къ необходимости взять на себя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выполненіе полицейскихъ функцій. И эту логику не всегда можно было преодолѣть, не всегда было можно удержаться на наклонной плоскости волей-неволей взятыхъ на себя полицейскихъ функцій".

Я цитирую сейчасъ статью К. Арла „Отбитая тюрьма" [1]). Если читатели незнакомы съ нею и заинтересуются, то могутъ найти въ ней рядъ характерныхъ фактическихъ данныхъ, показывающихъ, какъ далеко скатились по „наклонной плоскости" въ нѣкоторыхъ случаяхъ соціалъ-демократы, привыкшіе лишь бороться съ полиціей и не приготовившіеся даже въ своихъ мысляхъ къ тому, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ имъ, быть можетъ, придется волей-неволей встать на ея мѣсто и взяться за выполненіе ея функцій. Не говоря уже объ обыскахъ, хватаніи за шиворотъ и т. д., кое гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Николаевѣ, по свидѣтельству К. Арла, „преслѣдованія воровъ приняли форму звѣрской расправы". „За ними охотились, какъ за дичью, и пойманныхъ разстрѣливали. Эти разстрѣлы сопровождались иногда издѣвательствами и особенной, ничѣмъ не оправдываемой, жестокостью"...

Но 1905 годъ—это случай исключительный. Беру другой примѣръ, уже заурядный, когда соціалисты поступаютъ какъ будто прямо противъ своихъ убѣжденій. Будучи принципіальными и послѣдовательными противниками частной собственности на орудія производства, они тѣмъ не менѣе во время соціальныхъ схватокъ энергично защищаютъ эту собственность отъ разгрома, порчи и т. д. Надо сказать, что когда-то и въ подобныхъ случаяхъ соціалисты видѣли тоже довольно мучительную дилемму, но теперь ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвается, что онъ долженъ поступать такъ, а не иначе. И, пожалуй, не столько теорія, сколько жизнь, ихъ этому научила...

Послѣ нѣсколькихъ примѣровъ, приведенныхъ мною, вернемся къ той дилеммѣ, которую жизнь теперь поставила передъ нами. Г. Батракъ, повидимому, полагаетъ, что во всякой войнѣ, какова бы она ни была, соціалисты могутъ выбрать то или другое: дилемму, какъ мы видѣли, онъ до конца оставляетъ нерѣшенной. Возможно, какъ я уже говорилъ, что онъ самъ для себя ея не рѣшилъ. Въ виду этого я позволю себѣ предложить ему эту же дилемму въ самомъ упрощенномъ видѣ.

Представимъ себѣ такой случай,—не только вполнѣ возможный, но, можно даже сказать, обычный. Одинъ рабочій ударилъ по уху другого и не только ударилъ, но обнаруживаетъ явное намѣреніе избить его, а можетъ быть и ограбить. Что долженъ

[1]) „Русское Богатство", 1911 г., №№ 4 и 5.

сдѣлать и что сдѣлаетъ этотъ послѣдній?—допустимъ, что онъ соціалистъ, всецѣло проникнутый идеей рабочей солидарности. Оставимъ вопросъ въ видѣ дилеммы и для этого устранимъ со сцены третьихъ лицъ, въ особенности городового, который способенъ превратить дилемму въ трилемму. Итакъ: что долженъ сдѣлать рабочій, на котораго напали? какъ онъ поступитъ? Какъ поступили бы вы сами, г. Батракъ, въ этомъ случаѣ?

Никакого сомнѣнія, конечно, быть не можетъ. Такъ какъ вы не толстовецъ, обязанный держаться системы непротивленія, а соціалистъ, полагающій, что только въ борьбѣ онъ можетъ обрѣсти свое право, то, конечно, не особенно задумываясь даже, дадите своему обидчику сдачи, а если этого мало, то вступите съ нимъ въ драку и въ случаѣ надобности даже собьете съ ногъ и скрутите ему руки. Но вы, конечно, не впадете въ ярость, не станете избивать человѣка и тѣмъ болѣе уродовать его; напротивъ, помня, что драка—безобразіе, употребите всѣ мѣры, чтобы она поскорѣе кончилась.

Поставимъ теперь на мѣсто этихъ рабочихъ два народа. Предположимъ, что война началась по недоразумѣнію между ними и каждый думаетъ, что не онъ, а другой началъ, онъ же только защищается. Допустимъ даже, что ихъ втравили въ войну злонамѣренные люди. Какъ бы то ни было, разъ война началась, то имъ приходится драться. Не можемъ же мы требовать, чтобы тотъ или другой позволилъ безвозбранно избивать себя, а въ концѣ концовъ еще и ограбить. Единственно о чемъ приходится въ данномъ случаѣ думать, это чтобы они не впали въ ярость и чтобы война возможно скорѣе и возможно безобиднѣе для того и другого окончилась.

Г. Батракъ какъ будто и готовъ былъ бы признать законность оборонительной и вообще „справедливой“ войны, но онъ не видитъ объективныхъ признаковъ, которые отличали бы такую войну отъ наступательной и несправедливой,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ,—война перваго рода очень легко переходитъ въ войну второго рода и людямъ, ввязавшимся въ нее, очень трудно и даже невозможно удержаться, чтобы не перейти эту грань. Упомянутый уже мною старичекъ изъ „Лѣтописи“ прямо издѣвается въ этомъ случаѣ надъ г. Плехановымъ:

„Представьте себѣ,—пишетъ онъ, обращаясь къ послѣднему,—что вашъ ученикъ-рабочій призванъ въ армію и сражается гдѣ-нибудь на юго-западномъ фронтѣ. Онъ знаетъ, что „поскольку мы обороняемся“, наше дѣло правое,—и дерется геройски, показываетъ своимъ товарищамъ образецъ воинской доблести. Но вотъ военное счастіе улыбнулось нашей арміи, она тѣснитъ врага, она снова занимаетъ Галицію. Всѣ радуются, всѣ торжествуютъ побѣду. Но чѣмъ сильнѣе ликованіе простыхъ русскихъ воиновъ, тѣмъ болѣе смущается душа ихъ товарища-плехановца... Но

оставимъ окопы,—продолжаетъ „старичекъ".—До нихъ далеко, до нихъ, надо надѣяться, не дойдетъ ваша брошюра. Загляните къ намъ, въ глубокій тылъ, гдѣ ваши послѣдователи заняты мирной, но не менѣе важной работой. Вотъ они обтачиваютъ шрапнельные стаканы. Какъ же тутъ имъ примѣнить ваше ученіе? Взять что ли расписку съ интендантскаго вѣдомства, что снаряды ихъ изготовленія будутъ посылаться только на польскій или латышскій фронтъ, а отнюдь не на галиційскій? Вѣдь это же смѣху достойно. Вотъ что значитъ на мѣстѣ Минина и Пожарскаго поставить Маркса и Энгельса! Не ужасный и грозный Марксъ, а лакей Смердяковъ нашепталъ Георгію Валентиновичу эту хромую, эту, словно на костыляхъ ковыляющую, защиту отечества"...[1])

Но эти издѣвательства, равно какъ и возраженія г. Батрака, сколь бы серьезными на первый взглядъ они ни показались, въ дѣйствительности бьютъ мимо цѣли. Конечно, нѣтъ и не можетъ быть такихъ объективныхъ признаковъ, которые позволяли бы заранѣе указать грань между правой войной и неправой. Нельзя вѣдь указать такихъ признаковъ и для драки между двумя рабочими, о которой я упомянулъ выше. Съ какою силою вы можете отвѣтить на ударъ, нанесенный вамъ, и до какого предѣла можете продолжать драку?—никто вѣдь заранѣе вамъ сказать не можетъ. Вы сами должны рѣшить этотъ вопросъ тамъ, на мѣстѣ. Можетъ быть, защищая себя, вамъ даже убить другого придется... Потомъ васъ судить будутъ, не перешли ли вы предѣловъ необходимой самообороны, и вы должны быть готовы нести отвѣтственность за свои дѣйствія.

Въ моральныхъ и морально-политическихъ проблемахъ нѣтъ и не можетъ быть заранѣе готовыхъ рѣшеній, ибо нѣтъ и не можетъ быть такихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ правое всегда отличалось бы отъ неправаго. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ люди должны найти отвѣтъ въ своей совѣсти. Другими словами: рѣшеніе морально-политической проблемы лежитъ въ живой человѣческой личности. И въ данномъ случаѣ именно она, руководясь своимъ разумомъ и совѣстью, сознавая всю тяжесть лежащей на ней отвѣтственности и сообразуясь со всѣми обстоятельствами, должна рѣшить, правая война или неправая и когда правая начинаетъ переходить въ неправую. Словъ нѣтъ, трудное это дѣло, очень ужь легко покатиться по наклонной плоскости, но изъ этого слѣдуетъ лишь одно: тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе вы должны идти по острому гребню.

Гораздо проще, конечно, было бы жить, разсуждая, примѣрно, такъ: пролетарій?—ну, стало быть, дѣло правое; буржуй?—нечего и разговаривать, лупи его въ морду! Имѣются люди, которые даже моральные вопросы считаютъ возможнымъ рѣшать съ такой, до-

---

[1]) „Лѣтопись", стр. 326 и 327.

нельзя упрощенной, „классовой точки зрѣнія". И въ данномъ случаѣ, когда пролетаріи дерутся съ пролетаріями, буржуи съ буржуями, они ищутъ, хотя бы и не классоваго, но такого же внѣшняго признака: непріятели перешли нашу границу,—ну, стало быть, война оборонительная; мы перешли непріятельскую,—явно, война наступательная. Но оказывается, что ни этотъ, никакой другой внѣшній критерій не годится. Въ такомъ случаѣ лучше всего—представляется имъ—отъ рѣшенія вопроса уклониться. Пусть милліоны дерутся, а мы останемся непогрѣшимыми. Тактика, какъ мы видѣли, не въ этомъ только случаѣ практикуемая.

Но уклониться, какъ я уже сказалъ, не всегда оказывается возможнымъ. Западные соціалисты въ громадномъ большинствѣ на этотъ разъ не только не уклонились, но и, преодолѣвъ свое отрицательное отношеніе къ нынѣшнимъ національно-государственнымъ организаціямъ, вступили въ нѣкоторыхъ странахъ даже въ составъ правительства. Почувствовалъ невозможность уклониться и г. Плехановъ... Другой, конечно, вопросъ, насколько вѣрна занятая имъ позиція, не скатился ли онъ до извѣстной степени по „наклонной плоскости", но лишь „твердо-каменный" и, быть можетъ, даже немного окаменѣлый старичекъ изъ „Лѣтописи" могъ по этому случаю увидѣть въ немъ и Фирса, и Смердякова.

Болѣе серьезнымъ мнѣ представляется другое возраженіе, которое г. Батракъ дѣлаетъ г. Плеханову. Онъ предвидитъ такой случай: г. Плехановъ, принявшій участіе въ „правой" войнѣ и тѣмъ содѣйствовавшій ея успѣху, потомъ окажется совершенно безсильнымъ помѣшать перейти ей въ неправую, ибо „на протесты г. Плеханова—пишетъ г. Батракъ—едва-ли кто обратитъ вниманіе". Это вполнѣ возможно, конечно, даже болѣе, чѣмъ вѣроятно. Но какъ же въ такомъ случаѣ долженъ поступить г. Плехановъ? Не принимать участія въ правой войнѣ и тѣмъ содѣйствовать ея неуспѣху? Легко понять, что вопросъ сводится къ тому, что лучше: побить ли другого или самому быть побитымъ? О вкусахъ не спорятъ, конечно... Но въ данной дилеммѣ есть все-таки одна особенность, которую никакъ нельзя упускать изъ виду. Представьте себѣ такое положеніе, что васъ бьютъ, а побьете ли вы— еще не извѣстно, можетъ быть, и не удастся. Другими словами: одинъ членъ дилеммы имѣется уже въ наличности, а другой— находится еще подъ сомнѣніемъ. Но въ такомъ случаѣ и дилеммы, въ сущности, нѣтъ, а имѣется пока только одинъ вопросъ и даже не вопросъ, а фактъ: васъ бьютъ... А вы въ это время опасаетесь, какъ бы не побить противника. Не преждевременны ли эти опасенія?

И если такія опасенія у г. Батрака, котораго „бьютъ", все-таки зародились, то, нужно думать, не потому, что онъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ силы и ему представляется, будто справиться

со врагомъ ему ничего не стоитъ. Болѣе вѣроятно другое: г. Батракъ готовъ забыть даже себя, думая о „человѣчествѣ"...

Какъ бы то ни было, г. Батракъ не замѣтилъ самаго слабаго, на мой взглядъ, мѣста у Плеханова. Можно вѣдь сомнѣваться не только въ томъ, въ силахъ ли послѣднiй будетъ потомъ помѣшать оборонительной войнѣ перейти въ наступательную, но и еще больше въ томъ, въ состоянiи ли онъ теперь, даже при всемъ его желанiи, оказать сколько нибудь замѣтное содѣйствiе защитѣ родины. Въ этомъ, какъ я думаю, заключается дѣйствительный драматизмъ положенiя г. Плеханова и другихъ русскихъ соцiалистовъ, понимающихъ цѣнность отечества.

Выше я сказалъ, что самая важная и неотложная работа для „человѣчества", быть можетъ, лежитъ теперь внутри каждой отдѣльной страны. По отношенiю къ Россiи это можно утверждать съ особою увѣренностью. Съ еще большимъ правомъ можно сказать, что самая важная и неотложная задача „отечества", даже съ точки зрѣнiя внѣшней его защиты, заключается для насъ во внутреннемъ его устроенiи. Работа для „человѣчества" и „отечества" и въ данный моментъ для насъ, въ сущности, совпадаетъ. И на этомъ пунктѣ, какъ мнѣ кажется, должны будутъ въ концѣ концовъ сойтись и г. Батракъ, и г. Плехановъ хотя бы ихъ взоры сейчасъ и были обращены въ разныя стороны.

А. Пѣшехоновъ.

Испорченная книга.

(*Проф. Шимонъ Аскенази. Царство Польское 1815—1830 г.* Съ предисловiемъ *А. А. Кизеветтера.* Переводъ съ польскаго *Владимира Высоцкаго.* Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.).

Проф. Шимонъ Аскенази занимаетъ видное мѣсто въ ряду современныхъ польскихъ историковъ и его работы, посвященныя главнымъ образомъ политической и дипломатической исторiи Польши въ XVIII и XIX вв.,—работы, въ которыхъ богатство фактическаго содержанiя, нерѣдко къ тому же основаннаго на архивномъ матерiалѣ и вводящаго въ научный оборотъ новыя данныя, соединяется съ блестящимъ стилемъ,—пользуются большою извѣстностью не только среди спецiалистовъ-историковъ, но и въ широкихъ кругахъ польскаго читающаго общества. Въ виду этого попытку познакомить съ Аскенази и русскихъ читателей, не

имѣющихъ, благодаря незнанію польскаго языка, непосредственнаго доступа къ польской литературѣ, нельзя не признать вполнѣ естественной и законной.

Удачнымъ можно назвать и выборъ книги для такого знакомства. Настоящая книга была написана проф. Аскенази по предложенію Кэмбриджскаго университета и первоначально увидѣла свѣтъ въ коллективномъ англійскомъ изданіи Cambridge Modern History. Благодаря этому, по словамъ ея автора, „для нея заранѣе былъ обусловленъ характеръ популярной работы, приспособленной къ условіямъ изданія и къ потребностямъ чужой публики, которой надо было въ возможно болѣе сжатой формѣ дать наибольшее количество конкретныхъ свѣдѣній, не исключая и элементарныхъ, но отказываясь отъ развитія подробностей и отъ развертыванія болѣе широкаго фона“. Позднѣе, правда, авторъ нашелъ, что его книга можетъ оказаться небезполезной и для польской читающей публики, въ особенности же для учащейся молодежи, и въ 1907 г. выпустилъ свой трудъ на польскомъ языкѣ. Съ послѣдняго онъ и переведенъ на русскій языкъ. Но во всякомъ случаѣ особенности, которыя были внесены въ этотъ трудъ авторомъ въ разсчетѣ на англійскаго читателя, далеко не безразличны и для русскихъ читателей, въ массѣ своей также не особенно хорошо освѣдомленныхъ въ новой польской исторіи и очень нуждающихся для знакомства съ нею въ популярныхъ книгахъ, написанныхъ серьезными учеными.

Въ подлинникѣ книга проф. Аскенази носитъ названіе „Россія—Польша 1815—1830“ и распадается на двѣ неравныя по объему части. Въ первой изъ нихъ, составляющей около трети книги, авторъ даетъ бѣглый очеркъ состоянія Россіи во вторую половину царствованія Александра I и въ первые годы правленія Николая Павловича. Во второй части рѣчь идетъ объ исторіи Польши. Здѣсь авторъ начинаетъ свое изложеніе съ основанія Царства Польскаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, затѣмъ въ рядѣ послѣдовательныхъ главъ говоритъ о трехъ періодахъ въ исторіи этого Царства, „конституціонномъ“, „періодѣ реакціи“ и „періодѣ кризиса“, пріурочивая ихъ къ 1815—1820, 1820—1825 и 1825—1830 гг., потомъ излагаетъ исторію этихъ лѣтъ въ другихъ частяхъ былой Польши, въ польскихъ губерніяхъ русской имперіи, Краковѣ, Галиціи, Австрійской Силезіи, Познани, Западной Пруссіи и Прусской Силезіи, и, наконецъ, въ послѣдней главѣ вновь возвращается къ Царству Польскому, посвящая ее выясненію причинъ и подготовки ноябрьскаго возстанія 1830 г. Въ эти внѣшнія рамки авторомъ вложено серьезное и цѣнное фактическое содержаніе. Правда, не всѣ стороны взятой имъ эпохи польской исторіи разработаны имъ съ одинаковой обстоятельностью. Вопросы политической и культурной исторіи привлекали къ себѣ его вниманіе въ значительно большей степени, чѣмъ вопросы соціально-экономической жизни, и въ связи съ этимъ не всѣ его утвержденія являются одинаков

обоснованными, а кое-какія изъ нихъ способны даже вызвать серьезныя возраженія. Тѣмъ не менѣе въ общемъ книга проф. Аскенази стоитъ на высотѣ научныхъ требованій и могла бы быть очень полезной и интересной книгой для русскихъ читателей.

Къ сожалѣнію, впрочемъ, именно только могла бы быть. На дѣлѣ же русскій переводъ этой книги имѣетъ весьма мало общаго съ подлинной книгой Аскенази. Московское „Книгоиздательство Писателей", выпустившее въ свѣтъ этотъ переводъ, позаботилось снабдить его предисловіемъ г. Кизеветтера, который здѣсь характеризуетъ Аскенази, какъ историка, и „охотно рекомендуетъ" настоящую его работу вниманію историковъ и политиковъ, хотя самъ, повидимому, видѣлъ только русскій переводъ этой работы, но не нашло нужнымъ пріискать для перевода редактора, достаточно знакомаго съ польскимъ языкомъ и съ польской исторіей. Переводчикъ же съ своей стороны сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы возможно болѣе исказить взятую имъ для перевода книгу.

Это искаженіе начинается уже съ самаго заглавія книги. Въ подлинникѣ, какъ я упоминалъ, книга Аскенази называется: „Россія—Польша 1815—1830". Русское издательство нашло возможнымъ опустить въ книгѣ первую ея часть, посвященную характеристикѣ Россіи, на томъ основаніи, что эта часть „является лишней для русскихъ, знакомыхъ съ фактами отечественной исторіи". Едва-ли такое опущеніе можно признать вполнѣ правильнымъ, но, разъ ужь оно было сдѣлано, то, очевидно, и въ заглавіи книги надо было только устранить слово „Россія". Вмѣсто этого переводчикъ далъ книгѣ новое заглавіе: „Царство Польское 1815—1830". И вотъ въ книгѣ, носящей это заглавіе, читатель встрѣчаетъ главы, посвященныя Сѣверо-Западному и Юго-Западному краю Россіи, Кракову, Галиціи, Познани и т. д., словомъ, землямъ, входившимъ въ составъ прежней Польши, но никакъ не конгрессоваго Царства Польскаго. Получается историко-географическая безсмыслица, но въ безсмыслицѣ этой повиненъ не Аскенази, а исключительно его русскій переводчикъ.

Не сумѣвъ справиться съ заглавіемъ книги, переводчикъ не справился и съ встрѣчающимися въ ней терминами. Такъ, знаменитый параграфъ актовъ Вѣнскаго конгресса, въ которомъ Александръ оговорилъ свое право дать Царству Польскому такое „внутреннее протяженіе (l'extension intérieure), какое онъ найдетъ удобнымъ", г. Высоцкій переводитъ такъ, какъ будто Александръ предоставилъ себѣ право дать этому государству „такое внутреннее устройство, которое онъ сочтетъ надлежащимъ" (25—6). Подчеркивать все значеніе этой ошибки, думается, нѣтъ надобности. Не менѣе безпомощнымъ оказывается переводчикъ и передъ польскими терминами. „Rada Stanu" онъ переводитъ не Государственный Совѣтъ, а Совѣтъ Царства. „Izba obrachunkowa"—

не Контрольная Палата, а Разсчетная Палата, „przełozeni nad czeladzią„—не мастера, а арендаторы (30. 31, 32). Подставляя слово „сеймъ“ туда, гдѣ въ переводимой имъ книгѣ идетъ рѣчь о „палатѣ депутатовъ“, онъ говоритъ о „сенатѣ и сеймѣ“, какъ о двухъ особыхъ учрежденіяхъ, хотя на той же самой страницѣ правильно переводитъ другую фразу Аскенази, въ которой упоминается о „сеймѣ, состоящемъ изъ короля и двухъ палатъ—сенаторской и депутатской“ (31).

Но путаницей и ошибками въ терминологіи далеко не исчерпываются искаженія, внесенныя въ книгу Аскенази ея русскимъ переводчикомъ. Наряду съ этой путаницей и ошибками послѣдній умудрился сдѣлать многочисленныя ошибки и еще болѣе многочисленные пропуски въ самомъ текстѣ книги. Возьмемъ для примѣра тѣ ея страницы, на которыхъ дается изложеніе конституціи Царства Польскаго. На стр. 30 русскаго перевода мы читаемъ: „Евреи, по конституціи Княжества Варшавскаго лишь временно (на 10 лѣтъ) устраненные отъ политическихъ правъ, теперь устранялись вовсе“. Въ дѣйствительности у Аскенази сказано нѣчто иное. Евреи были лишены политическихъ правъ,—говоритъ онъ—„вопреки конституціи Великаго Герцогства Варшавскаго, въ которомъ они только королевскимъ декретомъ 1808 г. и только на время, на 10 лѣтъ, были отстранены отъ пользованія этими правами“ („Rosya—Polska“, стр. 69). На стр. 33 переводчикомъ крайне неточно переданъ весь абзацъ, касающійся судебныхъ учрежденій Царства Польскаго, и при перечисленіи послѣднихъ совершенно пропущенъ упоминаемый Аскенази „сеймовый судъ для разбора политическихъ дѣлъ вообще и преступленій высшихъ сановниковъ въ частности“. На стр. 35 русскаго перевода столь же неточно переданъ общій итогъ, подводимый Аскенази подъ его разборомъ полученной Царствомъ Польскимъ конституціи. „Замѣщеніе высшихъ должностей по назначенію монарха—говорится, напримѣръ, въ послѣдней фразѣ этого итога — являлось очень серьезной угрозой для страны“. Въ подлинникѣ эта фраза носитъ иной, несравненно болѣе конкретный, характеръ. „Серьезная угроза для страны—говоритъ Аскенази—заключалась въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ назначеніяхъ, отдававшихъ судьбы Царства во враждебныя и неподходящія руки“ („Rosya—Polska“, стр. 74).

Такой ошибочной или, по меньшей мѣрѣ, неточной передачей подлинныхъ словъ автора пестритъ весь русскій переводъ книги. Но, пожалуй, еще больше кидаются въ глаза въ этомъ переводѣ безчисленные пропуски, для которыхъ во многихъ случаяхъ нельзя подыскать никакого мотива, кромѣ неумѣнія переводчика справиться съ польскимъ текстомъ или желанія, во что бы то ни стало, сократить послѣдній. Возьмемъ для примѣра опять-таки тѣ страницы книги, на которыхъ идетъ рѣчь о конституціи Царства Польскаго. На стр. 30 русскаго перевода

переводчикъ сдѣлалъ цѣлыхъ три пропуска. Говоря о предѣлахъ неприкосновенности личности, установленныхъ конституціей Царства Польскаго, Аскенази отмѣчаетъ, что, вмѣсто предположенной въ проектѣ конституціи старопольской формулы: „neminem captivabimus nisi jure victum“ (никого не заключимъ въ тюрьму иначе, какъ по закону), въ конституцію была внесена другая формула: „neminem captivare permittemus nisi jure victum“ (никого не допустимъ заключить иначе, какъ по закону). „Путемъ такой формулы—продолжаетъ Аскенази—монархъ сохранялъ право внѣзакономѣрнаго ареста лично за собою и за своимъ намѣстникомъ, *подписью котораго позднѣе во всѣхъ случаяхъ и санкціонировались незаконные аресты, производившіеся вел. кн. Константиномъ либо полицейскими и военными властями*“ („Rosya-Polska“, стр. 69). Вся подчеркнутая фраза пропущена въ русскомъ переводѣ. Равнымъ образомъ пропущено переводчикомъ и указаніе на то, что старопольская формула была введена въ проектъ конституціи. Говоря о томъ, что въ администраціи, судѣ и арміи Царства Польскаго долженъ былъ примѣняться польскій языкъ, Аскенази въ скобкахъ прибавляетъ: „однако въ таможенномъ и почтовомъ вѣдомствѣ Новосильцовымъ позднѣе дѣлались единичныя попытки введенія русскаго языка“. Въ русскомъ переводѣ эта фраза опять-таки пропущена. Пропущено переводчикомъ и упоминаніе Аскенази, что „въ проектѣ конституціи царь былъ названъ «отцомъ отечества», но это было вычеркнуто Александромъ“. На слѣдующей, 31-й, страницѣ русскаго перевода опять сдѣлано три пропуска. Переводя мѣсто, касающееся Государственнаго Совѣта, переводчикъ опустилъ такую фразу Аскенази: „учрежденіе Государственнаго Совѣта было точнѣе опредѣлено Органическимъ Статутомъ 1 декабря 1815 г. и постановленіемъ намѣстника 17 марта 1816 г.“ Неточно и неполно передано переводчикомъ и даваемое Аскенази описаніе организаціи министерствъ, равно какъ опредѣленіе роли министра-статсъ-секретаря. Помимо того, переводчикомъ здѣсь совсѣмъ пропущена часть польскаго текста. „Статсъ-секретаремъ—говоритъ Аскенази—фактически до весны 1822 г. былъ Игнатій Соболевскій; послѣ него Стефанъ Грабовскій; подробная инструкція для статсъ-секретаріата въ Петербургѣ, выработанная Соболевскимъ, была утверждена Александромъ 30 апрѣля 1816 г.“ Въ русскомъ переводѣ все это мѣсто отсутствуетъ. На слѣдующей страницѣ переводчикъ вновь сдѣлалъ два пропуска. Передавая мѣсто, касающееся сената, онъ пропустилъ указаніе Аскенази, что сенаторы могли быть назначаемы „изъ лицъ, уплачивающихъ 2.000 польскихъ злотыхъ налоговъ въ годъ и имѣющихъ 35 лѣтъ отъ роду“. Такъ же неполно передано переводчикомъ и мѣсто, касающееся палаты депутатовъ. „Избираются они (депутаты)—пишетъ переводчикъ—на 6 лѣтъ съ правомъ неограниченнаго переизбранія“. Въ дѣйстви-

тельности же у Аскенази это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: „палата депутатовъ выбирается на 6 лѣтъ и каждые 2 года обновляется на 1/3 своего состава, причемъ допускается неограниченное переизбраніе". На стр. 33 русскаго перевода опять сдѣланы три пропуска. Два изъ нихъ касаются польской арміи, причемъ въ одномъ случаѣ переводчикъ пропустилъ приведенное Аскенази опредѣленіе этой арміи, сдѣланное въ проектѣ конституціи и вычеркнутое изъ него Александромъ, а въ другомъ—опустилъ указаніе Аскенази, что въ Великомъ Герцогствѣ Варшавскомъ численность арміи была первоначально опредѣлена въ 30000 человѣкъ. Третій пропускъ на той же страницѣ сдѣланъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о конфискаціи имуществъ. Упомянувъ о томъ, что конституціей Царства Польскаго наказаніе такой конфискаціей было навсегда отмѣнено, Аскенази прибавляетъ: „эта статья, забытая авторами проекта конституціи, была введена благодаря вмѣшательству Соболевскаго". Въ переводѣ приведенная фраза совершенно пропущена.

Всѣ указанные пропуски сдѣланы переводчикомъ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ. И подобные же пропуски идутъ на протяженіи всего перевода. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ ихъ. На стр. 72 русскаго перевода, передавая то, что говорится у Аскенази о польскомъ масонствѣ, переводчикъ сдѣлалъ цѣлыхъ три пропуска, выбросивъ рядъ существенныхъ подробностей, сообщенныхъ у переводившагося имъ автора. На стр. 82 русскаго перевода мы читаемъ: „въ 1821 г... во главѣ министерства финансовъ сталъ Любецкій". У Аскенази: „въ 1821 г... во главѣ министерства финансовъ, послѣ легкомысленнаго и неумѣлаго Венгленьскаго, сталъ Любецкій". На стр. 95 русскій переводчикъ, говоря о мнѣніяхъ, представленныхъ въ 1828 г. имп. Николаю Административнымъ Совѣтомъ и Государственнымъ Совѣтомъ Царства Польскаго по поводу сеймоваго суда, разбиравшаго дѣло членовъ тайныхъ обществъ, опускаетъ указаніе Аскенази, что замѣститель военнаго министра Гауке не присоединился къ этимъ мнѣніямъ. На стр. 162 переводчикъ говоритъ объ участіи въ тайной организаціи, подготовлявшей возстаніе 1830 г., „Чиховскаго—представителя... многихъ другихъ лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе не только въ Царствѣ Польскомъ, но и за границей". У Аскенази говорится о „Циховскомъ, представлявшемъ... многихъ другихъ лицъ, вліятельныхъ и извѣстныхъ въ Царствѣ Польскомъ и даже за его предѣлами", т. е. въ другихъ частяхъ Польши („Rosya-Polska", стр. 95, 102, 113, 167).

Примѣровъ такого рода пропусковъ и ошибокъ, единственнымъ объясненіемъ которыхъ является неумѣнье переводчика справиться съ польскимъ текстомъ или желаніе сократить послѣдній, можно было бы привести еще много. Но наряду съ этимъ русскій переводчикъ книги Аскенази сдѣлалъ въ ней много и

другихъ пропусковъ—пропусковъ, такъ сказать, цензурнаго характера. Аскенази говоритъ, напримѣръ, о Новосильцовѣ, что „его имя, отмѣченное народнымъ поэтомъ, осталось въ памяти поляковъ, какъ самое совершенное воплощеніе *наиболѣе ненавистнаго полицейски-бюрократическаго* руссификаторскаго гнета". Переводчикъ подчеркнутыя мною слова пропускаетъ (39). Въ другомъ мѣстѣ Аскенази говоритъ, что въ 1820-хъ годахъ „все больше сталъ проявляться новый реакціонный образъ мыслей Александра". Переводчикъ при передачѣ этого мѣста пропускаетъ слово „реакціонный" (74). Говоря о сношеніяхъ польскихъ тайныхъ обществъ съ русскими, Аскенази разсказываетъ: „Кшижановскому открыли (Бестужевъ и Муравьевъ-Апостолъ) планъ русскихъ заговорщиковъ истребить въ случаѣ нужды весь царствующій домъ, не исключая женщинъ и дѣтей, и требовали, чтобы поляки съ своей стороны убили Константина". Въ русскомъ переводѣ все это мѣсто отсутствуетъ: сказано только, что Кшижановскому „открыли планъ русскихъ заговорщиковъ", но, въ чемъ этотъ планъ заключался, не сказано (79). На стр. 92 русскаго перевода переводчикъ недостаточно точно передаетъ отзывъ Аскенази о воцареніи Николая I и совершенно опускаетъ приведенную у польскаго историка выдержку изъ манифеста, съ которымъ Николай обратился къ Царству Польскому. На слѣдующей страницѣ переводчикъ дѣлаетъ нѣсколько подобныхъ же пропусковъ. „Константинъ—сказано, напримѣръ, у Аскенази—въ первую минуту, узнавъ объ опубликованіи его отреченія, составленнаго въ такихъ унизительныхъ выраженіяхъ и съ полнымъ довѣріемъ врученнаго имъ нѣкогда Александру, такъ оскорбился на Николая, что въ порывѣ увлеченія собирался даже взять назадъ свое отреченіе, и его едва отговорилъ отъ этого находившійся тогда въ Варшавѣ Владиславъ Браницкій" („Rosya-Polska", 108). Въ переводѣ все это мѣсто пропущено. Аскенази говоритъ далѣе, что, въ противоположность эпохѣ Александра, въ царствованіе Николая, „при внѣшнемъ соблюденіи конституціи, въ дѣйствительности продолжавшей нарушаться, (полякамъ) надо было навсегда проститься съ возможностью присоединенія Литвы". Переводчикъ передаетъ это мѣсто такимъ образомъ: въ царствованіе Николая, „при внѣшнемъ соблюденіи конституціоннаго устава, съ этой мечтой (о присоединеніи Литвы) надо было разстаться навсегда". Аскенази говоритъ, что Константинъ „находился подъ подозрительнымъ надзоромъ со стороны Николая и сознательно наталкивался послѣднимъ на самые острые конфликты съ польскимъ обществомъ". Переводчикъ—что Константинъ „находился въ постоянномъ подозрѣніи у брата и постоянно попадалъ въ самыя острые конфликты съ польскимъ обществомъ". На слѣдующей страницѣ переводчикъ опускаетъ слова Аскенази о „врожденной наклонности Николая къ автократіи и репрессіямъ". Разсказывая объ

окончаніи въ 1828 г. процесса членовъ тайныхъ обществъ, Аскенази замѣчаетъ: „Все это дѣло имѣло огромное моральное значеніе, *обнаружило глубокое противорѣчіе, создавшееся между общественнымъ мнѣніемъ страны и монархомъ*, и было въ сущности прелюдіей революціи“ („Rosya-Polska“, 114). Въ переводѣ подчеркнутыя слова пропущены (96). На стр. 105 русскаго перевода говорится: „слѣдствіе (по поводу безпорядковъ въ Виленской гимназіи) онъ (Новосильцовъ) повелъ такимъ образомъ, что вынудилъ Чарторыйскаго покинуть постъ попечителя“. Въ дѣйствительности у Аскенази сказано: „слѣдствіе это онъ повелъ самымъ безчестнымъ и жестокимъ образомъ и вынудилъ Чарторыскаго покинуть постъ попечителя“. На стр. 167 русскаго перевода говорится: Константинъ „возненавидѣлъ Новосильцева, который игралъ при немъ роль шпіона“. У Аскенази иначе: „онъ возненавидѣлъ Новосильцова, котораго Николай сдѣлалъ при немъ тайнымъ наблюдателемъ и провокаторомъ“. Послѣдняя фраза книги въ русскомъ переводѣ читается такъ: „Такъ вспыхнула ноябрьская революція“ (167). Въ подлинникѣ эта фраза имѣетъ продолженіе. „Такъ вспыхнула—говорится у Аскенази—ноябрьская революція; отъ ея исхода зависѣли судьбы не только Царства Польскаго, этого сердца польскаго народа, но и всей Польши“ (Rosya-Polska“, 121, 169, 171).

Все это не болѣе, какъ примѣры сдѣланныхъ переводчикомъ пропусковъ. Нѣтъ надобности, въ сущности доказывать, что въ пропущенныхъ имъ мѣстахъ не заключается ничего особенно нецензурнаго и что въ нихъ даже нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть уже извѣстно русскому читателю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ надобности, конечно, доказывать и то, что „переведенная“ такимъ образомъ книга подверглась въ процессѣ перевода значительному обезличенію. Переводчикъ не только не справился съ технической стороной взятой имъ на себя задачи, не только не сумѣлъ правильно передать встрѣчающіеся въ избранной имъ для перевода книгѣ документы и термины и точно перевести ея текстъ. Онъ не только рѣшился, не предупредивъ объ этомъ будущихъ читателей, произвести во взятой имъ для перевода книгѣ длинный рядъ сокращеній, направленныхъ къ уменьшенію ея фактическаго содержанія. Помимо всего этого, онъ постарался еще обезличить переведенную имъ книгу, укрыть или, по меньшей мѣрѣ, ретушировать дѣйствительные взгляды и утвержденія ея автора.

Какъ я уже упоминалъ, г. Кизеветтеръ въ своемъ предисловіи къ этому переводу „охотно рекомендуетъ настоящую работу Аскенази не только вниманію историковъ, которымъ имя польскаго ученаго, конечно, хорошо извѣстно, но и вниманію политиковъ, для которыхъ историческія справки нерѣдко могутъ служить цѣнной точкой опоры въ ихъ программныхъ построеніяхъ“. Въ подлинномъ ея видѣ книгу Аскенази, дѣйствительно, можно было бы ре-

комендовать вниманію русскихъ читателей, желающихъ ознакомиться съ судьбами конституціоннаго Царства Польскаго и другихъ польскихъ земель на протяженіи 1815—1830 гг. Но въ томъ видѣ, какой она, къ сожалѣнію, получила при переводѣ на русскій языкъ, ее никому нельзя рекомендовать. Это—просто испорченная книга, о которой приходится только предупредить читателя.

В. Мякотинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Новиковъ. Между двухъ зорь (Домъ Оремборскихъ). Романъ. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва. 1915. Стр. 331. Ц. 2 р.

Въ длинномъ ряду современныхъ романовъ, цѣлью которыхъ было отразить и выразить такъ называемое ликвидаціонное, послѣ-революціонное настроеніе ихъ авторовъ, романъ г. Ивана Новикова, быть можетъ, лучшій. Хороша въ немъ прежде всего неподдѣльная искренность, хорошо то, что носителемъ своихъ замысловъ авторъ сдѣлалъ по преимуществу зеленую молодежь, иногда просто дѣтей. Кой-что въ изображеніи этихъ дѣтей ему очень удалось. Еще важнѣе то, что какъ ни ясны тенденціи автора—(чистымъ художникомъ онъ не захотѣлъ или не съумѣлъ быть),—въ этихъ тенденціяхъ не чувствуется упорнаго догматизма, и здѣсь, какъ и въ предыдущихъ своихъ произведеніяхъ г. Иванъ Новиковъ является по преимуществу искателемъ истины а не провозвѣстникомъ ея. Это было-бы совсѣмъ хорошо, еслибы въ самыхъ исканіяхъ чувствовалась подлинная сила, еслибы романъ являлся какъ бы законченнымъ періодомъ продолжающагося исканія. Каждый новый романъ Толстого есть новая вѣха на пути его безостановочнаго развитія. Романъ г. Ивана Новикова не даетъ этого ощущенія хотя бы временно обрѣтенной ясности души; романъ какъ будто ничему не научилъ автора, ничего ему по настоящему не уяснилъ, ни въ чемъ не успокоилъ. Не успокаиваетъ онъ и читателя, не оставляетъ его удовлетвореннымъ, не ставитъ предъ нимъ своими образами ясныхъ вопросовъ, требуя посильнаго отвѣта. Искренно и пытливо взбудораженный авторъ только будоражитъ и, взбудораживъ, отходитъ. Все это было бы, конечно, не такъ, еслибы г. Иванъ Новиковъ былъ настоящимъ художникомъ: его образы жилибы своей жизнью, его юные герои захватывали бы въ круговоротъ—или, точнѣе, въ судороги своихъ идеалистическихъ порываній, мягкій паѳосъ его лирической философіи заражалъ бы. Ничего такого его книга, въ сущности, не даетъ. Слово о ненастоящимъ художникѣ, пожалуй, неточно и безъ нужды жестоко. Г. Иванъ Новиковъ художникъ несомнѣнный, но

какъ-то прискорбно незаконченный; чего то небольшого и въ то же время очень важнаго не хватаетъ ему, чтобы вполнѣ овладѣть художественнымъ даромъ. Вотъ онъ далъ большое полотно съ десятками фигуръ, въ которыхъ хотѣлъ запечатлѣть жизнь цѣлой эпохи. Предъ нами долженъ явиться цѣликомъ русскій губернскій городъ лѣтъ десять тому назадъ—гимназистка и прокуроръ, босякъ и священникъ, пріѣзжій лекторъ и фабричный рабочій, начальница гимназіи и губернаторъ, горожане и помѣщики, купцы и крестьяне. Бытовое, конечно, только оболочка: содержаніе сосредоточено въ психическомъ, въ душахъ дѣтскихъ—и здѣсь, напримѣръ, темное половое броженіе, зарождающееся въ дѣвочкѣ, или душевный сумбуръ, приводящій мальчиковъ къ убійству *какого-нибудь* учителя, изображены убѣдительно и иногда съ захватывающей силой. Но въ этомъ роковой порокъ письма г. Новикова: положенія иногда захватываютъ въ его романѣ, фигуры—никогда. Разсудочно читатель готовъ принять и различныхъ членовъ семьи Орембовскихъ, и группирующихся вокругъ нихъ друзей, и нелѣпаго директора гимназіи, и чудовищнаго монаха-насильника Кондрата и многихъ другихъ, но никого изъ нихъ не ощущаетъ, никто не остается въ памяти какъ живая личность, какъ образъ, продолжающій въ душѣ читателя свое бытіе, ни съ кѣмъ не зарождается интимная связь. И не образы ихъ наводятъ на мысли—ихъ не видно,—не судьбы—въ нихъ не вѣришь,—а ихъ слова, слова автора. На словахъ этихъ мы не станемъ останавливаться: слишкомъ они малозначительны, слишкомъ мало открываютъ въ томъ, что пережито, и въ томъ, что предстоитъ пережить.

Юрій Слезкинъ Глупое сердце. Разсказы. Кн-во бывш. М. В. Попова. Петроградъ. Стр. 179. Ц. 1 р. 50 к.

Въ книжкѣ г. Слезкина наберется нѣсколько десятковъ драмъ и трагедій, столько же любовныхъ романовъ, столько же философскихъ поученій и т. д., и т. д. Однако отличительное свойство всего этого разнообразія и богатства—одно: на любой страницѣ, на любомъ словѣ безъ малѣйшаго сожалѣнія можно со всѣмъ этимъ разстаться и никогда болѣе къ прерванному не вернуться. Но, съ другой стороны можно и вернуться: сойти съ вагона (это вагонная литература) на перронъ, съѣсть пирожокъ и опять отдаться книжкѣ. Одно лишь представляется маловѣроятнымъ: возможность два раза прочесть какой-либо разсказъ изъ „Глупаго сердца“ г. Слезкина.

Г. Слезкинъ обычно, пишетъ явно подражая Тургеневу, но подражаетъ онъ не просто и открыто, а все больше прикидывается: любителемъ любовныхъ исторій въ Тургеневскомъ вкусѣ, стариннаго дворянскаго уклада жизни, старинныхъ нравовъ. Но какъ все это—чисто внѣшнее, надуманное, то и результаты получаются крайне неубѣдительные. Посмотрите, какъ г. Слезкинъ изображаетъ старину: „Домъ былъ очень великъ и сколько бы гостей ни

пріѣзжало къ старухѣ, всѣмъ находилось мѣсто, а во многія комнаты даже никто и не захаживалъ. Убранство нѣкоторыхъ изъ нихъ осталось прежнее, во вкусѣ восемнадцатаго столѣтія: стѣны были расписаны по штукатуркѣ или увѣшаны сверху до низу огромными темными картинами въ золоченыхъ рамахъ, среди которыхъ можно было найти весьма цѣнныя по достоинству живописи",—какъ слѣпо и сѣро звучитъ эта „словесность" безъ малѣйшаго намека на живой конкретный штрихъ, идущій отъ глаза наблюдателя-художника, влюбленнаго въ „натуру", а не отъ мемуарнаго штампа. И ясно видишь, что, кромѣ чернилъ, ничто авторомъ не потрачено на это описаніе; вполнѣ естественно, что и читатель потратитъ на „воспріятіе" этихъ картинокъ—нѣсколько минутъ времени—и ничего болѣе. А когда авторъ, ни мало не смущаясь, не чувствуя вздутости чувства, имъ руководящаго, пишетъ: „исторія этой несчастной женщины несложна и коротка, но каждый разъ я стыну отъ тоски и боли, когда вспоминаю о ней",—тогда невольно изумляешься размѣрамъ авторской безвкусицы. Впрочемъ,—быть можетъ, не столь ужь она искренна и, такъ сказать, безотносительна: все дѣло въ томъ, какого читателя имѣетъ въ виду авторъ (а онъ всегда его видитъ предъ собою, всегда для него старается). Быть можетъ, какъ разъ такого именно читателя, который съ разсѣянной улыбкой минутнаго любопытства и посматривая въ окно вагона, любитъ для пищеваренія читать исторіи, о какихъ принято писать, что безъ тоски и боли, отъ которыхъ авторъ якобы стынетъ, ихъ и вспомнить невозможно. Г. Слезкинъ нашелъ и, вѣроятно, найдетъ своего читателя, но это тотъ худшій читатель безъ вдохновенія, котораго всякій подлинный писатель-художникъ долженъ бояться, какъ огня.

Дневникъ Л. Н. Толстого. Подъ ред. В. Г. Черткова. Т. I. 1895—1899. Москва. 1916. Стр. XX+292. Ц. 1 р.

Въ предисловіи редакторъ сообщаетъ объ объемѣ и текстѣ подлежащаго опубликованію дневника. Такъ какъ въ рукахъ В. Г. Черткова находится не весь оригиналъ, часть имѣется только въ копіяхъ, а часть, хранящаяся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ (годы 1846—1863 и 1888—1900), пока недоступна для издателей, изданіе разсчитано на четыре тома и должно заключать дневникъ съ 1895 года до конца (1910).

Конечно, нѣтъ нужды распространяться о значеніи дневника. Страничка любого художественнаго произведенія Толстого была бы неизмѣримо цѣннѣе цѣлаго тома его дневника, еслибы здѣсь не было нѣкоторыхъ обстоятельствъ, осложняющихъ эту простую истину. Во-первыхъ, и художественныя страницы Толстого обогащаются содержаніемъ и смысломъ отъ его дневника; во-вторыхъ, и самъ онъ, какъ цѣлое, какъ личность, сталъ для насъ художественнымъ образомъ, а для углубленія въ этотъ образъ, для его со-

зданія и законченности драгоцѣнно каждое слово дневника. Въ основѣ дневникъ и художественныя произведенія Толстого даже какъ бы несоизмѣримы: тамъ литература, здѣсь подлинная жизнь, тамъ искусство, здѣсь предѣлы безыскусственности, тамъ для другихъ, здѣсь для себя. Но противоположеніе это падаетъ, разъ мы вошли въ потокъ непобѣдимаго и ни чѣмъ незамѣнимаго интереса къ самой личности писателя, разъ и его образы захватываютъ насъ постольку, поскольку они—частицы его души, разъ и Левинъ, и Нехлюдовъ, и Познышевъ важны для насъ не только сами по себѣ, но и какъ портреты Льва Николаевича Толстого, въ высшей степени односторонніе, но и въ высшей степени выразительные. Въ этомъ ощущеніи дневникъ—при всей относительной бѣдности его записей—захватываетъ: точно на мгновеніе разрывается непроницаемая оболочка, скрывающая отъ насъ затаеннѣйшія глубины чужой—и великой — души, и въ эти просвѣты мы видимъ ея интимнѣйшую жизнь, творческую и будничную, человѣческую и сверхъ-человѣческую.

При всемъ этомъ надо, однако, имѣть въ виду, что характера полной интимности дневникъ не имѣетъ, уже по нѣкоторымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Прежде всего—онъ не былъ дѣйствительной тайной для другихъ. „Вообще—записываетъ Толстой въ октябрѣ 1897 года—не знаю, отчего нѣтъ у меня того религіознаго чувства, которое было, когда прежде писалъ дневникъ ни для кого. То, что его читали и могутъ читать, губитъ это чувство. А чувство было драгоцѣнное и помогало мнѣ въ жизни. Начну сначала съ нынѣшняго, 14-го, числа писать опять по прежнему,—такъ, чтобы никто не читалъ при моей жизни“. Но, конечно, намѣренія и надежды эти оказались тщетными—и дневникъ въ дальнѣйшемъ писался также съ оглядкой. Нельзя также считать его вполнѣ оригиналомъ: въ извѣстной части онъ уже не черновикъ, а бѣловая, такъ какъ первыя записи Левъ Николаевичъ заносилъ въ записную книжечку (иногда въ настолько неясныхъ намекахъ, что и самъ потомъ не могъ разобрать ихъ смысла), а оттуда уже переносилъ ихъ въ дневникъ. Но, конечно, это было не механическое перенесеніе: работа мысли продолжалась, и свидѣтелями процесса этой работы дѣлаетъ насъ подчасъ дневникъ.

И не только работы мысли, но и работы чувства, работы совѣсти. Это самое цѣнное въ Дневникѣ Толстого и самое удивительное и въ то же время самое естественное впечатлѣніе, производимое имъ: ни секунды покоя, вѣчное движеніе, вѣчное безпокойство, вѣчный счетъ съ собой. Не трудно выхватить изъ Дневника съ виду скучныя, мертвыя, раціоналистическія разсужденія, элементарныя противорѣчія, неправильныя указанія на факты. Толстой утверждаетъ: „Какое бы облегченіе почувствовали всѣ, запертые въ концертѣ для слушанія Бетховена послѣднихъ сочиненій, если бы имъ заиграли трепака, чардашъ или тому подоб-

ное". Онъ не видитъ иной основы для морали, кромѣ теизма: „Jean Grave, „L'individu et la Societè", говоритъ, что революція только тогда будетъ плодотворна, когда l'individu будетъ воздержанъ, безкорыстенъ, добръ, готовъ къ помощи ближнему, не будетъ тщеславенъ, не будетъ осуждать другихъ, будетъ имѣть сознаніе своего достоинства, т. е. будетъ имѣть всѣ достоинства христіанина. Но какъ же онъ пріобрѣтетъ эти добродѣтели, зная, что онъ только случайное сцѣпленіе атомовъ? Всѣ добродѣтели эти возможны, естественны, даже невозможно отсутствіе ихъ при христіанскомъ міровоззрѣніи,—томъ, что мы сыны Бога, посланные дѣлать Его волю; но съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ добродѣтели эти несовмѣстимы". Такихъ—и еще менѣе основательныхъ—утвержденій не мало, но подъ ними и за ними—какое горѣніе, какое тяготѣніе къ истинѣ, какая жажда воплотить въ себѣ правду жизни. Что можно сказать противъ той или иной неправильной мысли этого человѣка, когда онъ самъ сплошь и рядомъ прерываетъ теченіе своихъ мыслей, чтобы сознаться: „запутался, не могу яснѣе выразить" или еще энергичнѣе: „вотъ такъ чепуха". Въ концѣ концовъ какъ мелки мы со своей правотой предъ величіемъ ошибокъ этого человѣка, который знаетъ одно: „дѣлай, тамъ видно будетъ, коли не годишься уже на работу, смѣнятъ, пошлютъ новаго, а тебя пошлютъ на другую. *Только бы все повышаться въ работѣ*". Въ высшія области человѣческаго бытія, человѣческой природы переноситъ Дневникъ Толстого. Именно потому, что здѣсь онъ весь со своими колебаніями, со своими слабостями и съ величіемъ своей громадной натуры, углубленіе въ его Дневникъ есть подлинное „касаніе мірамъ инымъ".

Стендаль (Генрихъ Бейль). **Красное и черное.** Хроника 1830 года. Пер. Анастасіи Чеботаревской. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва. 1915. Т. I. Стр. 363. Т. II. Стр. 385. Ц. За 2 тома 2 р. 50 к.

Очень жаль, что читатель не находитъ въ этомъ изданіи ни единой пояснительной строки ни объ авторѣ, ни о романѣ. Безъ поясненій человѣкъ неподготовленный далеко не все уразумѣетъ здѣсь. Анри Бейль принадлежалъ къ тому поколѣнію, отрочество котораго прошло въ эпоху великой революціи, а зрѣлость—при имперіи. Эпоха Реставраціи была для многихъ людей этого поколѣнія годиною унынія, апатіи; послѣ грандіозной эпопеи сокрушенія Европы Наполеономъ возвращеніе къ будничной прозѣ жизни казалось имъ осужденіемъ на прозябаніе. Стендаль не былъ революціонно-настроеннымъ человѣкомъ. Въ революціи ему больше всего нравилась ярая борьба съ католическою церковью, такъ же, какъ въ философіи XVIII вѣка ему тоже нравилась больше всего именно эта черта. Онъ не былъ и фанатикомъ бонапартизма, хотя колоссальная фигура императора и владѣла чуть не всю жизнь его воображеніемъ. Но ему въ обществѣ эпохи

Реставраціи были неопреодолимо противны двѣ черты: сверху клерикализмъ, а снизу мелкая буржуазная удовлетворенность и самодовольство. Онъ съ молодыхъ лѣтъ отвергалъ весь укладъ французской жизни, не любилъ французовъ вообще,—и больше чувствовалъ себя итальянцемъ (его мать была итальянскаго происхожденія).

Романъ „Красное и черное" рисуетъ общественный бытъ и нравы въ послѣдніе годы Реставраціи. Юный, умный и горячій честолюбецъ, сынъ крестьянина, Сорель сближается сначала съ провинціально-дворянскою семьею, потомъ съ семьею изъ высшей столичной аристократіи, увлекаетъ молодую аристократку и самъ ею увлекается всею душою, затѣмъ, когда его первая возлюбленная своимъ письмомъ къ отцу аристократки разрушаетъ надежды на бракъ и компрометируетъ его,—Сорель стрѣляетъ въ нее. Его судятъ—и казнятъ. На фонѣ сердечной драмы Сореля и двухъ женщинъ, любящихъ его, предъ читателемъ проходитъ любопытная среда провинціальнаго общества временъ Реставраціи; авторъ, затѣмъ, вводитъ читателя въ кругъ аристократическихъ заговорщиковъ противъ конституціи, въ прозрачномъ портретѣ выводитъ реакціоннаго министра Виллеля, отправляетъ своего героя въ качествѣ курьера съ секретнымъ порученіемъ къ князю Полиньяку въ Лондонъ, вводитъ эпизодическія, характерныя фигуры (вродѣ итальянскаго политическаго эмигранта и т. п.). Грустная исторія Сореля понемногу захватываетъ читателя и романъ читается до сихъ поръ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Это—лучшее беллетристическое произведеніе Стендаля. Историческое значеніе его для характеристики нравовъ, чувствъ, переживаній эпохи Реставраціи—несомнѣнно.

Въ свое время „Красное и черное" переводили Плещеевъ (въ „Отечеств. Запискахъ"), Чуйко (изд. Ледерле). Новый переводъ долженъ бы быть оправданъ своими качествами. Между тѣмъ онъ только удобочитаемъ, а о вниманіи г-жи Анастасіи Чеботаревской къ подлиннику и о ея знакомствѣ съ его языкомъ можно судить по такимъ примѣрамъ:

На стр. 13 читаемъ: „Извѣстно, г. священникъ, что у васъ 800 фунтовъ ренты". Въ подлинникѣ livres, что означало: ливры (=франки), а вовсе не „фунты", англійскую денежную единицу. На той же страницѣ: „Этотъ человѣкъ... и вправду либералъ...", а дальше почему-то оставлены безъ перевода характернѣйшія слова: il n'y en a que trop—„ихъ слишкомъ много". На стр. 18 столь же необоснованно оставлены безъ перевода слова l'inventeur du Palais-Royal, слѣдующія за именемъ Дюкре. На стр. 20: „въ первую голову", тогда какъ въ подлинникѣ *внезапно* (subitement). На стр. 33: „среди его новаго *увлеченія*",—въ подлинникѣ рѣчь идетъ о *благочестіи*, а не увлеченіи (au milieu de sa nouvelle piété..."). На стр. 30 совсѣмъ не понята мысль автора. Въ переводѣ мы

читаемъ: „Онъ разсудилъ, что было бы нелицемѣрно зайти въ церковь“, а въ подлинникѣ какъ разъ обратное: „Il jugea qu'il serait utile à son hypocrisie d'aller faire une station à l'église“, т. е. онъ разсудилъ, что для его лицемѣрныхъ цѣлей было бы полезно зайти въ церковь. Дальше вѣдь авторъ подробно останавливается на томъ, какъ его герой дошелъ до лицемѣрія, зачѣмъ оно ему было нужно и т. д.! На стр. 40:... „Жюльенъ весь затрепеталъ“..., а въ подлинникѣ:... Жюльенъ почувствовалъ всю прелесть (...Julien sentit tout le charme). На стр. 45: „Жюльенъ *откаталъ* всю страницу“. Въ подлинникѣ находимъ гораздо менѣе залихватское слово: Julien dit toute la page, сказалъ, (наизусть) всю страницу. На стр. 215: „Не воръ?.. нѣтъ, это только простофили не воруютъ“. Въ подлинникѣ,—ничего подобнаго: „Il ne vole pas... non, c'est pigeon qui vole!“—ироническая игра словъ (Онъ не ворует?.. нѣтъ, это голубь летаетъ!“),—основанная на омонимѣ voler (воровать и летать). На стр. 226: „г. де-Реналь самъ пришелъ къ мысли чрезвычайно тягостной...“ и пропущено слово, безъ котораго мѣняется весь смыслъ: financièrement, въ финансовомъ отношеніи. На стр. 336: „Бонапартъ, будь онъ проклятъ со всѣми его монархическими мошенничествами“... Въ подлинникѣ никакихъ мошенничествъ нѣтъ, а сказано: ses fripperies monarchiques. Слово fripperie означаетъ тряпки, отрепья, ветошь,—но ни въ коемъ случаѣ не „мошенничество“. Переводчица очевидно смѣшала fripperie съ friponnerie, хотя между этими двумя словами нѣтъ ни малѣйшей близости. Авторъ выражаетъ мысль, что Бонапартъ подновилъ ветошь монархическаго быта, и нѣсколькими строками выше прямо говорится, что „своими камергерами, своею пышностью... онъ только далъ второе изданіе всѣхъ монархическихъ глупостей“. На стр. 339: „въ спорахъ съ вами онъ способенъ на ребячества“. Въ подлинникѣ совсѣмъ другое: il luttera d'enfantillages avec vous, т. е.: „въ своихъ ребячествахъ онъ поспоритъ съ вами“. На стр. 356 съ изумленіемъ узнаемъ, что Меценатъ былъ „простымъ рыцаремъ“. Слово chevalier здѣсь нужно перевести словомъ *всадникъ*, выражается мысль, что Меценатъ принадлежалъ къ *всадническому сословію*; никакихъ „рыцарей“ въ Римѣ не было и въ поминѣ. На стр. 14: (II тома) „одинъ изъ шпіоновъ моего отца уѣхалъ“. Не всякій читатель пойметъ, что въ подлинникѣ говорится о шпіонѣ, *слѣдящемъ* за этимъ самымъ „отцомъ“, а вовсе не о шпіонѣ, состоящемъ на службѣ у „отца“. На стр. 22 (II): ...„управитель дома передалъ Жульену *около трети своихъ докладовъ*“. Въ подлинникѣ ничего даже отдаленно похожаго нѣтъ,—вотъ что тамъ говорится: „управитель дома выдалъ ему *третью четверть (годового) жалованья*“. (lui remit le troisième quartier de ses appointements),—ибо герой получалъ свое жалованье не ежемѣсячно, а по четвертямъ года. Вотъ и все! На стр. 50 (II):

„...это—годы счастья, говорятъ всѣ эти глупцы въ золотыхъ *галунахъ*". На самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ *о книжкахъ съ золотымъ обрѣзомъ!* (...disent tous ces nigauds à tranches dorées. Elle regardait huit ou dix volumes de poésies nouvelles и т. д.).

Многочисленные и подчасъ длинные эпиграфы надъ главами г-жа Чеботаревская осторожно оставила безъ перевода; при этомъ Шиллеръ и Лопе-де-Вега—для удобства читателя—цитируются по-французски.

На стр. 203 (II) знаменитый лордъ Брумъ названъ почему-то Брукгэмомъ, на стр. 217 (II) Дезэ названъ Дезексомъ.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ VII. Изд. Б. А. Лезина. Харьковъ. 1916. Стр. 261. Цѣна 1 р. 75 к.

Седьмой томъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества" носитъ еще подзаголовокъ: „Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг.: А. Горнфельда, Г. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре". Судя по этому подзаголовку, можно было бы подумать, что работы всѣхъ выше перечисленнныхъ авторовъ касаются проблемы творчества въ разныхъ областяхъ духа. Въ дѣйствительности же статья Е. Шульца „Организмъ, какъ творчество" представляетъ оправданіе извѣстной психологической теоріи жизни въ противовѣсъ матеріалистическимъ теоріямъ дарвинизма, менделизма и т. д., — Анри Пуанкаре въ своей рѣчи говоритъ о „Наукѣ и нравственности",—отрывокъ изъ „Никомаховой Этики" касается вопроса о блаженствѣ, доставляемомъ созерцательной дѣятельностью, а статья Зиммеля представляетъ переводъ первой главы его книжки Die Hauptprobleme der Philosophie и трактуетъ о сущности философіи. Все это, какъ легко видѣть, имѣетъ довольно далекое отношеніе къ вопросамъ теоріи творчества. Вообще разбираемое изданіе все болѣе и болѣе уклоняется отъ своей первоначальной задачи, превращаясь въ своеобразные альманахи, посвященные различнымъ общефилософскимъ, эстетическимъ, историко-литературнымъ и т. д. темамъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного. Но слѣдуетъ требовать, чтобы новый курсъ, принятый сборниками г. Лезина, проводился открыто, а не контрабандно, и чтобы подъ флагомъ „Статей по психологіи и теоріи художественнаго и т. д. творчества" не проходили вещи, не имѣющія ровно никакого отношенія къ этимъ вопросамъ.

Что касается содержанія новаго сборника, то П. Энгельмейеръ въ своей статьѣ „Эврологія, или всеобщая теорія творчества" не прибавилъ ничего новаго къ высказаннымъ имъ раньше и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, и на страницахъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества" взглядамъ. Въ изслѣдованіи Е. Шульца можно отличить двѣ стороны: во-первыхъ, опирающуюся на об-

ширный и спеціальный зоологическій матеріалъ теорію жизни и, во-вторыхъ, связанные съ этой теоріей общефилософскіе, „міровоззрительные"выводы. Этой двойственностью, можетъ быть, и вызвано то затрудненіе, о которомъ говоритъ въ началѣ своей статьи Е. Шульцъ: „Эти мои мысли рождались при изслѣдованіи спеціально зоологическаго матеріала, совершенно чуждаго филологамъ, и привели къ результатамъ, чуждымъ біологамъ". „Кто же будетъ моимъ читателемъ?"—спрашиваетъ въ недоумѣніи авторъ. Не знаемъ, что отвѣтятъ на этотъ вопросъ „зоологи" и „филологи", но думаемъ,—всѣ, интересующіеся общефилософскими проблемами, съ пользой прочтутъ работу г. Шульца — хотя бы даже они совершенно не приняли его воззрѣній. Г. Шульцъ—виталистъ, правда, довольно своеобразный. Въ витализмѣ онъ видитъ полезную, т. е. имѣющую эвритическое значеніе, фикцію. Съ такого рода витализмомъ, можетъ быть, легко бы примирились и сторонники матеріалистическаго міровоззрѣнія. Но, въ дѣйствительности, витализмъ у нашего автора является не просто только рабочей гипотезой. Психологическій подходъ къ явленіемъ жизни не представляетъ только эвристической уловки у г. Шульца, а есть неизбѣжный выводъ изъ его взгляда на жизнь. „Понимать что-нибудь живое, пишетъ онъ, значитъ понимать его психологически, какъ и понимать другого человѣка значитъ понимать его психологически". „Я глубоко убѣжденъ, читаемъ мы нѣсколько дальше, что чувства любви, ненависти, материнское чувство, боязнь, боль, память, ощущеніе, ассоціація, воля присущи всякой живой протаплазмѣ". Витализмъ такого рода, при которомъ всякой живой протоплазмѣ приписываются даже „материнскія чувства", не можетъ, конечно, быть простой фикціей. Съ своей виталистической точки зрѣнія г. Шульцъ разсматриваетъ явленіе образованія организмовъ по аналогіи съ поступками или дѣйствіями. Формообразованіе, говоритъ онъ, есть поступокъ или творчество; форма является результатомъ инстинктивныхъ дѣйствій и выраженіемъ безсознательнаго представленія. „Чѣмъ инымъ, какъ не представленіями, хотя и безсознательными, могутъ быть отвлеченныя математическія формы, направляющія ростъ животныхъ и растеній?" Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ г. Шульцъ привлекаетъ массу данныхъ изъ области зоологіи. Приводимые имъ факты сами по себѣ весьма интересны — интересны, между прочимъ, и какъ своего рода memento для слишкомъ упрощенныхъ и торопливыхъ объясненія механистическаго типа—но все же между ними и теоріей нашего автора связь довольно слабая. Да и теорія эта довольно туманная. Что собственно значатъ выраженія, вродѣ „организмъ, какъ творчество", „организмъ, какъ поступокъ", „организмъ—результатъ безсознательныхъ представленій"? Чье творчество, чей поступокъ, чье представленіе? Много удовлетворительнѣе уже въ этомъ отношеніи бергсо-

нова теорія объ élan vital, которою, повидимому, вдохновлялся г. Шульцъ. Въ заключительной главѣ своего очерка г. Шульцъ касается вопроса о вытекающей изъ его міровоззрѣнія этикѣ. „Я не могу, говоритъ онъ, отказаться отъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса, хотя многимъ ученымъ, привыкшимъ, по мѣткому выраженію Карпова, дѣлить міровоззрѣніе на столько частей, сколько существуетъ каѳедръ при университетѣ, это покажется неумѣстнымъ". Съ своей точки зрѣнія г. Шульцъ рѣзко критикуетъ этику дарвинизма и особенно такъ развивающееся за послѣднее время ученіе объ эвгенетикѣ. Этика, которая рисуется взору нашего автора, совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ Франциска Ассизскаго. Пропасть между природой и человѣкомъ, вырытая въ эпоху среднихъ вѣковъ, должна быть заполнена. Эта этика приводитъ къ тому же взгляду на міръ, которому учила индусская мудрость: tat twam asi—это ты.

Г. Райновъ—которымъ, повидимому, составленъ переводный отдѣлъ сборника—далъ философско-критическій этюдъ объ „Обрывѣ" Гончарова. Вѣрнѣе, этюдъ не объ „Обрывѣ", а по поводу „Обрыва". На примѣрѣ знаменитаго романа г. Райновъ анализируетъ понятіе художественнаго цѣлаго. Не останавливаясь передъ длиннѣйшими экскурсіями въ области философіи и физики, философъ-критикъ строитъ два основныхъ художественныхъ принципа, двѣ категоріи—категоріи „сопричастнаго сосуществованія" и „драматическаго взаимодѣйствія"—лежащіяся въ основу всякаго художественнаго произведенія и дѣлающія изъ него одно архитектоническое цѣлое. Художественное твореніе, по мнѣнію нашего автора, можетъ быть построено только по одному изъ этихъ принциповъ. Въ романѣ же Гончарова примѣнены оба — первый въ эпизодѣ съ Софьей, второй въ эпизодѣ съ Вѣрой. Чтобы склеить обѣ половинки романа, Гончаровъ ввелъ Райскаго, какъ участника обоихъ эпизодовъ, соединяющаго ихъ между собой, но внутренняго художественнаго противорѣчія романа этимъ все же не устранилъ. Г. Райновъ придаетъ большое значеніе своимъ двумъ художественнымъ принципамъ, но вѣра въ ихъ важность не передается читателю. Поэтому же трудно оцѣнить всѣ тѣ усилія, которыя употреблены ихъ творцомъ, чтобы тщательно отграничить ихъ отъ физическихъ категорій пространства и времени, послужившихъ здѣсь, очевидно, первообразами. Г. Райновъ не скупится на цитаты изъ Клаузіуса, Планка, Гельмгольца и пр., но все это „потерянныя усилія любви". Не надо такого аппарата учености, чтобы доказать, что развитіе явленій физическаго міра (характеризуемое у физиковъ понятіемъ энтропіи) есть нѣчто, отличное отъ развитія драматическаго дѣйствія. Міръ, конечно, не драма, разыгрываемая небожителями для собственнаго самоуслажденія. Г. Райновъ напрасно создаетъ себѣ самъ какія-то мнимыя трудности и мнимыя проблемы, надъ разрѣше-

ніемъ которыхъ и бьется затѣмъ на протяженіи большей части статьи.

Въ отдѣлѣ переводовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья Зиммеля, содержащая его своеобразную концепцію философіи.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ *А. Захарова.* Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ Москва. 1916. Стр. 346. Цѣна 1 р. 75 коп.

Второй томъ работы Ферреро захватываетъ исторію карьеры Цезаря отъ начала завоеванія Галліи до смерти. Ферреро выступаетъ здѣсь предъ читателемъ со всѣми своими достоинствами и недостатками. Главнымъ достоинствомъ слѣдуетъ признать оригинальную распланировку матеріала: въ то время, какъ обычно грандіозная эпопея завоеванія Галліи разсматривается совершенно отдѣльно отъ внутренней римской политики и послѣдовавшее затѣмъ выступленіе Цезаря противъ республики изображается какъ бы въ видѣ внезапнаго возвращенія завоевателя къ внутренно-политическимъ дѣламъ,—Ферреро, напротивъ, настаиваетъ на тѣсной зависимости, на постоянномъ взаимодѣйствіи, существовавшемъ между всѣми поворотами военнаго счастья въ Галліи и ходомъ сложныхъ политическихъ интригъ въ Римѣ въ 58—50 гг. до Р. Х. „Я предпочелъ—говоритъ авторъ—изучать это великое событіе (завоеваніе Галліи), помѣстившись, такъ сказать, въ центрѣ Рима и его политическихъ и финансовыхъ интересовъ, стараясь открыть отношенія, существовавшія между военными операціями, совершенными Цезаремъ, и внутренними событіями римской политики“.

Этотъ планъ привелъ къ очень интереснымъ результатамъ: читателю наглядно показывается, что только затяжная и неожиданно трудная борьба въ Галліи задержала на нѣсколько лѣтъ гибель республики отъ руки Цезаря и что очень многое также въ галльской политикѣ Цезаря было обусловлено перипетіями политическихъ интригъ, кипѣвшихъ въ Римѣ. Нельзя, впрочемъ, преувеличивать и оригинальности самой *мысли* (какъ склоненъ дѣлать авторъ, не страдающій излишнею скромностью). Вѣдь, напр., уже давно была высказана въ литературѣ гипотеза, что даже самые „Комментаріи о Галльской войнѣ“ были написаны Цезаремъ съ цѣлью оправдать себя въ глазахъ общества отъ многообразныхъ нареканій и претензій, высказывавшихся по поводу войны въ Галліи. Эту мысль повторяетъ и Ферреро, воздерживаясь отъ указанія на ея относительно почтенный возрастъ. Во всякомъ случаѣ, планъ, разъ намѣченный, проводится авторомъ до конца и проводится ярко и талантливо. Вторымъ достоинствомъ нужно признать свободный отъ традиціонныхъ условностей взглядъ на Цезаря, его личность, его политику. И тѣни

моммсеновскаго обожествленія Цезаря мы здѣсь не находимъ; авторъ очень доказательно отмѣчаетъ рядъ политическихъ дѣяній, которыя съ точки зрѣнія цѣлей самого Цезаря являлись рѣшительными ошибками. Онъ очень тонко анализируетъ часто скудный, исходящій иной разъ *только* отъ самого Цезаря, матеріалъ,—и дѣлаетъ неожиданные выводы; вниманіе читателя остается все время напряженнымъ, все время слѣдитъ за этою искусною перестановкою давно, казалось бы, знакомыхъ декорацій исторической трагедіи. Третьимъ достоинствомъ является живая, яркая, порою художественная, манера изложенія. Погоня Цезаря за Помпеемъ, гибель Помпея, заговоръ республиканцевъ, убійство Цезаря въ сенатѣ—все это страницы книги Ферреро, которыя хочется перечитывать.

Таковы положительныя стороны. Недостатки же все тѣ же, отмѣченные нами въ „*Русскихъ Запискахъ*" при разборѣ перваго тома: страсть къ парадоксамъ, погоня за эффектами, неумѣстная иногда модернизація въ характеристикахъ людей, положеній, событій, наконецъ, приличествующая Ѳукидиду, но неумѣстная у историка XX вѣка, страсть вдаваться въ психологическую реконструкцію мотивовъ даннаго лица, предположительно изображать душевный процессъ героя. Къ чему, напр., посвящать 1½ страницы (191—193) описанію предполагаемыхъ „мученій", которыя „долженъ былъ" испытывать Цезарь въ послѣдніе дни 50-го года, сидя въ Равеннѣ? Все это—неисторично, ненужно и отталкиваетъ серьезнаго читателя. Зачѣмъ говорить о „великомъ кризисѣ демократическаго имперіализма", не поясняя терминовъ и приводя для доказательствъ существованія этого „великаго кризиса" три-четыре разрозненныхъ факта? И развѣ хоть сколько-нибудь способствуетъ объясненію личности Цезаря предположеніе, что „въ наши дни онъ могъ бы быть великимъ промышленнымъ предпринимателемъ въ Соединенныхъ Штатахъ... великимъ ученымъ и писателемъ въ Европѣ"? Что это значитъ? Развѣ эти „психологическіе типы" (сѣверо-американскаго предпринимателя и „великаго" европейскаго писателя)—совпадаютъ? И при чемъ тутъ Цезарь?.. Но—за достоинства Ферреро ему можно простить недостатки, какъ бы досадны они ни были.

Переводъ, по прежнему, удовлетворителенъ. Но есть отдѣльныя неправильности и неточности. На стр. 28 читаемъ: „всѣ эти вызовы довели до отчаянія Помпея"... Въ подлинникѣ... finirent par exaspérer, т. е. раздражили, разгнѣвали, а вовсе не „довели до отчаянія" (обычная ошибка переводчиковъ!) На стр. 32: „по причинѣ его силы", — въ подлинникѣ: à cause de sa valeur, т. е. по причинѣ его храбрости. На стр. 35: „Милонъ набралъ банду гладіаторовъ и сикаріевъ"... Le sicaire значитъ наемный убійца, и неизвѣстно, почему это слово оставлено безъ перевода. Вѣдь слово это въ основѣ не латинское. На стр. 41 слово surme-

nage (переутомленіе) переведено словомъ „тревоги". На стр. 48: „объ этой молодежи можно судить"... пропущены вовсе слова, характеризующія эту молодежь:.. cette jeunesse dorée d'arrivistes,— т. е. золотая молодежь, карьеристы и т. д. На стр. 81: „начались свалки"... Въ подлинникѣ les menées, т. е. происки, интриги. На стр. 364 говорится о коммиссіи, которой поручено было „разыскать въ Италіи.. остатки общественнаго домена и земель, купленныхъ у частныхъ лицъ". Эти послѣднія слова не имѣютъ смысла. Въ подлинникѣ находимъ совсѣмъ другое: рѣчь идетъ о поискахъ земель, *которыя можно было бы купить у частныхъ лицъ* (...des terrains à acheter aux particuliers)!

Джемсъ Генри Брэстедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Т. I. Стр. 347. Т. II. Стр. 329. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію и 200 иллюстраціями и картами. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1915. Цѣна за оба тома 8 рублей.

Трудъ Брэстеда не на всемъ своемъ протяженіи можетъ быть названъ изслѣдованіемъ въ точномъ смыслѣ слова. Прошло то время, когда можно было въ двухъ, сравнительно не объемистыхъ томахъ дать полное изслѣдованіе всѣхъ источниковъ, касающихся древняго Египта, дѣлать полную исторію Египта предметомъ монографическаго изученія. Но эта книга даетъ прекрасную сводку, очень содержательную и вполнѣ самостоятельную, того, что узнала пока наука о многотысячелѣтней исторіи Египта; эта сводка покоится не только на знаніи литературы, но и на очень широкомъ знакомствѣ съ источниками.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ общаго введенія, продолжаетъ анализомъ религіи и общественнаго строя въ эпоху древняго царства, даетъ описаніе средняго царства („феодальнаго" періода), слѣдитъ за дальнѣйшими судьбами Египта при послѣднихъ династіяхъ и доводитъ изложеніе до гибели самостоятельности Египта подъ ударами персовъ. Первая *хронологическая* дата исторіи Египта (а вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи всего человѣчества) 4241 годъ до Р. Х., годъ введенія календаря; послѣдній годъ, на которомъ заканчивается изложеніе Брэстеда,—525 г. до Р. Х. (персидское завоеваніе).

Такимъ образомъ въ этихъ двухъ томахъ разсказана исторія 3700 лѣтъ слишкомъ,—исторія политическая, религіозная, экономическая... Конечно, читатель понимаетъ, что если ему захочется поглубже вникнуть въ ту или иную сторону жизни древняго Египта, то ему придется обратиться къ отдѣльнымъ крупнымъ монографіямъ: теперь и по исторіи египетской религіи, и по исторіи экономической, и по исторіи военно-политической существуетъ цѣлая библіотека. Очень жаль, что авторъ не далъ даже и самаго краткаго перечня этой литературы; переводчикъ не восполнилъ этого

досаднаго упущенія и ограничился лишь указаніемъ на очень небольшую *общую* литературу, притомъ имѣющуюся только на русскомъ языкѣ. Не менѣе досадно, что читатель не находитъ въ разбираемой работѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ характеристики постепеннаго развитія египтологіи, хотя бы только въ XIX вѣкѣ, хотя бы отъ Шампольіона! Это—большой пробѣлъ въ книгѣ, все же двухтомной и разсчитанной на культурнаго читателя. Объ этомъ обстоятельствѣ приходится въ особенности пожалѣть именно вслѣдствіе невѣжества широкаго русскаго общества касательно *исторіи науки* вообще.

Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ и читается безъ труда. Иллюстраціи обильны и выбраны съ большимъ знаніемъ дѣла. Воообще появленіе этой книги можно только привѣтствовать, хотя не совсѣмъ понятно, почему не была выбрана для перевода соотвѣтствующая часть труда Эдуарда Мейера, гораздо болѣе глубокаго и яркаго. Русское изданіе снабжено спеціальнымъ предисловіемъ автора. Брэстедъ (профессоръ въ Чикаго) пишетъ, между прочимъ: „Съ чувствомъ особеннаго удовольствія согласился я на просьбу переводчика и издателей выпустить мою „Исторію Египта“ на русскомъ языкѣ. Испытанное мною удовольствіе проистекало не только изъ чувства удовлетворенія автора по поводу того, что его трудъ находитъ себѣ болѣе широкій кругъ читателей, но также изъ того факта, что я давно уже чувствовалъ долгъ глубокой признательности предъ геніемъ русскаго народа за то, что я почерпнулъ и чѣмъ насладился въ русской литературѣ и русской музыкѣ“

Вл. Волжанинъ, В. Ф. Динзе и С. Д. Смирновъ. О національной школѣ. Сборникъ статей. Книгоизд. О. В. Богдановой. Стр. 127. Ц. 50 коп.

Трое отважныхъ молодыхъ людей безстрашно взялись проложить путь между Сциллой и Харибдой „офиціальной народности“ и „прѣснаго“ космополитизма и вернуть русскому обществу потерянный рай національнаго самосознанія. Они бросаются прямо въ огонь, не боясь „суровыхъ окликовъ и насмѣшливыхъ кивковъ въ сторону національной идеи“ и, не смотря на то, что война объявлена на два фронта, направляютъ главные свои удары на лѣвый фронтъ, противъ „революціонныхъ знаменъ“ и „классовой идеологіи“ русской интеллигенціи. Если вѣрить авторамъ, то наша школа находилась до сихъ поръ не подъ властью Деляновыхъ, Шварцевъ и Кассо, а подъ игомъ все той же „классовой идеологіи“, которая завладѣла всѣмъ ея духомъ и завладѣла всѣмъ нашимъ историческимъ преподаваніемъ. До того доѣла нашихъ авторовъ эта „классовая идеологія“, что одинъ изъ нихъ, г. Смирновъ, не стерпѣлъ и, во время своего путешествія по Германіи, забывъ о своемъ національномъ достоинствѣ, сталъ изливать

свою скорбь передъ директоромъ нѣмецкой гимназіи. „Я сказалъ ему, что у насъ въ преподаваніи почти отсутствуютъ біографіи, такъ какъ вниманіе обращаютъ больше на экономическія, соціальныя и политическія отношенія“ (это у Иловайскаго?) и проглотилъ отвѣтъ: „Иначе и не можетъ быть, у васъ не было великихъ людей; развѣ одинъ только Петръ“.

Столь величественно поднявшись надъ узкой классовой точкой зрѣнія и выставивъ лозунгъ національнаго единства, авторы не замѣчаютъ однако, что и интеллигенція не берется изъ воздуха, а является органической, составною частью народа, и что огульныя нападки на интеллигенцію народа обозначаютъ глубокое недовѣріе ко всему народному цѣлому. Съ интеллигенціей же наши авторы не церемонятся. „Наша растрепанная общественность“, люди безъ отечества и убѣжденій“, „нравственная распущенность нашей молодежи“,—эти и другіе эпитеты такъ и сыплются изъподъ ихъ пера. Русской общественности не довѣряютъ ни одной свободной мысли, ни одного самостоятельнаго порыва. Въ первые дни войны русское общество проявило „растерянность, разбродъ и шатаніе мнѣній, жадно устремленные взоры туда, все на тотъ же западъ; ждали, что скажутъ Гэдъ и Самба? Что скажутъ Вандервельдъ и даже Либкнехтъ? До засѣданія Думы 26 іюня никто не произнесъ твердо и просто словъ Бебеля: „врагъ напалъ на землю; бери ружье и иди“. Выходитъ, что и патріотическими декларацiями 26-го іюня мы обязаны тому, что за время отъ начала войны до 26 іюня интеллигенція успѣла развѣдать, что сказали Либкнехтъ и Гэдъ (не слишкомъ ли, впрочемъ, скоро, за одну недѣлю?) Дальше этого „отвращеніе и презрѣніе къ русской дѣйствительности“ не можетъ идти. И отсюда должны придти къ намъ лозунги патріотическаго подъема и національнаго возрожденія?

Впрочемъ, авторы не удовлетворяются полемикой съ русской интеллигенціей, а пытаются разсмотрѣть національный вопросъ sub specie aeternitatis. Здѣсь мы находимъ много красивыхъ фразъ о нравственномъ назначеніи націи, о высшихъ идеалахъ истины, добра и красоты, которые на свой ладъ стремится осуществить каждый народъ, о потребности русскаго народа „превратить свое эгоистическое сердце въ всескорбящее“ (Успенскій). Но если назначеніе націи заключается не въ утвержденіи ея голаго бытія, а въ осуществленіи высшихъ идеаловъ человѣчества, то очевидно, что и національное воспитаніе должно покоиться прежде всего на общихъ мiровыхъ идеалахъ человѣчества, на выработкѣ общаго идейнаго духа, стремленія приложить эти идеалы къ окружающей національной жизни. И, точно испугавшись возможности подобныхъ выводовъ, авторы спѣшатъ оговориться, что „большинство моральныхъ системъ, обязывая каждаго

человѣка нравственными велѣніями, ошибочно подводятъ его подъ общее понятіе человѣка". Неудивительно, что, когда рѣчь заходитъ о цѣляхъ нашего національнаго воспитанія, мы не находимъ ничего, кромѣ утвержденія все той же статики національнаго бытія, возстановленія національныхъ границъ, борьбы противъ иностраннаго засилья, ссылокъ на волгаря, который сумѣлъ же обойтись въ своемъ рѣчномъ дѣлѣ „безъ иностранныхъ выраженій".

Наряду съ матеріальной стороной національнаго воспитанія авторы признаютъ, правда, и формальную сторону: воспитаніе воли, трудовой выдержки, самодѣятельности и почина, „чтобы благіе порывы суждено было выполнить". Какъ же намъ предлагаютъ развивать эти самодѣятельность и починъ? „Дисциплина—вотъ основное, самое сильное здѣсь орудіе. Дисциплина—не та, однако, что сурово караетъ весь классъ за скверные поступки,—хотя и она должна быть, но та, что съ провинившимся бесѣдуетъ съ глазу на глазъ, уединенно". (И гдѣ это авторъ видѣлъ, чтобъ дисциплина „бесѣдовала?") „Карать", „подавлять", увѣщевать". Всюду носится, какъ единственная, животворящая сила, единоличная власть учителя, который можетъ карать и миловать, и проникать въ интимные изгибы дѣтской души! Гдѣ же тутъ развитіе почина, котораго такъ патетически требуютъ авторы, гдѣ подготовка къ самодѣятельности, къ коллективному творчеству, къ свободному гражданскому служенію?

Или, можетъ быть, этотъ починъ разовьется отъ того исторіографическаго coup d'état, который собираются совершить авторы, выбросивъ за бортъ описаніе общественныхъ процессовъ съ ихъ „историческимъ матеріализмомъ" и „общественнымъ фатализмомъ" и возстановивъ во всѣхъ правахъ біографическій матеріалъ? Конечно, никто не станетъ спорить противъ воспитательнаго значенія біографическаго матеріала, который можетъ вызвать въ ребенкѣ стремленіе къ подражанію высокимъ и героическимъ образцамъ. Но вѣдь и великая личность интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку она способствуетъ осуществленію великихъ коллективныхъ идеаловъ. И пониманіе общественныхъ процессовъ должно вызвать не общественный фатализмъ, а, наоборотъ, сознаніе отвѣтственности каждаго передъ общественнымъ цѣлымъ. Оно воспитываетъ сознаніе, что исторія является не продуктомъ отдѣльныхъ, выдающихся личностей, а продуктомъ всего населенія, что каждый человѣкъ, какое бы скромное мѣсто онъ ни занималъ, несетъ свою долю участія въ дѣятельности коллективнаго цѣлаго, свою долю отвѣтственности за его судьбы. Примѣръ великой личности вызываетъ подражаніе, но вѣдь недостаточно, чтобы ребенокъ хотѣлъ подражать, нужно, чтобы онъ, дѣйствительно, былъ въ силахъ подражать и, если

воспитаніе не укажетъ ему путей общественнаго служенія въ предѣлахъ его силъ и возможностей, то не окончится ли это подражаніе глубокимъ и тяжелымъ разочарованіемъ, недовѣріемъ къ собственнымъ силамъ, безнадежностью, бездѣятельностью и подавленностью духа? И настоящая война съ особенной наглядностью показала, что исходъ міровой борьбы зависитъ не столько отъ отдѣльныхъ, выдающихся личностей, сколько отъ силы коллективной отвѣтственности, отъ совокупной дѣятельности населенія, отъ скопленныхъ въ немъ знаній, опыта и труда, отъ того, насколько самый незначительный человѣкъ въ самомъ скромномъ дѣлѣ сумѣлъ приспособиться къ интересамъ цѣлаго и до конца оставаться на своемъ посту.

По общей судьбѣ всѣхъ нашихъ націоналистическихъ писаній авторы не могли обойтись и безъ того, чтобы не обратиться душею къ Германіи и не выставить передъ русскимъ обществомъ примѣра нѣмецкой школы, нѣмецкаго національнаго воспитанія нѣмецкаго національнаго и, главное, нѣмецкой соціалъ-демократіи, у которой любовь къ родинѣ и родному народу оказалась „выше всѣхъ классовыхъ интересовъ“. Здѣсь есть сложные вопросы, въ которыхъ не разбираются авторы. Но прежде всего они забываютъ, что, когда началась война, германскую соціалъ-демократію никто не травилъ, никто ея не лягалъ, а все германское общество обернулось къ ней съ ожиданіемъ и надеждой, съ благодарностью вспоминая о томъ гражданскомъ воспитаніи, которое она дала массамъ, о тѣхъ „классовыхъ“ достиженіяхъ, при помощи которыхъ она создала въ нѣмецкомъ народѣ сознаніе принадлежности къ германскому государству, чувство заинтересованности въ его охранѣ и защитѣ. Наши же авторы при первыхъ же кликахъ боя спѣшатъ отряхнуть съ своихъ ногъ прахъ освободительнаго движенія и съ ужасомъ вспоминаютъ о 1905 годѣ, который со своей соціальной враждой и злобой и „автономіей и областной политикой“ чуть не привелъ Россію къ краю гибели во время русско-японской войны. И послѣ этого эти люди, родства не помнящіе, говорятъ намъ объ „исторически-воспитанномъ глазомѣрѣ“ о „чутьѣ дѣйствительности“, о той „душевной стойкости, которая не можетъ быть воспитана легкомысленнымъ и непочтительнымъ отношеніемъ къ прошлому“. Не легкомысленно ли, дѣйствительно, въ дни тягчайшихъ національныхъ бѣдствій забрасывать пескомъ благороднѣйшій источникъ нашихъ гражданскихъ чувствъ и героическихъ стремленій? Можетъ быть, именно 1905 годъ и закалилъ тѣ силы, которыя въ настоящій моментъ явились надежнѣйшимъ оплотомъ нашихъ героическихъ стремленій; можетъ быть, въ организаціи нашего фронта и тыла проявилось бы больше гражданскаго мужества, самоотверженности и творческаго размаха, еслибы между 1905 и 1914 годами не протянулась тяже-

лая полоса реакціи, индивидуализма и общественнаго индифферентизма.

Вопросы національнаго воспитанія должны быть изучены и разработаны. Но строить національное воспитаніе внѣ высокихъ гуманитарныхъ идеаловъ, внѣ живой общественности, внѣ самодѣятельности и творческаго самопроявленія значитъ обрекать всю національную жизнь на худосочіе, безсиліе и духовное обнищаніе. Слишкомъ жалокъ идейный багажъ нашихъ авторовъ и слишкомъ безсодержательны ихъ громкія фразы.

Н. И. Кохановскій. Экономика и экономическій принципъ въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ. Владивостокъ. 1915. Стр. XVI+724+XXIII. Цѣна 5 руб.

Н. И. Кохановскій начинаетъ издалека—съ науки вообще, съ отдѣльныхъ отраслей культуры и съ наукъ о культурѣ; затѣмъ уже старается выяснитъ сущность матеріальной культуры, съ одной стороны, и духовной культуры, съ другой стороны, и отсюда переходитъ къ понятію и значенію хозяйства и къ наукѣ о хозяйственной жизни. Онъ отрицаетъ какъ изолированное, такъ и коммунистическое хозяйство и признаетъ единственно правильной соціально-хозяйственную точку зрѣнія. Понятія объективной причинности и закономѣрности, по мнѣнію автора, не приложимы къ соціальной жизни. Онъ примыкаетъ къ цѣлевой точкѣ зрѣнія; „оцѣнки являются основаніемъ цѣлевой обусловленности соціальной жизни“.

Въ дальнѣйшихъ главахъ идетъ подробный обзоръ различныхъ направленій въ области экономической науки. Авторъ „обратился—какъ говорится въ предисловіи—противъ коренного недостатка въ состояніи экономической науки, который правильнѣе всего усматривать въ чрезмѣрной разрозненности научныхъ воззрѣній и направленій“. Онъ поставилъ себѣ задачей „критическое изслѣдованіе“ отправныхъ проблемъ экономики, какъ онѣ вытекаютъ изъ самой жизни, и относящихся сюда элементовъ научныхъ теорій, которыя, очевидно, должны заключать въ себѣ элементы, пригодные и необходимые для построенія научной системы, менѣе произвольной и болѣе противостоящей одностороннимъ теченіямъ научной мысли“.

Авторъ подробно останавливается и на вопросѣ о частномъ и народномъ хозяйствѣ, разбираетъ новѣйшіе взгляды на особую науку о міровомъ хозяйствѣ, причемъ отвергаетъ какъ экономику въ качествѣ науки о частномъ хозяйствѣ, такъ и попытки создатъ науку о міровомъ хозяйствѣ. Онъ разбираетъ различныя схемы классификаціи періодовъ хозяйственной жизни и подвергаетъ ихъ критикѣ.

Глава четвертая посвящена опредѣленію понятія экономики и выясненію вопроса о соотношеніи между экономикой и правомъ, а также разбору ученій „соціальнаго матеріализма“; наконецъ,

въ послѣдней главѣ излагаются опредѣленія экономическаго принципа какъ у старыхъ, такъ и у новыхъ авторовъ и дѣлается попытка выяснить сущность экономическаго принципа.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на то, что онъ, „разумѣется, не имѣлъ въ виду представить систематическій обзоръ или сводку теоретико-экономической литературы"; „широко цитируя мнѣнія и доводы различныхъ ученыхъ, авторъ дѣлалъ это, чтобы создать средство контроля надъ собою и чтобы избѣжать легко вкрадывающихся неточностей въ пониманіи ихъ".

Дѣйствительно, г. Кохановскій широко цитируетъ „мнѣнія и доводы различныхъ ученыхъ", слишкомъ широко. Онъ цитируетъ цѣлые отдѣлы изъ сочиненій того или другого экономиста, цитируетъ на протяженіи многихъ и многихъ страницъ. Онъ цитируетъ нерѣдко безъ всякой системы, не отдавая себѣ отчета въ томъ, почему онъ удѣляетъ столько мѣста тому или другому писателю, не выясняя себѣ предварительно, чьи мнѣнія по данному вопросу представляютъ интересъ, отличаясь оригинальностью и ярко выражая тѣ или иныя положенія, и какія цитаты, напротивъ, являются лишь повтореніемъ уже ранѣе высказанныхъ взглядовъ и могутъ быть съ успѣхомъ пропущены. Онъ приводитъ не только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ разбираемой проблемѣ, но попутно и другіе взгляды и замѣчанія. Цитаты приводятся внѣ всякой исторической послѣдовательности, и авторъ в многихъ случаяхъ не старается даже выдѣлить сущность взглядовъ, довольствуясь пространнымъ переводомъ словъ.

Авторъ, несомнѣнно, затратилъ много труда на свою книгу; но трудъ этотъ заключался по преимуществу въ томъ, что онъ втеченіе многихъ лѣтъ дѣлалъ выписки изъ многочисленныхъ книгъ, располагая эти выписки по отдѣльнымъ рубрикамъ. Такими выписками, конечно, не трудно было заполнить книгу въ 750 страницъ, не трудно было составить и еще такой же томъ; послѣдній— какъ указываетъ авторъ— уже готовъ у него вчернѣ и посвященъ „двумъ группамъ основныхъ теоретическихъ понятій экономики: 1) потребность, благо, полезность; 2) трудъ, его организація и его производительность".

Что же касается собственной точки зрѣнія автора, то — по его указанію—„онъ не слѣдовалъ какой-либо опредѣленной научной школѣ и въ возрѣніяхъ экономистовъ и мыслителей старался найти главнымъ образомъ то приближеніе къ истинѣ, которое частью общѣе, частью индивидуальнѣе научныхъ школъ". Автору приходится въ данномъ случаѣ вѣрить на слово, ибо изъ книги его весьма трудно установить, какихъ взглядовъ онъ держится по тѣмъ или другимъ вопросамъ и какимъ путемъ онъ старался найти „приближеніе къ истинѣ".

Дѣлая обширнѣйшія выписки изъ другихъ экономистовъ, г. Кохановскій свои взгляды обыкновенно выражаетъ въ нѣсколь-

кихъ вводныхъ фразахъ и затѣмъ уже воздерживается отъ всякихъ замѣчаній, или же по поводу того или другого писателя, процитировавъ его на нѣсколькихъ страницахъ, высказываетъ свое согласіе или несогласіе съ изложеннымъ, не считая уже необходимымъ обосновать и развить свое положеніе. Оцѣнки его столь же кратки и рѣшительны, сколь произвольны и бездоказательны.

Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда г. Кохановскій считаетъ нужнымъ подробнѣе остановиться на данномъ вопросѣ и высказать свое мнѣніе, послѣднее выражено въ столь неясной и туманной формѣ, что читатель съ трудомъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что собственно хотѣлъ выразить авторъ. Такова, напр., попытка оцѣнки авторомъ теоріи Гильдебранда о періодахъ хозяйственнаго развитія; авторъ, примыкая къ этой теоріи, дѣлаетъ нѣкоторыя поправки къ ней. Но онъ тщетно пытается выразитъ свою мысль—она все же остается неясной для читателя.

Точно также въ главѣ объ экономическомъ принципѣ авторъ совершенно не уяснилъ себѣ того, что онъ имѣлъ въ виду доказать. Мало того, говоря объ экономическомъ принципѣ, онъ смѣшиваетъ здѣсь двѣ совершенно различныя вещи: то, что называютъ обыкновенно стремленіемъ къ достиженію наибольшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями, со свойственнымъ, по ученію классической школы, человѣку стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ или—какъ иногда это выражали—съ эгоизмомъ въ экономической жизни. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ, въ чемъ заключается особенность хозяйства, отличающая его отъ всякихъ иныхъ видовъ дѣятельности, тогда какъ во второмъ случаѣ возникаетъ проблема о томъ, чѣмъ руководствуется человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности, только ли стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ, или также и другими мотивами. Смѣшавъ то и другое, авторъ затѣмъ приводитъ безконечныя цитаты, изъ которыхъ однѣ относятся къ первому вопросу, другія—ко второму, самъ же онъ въ сущности, ни къ какому результату не приходитъ.

Книга Н. И. Кохановскаго облегчитъ, пожалуй, ознакомленіе съ литературой по нѣкоторымъ вопросамъ политической экономіи; но новаго она, конечно, не вноситъ ничего и никакого научнаго значенія—авторъ, повидимому, на него претендуетъ—имѣть не можетъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземпярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Екатерина Галати. Тайная жизнь. Стихотворенія. П. 1916. Ц. 1 р.

Разсказы по русской исторіи. П. ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. 3-е. „Задруга". М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.

Кн-во бывш. М. В. Попова. П. 1916—Борисъ Лазаревскій. Вѣчное. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.—Борисъ Садовскій. Адмиралтейская игла. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. журнала „Промышленная Россія". П. 1915.—Вып. 1-й Правда о русскихъ банкахъ. Ц. 50 к.

Н. Ф. Чужакъ. Сибирскіе поэты и ихъ творчество. Изд. 2-е. Иркутскъ. В. І-й Ц. 40 к.

Кн-во. „Жизнь и Знаніе" П. 1915—А. Коллонтай. Общество и материнство. І. Государственное страхованіе материнства Ц. 3 р. 50 к.—М. Горькій. Пожаръ и друг. разсказы. Т. XVI. Ц. 1 р. 50 к.—Его же. Сказки. Т. XVII. Ц. 1 р. 50 к.—Д. Айзманъ. Дѣти и др. разсказы Ц. 1 р. 25 к.—Ал. Атаевъ. Поэты юности: В. А. Жуковскій, М. Ю. Лермонтовъ, С. Я. Надсонъ. Ц 1 р. 75 к.—Его же. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Ц. 65. к.—Его же. Юноша-поэтъ. Жизнь и творчество С. Я. Надсона Ц. 50 к.

Книгоизд. І. А. Маевскаго. М. 1915.—Мюррей Бивенъ. Политика Австріи послѣ 1867 г. Ц. 10 к.—Двадцатипятиверстная карта Европы 1914 г. № 10. Литовско-Прибалтійскій районъ. Ц. 50к.

А. Нѣмовъ. Идея славянскаго возрожденія. М. 1915. Ц. 40 к.

С. Т. Лозинскій. Царствованіе Франца-Іосифа. П. 916. Ц. 1 р. 50 к.

Ник. Огановскій. Враги-ли русскому народу евреи. М. 1916. Ц. 12 к.

А. Кауфманъ. Сельско хозяйственный промыселъ въ Россіи. Самара. 1915. Ц. 45 к.

Борисъ Черный. Вторая тетрад разсказовъ. М. 1916. Ц. 25 к.

Танталъ. Пѣсни—пытки. П. 1915. Ц. 75 к.

А. Петровскій. Донскіе мотивы. Кіевъ. 1915. Ц. 15 к.

Иппол. Сѣриковъ. Эскизы. Сборникъ. Петропавлоскъ. 1915. Ц. 75 к.

Труды отдѣл. народнаго образованія. Нижегородской губ. земск. упр. Практическія занятія. Н. Новгородъ 1915.

Путь студенчества. Сборникъ статей. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во быв. М. В. Попова. П.—Влад. Воиновъ. Сильные духомъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50.—Р. Григорьевъ. На ущербѣ. Романъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.-В. Ирецкій. Суета. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—Дм. Крачковскій. Человѣческая весна. Разсказы Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Алексѣевъ. Бюджетное право французскаго парламента. П. 1915 г.

К. Лоцосъ. Елена Милана. Спб. 1913. Ц. 30 к.

Кн-во „Наука". М. 1916.—Ипполитъ Тэнъ. Путешествіе по Италіи. Перев. П. Перцова. Т. II. Ц. 2 р. 75 к.—Д. Дарскій. Маленькая трагедія. Пушкина. Ц. 75 к.—Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Т. III. Ч. 1-я. Ц. 2 р.—П. В. Кротковъ. Какъ опредѣлить минералы? Ц. 60 к.—И. В. Владиславлевъ. Что читать?. Съ пред. Н. А. Рубакина. Ц. 50 к.—Е. Н. Медынскій. Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника. 2-е изд. доп. и перер. Ц. 2 р.—Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школѣ. Сборникъ 1. П. ред. И. М. Катаева. Ц. 1 р. 75 к.

Эмиль Верхарнъ. Окровавленная Бельгія. Пер. Н. Конгевской. М. Ц. 1 р.

А. М. Евлаховъ. проф. Бюрократическая наука. Ростовъ-на Дону. 1915

П. Г. Мижуевъ. Сады-города въ Англіи. П. 1916. Ц. 5 р. 50 к.

Кириловскій ѣздъ 7061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ запамятныхъ. П. Ц. 1 р. 50 к.

А. Я. Курочкинъ. Изъ жизни растеній. В. 1-й. 5-е изд. Н. Новгородъ 1915 г. Ц. 25 к.

Рюрикъ Ивневъ. Самосожженіе. Стих. П. Ц. 35 к.

В. Дембовецкій. Тридцать столѣтій назадъ. 1916. Ц. 40 к.

Н. Михайловъ. Памяти профессора Ф. Ф. Эрисмана. М. 915.

Журналы Тверского губ. з. собранія за 1914 г. Тверь. 1915 г.

Дневникъ Льва Николаевича Толстого. I 1895-1899. М. 1916 Ц. 1 р.

С. А. Ананьинъ. Интересъ по ученію современной психологии и педагогики. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 50.

Изданіе журналовъ „Городское Дѣло" и „Земское Дѣло". П.—1916 г. Календарь-справочникъ городского дѣятеля. Ц. 1 р. 50 к.—1916 г. Календарь-справочникъ земского дѣятеля. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Востокъ". П. 1916—И. Канаи Польско-еврейскія отношенія. Сборникъ статей. Ц. 75 к.—Дешевая еврейская библіотека. № 10. Война. еврейство и Палестина Ц. 15 к. М. М. Марголинъ. Національное движеніе въ еврействѣ. 1881—1913 г. Ц. 40. к.

Н. Гумилевъ. Колчанъ. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Е. Аѳанасьевъ. Причины теперешней войны. П. 1916. Ц. 60 к.

Любовь Столица. Елена Дѣева. М. 1916. Ц. 1 р. 25.

С. А. Новосельскій. Смертность и продолжительность жизни въ Россіи. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Гастонъ Масперо. Египетъ. Изд. „Проблемы Эстетики". М. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

В. Чернышевъ. Правильность и чистота русской рѣчи. Изд. 3-е, сокращенное. П. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Земскій народный театръ и передвижная условная сцена. Ц. 20 к. Каталогъ пьесъ. Ц. 25 к. Изд. Оханскъ уѣздн. земской упр. Оханскъ. 1915.

Ежегодникъ Нижегородской губ. земск. упр. за 1913. г. Н. Новг. 1915.

В. С. Techинъ. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. П. 1915. Ц. 1 р.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002333